МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.Н. КОСЫГИНА
(ТЕХНОЛОГИИ. ДИЗАЙН. ИСКУССТВО)»

ИНСТИТУТ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

16+

Вестник славянских культур

Научный журнал

Издается с 2000 г.

Том 77
Сентябрь 2025

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–68467 от 27 января 2017 г.
ISSN 2073-9567

Журнал входит в перечень утвержденных ВАК РФ изданий
для публикации трудов соискателей ученых степеней

E-mail: vsk_gask@mail.ru
Сайт: www.vestnik-sk.ru

Москва
2025

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

A.N. KOSYGIN RUSSIAN STATE UNIVERSITY
(TECHNOLOGIES. DESIGN. ART)

THE INSTITUTE OF SLAVIC CULTURES

16+

VESTNIK SLAVIANSKIKH KULTUR [BULLETIN OF SLAVIC CULTURES]

Scientific journal

Published since 2000

Volume 77
September 2025

The journal is registered in Federal service on legislation observance in sphere of communication, information technologies and mass communications
The registration certificate ПИ № ФС77–68467 of January, 27, 2017

ISSN 2073-9567

The Bulletin is included in the list of the periodicals, the publications in which are accepted for the consideration by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation when defending the thesis for PhD and DSc degrees

E-mail: vsk_gask@mail.ru
www.vestnik-sk.ru

Moscow
2025

Вестник славянских культур. — 2025. — Т. 77. — 386 с.; ил. — ISSN 2073-9567

Главный редактор
О.А. Запека (РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия)
Заместитель главного редактора
О.А. Туфанова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)
Ответственный секретарь
К.К. Маслова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)
Редактор
М.В. Рудаков (РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия)
Д.А. Завельская (РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.Н. Громов (Институт философии, РАН, Москва, Россия), *С. Елушич* (Черногорский университет, Подгорица, Черногория), *И.И. Калиганов* (Институт славяноведения РАН Москва, Россия), *В.Ф. Козлов* (Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, Москва, Россия), *М. Костова-Панайотова* (Юго-западный университет им. Неофита Рыльского, Благоевград, Болгария), *К.В. Никифоров* (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия), *Г. Спак* (Университет INALKO — Институт восточных языков и восточных культур, Париж, Франция), *М.С. Киселева* (Институт философии, РАН, Москва, Россия), *М. Яхьяпур* (Тегеранский университет, Тегеран, Иран), *Е.Н. Ковтун* (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия), *А.К. Флорковская* (НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.И. Бажов (Институт философии, РАН, Москва, Россия), *В. Вилимек* (Философский факультет Остравского университета, Острава, Чешская Республика), *Х. Ковальска-Стус* (Ягеллонский университет, Краков, Польша), *А.К. Коненкова* (РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия), *М.А. Дударева* (РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия), *В.Н. Матонин* (Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия), *Г.П. Мельников* (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия), *Г.А. Пожидаева* (ВТУ им. М.С. Щепкина при ГАМТ России, Москва, Россия), *М.А. Пузина* (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия), *Т.И. Радомская* (РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия), *Е.В. Сальникова* (Государственный институт искусствознания, Москва, Россия), *С.С. Степанова* (Государственная Третьяковская галерея, Москва, Россия), *Н.В. Трофимова* (ФГБОУ ВО «МПГУ», Москва, Россия), *Е.С. Узенева* (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия), *А.В. Белов* (Институт российской истории РАН, Москва, Россия), *Е.В. Склизкова* (РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия)

Адрес редакции: 129337 г. Москва, Хибинский проезд, д. 6
Телефон: +7 (499) 188-72-01
E-mail: vsk_gask@mail.ru
Сайт: www.vestnik-sk.ru

Vestnik slavianskikh kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]. — 2025. — Volume 77. — 386 p.; il. — ISSN 2073-9567

Editor-in-Chief
Oksana A. Zapeka (A.N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia)
Deputy Editor-in-Chief
Olga A. Tufanova (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)
Managing Editor
Ksenia K. Maslova (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)
Editor
Mikhail V. Rudakov (A.N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia)
Darya A. Zaveljskaya (A.N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Mikhail N. Gromov (The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Sinisa Jelusic* (University of Montenegro, Podgorica, Montenegro), *Igor I. Kaliganov* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Vladimir F. Kozlov* (D.S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, Moscow, Russia), *Magdalena Kostova-Panayotova* (Neofit Rilski South-West University, Blagoevgrad, Bulgaria), *Konstantin V. Nikiforov* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Gaiane Spach* (University INALKO — The Institute of Eastern Languages and Cultures, Paris, France), *Marina S. Kiseleva* (The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Marzieh Yahyapour* (University of Tehran, Tehran, Iran), *Elena N. Kovtun* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Anna F. Florkovskaya* (Scientific Research Institute of Theory and History of Fine Arts, Russian Academy of Arts, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Sergey I. Bazhov (The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Vitezslav Vilimek* (Philosophical department, Ostrava University, Ostrava, Česká republika), *Hannah Kowalska-Stus* (Jagiellonian university, Krakow, Poland), *Alla K. Konenkova* (A.N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia), *Marianna A. Dudareva* (A.N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia), *Vasiliy N. Matonin* (Northern Arctic Federal University, Arkhangelsk, Russia), *Georgiy P. Melnikov* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Galina A. Pozhidaeva* (Schepkin Higher Theatre School (Institute) associated with the State Academic Maly Theatre, Moscow, Russia), *Maria A. Puzina* (V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Tat'iana I. Radomskaia* (A.N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia), *Ekaterina V. Salnikova* (The State Institute for Art Studies, Moscow Russia), *Svetlana S. Stepanova* (The State Tretyakov gallery, Moscow, Russia), *Nina V. Trofimova* (Moscow State University of Education (MSPU), Moscow, Russia), *Elena S. Uzeneva* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Aleksey V. Belov* (The Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Ekaterina V. Sklizkova* (A.N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia)

Address: Khibinsky proezd 6, Moscow 129337
Telephone: +7 (499) 188-72-01
E-mail: vsk_gask@mail.ru
Website: www.vestnik-sk.ru

© РГУ им. А.Н. Косыгина, 2025
© Вестник славянских культур, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история культуры

МАТОНИН В.Н., ПШЕНКО Р.А. Народная топонимика: названия рыболовных тоней Летнего и Зимнего берегов Белого моря в социокультурном пространстве Беломорья……9

ШАПИРО Б.Л. От текста к подтексту. Предметная деталь в рассказе А.П. Чехова «Душечка»……20

МУРАШОВА Н.С. Мир старообрядчества в современном русском изобразительном искусстве……33

БАЖОВ С.И. О ценностном измерении философии, субъективно ориентированной……45

РАДЬКО С.Г. Культурные универсалии в образах исторической памяти……68

НАУМОВА Ю.С. Интерьер кухни как пространство повседневности: культурно-семиотический аспект……85

АЛЬШЕВСКАЯ О.Н., ЗОРИНА С.Ю. Проект «Карта книжных магазинов России» как значимый фактор развития книготорговой инфраструктуры страны……102

ЧИНДИН И.В. О некоторых особенностях неомифологизма в русской художественной культуре 1950–2020 гг. (Даниил Андреев и Виктор Пелевин)……119

Филологические науки

ШАТЬКО Е.В., СТАРИКОВА Н.Н. «Наши придуманные истории взяты из жизни»: травма военного прошлого в романе Д. Янчара «Этой ночью я ее видел»……139

БОРОДИНА Н.А. Славянские фольклорные традиции в стихотворении «Алисафия» И.А. Бунина……151

ФРОЛОВ М.А. «Зрительный образ картины»: Николай Гудзий — научный консультант фильма «Война и мир» Сергея Бондарчука……162

ЖУРАВЛЕВА Н.С. Как отличить «исполинского слона» от «напуганного оленя»? (человек будущего в футурологической модели цивилизации И.Е. Ефремова)……174

СКОРОХОДОВ М.В. Последняя авторская воля? (размышления над версткой «Повести о жизни» К.Г. Паустовского 1968 года)……186

МАТВЕЕВА Ю.А. Образ А.С. Пушкина в автобиографической «Повести о жизни» К.Г. Паустовского (на материале книги первой «Далекие годы»)……207

КОРЖОВА И.Н. Метарефлексия в неопубликованных главах повести К.Г. Паустовского «Книга скитаний. (На медленном огне)»……217

ШОЛОХОВА А.С. «Повесть о жизни»: два перевода на английский язык……230

БОРИСОВА Д.М. Образ М.А. Булгакова в творчестве К.Г. Паустовского……241

Искусствоведение

САЛИМОВ А.М. Об архитектурных особенностях Спасо-Преображенского собора во Ржеве……255

БОДЭ А.Б., ЖИГАЛЬЦОВА Т.В. Архитектурный ансамбль Кожеозерского Богоявленского монастыря в XIX – начале XXI веков……275
ПРИСЛОНОВА Д.В., СИТНИКОВА Е.В. Роль купечества в формировании культовой архитектуры городов Красноярска и Ачинска……291
КУЗНЕЦОВ В.В. Иконописцы Старого Торжка……310
МИХАЙЛОВА С.И. Образ российской императрицы в портретах художника Николая Андреевича Кошелева……323
ШВЕЦ Э.Г., КОТОВСКАЯ М.Г. Репрезентация темы Революции 1905 года в отечественном изобразительном искусстве (посвящается 120-летию со дня начала Первой русской революции)……338
ПОРТНОВА Т.В. Стилистика и образы народных художественных промыслов в костюмах и хореографии танцевальных ансамблей России……351

Рецензии / Научная жизнь

НИКИТИН О.В. «Надо говорить по-русски». Рецензия на книгу: Ровнова О.Г. Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. 608 с……373

От редакции……374

CONTENTS

Theory and history of culture

MATONIN V.M., PSHENKO R.A. "Folk Toponymy: Fishing Grounds Names on the Summer and Winter Shores of the White Sea in the Socio-cultural Space of the Belomorye Region."……9
SHAPIRO B.L. "From Text to Subtext. Class and Social Subject Detail in A.P. Chekhov's Story 'The Darling (Dushechka)'."……20
MURASHOVA N.S. "The World of Old Belief in Contemporary Russian Fine Art."…33
BAZHOV S.I. "On the Value Dimension of Subject-oriented Philosophy."…45
RADKO S.G. "Cultural Universals in the Images of Historical Memory."……68
NAUMOVA Y.S. "Kitchen Interior as a Space of Everyday Life: Cultural-semiotic Aspect."……85
ALSHEVSKAYA O.N., ZORINA S.Y. "The 'Map of Russian Bookstores' Project as a Significant Factor in the Development of the Country's Bookselling Infrastructure."…102
CHINDIN I.V. "On Features of Neomythologism in Russian Art Culture of the 1950–2020s (Daniil Andreev and Victor Pelevin)."……119

Philological sciences

SHATKO E.V., STARIKOVA N.N. "'Our Invented Stories are from Real Life': The Trauma of the War Past in the Novel 'To noč sem jo videl' by D. Jančar."……139
BORODINA N.A. "Traditions of Slavic Folklore in the Poem 'Alisafia' by I.A. Bunin."……151
FROLOV M.A. "Visual Image of the Picture": Nikolay Gudziy — Scientific Consultant for the film 'War and Peace' by Sergey Bondarchuk."……162
ZHURAVLEVA N.S. "Verbalization of the Image of the Man of the Future in the 'Space' Novels by I.A. Efremov."……174
SKOROKHODOV M.V. "The Last Author's Will? (Reflections on the layout of K.G. Paustovsky's 'The Story of a Life' of 1968)."……186
MATVEEVA Yu.A. "The Image of A.S. Pushkin in Autobiographical 'The Story of a Life' by K.G. Paustovsky (on the Material of the First Book 'The Faraway years')…207
KORZHOVA I.N. "Meta-reflection in Unpublished Chapters of K.G. Paustovsky's Novel 'The Book of Wanderings. (On a Slow Fire)'."……217
SHOLOKHOVA A.S. "'Story of a Life'": Two Different Translations into English (1964)."……230
BORISOVA D.M. "Image of M.A. Bulgakov in the Work of K.G. Paustovsky."……241

History of Arts

SALIMOV A.M. "On Architectural Features of the Transfiguration Cathedral in Rzhev."……255
BODE A.B., ZHIGALTSOVA T.V. "Architectural Ensemble of the Kozheozersky Epiphany Monastery in the 19th – Early 20th Centuries."……275
PRISLONOVA D.V., SITNIKOVA E.V. "Role of Merchants in the Formation of Cult Architecture of the Cities of Krasnoyarsk and Achinsk."……291

KUZNETSOV V.V. “Icon-painters of Old Torzhok.”……310
MIKHAYALOVA S.I. “Image of the Russian Empress in Portraits of artist Nikolai A. Koshelev.”……323
SHVETS E.G., KOTOVSKAYA M.G., “Representation of the Theme of the Revolution of 1905 in the Russian Fine Arts (Dedicated to the 120th Anniversary of the Beginning of the First Russian Revolution).”……338
PORTNOVA T.V. “Stylistics and Images of Folk Arts and Crafts in Costumes and Choreography of Russian Dance Ensembles.”……351

Reviews / Scientific life

NIKITIN O.V. “We must Speak Russian”. Book Review: Rovnova O.G. Old Believers of South America: Essays on History, Culture, Language. Moscow, Izdatelskii dom YASK Publ., 2022.……373

Editorial note……292

Теория и история культуры
Theory and history of culture

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-9-19
УДК 81'373.21+341.221.25+398
ББК 63.529+ 82.3(2)
Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. В.Н. Матонин
г. Архангельск, Россия

© 2025 г. Р.А. Пшенко
г. Архангельск, Россия

НАРОДНАЯ ТОПОНИМИКА: НАЗВАНИЯ РЫБОЛОВНЫХ ТОНЕЙ ЛЕТНЕГО И ЗИМНЕГО БЕРЕГОВ БЕЛОГО МОРЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛОМОРЬЯ

Аннотация: Основным источником настоящего исследования служат материалы комплексных историко-этнографических экспедиций Товарищества северного мореходства 2010–2024 гг. на Летнем и Зимнем берегах Белого моря. В статье рассматривается социокультурное пространство Беломорья как система коммуникаций, включающая в себя локальные ландшафтные и топонимические характеристики территории. В соответствии с методикой П.Г. Богатырева, авторы придают особое значение общению с носителями традиции в привычной обстановке, их объяснению происхождения наименований в синхроническом состоянии этнографических фактов. С точки зрения респондентов, названия рыболовных тоней соответствуют внешним особенностям местности: состоянию *рёмжи* (так называли слияние ручьевин в протоку), контурам мыса, наличию речки, озера, деревянного креста, часовни, сувоя (так в море называются места, где встречаются течения), приметных камней, или указывают на имя первоначального владельца. Происхождение и значение наименований рыболовных тоней необходимо рассматривать по отношению к технологическим условиям морских промыслов. Особого внимания заслуживают приметы и поговорки. В народной топонимике прослеживаются историческая память поморов, технология традиционных рыболовных промыслов, опыт освоения природного ландшафта и взаимодействия с ним.

Ключевые слова: Рыболовные тони, народная топонимика, Зимний и Летний берега, Белое море, социокультурное пространство.

Информация об авторах:
Василий Николаевич Матонин — доктор культурологии, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, наб. Северной Двины, д. 17, 163002 г. Архангельск, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0830-5533
E-mail: matoninv@yandex.ru
Регина Алексеевна Пшенко — аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, наб. Северной Двины, д. 17, 163002 г. Архангельск, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-1353-5800
E-mail: pshenkoregina@gmail.com
Дата поступления статьи: 04.12.2024
Дата одобрения рецензентами: 11.04.2025
Дата публикации: 25.09.2025
Для цитирования: *Матонин В.Н., Пшенко Р.А.* Народная топонимика: названия рыболовных тоней Летнего и Зимнего берегов Белого моря в социокультурном пространстве Беломорья // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 9–19. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-9-19

Словесные маркеры организуют социокультурное пространство Беломорья. Изучение локальной народной топонимики рыболовных тоней позволяет на основе общения с носителями традиции в привычной для них обстановке реконструировать особенности традиционного промыслового уклада Летнего и Зимнего берегов Белого моря. Востребованная в данном исследовании методология П.Г. Богатырева опирается на функционально-структуральный подход, который акцентирует внимание на взаимосвязи элементов культуры, а также на их функции в рамках социальной системы [3]. П.Г. Богатырев подчеркивает важность синхронного метода для изучения явлений культуры в их актуальном состоянии. Такой подход позволяет исследовать народную топонимику, исходя из восприятия и интерпретации местных жителей, а также выявить функциональное значение топонимов в традиционном промысловом укладе. Важное методологическое значение для авторов статьи имеют научные труды, представленные в сборнике Калуцкова В.Н., Иванова А.А., Давыдовой Ю.А. и др. «Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье». Ученые анализируют типологию ландшафтно-топонимических процессов, этномифологическую организацию пространства [5].

Основным источником настоящего исследования служат отчеты комплексных историко-этнографических экспедиций Товарищества северного мореходства 2010–2024 гг. на Летнем и Зимнем берегах Белого моря. Авторы опираются также на фундаментальные труды и эмпирический материал, представленный в монографиях, книгах, научных статьях Н.И. Рождественской, К.П. Гемп, Т.А. Бернштам, Н.М. Теребихина, Н.В. Дранниковой, Е.Н. Новикова, Н.А. Окладникова, А.И. Анциферовой, П.А. Филина, С.В. Рапенковой, М.В. Калинина, Т.В. Жигальцовой. Значимой частью промысловой культуры Беломорья являются сохранившиеся рыболовные тони с комплексом построек, рыбацким и зверобойным снаряжением, музеефицируемые ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» и ФГБУ «Национальный парк «Онежское Поморье».

Берега Белого моря различны по ландшафту и природным особенностям: низменные, пологие, песчаные, глинистые, каменистые, обрывистые. К ним примыкают многочисленные острова («Наше Белое морюшко островито, прислону в ём много» [4, с. 30]). У одиннадцати берегов Белого моря есть свои названия, зафиксированные в лоциях и картах: на востоке — Канинский, Конушинский, Абрамовский, Зимний; на юге — Летний, Онежский, Лямицкий; на западе — Поморский, Карельский, Кандалакшский; на северо-западе и севере — Терский [4, с. 18]. Всюду были свои орудия лова и про-

мысловые традиции. Солеварение, зверобойка (охота на морского зверя) и рыболовство требовали развития многочисленных ремесел: судостроения, сетевязания, плотницкого и кузнечного дела. До секуляризации 1764 г. на Летнем берегу находились вотчины Соловецкого Дома Спаса и Николы с усольями и рыболовными тонями. По данным писцовой книги 1563 г. Соловецкий монастырь имел только в Золотицкой тоне 46 из 54 участков [12, с. 165]. Из рыбных промыслов в XV–XVII вв. преобладал вылов семги. С XVIII в. появляются сведения о промысле сельди. Сельдь ловили также в Унской губе. Данные о промысле кумжи встречаются в документах с начала XVIII в. Помимо Соловецкого монастыря, рыбными промыслами на Онежском полуострове занимались Кожеозерский, Александро-Ошевенский, Николо-Карельский, Антониево-Сийский, Пертоминский, Яреньгский и даже Троице-Сергиевский монастыри, но больше всего рыболовных тоней было у Соловецкого монастыря. В отдельных случаях монастыри отдавали семужьи тони местным крестьянам за плату. После секуляризации рыболовные тони стали государственными. В XVIII–XIX вв. Соловецкий монастырь брал тони «на оброк» [6, с. 330]. Крестьяне также брали тони на оброк у государства и жеребьевкой распределяли их между собой. Поморы нанимались работать на семужьи тони. Жители Золотицы, Пушлахты, Дураково, Лямцы, Пурнемы трудились на Большом Соловецком острове в Реболде, промышляя нерпу и белуху. До закрытия Соловецкого монастыря в 1920 г. сохранялись тесные хозяйственно-экономические связи Соловецкого монастыря с жителями Онежского полуострова.

Прибрежным ловом занимались в течение всего года. В конце весны (в мае) начинали ловить селедку. С июня распределялись по тоням и ловили семгу до ледостава, одновременно ловили камбалу, треску, ревяка. В октябре начинался лов наваги в Унской губе, который продолжался до весны, после наваги шла сайка. Для лова ставили неводы, тайники, рюжи.

Благосостояние жителей прибрежных районов Белого моря во многом зависело от рыболовства. Вся прибрежная полоса была разделена на участки. По словам Т.А. Бернштам, «промысел настолько распространен, что весь берег от Яреньги до Пурнемы «усеян» избушками — семужьими, «тоньскими», все курные, расположенными одна от другой на расстоянии около версты» [2, т. 28, с. 78].

Традиция деления прибрежной полосы на промысловые участки складывалась под влиянием географических, социальных и экономических факторов. Первые упоминания традиционной системы деления относят к XV–XVI вв. Наименования рыболовных тоней и распределение береговых участков зафиксированы в документах о купле-продаже, дарении, разделе, вкладах в монастыри [1, с. 81]. «Сидение» на тоне занимало несколько месяцев (с мая по октябрь) и требовало хозяйственной инфраструктуры: промысловой избушки («тоньская изба»); строения для хранения снастей и продуктов (амбар); приспособления для просушивания сетей (вешала); погреба для хранения продуктов (ледника). Рыболовная тоня могла включать в себя конюшню и огород. Морские промыслы были опасны, поэтому на тонях промышленники нередко воздвигали поклонные кресты или ставили часовни [7, с. 168]. По словам **Пирожникова Евлампия Ивановича** (1936 г. р., д. Лопшеньга), «крест раньше у каждой тони стоял»[1]. Если тоня располагалась далеко от деревни, промышленники брали с собой домашний скот. Иногда на тонях «сидели» с детьми [7, с. 169; 1, с. 98].

Катализатором деградации традиционного промыслового уклада стали Первая мировая война (1914–1918) и Гражданская война (1918–1920). В 1930-х гг. все про-

[1] ПМА: Пирожников.

мысловые участки были национализированы и приписаны к рыболовецким колхозам. Как убедительно показывает А.И. Анциферова, в послевоенные годы наиболее продуктивные тони преобразуются в рыбстаны на большее количество рыбаков с возможностью их длительного проживания вдали от дома [1, с. 83]. В конце 1950-х гг. мелкие рыболовецкие колхозы соединяли в крупные хозяйственные образования [1, с. 83]. Это был процесс аналогичный созданию совхозов в земледельческих районах Архангельской области, когда в «неперспективных деревнях» закрывались магазины и школы, а колхозники вынуждены были переселяться в села, где были рабочие места и гарантированные жизненные блага. В настоящее время на Летнем и Зимнем берегах большинство когда-то многолюдных деревень зимой пустуют, превращаясь в дачные поселки. Численность населения имеет отрицательную динамику. Так, в д. Летняя Золотица в 2002 г. проживало 186 человек [13], в 2010 г. — 158 человек [8], а в 2025 г. — 102 человека [9]. В 2023 г. на Летнем берегу рыболовецкий колхоз Имени Калинина из двадцати пяти тоней использовал только три: Турку, Никольскую и Браницу. Колхоз получает квоту на вылов рыбы в Баренцевом море и имеет свои траулеры, которые базируются в Мурманске. Добыча тюленей, которая была на Зимнем берегу важнейшим экономическим ресурсом региона, запрещена в 2009 г. по инициативе природоохранных организаций [11].

Сведения о наименовании рыболовных тоней получены нами от **Пирожникова Евлампия Ивановича** (д. Лопшеньга, 1936 г. р.):

— Как здесь тони называются?

— В сторону Летнего Наволока, если от села считать: Никольская, Турка, Гнидино, Тотьманга, Говейка, Лодейная, Воронья, Кулачиха, Площиха, Василистово, Сарайский ру́чей, Межа, Спасская, Зацепино и Банево, и все — наши тони закончились. В сторону Яреньги: Никольская, Лудушка. Вот Залудье идет, а в Лудушке от корги яма такая: глубокая, песчаная, очень хорошо сиг ловится. Большая Сярта и дальше пошли яреньгские тони. От Большой Сярты через реку с полкилометра тоня Крестова́я — там почту меняли.

— Там крест раньше стоял?

— Крест раньше у каждой тони стоял. На Зацепино года два назад крест стоял. Батюшку хоть и выслали, а деревенские каждый праздник «служили». Вот Петр Степанович был, он в Гражданскую ногу потерял, каждый праздник служил на дому. В церкви сначала клуб был, потом мы там учились, 3–4-й класс[2].

Майзеров Николай Михайлович (д. Лопшеньга, 1969 г. р.), мастер-лодочник, пояснил происхождение наименования отдельных рыболовных тоней:

— Сиська, Турка, Солдат… Ну, Солдат — он глубокий потому, что тайник ставился. Потом Бараниха. Это вот именно тони, куда невода ставились. Одних тут у нас Баранами звали, вот по их прозвищу и тоню назвали. Они Барановы, а их Баранами ругали. Или вот кличка есть — Федя Ягушка, то есть овца. Бараниха, потом Гнидино, потом Спорница. Спорница, потому что спорили там из-за этой тони. Потом Говейка, потом Лодейная. Я на Лодейной ловлю. На Лодейной часовня была, заросла, шестиугольная. На некоторых тонях ставили часовни. Батька-то тоже на этих тонях сидел почти на всех. После Лодейной дальше Воронья, Нова, Кулачиха, Площиха, Василистово, Сараиха, Люленьга, Осиповка, потом Спаська. Там склад был рыбозавозки. Потому что с дальних тонь далеко было рыбу носить до склада, который в деревне. Потом Зацепино. Сети там цеплялись. Потом Корга́ и потом последняя наша тоня́ — Банево, двадцать три километра. Навстречу нам идут Летне-Наволоцкие тони. Сорок километров между деревнями было, вот двадцать три километра наши, а дальше уже Летнего Наволока. И почту также передавали: оттуда конь идет и отсюда, там по середке встречаются.

[2] ПМА: Пирожников.

В сторону Яреньги тоже делится пополам — до Большой Сярты. И вот от Большой Сярты в нашу сторону. А там, дальше от Большой Сярты Крестова́я — уже яреньгская тоня. А колхоз один.

При царе Горохе с яреньжанином поздороваться — грех на душу взять… Даже церкви разные были.

— *Не дружили?*

— Не дружили — мягко сказано. Это конкретно было. При колхозе был уже сделан в Яреньге постоялый двор. Там уже останавливались. Раньше Яреньгу проезжали — вообще не останавливались. Я даже еще застал. Колхоз один, а кто лучшие места себе займет на тонях. Не дрались, а вот как-то перехитрить, урвать больше себе, больше заработать.

— *От Яреньги к Лопшеньге какие тони были?*

— Сярта, Лудушка, Песчанка, Наволочна, Никольска, Туртуршиха, Голодеиха (река Голодеиха).

— *А какие еще тони по рекам названы?*

— Сярта Большая и Малая. При Советском Союзе стали строить здесь электростанцию, реку Голодеиху загробили, а мы с Павлом Григорьевичем Поздеевым плотину восстановили и реку по старому руслу пустили. Она глубже стала, озеро поднялось[3].

Сведения о наименовании рыболовных тоней уточнила **Петрова Пелагея Александровна** (д. Лопшеньга, 1934 г. р.):

— А нынче у нас только три тони: Никольска, Гнидино да Турка. Остальные государству отдали.

— *А как остальные тони назывались?*

— Воронья, Сярта… Около Пертоминска — Подорожная, Косторезинский (?) Завал, Сеицкий Завал (река Сеица есть), Бабья (там стреж, на навагу рюжи выставляли, река Бабья), Маймина, Вежомско, Корга, Под Волóком, — это все колхозные тони были. Ра́нешны названия, старинны.

— *А Луда почему называется Лудой?*

— Река Луда, Лудские озера, там три вверху. Уна немного старше нашей деревни. Там раньше соль добывали. У Горбов на болоте были соляные колодцы, пять колодцев. Соль гнали, на реке стоял склад[4].

Названия промысловых участков формировались под влиянием природных, географических, исторических факторов. Топонимика фиксирует принадлежность тоней той или иной крестьянской семье, характер местности (приметные объекты, реки, ручьи); насколько уловистый промысловый участок; глубину моря, расположение по отношению к островам (лудам или коргам).

Происхождение наименования рыболовных тоней Летнего берега аналогично происхождению наименований сенокосов (пожен). Об этом рассказал **Попов Валентин Семенович** (д. Уна, 1936 г. р.):

— *Какие Вы пожни местные знаете? Как они назывались?*

— Я могу все назвать, которые здесь были. Курейка, Лапа, Мундорово, Бабьерецкое, Кошка, Трестяно, Крестово, Кекус, Косторихино, Чайкин, Подсейцкое, Боец, Кутихино. А здесь вот поля все косились. Рожь да ячмень на ровном месте сеяли. Курейка — это река. Лапа — круглая, как лапа, наверное. Мундорово — тоже не пойму, почему. Там соленые озерки кругом. Бабьерецкое — Бабья река выходит. Кошка. Это мыс, он вдается в губу. Там оплавно на чебары, островки небольшие. Оплавно́ — потому что заливало иной раз, и сено-то уплывало. Чайкин Мыс — с другой стороны губы. Там чайки весной по берегам гнезда делали. Подсейцкое. Сейца река там выходит. Две еще реки: Большая Сейца и Малая Сейца. Они впадают в губу напротив Бойца, с той стороны. На каждой пожне избушки строили. На Крестово крест раньше был. Там речка

[3] ПМА: Майзеров.

[4] ПМА: Петрова.

Кайбасовка выходит в губу. Трестяно, наверное, оттого, что треста растет. Это высокая морская трава — треста. Она кругом всех губ по берегам растет. Кéкус тоже был рядом. Есть Малый Кекус и Большой Кекус. Почему — не знаю. До революции эти названия были даны. Косторихино не знаю, почему называется. Там был приемный пункт Рыбкоопа. На Косторихине был срублен большой склад. Рыбу принимали. А там уже дальше лудские пойдут участки. Маймино. Это уже против Луды. Почему так называется, не знаю. Тоже есть Крестово. Под крестом ставили невод. Раньше полностью весь берег заставлялся. По всему берегу рюжи стояли. На завале все забивали рюжами. Приезжали ловить из Пурнемы, с Тамицы. В 1967-ом году последний раз, наверно, были.

— *А какие тони Вы знаете?*

— У нас-то Погорелка была под Пертоминском-то. Не могу вспомнить. Была тоня Сосновка.

— *А почему называлась Сосновка?*

— Сосновый бор тут рядом, наверно.

— *А почему Погорелка?*

— Пожара, может, и не было. Очень разбойна тоня была. Сети выбросит — погорели опять, если убрать не успели! Морской ветер, штормяга, вместе с гундерами выбрасывает всю снасть на берег[5].

Происхождение и значение наименований рыболовных тоней необходимо рассматривать по отношению к технологическим условиям морских промыслов.

Майзеров Николай Михайлович рассказал:

— Рыбу (семгу) надо кротилкой скротить: стукнуть так, чтобы ничего не повредить, чтобы был первый сорт. Коротилка — особый инструмент, использовавшийся для быстрого умертвления рыбы и морского зверя. Ну, допустим, мылица от старого весла (ручка у весла называется «мылица»). Не только рыбу кротят, но и нерпу, когда она в юнду попадает. Юнда — это сеть, у которой ячея на 140 мм. Юнда ставилась как сетка от берега. Их несколько ставились крючками, как елочка. Нерпа туда заходит — в этот крюк попадает. Утром приехал на карбасе, приподнял сеть. Нерпа — она ведь кусается, иногда заяц морской попадает — большой зверь. Его тоже надо скротить, кротилом по носу попасть. В нос попал — ты убил его. В карбас завалил — и также шкуру потом снимаешь. Тонь десять эти юнды ставили. Каждая тоня́ по 30–40 нерп забивала[6].

О том, насколько важно было сохранить внешний вид свежевыловленной рыбы и не повредить чешую семги, рассказал **Калистратов Анатолий Яковлевич** (родился в д. Кянда, с 1948 г. живет в п. Пертоминск, 1934 г. р.):

— Ловили селедку, навагу (осенью и зимой), камбалу. Осенью семга идет. Как поймаем, так на себе несем. Клес — чешую — нельзя было повредить. Второго и третьего сорта не шла семга, а первый сорт стоила по 7 рублей за килограмм. Важно еще, чтобы жабры не побелели. Неводной промысел сюда с Каспия пришел, когда в 30-ом году сюда стали переселенцев вывозить. До неводов ловили рюжами. Ставили рюжи и в губе, и у моря, и зимой, и летом[7].

Особого внимания заслуживают приметы и поговорки. **Майзеров Николай Михайлович** рассказывал:

— Если чайка на воде, как уточки на пруду, — погоды не будет. А если чайка «колокольню вьет», то это перед штормом. Вся чайка в воде, ветер с берега, — погоды не будет. Если на горизонт смотришь, а там море стену держит (стена из тумана), — позитура прилетит, то есть шторм будет. По барашку ветер и погоду не определишь. Вот у нас сейчас юго-запад, отдорина, а в Летней Золотице сейчас шторм. Потому что у них сейчас ветер как раз с моря. Для нас плох полуночник — северо-восточный ветер, и «побережник» — северо-западный. «Обедник» дует

[5] ПМА: Попов.

[6] ПМА: Майзеров.

[7] ПМА: Калистратов.

с Унской Губы, просто «накашивает», но шторма не будет. Отдорина — ветер с берега, последнего ревяка от берега отдерет, рыбы не будет. Дождь на море — не погода. Говорят: «Солнце красно поутру — моряку не по нутру. Солнце красно к вечеру — моряку бояться нечего»[8].

Основой благосостояния жителей Зимнего берега Белого моря были промысел тюленя и семги. Климатические условия Зимнего берега более суровы, нежели на Летнем берегу. Проплешины снега на Зимнем берегу лежат до конца июня, что и определило его название. О происхождении наименования местных семужных тоней между селами Койдой и Майдой сохранились сведения, записанные Н.И. Рождественской от жителя Койды **Малыгина Артемия Васильевича** (1872 г. р.):

— Дровяная, потому что оттуда брали лес на дрова, когда ишо заводов лесопильных не было, в старо-то время. Набивало много леса в Дровяные Ручьи, с моря приносило, и с кореньями: падает о реки́, вешней водой берега подмывает. Воронов — тундра: черные навесы о берег были; теперь-то их осыпало, год от году море много земли смывает. Малая Кедовка и Большая Кедовка — двум речкам название. Прорывы — может быть, от того, что тут не всегда хорошо промышляли, не было удачи. Послонка — у речки маленькой того же названия. Половинная тоня — на средине между Майдой и Кедами. Толстый Нос — высокая гора, к самому морю вышла. Корабельная — видимо, когда-нибудь выкинуло корабль парусный. Подсопка — под самой сопкой тоня. Майдица — тоже по маленькой речке название. Олений Нос — оленей пасли раньше ненцы. Чебурай — высокая одиночная сопка: песчаная, круглая. Орел — какие-нибудь люди в прежно время орла убили [10, с. 32].

Современный житель села Пески **Третьяков Владимир Иванович** (д. Важицы, 1942 г. р.) всю жизнь занимался добычей морского зверя и семги. Он не только перечислил местные промысловые участки, но и объяснил происхождение их названий:

— Подозериха находится неподалеку от озера. Инцы — это «Иисус Назарянин Царь Иудейский». Подсувой — там сувой находится. Это тоня села Инцы. Хабари́ха. Чья-то личная тоня была. Сейчас принадлежит колхозу «Прилив». Спенская — от слова Успенье. Отхожая… Отхожая — никуда не гожая. Колья выбивает, семга не попадает. Овьеличное. Не знаю, почему так называется. База — там, возле озера, аэропорт был в войну. Подкрасное — там есть озеро Подркасное. Подозериха — там есть малые озерки. Турачкин. Тура́чками раньше называли катушки с нитками. Там ворота стояли, похожие на катушки. Большая Лазица — есть речка Лазица. Малая Лазица — Большая и Малая Лазица находились по разные стороны реки Лазицы. Глубокое — из озера с обрыва в яму уходит ручей. Зеленое — там есть зеленый ручеек. Двойное — избушка стоит между рекой Нагры и ручьем, реку иногда называли Двойная. Кошка — на той стороне реки Мегры есть песчаный нос (мыс), такие мысы кошками называют. Подмошное — находится рядом с озером Подмошным. Там мха много. Дальше идут Майдинские тони[9].

О Майдинских тонях, принадлежащий селу Майда, рассказала **Малыгина Зинаида Ивановна** (с. Койда, 1940 г. р.). Она перечислила их названия: Малая Послонка, Большая Послонка, Половинная, Майдица, Орел, Чебурай. Объяснить происхождение названия Зинаида Ивановна как жительница Койды смогла только у одной майдинской тони: Половинная — потому что находится на половинном расстоянии между тонями. Койдинские тони ей известны лучше:

— Юроватая — от слова «юрок»; разделанные туши морского зверя (сало со шкурой) промышленники соединяли в юрки с помощью ремней и крючьев. Юрки привязывали к корме зверобойной лодки (семерика, пятерика или тройника). Юрок не тонул в воде и сплавлялся за лодкой. Дровяные — в ручьях была запань, ее прорывало, лес уносило в море и на берег

[8] ПМА: Майзеров.

[9] ПМА: Третьяков.

выкидывало много дров. Мелехово. Мелеховы — мезенская фамилия. Должно быть, тоней этой владели Мелеховы. Воронов — название тони происходит от названия мыса Воронов. Опасное место. Там две воды встречаются. Немнюжское — есть село под названием Курья-Койда около речки Немнюга. Там чудь жила, у озера Немнюжское. Рация — тоню так назвали потому, наверное, что рядом стояла морская воинская часть. Малая Кедовка — есть речка Малая Кедовка. Большая Кедовка — есть речка Большая Кедовка…[10].

Следовательно, наименование рыболовных тоней соответствуют внешним особенностям *рёмжи* (так называли слияние ручьевин в протоку), названию мыса, внешним приметам, аббревиатуре на приметном кресте (ИНЦЫ), наличию сувоя (так в море называются места, где встречаются течения). В народной топонимике прослеживаются историческая память поморов, опыт освоения природного ландшафта, технология традиционных рыболовных промыслов.

Экспедиционные материалы:

1 Материалы комплексных историко-этнографических экспедиций Товарищества северного мореходства 2010–2024 гг. на Летнем и Зимнем берегах Белого моря.

2 ПМА: Полевые материалы: информант Пирожников Евлампий Иванович (д. Лопшеньга, 1936 г. р.); Майзеров Николай Михайлович (д. Лопшеньга, 1969 г. р.); Петрова Пелагея Александровна (д. Лопшеньга, 1934 г. р.); Попов Валентин Семенович (д. Уна, 1936 г. р.); Третьяков Владимир Иванович (д. Важицы, 1942 г. р.); Калистратов Анатолий Яковлевич (п. Пертоминск, 1934 г. р.); Малыгина Зинаида Ивановна (с. Койда, 1940 г. р.).

Список литературы

Исследования

3 *Анциферова А.И.* Тони как характерный элемент традиционного культурного ландшафта Летнего берега Белого моря. Результаты обследования прибрежных промысловых участков в 2023 году // Кенозерские чтения — 2023. Ландшафт человека: исследования Русского Севера на перекрестке наук: сб. мат. XI Всерос. научн.-практич. конф. 2023. Архангельск: Изд-во Национального парка «Кенозерский», 2024. С. 81–87.

4 *Бернштам Т.А.* Рыболовство на Русском Севере во второй половине XIX – начале XX в. (по коллекциям и архивным материалам этнографических музеев Ленинграда) // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской Академии наук (МАЭ РАН). Л.: Наука, 1972. С. 62–98.

5 *Богатырев П.Г.* Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы)/сост., вступ. ст., подгот. текстов, коммент. С.П. Сорокиной. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 288 с.

6 *Гемп К.П.* Сказ о Беломорье. М.; Соловецкие острова; ТСМ, 2021. 303 с.

7 *Калуцков В.Н., Иванов А.А., Давыдова Ю.Ф., Фадеева Л.В., Родионов Е.А.* Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. М.: ФМБК, 1998. 136 с.

8 *Филин П.А.* «Варзужская служба» Соловецкого монастыря в XVII–XVIII веках по документам Российского Государственного Архива древних актов // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: Мат. XII Всерос. конф.

[10] ПМА: Малыгина.

«Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: Проблемы изучения и издания», посв. памяти В.В. Крестинина, Архангельск, 19–23 июня 2001 г./Отв. ред. Г. В. Демчук. Архангельск, 2002. С. 328–334.

9 *Филин П.А., Фризин Н.Н.* Крест в промысловой культуре поморов Русского Севера // Ставрографический сборник. М.: Изд-во Моск. Патриархии; Древлехранилище, 2001. Кн. 1. С. 166–198.

Источники

10 Архангельскстат. URL: http://arhangelskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/arhangelskstat/resources/2edc58004f857ef7ae20af9b972d8349/%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C.doc (дата обращения: 01.12.2024).

11 Население деревни Летняя Золотица Приморского района Архангельской области, численность в 2025 и 2024 // BDEX. URL: https://bdex.ru/naselenie/arhangelskaya-oblast/n/primorskiy/letnyaya-zolotica/(дата обращения: 01.12.2024).

12 О рыбаках, морских зверобоях и охотниках: Народные сказы, сказки, песни и частушки, пословицы/сост. Н.И. Рождественская. Архангельск: Архангельское областное книжное изд-во, 1952. 188 с.

13 Охота на детенышей тюленя в России полностью запрещена - МПР // РИА Новости, 18.03.2009. URL: https://ria.ru/20090318/165263293.html (дата обращения: 01.12.2024).

14 Писцовые книги Обонежской Пятины: 1496 и 1563 гг./под общ. ред. М.Н. Покровского. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. Вып. 1 (Материалы по истории Карельской АССР). 268 с.

15 ФГБУ ГМЦ Росстата. URL: http://std.gmcrosstata.ru/webapi/opendatabase?id=vpn2002 (дата обращения: 01.12.2024).

***

© 2025. Vasily N. Matonin,
Arkhangelsk, Russia

© 2025. Regina A. Pshenko,
Arkhangelsk, Russia

FOLK TOPONYMY: FISHING GROUNDS NAMES ON THE SUMMER AND WINTER SHORES OF THE WHITE SEA IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE BELOMORYE REGION

Abstract: The primary sources for this study are materials from comprehensive historical and ethnographic expeditions conducted by the Society for Northern Seafaring from 2010 to 2024 along the Summer and Winter shores of the White Sea. The paper examines the sociocultural space of the Belomorye region as a communication system which incorporates the local landscape and toponymic characteristics of the territory. Following the methodology of P.G. Bogatyrev, the authors place particular emphasis on engaging

with tradition bearers in their customary environment and on their own explanations of the origins of place names, viewed synchronously through ethnographic evidence. According to respondents, the names of fishing grounds correspond to the external features of the area: the state of a "romzha" (a term for the confluence of streamlets forming a channel), the contours of a cape, the presence of a river, lake, wooden cross, chapel, "suvoy" (a sea term for areas where currents meet), distinctive rocks, or they may refer to the name of the original owner. The origins and meanings of these place names must be considered in relation to the technological conditions of marine fishing practices. Particular attention is paid to signs and sayings. Folk toponymy reflects the historical memory of the Pomors, the technology of traditional fishing practices and their experience in mastering and interacting with the natural landscape.

Keywords: Fishing Grounds, Folk Toponymy, Winter and Summer Shores, White Sea, Socio-cultural Space.

Information about the authors: Vasily N. Matonin — DSc in Culturology, Professor, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Severnaya Dvina Emb., 17, 163002 Arkhangelsk, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org//0000-0002-0830-5533
E-mail: matoninv@yandex.ru
Regina A. Pshenko — Graduate Student, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Severnaya Dvina Emb., 17, 163002 Arkhangelsk, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-1353-5800
E-mail: pshenkoregina@gmail.com

Received: December 4, 2024
Approved after reviewing: April 11, 2025
Date of publication: September 25, 2025
For citation: Matonin, V.M., Pshenko, R.A. "Folk Toponymy: Fishing Grounds Names on the Summer and Winter Shores of the White Sea in the Socio-cultural Space of the Belomorye Region." *Vestnik slavianskikh kul''tur*, vol. 77, 2025, pp. 9–19. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-9-19

References

1 Antsiferova, A.I. "Toni kak kharakternyi element traditsionnogo kul''turnogo landshafta Letnego berega Belogo moria. Rezul''taty obsledovaniia pribrezhnykh promyslovykh uchastkov v 2023 godu" ["Fishing Station as a Characteristic Element of the Traditional Cultural Landscape of the Summer Coast of the White Sea. Results of a Survey of Coastal Fishing Areas in 2023"]. *Kenozerskie chteniia — 2023. Landshaft cheloveka: issledovaniia Russkogo Severa na perekrestke nauk: sbornik materialov XI Vserossiiskoi nauchno prakticheskoi konferentsii* [*Kenozero Readings — 2023. The Human Landscape: Research on the Russian North at the Crossroads of Sciences: Proceedings of the 11th All-Russian Scientific and Practical Conference*]. 2023. Arkhangel''sk, Natsional''nyi park "Kenozerskii" Publ., 2024, pp. 81–87. (In Russ.)

2 Bernshtam, T.A. "Rybolovstvo na Russkom Severe vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (po kollektsiiam i arkhivnym materialam etnograficheskikh muzeev Leningrada)" ["Fishing in the Russian North in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (based on Collections and Archival Materials of the Ethnographic Museums of Leningrad)"]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo*

Rossiyskoy Akademii nauk (MAE RAN) [*Collected Volume of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (MAE RAS)*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, pp. 62–98. (In Russ.)

3 Bogatyrev, P.G. *Funkcional''no-struktural''noe izuchenie fol''klora (Maloizvestnye i neopublikovannye raboty)* [*Functional-structural Study of Folklore (Little-known and Unpublished Works)*], comp., *introd*., text prep., *comm*. S.P. Sorokinoi. Moscow, IWL RAS Publ., 2006. 288 p. (In Russ.)

4 Gemp, K.P. *Skaz o Belomor''e* [*The Tale of the White Sea*]. Moscow; Solovetskie ostrova, TSM Publ., 2021. 303 p. (In Russ.)

5 Kaluckov, V.N., Ivanov, A.A., Davydova, Yu.F., Fadeeva, L.V., Rodionov, E.A. *Kul''turnyi landshaft Russkogo Severa: Pinezh''e, Pomor''e* [*Cultural Landscape of the Russian North: Pinega, Pomorie*]. Moscow, FMBC Publ., 1998. 136 p. (In Russ.)

6 Filin, P.A. "Varzuzhskaya sluzhba" Soloveczkogo monasty"rya v XVII–XVIII vekax po dokumentam Rossijskogo Gosudarstvennogo Arxiva drevnix aktov ["The "Varzuzhsky service" of the Solovetsky Monastery in the XVII–XVIII centuries according to the documents of Russian State Archive of Ancient Acts"]. *Massovy''e istochniki istorii i kul''tury'' Rossii XVI–XX vv.: Mat. XII Vseros. konf. "Pisczovy''e knigi i drugie massovy''e istochniki istorii i kul''tury'' Rossii XVI–XX vv.: Problemy'' izucheniya i izdaniya", posv. pamyati V.V. Krestinina, Arxangel''sk, 19–23 iyunya 2001 g*. [Mass sources of the Russia history and culture of the XVI–XX centuries: Problems of study and publication], Arkhangel"sk, 2002, pp. 328–334. (In Russ.)

7 Filin, P.A., Frizin, N.N. "Krest v promyslovoi kul"ture pomorov Russkogo Severa" ["The Cross in the Industrial Culture of the Pomors of the Russian North"]. *Stavrograficheskii sbornik* [*Staurographical Collection*], book 1. Moscow, Moscow Patriarchate Publ., Drevlekhranilishche, 2001, pp. 166–198. (In Russ.)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-20-32
УДК 008:316.7
ББК 71.1
Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Б.Л. Шапиро
г. Москва, Россия

ОТ ТЕКСТА К ПОДТЕКСТУ. СОСЛОВНО-СОЦИАЛЬНАЯ ПРЕДМЕТНАЯ ДЕТАЛЬ В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «ДУШЕЧКА»

Аннотация: Известно, что в произведениях А.П. Чехова нет случайных или ненужных деталей, существующих вне авторского художественно-образного мира. Высокая смысловая нагрузка предметной детали характерна для русской литературы перелома XIX–XX вв. вообще, но именно чеховский текст, насыщенный «говорящими» подробностями, предельно далек от формального бытописания. Особенно характерны в этом отношении произведения А.П. Чехова, относящиеся к позднему периоду (1895–1904). На примере одного из поздних чеховских рассказов («Душечка», 1898) продемонстрировано, каким образом выявление подтекста, выраженного в предметной детали, приводит к углублению понимания смысла всего художественного текста. Вопрос изучается в тесной связи с культурно-историческим процессом. Основной метод исследования — постижение конкретного через абстрактное, предполагающее последовательный переход от общего знания к более полному и целостному в процессе реконструкции предполагаемой реальности. Итогом исследования стал воссозданный предметный чеховский мир — мир русской городской провинциальной культуры, отдельные проявления которой (в данном случае — прежде всего ее сословно-социальные контексты) вступают между собой в рассказах Чехова в заочный диалог, в очередной раз демонстрируя многоуровневую модель русской культуры.

Ключевые слова: Чехов, чеховиана, методология изучения культуры, городская культура, мещанская культура, дворянская культура, история материальной культуры.

Информация об авторе: Бэлла Львовна Шапиро — доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры кино и современного искусства Российского государственного гуманитарного университета, Миусская пл., д. 6, 125047 г. Москва, Россия; профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Школы-студии (института) им. Вл.И. Немировича-Данченко при Московском Художественном академическом театре им. А.П. Чехова, Тверская ул., д. 6, стр. 7, 125009 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5616-8898
E-mail: b.shapiro@mail.ru

Дата поступления статьи: 07.06.2024
Дата одобрения рецензентами: 31.03.2025
Дата публикации: 25.09.2025
Для цитирования: *Шапиро Б.Л.* От текста к подтексту. Предметная деталь в рассказе А.П. Чехова «Душечка» // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 20–32. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-20-32

Постановка проблемы. Литературное произведение как художественный концепт авторской индивидуальной картины мира изображает действительность в предметном мире как совокупности конкретных вещно-предметных форм, воплощенных в слове. Степень выразительности этих вещеориентированных форм различна «в прозе и поэзии, в литературе разных эпох, у писателей различных литературных направлений» [21, с. 94]. Предметный мир художественного слова в отечественной культурологической мысли (в отличие от филологии) все еще малоисследован; гораздо лучше, согласно сложившейся традиции, изучены повествование, сюжет и герой литературного произведения. Это неудивительно, если принять во внимания отсутствие даже «сколько-нибудь устоявшегося обозначения подобного обобщенного объекта. Его называют миром вещей, предметным миром, второй природой, предметной средой, материальной культурой <…> и т. п. <…> причем каждое из приведенных понятий имеет свои нюансы и свои более широкие смыслы» [10, с. 4]. Сложившаяся ситуация меняется мало, несмотря на давно сформулированное определение предметного мира (дано в литературной энциклопедии, опубликованной под грифом Института научной информации по общественным наукам РАН в 2001 г. [30]).

Особняком в отношении данных научных вопросов стоят произведения А.П. Чехова, как наиболее сложные для исследования вообще, в силу своих новаторских качеств, а также и по другим причинам, которые уже неоднократно обсуждались чеховедами [17, с. 204]. Сказанное справедливо и в отношении целостного анализа всего художественного мира писателя, и в отношении анализа одного только лишь его предметного мира. Высокая смысловая нагрузка предметной детали характерна для русской литературы перелома XIX–XX вв. вообще (и для русской прозы в целом, начиная с Н.В. Гоголя и его современников; в русской поэзии это явление сформировалось еще раньше, с В.А. Жуковского [30, с. 797]), но именно чеховский текст, насыщенный «говорящими» подробностями, предельно далек от формального бытописания.

Известно, что в произведениях Чехова нет случайных или ненужных деталей, существующих вне авторского художественно-образного мира. «Мысли автора <…> заняты совершенными мелочами», — меж тем, именно так отреагировали современники на чеховскую манеру перемежать мысли философского плана бытовыми рассуждениями [20, с. 159]. Однако именно Чехов возбудил общественный и профессиональный интерес к предметной детали, сделал ее «говорящей», способной заменить громоздкие описания, биографии и характеристики. Критиками была отмечена и значимость символического подтекста чеховского текста, и его своеобразная форма воплощения [8, с. 96], поскольку именно «в возможности одной-двумя черточками воссоздавать явление в его целостности и заключена сила детали» [6, с. 372]. Подобный авторский подход способствовал сокращению физического объема рассказа без потери его смыслового содержания.

Важно отметить, что художественный язык писателя значительно менялся вместе с развитием его творчества; особенно выразительна чеховская предметная деталь

позднего, третьего периода (1895–1903) [20, с. 88]. Именно в это время она перерастает узко прикладные цели: каждая новая фраза, новая «укрупненная» подробность, принимая на себя акцентированную роль, значительно проясняет личность героя [20, с. 142, 144]. Предметная детализация как авторский инструмент поднимается до уровня искусства извлекать из быта бытие. Деталь при этом гипертрофирована, но будто бы необязательна, случайна. Но так ли это?

Полемика (степень разработанности проблемы). Уже во второй половине XX в. сложился значительный массив трудов, посвященный особенностям предметной детали в произведениях А.П. Чехова. В его основе лежат фундаментальные исследования в этой области, прежде всего, А.П. Чудакова и В.И. Тюпы [19, 20, 21, 33]; они дополняются работами более частного характера [18]. Однако, как ни велики объем и значение уже проделанной чеховедческой работы, в отношении изучения предметной детали она не может быть признана завершенной. Это было верно замечено литературоведом Г.П. Бердниковым более полувека назад [1], но актуально и в наши дни.

Среди всего огромного массива современных чеховедческих исследований есть немало работ, посвященных анализу языка и стиля писателя, включая научно-справочные материалы [34, 37]. Но работ, которые обращаются к предметной детали чеховского рассказа, предметному тезаурусу (и, особенно, позднего рассказа) кратно меньше [7, 8]. Так, в уже упомянутой энциклопедической статье «Предметный мир» (2001), довольно обширной самой по себе, чеховской предметной детали отдано ровно три строчки; вопрос обсуждается лишь в контексте особого внимания писателя к социально-бытовой сфере [30, с. 796–797].

«Душечка» А.П. Чехова: историческая полемика и полемика в рамках построения современной теории предметной культуры. Обратимся к одному из самых художественно совершенных из поздних чеховских рассказов [5, с. 234] — к «Душечке», написанной в конце 1898 г. (впервые опубликована 03.01.1899). Рассказ представляет авторскую версию древнего аллегорического сюжета об Амуре и Психее, о боге любви и о человеческой душе [33, с. 60–61]. Неудивительно, что он принадлежит к числу наиболее активно читаемых и комментируемых произведений Чехова [12, с. 117].

Полемика вокруг «Душечки» развернулась сразу же после опубликования [33, с. 59, 125] и до сих пор не иссякла. Мнения о главной героине, чью судьбу назвали типично женской для эпохи [36, т. 10, с. 409], изначально были резко противоположны: восторженность соседствовала с критическим отношением, недоумением или непониманием [36, т. 10, с. 408–409]. Скептическую сторону представлял М. Горький, а также сподвижник Л.Н. Толстого — редактор и издатель И.И. Горбунов-Посадов [36, т. 10, с. 409–413]. Другую, восхищенную сторону, представлял И.А. Бунин и, особенно, Л.Н. Толстой, назвавший «Душечку» своим любимым чеховским рассказом и опубликовавший (впервые в сборнике «Круг чтения», 1905) к нему свое «Послесловие» [32]. «Душечка» также получила высокую оценку режиссера В.И. Немировича-Данченко, историка В.О. Ключевского и других профессоров Московского университета. И позже находились чеховеды, ставившие в центр своего исследовательского интереса главную героиню «Душечки» [12], эту «бедную маленькую Психею Цыганской Слободки, скитающуюся в поисках исчезнувшего Эрота» [5, с. 237].

Сегодня представляется необходимым еще одно обращение к этому рассказу, прежде всего для выявления новых аспектов осмысления. Это становится возможным, если мы сместим угол зрения с исторического подхода, предлагающего прежде

всего описание фактов, событий и их взаимосвязей, в сторону подхода культурологического — культурологической рефлексии, основным рабочим инструментом которой является интерпретация исторических фактов, событий и их взаимосвязей. Тем более, что современное состояние теории предметной культуры (термин введен философом М.А. Коськовым еще в 2004 г. [10, с. 5]) позволяет продемонстрировать, каким образом выявление подтекста, выраженного в предметной детали, приводит к углублению понимания смысла всего художественного текста.

Предметная деталь в «Душечке».

Предметное пространство: в уездном городе N. Как известно, к области предметной детализации сегодня относят собственно предмет (вещь), портрет и пространство их бытования. Чеховское пространство обыкновенно обозначают как «уездный город N». Но так ли это, когда речь пойдет о «Душечке»?

Самой характерной деталью, которая позволяет установить возможное место действия максимально точно, является наличие в городе, где живет Душечка—Оленька Племянникова, одновременно двух учебных заведений: мужской гимназии (где учится девятилетний сын ветеринара Саша) и женской прогимназии (где училась Оленька в свои детские годы). Городов, где в последние годы XIX в. имелись гимназии, было не так много. Число гимназий Министерства народного просвещения в России конца XIX в. было столь невелико, что список их, вместе со списком прогимназий, а также с указанием места расположения и стоимости обучения, включая стоимость обучения в приготовительном классе, умещался на полутора страницах печатного текста (данные приводятся на 1887 г. [4, с. 7–8]; но стоит отметить, что уже в начале XX в. положение изменилось в лучшую сторону). Частная гимназия в России в те годы считалась огромной редкостью: на 1892 г. во всей России их существовало лишь пять [13, с. 4].

Гимназии располагались в большинстве губернских городов (административных центрах губерний) и в немногих уездных городах; важно отметить, что наличие гимназии в уездном городе было скорее исключением, которое только подтверждало общее правило (см., например, елецкий образовательный феномен, явившийся следствием необыкновенного для уездного города количества образовательных учреждений). Волостные центры (села) располагали лишь церковно-приходскими, земскими, сельскими школами.

В контексте «Душечки» нас интересуют прежде всего гимназии юга Европейской части Российской империи, где цыгане составляли неотъемлемую часть городской культуры (дом Племянниковых стоял в Цыганской Слободке [36, т. 10, с. 103]). В этом регионе имелся лишь один уездный город, в 1880–1890 гг. располагавший и мужской гимназией, и женской прогимназией одновременно. Это Белгород [27, с. 50, 59]. Чехов бывал в Белгороде, хорошо знал его социокультурную специфику.

Но Белгород ли описан Чеховым? Оленька живет на окраине, в некотором отдалении от городского центра: «донесет ли ветер звон соборных колоколов», — замечает Чехов [36, т. 10, с. 110]. Тут же проходит городское стадо («по улице гнали городское стадо и весь двор наполнился облаками пыли» [36, т. 10, с. 110]), неподалеку располагался лесной склад. Однако в уездном городе дом «вашего высокоблагородия» коллежского асессора стоял бы не на городских задворках, а на одной из центральных улиц, или даже на главной улице — той, что вела к губернской столице. Расселение горожан имело выраженную профессиональную и социально-экономическую направленность, сложившуюся исторически.

Губернские города юга Европейской части Российской империи, имеющие и мужскую гимназию, и женскую прогимназию — это Курск и Воронеж [27, с. 19, 22; 28, с. 23, 27], удаленные друг от друга на 200 км. Оба города были хорошо известны Чехову, и оба города, помимо указанных учреждений образования, также имели упомянутые в чеховском рассказе:

местную прессу (тогда как уездный Белгород местной прессы не имел до 1902 г.; и в целом уездная пресса в России XIX в. была представлена весьма фрагментарно) [24, с. 443, 452, 471],

досуговые учреждения — городской цирк с театрами, стационарными и летними, клуб (дворянский клуб, который посещает ветеринар),

удобное железнодорожное сообщение с Москвой и Харьковом.

Оба города расположены в относительной близости и от Брянска (откуда раз в два года приезжала с визитом тетя Оленьки [36, т. 10, с. 103]), и от Могилевской губернии (куда регулярно ездил управляющий лесным складом Пустовалов [36, т. 10, с. 107]). Но только в г. Курске имелась (и имеется в настоящее время) реально существующая местность под названием Цыганский бугор — исторический район города, его юго-восточная окраина (предместье) на высоком правом берегу реки Кривец («на бугре»), отделенная от центральной части города Стрелецкой и Очаковской слободами и рекой Тускарь. Наиболее активно этот район развивался в конце XIX в., когда курская городская управа начала сдавать нарезанные усадебные места в аренду [23], о чем упоминает и Чехов:

> Город мало-помалу расширялся во все стороны; Цыганскую Слободку уже называли улицей, и там, где были сад «Тиволи» и лесные склады, выросли уже дома и образовался ряд переулков. Как быстро бежит время! [36, т. 10, с. 110].

Немаловажно, что Курская губерния во второй половине XIX – начале XX в. была типичным образцом русской провинции [3, с. 225]; по совокупности множества факторов можно предположить, что именно она послужила прообразом пространства, в которое Чехов поместил действие «Душечки».

Портретно-предметный мир «Душечки».

Коллежский асессор Семен Племянников. Переходя к анализу предметной детали, представленной в портретах действующих лиц, согласимся с мыслью, высказанной ранее чеховедом В.И. Тюпой: основополагающая характеристика главной героини рассказа — она дочь [33, с. 63]. «Оленька, дочь отставного коллежского асессора Племянникова, сидела у себя во дворе на крылечке…», — не случайно именно с этих слов начинается рассказ [36, т. 10, с. 102].

Со слов самого Чехова об отце Оленьки мы знаем немного. Семен Племянников — отставной коллежский асессор, записавший свой дом с флигелем и садиком на дочь. В начале действия он «сидел больной, в темной комнате, в кресле, и тяжело дышал» [36, т. 10, с. 103], в его конце (временная протяженность рассказа составляет не более 15 лет) — «давно уже умер, и кресло его валялось на чердаке, запыленное, без одной ножки» [36, т. 10, с. 109]. Ничего, кроме этого, автор не счел нужным сообщить читателю. Но что стоит за этими скупыми строками?

По своему сословному положению отец Оленьки принадлежал к личному дворянству, т.е. не имел права передачи звания по наследству. Российское дворянское сословие исторически было весьма неоднородно по своему материальному положе-

нию; не случайно министр просвещения К.А. Ливен писал еще в начале XIX столетия: «линия дворянского сословия столь необозримое имеет у нас протяжение, что одним концом касается подножия престола, а другим почти в крестьянстве теряется» [9, с. 23].

Материальное положение дворян было различно, но образовательный уровень в этой среде традиционно был весьма высоким. Он и обусловил выделение дворянской интеллигенции внутри самого сословия; традиционным поприщем дворянства была военная или гражданская служба. Карьера коллежского асессора (это гражданский чин VIII класса «Табели о рангах») — гражданская, чиновничья: чин позволял Племянникову занимать должности не выше секретаря канцелярского делопроизводителя или столоначальника. «Канцелярский столп, некоторым образом», — так характеризует Чехов в своем рассказе «Оратор» (1886) еще одного коллежского асессора, Кирилла Вавилонова [36, т. 5. с. 431]). Карьерные высоты были доступны коллежскому асессору лишь в их провинциальном варианте [22, с. 142].

Общих принципов поступления на гражданскую службу было два: по праву происхождения и/или по праву образования. Производству в чин VIII класса подлежали лишь имеющие университетское образование (либо, много реже, выдержавшие специальный экзамен): на иных условиях чин коллежского асессора получить было нельзя [22, с. 120; 33, с. 108]. К концу XIX в. в городах Курской губернии проживали 775 человек, получивших высшее образование [3, с. 225], Семен Племянников был одним из них.

Важно заметить, что, несмотря на неплохую должность и обращение «ваше высокоблагородие» (общедворянский титул), коллежский асессор, особенно в провинции, получал достаточно скромное жалованье. Неудовлетворительное материальное положение госслужащих нижних чинов уже привлекало внимание Чехова: так, главный герой рассказа «Толстый и тонкий» (1883) коллежский асессор Порфирий, награжденный орденом св. Станислава, подрабатывал изготовлением дешевых деревянных портсигаров, а его жена была вынуждена давать уроки музыки [36, т. 2, с. 251]. Это так называемая «нищета во фраке»; не случайно Чехова называют продолжателем темы «маленького человека», сквозной для русской литературы.

Возвращаясь к судьбе Племянникова, отметим: важно не только то, что говорит Чехов. Не менее важно то, что он не говорит. Положенный за выслугу лет коллежскому асессору орден св. Станислава 3-й степени Чехов в тексте «Душечки» не упоминает; однако, сообщает, что Племянников долгое время был тяжело болен. Можно предположить, что он занимал должность, положенную чиновнику VIII класса весьма недолго, ушел в отставку по болезни и ордена за выслугу лет не получил. Вместе с тем закончилось и благополучие семьи Племянниковых.

Оленька Племянникова — «Душечка». От отца Оленьки пора перейти к ней самой. Согласно дореволюционному российскому законодательству, личный дворянин, награжденный орденами, имел возможность передать своим законнорожденным детям права почетного гражданства. Соответственно, Оленька не могла претендовать на это состояние [2, с. 34] и была обыкновенной горожанкой. Горожане (так называемое городское сословие) к концу XIX – началу XX в. в провинциальных среднеразвитых городах были самым массовым сословием.

По своему материальному положению главная героиня «Душечки» была близка к описанному Н.Г. Чернышевским в романе «Что делать» (1863) городскому большинству, которое жило «по мещанскому званию, достаточно, то есть его семейство имело щи с мясом не по одним воскресеньям и даже пило чай каждый день» [35, с. 49]. Чехов приводит в «Душечке» весьма красноречивое описание пищевого изобилия —

конечно же, изобилия лишь в понимании Оленьки: «дома пили чай со сдобным хлебом и с разными вареньями, потом кушали пирог. Каждый день в полдень во дворе и за воротами на улице вкусно пахло борщом и жареной бараниной или уткой, а в постные дни — рыбой, и мимо ворот нельзя было пройти без того, чтобы не захотелось есть. В конторе всегда кипел самовар, и покупателей угощали чаем с бубликами» [36, т. 10, с. 107]. Важно отметить, что таковое наступает в ее жизни лишь однажды, во время второго замужества за торговцем Пустоваловым. Гипертрофированные подробности здесь не только не случайны, они еще и чрезвычайно красноречивы [33, с. 63].

Несмотря на относительно сытую жизнь, материальное благосостояние Оленьки складывалось лишь из сдачи внаем флигеля (в Курске стоимость найма малой квартиры на рубеже XIX–XX вв. составляла около 200 р. в год) [25, с. 257–258]. Это позволяло ей содержание одной только кухарки (в Курске рубежа XIX–XX вв. плата прислуге женского пола за неквалифицированный труд составляла около 50 р. в год) [25, с. 264–265], что вынуждало ее заниматься домашним хозяйством наравне со своей помощницей («ходила за провизией на базар со своей кухаркой») [36, т. 10, с. 108].

Имея лишь прогимназическое (неполное среднее в объеме 3 или 4 низших гимназических классов) образование, она немногим отличалась от большинства провинциальных горожанок и по образовательному цензу, поскольку женское прогимназическое образование в те годы по своей сути было близко к начальному. По данным всеобщей переписи 1897 г., из почти 14 тыс. жительниц Курска (не дворянок) среднее образование получили лишь 880 человек [29, с. 62–63].

Женское и мужское образование сильно различалось, что обуславливалось требованиями, предъявляемыми социумом к мужчинам и женщинам. Резкий количественный рост женских образовательных учреждений после принятия «Положения о женских гимназиях и прогимназиях ведомства Министерства народного просвещения» (1870) [31, с. 3] сопровождался закономерным снижением образовательного уровня учителей. В октябре 1882 г. открылась первая Курская женская прогимназия, спустя год — вторая [3, с. 226]. Оленька, очевидно, была в числе учениц первого-второго набора.

Обыкновенно лучшие преподавательские кадры выбирали своим местом работы не прогимназии, а классические гимназии с полным курсом или университеты. Учителями в женских прогимназиях были, как правило, лица без высшего образования, чаще всего — окончившие 8-й педагогический класс гимназии со званием домашнего учителя (учительницы) с правом преподавания только одного предмета. Не были редкостью в педагогических коллективах прогимназий и недоучившиеся гимназисты. Но и для них преподавательская деятельность была далеко не главной: низкая оплата труда обуславливала необходимость подработок в виде административной и воспитательной работы, которая, к тому же, на уровне учебного заведения считалась приоритетной Качество образования страдало и из-за недостаточности финансирования. Мужские гимназии и прогимназии находились на государственном содержании, но женские существовали в основном за счет местных бюджетов, общественных (городских, земских) и частных пожертвований, меценатства. Лишь в 4% случаев женские прогимназии имели бюджет равный бюджету мужских прогимназий, а 64% влачили жалкое существование на минимально возможные суммы, что негативно влияло на учебный и воспитательный процесс [26, с. 20; 31, с. 5–6, 196, 198].

Преподавание имело ярко выраженное религиозно-ориентированное и прикладное направление: упор делался на закон Божий и на рукоделие, необходимое для ведения женщиной домашнего хозяйства [31, с. 30]. Даже при изучении основ математики

и физики от учителя требовалось «присовокуплять сведения, относящиеся к домашнему хозяйству» [11, с. 49]. Иностранные языки преподавались девочкам только во внеурочное время, с приходящими учителями и за отдельную плату [31, с. 33]. Неудивительно, что Оленька, «когда училась в прогимназии, любила своего учителя французского языка» [36, т. 10, с. 103], возможно, в те годы единственного мужчину в ее окружении, помимо отца и священника-законоучителя (учителя Закона Божьего): педагогический состав женских прогимназий был в основном женским, т. к. женский учительский труд был дешевле мужского.

В общих чертах женская провинциальная прогимназия копировала столичную модель, но с учетом специфики региона: в аграрных губерниях (Курская губерния относилась к их числу [3, с. 222]) учебный год был укороченным, что усугубляло недостаточность и некачественность женского прогимназического образования.

Большинство учащихся женских прогимназий (по данным на 1894 г. свыше 55%) были небогатыми представительницами городского сословия [14, с. 661]: для большинства из них неполного среднего образования было достаточно и для семейной жизни, и для профессиональной деятельности. Девочки из состоятельных провинциальных семей могли обучаться в столичных гимназиях, в закрытых частных пансионах, малодоступных для лиц среднего достатка, или у домашних учителей. Прогимназическое образование не соответствовало их высокому социальному статусу.

Отец Оленьки, как человек образованный, не мог не осознавать вышесказанного. Почему же его дочь не получила полного среднего образования, обыкновенного для дворянских детей? Главной причиной, по всей вероятности, нужно назвать специфическое отношение прогрессивного общества к женскому образованию в период, на который приходится творчество А.П. Чехова. Его резкая критика особенно проявилась после 1859 г., когда первые студентки стали посещать лекции в университетах; критика была далеко не беспочвенной [15, с. 3]. Развернулась горячая полемика о перспективах женского образования. Многие считали, что образование отчуждает женщин и от семьи, и от социума, а взамен дает лишь поверхностное увлечение наукой [16, с. 152], поскольку «большинство увлекается не столько научными занятиями, сколько ложным стремлением и желанием выйти <…> из своей среды, оставить обыденные обязанности и добиться прав, едва ли соответствующих призванию женщины» (из доклада министра народного просвещения графа И.Д. Делянова (1885) [14, с. 659]. «Обнаружилось стремление женщины к высшему и основательному образованию. Это стремление <…> приняло все черты болезненного увлечения, потому что оно совпадает с аномальным состоянием семейства и общества <…> нельзя давать ему полную свободу <…> Ныне все мысли, все чувства [юного женского поколения] поставлены на фальшивую почву», — соглашалась баронесса Э.Ф. Раден (1884), чей голос в области так называемого «женского вопроса» был весьма влиятельным [26, с. 21–22]. Таким образом, прогрессивные взгляды Семена Племянникова оставляли Оленьке лишь традиционно женскую социальную деятельность в качестве хранительницы домашнего очага. С тонкой грустью Чехов показывает нам итоги этого подхода.

Выводы. Можно утверждать, что в чеховской «Душечке» получила свое эволюционное развитие традиционная для русской культуры мысль о «маленьком человеке». Здесь она ведется на вполне конкретном культурно-историческом фоне: главная героиня — дочь небогатого провинциального чиновника, имеющего, на ее беду, специфически прогрессивные взгляды в отношении так называемого «женского вопроса». Анализ авторской предметной детали этого рассказа (в данном случае — только некоторых,

избранных ее форм, таких как предметное пространство и портретно-предметный мир) показывает, каким образом выявление подтекста, выраженного в ней, приводит к углублению понимания смысла всего художественного текста.

Завершая анализ, в очередной раз согласимся с чеховедом А.П. Чудаковым, утверждавшим, что «предметный мир, которым окружен персонаж <…> служит безотказным и целенаправленным средством характеристики человека. Все без исключения подробности имеют характерологическую и социальную значимость» [20, с. 139]. Внутреннее у Чехова всегда тесно связано с внешне-предметным, и предметная деталь всегда стоит в особом месте, специально подготовленном для нее. Итогом исследования стал воссозданный предметный чеховский мир — мир русской городской провинциальной культуры, отдельные проявления которой, рассмотренные в сословно-социальных контекстах, вступают между собой в заочный диалог, в очередной раз демонстрируя многоуровневую модель русской культуры.

Список литературы

Исследования

1 *Бердников Г.П.* О поэтике Чехова и принципах ее исследования // Вопросы литературы. 1972. №5. С. 124–141.

2 *Веременко В.А.* Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина, 2015. 204 с.

3 *Ветчинова М.Н.* Женское гимназическое образование в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вопросы образования. 2014. №2. С. 222–235.

4 *Горбунов П.Е.* Классические гимназии и прогимназии. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1887. 130 с.

5 *Дмитриева Н.А.* Послание Чехова. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 368 с.

6 *Добин Е.С.* Сюжет и действительность. Искусство детали. Л.: Сов. писатель, 1981. 432 с.

7 *Доманский Ю.В.* Вариативность драматургии А.П. Чехова. Тверь: Лилия Принт, 2005. 160 с.

8 *Кондратьева В.В.* Предметно-вещный мир в пьесах А.П. Чехова 1890-х – 1900 гг. // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Спецвыпуск. С. 96–100.

9 *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979. 304 с.

10 *Коськов М.А.* Предметный мир культуры. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2004. 344 с.

11 *Кривко Я.П.* Особенности обеспечения качества обучения математике в российских женских гимназиях и прогимназиях конца XIX – начала XX вв. // Вестник ТОГИРРО. 2020. №1 (44). С. 48–49.

12 *Лишаев С.А.* А.П. Чехов: дух, душа и «душечка» (форма и материя по рассказу А.П. Чехова «Душечка») // Mixtura verborum»99: онтология, эстетика, культура. Самара: Изд-во Самарской гуманит. акад., 2000. С. 117–143.

13 *Перцев В.В.* Развитие гимназического образования в Орловской губернии с 1874 по 1917 год // Концепт. 2014. №3 (март). URL: http://e-koncept.ru/2014/14053.htm (дата обращения: 12.05.2024)

14 *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902. СПб.: Изд. Министерства народного просвещения, 1902. 785 с.
15 *Смеюха В.В.* Журнал «Женское образование» и образование женщин второй половины XIX в. // Языковые и филологические исследования. 2011. Т. 1, № 1. С. 3–6.
16 *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004. 616 с.
17 *Турбин В.Н.* К феноменологии литературных и риторических жанров в творчестве А.П. Чехова // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск: Мордовский государственный университет, 1973. С. 204–216.
18 *Челышев Б.М*. Мастер художественной детали // Великий художник: А.П. Чехов. 100 лет со дня рождения, 1860–1960: сб. ст. Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 1959. С. 232–260.
19 *Чудаков А.П.* Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М.: Сов. писатель, 1986. 379 с.
20 *Чудаков А.П.* Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 292 с.
21 *Чудаков А.П.* Слово-вещь-мир: от Пушкина до Толстого: очерки поэтики русских классиков. М.: Современный писатель, 1992. 320 с.
22 *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л.: Наука, 1991. 226 с.

Источники

23 Все начиналось со слобод // Курский край. Научно-исторический журнал. 2002. № 11 (31) URL: http://old-kursk.ru/book/zheleznodor/zhel002.html (дата обращения 10.05.2024)
24 Газеты дореволюционной России. 1703–1917. Каталог. СПб.: Изд-во Рос. национальной б-ки, 2007. 592 с.
25 Города России в 1904 году/Центральный статистический комитет. СПб.: Тип. Н.Л. Ныркина, 1906. 462 с., таб.
26 Женские гимназии и прогимназии Министерства народного просвещения. 1858–1905. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. 139 с.
27 Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1884 год. Курск: Тип. губернского правления, 1883. 132, 73 с.
28 Памятная книжка Воронежской губернии на 1887 год. Воронеж: Тип.-лит. губернского правления, 1886. 475 с.
29 Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: в 89 т. СПб.: Тип. «Слово», 1904. Т. XX: Курская губерния. 291 с.
30 Предметный мир // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стб. 796–798.
31 *Родевич М.В.* Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения. СПб.: Тип. М.А. Хана, 1884. 238, 88 с.
32 *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 15. С. 315–318.
33 *Тюпа В.И.* Художественность чеховского рассказа: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1989. 135 с.

34 Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А.П. Чехова. М.: Макс-Пресс, 2012. 571 с.
35 *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Наука, 1975. 875 с.
36 *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1983. Т. 2: 1881–1884. 576 с. М.: Наука, 1985. Т. 5: 1886. 704 с. М.: Наука, 1986. Т. 10: 1898–1903. 496 с.
37 *Шайкевич А.Я., Ребецкая Н.А.* Словарь языка Чехова: Словарь языка Чехова и проблемы авторской лексикографии. М.: Издат. дом «ЯСК», 2022. 480 с.

***

2025. Bella L. Shapiro
Moscow, Russia

FROM TEXT TO SUBTEXT. CLASS AND SOCIAL SUBJECT DETAIL IN A.P. CHEKHOV"S STORY "THE DARLING" (DUSHECHKA)

Abstract: We know that in Chekhov"s writings there are no accidental or unnecessary details existing outside the author"s artistic and imaginative world. The high semantic load of subject detail is characteristic of Russian literature of the turn of the 20th century in general, but it is Chekhov"s text, saturated with "speaking" details, that is extremely far from formal everyday life description. Particularly characteristic in this aspect are the works of A.P. Chekhov belonging to the late period (1895–1904). The example of one of Chekhov"s later stories ("The Darling/Dushechka", 1898) shows how the identification of subtext, expressed in a subject detail, leads to a deeper understanding of the meaning of the artistic text. The author studies the issue in close connection with the cultural-historical process. The main method of research— understanding the concrete through the abstract. This involves a sequential progression from general knowledge to increasingly complete and holistic knowledge in the process of reconstructing an assumed reality. The result obtained is a reconstruction of the subject world of Russian urban provincial culture, the individual manifestations of which (in this case, first of all, its class and social contexts) enter into an extramural dialog in Chekhov"s stories, once again demonstrating the multilevel model of Russian culture.

Keywords: Chekhov, Chekhoviana, Research Methods For Cultural Studies, Urban Culture, Bourgeois Culture, Noble Culture, History of Material Culture.

Information about the author: Bella Lvovna Shapiro — DSc in Culturology, PhD in History, Associate Professor, Professor of Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, bld. 6, Miusskaya Sq., 125047 Moscow, Russia; Professor of Department of Philosophy and Social-Humanitarian Sciences, Moscow Art Theatre School (Institute), Chekhov Moscow Art Theatre, Tverskaya St., bld. 6, block 7, 125009 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5616-8898
E-mail b.shapiro@mail.ru

Received: June 07, 2024
Approved after reviewing: March 31, 2025
Date of publication: September 25, 2025
For citation: Shapiro, B.L. "From Text to Subtext. Class and Social Subject Detail in A.P. Chekhov"s Story "The Darling (Dushechka)"." *Vestnik slavianskikh kul"tur*, vol. 77, 2025, pp. 20–32. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-20-32

References

1 Berdnikov, G.P. "O poetike Chekhova i printsipakh ee issledovaniia" ["On Chekhov"s Poetics and the Principles of its Study"]. *Voprosy literatury*, no. 5, 1972, pp. 124–141. (In Russ.)
2 Veremenko, V.A. *Deti v dvorianskikh sem"iakh Rossii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.)* [*Children in Noble Families of Russia (Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Century*]. St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University Publ., 2015. 204 p. (In Russ.)
3 Vetchinova, M.N. "Zhenskoe gimnazicheskoe obrazovanie v Kurskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka" ["Women"s Gymnasium Education in Kursk Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Century"]. *Voprosy obrazovaniia*, no. 2, 2014, pp. 222–235. (In Russ.)
4 Gorbunov, P.E. *Klassicheskie gimnazii i progimnazii* [*Classical Gymnasiums and Progymnasiums*]. St. Petersburg, Tipografiia V. Bezobrazova Publ., 1887. 130 p. (In Russ.)
5 Dmitrieva, N.A. *Poslanie Chekhova* [*Chekhov"s Message*]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2007. 368 p. (In Russ.)
6 Dobin, E.S. *Siuzhet i deistvitel"nost". Iskusstvo detali* [*Story and Reality. The Art of Detail*]. Leningrad, Sovetskii pisatel" Publ., 1981. 432 p. (In Russ.)
7 Domanskii, Iu.V. *Variativnost" dramaturgii A.P. Chekhova* [*Variability of A.P. Chekhov"s Dramaturgy*]. Tver", Liliia Print Publ., 2005. 160 p. (In Russ.)
8 Kondrat"eva, V.V. "Predmetno-veshchnyi mir v p"esakh A.P. Chekhova 1890-kh – 1900-kh gg." ["Object and Material World in A.P. Chekhov"s Plays of the 1890s – 1900s"]. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova. Gumanitarnye nauki, Spetsvypusk*, 2008, pp. 96–100. (In Russ.)
9 Korelin, A.P. *Dvorianstvo v poreformennoi Rossii 1861–1904 gg.: sostav, chislennost", korporativnaia organizatsiia* [*The Nobility in Post-reform Russia 1861–1904: Composition, Numbers, Corporate Organization*]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 304 p. (In Russ.)
10 Kos"kov, M.A. *Predmetnyi mir kul"tury* [*The Cultural Object World*]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2004. 344 p. (In Russ.)
11 Krivko, Ia.P. "Osobennosti obespecheniia kachestva obucheniia matematike v rossiiskikh zhenskikh gimnaziiakh i progimnaziiakh kontsa XIX – nachala XX vv." ["Features of Quality Assurance of Mathematics Education in Russian Women"s Gymnasiums and Progymnasiums of the late 19th – Early 20th centuries"]. *Vestnik TOGIRRO*, no. 1 (44), 2020, pp. 48–49. (In Russ.)
12 Lishaev, S.A. "A.P. Chekhov: dukh, dusha i ʻdushechka" (Forma i Materiia po Rasskazu A.P. Chekhova ʻDushechka")" ["A.P. Chekhov: Spirit, Soul and ʻDushechka" (Form and Matter in A.P. Chekhov"s Story ʻDushechka"")]. *Mixtura verborum"99:*

ontologiia, estetika, kul”tura [*Mixtura Verborum”99: Ontology, Aesthetics, Culture*]. Samara, Samara Academy of Humanities Publ., 2000, pp. 117–143. (In Russ.)

13 Pertsev, V.V. “Razvitie gimnazicheskogo obrazovaniia v Orlovskoi gubernii s 1874 po 1917 god” [“Development of Gymnasium Education in Orel Province from 1874 to 1917”]. *Kontsept*, no. 3 (March), 2014. Available at: http://e-koncept.ru/2014/14053.htm (Accessed 12 May 2024). (In Russ.)

14 Rozhdestvenskii, S.V. *Istoricheskii obzor deiatel”nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniia, 1802–1902* [*Historical Review of the Activities of the Ministry of Public Education, 1802–1902*]. St. Petersburg, Izdanie Ministerstva narodnogo prosveshcheniia Publ., 1902. 785 p. (In Russ.)

15 Smeiukha, V.V. “Zhurnal ʿZhenskoe obrazovanie” i obrazovanie zhenshchin vtoroi poloviny XIX v.” [“ʿJournal of Women”s Education” and Women”s Education in the second half of the Nineteenth century”]. *Iazykovye i filologicheskie issledovaniia*, no. 1, vol. 1, 2011, pp. 3–6. (In Russ.)

16 Staits, R. *Zhenskoe osvoboditel”noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nigilizm i bol”shivizm, 1860–1930* [*The Women”s Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 616 p. (In Russ.)

17 Turbin, V.N. “K fenomenologii literaturnykh i ritoricheskikh zhanrov v tvorchestve A.P. Chekhova” [“Toward a Phenomenology of Literary and Rhetorical Genres in the Works of A.P. Chekhov”]. *Problemy poetiki i istorii literatury* [*Issues of Poetics and Literary History*]. Saransk, Mordovia State University Publ., 1973, pp. 204–216. (In Russ.)

18 Chelyshev, B.M. “Master khudozhestvennoi detali” [“A Master of Artistic Detail”]. *Velikii khudozhnik: A.P. Chekhov. 100 let so dnia rozhdeniia, 1860–1960:* sbornik statei [*The Great Artist: A.P. Chekhov. 100 Years Since his Birth, 1860–1960: a Collection of Articles*]. Rostov-on-Don, Rostovskoe knizhnoe izdatel”stvo Publ., 1959, pp. 232–260. (In Russ.)

19 Chudakov, A.P. *Mir Chekhova: Vozniknovenie i utverzhdenie* [*Chekhov”s World: Emergence and Establishment*]. Moscow, Sovetskii pisatel” Publ., 1986. 379 p. (In Russ.)

20 Chudakov, A.P. *Poetika Chekhova* [*Chekhov”s Poetics*]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 292 p. (In Russ.)

21 Chudakov, A.P. *Slovo-veshch”-mir: ot Pushkina do Tolstogo: ocherki poetiki russkikh klassikov* [*Word-Thing-World: from Pushkin to Tolstoy: Essays on the Poetics of the Russian Classics*]. Moscow, Sovremennyi pisatel” Publ., 1992. 320 p. (In Russ.)

22 Shepelev, L.E. *Tituly, mundiry, ordena v Rossiiskoi imperii* [*Titles, Uniforms, Orders in the Russian Empire*]. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 226 p. (In Russ.)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-33-44
УДК 75.04/05+2
ББК 85.146+86.372.81
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Н.С. Мурашова
г. Новосибирск, Россия

МИР СТАРООБРЯДЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Аннотация: Статья является продолжением опубликованной ранее работы, посвященной отражению мира старообрядчества в русском изобразительном искусстве XVIII – первой трети XX вв. [1]. Материалом исследования послужили около 200 работ, созданных в период с 1940 гг. и по настоящее время. Выявлен круг авторов, систематизированы темы и жанры их работ, предпринят обзор выставочных событий. В 1940–1980 гг. к теме старообрядчества неоднократно обращаются И.С. Глазунов, Г.П. Огарева-Дарьина, Б.Н. Двинянинов, Е.Д. Мальцев, Р.Н. Ермолин. На рубеже XX–XXI вв. около 40 художников создают более 80 «старообрядческих» произведений, среди них: Е.И. Дацко, Б.В. Кисельников, Д.П. Костылев, М.М. Лукьянова, Л.Л. Милованов, В.П. Рассохин, П.В. Рыженко, М.Ю. Шаньков. 2010–2020 гг. представлены творчеством М.С. Молодых, С.С. Онучкина, Д.А. Слепушкина, О.И. Молчанова, Д.А. Гусева. Как и раньше, наиболее востребованными остаются жанры исторического портрета и портрета-типа. Портретная галерея расширилась за счет изображения современников. В творческий обиход вводится жанр религиозного натюрморта. Многие работы иллюстрируют события, связанные с происходящими в наше время возрождением приходской и монашеской жизни, освящением сакральных мест, подчеркивая, что старообрядчество — это не только история, но и современность.

Ключевые слова: старообрядчество, русское изобразительное искусство, современное искусство, исторический портрет, портрет-тип, городской пейзаж, религиозный натюрморт, храмовый интерьер, иллюстрации «Жития протопопа Аввакума», выставки к юбилею Аввакума.

Информация об авторе: Наталья Сергеевна Мурашова — доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой социально-культурной и библиотечной деятельности, Новосибирский государственный педагогический университет, ул. Вилюйская, д. 28, 630126 г. Новосибирск, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2373-7622
E-mail: 2107542@mail.ru

Дата поступления статьи: 25.10.2024
Дата одобрения рецензентами: 01.06.2025
Дата публикации: 25.09.2025
Для цитирования: *Мурашова Н.С.* Мир старообрядчества в современном русском изобразительном искусстве // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 33–44. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-33-44

Мир старообрядчества становится объектом изображения с конца XVII в., фактически сразу же после церковного раскола. В течение последующего времени расширяется жанровый и тематический спектр графических и живописных работ, интерпретирующих старообрядческую тему. Это многочисленные портреты реальных деятелей староверия, а также портреты-типы священнослужителей, купцов и купчих, крестьян, детей, женщин в старообрядческих одеждах; картины, посвященные историческим событиям; пейзажи с изображением духовных центров и мест компактного проживания староверов; жанровые зарисовки бытовых сцен и религиозных обрядов; иллюстрации к литературным произведениям, посвященным расколу. В течение двух с половиной столетий (с конца XVII до середины XX вв.) было создано свыше 300 произведений, раскрывающих сложный и многогранный мир древлего православия. За весь период к теме старообрядчества проявили интерес более 60 мастеров, среди которых наиболее весомый вклад в ее интерпретацию внесли М.Д. Мыльников, Ф.Г. Солнцев, В.Г. Перов, А.Д. Литовченко, С.Д. Милорадович, К.В. Лебедев, В.И. Суриков, М.В. Нестеров, Ф.А. Малявин, И.С. Куликов, А.А. Борисов, И.С. Горюшкин-Сорокопудов, Б.М. Кустодиев, В.А. Кузнецов, Б. Смирнов, В.А. Плотников.

На 1900–1920 гг. приходится наибольшее количество произведений, связанных с миром старообрядчества. За три 10-летия было создано примерно 120 работ: множество жанровых картин и портретов, а также немалое число изображений эпизодов из Жития протопопа Аввакума.

С 1930 гг. и вплоть до конца XX в. интерес к старообрядчеству будет поддерживаться, но не столь заметно. За весь период появится не более 50 произведений. Всплеск активности, как в начале XX в., случится почти век спустя — на рубеже XX–XXI вв.[1].

Цели настоящей статьи: выявление круга авторов, обратившихся к теме старообрядчества в период с середины XX в. и по настоящее время; систематизация тем и жанров, получивших отражение в их работах. Это позволит рассмотреть творческие поиски современных художников в контексте культурно-исторической эволюции отражения мира старообрядчества в русском изобразительном искусстве.

Было обнаружено около 200 работ, созданных в период с 1940 гг. по настоящее время, которые и послужили материалом исследования.

Итак, падение интереса к теме старообрядчества после 1930 гг. обусловлено несколькими причинами. Одной из них являются социально-культурные реалии советского времени, в частности, провозглашение атеизма как государственной доктрины, что привело к малой востребованности религиозной темы в творчестве отечественных художников. Другой причиной выступает смена поколений авторов. Во второй половине 1930-х – начале 1940 гг. последние работы, связанные с миром старообрядчества, создают представители уходящего поколения: И.С. Горюшкин-Сорокопудов, М.В. Нестеров, А.В. Исупов, чьи первые «старообрядческие» картины были написаны еще в 1900–1910 гг.

В 1940–1980 гг. появляются новые мастера, внесшие свою лепту в осмысление феномена старообрядчества в изобразительном искусстве: И.С. Глазунов, П.Д. Корин, А.П. Хотулев, В.Л. Бреннерт, С.Т. Быкодоров (работы 1940 гг.); А.П. Горский, Г.П. Огарева-Дарьина, Б.В. Двинянинов, Х.Г. Сайбаталов (работы 1950 гг.); В.И. Заднепровский, В.А. Неясов, С.Б. Телингатер, И.Е. Чирков, Л.М. Рыжов, Г.П. Иванов (работы 1960 гг.); В.Н. Московских, Е.Д. Мальцев, Р.Н. Ермолин, А.И. Циркунов, А.И. Аносов (работы

[1] Отражение мира старообрядчества в русском изобразительном искусстве XVIII – первой трети XX в. рассмотрено в статье Н.С. Мурашовой [1].

1970 гг.); В.Я. Горячев, В.В. Абаимов, В.В. Герасимов, Т.В. Быкова, А.И. Петренко (работы 1980 гг.).

Среди перечисленных есть авторы, которые неоднократно обращаются к теме старообрядчества. Это И.С. Глазунов («Деревенская женщина», 1949; иллюстрации к роману А.П. Мельникова-Печерского «В лесах», 1963; воспроизведенный в журнале «Огонек» рисунок «Протопоп Аввакум», 1965; «Девушка с Волги», 1977); Г.П. Огарева-Дарьина («Сотая весна», 1957; «Пора золотая», 1962); Б.Н. Двинянинов (рисунки «Протопоп Аввакум, 1957; «Корабль Аввакумов», 1960); Е.Д. Мальцев («Самосожжение», 1972; «Аввакум в Сибири», 1973); Р.Н. Ермолин («Усть-Цилемская горка», 1974; «На Усть-Цилемской свадьбе», 1976).

Наименьшее количество работ, связанных с миром старообрядчества, приходится на 1940 гг. (менее 10). С 1950 гг. количество создаваемых произведений увеличивается (в среднем по 10–15 в год).

Начиная с 1990 гг., интерес к теме старообрядчества заметно усиливается. На рубеже XX–XXI вв. около 40 художников создают более 80 произведений. Упомянем некоторых из них: Е.И. Дацко, известный работами, появившимися после экспедиции к староверам Аляски; Б.В. Кисельников, автор исторических произведений «Инокиня Феодора (боярыня Морозова) на допросе» и «Казнь протопопа Аввакума и его соузников»; Д.П. Костылев, создавший картины «Вербное Воскресение» и «Раздумья»; М.М. Лукьянова, написавшая пейзаж с Никольской старообрядческой церковью в Старой Руссе и портрет «Староверка»; Л.Л. Милованов, известный как автор около 30 жанровых картин и портретов старообрядцев; В.П. Рассохин, создатель картин «За упокой» и «Северная деревня»; П.В. Рыженко, обратившийся к старообрядческой тематике в 2000 гг. («Молитва», «Старообрядческий лес», «Старинный погост», «Старообрядческий крест»); М.Ю. Шаньков, написавший портреты дочки, серпуховской купчихи Анны Васильевны Мараевой и групповой портрет «Пасхальный стол».

2010–2020 гг. — весьма продуктивный период в осмыслении темы старообрядчества. Среди большого числа художников, обращающихся к ней, выделим наиболее активных авторов: М.С. Молодых («Бабушкин сундук», 2007; «Секрет», 2011; «Девочки на поляне», 2012); С.С. Онучкин («Усть-Цильма. Праздник Горка» и «Душа Усть-Цильмы», 2013); художники-старообрядцы — Д.А. Слепушкин («Мама», 2006; «Портрет художника О. Молчанова», 2014), О.И. Молчанов («Боровск. Памяти Св. мученицы Феодоры Морозовой», 2009; «Тропарь Воскресению Христову», «Вечерня в селе Стрельниково», «Сказка Рождества», 2015; «Рогожское на жен мироносиц», 2017; «На Рогожском», «Осенние кружева. Улейма», «Улеймский посад», «Вечерок на Улейме», «Николо-Улеймский монастырь»; «Намоленный храм. Рождество», 2018; «Пасхальная радость», 2019; эскиз памятника протопопу Аввакуму в Боровске, 2020), Д.А. Гусев («Старец», 2016; «Иноки Соловецкого монастыря. XVII век», «Девичьи сказки», 2017; «Старообрядка», «Казаки-некрасовцы», 2018; «Александр Емельянов», «Антонина Емельянова», 2019).

Таким образом, последнее 30-летие ознаменовалось наибольшим количеством работ, посвященных старообрядчеству, за все время существования старообрядческой темы в изобразительном искусстве, что, конечно же, нашло отражение и в содержательном многообразии ее интерпретации. Рассмотрим, какие жанры привлекают современных авторов.

Итак, художники второй половины XX – начала XXI вв. продолжают разрабатывать сюжеты и жанры, уже освоенные прежними поколениями мастеров, отдавая пред-

почтение историческому портрету и портрету-типу. Исторический портрет, в первую очередь, представляет образ протопопа Аввакума. Он воплощен в живописных работах Г.П. Иванова (1965), Т.В. Быковой (1988), А.И. Петренко (1989), Т.Г. Лазаревой (2009), В.В. Маторина (ок. 2012), А.Н. Нестерова (2018); в книжной графике А.А. Тярина («Неистовый Аввакум», 1990–2000 гг.), В.А. Никишина, чья работа «Противостояние» (2009) была использована в качестве обложки монографии А.А. и П.А. Гагаевых, посвященной богословию Аввакума [9]; А.Г. Шибанова, иллюстратора поэмы В.М. Петрова «Аввакум. Распря» (2021) (иллюстрация 1) [12].

Иллюстрация 1 — Шибанов А.Г. Иллюстрация к поэме В.М. Петрова «Аввакум. Распря» [12, с. 104]
Figure 1 — Shibanov A.G. Illustration of V.M. Petrov's Poem “Avvakum. Thefeud” [12, p. 104]

Из других изображений представителей древлего православия выделим портрет нижегородского старовера, создателя рукописных книг, сотрудника Городецкого музея в 1920 гг. Ивана Гавриловича Блинова, выполненный с фотографии В.Я. Горячевым (1980-е); портрет инока Алимпия (Вербицкого), позже ставшего епископом Российской Древлеправославной Церкви Христовой, В.Н. Коркодыма (1995); цикл портретов Л.Л. Милованова, написанных во Ржеве и в Рогожской слободе: главы старообрядческой церкви митрополита Корнилия, протоиерея Евгения Чунина, иерея Андрея Бобкова, иерея Андрея Андреева, иерея Димитрия Чунина, Елизаветы Бобковой («Пред образом»), звонаря Александра Великанова (2000–2010-е); портрет спасшего церковные ценности от наполеоновских захватчиков настоятеля Покровского храма на Рогожском кладбище в Москве о. Иоанна Ястребова Н.Н. Толоконниковой (2014); работу «Старовер Константин Дмитриевич Карелин» кемеровского художника А.Ф. Капорушкина (2006); два портрета серпуховской купчихи первой гильдии Анны Васильевны

Мараевой (1845–1928), происходившей из семьи беспоповцев-федосеевцев, созданные М.Ю. Шаньковым (2010) и В.П. Бондаренко (по фотографии и на основе изучения гардероба Анны Васильевны, 2011). Мараева была известной благотворительницей, собирательницей коллекции, составившей основу Серпуховского историко-художественного музея, не случайно памятник ей установлен перед его зданием (2021, скульптор А.В. Свиязов), а оба портрета можно видеть в музейной экспозиции.

С Ветковским музеем старообрядчества и белорусских традиций связано имя его создателя, собирателя древностей Федора Григорьевича Шклярова, чей портрет выполнен А.И. Циркуновым (1976). Для того чтобы подчеркнуть вклад этого человека в создание столь уникальной институции, Циркунов представил портретируемого в интерьере, изобилующем предметами из музейного фонда (иконы, старинная утварь и др.).

Особо хочется отметить «Портрет художника О. Молчанова», выполненный Д.С. Слепушкиным (2014) (иллюстрация 2). И портретист и портретируемый имеют старообрядческие корни, принадлежат к кругу мастеров Рогожской заставы.

Иллюстрация 2 — Слепушкин Д.С. Портрет художника О. Молчанова
Figure 2 — Slepushkin D.S. Portrait of the Artist O. Molchanov

К портрету-типу принадлежат работы В.И. Заднепровского «Рыбак старообрядец» (1962), В.А. Неясова «Портрет старовера» (1964), В.Н. Московских «Старообрядец» (1972), В.В. Абаимова «Староверка» (1980), С.А. Брусилова «Женский портрет» (1992), И.М. Сушенка «Старообрядец» (1996), И.О. Хилько «Старообрядец» (1996), Е.Г. Севергиной «Кержаки» (2007) — парный портрет мужчин в зимних одеждах на фоне деревянной избы и храма с заснеженными крышами. Галерея портретов молодых старообрядок представлена следующими картинами: «Девушка в красном платке» А.А. Коробкина (2000); «Раздумья» Д.П. Костылева (2006), изобразившего свою модель в храме; «…Не смущай меня, Иван» Е.Ю. Гончаровой (2007), где нарядная старообрядка предстает в окружении зимней природы; «Надевшая черный платок» И.И. Глазунова (2007), запечатлевшего старообрядку в душегрее, напоминающую нестеровских девушек благодаря нижегородскому костюму; «Белгородская красавица» Н.И. Коркина

(2009), продолжившего традиции изображения молодых старообрядок в праздничных сарафанах и платках на фоне русского пейзажа. Сюда же можно отнести и парный портрет М.С. Молодых «Секрет» (2011), на котором изображены две нарядно одетые перешептывающиеся молодые девушки, одна из которых с непокрытой головой и одной косой, а другая — в красивом платке, возможно, сестры — младшая и старшая, уже замужняя; и работу Г.Д. Астаповой «Зимой», на которой мы видим молодую красавицу в ярком платке посреди заснеженных деревянных домов. В продолжение серии работ Б.М. Кустодиева и Ф.А. Малявина, В.Н. Кириллов пишет в той же сочной манере картину «Баба» (2012). Собирательный образ православной женщины с ребенком на руках представлен на холсте О.Г. Симоновой «Староверка» (2018). Своеобразный символический портрет «Душа Усть-Цильмы» (2013) создает С.С. Онучкин, воплощая эту душу в образе молодой женщины, принарядившейся по случаю традиционного для этих мест праздника Горка, со скрещенными по-старообрядчески руками на груди (иллюстрация 3).

Иллюстрация 3 — Онучкин С.С. Душа Усть-Цильмы
Figure 3 — Onuchkin S.S. The Soul of Ust-Tsilma

Интерес вызывают и некоторые другие работы этого времени, не совсем вписывающиеся в привычные рамки обозначенных портретных разновидностей. Так на рисунке В.А. Зороастрова «Старый обряд (благолепная октава)» (2008) в наивной манере изображен поющий дьяк; образ его получился живым и жизнерадостным, ощущается, что пение доставляет большое удовольствие этому человеку.

В современном контексте многочисленные герои старообрядческих портретов олицетворяют мир русской старины, выступают носителями традиционной культуры и духовных ценностей.

В 1960-70 гг. начинается история современных изданий «Жития протопопа Аввакума» [3; 4]. Издания эти не изобилуют авторскими рисунками, как правило, на фронтисписе представлен Аввакум с книгой и пером, что напоминает средневековую практику изображения евангелистов или Давида как создателей книг Нового и Ветхого Заветов. В подражание этой традиции Аввакум также предстает «за писанием грамоток». Таковы, в частности, рисунки С.Б. Телингатора 1960 г. [3], А.И. Аносова 1979 г. [4]. С посохом странника изобразил протопопа на обложке «Жития» Е. Шишков (2010). В издании представлены и другие, весьма выразительные и красочные иллюстрации, сопровождающие повествование [6]. В 2001–2002 гг. А.А. Ковалев в качестве дипломной работы выпускника художественного факультета ВГИКа создает более 10 эскизов, иллюстрирующих ключевые эпизоды «Жития протопопа Аввакума». В 2011 г. Л.В. Строганов в технике офорта выполнил оригинальный экслибрис «Аввакум» для российского коллекционера. В 2020 г. М. Шараев рисует комикс из 20 графических листов «Аввакум. Житие: графическая новелла по мотивам "Жития протопопа, им самим написанного"» (к 400-летию Аввакума). В том же году 37 трехцветных иллюстраций к переизданию «Жития» в издательстве «Вита Нова», специализирующемся на издании малотиражных коллекционных книг, создает А.М. Лыткин (иллюстрация 4) [5].

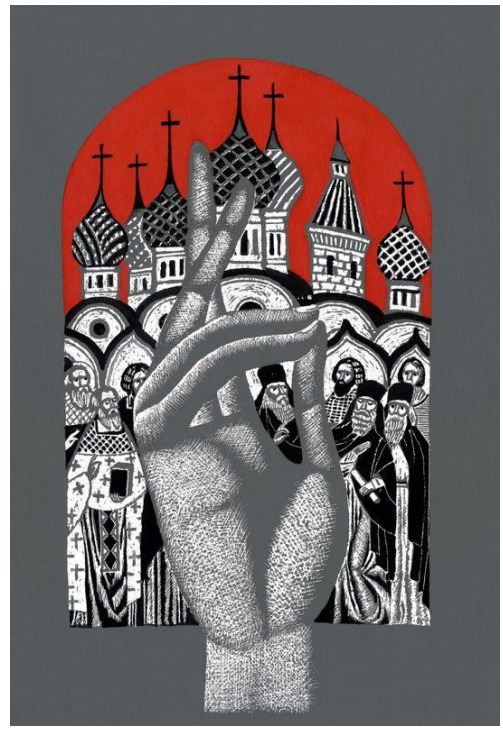

Иллюстрация 4 — Лыткин А.М. Иллюстрация «Жития протопопа Аввакума» [5, с. 131]
Figure 1 — Lytkin A.M. Illustration of the "Life of Archpriest Avvakum" [5, p. 131]

Новыми жанровыми направлениями в разработке старообрядческой темы с 2000 гг. становятся религиозные натюрморт и интерьер. В натюрмортном жанре сделана работа А.В. Сибирского «Вечерняя молитва» (2000): на аналое (или на старообрядческий манер «налое») икона, старинные книги, лестовка, горящая свеча, над ним висит лампада, то есть в единую композицию собраны все атрибуты молитвенного общения с Богом. На написании книжных натюрмортов специализируется В.А. Бычков

(«Старые книги», «Старинная книга», «Натюрморт со старинными книгами»). Другое упомянутое жанровое направление представляет «Интерьер храма Успения Пресвятой Богородицы Гребенщиковской старообрядческой общины в Риге» Д.А. Белюкина (2006), где изображено безлюдное пространство моленной с шестиярусным иконостасом, паникадилами, подсвечниками, лежащими на лавках подручниками. Соединение двух жанров можно видеть в работе О.И. Молчанова «Тропарь Воскресению Христову» (2015) — здесь представлены важнейшие атрибуты богослужения: иконы, лампады, лестовка, книги (иллюстрация 5).

Иллюстрация 5 — Молчанов О.И. Тропарь Воскресению Христову
Figure 5 — Molchanov O.I. Troparion to the Resurrection of Christ

В 2000 гг. после значительного перерыва на фоне все более возрастающего интереса к проблеме духовного возрождения Отечества и связанной с ней темой церковного раскола вновь начинают появляться исторические полотна. При этом у художников намечается интерес не к тем событиям прошлого, которые уже разрабатывались в изобразительном искусстве XIX – начала XX вв., а к новым эпизодам старообрядческой истории. В частности, речь идет о картине С.Г. Серова «Возвращение» (2008), на которой изображен молебен при освящении поклонного Креста на месте бывших Черемшанских монастырей в память о преподобноисповеднике Серапионе Черемшанском, совершаемый митрополитом Корнилием в 2008 г. [10]. Это масштабное полотно не только запечатлело реальное событие, оно также несет важную смысловую нагрузку, о чем свидетельствует название работы — возвращение России к своим корням и духовным ценностям.

В творчестве современных авторов появляются работы в жанре городского пейзажа, запечатлевшие новые старообрядческие пространства. Такова картина «Старо-

обрядческий дом причта» М.А. Колобовой (2008), изображающая бывший дом причта старообрядческой Покровской церкви (Дом Панина) в Ростове-на-Дону 1910 г. постройки, в котором с 2021 г. находится музей «Старообрядцы на Дону: культура, история, вера» (иллюстрация 6).

Иллюстрация 6 — Колобова М.А. Старообрядческий дом причта
Figure 6 — Kolobova M.A. Old Believer Parish House

Если в прошлом интерес к старообрядчеству художники испытывали периодически, то в настоящее время появляются авторы, для которых эта тема становится сквозной. Среди них — супружеская пара Дмитрий Гусев и Мария Шадчнева. Проблемы старовериа находятся на пересечении их исследовательских и художественных поисков. По собственному признанию Д.А. Гусева, его интересуют традиции «российского мультикультурного пространства» [13]. Он много ездил с этнографическими поездками по Сибири, Поморью и другим местам, где, в том числе, находил источники для художественной интерпретации старообрядческой темы. Со старообрядчеством связано несколько арт-проектов и выставок Д.А. Гусева и М.И. Шадчневой: «Живая вода» (проект об архетипах русской культуры и выставка в Рогожском культурном центре в 2023 г.); «Завет» (выставка 2019 г. в Новосибирском государственном художественном музее, основная тема которой — сибирское старообрядчество). Картины Гусева, в том числе, находятся в постоянной экспозиции «Музея истории старообрядчества Сибири» на базе Новосибирского кафедрального собора Рождества Пресвятой Богородицы Русской православной старообрядческой церкви. В творческом багаже художника около 20 портретов староверов, мирян и священнослужителей, включая митрополита Корнилия. Популярный у старообрядцев духовный стих «Житейское море» и житие Варлаама Керетского вдохновили художника на картину «Старец».

М.И. Шадчнева создала аллегорию «Россия», напоминающую лоскутное одеяло, где отдельный фрагмент-клеймо содержит тот или иной образ, ассоциирующийся с русской культурой: храм, терем, сказочный сундук, былинный богатырь, птица-сокол и др., а объединяет эти фрагменты изображение красивой женщины в старообрядческом платке — образ святой Руси, как в иконе с клеймами, расположенный в центре композиции.

Всплеск интереса к старообрядчеству в недавнем прошлом был обусловлен юбилеем протопопа Аввакума в 2020 г. — 400-летием со дня его рождения. Состоялось много художественных событий, приуроченных к этой дате. В октябре 2020 г. в Боровске Калужской области был открыт монументальный бронзовый памятник Аввакуму, созданный О.И. Молчановым. В музейно-выставочном комплексе Российской академии художеств в июне 2020 г. прошла выставка «Русь заповедная», где экспонировались около 50 живописных произведений, посвященных истории и современности староверия в России, созданных художниками со старообрядческими корнями (Д.А. Белюкина, О.А. Леонова, Е.В. Ромашко, Д.А. Слепушкина, Д.А. Гусева, Л.Л. Милованова, Ф.А. Москвитина) [7]. В декабре 2020 г. в Красноярском Центре культурных инициатив были представлены 20 графических работ Максима Шараева в формате комикса, объединенных, по определению автора, в графическую новеллу «Аввакум. Житие» [11, с. 27–46]. В октябре 2020 г. в Орловском областном выставочном центре работала выставка «Потаенная Русь», на которой, помимо богослужебных книг, икон, церковной утвари и облачений священнослужителей, экспонировались 37 живописных работ уже упомянутых авторов, имеющих старообрядческие корни и запечатлевших храмовые интерьеры, богослужебные обряды, старообрядческую одежду, бытовые зарисовки и пейзажи святых мест [2].

В 2022 г., к 340-летию казни Аввакума с соузниками в Пустозерске Музей изобразительных искусств Великого Новгорода представил выставку «Пепел, стучащий в людские сердца: по страницам Жития протопопа Аввакума» [8], демонстрирующую 30 рисунков художника-иллюстратора Александра Лыткина, выполненных в технике инкорели к одному из изданий «Жития» [5].

Панорама работ и обзор выставочных событий свидетельствуют о возросшем интересе к теме старообрядчества начиная с рубежа XX–XXI вв. По-прежнему наиболее востребованными остаются жанры исторического портрета и портрета-типа. Портретная галерея староверов значительно расширилась за счет изображения наших современников — носителей и хранителей традиционных ценностей, выразителей архетипов русской культуры в сегодняшнее время. В то же время в творческий обиход вводится жанр религиозного натюрморта, в композиции которого используются как общеправославные богослужебные предметы (старинные кодексы с застежками, иконы, лампады, свечи), так и старообрядческие (лестовки, подручники).

Творчество современных художников свидетельствует о сохранении традиций старообрядчества, многие работы посвящены сегодняшнему этапу развития староверия, запечатлевая живущих ныне представителей древлего православия, интерьеры храмов, в которых проходят богослужения в наши дни; иллюстрируя события недавнего прошлого, связанные с возрождением приходской и монашеской жизни, церквей и монастырей, освящением сакральных мест.

Таким образом, создаваемые в настоящее время «старообрядческие» живописные произведения выполняют важную культурно-просветительскую миссию, подчеркивая, что старообрядчество — это не только история, но и современность.

Список литературы

Исследования

1 *Мурашова Н.С.* Мир старообрядчества в русском изобразительном искусстве XVIII – первой трети XX вв. // Вестник славянских культур. 2024. № 72. С. 232–253.

Источники

2 30 сентября – 18 октября — тематическая художественно-этнографическая выставка «Потаенная Русь» // Информационно-выставочный центр Орловской области. URL: https://vistavkaorel.ru/events/2996?ysclid=m2h2eumxvd932782262 (дата обращения: 20.10.2024).

3 Аввакум Петров. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / илл. С.Б. Телингатора. М.: Гослитиздат, 1960. 480 с.

4 Аввакум Петров. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / илл. А.И. Аносова. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979. 369 с.

5 Аввакум Петров. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / илл. А.М. Лыткина. СПб.: Вита Нова, 2020. 400 с.

6 Аввакум Петров. Житие протопопа Аввакума / илл. Е. Шишкова // История Забайкалья в иллюстрациях. URL: https://albert-motsar.livejournal.com/484670.html?ysclid=mdtmzo3lj8357429906 (дата обращения 02.08.2025)

7 Выставка «Заповедная Русь» в МВК РАХ // Российская академия художеств: официальный сайт. URL: https://rah.ru/news/detail.php?ID=55692&ysclid=lo73o1iqiv763713758 (дата обращения: 19.10.2024).

8 Выставка иллюстраций к «Житию» протопопа Аввакума // Новгородский музей-заповедник: официальный сайт. URL: https://novgorodmuseum.ru/o-muzee-zapovednike/novosti/vystavka-illyustracij-k-%C2%ABzhitiyu%C2%BB-protopopa-avvakuma (дата обращения: 19.10.2024).

9 *Гагаев А.А., Гагаев П.А.* Протопоп Аввакум. О вере и человеке / илл. В.А. Никишина. М.: А-проджект, 2018. 270 с.

10 *Карпов А.* «Возвращение» Сергея Серова // Самарское староверие. URL: https://samstar.ucoz.ru/news/2008-12-10-1408?ysclid=lnzg0k6uye15675198 (дата обращения: 19.10.2024).

11 Культура в сети: опыт проекта «Стояние Аввакума» / М. Шубский, А. Московских, Л. Козлова. Красноярск: Центр креативных инициатив, 2021. 48 с.

12 *Петров В.М.* Аввакум. Распря / илл. А.Г. Шибанова. Тобольск: Изд-во Тюменского регионального общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2021. 136 с.

13 Художник Дмитрий Гусев. URL: https://gusevdmitry.com/ (дата обращения: 19.10.2024).

***

© 2025. NataliaS. Murashova
Novosibirsk, Russia

THE WORLD OF OLD BELIEF IN CONTEMPORARY RUSSIAN FINE ARTS

Abstract: This paper is a follow-up to the previously published work on the reflection of the world of Old Believers in Russian fine arts of the 18th – first third of the 20th centuries [1]. The body of about 200 works created in the period from the 1940s to the present day formed the basis of the study data. The paper identified the circle of authors, systematized the themes and genres of their works, and performed a review of exhibition events. In the 1940s-1980s I. Glazunov, G. Ogaryova-Daryina, B. Dvinyaninov, E. Maltsev, R. Ermolin repeatedly addressed the theme of Old Belief. At the turn of the 21th centuries about 40 artists created more than 80 "Old Believer" works, among them: E. Datsko, B. Kiselnikov, D. Kostylev, M. Lukyanova, L. Milovanov, V. Rassokhin, P. Ryzhenko, M. Shankov. The 2010–2020s are associated with the work of M. Molodykh, S. Onuchkin, D. Slepushkin, O. Molchanov, D. Gusev. As before, the genres of historical portrait and portrait-type remain the most popular. Portrait gallery has expanded by depicting contemporaries. A new genre of religious still life is introduced into the creative use. Many works illustrate events related to the revival of parish and monastic life, sanctification of sacred places, emphasizing that Old Belief is not only history, but also modernity.

Keywords: Old Believers, Russian Fine Arts, Modern Art, Historical Portrait, Portrait-type, City Landscape, Religious Still Life, Frame Interior, Illustrations of "The Life of Protopope Avvakum", Exhibitions for Avvakum's Anniversary.

Information about the author: Natalia S. Murashova — DSc in Cultural Studies, Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, Viluiskaya St., 28, 630126 Novosibirsk, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2373-7622
E-mail**:** 2107542@mail.ru

Received: October 25, 2024
Approved after reviewing: June 1, 2025
Date of publication: September 25, 2025
For citation: Murashova, N.S. "The World of Old Belief in Contemporary Russian Fine Art." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 00–00. (In Russ.)
DOI:

References

1 Murashova N.S. "Mir staroobriadchestva v russkom izobrazitel'nom iskusstve XVIII – pervoi treti XX vv." ["The World of Old Belief in the Russian Fine Arts of the 18th – First Third of the 20th Centuries"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, no. 72, 2024, pp. 232–253. (In Russ.)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-45-67
УДК 1 (091)
ББК 87.3
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. С.И. Бажов
г. Москва, Россия

О ЦЕННОСТНОМ ИЗМЕРЕНИИ ФИЛОСОФИИ, СУБЪЕКТНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ

Аннотация: Вниманию читателей предлагается опыт осмысления современной ситуации в философии, которая характеризуется, в первую очередь, сосуществованием науки и философии. Также оценивается перспектива рассмотрения темы в ракурсе философии как самосознания культуры (общества). Отмечается, что здесь могут быть выделены два аспекта: 1) родовые черты философии — философия как непременная составляющая посттрадиционной социокультурной матрицы — в таком аспекте философия это признак рождения самосознания цивилизации смешанного традиционно-посттрадиционного типа и (или) посттрадиционного типа в рамках мегаэпохи цивилизаций и 2) философия как самосознание конкретной исторической эпохи, например, эпохи Просвещения. В условиях вызова со стороны науки, философии, с одной стороны, удается сохранить себя в пространстве гуманитарного дискурса, но с другой, философия трансформируется под влиянием науки. Предпринимается попытка рассмотреть одну из сторон указанной трансформации, заключающуюся в переориентации ряда направлений философской мысли с объективно-объектного типа дискурса, в котором философия не выдерживает конкуренции с наукой, на общефилософский дискурс субъектно-центристского типа, что проявляется в утверждении философии, субъектно ориентированной, которую не следует путать с философией человека. Помимо вышеуказанной линии размышлений, анализируется ценностный план философии, субъектно ориентированной, намечается типология ценностно-онтологических позиций, а также рассматривается ключевая для философии, субъектно ориентированной проблема соотношения субъекта и бытия на примере сопоставления онтологических позиций Ж.-П. Сартра и М. Хайдеггера.

Ключевые слова: соотношение философии и науки; философия как самосознание культуры и исторической эпохи; философия, ценностно ориентированная; ценностный дискурс в философии; проблема соотношения субъекта и бытия; онтологические позиции Ж.-П. Сартра и М. Хайдеггера.

Информация об авторе: Сергей Иванович Бажов — кандидат философских наук, Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, 109240 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0997-3565
E-mail: bazhovsi@mail.ru

Дата поступления статьи: 31.03.2025
Дата одобрения рецензентами: 11.08.2025
Дата публикации: 25.09.2025
Для цитирования: *Бажов С.И.* О ценностном измерении философии, субъективно ориентированной // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 45–67. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-45-67

I

Философия представляет собой теоретически отнесенную мировоззренческую ориентацию, понятийно ориентированное осмысление бытия в целом, миробытия. Из этой формулы невозможно «вычесть» ни одно из ее слагаемых. Ни теоретически отнесенную перспективу, ибо так мы выйдем за рамки философской рефлексии, ни устремленность к осмыслению целого миробытия, ибо тогда, даже при условии сохранения первого слагаемого, философское мышление будет растворено в научных дисциплинах. Важно подчеркнуть, что указание на теоретически отнесенную перспективу не тождественно однозначному признанию рационалистической позиции. В самом деле, философ может быть иррационалистом; однако он должен будет подчиниться условию, представить свою иррационалистическую позицию в качестве теоретически отнесенной, т. е. теоретически проясненной, обоснованной, с аргументированным разделением в ней компонентов рациональных, внерациональных и т. д.

Для того чтобы не оставаться в границах абстрактного представления философских понятий, при котором дальнейшая их конкретизация останавливается на уровне школьной философии, если не удается примкнуть к какому-либо направлению из спектра современных философских направлений, в целом остаются три возможности: 1) примиряясь с обстоятельствами, прагматически согласиться с состоянием асистемной абстрактной, недостаточной определенности философских понятий; 2) занять позицию исследователя философии — позиция эта не исключает и плодотворные исследования — архивные, исторические, методологические, становление новой научной дисциплины (по типу логики, психологии, социологии); 3) продолжать философский поиск, несмотря на очевидные сложности.

Как же ответить на вопрос о специфике современного философского дискурса с учетом факта многообразия направлений философской мысли? Понятно, что на этот вопрос могут быть даны различные ответы. Как представляется, наилучшим образом дать ответ на этот вопрос возможно, если с самого начала отметить, что философия существует не в безвоздушном пространстве, а в определенных исторических условиях, что движение философской мысли определяется двумя факторами — упомянутой внешней обстановкой, исторической ситуацией, в которой разворачивается философская мысль и внутри — философской проблематикой.

Эта тема может быть рассмотрена и в ракурсе философии как самосознания культуры (общества). В свою очередь здесь могут быть выделены два аспекта: 1) родовые черты философии — философия как необходимая составляющая посттрадиционной социокультурной матрицы — в таком аспекте философия — это признак рождения самосознания цивилизации смешанного традиционно-посттрадиционного типа и посттрадиционного типа в рамках мегаэпохи цивилизаций и 2) философия как самосознание конкретной исторической эпохи, например, Просвещения.

Историко-философские исследования показывают, что конкретную философскую систему следует рассматривать не только в рамках направления философской

мысли, к которому она принадлежит, и не только в связи с другими направлениями философской мысли определенного исторического периода, но и в контексте определенной эпохи развития философской мысли. [13,14, 16, 18]

Если в эпохи античности и средневековья универсум философской мысли структурировался не только предшествующей философской традицией, но и в первом случае — по преимуществу матрицей античного мировоззрения, а во втором случае — соотношением философии и религии, то в эпоху нового и новейшего времени в числе самых существенных факторов, влияющих на историческое движение философской мысли, оказалась наука. Подобно тому, как в средние века адепты религии ставили вопрос о целесообразности сохранения философии перед лицом полноты религиозной истины (например, Тертуллиан), в эпоху нового и новейшего времени адепты научного знания задаются вопросом о целесообразности сохранении философии в условиях, когда наука и непосредственно, и через технику, технологии и т. д., оказывает существенное влияние на развитие общества. На первом плане оказывается вопрос о соотношении науки и философии. В этом соотношении философии все же удается отстаивать себя, хотя, в сравнении с наукой, и на позициях, близких к маргинальным. Именно в философии устанавливается сумма всех способов осмысления бытия как всецелого, и в этом смысле философия являет собой наиболее масштабную и радикальную попытку осмысления бытия. С одной стороны, в рамках общей философско-мировоззренческой типологии эти способы осмысления бытия рядоположены и равноправны, с другой стороны в философии, в форме философской системы (систематики) ведется поиск наиболее продуктивного типа философского самосознания, в котором устанавливается то, что следует понимать как истину не только в плане решения внутридисциплинарных задач, но и для социокультурного самосознания.

Ниже об этом еще пойдет речь, но сейчас следует обозначить проблематику заявленной темы работы и в этой связи указать на еще одно следствие влияния науки на философию важное для данной темы. Сущность науки как формы общественного сознания — это объективное описание действительности, и в решении этой задачи другие формы общественного сознания проигрывают конкуренцию с наукой. Как это сказывается на положении философской мысли? С одной стороны, философии вряд ли стоит конкурировать с наукой в решении задачи объективного описания действительности. С другой стороны, философия отказалась бы от своего предназначения, если бы уклонилась от рассуждения об объективной действительности в связи с проблематикой бытия, целого. Понятно, что это должно быть философское размышление об объективной действительности, а не дублирование научной картины мира. Итак, несмотря на то, что философия не отказывается от осмысления объективной действительности, все же понятно, что по объективным основаниям фокусом внимания философии становится субъектноцентристский аспект философского дискурса. В этой связи уместно напомнить, что философская систематика — это не только и не столько историко-философский концепт философской системы как суммы типичных отраслей философского знания, но и необходимо связанная совокупность содержательных компонентов, логически восходящая к ключевому для данного философского учения содержательному плану. Отражением и выражением этого объективно вынужденного субъектноцентристского поворота философского дискурса и является концепт философии, субъектно ориентрированной.

При этом необходимо сразу подчеркнуть, что речь идет не о философии человека, но об общефилософском дискурсе, приобретающем вид философии субъектно

ориентированной, т. е. в указанном концепте обозначается основание системного порядка, которое выступает для данного направления, точнее, может быть, для данного типа философского дискурса, ведущим принципом структурирования философской систематики.

Когда мы говорим о необходимости расширения концепции субъекта за пределы гносеологического субъекта, с тем, чтобы концепция субъекта включала в себя измерения экзистенции, жизненного мира, то здесь имеется в виду не только акцент на практическом использовании разума наряду с теоретическим, а также объединение тем разума и жизненного мира для того, чтобы проследить истоки формирования разума в жизненном мире, но и акценты на роли онтологии и ценностно-эмоционального отношения субъекта к бытию в установках субъекта. Именно в философии, субъектно ориентированной может быть рассмотрен вопрос о постдогматической метафизике. Но не на почве гносеологического субъекта, способного мыслить априорно, или использовать интеллектуальную интуицию, но в рамках своего рода круговой причинности, в которой осуществляется связь рассудочных и ценностных оснований.

Далее, при конституировании общефилософской позиции, во внимание должна быть принята не только проблема соотношения науки и религии, но и вопросы соотношения в научном знании и в философско-мировоззренческом дискурсе субъектного и объектного планов. Иными словами, при построении наилучшей общефилософской позиции во внимание должен быть принят не какой-то один основной философский проблемный план. Рассмотрение заявленного выше вопроса о соотношении науки, религии и философии далее будет продолжено в рамках вопроса о соотношении субъектного и объектного планов. Если в содержании первого вопроса важную роль играет проблематика гносеологического плана, то в ракурсе второго вопроса на первый план выходит онтологическая проблематика.

Здесь также имеет смысл упомянуть о ряде направлений философской мысли, которые могут рассматриваться как примеры философии, субъектно ориентированной. В философии нового и новейшего времени это учения Р. Декарта, И. Канта, И.Г. Фихте, Ф. Ницше, а также — феноменология, экзистенциализм, персонализм. У названных философов нового времени субъектный план в виде гносеологического субъекта не только играл роль основополагающего введения в философскую систематику. В феноменологии на базе концепта гносеологического субъекта была разработана новая философия сознания, ставшая основой философской систематики (философия сознания Э. Гуссерля). В экзистенциализме в качестве основного звена философского учения, фигурирует план субъектного бытия, понимаемый в ракурсе проблематики существования субъекта. В центре внимания в персонализме оказывается личность, обращенная не только к самой себе, но и к обществу, к бытию в целом. У поворота к философии субъектно ориентированной, воплощенного в этих направлениях философской мысли, есть и общие черты, а именно, выдвижение на философскую авансцену субъектного (субъектноцентристского) плана, ибо, как отмечалось, объектное бытие преимущественно раскрывается грандиозной совокупностью наук и научных дисциплин в научной картине мира.

Кроме того, здесь нужно отметить, что тема религии, а в дальнейшем — онтологические модели и ценности, рассматриваются в контексте ориентации субъекта сообразно специфике философии, субъектно ориентированной, основным исследовательским ракурсом является субъектный план философского дискурса.

Практически все философские направления привязаны к различным типам философских мировоззрений, например, скептицизм, материализм, объективный идеализм в версиях метафизики античной, средневековой, новоевропейской, субъективный идеализм, научная философия позитивизма, философия, субъектно ориентированная и др. В этом отношении философия восполняет, расширяет ряд нефилософских мировоззрений — мифологическое, религиозно-мифологическое, религиозное, неомифологическое и др.

На шкале вариантов соотношения науки и философии можно сразу выделить области полюсов наукоцентристский рационализм и иррационализм, а также срединные позиции, не исключающие возможности продуктивного сочетания философии, науки и религии.[1,2,12] Здесь сразу можно указать на нигилистическую по отношению к философии позицию полного сведения философии к науке, и на более приемлемую в философском плане позицию научной философии, далее, на стремление соединить в философско-мировоззренческом синтезе философию, науку и религию (центристскую позицию) и на полюс иррациональной философии. Дальнейший разговор о соотношении философии и науки целесообразно продолжить парадоксальным примером такого соотношения, а именно, с растворения философской рефлексии в науке, происходящего тогда, когда философия превращается в научное исследование в рамках совокупности специальных научно-философских дисциплин, например, историко-философской, этической, эстетической, логики и т. д. А когда адепт философии задается вопросом, а где здесь философия, следует разъяснение, что речь идет о научной дисциплине, или же, в случае с первыми приведенными примерами, что история философии и есть подлинная философия, этика и есть подлинная философия и т. д. Но, пожалуй, последние позиции можно приветствовать в том смысле, что здесь есть попытки соотнести свои исследовательские занятия с философией, хотя это и не слишком убедительные попытки, поскольку философия не сводится ни к одной из перечисленных научно-философских дисциплин, например, к истории философии и т. д., но представляет собой теоретически отнесенное размышление о целом бытия, (понятийно) выраженное в философско-мировоззренческой систематике. Но среди исследователей в области философии, есть и ученые, которые полностью лишены философской мотивации, мыслят себя исключительно представителями научных исследований в указанной области, что сравнимо, например, с позицией искусствоведов, исследующих живопись, литературоведов, изучающих литературу и т. д. Как уже говорилось выше, это пример, можно сказать, натуралистического растворения философии в науке. Впрочем, саму по себе такую позицию нельзя рассматривать как однозначно негативную. Дело в том, что, таким образом, т. е. через отделение от философии, могут формироваться научные дисциплины, как это было в свое время с социологией, психологией, с логикой и др. Проблема возникает тогда, когда высказывается идея растворения философии в науке, ибо таким образом совершенно отвергается значимость философии как формы сознания, в то время как именно на научно-философский комплекс в существенной мере опирается самосознание человека посттрадиционной культуры, и в названии самого этого комплекса присутствует философия как его существенная составляющая. Но на научно ориентированном полюсе шкалы всех логически возможных типов соотношения философии и науки не все так безнадежно, как можно было бы подумать, если ограничиться только двумя приведенными выше примерами сознательного и бессознательного отказа от философии, ибо, как уже говорилось, еще есть научная философия, сторонники которой признают синтез науки и философии.

Определенный парадокс в том, что история философии знает две разновидности научной философии, находящиеся между собой в конфликтных отношениях — материалистическую и позитивистскую. Впрочем, осознание того, что материалистическая и позитивистская научные философии находятся в антагонистических отношениях, пришло не сразу, но лишь по мере развития в позитивизме гносеологических исследований.

В этой связи можно говорить о соперничестве двух типов научной философии в философии второй половины XIX–XX вв. — материалистической и позитивистской, на смену которой в философии науки XX в. пришла конкуренция различных направлений, наиболее интересным комментарием к которой, может считаться следующий**:** несмотря на то, что философам науки не удается дать общепризнанное описание методологии научного исследования, становления и развития научных программ, несомненным фактом является впечатляющее развитие науки. Дополнительную же остроту конфликт позитивизма и материализма как двух типов научной философии приобрел вследствие тесной связи этих философских направлений с политическими движениями, а именно, с разновидностями социализма — домарксовского, классического марксизма и марксизма-ленинизма и др.

Здесь можно отметить, что, несмотря на утверждение философов-марксистов, что главным конфликтом в философии является противоборство материализма и идеализма, [13] значительное место в истории марксистской философии занимает именно борьба представителей диалектического материализма с позитивизмом. Так, наиболее крупное философское произведение Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» было посвящено полемике с философским конкурентом основоположников научного коммунизма — марксизма и философии диалектического материализма философом-социалистом Евг. Дюрингом, считавшим, что философским знаменем социалистического движения должна стать подлинная научная философия — позитивизм[25]. Вместе с тем, в случае с полемикой Ф. Энгельса против Евг. Дюринга первый не только обосновывал б*о*льшую научную состоятельность диалектического материализма в сравнении с другими направлениями научной философии — механистическим материализмом и позитивизмом, но также отстаивал авторитет К. Маркса не только как основоположника марксизма, идеолога и вождя пролетариата, но и как автора оригинального направления в материалистической философии — диалектического материализма [25]

Однако особо острый характер спор сторонников двух типов научной философии — диалектического материализма и позитивизма — приобрел в российском социалистическом движении, в знаменитой полемике В.И. Ленина с А.А. Богдановым в связи с тем, что в отличии от Ф. Энгельса, который усматривал различие диалектического материализма и позитивизма в большей мере со стороны диалектического метода, В.И. Ленин отчетливо увидел, что позитивизм не только неопровержимо научно-теоретически уничтожает философию материализма любой разновидности — механистического, антропологического или диалектического как научно несостоятельную материалистическую метафизику, но и открывает дорогу поповщине (В.И. Ленин), тем самым подрывая этически и философско-идеологически устои революционного марксизма [13]. Спор этот был актуален в социалистическом движении, особенно в рядах российской социал-демократии, а также в той части советского философского сообщества, которая была ориентирована на идеалы научной философии, но, собственно, в философии науки XX в. он имел существенно меньшее значение.

Важно отметить, что основным руслом развития философии науки в XX в., а также научно ориентированной философии в целом, стал, если и не исключительно позитивизм, поскольку позитивистская редукционистская гносеологическая программа сведения теоретических положений к эмпирическим оказалась неосуществимой, то дискурс позитивистско-постпозитивистского типа, поскольку научная философия перестала претендовать на познание бытия.

Но можно ли сделать вышеуказанную классификацию, во многом идущую от позитивизма, основной? Является ли она настолько широкой, что может включить в себя исчерпывающий круг вариантов? Например, если речь идет о приверженности к какому-либо традиционному философскому направлению, например, философии Аристотеля. Даже в этом случае нужно принять во внимание два момента: первый — это обретение философского образца в традиционном направлении, а второй — это оправдание своего выбора в контексте современной философской ситуации, когда необходимым оказывается сопоставление основоположений современных направлений философской мысли (включая недавние направления), аргументированный выбор своего направления.

Но, разумеется, у сторонников всех разновидностей позиций, тяготеющих к научному полюсу упоминавшейся классификационной шкалы, есть и непримиримые оппоненты на противоположном полюсе, — донаучная (до новоевропейской науки) метафизическая философия, и те разновидности религиозной философии, в которых освещается только антагонистическая сторона взаимоотношений науки и религии.

В последнем случае центральным оказывается вопрос о соотношении науки, философии и религии [6]. Это принципиальный вопрос не только в вышеупомянутой полемике российских социал-демократов. Один из центральных вопросов в философской ориентации в эпоху средневековья и в новое и новейшее время — это соотношение рациональных и внерациональных начал. Первые компоненты — научно-философские, вторые — религиозно-мифологические. В эпоху мировых религий последние, как правило, дистанцируются от мифологической составляющей, соответственно речь идет о мировых религиях. Религия — феномен многоплановый, многоаспектный, здесь излишне перечислять все его стороны. Достаточно указать на такую существенную ее сторону, что религия является антропологическим проектом, она тесно связана с функционированием психики человека. В этом смысле религия представляет собой интерпретацию реальности с учетом следующего психологического компромисса. Для многих людей религиозно не преобразованное бытие, неприемлемо психологически. Верующие люди говорят, что без религиозной веры они жить не могут. В эпоху продолжающейся научно-технической революции для человека, испытывающего потребность в религиозных смыслах, а это не такое уж малое число людей, религия — единственный способ обрести основополагающее доминирующее жизнеутверждающее, позитивное метафизическое измерение в картине миробытия.

Действительно, многими религиозными мыслителями и философами проделана большая работа по совмещению религии со многими современными социокультурными и общественными реалиями [15,17]. Конечно, нужна постоянная творческая работа, чтобы адекватно интерпретировать и переинтерпретировать две стороны проблемы соотношения содержания религиозного и внерелигиозного: первая — раскрытие вышеуказанных граней существа религии и, вторая — осмысление влияния религии на человека и на общество [3,5,7].

Но между вышеуказанными полюсами на вышеупомянутой шкале вариантов соотношения науки и философии есть и срединная позиция, которую можно определить как интегральную, поскольку ее сторонники стремятся синтетически объединить начала науки и религии в философско-мировоззренческом дискурсе.

Это намерение осуществимо со стороны науки, точнее, с позиций научной философии, признающей существенной эмпирическую (и эмпирико-теоретическую) основу научного познания. Дело в том, что, например, гносеология позитивизма, несмотря на свойственную ей одноплановую эмпириоцентристскую, редукционистскую по отношению к теоретическому уровню научного исследования познавательную тенденцию, вслед за гносеологией И. Канта ценна своим реалистическим описанием теоретико-познавательных возможностей науки, способной постигать лишь ту реальность, о которой имеются эмпирические научные данные и отказывающейся отвечать на вненаучные, т. е. внеэмпирические вопросы типа, каково бытие в целом, так как об этом нельзя судить в научных исследованиях в настоящем, прошлом или в обозримом будущем, опираясь на данные эмпирического исследования. В то же время в позитивизме констатируется отсутствие научно-теоретического запрета (запрет относится только к нарушению линии демаркации научного знания и вненаучного содержания) на такого рода вненаучный, вкусовой, ценностный дискурс, тем самым открывая мировоззренческую возможность для утверждения преимущественно ценностного религиозного дискурса. Одновременно гносеология позитивизма теоретически устраняет материалистическую философию, основанную на материалистической метафизике. Это важно отметить и в том плане, что в материалистической философии (материалистической метафизике) «теоретически» допускается исключительно материалистическая метафизика, в ней содержится «теоретический» же запрет на утверждение в картине бытия какого-либо. вненаучного, в данном случае религиозного, ценностно-философского содержания, кроме материалистического.

Намерение это, осуществимо и со стороны религии, в данном случае — христианства, располагающего религиозной философией, включающей положения о естественном и сверхъестественном планах бытия, что дает возможность, охарактеризовать науку как познание естественного измерения бытия, в то время как в Откровении раскрывается сверхъестественный план. Соответственно, в рамках интегрального религиозно-философского учения может быть осуществлен продуктивный синтез начал науки и религии [4,8,11]. Такая возможность есть, но зачем науке религия? Интегральное учение нужно в первую очередь не науке, но ученым, причем не только как личностям, но также и как играющим свою профессиональную роль, поскольку воля к познанию истины, ценностное основание идеала познания истины не имманентны гносеологическому отношению, но привходят в гносеологию извне, например, из духа культуры определенного периода, из вышеуказанного интегрального религиозно-философского дискурса. Значение религии в первую очередь ценностное и лишь во вторую очередь и то иногда — теоретическое. С другой стороны, зачем религии диалог с наукой? Наука — важный фактор современности, и ее игнорирование вместо поиска ее законного места в интегральном учении и в обществе, затрудняет или даже делает невозможным осмысление современных реалий, без чего невозможно и продуктивное влияние на них и т. д.

Но здесь идет речь во многом пока только о возможности сочетания науки и религии в философско-мировоззренческой систематике, но каковы основания для реализации этого синтеза?

Первоначально религиозная вера — один из компонентов в составе мифологии, затем религия отделилась от мифологии. Важнейшее значение имеют основания личного решения человека в пользу веры. Основания эти заключаются не только в вышеуказанных гносеологических аргументах, но и в признании необходимости замещения образа бытия, в котором, всеопределяющим началом является, в конечном счете, действительность без человека и человечества, безо всего его наследия — полное, всевластное ничто, в этой системе воззрений являющееся подлинным началом и концом бытия, в силу логики движения ума встраивающегося в основание и общий итог совокупности убеждений человека, образом бытия, в котором высшее начало — божественное, понимаемое и как начало вечной жизни человека и человечества и т. д.

К выводу о всевластии ничто приводит логика смысла и оценка конечности бытия человека и человечества. И эти вывод и оценки могут укореняться в сознании и помимо нашего желания, в порядке объективного логического итога. Эти выводы и оценки, конечно, не на первом плане, где преобладают интересы жизни. Но они присутствуют в системе установок личности, они значат, подкрепляют собой отрицательные оценки, рождающиеся в душе человека под влиянием различных негативных ситуаций и обстоятельств. По сравнению с архаичной и традиционной картинами миробытия, современная, сложившаяся под влиянием ряда факторов, среди которых важная роль принадлежит науке, с одной стороны, выглядит проясненной и научно упорядоченной с помощью исследования причинно-следственных связей, но с другой стороны, выступает полностью лишенной абсолютного ценностного смысла.

Религия играет уникальную роль в преодолении нейтральной в ценностном отношении научной картины мира. Не существует сравнимого по действенности с религией способа воздействия на часть эмоций, не интенсивных, но глубинных и производных от общих мировоззренческих оценок. Религия, в данном случае христианство как одна из мировых религий, позволяет достроить картину бытия таким образом, чтобы она попадала в резонанс с мировоззренческими жизненными устремлениями человека, позволила бы психологически и творчески преодолеть естественные ограничения, очевидным образом присущие человеческому существованию — ограниченному по времени, подверженному случайности, уязвимому, хрупкому и т. д. Могут сказать, что это возможно только в вере, которая с эпистемологических позиций является лишь разновидностью фантазии. Но такие фундаментальные оценки, это уже вопрос убеждений, веры.

При этом утверждается позиция, согласно которой дополнительную действенность религии придает то, что она выступает в составе религиозно-философского синтеза. В указанной философско-мировоззренческой систематике важны и философский, и религиозный компоненты. Здесь необходимо подчеркнуть, что для того, чтобы религиозный компонент был представлен в наиболее значимом виде, его следует представить не только в изолированном виде, но и в составе религиозно-философского синтеза.

В целом же можно сказать, что вышеуказанная синтетическая формула является продуктивной, и в случае ее дальнейшего дополнения аспектом философии, субъектно ориентированной (см. ниже), а также проблематикой традиции, можно будет говорить не только о продуктивном философско-мировоззренческом синтезе, но и о перспективе плодотворного традиционалистско-модернистского культурно-исторического синтеза [9,10].

Несмотря на то, что в этих пояснениях на первый план выдвигается тема сочетания философии и религии или философии, науки и религии, ведущей здесь остается линия размышления о направлении философского мышления, поиска.

II

Следующий важный момент, на который нужно обратить внимание, связан с указанием на различие двух фундаментальных подходов к пониманию мира, свойственных человеческому сознанию, двух форм осмысления действительности — знания и оценки. Если в первом случае речь идет о постижении реальности в ее объективных характеристиках, то во втором — о приписывании человеком значимости различным явлениям и предметным реалиям в соответствии с их свойствами удовлетворять различные потребности и интересы человека. У человека наличие сознания и многообразия жизненных интересов приводят к выработке ценностного плана как средства ориентации в этом многообразии, структурировании его. Полноценная ориентация человека в реальности невозможна без знаний и оценок как двух видов накопления информации. Между тем, нельзя не обратить внимание на асимметрию осмысления в философии стратегий знания и оценок — первостепенное внимание уделялось именно концептуализации знания. Другими словами, в философско-мировоззренческой рефлексии нередко основанием выступает ценностное решение, избрание определенных ценностей, основания чего должным образом не проясняются. Чаще предпринимаются попытки показать основания утверждаемых тезисов в гносеологии и философии сознания. Впрочем, сама проблематика ценностей и оценок разрабатывалась со времен поворота в философии, осуществленного еще Сократом, что неудивительно, поскольку ценностная ориентация является составной частью разумной философской ориентации человека, трансцендирующего как традицию (традиционное сознание), так и горизонт обычного сознания, мира общих мнений и т. д.

Можно отметить, что первое использование разума — теоретическое. Но затем замечаем, что мы в состоянии не только стремиться к описанию истинным образом фактической предметности, но и обладаем способностью действовать с целью внести изменения в существующее положение вещей. Во втором случае видим некое положение дел и, соотнося существующее положение дел и наши пожелания задумываемся об изменениях; желательное положение вещей формулируется в виде цели, к осуществлению которой следует приступить в практической деятельности. Но, дело не только в том, чтобы наряду с теоретической деятельностью разума указать и на его практическую сторону. Здесь важно указать на моменты предпочтения одной цели другой, например, обретение истины, отказ от не-истины, на выбор, базирующийся на ценностном основании, т. е. речь о том, что в философском дискурсе ценностный план есть столь же существенное измерение, как планы гносеологический, онтологический, практический.

Соответственно, здесь речь о дополнении размышлений о структуре разума эксплицитным указанием на ценности, а в более общем плане — о расширении тематики философского размышления о разуме. Т. е. здесь, как бы перекресток тем, призванных дополнить тематику размышлений о разуме декартовско-кантовского типа. В сущности, у Р. Декарта и И. Канта речь идет по преимуществу о гносеологическом субъекте, что сопряжено с культом разума в философии нового времени. Понятно, что при осмыслении субъекта не следует ограничиваться рамками гносеологического субъекта, эти рамки следует расширить. Встает вопрос о различных вариантах этого расширения. Например, посредством анализа сущностных сил человека, к числу которых, наряду с разумом, относятся ценностная ориентация, воля и аффекты или же такое расширение как разум, экзистенция, жизненный мир; можно также указать на перспективу персонализма.

Тему знаний и ценностей, фактов и ценностей в философском контексте можно рассматривать в гносеологическом отношении, отмечая, что ценностный ракурс предусматривает свою логику, отличную от логики фактов. Если факты — всегда данность, подлежащая теоретическому описанию, то нормы не только описывают как факты, но и формируют, сравнивают, избирают или отвергают и т. д., а также дополнительно, с акцентированием ряда аспектов в философско-мировоззренческом плане, отмечая, что в свете избранных ценностей даются оценки. Оценки — положительные, отрицательные, нейтральные — становятся фактором переживаний, которые становятся частью фона существования.

В этой связи можно говорить о ценностной онтологии, которая может рассматриваться как результат трансформации традиционной метафизики. Мы не можем познать бытие теоретически, но способны гипотетически его смоделировать с учетом наших знаний и ценностей, дать ему оценку. И эти представления и оценки будут оказывать существенное влияние на нашу внутреннюю жизнь, в частности, на наши переживания.

Субъект нуждается не только в освоении теоретической перспективы, в понимании причинно-следственных связей, в целесообразной деятельности, но и в осмыслении такого фундаментального основания выбора целей и целесообразной деятельности, как ценностные предпочтения. Для выработки ценностных предпочтений необходимо осмысление ценностных оснований, всего их круга. В противном случае придется говорить о действиях во многом безотчетных в ценностном отношении: на основе целей и стоящих за ними ценностных оснований, внушенных воспитанием, социальной средой, традициями. А без отчетливого понимания критерия выбора наилучшего ценностного основания, без личных ценностных решений, человек рискует не обрести должной устойчивости в противостоянии разного рода превратностям судьбы.

Неясности с выбором ценностей деформируют и план целей человека, что искажает его деятельность, ослабляет теоретический и практический рациональный этос субъекта, приводит к усилению влияния аффективного плана личности вплоть до превращения человека в ряде существенных отношений в «игрушку эмоций», к тому же, нередко, в социокультурной среде, которая во многом структурируется посредством механизмов влияния на эмоции.

Сформированный план ценностей способствует тому, что человек уверенно определяется со своими целями, а размытый неблагоприятно сказывается и на целях человека. На наличие здесь принципиально важных для личности психологических связей обратил внимание В. Франкл, учение которого во многом представляло собой реакцию на учение З. Фрейда. Как известно, при исследовании психики З. Фрейд сфокусировал внимание на сфере бессознательного, на аффектах и эмоциях, которые, с одной стороны, в общей картине психики в качестве сферы бессознательного дополняли сознание, так что возникало впечатление сбалансированного общего изображения психики, но, с другой стороны, именно сфера бессознательного фактически была объявлена подлинным энергетическим резервуаром личности. Именно этот последний пункт делал общую картину психики по Фрейду лишь внешне сбалансированной, а по сути, в ней сфера бессознательного оказалась энергетически преобладающей. В первую очередь Франкл выступил против переоценки у Фрейда психологических ресурсов сферы бессознательного, противопоставив ей возможности сферы сознательного [23]. Вторая особенность в трактовке Франклом учения о психике Фрейда, это критика указания на то, что психика в основном движима игрой внутри психических сил субъекта. По Франклу же функционирование психики практически в равной мере определяется

как сферой внутреннего, так и активной коммуникацией субъекта с планом внешнего, субъектно-объектным и объектным [23].

Дело в том, что план целей, целесообразная деятельность человека, связанная с ценностным планом, вносят большой вклад в структурирование личности. Объективно, т. е. в ракурсе истории психологии и философии, в дополнение к критически важному для субъекта плану аффектов и чувств, неоднократно акцентированному представителями сентиментализма, романтизма и психоаналитиками, В. Франкл рассмотрел также принципиально важный для стабильного и продуктивного функционирования психики ракурс целей и целерационального поведения человека [23]. Но цели — это часть комплекса, в который также входят ценности, оценки, ценностные переживания и т. д. Поэтому не следует останавливаться только на анализе целей, имеет смысл также рассмотреть и другие составные части этого комплекса.

Проблематику ценностей можно рассматривать и в таких аспектах, как механизмы оценок и ценностного выбора, а во-вторых, как комплексы (или системы) ценностей. В свою очередь, механизмы оценок и ценностного выбора могут рассматриваться с содержательной и эмоциональной точек зрения. В статье больше внимания уделяется второй точке зрения. Дело в том, что интеллектуальное постижение мировоззренческих реалий носит комплексный характер, включает в себя разумное постижение мировоззренческой предметности и оценку этой предметности. Оценка может быть малозаметной, находиться на втором плане, но она есть, и более того, играет важную роль в общем строе субъекта. Роль эта заключается в формировании переживаний, относящихся к ценностно-эмоциональному фону основоположных убеждений личности, или даже имеет место влияние на формирование таких убеждений личности, как в случае с основаниями обращения человека к религиозной вере.

В этой связи важным представляется вопрос о фундаментальных мировоззренческих оценках бытия человеком. Эти оценки, конечно, не произвольны, зависят от того, как субъект мыслит бытие и место человека в нем. Каково понимание бытия, таковы и фундаментальные оценки его человеком.

В связи с тем, что в ценностной сфере одно из важнейших разделений это две группы ценностей — связанные с миром естественным и (или) сверхестественным, необходимо вновь вернуться к теме соотношения науки и религии.

Если посмотреть на выделенные выше философские позиции с точки зрения ценностей, а именно, какие ценности возможны в пределах данных онто-гносеологических контуров, то в первом случае увидим исключительно ценностную перспективу, сконструированную в границах естественного измерения бытия, во втором случае — признание ценностной перспективы естественного измерения в сочетании с колебаниями по поводу признания или не признания сверхестественной ценностной перспективы. В третьем случае имеет место позиция признания только сверхестественной ценностной перспективы и, наконец, в четвертом случае это будет признание планов естественного и сверхестественного, ценностей относительных и абсолютных.

Если в теоретическом плане решается задача объективного описания действительности, то в ценностном плане, который в аспекте философско-мировоззренческой ориентации личности не менее важен, чем план теоретический, решается задача распределения по приоритетам, иерархического упорядочивания, а также распределение по категориям подлинного и неподлинного всех многообразных стремлений и интересов человека, ибо без такого общего упорядочивания человеку угрожает хаотизация субъектного бытия через хаотизацию сферы личностной ценностной ориентации. Дру-

гими словами, субъект должен организовать, структурировать себя не только как гносеологического субъекта и как субъекта практической деятельности, но и в плане ценностной ориентации. Поэтому можно полагать неверным мнение о том, что ценности — это лишь содержание, навязываемое человеку извне, из социума. Ценностная ориентация — это важный план ориентации личности.

Можно сказать, что любой человек на почве обыденного сознания в той или иной степени осуществляет эту ориентацию. Однако такой ориентации присущи те же недостатки, которые свойственны обычному сознанию в сравнении с теоретическим. В частности, тот недостаток, что в ней начала и принципы ценностной ориентации, как правило, не сознаются ясно и отчетливо, неясны их основания, состав, иерархия, ибо на почве обычного сознания ориентация часто непоследовательна, неопределенна, так, что нередко самому человеку сложно сказать, к каким именно ценностным позициям он склоняется и т. д. Все эти недостатки могут быть преодолены в ходе философского осмысления ценностной ориентации субъекта.

В предварительном плане, можно указать, например, на различение дальнего и ближнего планов. В этом примере сейчас важна не столько моральная сторона дела (разумеется, важная сама по себе), но введение в рассмотрение, наряду с ближним планом и дальнего. Понятно, что упоминание о человечестве не исчерпывает всего содержания дальнего плана. Предельным здесь будет понятие бытия, ответ на вопрос, каково бытие. На вопрос о том, имеет ли для не-философа значение размышление о бытии можно предварительно ответить, что определенное значение имеет. Однако, здесь не следует ограничиваться столь мало определенным ответом ввиду важности самого вопроса, самой темы. Важность этого вопроса определяется тем, что, хотя отнюдь не все люди — философы, которым положено размышлять о бытии, в силу того, что все люди по своей природе в той или иной мере разумны (за исключением случаев патологии), в душе и в сознании каждого человека явно или неявно складывается общая оценка действительности, миробытия: либо односторонняя (односторонне оптимистическая, односторонне пессимистическая), либо сбалансированная, реалистическая, включающая в себя аспекты позитивный и негативный в состоянии подвижного равновесия, с определенным преобладанием первого над вторым.

Здесь не имеет большого значения, что эти оценки подчас существуют лишь в форме смутных, но устойчивых ценностных переживаний, полусознательно обобщающих все, что происходит с человеком, его жизненный опыт. Важен сам факт наличия такого содержательного пласта в фундаментальном слое сознания. Этот содержательный пласт значит, окрашивая в свой настрой «фон» сознания, и не только эмоциональный, но и примыкающее к нему содержание.

Поскольку всем нам свойственно стремление к лучшему, то и здесь, т. е. в сфере фундаментальных ценностных оценок и переживаний, должен быть наведен порядок. Понятно, в какую сторону здесь надо двигаться в методологическом отношении: размышление следует перенести с почвы обычного сознания в философское. А в содержательном плане, надо полагать, в первую очередь следует вести речь о плане фундаментальных оценок бытия, какие общие оценки бытия подлинные, а какие — нет. Понятно, что частью ответа на этот вопрос является суждение о том, каково бытие. Здесь можно указать на парадоксальную трансформацию — дискурс о бытии становится аспектом ценностной ориентации субъекта, и этому есть объяснение. Дискурс о бытии оказывается за пределами научного разума. Реакция на это в виде возврата к традиционной донаучной по отношению к науке современного типа философии важна, так как ори-

ентирует на размышление о мотивах постижения бытия в традиционной донаучной философии, но сегодня в целом она представляется недостаточно плодотворной. Более продуктивно рассмотрение дискурса о бытии в рамках учения о ценностной ориентации субъекта.

Но задача не только в том, чтобы выделить и описать два вышеуказанных плана, но и в том, чтобы рассмотреть осуществление ценностной ориентации. Дело здесь не только в методологическом разделении планов рационального (теоретического и практического) и ценностного, хотя, разумеется, это немаловажно. Вопрос и в содержании ценностей, а именно, в различении посредством аргументированных решений ценностей подлинных и мнимых. Здесь также могут быть обозначены ключевые вехи. И, прежде всего, это разделение на планы естественный и сверъхестественный.

Также имеет смысл упомянуть о таком феномене, который имеет смысл характеризовать с методологической точки зрения, когда сфера ценностного ориентирования еще не выделена как таковая, но входит частью в систему проекций мифо-религиозной традиции. Кроме того, существует поздний аналог этой позиции, когда ценностную сферу представляют через проецирование на нее теоретической сферы, и выстраивается ценностно-теоретическая ориентация гносеологического субъекта вокруг идеи познания субъектном истины. В целом здесь акцентируется теоретическое постижение, направляемое признанием ценности истины.

Теперь вновь обратимся к выделенным выше философским позициям в зависимости от соотношения науки и философии с тем, чтобы рассмотреть их ценностные планы. В числе типов философско-мировоззренческого истолкования научной картины мира следует назвать: 1) метафизический агностицизм, наиболее выверенная в теоретическом отношении позиция: о чем нет научных знаний, о том молчим; 2) «преодоление» указанного агностицизма посредством веры, убеждения; 2 а) неявная (чаще) или явная вера в то, что в бытии доминирует материальная основа, что бытие материально. В марксизме и в СССР философию диалектического материализма пропагандировали, не оставляя легальной возможности критически продумать основы этой философии вследствие тотальной идеологизации интеллектуальной жизни. В результате под влиянием марксистской пропаганды в дореволюционный период и тотальной идеологизации общественного сознания в советский период, многие усваивали веру в то, что бытие материально, и что это положение ни что иное, как непреложный общий вывод из современного научного знания. Впрочем, когда под влиянием критической рефлексии клубок этот разматывался, становилось ясно, что речь идет не о науке, а о феномене материалистической веры и что материалистическая вера в то, что бытие материально, не единственно возможный тип веры; адепт философии материализма вполне может сказать, что он делает сознательный выбор в пользу веры в то, что бытие материально, ибо с его точки зрения именно это положение наилучшим образом отражает подлинную суть вещей в мире; 2 б) но есть и другая вера — в то, что в структуре бытия план естественного бытия, дополняется планом сверхъестественного, божественного.

Позиция агностицизма характеризуется колебанием между бытием и небытием, предположениями позитивными и негативными. Конечно, эта позиция лучше последовательно негативной пессимистической позиции декаданса и нигилизма, так как в ней иногда проглядывает луч надежды. В то же время эта позиция, в которой «сочетаются» различные начала — бытие и ничто, позитивное и негативное, представляет собой пародию на подлинный синтез различных начал — позитивного и негативного и др. в позиции реализма.

Речь идет о ценностях, исключительно внутри естественного измерения бытия, а не сверхъестественного, существование которого не признается, только первая позиция предмет рассмотрения. И здесь надо различить два подварианта. Первый — это убежденность в значимости этих ценностей. Если некоторые люди сохраняют верность этим своим убеждениям на протяжении всей жизни, то другие, более чуткие в ценностном плане, первоначально, в соответствии с духом современности избирающие этот тип ценностей, постепенно приходят к выводам, что, во-первых, борьба за эти ценности требует всего человека (и это способствует рождению сомнений); во-вторых, опыт реализации этих ценностей, достижение определяемых ими целей приводят к известному разочарованию, что готовит почву для возобновления ценностных исканий. Второй подвариант — разочарование в этих ценностях, но без обращения к религии, настолько глубокое, что подрывает волю к жизни, переводит человека в режим доживания, а не достижений, приводит его на позиции декадентские и нигилистические, в которых резко возрастает удельный вес настроений пессимистических и протестных.

Итак, важнейшая линия смысловых разделения проходит не только в сфере гносеологической, но и в сфере ценностной. В первом случае это разделение планов метафизического и внеметафизического, теоретико-эмпирического (с частым игнорированием первого и культивированием второго); во втором, это разделение двух аксиологических планов: замкнутого в естественной перспективе и в естественной и сверхъестественной. В этой связи уместно предположение, что метафизический план в целом, и в его раннем мифологическом облике, и в последующем, архетипичен для человека, столь же важен для него как планы биологический и социальный. Отделенность души человека от этого плана в культуре, утрата сознательного и продуктивного контакта с ним, даже при сохранении связи с биосоциальным измерением, способно стать одним из факторов, подрывающих у человека волю к жизни, приводящих к постепенному ценностному омертвению, эмоционально-смысловому выгоранию, к неспособности продуктивно функционировать в нормативно структурированной социальной сфере.

Конечно, акцент на ценностном измерении в философско-мировоззренческой рефлексии, в известном смысле, не новость. Можно сослаться на, в определенной мере, философски оформленные мировоззрения, основанные на оценках — мировоззрения пессимистическое, оптимистическое, реалистическое. Сторонники последнего отвергают как первое, так и второе, поскольку в них неприемлемо односторонне оценивается действительность, которая, как многоплановая по своей природе, не может быть описана в односторонних мировоззренческих характеристиках, только пессимистических или оптимистических. В логике оценочных мировоззрений приоритет за реалистическом мировоззрением, в котором допускаются оба вида приведенных выше оценок. Однако трансформация исходных оценочных мировоззрений — пессимистического и оптимистического в реалистический тип, может приводить к утрате жанровой определенности формы оценочного мировоззрения и тем самым, к возвращению в русло построения типовой философско-мировоззренческой систематики.

Таким образом, все сказанное о ценностном плане позволяет конкретизировать ценностный аспект разработки философии, субъектно ориентированной. Позиция, при которой в теоретической перспективе из актуальных ценностей остается только ценность самой теоретической перспективы, ценность познания теоретической истины является предельной позицией в ракурсе соотношения планов теоретического и ценностного как позиция теоретического максимума и ценностного минимума. Вполне естественным представляется дополнение этой теоретической позиции ценностной

точкой зрения, логикой оценок, включающей не только ряд ценностей, но и упоминавшиеся ценностные переживания. Это, конечно, реакция на идею гносеологического субъекта. Но это реакция, которая строится не только как отрицание концепта гносеологического субъекта, и не как дополнение его трактовкой природы человека, экзистенцией, либо религиозными концептами, ибо каждый из указанных ходов и их аналоги вызывают вопросы относительно базовой концептуальной основы такого дополнения, а именно, какое разделение лежит в ее основе. Конечно, на этот вопрос можно ответить, что в свете исходной, неизбежно односторонней концептуализации со временем становится ясна целесообразность дополнения ее новым содержанием. Но эти дополнения будут осуществляться в логике добавления характеристик при описании характеризуемого предмета. Логика описания — полезный методологический ход, но в то же время и более чем скромный в аспекте теоретического потенциала. Желательно, чтобы речь шла о фундаментальном исходном концептуальном основании, естественно, с системным эффектом. В качестве такого основания следует указать приведенное выше фундаментальное разделение в ориентации человека знания и оценки как основополагающих операций, позволяющее трансформировать гносеологического субъекта в познающего и оценивающего. М.М. Тареев в своей религиозной философии, принявшей во многом вид религиозной антропологии, подошел к позициям, в которых предусматривалось разделение знания и оценки, в познании миров внешнего и внутреннего. Вместе с тем к философии, субъектно ориентированной Тареев пришел в стремлении глубже раскрыть религию через психологию человека [22].

Однако теперь прием, сходный с прояснением смысла религии посредством дискурса антропологического типа, применяется для прояснения смысловых интенций философского знания. В свете разделения знания и оценки в философии, субъектно ориентированной, речь пойдет и о знаниях, и об оценках, с акцентом на последних, поскольку их роль в различных контекстах в меньшей мере прояснена в сравнении со знанием.

III

В философии, субъектно ориентированной, к числу важнейших относится вопрос о соотношении субъекта и бытия в ценностной перспективе. Значение его можно уподобить роли вопроса о первичности сознания или бытия в философии диалектического материализма. В различных направлениях философии по-разному формулируют вопрос, который может быть обозначен как основной в данном философском учении. В философском учении такой вопрос является средством указать на особо значимое, ключевое содержательное звено учения.

Проблема соотношения планов субъективного и объективного может рассматриваться и как проблема соотношения субъекта и бытия. В этой связи можно указать на два взаимосвязанных плана самоструктурирования субъекта — внутренний и внешний. Аспектом самоструктурирования субъекта вовне является познавательная, ценностно-смысловая и эмоциональная интеграция субъекта и бытия. Соотношение субъекта и бытия — это вопрос о том, каким должно быть отношение субъекта к бытию — утверждение, дистанцирование и др., т. е. какой должна быть базовая оценка бытия? Различные картины миробытия, явно в неодинаковой степени способствуют оформлению продуктивного внутреннего плана субъекта. Ориентационное структурирование субъекта картиной миробытия вносит существенный вклад в организацию субъекта. Действующий субъект устремлен к успешному действию, а не к деградации и т. д.

Из всего многообразия возможных здесь позиций выделим только две, разработанные в рамках философии экзистенциализма, в которых вопрос о соотношении субъекта и бытия является определяющим, однако решается он в двух случаях противоположным образом, правда, только во втором случае эксплицитно, а в первом — имплицитно.

Рассматривая вопрос о соотношении субъекта и бытия в ценностной перспективе целесообразно сравнить позиции двух мыслителей, представителей экзистенциализма атеистического и религиозно-ориентированного — Ж.-П. Сартра и М. Хайдеггера [19, 24]. Среди многих произведений Сартра особый интерес представляет роман «Тошнота» — уникальный философски-художественный и человеческий документ [21]. Здесь в художественной форме документировано отчужденное отношение субъекта к бытию, как только лишь к внешнему, случайному, бессмысленному для субъекта. А оно другим и не может быть, поскольку главный герой, надо полагать, в основном списан с самого автора, стоящего на позициях атеистического экзистенциализма.

Несмотря на то, что оба философа принадлежат к экзистенциалистскому направлению, Хайдеггер неоднократно критиковал Сартра за антропологизм [24]. Это можно пояснить. Для религиозно-ориентированного экзистенциалиста Хайдеггера было понятно, что субъект, если он подлинно пребывает в бытии, не только связан со всеми его планами причинно-следственными связями, но находится с ним в метафизическом и эмоционально значимом диалоге [24]. Для родоначальника атеистического экзистенциализма Сартра вполне закономерно, что изо всего в бытии актуально значимы только субъект и его ситуация, весь остальной массив реальности есть фон этой основной сцены, практически утративший какое-либо иное значение. В такой онтологической оптике закономерно главным компонентом общей картины становится субъект, отсюда и эффект редукции общефилософской систематики к философии человека, что и дает основания Хайдеггеру для критики философских построений Сартра как антропологических.

С позиций атеистического экзистенциализма, пребывание субъекта в бытии по большому счету — случайность, случайная точка пересечения разнообразных причинно-следственных связей. В бытии субъект видит только план естественного, относительного: что-то рядом, что-то удаленно. В основном, чуждую перспективу. В глазах такого субъекта само бытие — чуждое в своей основе.

Субъект и бытие здесь чужды друг другу, но, разумеется, не абсолютно, за пределами сознания, в биофизическом отношении, не чужды. Но это лишь внешнее соответствие, а в смысловом измерении, выражающем ценностно-онтологическое отношение, бытие в своей основе остается чуждым субъекту.

В глазах Рокантена мир недостаточно оформлен, ибо оформление складывается из горизонтали причинно-следственных связей и вертикали значений в ценностной иерархии. Материальная (натуралистическая) однородность бытия дополняется ценностной иерархией.

В романе дана панорама мыслей и ощущений человека в экзистенциально-атеистической установке. Эти мысли и ощущения рождаются в диалоге с самим собой, а не во «внешних» социальных ситуациях, в которых человек принужден играть определенные социальные роли, которые и задают здесь смысловой ряд социальной формы, который автор изображает как вторичный, неподлинный, поскольку подлинная глубинная истина есть экзистенциальное переживание субъектом чуждого бытия.

Все безосновно в значении ценностного смысла для субъекта, т. е. в глазах субъекта лишено ценностного смысла: есть потому, что есть (безосновно), голая фактичность как последняя истина. На вопрос, что такое тошнота в романе Сартра, можно ответить так. Тошнота возникает при столкновении с чем-то совершенно непригодным для использования и употребления, ставшим чуждым, но ранее предназначенным для такой цели. Так и внешняя действительность, и внутренние реалии в глазах мыслящего субъекта, с одной стороны — часть миробытия, с другой — выступают в качестве чуждых, вызывающих тошноту. Чуждое бытие в ценностно-смысловом плане неприемлемо, присутствие в нем вынужденное, принудительное, в сущности, абсурдное. Т. е. тошнота — это образное выражение чуждости бытия субъекту. Альтернативой такого взгляда выступает воззрение на бытие, в структуре которого в числе реалий полагается абсолютное ценностное измерение; однако это полагание не носит характера изолированной абстракции, оно всесторонне разрабатывается, в том числе раскрывается его роль в структурировании внутренней жизни личности и сущностных сил человека.

Таким образом, если ранее субъектом не принято решение включить ценностный смысл в концепт миропорядка, фактически это некий небольшой «островок», образуемый экзистенциальным планом субъекта и его ситуацией, а также социально-ролевыми значениями, вторичными в ценностной перспективе экзистенциального индивидуализма. Здесь можно указать на оппозицию индивидуализм — социальная ориентация. Также не следует забывать, что атеист признает два вида смысла — субъективный и объективный, социокультурные по своей природе. Атеист-экзистенциалист ставит первый над вторым. Когда человек приходит к выводу, что исповедуемый экзистенциалистский атеистический индивидуализм завел его в тупик, возможен поворот к социальной перспективе все в том же ракурсе истолкования социально-исторического бытия как части естественного миропорядка, что и произошло с Сартром в преддверии работы над «Критикой диалектического разума».

Это только два примера, а в целом здесь мыслимый спектр ценностно-мировоззренческих позиций значительно шире — здесь и декаданс, и нигилизм; и утверждение бытия субъекта перед лицом абсурда; наконец, выход за пределы плана естественного измерения бытия к сверхъестественному. В последнем случае также есть различные подпозиции, например, религиозный традиционализм, религиозный либерализм, традиционалистско-модернистский синтез.

Итак, рассмотрение понимания бытия у Сартра и Хайдеггера можно рассматривать как еще один аргумент при решении вопроса о соотношении субъекта и бытия. Тема понимания бытия рассмотрена в связи с примером двух групп ценностей. Однако простого сопоставления этих двух групп ценностей недостаточно, необходима их философская интерпретация. Здесь обнаруживается примечательный феномен, а именно, в отдельных вариантах культурного самосознания и в типах ориентации субъекта фиксируется ценностный и эмоциональный разрыв с реальностью. И об этом можно порассуждать с учетом возможностей и пределов философии, субъектно ориентированной. Например, укажем на представление о человеке в реальности, о человеке существующем. Здесь два момента: человек осознает свое положение как находящегося в реальности, в бытии, человек может концептуально осмыслить ситуацию пребывания в реальности; а также может оценить ситуацию нахождения в реальности.

В этих ракурсах осмысления, особенно в последнем случае, можно обнаружить феномен наличия/отсутствия эмоциональной и ценностно-смысловой связи субъекта с реальностью. Во втором случае речь идет об обнаружении феномена разрыва цен-

ностно-смысловой и эмоциональной связи субъекта с реальностью, с бытием, а, точнее — о недостаточной сформированности этих связей. Скажем так, она сложилась на уровне ощущений человека как следствия нормальной жизнедеятельности и первичной социализации, но она не сформировалась, точнее, не выведена на уровни ценностно-смысловой и эмоционально-чувственный, что существенно обедняет ценностную и эмоциональную сферы личности. Нужно сказать, что эмоциональный план развертывается не столько сам по себе, сколько под воздействием ценностно-смыслового онтологического измерения. Два примера таких ценностно-смысловых онтологических планов даны выше, и вырабатываются они при посредстве философско-мировоззренческой систематики.

Чтобы не было впечатления, что имеет место что-то вроде «перебора частностей», нужно не забывать, что философия представляет собой исследовательский поиск истинного и наиболее продуктивного философско-мировоззренческого синтеза. Здесь, т. е. в контексте темы философии субъектно ориентированной, уместно подчеркнуть, что совершенно недостаточно сопоставить две онтологии, необходимо установить и сравнить их смысловые, ценностные и эмоциональные следствия, т. е. провести это сопоставление комплексно с учетом методологического ракурса, задаваемого философией, субъектно ориентированной. Самый важный момент, на который здесь нужно указать, это не только то, что собой представляют эти онтологии, но и то, какой объем значимой для субъекта (и интеллектуально, и ценностно-эмоционально) онтологической реальности выделяется в данной онтологии. В последнем случае имеется в виду, что одно дело — концептуальное осмысление реальности, другое дело та часть реальности, которая значима для человека в качестве предмета жизненных оценок.

В философии, субъектно ориентированной центральная проблема раскола субъекта и объекта решается не замыканием в субъекте, не растворением индивидуального сознания в общем, но осознанием, что начала субъектное и объектное органично взаимопроницаемы и взаимодополнительны, не чужды друг другу.

При рассмотрении ценностной проблематики философии, субъектно ориентированной, был выделен ряд аспектов: не только традиционное русло разработки такой проблематики в аспекте соотношения планов естественного и сверхъестественного, но и новые аспекты — такие, как акценты на взаимодополнении этих планов, и в большей мере — на их ценностно-эмоциональном, а не исключительно гносеологическом измерении; ценностное измерение в проблеме соотношения субъекта и бытия, оценки как фактор структурирования эмоциональных установок и эмоционального фона субъекта.

В связи с тем, что в философии, субъектно ориентированной, главным исследовательским измерением выступает субъектный план философии, открываются возможности для уточнения роли ценностного фактора в различных контекстах — общефилософском, антропологическом, социокультурном и др.

Список литературы

Исследования

1 *Бажов С.И.* Модернизация и традиционализм как исторические тенденции современности и их отражение в противостоянии либералов и консерваторов // Славянские чтения: сб. мат. междунар. научн. конф. ИСК. М.: Изд-во Рос. гос. ун-та им. А.Н. Косыгина, 2022. Вып. 4 (IX). С. 48–77.

2 *Бажов С.И.* Взаимодополнение разума и религиозной веры как пример традиционалистко-модернистского синтеза // Вопросы культурологии: сб. научн. тр. М.: Изд-во Рос. гос. ун-та им. А.Н. Косыгина, 2022. Вып. X. С. 36–48.
3 *Бажов С.И.* Западничество и славянофильство // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Вып. 18, тема 6: История русской философии. URL: http://history.jes.su/s207987840002114-4-1 (дата обращения 13.06.2024)
4 *Бажов С.И.* Жизненный путь и философия истории Н.Я. Данилевского // Тетради по консерватизму. 2020. №3. С. 69–116.
5 *Бажов С.И.* Перспективы политического и культурного развития России в современной отечественной консервативно-либеральной мысли (на примере политико-культурологического дискурса позднего А.С. Панарина) // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 10. URL: https://human.snauka.ru/2014/10/8133 (дата обращения: 21.06.2024)
6 *Гайденко П.П.* Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. 495 с.
7 *Громов М.Н.* Славянофильство и западничество: два миропонимания России // *Громов М.Н.* Изборник-70. Тверь: Альфа-пресс, 2013. С. 119–130.
8 *Муза Д.Е.* Русская цивилизация в условиях стратегической нестабильности: поиски формулы самостояния. М.: Канон-плюс, 2020. 288 с.
9 *Смирнов А.В.* Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: Садра; ЯСК, 2019. 216 с.
10 *Хоружий С.С.* Духовная и культурная традиции в России в их конфликтном взаимоотношении // Сайт Института Синергийной Антропологии. URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2010/07/hor_bilingua.pdf (дата обращения 11.10.2024)

Источники

11 *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб.: Глагол, 1995. 513 с.
12 *Киреевский И.В.* Критика и эстетика/сост., вступ. ст. и примеч. Ю.В. Манна; редкол.: М.Ф. Овсянников (пред.) и др. М.: Искусство, 1979. 439 с. (Серия «История эстетики в памятниках и документах»)
13 *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм. М.: Политиздат, 1986. 478 с.
14 *Панарин А.С.* Атлантизм и евразийство: два сценария для России // Россия: опыт национально-государственной идеологии. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. С. 113–218.
15 *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2002. 349 с.
16 *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире // Православная цивилизация. М.: Изд-во Ин-та русской цивилизации, 2014. С. 39–565.
17 *Панарин А.С.* Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Русскій мір; ОАО «Московские учебники», 2005. 430 с.
18 *Панарин А.С.* Русская культура перед вызовом постмодернизма. М.: Изд-во Ин-та философии РАН, 2005. 188 с.
19 *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. 559 с.
20 *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2001. 639 с.

21 *Сартр Ж.-П.* Тошнота. М.: АСТ, 2016. 318 с.
22 *Тареев М.*М. Цель и смысл жизни. СПб.: Общество игуменьи Таисии, 2008. 224 с.
23 *Франкл В.* Воля к смыслу. М.: АНФ, 2018. 162 с.
24 *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 503 с.
25 *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М.: Политиздат, 1988. 494 с.

***

© 2025. Sergey I. Bazhov
Moscow, Russia

ON THE VALUE DIMENSION OF SUBJECT-ORIENTED PHILOSOPHY

Abstract: The paper comes up with an experience of understanding the current situation in philosophy, which is characterized primarily by the coexistence of science and philosophy.

The study also evaluates the perspective of considering the topic from the perspective of philosophy as the self-awareness of culture (society). It is noted that there are two aspects to be distinguished: 1) the generic features of philosophy — philosophy as an indispensable component of the post-traditional sociocultural matrix — in this aspect, philosophy is a sign of the birth of the self-awareness of a mixed traditional-post-traditional type of civilization and (or) a post-traditional type in terms of the mega-era of civilizations, and 2) philosophy as the self-awareness of a specific historical era, such as the Enlightenment.

In the face of the challenge from science, philosophy, on the one hand, manages to preserve itself in the space of humanitarian discourse, but, on the other hand, philosophy is transformed under the influence of science. This paper attempts to examine one of the aspects of this transformation, which is the reorientation of a number of philosophical schools from an object-oriented discourse, in which philosophy cannot compete with science, to a subject-oriented discourse, which manifests itself in the assertion of a subject-oriented philosophy that should not be confused with philosophy of man. In addition to the above-mentioned line of thought, the study analyzes the value-based philosophy of the subject, outlines a typology of value-based ontological positions, and examines the key problem of the relationship between the subject and being in the philosophy of the subject, using the example of comparing the ontological positions of Jean-Paul Sartre and Martin Heidegger.

Keywords: The Relationship between Philosophy and Science, Philosophy as the Self-awareness of Culture and the Historical Era, Value-oriented Philosophy, Value Discourse in Philosophy, the Problem of the Relationship between the Subject and Existence, the Ontological Positions of Jean-Paul Sartre and Martin Heidegger.

Information about the author: Sergey I. Bazhov — PhD in Philosophy, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Goncharnaya St., 12, bld. 1, 109240 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0997-3565
E-mail: bazhovsi@mail.ru

Received: March 31, 2025
Approved after reviewing: August 11, 2025
Date of publication: September 25, 2025
For citation: Bazhov, S.I. "On the Value Dimension of Subject-oriented Philosophy." *Vestnik slavianskikh kul''tur*, vol. 77, 2025, pp. 45–67. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-45-67

References

1 Bazhov, S.I. "Modernizatsiia i traditsionalizm kak istoricheskie tendentsii sovremennosti i ikh otrazhenie v protivostoianii liberalov i konservatorov" ["Modernization and Traditionalism as Historical Trends of Our Time and Their Reflection in the Confrontation between Liberals and Conservatives"]. *Slavianskie chteniia: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [*Slavic Readings: Collection of Proceedings of the International Scientific Conference*], vol. 4 (IX). Moscow, A.N. Kosygin Moscow State Textile University Publ., 2022, pp. 48–77. (In Russ.)

2 Bazhov, S.I. "Vzaimodopolnenie razuma i religioznoi very kak primer traditsionalistko-modernistskogo sinteza" ["Complementarity of Reason and Religious Faith as an Example of Traditionalist-Modernist Synthesis"]. *Voprosy kul''turologii: sbornik nauchnykh trudov* [*Issues of Cultural Studies: a Collection of Scientific Papers*], vol. X. Moscow, A.N. Kosygin Moscow State Textile University Publ., 2022, pp. 36–48. (In Russ.)

3 Bazhov, S.I. "Zapadnichestvo i slavianofil"stvo" ["Westernism and Slavophilism"]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel''nyi zhurnal "Istoriia"* [*Electronic Scientific and Educational Journal "History"*]. Vol. 18, issue 6: Istoriia russkoi filosofii [History of Russian Philosophy]. 2018. Available at: http://history.jes.su/s207987840002114-4-1 (Accessed 13 June 2024). (In Russ.)

4 Bazhov, S.I. "Zhiznennyi put" i filosofiia istorii N.Ia. Danilevskogo" ["Life Path and Philosophy of History of N.Ya. Danilevsky"]. *Tetradi po konservatizmu*, no. 3, 2020, pp. 69–116. (In Russ.)

5 Bazhov, S.I. "Perspektivy politicheskogo i kul"turnogo razvitiia Rossii v sovremennoi otechestvennoi konservativno-liberal"noi mysli (na primere politiko-kul"turologicheskogo diskursa pozdnego A.S. Panarina)" ["Prospects for the Political and Cultural Development of Russia in Modern Domestic Conservative-liberal thought (through the Example of the Political and Cultural Discourse of the Late A.S. Panarin)"]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniia*. No. 10. 2014. Available at: https://human.snauka.ru/2014/10/8133 (Accessed 21 June 2024). (In Russ.)

6 Gaidenko, P.P. *Proryv k transtsendentnomu: novaia ontologiia XX veka* [*Breakthrough to the Transcendent: New Ontology of the 20th Century*]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 495 p. (In Russ.)

7 Gromov, M.N. "Slavianofil"stvo i zapadnichestvo: dva miroponimaniia Rossii" ["Slavophilism and Westernism: Two Worldviews of Russia"]. Gromov, M.N. *Izbornik-70*. Tver", Al"fa-press Publ., 2013, pp. 119–130. (In Russ.)

8 Muza, D.E. *Russkaia tsivilizatsiia v usloviiakh strategicheskoi nestabil''nosti: poiski formuly samostoianiia* [*Russian Civilization in the Conditions of Strategic Instability: The Search for a* Formula *for Self-sufficiency*]. Moscow, Kanon-plius Publ., 2020. 288 p. (In Russ.)

9 Smirnov, A.V. *Vsechelovecheskoe vs. obshchechelovecheskoe* [*Pan-human vs. Universal*]. Moscow, Sadra Publ., IaSK Publ., 2019. 216 p. (In Russ.)

10 Khoruzhii, S.S. "Dukhovnaia i kul"turnaia traditsii v Rossii v ikh konfliktnom vzaimootnoshenii" ["Spiritual and Cultural Traditions in Russia in their Conflictual Relationship"]. *Sait Instituta Sinergiinoi Antropologii* [*Website of the Institute of Synergetic Anthropology*]. Available at: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2010/07/hor_bilingua.pdf (Accessed 11 October 2024). (In Russ.)

11 Lenin V.I. Materializm i e"mpiriokriticizm [Materialism and empiriocriticism]. Moscow, Politizdat Publ., 1986. 478 s. (In Russ.)

12 Tareev M.M. Cel" i smy"sl zhizni.[The purpose and meaning of life]. SPb.: Obshhestvo igumen"i Taisii Publ., 2008. 224 s. (In Russ.)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-68-84
УДК 930.85:7.067
ББК 71.04 + 71.07
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2025 г. С.Г. Радько
г. Москва, Россия

КУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В ОБРАЗАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Аннотация: В мировом сообществе формируются разнообразные мировоззренческие концепции, демонстрирующие представления человека об окружающей реальности. События современности в многообразии цивилизационных образов приводят к переосмыслению исторической памяти. Развитие исследовательских подходов к оценке событий прошлого и настоящего воздействует на понимание человеком своего места в меняющемся мире. Исторические закономерности находят образное представление в культурах, создавая систему воззрений о прошлом. Устойчивые образы прошлого преобразуются в целостную систему явлений человеческого бытия, обеспечивая культурную преемственность и общественное развитие. Сохраняясь в исторической памяти, воспроизводимые явления формируют основу для передачи будущим поколениям представлений о достижениях человечества. Культурные универсалии, существуя в жизненном укладе народов, позволяют воссоздавать неповторимые образы прошлого в их национальном своеобразии. В статье показано, что существует принципиальная возможность выделения из исторической памяти культурных универсалий. Сформулировано положение, по которому творчество является критерием, подтверждающим возможность идентификации культурной универсалии в образах исторической памяти. Обоснована точка зрения, в соответствии с которой культурные универсалии воспроизводятся средствами искусства. Определена последовательность этапов выделения культурных универсалий из совокупности явлений человеческого мироустройства. Представлен перечень явлений человеческого бытия, послуживший основой для закрепления сущности культурных универсалий в образах исторической памяти. Выработано положение, предоставляющее возможность развивать теорию культурных универсалий в системе познания окружающей человека действительности.

Ключевые слова: культурная универсалия, культура, историческая память, искусство, средства искусства, образ, творчество.

Информация об авторе: Сергей Григорьевич Радько — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры Экономики и менеджмента, институт Экономики и менеджмента, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), ул. Малая Калужская, д. 1, 119071 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2115-8638
E-mail: skif13717@yandex.ru

Дата поступления статьи: 21.11.2024
Дата одобрения рецензентами: 10.07.2025
Дата публикации: 25.09.2025
Для цитирования: *Радько С.Г.* Культурные универсалии в образах исторической памяти // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 68–84.
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-68-84

Исторические события формируют целостную картину развития человеческого взаимодействия в социальных обществах. Создаются представления о реалиях окружающего мира, являющихся ориентирами для формирования культурной идентичности. Одновременно с этим под существующую картину мира подводится соответствующая мировоззренческая позиция. Отсюда возникают противоречия между культурологическими воззрениями народов.

Представления части человеческого сообщества об окружающем мире формируют основу исторического прошлого, создавая устойчивый фундамент для осознания себя как части социума. Подобным образом сохраняется общая история и культура совокупности людей, объединяемых по этническому, социальному или национальному признаку. Различаясь, культуры в воспроизводимых явлениях позволяют выделять ориентиры для сопоставления исторически сложившихся общностей людей. Существует обширный массив литературы, в котором исследуется универсальность форм человеческого бытия [12]. Подобная универсальность проявляется в явлениях окружающей человека действительности, обозначаемых как «культурные универсалии». Возникает вопрос относительно того, в какой степени многочисленны элементы окружающей человека действительности, общие для всех известных культур.

Понятие «универсалия» указывает на то, что в истории человечества в процессе общения между народами что-то является постоянным и неизменяемым. Представляя в едином контексте исторически определенную ступень развития общества и человеческие достижения, культурные универсалии отражают целостное представление о жизненном укладе народов. Признание культурной универсалией достижений человеческого общества в социальной и духовной сферах указывает на то, что это воспроизводится во все исторические периоды у разных народов. Проблемы проявляются в попытках выделить из исторической фактографии явления универсального характера, повторяющиеся на всем протяжении человеческой истории.

В научном сообществе возникают дискуссии относительно того, какое явление можно считать культурной универсалией, а какое таковой не является [16]. При существующем многообразии явлений человеческого бытия, представляемых в качестве культурных универсалий, естественным образом возникают затруднения в их идентификации. В связи с этим следует определить критерий, предоставляющий возможность выделять из обозримой истории человечества общие для народов явления, которые можно отнести к культурным универсалиям.

В культурологических концепциях наблюдается широкий спектр явлений, встречающихся в истории народов и представляемых в качестве культурных универсалий. К ним относят категории, объекты и общие понятия, отражающие большое разнообразие явлений окружающей человека действительности. В научных публикациях присутствуют утверждения, что некие материальные предметы, духовные образы или социокультурные институты могут считаться культурными универсалиями. Многие предметы по своим сущностным характеристикам могут быть конкретизированы в явлениях чело-

веческого мироустройства. Так, в одной из работ приводится мнение, согласно которому зеркало считается культурной универсалией, при этом указано, что «изначально, роль зеркала выполняла любая отражающая поверхность, позволившая человеку увидеть свое отражение и идентифицировать себя с этим изображением…» [5, с. 278]. Во все времена и у всех народов присутствовала необходимость получать свое изображение. Предметов, идентичных современному пониманию термина «зеркало», не наблюдалось в отдаленные исторические периоды. В сложившихся цивилизационных сообществах с социально организованными отношениями для получения собственного изображения обычно использовались полированные поверхности материалов, обладающих отражающими свойствами. В ситуациях, когда человек смотрится не в зеркало в современном его представлении, а в какой-либо иной материал, было бы справедливым использовать не понятие «зеркало», а «отражающая поверхность». Поэтому не является обоснованным представление предмета, в современной человеческой цивилизации известного как «зеркало», в качестве культурной универсалии.

В другой работе указано, что время и социальные институты как универсалии культуры выступают в качестве социально-культурных синхронизаторов [3, с. 38]. Социальный институт выполняет эту функцию, поскольку непосредственно относится к самоорганизации человека. Социальная деятельность определяет особенности организации всего человеческого сообщества и имеет глобальный характер. Предположим, что в качестве культурной универсалии рассматривается явление человеческого сообщества, имеющее выраженный социальный характер. Тогда под характеристикой «культурная» понимается исключительно определенный уровень развития общества и человека в нем. При таком понимании следует использовать не термин «культурная универсалия», а «социальная универсалия». Подобный термин более точно передавал бы смысл явления, обозначаемого как «социальный институт».

В науке время является фундаментальным понятием. В одной из работ приводятся следующие определения времени.

Время — длительность существования всего происходящего, всех предметов и явлений, измеряемая веками, годами, часами, минутами и т. п.

Время — всеобщая объективная форма существования материи, проявляющаяся в длительности и последовательности, неотъемлемо от движения [18].

Человеческая цивилизация существует в определенном временном диапазоне. Проявляясь в длительности и последовательности, время было до человеческой цивилизации, будет после нее и никак не определяется деятельностью людей. В ситуациях, в которых некие формы бытия принимаются за культурные универсалии, логика рассуждений приобретает философский оттенок.

Еще одна работа в качестве культурной универсалии упоминает музей[4]. Музей в современном понимании данного термина воссоздается при достаточно высоком уровне цивилизационного развития общества. В истории человечества существовали народы, ведущие кочевой образ жизни. В силу этого у них не предусматривалось существование учреждений, собирающих, сохраняющих и выставляющих на обозрение свидетельства материальной и духовной культуры.

При выполнении исследования, где упоминается понятие «культурная универсалия», необходимо четко понимать содержание характеристики «культурная». Если в тексте статьи подобного пояснения не будет, возникает сложность в классификации исследуемой категории. В некоторых подходах указывается на то, что современное содержание термина «культурная универсалия» требует методологической ясности

при выполнении исследовательской деятельности (см. [12]). Таким образом, существует научная проблема развития теоретических положений, на основе которых возможно выделять культурные универсалии из явлений человеческого мироустройства на протяжении обозримого периода человеческой истории.

Если из исторической памяти вычленить элементы окружающей действительности, повторяющиеся на протяжении обозримого исторического периода, появится возможность идентифицировать культурные универсалии. Для этого требуется иметь универсальный критерий, в соответствии с которым подобный выбор становится возможным. Обратимся к широко обсуждаемой проблеме представления в обществе событий недавнего и далекого прошлого. Рассматривая феномен исторической памяти, мы видим различное к ней отношение у исследователей. Социально-экономическая и культурная жизнь народов меняет само восприятие исторического прошлого, очерчивая позиции государственных и общественных структур, формирующих актуальную общественную повестку. Заключается она в том, что историческая память представляет собой один из ключевых элементов формирования национального сознания. Так, некоторые авторы считают, что историческую память можно считать основополагающим элементом формирующейся национальной идеологии патриотизма [11]. В данном представлении обоснованно подтверждается роль национальной памяти как составной части идеологической составляющей.

Вследствие дефрагментации мирового культурного пространства в человеческих сообществах наблюдается усиление соперничества между различными социальными группами. Обоснованно высказывается мнение, в соответствии с которым функцией исторической памяти является укрепление общей гражданской идентичности [13]. Трактовки прошлого при этом подстраиваются под политическую конъюнктуру. Так, в одной работе утверждается, что историческая память представляет собой опосредованное отражение социальной действительности [9]. В другой автор указывает на то, что под исторической памятью большинство специалистов понимает совокупность представлений о социальном прошлом как на массовом, так и индивидуальном уровнях [10, стр. 69]. Подобные представления формируются под влиянием множества событий. Не последнее место среди них занимает целенаправленное распространение в обществе разнообразных воззрений, идей, учений.

Народы и отдельные классы общества склонны к тому, чтобы создавать свою версию исторических событий. Объективная констатация исторических фактов формирует основу для сохранения культурного кода народов. Участие государства в процессах становления исторической памяти в значительной степени влияет на представления людей о прошлом и будущем, определяя социальные перемены, связанные с геополитическими изменениями. Так, например, существует проблема взаимодействия государства как субъекта политики памяти с учреждениями культуры, средствами массовой информации, общественными движениями и политическими партиями [15, с. 352]. Можно констатировать, что есть различные мнения относительно объективности в отношении содержащихся в исторической памяти представлений о прошлых событиях.

Основываясь на сложившихся представлениях о прошлом, можно утверждать, что историческая память представляет собой социокультурный механизм создания идентичности. Убирая из исторической памяти отдельные этапы прошедшего, возможно осуществлять целенаправленное конструирование социальной и культурной идентификации. Следует отметить, что при любом развитии событий в исторической памяти сохраняется информация, относящаяся к культуре и считающаяся неизменяемой

на протяжении поколений. В первую очередь к ней относятся явления, встречающиеся в истории всех народов. Танцы и музыка в той или иной форме были всегда. Значит, в подобных явлениях следует искать доказательство наличия культурных универсалий.

В отношении сути и содержания исторической памяти существует сложившееся представление о ней как о категории, создающей отдельное предметное поле. В одной из работ историческая память определяется как «устойчивая система представлений о прошлом, бытующих в общественном сознании» [1, с. 79]. Данное определение в краткой и ясной форме обозначает базовую суть категории «историческая память». Отсюда под исторической памятью в исследовании будем понимать совокупность представлений о событиях прошлого, сформированных под влиянием объективно сложившихся обстоятельств.

Существует устойчивое мнение, в соответствии с которым авторы считают концепт «историческая память» средством создания образов прошлого, которые реконструируются, трансформируются и пересматриваются [8]. С этим можно согласиться, так как вся история человечества демонстрирует определенный уровень мифологизации исторических событий. Образы прошлого влияют на будущее, и поэтому формирование устойчивого взгляда на прошлые события оказывает непосредственное влияние на текущую социально-политическую обстановку.

Будем исходить из того, что историческая память содержит в себе совокупность устойчивых представлений о прошлом, воспроизводимых в жизненном укладе всех народов. Из подобных представлений можно выделить явления окружающей человека действительности, повторяющиеся на всем протяжении человеческой истории. В противном случае нельзя было бы утверждать, что к исторической памяти применима характеристика «совокупность устойчивых представлений о прошлом».

Контекст понятий «универсалия» и «культура» большинству исследователей в целом ясен, и вопрос заключается в том, какое именно содержание в наибольшей степени для них приемлемо. Требуется выполнить терминологическое обоснование взаимосвязи между явлениями человеческого бытия и содержанием культурных универсалий. Без этого не представляется возможным определить базовый критерий, дающий возможность подобного соотнесения. Поэтому исследовательской задачей является установление связи между исторической памятью и элементами культуры, являющимися неизменными в обозримой истории народов.

Так как историческая память постоянно трансформируется, меняются и составляющие ее элементы, воздействуя на трактовку событий в человеческом сознании. В границах сложившегося современного общества создаются механизмы диалога между различными культурами и общественными системами. Если какое-либо явление, существующее в человеческой цивилизации, воспроизводится независимо от меняющихся трактовок исторических событий, оно может претендовать на то, чтобы быть отнесенным к категории «культурная универсалия».

Упоминание термина «универсалия» в логической связи с понятием «человеческая культура» указывает на то, что универсалия создается при наличии социально организованных отношений. Народы преследуют свои цели и стремятся зафиксировать события прошлого, наиболее значимые для них. Исходя из содержания сформировавшихся ценностей в социальных обществах, можно предположить, что в границах культурной универсалии особенности народов предстают в виде образов.

Если какое-либо явление относится к тому, что мы можем назвать человеческим мироустройством, и одновременно является цивилизационным достижением,

создаваемым на основе национальных обычаев и обрядов, его можно трактовать различными способами. Следует найти сферу деятельности, соотносимую со всеми народами и существовавшую на всем протяжении человеческой истории. Подобной сферой деятельности является искусство, обеспечивающее потребность человека в духовном развитии. Опираясь на содержание искусства как общепризнанной, не подлежащей сомнению универсальной сферы деятельности человека, можно найти критерий того, что то или иное явление относится к культурной универсалии. Обратимся к некоторым определениям искусства. В одной из работ приводятся следующие определения.

Искусство — творческое воспроизведение действительности в художественных образах, творческая художественная деятельность.

Искусство — отрасль творческой художественной деятельности.

Искусство — какая-либо отрасль практической деятельности с присущей ей системой приемов и методов [18].

По определению, представленному в другой работе, искусство — вид формотворческой деятельности человека, создающей образные и символические структуры, которые обладают эстетическими, познавательными и коммуникативными функциями [19]. В другой дана формулировка, согласно которой искусство представляет собой вид духовного освоения действительности на основе творческого преобразования окружающего мира [20].

Исходя из определений искусства, видно, что основополагающим для него является такое понятие, как «творчество», которое в обязательном порядке подразумевает деятельность человека, реализуемая в форме профессионального искусства. Искусство как творческое воспроизведение действительности в наглядной форме демонстрирует совокупность достижений человеческого общества, присутствующих в культурных универсалиях. Таким образом, творчество позволяет как отображать окружающую действительность в общественной и духовной сферах, так и отличать культурную универсалию от иных явлений общечеловеческого бытия.

Попытаемся понять, может ли содержание понятия «культура» выступать в качестве ориентира для отображения контекста явлений, воспроизводящихся в истории человечества. Воспользуемся определением, где под культурой понимается совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни [18]. Любое общество создает прибавочный продукт на основе объективно складывающихся отношений между людьми в процессе производства, распределения и потребления жизненных благ. Производственная деятельность представляет собой одну из форм совместной деятельности людей. Поэтому процессы создания благ являются частью общественной жизни и для решения заявленной проблемы выделять их отдельно нецелесообразно. Общественная и духовная сферы в обобщенной форме вбирают в себя основные приоритеты и интересы всех людей. Таким образом, культурная универсалия должна быть достижением и в общественной и духовной сферах.

Одно из распространенных представлений о понятии «культура» приведено в соответствующей работе, где указано следующее: «Культура — исторически определенная ступень развития общества и человека, выраженная (опредмеченная) в результатах материальной и духовной деятельности людей…» [20, с. 167]. Исходя из сути данного определения, под культурой можно подразумевать организованное человеческое сообщество с устоявшимися социальными и общественными отношениями. Указанные представления о понятии «культура» являются наиболее распространенными. Таким

образом, культурные универсалии должны отображать как совокупность достижений человеческого общества, так и исторически определенные периоды развития народов.

Искусство является признанной частью культуры. Поколениями в искусстве воспроизводятся явления человеческого бытия, значимые для социального устройства общества. Уникальные особенности людей часто определяются на основе сферы человеческой деятельности, охватывающей творческую работу по созданию эстетически значимых объектов. Если учитывать образную природу и жанрово-видовое богатство искусства [14], то необходимо признать: многие образы в сфере искусства неосознанно воссоздаются на всем протяжении исторического развития человечества. С уверенностью можно заключить, что явления, известные как «культурное наследие», формируют в исторической памяти устойчивые образы.

Рассмотрим понятие «достижение культуры», под которым обычно понимаются выдающиеся результаты творческой деятельности. Устойчивые словосочетания, наподобие «вокальное искусство» или «изобразительное искусство», определяют специфику человеческой деятельности в общественной и духовной сферах. Род трудовой деятельности, переходя в разряд «искусство», реализуется на основе всей совокупности присущих ему методов и приемов, получая соответствующий классификационный признак. В частности, приводится такая характеристика профессионального искусства: «профессиональное искусство имеет четкую конечную художественную цель и использует специально разработанные для ее достижения методы творчества» [20, с. 282]. Можно утверждать, что культурная универсалия, являясь достижением человеческого общества в области культуры, неотделима от творчества. Таким образом, творчество представляет собой обобщающий признак, свидетельствующий о принадлежности того или иного явления человеческого бытия к феномену культурной универсалии.

Культурная универсалия проявляется во все исторические периоды, а создание произведений искусства требует профессионального исполнения. Поэтому в отношении творчества, на основе которого создаются устойчивые образы прошлого, применим термин «профессиональное».

Общество представляет собой множественные формы совместной деятельности людей, объединенных общими интересами и ценностями. У населения определенных территорий присутствуют особенности, свидетельствующие о том, что народы воспринимают окружающую действительность через свою уникальную культуру. Выделяя общественную и духовную сферы с учетом подобного восприятия, в человеческих сообществах можно найти признаки, соотносимые с культурными универсалиями.

Существуют определенные свойства культурной универсалии, предоставляющие возможность выполнять их сопоставление с явлениями окружающей действительности. Свойства культурных универсалий формулируются следующим образом.

1 Неосознанная воспроизводимость (воспроизводятся независимо от мышления человека).
2 Историческая универсальность (присутствуют во всех исторических культурах).
3 Содержательная адаптивность (адаптируются к меняющимся условиям социального общества).

Свойства являются сущностными характеристиками культурных универсалий, предоставляя возможность их классифицировать. Совокупность свойств представляет собой важный аспект, позволяющий соотносить явление человеческого бытия с культурной универсалией. При условии, что в отношении определенного явления все указан-

ные свойства отображаются, можно утверждать, что получен ориентир для идентификации культурной универсалии. К культурным универсалиям причисляется достаточно много явлений. Если возникает ситуация, при которой некое явление указанными свойствами обладает, но по критерию «творчество» с культурной универсалией не соотносится, то оно, соответственно, ею не является.

Из множества образов, зафиксированных в исторической памяти, можно выделить создаваемые в сфере профессионального искусства. Обратимся к такому свойству культурных универсалий, как «неосознанная воспроизводимость». Творческая деятельность, реализуемая в формах искусства, должна неосознанно воспроизводиться у всех народов во все исторические периоды их существования. Преимуществом данного подхода является то, что любые изменения границ исторических образов никак не влияют на исходную предпосылку об обязательном наличии в процессе создания явления человеческого бытия, принимаемого за культурную универсалию, творчества.

В отношении культурной универсалии будет справедливым использовать понятие «устойчивый образ прошлого», указывающее на ее сохранение в исторической памяти. Остановимся на мнении, что историческая память представляет собой «устойчивую систему представлений о прошлом» [1]. Выбрав из такой системы явления, обладающие указанными свойствами и требующие творчества в профессиональном исполнении, можно идентифицировать культурную универсалию.

Если явление обладает отмеченными свойствами, оно однозначно проявляется на протяжении человеческой истории. Тем не менее, остается неопределенность относительно широты охвата категорий окружающей действительности, относимых именно к культурным универсалиям. Поэтому следует выделить признаки, соотносимые с культурными универсалиями и указывающие на то, что явление человеческого бытия не только присутствует у всех народов, но и одновременно является достижением человеческого общества в общественной и духовной сферах.

Культурная универсалия должна иметь отображение в степени развития какой-либо отрасли хозяйственной деятельности или сфере искусства. Согласно сформировавшимся представлениям, в искусстве как в отрасли творческой художественной деятельности в обязательном порядке присутствует воспроизводимый образ явления. Критерием для выбора культурной универсалии является наличие обязательной творческой составляющей, проявляемой в искусстве как сфере деятельности. Исходя из этого, получаем необходимое условие для выделения культурной универсалии.

Культурная универсалия создается средствами искусства при наличии реализуемого в профессиональном исполнении творчества, на основе которого воспроизводится окружающая действительность.

Указанное утверждение является фактором, дающим возможность соотносить явление человеческого бытия с культурной универсалией.

Таким образом, мы можем предложить положение, позволяющее развивать теорию культурных универсалий на основе сложившихся представлений о сущности искусства. Базой для развития теории культурных универсалий служит система познания окружающей человека действительности при представлении явлений, воспроизводящихся в истории народов. Чтобы доказать неизменность культурной универсалии в образах прошлого на всем протяжении человеческой истории, выполняется проверка на ее соответствие указанным ранее свойствам.

Определение культурной универсалии содержит следующие этапы.

1 Выбор явления человеческого бытия, воспроизводимого в жизненном укладе народов во все исторические периоды их развития.
2 Выполнение проверки явления человеческого бытия на соответствие свойствам культурной универсалии.
3 Оценка необходимости наличия реализуемого в профессиональном исполнении творчества в деятельности по воссозданию культурной универсалии.

При соблюдении указанного порядка сопоставления культурная универсалия идентифицируется в совокупности явлений человеческого бытия. Соблюдение свойств подтверждает неизменность проявлений культурной универсалии в обозримом периоде человеческой истории. Отметим такие явления, как музыка, игры, танцы, религиозные ритуалы, брак. Все они являются достижениями, воспроизводятся в обозримом периоде человеческой истории, соответствуют свойствам культурной универсалии, сохраняются в образах прошлого и развиваются на основе творчества.

Чтобы иметь возможность обоснованного выбора культурных универсалий из явлений человеческого бытия, требуется выстраивать перечень повторяющихся элементов социального мироустройства. Обратимся к общим элементам для всех культур, представленных Дж. Мердоком (George Peter Murdock). Дж. Мердок первым на системной основе выполнил работу по определению перечня явлений, воспроизводимых в жизненном укладе народов во все исторические периоды их развития. Таким образом, ученый по праву считается основоположником идеи выбора явлений, встречающихся во всех культурах. Но за прошедшие десятилетия смысл идей Мердока в определенной степени затерялся, что приводит к искажениям в интерпретации подходов к смыслу понятия «культурная универсалия».

Образные представления человека о мире постоянно меняются, что отображается на словарном запасе и в терминологии. С момента сознательного восприятия человеком явлений человеческого бытия, представленных в работе Мердока [17], историческое развитие народов в значительной степени повлияло на мировоззренческие позиции человечества. Мердок выделил явления, которые следует принимать за основу в исследованиях исторически сложившихся человеческих сообществ с определенным уровнем развития социальных отношений [1, 7]. Представленные в его системе элементы окружающей человека действительности вполне конкретны и легко проверяемы [17]. Данный факт представляется значительным преимуществом в деятельности, подразумевающей отсутствие необходимости исследовать ментальное восприятие человеком окружающей действительности. Тем не менее, широта охвата человеческого мироустройства приводит к необходимости четкого понимания смысла идей автора.

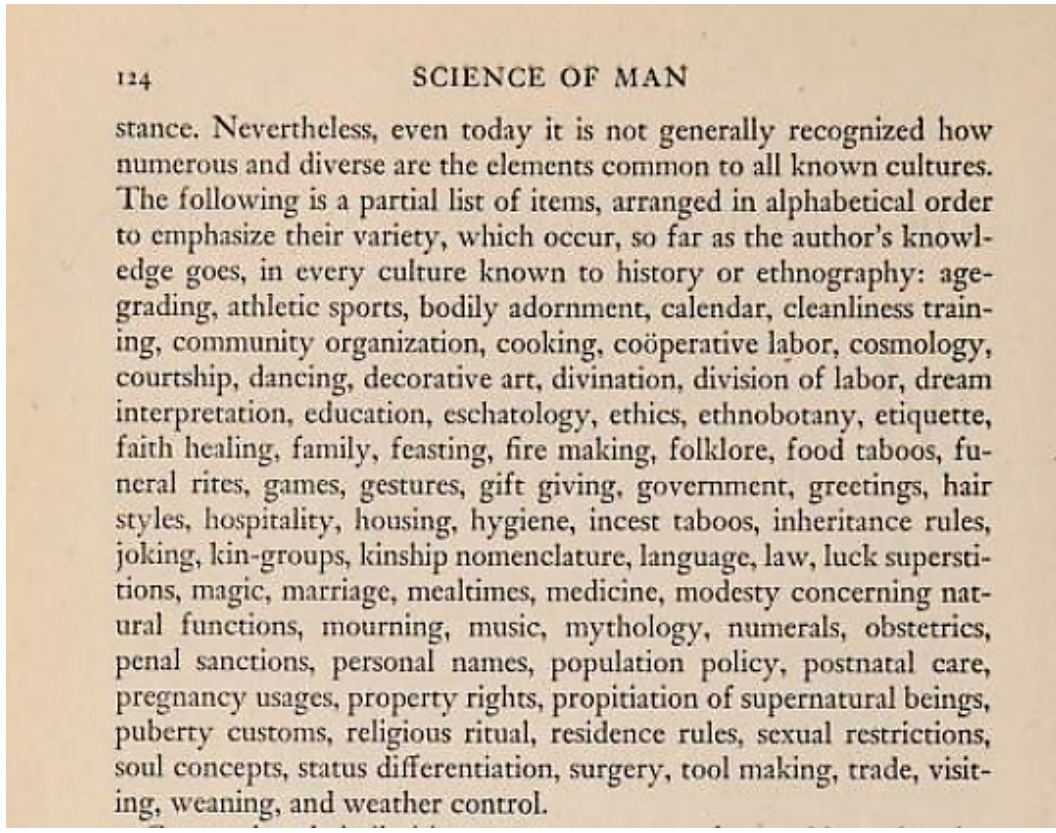
В одной из работ указывается, что в авторской трактовке приводимый перечень содержит «неполный список предметов, расположенных в алфавитном порядке, чтобы подчеркнуть их разнообразие, которые, насколько известно автору, встречаются в каждой культуре, известной истории или этнографии» [6]. В тексте версии данного перевода указывается на то, что элементы, общие для всех культур, представляют собой «частичный перечень тем» (в англ. варианте “partial list of items”) из [6]. По отношению к подобным элементам должен быть указан их ситуативный контекст, так как в противном случае отсутствует определенность содержания идей автора. В настоящем

исследовании вариант авторского перевода пояснений к перечню выглядит следующим образом: «ниже приводится частичный список явлений человеческого бытия, расположенных в алфавитном порядке и, согласно познаниям автора, встречающихся в каждой культуре, известных периодах истории или этнографии»[1].

Вопросы возникают при выделении содержания конкретных явлений. В исследованиях, где рассматривается содержание культурных универсалий с учетом результатов исследований Мердока, требуется наличие точного, без искажений, представления культурных универсалий. В переводческой деятельности элементы языков, регулярно соотносимые в плане содержания друг с другом, должны быть функционально идентичны. Явления человеческого бытия при разделении их на составляющие (увеличение числа элементов) или исключении из списка (уменьшение числа элементов) не передадут точного контекста явления без соответствующего на то обоснования. Наличие несоответствий в перечнях явлений, ссылающихся на оригинал, указывает на то, что содержание подлинника целостно и точно не передается. Поэтому расширение или сужение списка Мердока без серьезного на то основания осуществляться не может, так как в противном случае меняется целостное восприятие. Если же переводчик считает, что при внесении изменения целостность и точность соблюдена, должно присутствовать обоснование корректировок авторских версий. Таким образом, изменение числа элементов, характеризующих общность культур при упоминании перечня Мердока, обоснованным не представляется.

При ссылках на универсалии у авторов, ссылающихся на Мердока, было выявлено отсутствие точного представления содержания явлений. В первоисточнике Дж. Мердок при перечислении явлений человеческого бытия обозначил их как элементы, общие для всех известных культур, или "elements common to all known cultures" [17, с. 124]. Каждый из представленных элементов может как быть, так и не быть культурной универсалией. Затруднения при обращении к многим работам, в которых присутствуют ссылки на Дж. Мердока, заключаются в том, что число элементов (явлений человеческого бытия) не совпадает с исходным текстом и указывается ориентировочно. В одной из работ указано, что Дж. Мердок выделил более шестидесяти универсалий [4, с. 58; 12, с. 183], ссылка при этом делается на [7]. Но в работе [7] речь идет о фундаментальных формах социальной организации, но не о культурных универсалиях, упоминаемых исключительно в контексте основной темы. В другом варианте приводится утверждение, в соответствии с которым Дж. Мердок выделил свыше 70 присущих культуре социокультурных «матриц» [16, с. 151]. Также встречается утверждение, что «…Дж. Мердок выделил 60 единых для всех народов универсалий культуры…» [2, с. 91]. В переводной версии авторской работы Дж. Мердока представлено 74 явления [6, с. 203]. Таким образом, присутствует неопределенность в изложении содержания явлений человеческого бытия по Дж. Мердоку. В связи с отмеченными расхождениями проявилась необходимость уточнить число явлений в начальном изложении. На иллюстрации 1 представлен оригинальный авторский перечень списка явлений, составленный Дж. Мердоком [17].

[1] Авторский перевод следующего текста: "The following is a partial list of items, arranged in alphabetical order to emphasize their variety, which occur, so far as the author's knowledge goes, in every culture known to history or ethnography" [17, с. 124].

124 SCIENCE OF MAN

stance. Nevertheless, even today it is not generally recognized how numerous and diverse are the elements common to all known cultures. The following is a partial list of items, arranged in alphabetical order to emphasize their variety, which occur, so far as the author's knowledge goes, in every culture known to history or ethnography: age-grading, athletic sports, bodily adornment, calendar, cleanliness training, community organization, cooking, coöperative labor, cosmology, courtship, dancing, decorative art, divination, division of labor, dream interpretation, education, eschatology, ethics, ethnobotany, etiquette, faith healing, family, feasting, fire making, folklore, food taboos, funeral rites, games, gestures, gift giving, government, greetings, hair styles, hospitality, housing, hygiene, incest taboos, inheritance rules, joking, kin-groups, kinship nomenclature, language, law, luck superstitions, magic, marriage, mealtimes, medicine, modesty concerning natural functions, mourning, music, mythology, numerals, obstetrics, penal sanctions, personal names, population policy, postnatal care, pregnancy usages, property rights, propitiation of supernatural beings, puberty customs, religious ritual, residence rules, sexual restrictions, soul concepts, status differentiation, surgery, tool making, trade, visiting, weaning, and weather control.

Рисунок 1 — Явления человеческого бытия, представленные Дж. Мердоком
Figure 1 — The Phenomena of Human Existence, Presented by J. Murdoch

Подсчет показал, что в оригинальном списке Дж. Мердока приводится 73 явления. Проблемой при этом представляется выделение единицы перевода, а именно, эквивалентного соответствия, передающего контекст понятия. Любые проявления окружающей человека действительности имеют конкретное содержание. По существующим правилам переводческой деятельности в исходном языке должна быть выполнена интерпретация значений языковых единиц по отношению к ситуации. Но ситуация не конкретизирована, поэтому при переводе должен использоваться формальный подход. При внимательном рассмотрении перечня элементов, приводимых Мердоком, заметно, что содержание большинства из указанных явлений понятно без дополнительных пояснений. В основном они встречаются в человеческой деятельности, относимой к обыденной социальной реальности. Вряд ли будут вопросы в отношении содержания явления при представлении специфики торговли или медицины. Если в отношении каких-либо явлений контекст их содержания остается неясным, можно обратиться к специализированным и тематическим словарям. Тем не менее, перевод многих терминов по истечении длительного времени требует уточнения. Для этого необходимо иметь точный перечень элементов Дж. Мердока с переводом представленных им явлений человеческого бытия. В таблице 1 приводится авторский перевод перечня общих для всех культур явлений из [17].

Таблица 1 — Перечень общих для всех культур явлений Дж. Мердока
Table 1 — A list of common for all cultures phenomena by G. Murdoch

№	Общие для всех культур явления	№	Общие для всех культур явления
1	Age-grading (возрастная градация).	38	Inheritance rules (правила наследования).
2	Athletic sports (атлетические виды спорта).	39	Joking (шутки).
3	Bodily adornment (нательные украшения).	40	Kin-groups (родственные группы).
4	Calendar (календарь).	41	Kinship nomenclature (система терминов родства).
5	Cleanliness training (воспитание чистоплотности).	42	Language (язык).
6	Community organization (общинная организация).	43	Law (закон).
7	Cooking (приготовление пищи).	44	Luck superstitions (суеверия, связанные с успехом и удачей).
8	Cooperative labor (совместный труд).	45	Magic (магия).
9	Cosmology (космология).	46	Marriage (брак).
10	Courtship (ухаживание и сватовство).	47	Mealtime (время приема пищи).
11	Dancin (танцы).	48	Medicine (медицина).
12	Decorative art (декоративно-прикладное искусство).	49	Modesty concerning natural functions (ограничения при удовлетворении естественных потребностей).
13	Divination (гадания и предсказания).	50	Mourning (траур).
14	Division of labor (разделение труда).	51	Music (музыка).
15	Dream interpretation (толкование сновидений).	52	Mythology (мифология).
16	Education (образование).	53	Numerals (числа).
17	Eschatology (эсхатология).	54	Obstetrics (акушерство).
18	Ethics (этика).	55	Penal sanctions (наказания за преступления).

19	Ethnobotany (этноботаника).	56	Personal names (личные имена).
20	Etiquette (этикет).	57	Population policy (демографическая политика).
21	Faith healing (исцеление верой).	58	Postnatal care (послеродовой уход).
22	Family (семья).	59	Pregnancy usages (обычаи во время беременности).
23	Feasting (праздничный прием пищи).	60	Property rights (права собственности).
24	Fire making (добывание огня).	61	Propitiation of supernatural beings (умилостивление сверхъестественных существ).
25	Folklore (фольклор).	62	Puberty customs (обычаи, связанные с достижением половой зрелости).
26	Food taboos (табу на отдельные разновидности продуктов питания).	63	Religious ritual (религиозные ритуалы).
27	Funeral rites (похоронные обряды).	64	Residence rules (правила проживания).
28	Games (игры).	65	Sexual restrictions (сексуальные ограничения).
29	Gestures (жесты).	66	Soul concepts (представления о душе).
30	Gift giving (преподношение подарков).	67	Status differentiation (статусная дифференциация).
31	Government (власть).	68	Surgery (хирургия).
32	Greetings (приветствия).	69	Tool making (изготовление инструментов).
33	Hair styles (стили причесок).	70	Trade (торговля).
34	Hospitality (гостеприимство).	71	Visiting (посещения).
35	Housing (жилье).	72	Weaning (окончание периода грудного вскармливания).
36	Hygiene (гигиена).	73	Weather control (контроль за климатическими изменениями).
37	Incest taboos (табу на инцест).		

Исходя из содержания культурных универсалий в оригинальном труде Мердока [17], в представленном списке речь идет о проявлениях, которые можно обозначить как «явления человеческого бытия», «явления социального мироустройства» или «эле-

менты, общие для всех культур». Данные определения в большей степени соответствуют содержанию неосознанно воссоздаваемых элементов мироустройства человека. Таким образом, понимание сущности культурных универсалий основывается на содержании исторической памяти; явлениях, воспроизводимых в жизненном укладе народов, и теоретически обоснованном представлении достижений, являющихся результатом творческого преобразования окружающего мира. Данное положение предоставляет возможность развивать теорию культурных универсалий в системе познания окружающей человека действительности.

У всех народов во все исторические периоды их развития явления, формируемые на единой основе, приобретают свои уникальные черты. Поэтому в исторической памяти остаются образы явлений с присущими им национальными особенностями. Формируя перечни подобных явлений, следует выделять из них аспекты человеческого мироустройства, определяющие национальную самобытность. Создаваемые средствами искусства достижения сохраняют в образах исторической памяти национальное своеобразие. Являясь достижениями, культурные универсалии обеспечивают возможность творчески воспринимать окружающую действительность на всем протяжении человеческой истории.

Список литературы

Исследования

1 *Бадмаев В.Н.* Ментальность и историческая память // Вестник Калмыцкого университета. 2012. №1 (13). С. 78–84.

2 *Билалов М.И.* От единичного и уникального до всеобщего и универсального // Гуманитарий Юга России. 2015. №2. С. 90-99.

3 *Бирженюк Г.М.* Время и социальные институты как универсалии культуры // Перспективы науки. 2015. №6 (69). С. 35–39.

4 *Кильдюшева А.А.* Музей как культурная универсалия // Вестник Омского университета. 2020. Т. 25, №4. С. 55–64. https://doi.org/10.24147/1812-3996.2020.25(4).55-64

5 *Лихацкая Л.Н.* Зеркало как универсалия культуры // Мир науки, культуры, образования. 2011. №2 (27). С. 277–280.

6 *Мердок Д.П.* Общий знаменатель культур // Культурология. 2005. №1 (32). С. 202–226.

7 *Мердок Джордж Питер* Социальная структура / пер. с англ. А.В. Коротаева. М.: ОГИ, 2003. 608 с.

8 *Мысливец Н.Л.* Образы прошлого в исторической памяти: теоретико-методологический аспект // Социально-гуманитарные знания. 2018. №1. С. 157–164.

9 *Рагозина Т.Э.* Культурная память versus историческая память // Наука. Искусство. Культура. 2017. №3 (15). С. 12–21.

10 *Репина Л.П.* Национальная история, историческая память и «история историков» // Вестник Российской нации. 2010. №3 (11). С. 65–77.

11 *Савченко И.А.* Историческая память в эмоциональном и исследовательском восприятии // Власть. 2017. Т. 25, № 10. С. 112–122.

12 *Тихонова В.Л.* Специфика содержательного аспекта понятия «культурные универсалии» / «категории культуры» в рамках антропологических и культурологических исследований // Исторические, философские, политические и юриди-

ческие науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. №7-1 (69). С. 183–185.

13 *Тишков В.А.* Историческая память: формы сохранения, конструирования и презентации // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2019. №4 (40). С. 62–71. https://doi.org/10.19110/1994-5655-2019-4-62-71

14 *Шибаева М.М.* Искусство как культурная универсалия / М.М. Шибаева, В.А. Волобуев // Культура и образование. 2023. №2 (49). С. 5-15. https://doi.org/10.24412/2310-1679-2023-249-5-15

15 *Шумкина Т.Г.* Государственная политика Российской Федерации по формированию и сохранению исторической памяти: проблемы реализации // Вопросы всеобщей истории. 2021. № 24. С. 348–355. https://doi.org/10.26170/2413-872X-2021-24-33

16 *Сухина И.Г.* Культурные универсалии и диалог культур в условиях современной глобализации // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2021. №3. С. 147–156.

17 *Murdock G.P.* The common denominator of cultures // The science of man in the world crisis / ed. by R. Linton. N. Y.: Columbia University Press, 1945. P. 123–142.

Источники

18 Словарь русского языка: в 4т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы. 1999. Т. 1. А-Й. 1999. 702 с. Т. 2. К-О. 1999. 736 с.

19 Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.

20 Эстетика: Словарь / под общ. ред. А.А. Беляева и др. М.: Политиздат, 1989. 447 с.

***

© 2025. Sergei G. Radko
Moscow, Russia

CULTURAL UNIVERSALS IN THE IMAGES OF HISTORICAL MEMORY

Abstract: A variety of worldview concepts are being formed in the world community, demonstrating a person's representations about the surrounding reality. The events of our modernity in the diversity of civilizational images lead to a rethinking of historical memory. The development of research approaches to assessing the events of the past and present affects a person's understanding of his place in a changing world. Historical regularities find a figurative representation in cultures, creating a system of insights about the past. Stable images of the past are converting into holistic system of phenomena of human existence, ensuring cultural continuity and social development. Preserved in historical memory, reproducible phenomena form the basis for transmitting the idea of the achievements of mankind to future generations. Cultural universals, existing in the way of life of peoples, allow to recreate the unique images of the past in their national originality. The paper shows that there is a principal possibility of highlighting cultural universals from historical memory. According to the author`s position creativ-

ity is a criterion confirming the possibility of identifying cultural universality in the images of historical memory. The study substantiates the point of view, according to which cultural universals are reproduced by means of art, and determines the sequence of stages of the separation of cultural universals from the set of the phenomena of the human world order. The paper provides a list of phenomena of human existence, which served as the basis for consolidating the essence of cultural universals in the images of historical memory and generates a provision on the opportunity to develop the theory of cultural universals in the system of cognition of the surrounding reality.

Keywords: Cultural Universality, Culture, Historical Memory, Art, Means of Art, Image, Creativity.

Information about the author: Sergei G. Radko — DSc in Economics, Professor, Professor, The Department of Economic and management, Institute of Economics and Management, A.N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), Malaya Kaluzhskaya St., 1, 119071 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2115-8638
E-mail: skif13717@yandex.ru

Received: November 21, 2024
Approved after reviewing: July 10, 2025
Date of publication: September 25, 2025
For citation: Radko, S.G. "Cultural Universals in the Images of Historical Memory." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 68–84. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-68-84

References

1 Badmaev, V.N. "Mental'nost' i istoricheskaia pamiat'" ["Mentality and Historical Memory"]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 1 (13), 2012, pp. 78–84. (In Russ.)
2 Bilalov, M.I. "Ot edinichnogo i unikal'nogo do vseobshchego i universal'nogo" ["From the Singular and Unique Towards the General and Universal"]. *Gumanitarii Iuga Rossii*, no. 2, 2015, pp. 90–99. (In Russ.)
3 Birzheniuk, G.M. "Vremia i sotsial'nye instituty kak universalii kul'tury" ["Time and Social Institutions as Universals of Culture"]. *Perspektivy nauki*, no. 6 (69), 2015, pp. 35–39. (In Russ.)
4 Kil'diusheva, A.A. "Muzei kak kul'turnaia universaliia" ["The Museum as a Cultural Universal"]. *Vestnik Omskogo universiteta*, vol. 25, no. 4, 2020, pp. 55–64. https://doi.org/10.24147/1812-3996.2020.25(4).55-64 (In Russ.)
5 Likhatskaia, L.N. "Zerkalo kak universaliia kul'tury" ["The Mirror as a Universal of Culture"]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 2 (27), 2011, pp. 277–280. (In Russ.)
6 Merdok, D.P. "Obshchii znamenatel' kul'tur" ["Common Denominator of Cultures"]. *Kul'turologiia*, no. 1 (32), 2005, pp. 202–226. (In Russ.)
7 Merdok Dzhordzh Piter *Sotsial'naia struktura* [*Social Structure*], trans. from English by A.V. Korotaeva. Moscow, OGI Publ., 2003. 608 p. (In Russ.)
8 Myslivets, N.L. "Obrazy proshlogo v istoricheskoi pamiati: teoretiko-metodologicheskii aspect" ["Images of the Past in Historical Memory: Theoretical and Methodological Aspect"]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, no. 1, 2018, pp. 157–164. (In Russ.)
9 Ragozina, T.E. "Kul'turnaia pamiat' versus istoricheskaia pamiat'" ["Cultural Memory Versus Historical Memory"]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*, no. 3 (15), 2017, pp. 12–21. (In Russ.)

10 Repina, L.P. “Natsional'naia istoriia, istoricheskaia pamiat' i ‘istoriia istorikov” [“National History, Historical Memory and the ‘History of Historians’”]. *Vestnik Rossiiskoi natsii*, no. 3 (11), 2010, pp. 65–77. (In Russ.)

11 Savchenko, I.A. “Istoricheskaia pamiat' v emotsional'nom i issledovatel'skom vospriiatii” [“Historical Memory in Emotional and Scientific Perception”]. *Vlast'*, vol. 25, no. 10, 2017, pp. 112–122. (In Russ.)

12 Tikhonova, V.L. “Spetsifika soderzhatel'nogo aspekta poniatiia ‘kul'turnye universalii’ / ‘kategorii kul'tury’ v ramkakh antropologicheskikh i kul'turologicheskikh issledovanii” [“The Specificity of the Content Aspect of the Concept of ‘Cultural Universals’, ‘Categories of Culture’ in Terms of Anthropological and Cultural Studies”]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 7-1 (69), 2016, pp. 183–185. (In Russ.)

13 Tishkov, V.A. “Istoricheskaia pamiat': formy sokhraneniia, konstruirovaniia i prezentatsii” [“Historical Memory: Forms of Preservation, Construction and Presentation”]. *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*, no. 4 (40), 2019, pp. 62–71. https://doi.org/10.19110/1994-5655-2019-4-62-71 (In Russ.)

14 Shibaeva, M.M. “Iskusstvo kak kul'turnaia universaliia” [“Art as a Cultural Universal”]. *Kul'tura i obrazovanie*, no. 2 (49), 2023, pp. 5–15. https://doi.org/10.24412/2310-1679-2023-249-5-15 (In Russ.)

15 Shumkina, T.G. “Gosudarstvennaia politika Rossiiskoi Federatsii po formirovaniiu i sokhraneniiu istoricheskoi pamiati: problemy realizatsii” [“The State Policy of the Russian Federation on the Formation and Preservation of Historical Memory: Issues of Implementation”]. *Voprosy vseobshchei istorii*, no. 24, 2021. pp. 348–355. https://doi.org/10.26170/2413-872X-2021-24-33 (In Russ.)

16 Sukhina, I.G. “Kul'turnye universalii i dialog kul'tur v usloviiakh sovremennoi globalizatsii” [“Cultural Universality and Dialogue of Cultures in the Conditions of Modern Globalization”]. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta.* Seriia B: Gumanitarnye nauki [Humanities], no. 3, 2021, pp. 147–156. (In Russ.)

17 Murdock, George Peter “The Common Denominator of Cultures.” *The Science of Man in the World Crisis*, ed. by Ralph Linton. New York, Columbia University Press, 1945, pp. 123–142. (In English)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-85-101
УДК 721.057.2
ББК 11.4
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Ю.С. Наумова
г. Киров, Россия

ИНТЕРЬЕР КУХНИ КАК ПРОСТРАНСТВО ПОВСЕДНЕВНОСТИ: КУЛЬТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: Интерьер кухни — это предметно-пространственная среда, которая включена в повседневную жизнь человека и отвечает как на материальные, так и на духовные запросы общества. Данное исследование сосредоточено на рассмотрении категории пространства интерьера кухни в контексте семиотики культуры — одного из направлений исследования повседневности. Каждый исторический этап, социальная группа оказывают влияние на пространство, окружающее человека. Интерьер кухни как часть жилого пространства является носителем смыслов, отражает систему ценностей человека определенной эпохи. В статье рассматриваются семиотические аспекты интерьера кухни, включающие культурную ценность зоны приготовления и принятия пищи, которая может определяться как утилитарная, религиозная, нравственная, социально-статусная, эстетическая. Исследуется изменение культурной ценности интерьера кухни, его границ, соотношение с центром дома в русской повседневной культуре по вертикали развития. Выделяются следующие периоды для анализа: догосударственная эпоха культуры древних славян, период русской культуры с основания древнерусского государства в IX в. до XVII в., период императорской России, советский, постсоветский этап и современность. В итоге диахронного рассмотрения пространства кухни формируется представление о его семиотических гранях, характерных для разных эпох, выявляются особенности и закономерности развития.

Ключевые слова: интерьер, кухня, культура, повседневность, семиотика, пространство, дизайн.

Информация об авторе: Юлия Сергеевна Наумова — кандидат искусствоведения, доцент кафедры технологии и дизайна, Вятский государственный университет, ул. Московская, д. 36, 610000 г. Киров, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8611-1702
E-mail: u-naumova00@mail.ru

Дата поступления статьи: 15.09.2024
Дата одобрения рецензентами: 15.04.2025
Дата публикации: 25.09.2025
Для цитирования: *Наумова Ю.С.* Интерьер кухни как пространство повседневности: культурно-семиотический аспект // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 85–101. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-85-101

Начиная с конца XX в. пристальное внимание уделяется среде обитания человека, в частности жилому интерьеру, что связано с процессами гуманизации в обществе, стремлением повысить качество жизни населения. Предметно-пространственная среда современности предполагает индивидуализацию в контексте образа жизни, ценностей, вкусов, социального статуса владельца и получает свое физическое воплощение посредством дизайна. Дизайн сегодня интегрируется в пользовательский опыт, актуализируя рассмотрение разных сторон объекта проектирования — материальных, духовных, и как междисциплинарная область знаний имеет взаимосвязь с культурой.

Как отмечает Барсукова Н.И., с тех пор как в XX в. ведущим объектом исследования и инструментом для проектирования жилой среды стала культура повседневности, архитектура и дизайн полностью проникают в быт человека [3, с. 328]. Исследование посвящено семиотическим аспектам кухни как части жилого интерьера в русской повседневной культуре. Такие вопросы обычно включаются в работы по изучению интерьера жилого пространства в целом [3, 13, 16, 21, 25]. По значимости зона приготовления и принятия пищи заслуживает самостоятельного рассмотрения как место, связанное с традиционными семейными духовно-нравственными ценностями, как пространство поддержки родственных и дружеских связей.

Зона приготовления и принятия пищи занимает одно из основных мест по ценности в жилом интерьере современности. В обыденной жизни часто можно встретить выражение, что кухня — это «сердце» дома. Кухня с утилитарной позиции является пространством выполнения практических функций, связанных с процессами приготовления и принятия пищи. С социальной точки зрения функция кухни — это место сплочения, общения, взаимодействия членов семьи и ее ближайшего окружения. С эстетической позиции она стилистически взаимосвязана с интерьером всего помещения, — ее художественно-образному решению уделяется существенное внимание.

Каждый исторический этап, социальная группа оказывают влияние на пространство, окружающее человека. Интерьер кухни как часть жилого пространства отражает вкусовые, эстетические, функциональные предпочтения владельца, а также аксиологические тенденции времени или культурной общности.

Основное назначение жилого интерьера — создание условий повседневной жизни человека, обеспечения его нужд. Различные потребности удовлетворяются в определенной части жилища. Кухня — часть обыденной жизни человека, место ежедневных практик в рамках определенной культурно-исторической эпохи. Следовательно, данное место является частью повседневной культуры. Культура повседневности — это одно из направлений исследований семиотики культуры. Семиотические аспекты интерьера кухни связаны с культурной ценностью пространства приготовления и приема пищи и такими понятиями как центр и границы данной зоны внутри жилого пространства [13, с. 96–97].

Цель данной работы — рассмотреть культурно-семиотические аспекты интерьера кухни в русской повседневной культуре, выявить особенности и закономерности развития на различных исторических этапах. Задача исследования — обозначить основные периоды развития интерьера кухни, определить его границы и расположение в плане жилища в каждый из них, соотнести местонахождение пространства кухни с культурным центром дома.

Данная цель может быть достигнута, по нашему мнению, в рамках культурно-семиотического подхода, успешно применяемого в таких областях как искусство, литература, религия, массовая культура и т. д.

Семиотика культуры — раздел семиотики, представляющий культуру в виде системы знаков и текстов. Среди зарубежных трудов, исследующих данное направление, необходимо выделить работы Р. Барта, У. Эко, Ч. Морриса, Р. Якобсона, Ж. Бодрийяра. Культурно-семиотический подход к изучению истории, представлен в работах С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, В.В. Иванова, М.С Кагана, В.Д. Лелеко, С.Т. Махлиной, и др.

По Ю.М. Лотману поведение человека, его жизнь, окружающая среда, быт могут иметь знаково-символический смысл [14, с. 10–11], что открывает нам возможность для семиотического анализа интерьера кухни как иерархической знаковой системы, где пространство кухни — это знаковая система, а предметная обстановка — элементы системы.

Наряду с культурно-семиотическим подходом использовались сравнительно-исторический и хронологический метод. Согласно сравнительно-историческому методу исследование зоны приготовления и принятия пищи жилого пространства построено на рассмотрении исторических периодов по временной вертикали, выделенных в соответствии с наиболее важными политическими, экономическими и социальными изменениями в обществе. Хронологический метод необходим для поэтапного последовательного анализа объекта исследования в контексте обозначенных ступеней развития.

Пространство — одна из фундаментальных, наиболее абстрактных категорий философии, объективная форма существования материи. Пространство в математике — это логически мыслимая структура, служащая средой для других форм и конструкций. На рубеже XIX–XX вв. пространство становится одним из базовых понятий теории архитектуры [7, с. 55].

Интерьер кухни заполняет внутреннюю часть какого-либо здания, следовательно, является частью архитектуры. Его можно отнести к архитектурному пространству или среде, в которой материальные объекты организуются в различных комбинациях. В зависимости от исторического этапа физические характеристики пространства и предметной обстановки претерпевают изменения в силу политических, экономических, идеологических, культурно-эстетических причин. Таким образом, интерьер кухни является материальным воплощением процессов, происходящих в обществе в определенную историческую эпоху.

Культурно-семиотический подход к исследованию интерьера кухни обнаруживает точки соприкосновения с архитектурной теорией. В научном анализе XX в., чтобы охватить универсальность понятия пространство, стали выделять три среза: физический, концептуальный и перцептуальный [10, с. 51]. Культурные смыслы повседневной жизни человека, пишет В.Д. Лелеко, реализуются в концептуальном (культурном) пространстве, которое образует единство физического (геометрического) и перцептуального пространства, т. е. архитектурного пространства и пространства, воспринимаемого человеком с помощью его сенсорных систем [13, с. 90–92].

Культурно-семиотические аспекты повседневного пространства кухни выражены многоплановой культурной наполненностью: утилитарной, нравственной, религиозной, социально-статусной, эстетической, которые перестраиваются в своей иерархии в зависимости от исторической эпохи и уровня развития общества.

Физическое пространство повседневности имеет центр — это дом. Культурная наполненность имеет связь с такими доминирующими характеристиками как границы и центр дома. Первая по значимости — граница или предел. Ограничивание —

потребность, свойственная природе человека. Центр в свою очередь дифференцирует и структурирует пространство. Центр физического пространства и центр культурного пространства нередко расходятся. Культурная ценность пространства наиболее высока в центре и снижается при приближении к периферии и границам [13, с. 96–97]. Граница пространства кухни организуется материальными объектами — стеной, перегородкой, каким-либо предметом обстановки или очерчивается условно, например, цветом стен, потолочными конструкциями.

Развитие отечественного интерьера кухни на разных исторических этапах связано с изменением культурной ценности данного пространства, что в свою очередь отражалось на его границах и расположении в доме.

С древнейших времен до XX в. культурная ценность места приготовления и приема пищи связана с понятием сакральности предметов и явлений у всех цивилизованных народов [13], в том числе у славян, составивших впоследствии большинство населения древнерусского государства. Изначально сакральность выражалась в языческих религиозных представлениях. Культ дома и домашнего очага возник при переходе от охоты и собирательства к оседлому образу жизни и земледелию, при появлении стационарного жилища, возникновении поселений и прилегающих к ним территорий [23, с. 152–153].

Место приготовления и приема пищи было тесно связано с понятием огня и очага. Приготовление еды способом термической обработки осуществлялось на огне. Огонь почитался в разных культурах, наделялся магическим смыслом, считался светлой стихией [2, с. 4–8]. Самой ранней формой устройства для разведения, поддержания огня, приготовления пищи был очаг [19, с. 9].

Очаг у древних славян, живших родами, был единым для всех. Пища, готовящаяся здесь, предназначалась для общей трапезы. Общий очаг символизировал для рода единство духовного и материального мира [1, с. 9]. Огонь, разведенный в доме, охранял мир, счастье членов рода. Следовательно, очаг наделялся двойной функцией — магической и практической и соотносился с сакральным и утилитарным центром дома, поэтому можно говорить о единстве культурного центра дома в зоне приготовления еды и проведения трапезы.

В IX в. с основанием древнерусского государства, начинает формироваться русская культура, происходят изменения в религиозной, социальной сфере, начинают складываться феодальные отношения [24, с. 244–247], что нашло отражение в повседневном пространстве дома. Появление классового общества стало основой развития жилища в двух направлениях в зависимости от степени достатка его владельца: дома для состоятельного сословия и дома для крестьян, каждое из которых имело свои особенности.

Понятие о доме как о здании в Древней Руси формируется к концу XIII в. и определяется словами: дом, изба, хата [12, с. 206]. Его границы обозначаются стенами (с окнами и дверьми) и крышей, культурные функции которых — отделение от внешнего пространства и защита. Так зона приготовления и принятия пищи становится частью «своего» внутреннего или приватного пространства дома [13, с. 147–148].

Повседневное пространство кухни, его культурно-семиотические аспекты, формируются, во-первых, за счет архитектурных элементов, таких как пол, стены, потолок, во-вторых, за счет материальных объектов — предметной обстановки. Ж. Бодрийяр писал:

> Каждый из предметов нашего быта связан с одним или несколькими структурными элементами, но при этом обязательно ускользает от технологической структурности в сферу вторичных значений, от технологической системы в систему культуры [6, с. 22].

Бытовые вещи эволюционируют, совершенствуются человеком в результате развития науки, техники и влияют на культурную ценность пространства, его границы. Эволюция элементов предметной обстановки отражается на культурно-семиотической функции жилого пространства и его зон. С этой позиции важным элементом является очаг или печь.

В. Лелеко выделяет очаг в качестве основной вещи, влияющей на развитие интерьера кухни и его культурную ценность [13, с. 165]. Рассмотрим значение очага в крестьянском доме. Очаг в Древней Руси технически совершенствовался, на смену ему пришла печь [5, с. 253] Печь хорошо отапливала все пространство внутри избы, не разделенное на комнаты, что наиболее соответствовало суровому климату большинства русских земель, длительно обеспечивая тепло, была более практичной в силу большей пожаробезопасности, экономичности и многофункциональности. Таким образом, кухня не изолируется в отдельное помещение, как, например, в XI в. у западных славян [18, с. 358–360].

В крестьянском доме не было деления перегородками, но присутствовало строгое функциональное и смысловое зонирование. В «печном углу» готовилась еда. В «красном углу», расположенном по диагонали от печи, где висели иконы, находилось место трапезы [5, с. 212–251]. Противопоставление «печного» и «красного» углов является важным культурно-семиотическим аспектом.

Принятие христианства стало ключевым моментом при формировании религиозного культурного смысла зоны приготовления и принятия пищи. В избе организуются два сакральных центра: христианский — «красный угол», зона принятия пищи, языческий — «печной угол», зона приготовления пищи [2, с. 130]. Печной угол стал вторым центром, так как пережитки языческих верований еще долго сохранялись в сознании русского народа.

Помимо религиозного смысла, зона приготовления и принятия пищи имела социально-статусную культурную роль. Данные центры связаны с противопоставлением мужское — женское, что являлось следствием распределения семейных и социальных ролей. «Печной угол» — женский, его также называли «бабий угол», «красный угол» — мужской [13, с. 168]. Домашнее хозяйство и, в частности приготовление пищи, традиционно женская работа, которая по статусу всегда считалась ниже мужской деятельности.

Культурную иерархию имело распределение мест за столом во время приема пищи. Наиболее высокой культурной ценностью обладало место в середине стола, под иконами, которое считалось самым почетным [2, с. 150]. Здесь сидел хозяин — мужчина, рядом ним самые уважаемые гости, священник. «Женская лавка», где садились женщины и дети, располагалась дальше других от главы семейства [2, с. 150]. Распределение ролей в печном и красном углах и расположение членов семьи за столом демонстрирует патриархальный уклад социальных отношений внутри русской семьи.

Таким образом, культурный центр смещается в зону принятия пищи в крестьянском доме. Печной угол считается вторым центром, но по значимости он ниже, так как связан с пережитками прежних верований [9, с. 9] и местом женской работы.

Если модель зоны приготовления и принятия пищи крестьянского жилища сохраняется с небольшими изменениями до XX в. [5, с. 441], то в богатых домах ситуация обстоит иначе, что связано с усложнением планировки жилища, изменением функций очага.

Говоря о домах состоятельного сословия, мы подразумеваем князей и наиболее знатных вельмож-горожан. Жилище среднего дворянина, по сведениям XVI–XVII вв., было простым, даже грязным, мало отличалось от крестьянского дома [8, с. 17]. Боярские и княжеские дворцы включали, как упоминается в русской летописи: избу для личного пользования владельца, палаты (приемные помещения), терем, сени, спальню, медушу — винный погреб. На дворе располагались хозяйственные постройки: клети, поварни, конюшни, ремесленные мастерские, амбары, а также избы для челяди и приближенных [22].

По мере появления в жилище комнат различного назначения происходит разделение функций печи, что ведет к смене культурно-семиотического значения пространства кухни в домах состоятельного сословия. В IX–XVII вв. для процессов приготовления пищи отводились отдельные постройки или помещения, которые относились к числу хозяйственных — поварня, стряпущая изба, пивоварня, хлебня. В поварнях функцию приготовления пищи выполнял открытый очаг с котлом. В XVII в. в поварнях богатых усадеб появились сочетания печей и очагов [32, с. 115–120]. Функцию отопления выполняли печи, камины, жаровни. Таким образом, функции отопления и приготовления еды отведены различным устройствам, в отличие от крестьянского дома, где печь была полифункциональна — выполняла функции отопления, приготовления пищи, сна, мытья. Разделение функций печи — важное культурное явление, основа формирования самостоятельного повседневного пространства для осуществления процессов питания.

Культурную ценность поварни в домах состоятельного сословия можно определить по расположению в плане жилища. Культурно-семиотическим смыслом наделялись этажи здания. Первый этаж традиционно предназначался для прислуги и хранения запасов. Второй этаж парадный — место приема пищи — пиры для большого количества человек в парадных палатах. Поварня находилась в отдельной хозяйственной постройке рядом с дворцом или в подклете здания, т. е. на первом этаже, имела низкие санитарно-гигиенические характеристики, пищу здесь готовила прислуга [22]. Следовательно, зона приготовления пищи имела низкую культурную ценность.

Как пишет Лелеко, на данном этапе можно говорить о снижении культурного статуса и частичной десакрализации процесса приготовления пищи в связи с расположением кухни на периферии жилого пространства или рядом с ним [13, с. 166]. Культурная роль зоны приготовления пищи в этот период заключалась в его утилитарной функции.

Зона принятия пищи противопоставляется по ценностному смыслу зоне приготовления еды. Столовая становится культурным центром в домах состоятельного сословия. Она несет социально-статусную, эстетическую роль, являясь парадным помещением, интерьер которого отражал стилевые черты, характерные для определенного периода истории и социальной группы. В стилевом отношении наблюдалось соединение русской и западноевропейской культур [13, с. 166]. Столовая наделяется духовно-нравственной ценностью как место, связанное с традициями собирающихся за столом во время трапезы.

Социально-статусную иерархию отражала рассадка за столом. Известна информация об обедах князей, бояр, дворянства. Для великокняжеских обедов в столовой

палате ставились столы в несколько рядов. Центральное по значимости место отводилось царю. Царь сидел на возвышенном месте, рядом с ним в порядке убывания значимости братья или митрополит, затем вельможи, чиновники, простые воины [9, с. 545–551]. Социальный статус символизировала посуда и сама пища: на царских обедах посуда была из золота и серебра, богатством и разнообразием отличались приготовленные блюда. На боярских обедах использовалась деревянная посуда, посуда из олова подавалась знатным и почетным гостям.

В период XVIII – начала XX в. усиливается взаимодействие с западноевропейским странами, начинается индустриализация страны. В XVIII в. особенно важные изменения в пространстве кухни коснулись дворцовых интерьеров. В этот период происходит осознанная попытка придания зоне приготовления пищи наравне со столовой высоких эстетических свойств, а также введения технических инноваций. Речь идет о кухнях эпохи Петра I в стиле «голландское барокко» [17].

В петровскую эпоху появилось функциональное разнообразие комнат в дворцовых постройках представительского типа: парадные залы, столовые, гардеробные, гостиные, а также парадные кухни. В XVIII в. термины «поварня», «изба поваренная», «изба стряпущая» стали заменяться словом «кухня», так как исчезли очаги, с которыми было связано название этих помещений. Вместо очагов стали устанавливать печи [32, с. 120].

В дворцах эпохи Петра всегда присутствовала кухня, имевшая статус парадной: в ее отделке использовались мрамор, изразцы и иные дорогие редкие материалы. Такие помещения для приготовления пищи размещались не в отдельной постройке, а рядом с приемными и другими парадными [11, с. 93–94]. Здесь собирались члены семьи и гости для трапезы и общения. В стилистическом решении парадных кухонь нашли отражение черты голландского барокко, которому Петр I отдавал свои вкусовые предпочтения [17]. Помимо эстетики, зона приготовления пищи наполняется техническими новшествами, такими как вытяжка, раковина для мытья посуды, водопровод [36], что делает пространство кухни близким к современной модели.

Таким образом, кухня в интерьере дворцов как место приготовления пищи имеет утилитарную, социально-статусную, эстетическую, духовно-нравственную культурную ценность, но на краткосрочный период, являясь модным веянием времени.

К основной тенденции повседневного пространства приготовления пищи дворянской усадьбы в культурно-семиотическом срезе как в деревне, так и в городе относится его низкая ценность. Кухня являлась грязным подсобным помещением, обычно располагалась в отдельной постройке. Здесь готовила пищу и проводила время прислуга. Культурная роль кухни заключалась исключительно в утилитарной функции.

Место употребления еды в данный период сохраняет высокую культурную ценность. В петровскую эпоху на европейский манер пищу принимали в одной из парадных комнат [4, с. 100]. Столовые возвращаются в дома состоятельного сословия в 1770 гг., находятся в анфиладе парадных комнат и по размеру лишь немного уступают залу [29, с. 144–145]. Пространство столовой стилистически связывается с интерьером всего помещения, сочетает эстетическую, социально-статусную, духовно-нравственную, утилитарную культурную ценность.

Следующий важный этап в отношении пространства кухни — 1830–1880 гг., когда роль жилого интерьера в сравнении с предыдущими периодами возрастает, так как появляется интерес к личности, вкусовым предпочтениям владельца дома, а также комфорту жилья. Формируется новая планировка особняков — центрическая. Чаще

всего центром пространства дома становится холл, который выполняет функцию гостиной, приемной, иногда столовой или выставочного зала [28, с. 16–17]. Место принятия пищи сохраняет высокую культурную ценность.

На рубеже XIX–XX вв. изменения происходят и в доходных домах. Формируется типовая квартира с линейной анфиладно-коридорной планировкой [28, с. 17], в которой было два выхода. Первый — парадный, соединял квартиру с улицей через прихожую, второй — черный, вел во двор через кухню. Данная планировка повторялась на всех этажах дома. Место приготовления еды сохраняет низкую культурную ценность.

На рубеже XIX–XX в. развитие жилого интерьера проходит под знаком технического прогресса. В этот период в особняках и доходных домах распространяются технические новшества: электричество, пароводяное отопление, водопровод, канализация. На кухне вводятся санитарно-гигиенические нормы, в результате она становится чистым помещением, но, как и прежде, относится к числу подсобных. На рубеже веков комфортабельность жилья, продуманность каждого помещения с точки зрения удобства выходит на первый план. При расположении кухни в подвале или на верхнем этаже здания, рядом со столовой всегда устанавливались подъемники. В городе выбор комнаты для столовой также определялся удобством ее расположения по отношению к кухне [28, с. 41]. Культурная ценность кухни в данный период остается низкой, сводясь к утилитарной функции, но технический прогресс заложил предпосылки для формирования новых смыслов в данном пространстве. Столовая продолжает выполнять эстетическую, социально-статусную, духовно-нравственную, практическую роль в домах состоятельного класса, обладая высокой культурной наполненностью.

Начало XX в. — это граница, новый этап в понимании культурно-семиотической составляющей всей предметно-пространственной среды обитания человека, в том числе интерьера кухни.

В. Лелеко говорит о полной десакрализации пространства кухни в контексте совершенствования устройств для приготовления пищи и отопления. Открытый огонь заменяется специальными приборами, что подразумевает окончательное освобождение места термической обработки пищи от мифологически-религиозного языческого смысла и утверждает современный тип повседневности на функциональной основе [13, с. 169].

Вопрос функциональной базы затрагивает Ж. Бодрийяр в своей работе «Семиотика вещей» [6]. Он пишет о смене культурно-семиотической роли жилого пространства в контексте смены типа производства и переходе общества с традиционной системы на функциональную. Традиционная система периода ручного труда замкнута: у каждого предмета в интерьере один смысл, назначение и низкая мобильность, как и у членов семьи в обществе. В функциональной системе периода промышленного производства индивид становится свободнее в отношениях с семьей и обществом, что отражается на организации жилого пространства [6, с. 40]. Предметная обстановка превращается в мобильную и многофункциональную. Пространство открывается, устраняется деление на комнаты — децентрализуется. Вещи больше не наделяются сакральным смыслом, отношение к ним сводится к комбинаторике. В 1920 гг. происходит постепенный переход на функциональную систему в разных странах, которую пропагандировали возникшие центры дизайна. В Германии таким центром был Баухауз, в России — ВХУТЕМАС-ВХУТЕИН, ставший истоком отечественных авангардных проектов [30, с. 12–13].

В России, с началом советского периода и приходом новой власти, меняется классовая структура населения, инициируется массовая урбанизация, индустриализация, происходит переосмысление женской роли в обществе, что не могло не отразиться на культурно-семиотической функции жилого интерьера, в том числе пространства кухни. Создаются места общественного питания как основные по отношению к домашнему приему пищи, сокращается площадь жилых пространств из-за дефицита жилья. В теориях по перестройке быта [27, с. 245–248] первостепенное значение отводится бытовому коллективу, а не семье. Результатом данных процессов становится уменьшение культурного значения кухни в интерьере.

Отечественные авангардные проекты жилого пространства [30, с. 253–261] наглядно демонстрируют принципы послереволюционной идеологии государства: зона приготовления пищи отсутствует, либо сведена к предельному минимуму. Разрабатываются новые планировки, в том числе функциональные интерьеры с открытым зонированным пространством, о которых писал Ж. Бодрийяр [6, с. 32–36]. В настоящее время такое жилье называется квартирой-студией.

Основными критериями разработки жилых интерьеров для пролетариата становятся: функциональность, соблюдение санитарно-гигиенических норм, экономичность [30, с. 256]. Культурная ценность кухни в интерьере на идеологическом уровне ограничивается строго утилитарным смыслом или вовсе исчезает вместе с самим пространством приготовления и принятия пищи. Но 1920 гг. авангардные проекты не были использованы в массовом масштабе из-за неготовности производства к глобальным изменениям. Жилье такого типа предназначалось для немногочисленной части рабочих, которые наиболее адаптировались к новым реалиям и поддерживали идеологию власти.

К данной категории относились дома-коммуны с интерьерами в стиле конструктивизм, предполагавшими функциональность предметов наполнения, встроенную и трансформируемую, в целях экономии пространства мебель [27, с. 248]. Дома-коммуны способствовали переустройству быта и отмиранию семьи. В планировку квартиры пространство кухни не включалось [23, с. 14–15]. Кухня была местом общего пользования, располагавшимся на одном из этажей здания наряду со столовой, клубом, читальней, детским садом, яслями.

Такое же значение имела кухня в другой категория жилья — деревянных бараках [34] и коммунальных квартирах, в которых покомнатно расселяли основную часть населения в начале советского периода [21, с. 88]. Зона приготовления и принятия пищи превращается из приватного пространства в общественное — место, где осуществляют процессы питания параллельно несколько семей. Особенностью повседневности жителей коммуналок 1920 гг. было напряженное общение на фоне резких социальных различий [21, с. 88–89].

В 1930–40 гг. в отношениях жильцов коммуналок происходят положительные изменения: соседи постепенно привыкают друг к другу и находят общий язык [21, с. 96]. Таким образом, с одной стороны, кухня становится местом разобщения, раздора из-за дефицита пространства для каждого отдельного жильца. С другой стороны — местом объединения, центром сборов для общих разговоров, т. е. коммуникативным центром.

В 60 гг. XX в. возвращается понятие о доме как закрытом личном пространстве. В результате массового строительства жилья в период нахождения у власти Н.С. Хрущева (1955–1964) для рабочего класса появляются типовые индивидуальные квартиры

в многоэтажных домах — «хрущевки». Предметно-пространственная среда «хрущевок» основывалась на идее стандарта и функциональности. Маленькие изолированные кухни в таких квартирах были рассчитаны только на приготовление пищи [21, с. 99–101]. По проекту зона трапезы выносилась в другую комнату. Ограниченность пространства, неудобная планировка, низкие потолки обусловили минималистский подход к оформлению жилья, использование многофункциональной и эргономичной мебели [21, с. 101]. Сюда переезжали деревенские жители и жители городских коммуналок с устоявшимися представлениями о кухне как центре общения и взаимодействия [35]. В 80 гг. XX в. начинается строительство домов улучшенной планировки — «брежневки», площадь кухни в них увеличивается, что позволяет объединять зону приготовления и приема пищи в одной комнате [21, с. 105]. Культурная ценность кухни возрастает, она становится частью приватного жилого пространства.

Для партийно-советской элиты индивидуальное жилье появилось уже в 1930 гг. Постановление СНК СССР «Об улучшении жилищного строительства», принятое в 1934 г., положило начало возведению преимущественно в крупных городах добротных по советским меркам квартир, известных как «сталинки». Кухни здесь были изолированными, их площадь в зависимости от количества комнат составляла от 6 до 15-ти метров. В большинстве случаев размер кухни был небольшим. Для советской элиты проектировались также дома-коммуны. Например, дом ЦИК и Совета народных комиссаров на Берсеневской набережной в Москве, спроектированный архитектором Б. Иофаном и возведенный к 1933 гг. Квартиры имели площадь не менее 80 кв. м. Это был полностью автономный комплекс: здесь располагались магазины, почта, сберкасса, парикмахерская, медпункт, клуб, спортзал, солярий, теннисный корт, кинотеатр. Вывод об отношении к пространству кухни в домах-коммунах элиты можно сделать по ее небольшой площади (4–6 квадратных метров) и наличии общей зоны питания — столовой на первом этаже здания [38].

Таким образом, площадь зоны приготовления пищи и ее ценность в элитных интерьерах начала советского периода была незначительной. Идеология власти по созданию системы общественного питания взамен домашней пище распространялась на все слои общества. В домах номенклатуры создавались условия для исключения кухни из личного приватного жилого пространства или минимизации ее культурной ценности до утилитарной функции.

С середины XX в. стилистический плюрализм, чаще всего эклектика, характерны для оформления интерьеров, в том числе столовой, у привилегированной части общества, переехавшей в новые дома. Здесь присутствовала сохранившаяся дореволюционная классическая мебель, подчеркивающая стремление к сохранению традиций в сочетании с импортными материалами и модными предметами наполнения [21, с. 113–114]. Поэтому, зона принятия пищи имела эстетическую, социально-статусную, духовно-нравственную, утилитарную наполненность, являясь культурным центром дома. Культурно-семиотическая роль интерьера кухни, как и прежде, заключалась в его утилитарной функции.

Таким образом, в начале советского этапа, кухонное пространство в домах различных слоев населения практически не имеет культурной ценности и находится вдали от культурного центра дома. В домах пролетариата коммунальная кухня, ставшая вначале причиной конфликтов и разобщения, впоследствии приводит к сплочению населения, дружественным отношениям и вопреки концепции по перестройке быта формирует к концу периода отношение к кухне как к духовному центру дома, а именно

месту общения и взаимодействия жильцов, которое получает свое развитие в дальнейшем. Зона принятия пищи в домах номенклатуры не теряет своей культурной ценности на протяжении всего периода.

После завершения советского этапа в последнее десятилетие XX в. кухонное пространство выходит из статуса подсобного помещения, в частности кухню как парадное место начинают объединять с гостиной [21, с. 114], что в корне меняет его культурно-семиотическую функцию. Ценность зоны приготовления пищи возрастает, в чем немаловажную роль сыграло влияние других культур, в первую очередь западноевропейской. На смену плановой экономике приходит рыночная, открываются границы, становится доступной новая информация по оформлению интерьеров, сначала через иностранные журналы, затем через сеть интернет. За счет импорта существенно расширяется материально-технологическая база. Данные возможности позволяют персонализировать жилой интерьер. Интерьер кухни претерпевает существенные изменения, приобретая не только духовно-нравственную, утилитарную, но и эстетическую, социально-статусную ценность.

В первое время процессы эстетизации пространства кухни находят отражение в более состоятельных домах, затем распространяются повсеместно. Вначале партийно-государственные деятели, элита, интеллигенция, «новые русские» стремились к гармонизации жилища, в том числе кухни через классические стили. Жилье демонстрировало успешность социализации владельцев [37]. С этого момента зона приготовления и принятия пищи все чаще объединяются в одном пространстве, выполняются в едином художественно-образном ключе, сочетаясь со стилистическим решением остальных частей дома.

Появляются индивидуальные планировки жилья, которые позволяют «играть» с пространством, подстраиваясь под образ жизни, вкус, бытовые предпочтения владельца [37]. Наряду с изолированными кухнями распространение получают кухня-гостиная, квартира-студия. В результате интерьер кухни становится не монопространством с ограниченным набором функций, а полипространством с множеством функциональных процессов: приготовление и прием пищи, отдых, общение, взаимодействие.

Как отмечает Плеханова В. А. эстетическая наполненность интерьера кухни меняется в зависимости от модных тенденций, финансовых возможностей пользователей. Актуальные веяния, дорогостоящие новейшие технологии и материалы можно встретить в интерьерах обеспеченных слоев населения. В жилье среднего и эконом класса встречаются лишь некоторые элементы. Важно обратить внимание «на колоссальный разрыв в качестве массового и элитного жилья и несравнимую повседневность разных социальных слоев российского общества». На статусной ценности интерьера акцентируют внимание верхние социальные слои [21, с. 116–136].

Таким образом, на сегодняшний день можно говорить о множественных моделях интерьера кухни. Для современного повседневного пространства характерны различные планировки (кухни-гостиные, квартиры-студии с зоной приготовления и принятия пищи, изолированные кухонные пространства) и вариативность стилистических решений. Разнообразие материалов, технологий, предметов наполнения, доступность по цене многих из них, возможность выбрать планировку квартир и домов, персонализирует предметно-пространственную среду обитания человека согласно его образу жизни, вкусам, привычкам, ценностям. Каждый пользователь вкладывает свое значение и смыслы в жилое пространство. Для большинства семей кухня — это центр дома,

место, которое связано с семейными ценностями и традициями, зона труда, отдыха, общения, что можно обозначить как преобладающую тенденцию современности.

Заключение.

Интерьер кухни как пространство в культуре повседневности мы можем представить как отдельную семиотическую систему, которая хранит информацию о времени и месте предназначения. Культурная роль пространства приготовления и приема пищи, его ценность менялись в зависимости от исторической эпохи, на первый план выходили различные смыслы. Влияние на культурно-семиотическое значение оказывали политические, экономические, идеологические процессы, развитие науки и техники. Рассматривая интерьер кухни диахронно, мы можем выделить определенные семиотические аспекты, характерные для разных периодов.

Культурно-семиотическая функция интерьера кухни как повседневного пространства берет свое начало в период развития славянской культуры и связана с двойственной ролью места приготовления и принятия пищи как религиозного центра и центра осуществления процессов питания, что говорит об изначально высокой ценности зоны приготовления и принятия пищи и расположении здесь культурного центра дома.

В Древнерусском государстве зона приготовления и принятия пищи начинают существовать отдельно друг от друга. Высокая культурная ценность сохраняется за местом трапезы, зона приготовления пищи имеет низкую культурную ценность, выполняет утилитарную роль и по расположению смещается от центра на периферию культурного пространства дома. Данная тенденция сохраняется до второй половины XX в. В советский период зона приготовления пищи постепенно становится более значимым местом благодаря своей коммуникативной функции в коммунальных квартирах, которую в дальнейшем унаследовало и индивидуальное жилье. Во второй половине XX в. создаются предпосылки, формирующие значение кухни как культурного центра дома: зона приготовления и приема пищи объединяются в одном пространстве. В настоящее время, при наличии множественных моделей интерьера кухни, данная тенденция является одной из наиболее распространенных.

Повседневный интерьер кухни сегодня объединяет все процессы питания, выполняет духовно-нравственную, социально-статусную, эстетическую, утилитарную роль. На первый план выступают функции общения и взаимодействия. С точки зрения дизайнерской практики понимание культурно-семиотических аспектов интерьера кухни важно для создания качественных проектных решений, направленных на запросы современного пользователя, для которого важна не только практическая составляющая. Функции приготовления и приема пищи уходят на второй план, становятся базой, на которую надстраиваются другие смыслы. Значение кухни как центра дома, по нашему мнению, будет преумножаться, так как внимание современной государственной культурной политики обращено к сохранению семейных ценностей и традиций. Именно в сохранении и преумножении значения семьи, рода заключается дальнейшее развитие и процветание государства, в чем немаловажную роль играет дом как повседневное личное пространство каждого гражданина и кухня как место сплочения и взаимодействия семьи.

Рассмотренный подход к исследованию интерьера кухни позволил наметить направление дальнейшей работы, а именно более углубленное изучение культурно-семиотических аспектов предметной среды зоны приготовления и принятия пищи в контексте повседневности.

Список литературы

Исследования

1 *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Юрайт, 2024. Т. 2. 494 с.

2 *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с.

3 *Барсукова Н.И.* Русская повседневная культура — особенности организации жилого пространства // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 327–342.

4 *Бартенев И.А.* Русский интерьер XIX века / И.А. Бартенев, В.Н. Батажкова. Л.: Художник РСФСР, 1984. 228 с.

5 *Бломквист Е.Э.* Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX века / Е.Э. Бломквист, Н.И. Лебедева, Г.С. Маслова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 805 с.

6 *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1995. 168 с.

7 *Горелова Ю.Р.* Пространство как ключевая категория архитектурной теории // Вестник СибАДИ. 2016. Т. 6 (52). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-kak-klyuchevaya-kategoriya-arhitekturnoy-teorii (дата обращения: 13.05.2024).

8 Дворянские усадьбы России. М.: Эксмо, 2009. 248 с.

9 *Забылин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия: в 4 ч. М.: Изд-во Ин-та русской цивилизации, 2014. 688 с.

10 *Иконников А.В.* Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. М.: КомКнига, 2006. 349 с.

11 *Калязина Н.В.* Дворец Меншикова в Санкт-Петербурге: история, реставрация, музей. СПб.: Русско-Балтийский информ. центр «БЛИЦ», 1996. 138 с.

12 *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие на слове. Мир человека. СПб.: Изд-во филол. фак-та Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2000. 326 с.

13 *Лелеко В.Д.* Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: [б. и.], 2002. 303 с.

14 *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1994. 399 с.

15 *Махлина С.Т.* Искусство интерьера. СПб.: Знание, 1992. 32 с.

16 *Махлина С.Т.* Семиотика культуры и искусства: опыт энциклопедического словаря. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры, 2000. Ч. 1–2. 552 с.

17 *Наумова Ю. С.* Парадные кухни петровской эпохи // Искусство и дизайн: история и практика 2022: сб. ст. СПб, 2022. С. 154–160.

18 *Нидерле Л.* Славянские древности / пер. с чеш. Т. Ковалевой, М. Хазанова. М.: Алетейа, 2000. 590 с.

19 *Орлов А.И.* Русская отопительно-вентиляционная техника. М.: Аква-Терм, 2010. 224 с.

20 *Орлов И.Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 317 с.

21 *Плеханова В.А.* Стиль и формообразование интерьера жилища в советский и постсоветский периоды как опыт эстетизации российской повседневности / В.А. Плеханова, Н.А. Коноплева. М.: Директ-Медиа, 2022. 332 с.

22 *Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М.: Наука, 1988. 312 с.
23 *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Академический Проект, 2013. 640 с.
24 *Седов В.В.* Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982. 327 с.
25 *Сивак Н.А.* Семантика культурного пространства русского дворцового интерьера XVIII в.: автореф. дис. … канд. культурологии. СПб., 2006. 20 с.
26 *Сливенко А.В.* Дома-коммуны: социальные проекты советских архитекторов // Гуманитарный акцент. 2022. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/doma-kommuny-sotsialnye-proekty-sovetskih-arhitektorov (дата обращения: 13.05.2024).
27 *Соловьев Н.К.* История современного интерьера. М.: Сварог и К, 2004. 399 с.
28 *Стругова О.Б.* Мебель в русском интерьере конца XIX – начала XX веков. М.: Издат. дом Руденцовых, 2005. 443 с.
29 *Тыдман Л.В.* Изба. Дом. Дворец. Жилой интерьер России с 1700 по 1840 годы. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 332 с.
30 *Хан-Магомедов С.О.* Пионеры советского дизайна. М.: Галарт, 1995. 423 с.
31 *Черепахина А. Н.* История художественной обработки изделий из древесины. М.: Высшая школа, 1987. 191 с.
32 *Шенников А.А.* Устройство и назначение поварни // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л.: [б. и.], 1970. Вып. 15. С. 111–126.
33 The Kitchen. Life World, Usage, Perspectives. Switzerland: Birkhauser — Publishers for Architecture, 2006. 160 p.

Источники

34 Бараки. Как жило большинство советских граждан // Livejournal. URL: https://maxim-nm.livejournal.com/282950.html?ysclid=m0qp3340s2397101830 (дата обращения: 05.03.2024).
35 Все в одном: феномен советской кухни // Мир24. URL: https://mir24.tv/articles/16288672/vse-v-odnom-fenomen-sovetskoi-kuhni (дата обращения: 20.01.2024).
36 Дворец Монплезир // Музеи России: Наш Петергоф. URL: http://win-petergof.narod.ru/Peterhof.doc/monplzrIN.htm (дата обращения: 11.09.2025).
37 Интерьеры постсоветской Москвы в 1990 годы // Houzz Россия. URL: https://www.houzz.ru/statyi/istoriya-dizayna-interyery-postsovetskoy-moskvy-v-1990-e-gody-stsetivw-vs~76622145 (дата обращения: 05.03.2024).
38 С видом на Кремль: как строился знаменитый Дом на набережной в Москве и какая участь постигла его известных жильцов // Вокруг света. URL: https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/389/?ysclid=mfh0yb7qgy586231169 (дата обращения: 12.09.2025).

***

© 2025. Yuliya S. Naumova
Kirov, Russia

KITCHEN INTERIOR AS A SPACE OF EVERYDAY LIFE: CULTURAL-SEMIOTIC ASPECT

Abstract: Kitchen interior is a subject-spatial environment included in the everyday life of a person and meeting both material and spiritual needs of society. This study focuses on the category of kitchen interior space in the context of the semiotics of culture — one of the areas of everyday life research. Each historical stage, social group influence the space surrounding a person. Kitchen interior as a part of the living space is a carrier of meanings, reflecting the value system of a person of certain era. The paper considers semiotic aspects of the kitchen interior, including the cultural value of the cooking and eating area, which can be defined as utilitarian, religious, moral, social-status, aesthetic. The author explores changes in the cultural value of the kitchen interior, their boundaries, relationship with the center of the house in Russian everyday culture along the vertical of development. The following periods are highlighted for analysis: the pre-state epoch of the culture of the ancient Slavs, the period of Russian culture from the foundation of the Old Russian state in the 9th century to the 17th century, the period of imperial Russia, the Soviet, post-Soviet stage and modernity. Diachronic consideration of the kitchen space allowed to come to the idea of its semiotic facets, characteristic of different eras, and to reveal the features and patterns of development.

Keywords: Interior, Kitchen, Culture, Everyday Life, Semiotics, Space, Design.

Information about the author: Yuliya S. Naumova — PhD in Arts, Associate Professor of the Department of Technology and Design, Vyatka State University, Moskovskaya St., 36, 610000 Kirov, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8611-1702
E-mail: u-naumova00@mail.ru

Received: September 20, 2024
Approved after reviewing: April 15, 2025
Date of publication: September 25, 2025
For citation: Naumova, Y.S. "Kitchen Interior as a Space of Everyday Life: Cultural-semiotic Aspect." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 85–101. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-85-101

References

1 Afanas'ev, A.N. *Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu: v 3 t.* [*Poetic Views of the Slavs on Nature in 3 vols.*], vol. 2. Moscow, Iurait Publ., 2024. 494 p. (In Russ.)
2 Baiburin, A.K. *Zhilishche v obriadakh i predstavleniiakh vostochnykh slavian* [*Dwelling in the Rituals and Beliefs of the Eastern Slavs*]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005. 224 p. (In Russ.)
3 Barsukova, N.I. "Russkaia povsednevnaia kul'tura — osobennosti organizatsii zhilogo prostranstva" ["Russian Everyday Culture — Features of Organization of the Living Space"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 49, 2018, pp. 327–342. (In Russ.)

4 Bartenev, I.A., Batazhkova, I.A. *Russkii inter'er XIX veka* [*Russian Interior of the 19th Century*]. Leningrad, Khudozhnik RSFSR Publ., 1984. 228 p. (In Russ.)

5 Blomkvist, E.E., Lebedeva, N.I., Maslova, G.S. *Vostochnoslavianskii etnograficheskii sbornik. Ocherki narodnoi material'noi kul'tury russkikh, ukraintsev i belorusov v XIX – nachale XX veka* [*East Slavic Ethnographic Collection. Essays on the Folk Material Culture of Russians, Ukrainians and Belarusians in the 19th – Early 20th Centuries*]. Moscow, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1956. 805 p. (In Russ.)

6 Bodriiiar, Zh. *Sistema veshchei* [*The System of Things*]. Moscow, Rudomino Publ., 1995. 168 p. (In Russ.)

7 Gorelova, Iu.R. "Prostranstvo kak kliuchevaia kategoriia arkhitekturnoi teorii" ["Space as a Key Category of Architectural Theory"]. *Vestnik SibADI*. 2016. Vol. 6 (52). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-kak-klyuchevaya-kategoriya-arhitekturnoy-teorii (Accessed 13 May 2024). (In Russ.)

8 *Dvorianskie usad'by Rossii* [*Noble Estates of Russia*]. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 248 p. (In Russ.)

9 Zabylin, M. *Russkii narod. Ego obychai, obriady, predaniia, sueveriia i poeziia: v 4 ch*. [*Russian People. Its Customs, Rituals, Legends, Superstitions and Poetry: in 4 parts*]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2014. 688 p. (In Russ.)

10 Ikonnikov, A.V. *Prostranstvo i forma v arkhitekture i gradostroitel'stve* [*Space and Form in Architecture and Urban Planning*]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 349 p. (In Russ.)

11 Kaliazina, N.V., Kaliazin, E.A. *Dvorets Menshikova v Sankt-Peterburge: istoriia, restavratsiia, muzei* [*Menshikov Palace in St. Petersburg: History, Restoration, Museum*]. St. Petersburg, Russian Baltic Information Center "The Blitz" Publ., 1996. 138 p. (In Russ.)

12 Kolesov, V.V. *Drevniaia Rus': nasledie na slove. Mir cheloveka* [*Ancient Rus`: Heritage in Words. The World of Man*]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2000. 326 p. (In Russ.)

13 Leleko, V.D. *Prostranstvo povsednevnosti v evropeiskoi kul'ture* [*Everyday Life Space in European Culture*]. St. Petersburg, [s. n.], 2002. 303 p. (In Russ.)

14 Lotman, Iu.M. *Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII – nachalo XIX veka*) [*Conversations about Russian Culture. Everyday Life and Traditions of the Russian Nobility (18th – Early 19th Centuries)*]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1994. 399 p. (In Russ.)

15 Makhlina, S.T. *Iskusstvo inter'era* [*Art of the Interior*]. St. Petersburg, Znanie Publ., 1992. 32 p. (In Russ.)

16 Makhlina, S.T. *Semiotika kul'tury i iskusstva: opyt entsiklopedicheskogo slovaria* [*Semiotics of Culture and Art: Encyclopedic Dictionary Experience*], part 1–2. St. Petersburg, St. Petersburg State University for Culture Publ., 2000. 552 p. (Russ.)

17 Naumova, Iu. S. "Paradnye kukhni petrovskoi epokhi" ["State Kitchens of the Era of Peter the Great"]. Iskusstvo i dizain: istoriia i praktika 2022: sb. st. St. Petersburg, 2022. pp. 154–160. (In Russ.)

18 Niderle, L. *Slavianskie drevnosti* [*Slavic Antiquities*], trans. from Czech T. Kovalevoi, M. Khazanova. Moscow, Aleteia Publ., 2000. 590 p. (In Russ.)

19 Orlov, A.I. *Russkaia otopitel'no-ventiliatsionnaia tekhnika* [Russian Heating and Ventilation Equipment]. Moscow, Akva-Term, 2010. 224 p. (In Russ.)

20 Orlov, I.B. *Sovetskaia povsednevnost': istoricheskii i sotsiologicheskii aspekty stanovleniia* [*Soviet Everyday Life: Historical and Sociological Aspects of Formation*]. Moscow, The Higher School of Economics Publishing House Publ., 2010. 317 p. (In Russ.)

21 Plekhanova, V.A., Konopleva, N.A. *Stil' i formoobrazovanie inter'era zhilishcha v sovetskii i postsovetskii periody kak opyt estetizatsii rossiiskoi povsednevnosti* [*Style and Formation of the Interior of the Home in the Soviet and Post-Soviet Periods as an Experience of Aestheticization of Russian Everyday Life*]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2022. 332 p. (In Russ.)

22 Rabinovich, M.G. *Ocherki material'noi kul'tury russkogo feodal'nogo goroda* [*Essays on the Material Culture of a Russian Feudal City*]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 312 p. (In Russ.)

23 Rybakov, B.A. *Iazychestvo drevnikh slavian* [*Paganism of the Ancient Slavs*]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2013. 640 p. (In Russ.)

24 Sedov, V.V. *Vostochnye slaviane v VI-XIII vv.* [Eastern Slavs in the 6th-13th Centuries]. Moscow, Nauka, 1982. p. (In Russ.)

25 Sivak, N.A. *Semantika kul'turnogo prostranstva russkogo dvortsovogo inter'era XVIII v.* [*Semantics of the Cultural Space of the Russian Palace Interior of the 18th Century*: *PhD Thesis, Summary*]. St. Petersburg, 2006. 20 p. (In Russ.)

26 Slivenko, A.V. "Doma-kommuny: sotsial'nye proekty sovetskikh arkhitektorov" ["Communal Houses: Social Projects of Soviet Architects"]. *Gumanitarnyi aktsent*. 2022. No. 4. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/doma-kommuny-sotsialnye-proekty-sovetskih-arhitektorov (Accessed 13 May 2024). (In Russ.)

27 Solov'ev, N.K. *Istoriia sovremennogo inter'era* [*History of the Modern Interior*]. Moscow, Svarog i K Publ., 2004. 399 p. (In Russ.)

28 Strugova, O.B. *Mebel' v russkom inter'ere kontsa XIX – nachala XX vekov* [*Furniture in Russian Interiors of the late 19th – Early 20th Centuries*]. Moscow, Izdatatel'skii dom Rudentsovykh Publ., 2005. 443 p. (In Russ.)

29 Tydman, L.V. *Izba. Dom. Dvorets. Zhiloi inter'er Rossii s 1700 po 1840-e gody* [*Izba. House. Palace. Residential Interior of Russia from 1700 to 1840*]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2000. 332 p. (In Russ.)

30 Khan-Magomedov, S.O. *Pionery sovetskogo dizaina* [*Pioneers of Soviet Design*]. Moscow, Galart Publ., 1995. 423 p. (In Russ.)

31 Cherepakhina, A. N. *Istoriia khudozhestvennoi obrabotki izdelii iz drevesiny* [The History of Artistic Processing of Wood Products]. Moscow, Vysshaia shkola, 1987. p. (In Russ.)

32 Shennikov, A.A. "Ustroistvo i naznachenie povarni" ["Structure and Purpose of the Cookhouse"]. *Doklady otdelenii i komissii Geograficheskogo obshchestva SSSR* [*Reports of Departments and Commissions of the Geographical Society of the USSR*], vol. 15. Leningrad, [s. n.], 1970, pp. 111–126. (In Russ.)

33 *The Kitchen. Life World, Usage, Perspectives*. Switzerland, Birkhauser — Publishers for Architecture Publ., 2006. 160 p. (In English)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-102-118
УДК 655.421 (470)
ББК 76.18
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. О.Н. Альшевская
г. Новосибирск, Россия

© 2025 г. С.Ю. Зорина
г. Москва, Россия

ПРОЕКТ «КАРТА КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ РОССИИ» КАК ЗНАЧИМЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ РФ

Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.», № 122041100088-9

Аннотация: В статье анализируются итоги первого (2023 г.) и второго (2024 г.) этапов мониторинга книготорговых предприятий Российской Федерации в рамках проекта «Карта книжных магазинов России» (отраслевой проект «Культурная карта России. Литература. Чтение»), направленного на исследование и оценку инфраструктуры для чтения *в стране* и продвижение достижений регионов в области поддержки книги и чтения. Методология исследования базируется на сочетании сравнительно-типологического анализа данных мониторинга и ландшафтно-реконструирующего подхода. Обобщены данные по количеству книготорговых объектов в федеральных округах, городах России. Проанализирована обеспеченность книжными магазинами территорий страны. Сетевые книготорговые формирования (федеральные, межрегиональные, местные) представлены основой книготорговой инфраструктуры страны, обобщены основные характеристики деятельности крупнейших книжных сетей. Выявлены общероссийские тенденции и проблемы развития книжной отрасли. На основании оценки состояния книготорговой инфраструктуры сформированы рекомендации федеральным и региональным органам власти и управления. Реализация проекта — создание интерактивной карты книжных магазинов страны в целях выявления потенциала развития книготорговой инфраструктуры и поисков путей ее оптимизации — трактуется как важный фактор совершенствования книжной отрасли.

Ключевые слова: «Культурная карта России. Литература. Чтение», «Карта книжных магазинов России», книготорговая инфраструктура, книжная торговля, книжные сети.

Информация об авторах: Ольга Николаевна Альшевская — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, ул. Восход, д. 15, 630102 г. Новосибирск, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8024-8967
E-mail: alshevsk@yandex.ru
Светлана Юрьевна Зорина — президент Ассоциации книгораспространителей, главный редактор журнала «Книжная индустрия», ул. Лукинская, д. 18, 119634 г. Москва, Россия.
E-mail: zorinasv@gmail.com
Дата поступления статьи: 31.03.2025
Дата одобрения рецензентами: 28.07.2025
Дата публикации: 25.09.2025
Для цитирования: *Альшевская О.Н., Зорина С.Ю.* Проект «Карта книжных магазинов России» как значимый фактор развития книготорговой инфраструктуры страны // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 102–118.
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-102-118

Уровень чтения в любой стране влияет на большинство макрофакторов, имеющих системное значение для конкурентоспособности государства: качество жизни, рост экономики, фундаментальную науку, образование, духовную и культурную жизнь, а также обороноспособность и экономическую безопасность. Указом президента Российской Федерации «Об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [17] стратегический приоритет культуры в государственном развитии обозначен как один из основных подходов к государственной культурной политике страны. Интеграция результатов, связанных с культурой, во все сферы жизнедеятельности ставит в ряду национальных приоритетов решение проблем в области чтения и грамотности; принятие и реализацию государственных программ, проводящих четкий курс на закрепление в сознании людей понимания связи между социальным статусом и уровнем грамотности человека. В приветствии Президента РФ В.В. Путина XI съезду Российского книжного союза (4.12.2024) отмечена «важность большой работы, направленной на укрепления творческого созидательного потенциала книжной отрасли, популяризацию отечественной литературы, русского языка и языка народов России» [18].

Важнейшей задачей в направлении решения этих проблем в деятельности профессионального книжного сообщества является укрепление и развитие инфраструктуры для чтения как на федеральном, так и на региональном уровнях, ведь именно качество этой инфраструктуры напрямую коррелирует с количеством читающих и качеством чтения [2]. Значимый элемент инфраструктуры для чтения — книготорговая система, на сегодняшний день являющаяся *слабым звеном книжного дела*, *фактором, сдерживающим его развитие*. Несмотря на многократные усилия профессионального сообщества, книготорговая инфраструктура страны продолжает сокращаться[1]. На улучшение оценки и анализа состояния книготорговой инфраструктуры Российской Федерации, выявление потенциала ее развития, способствующего повышению качества чтения и доступу к культурному наследию и интеллектуальному капиталу граждан страны, направлено масштабное исследование-мониторинг книготорговых предприятий Российской Федерации «Карта книжных магазинов России». Исследование организовано

[1] В 1988 г. в РФ действовало 8478 книжных магазинов; в 2001–2005 гг. — около 2500–3000; в 2024 г. — 2450. Это почти в два раза меньше, чем существовало в Российской империи в конце XIX в. (в 1898 г. — около 5000 книжных магазинов).

в рамках отраслевого проекта «Культурная карта России. Литература. Чтение»[2] и реализуется Ассоциацией книгораспространителей (АСКР) совместно с журналом «Книжная индустрия» с лета 2023 г. Итоговым результатом проекта должна стать единая интерактивная цифровая карта книжных магазинов на сайте АСКР. В ноябре 2023 г. был проведен первый этап проекта, в рамках которого собрана и детально проанализирована информация по книжным магазинам в городах с населением свыше 100 тыс. человек. В ноябре 2024 г. АСКР актуализировала собранную ранее информацию, добавив новые книжные магазины и убрав закрытые. В дальнейшем запланированы работы по мониторингу книжных магазинов в городах страны с населением менее 100 тыс. человек.

Цель данной статьи заключается в анализе результатов первого и второго этапов мониторинга книготорговых предприятий, необходимых для формирования государственной политики в области книжного дела.

Освещению проекта «Карта книжных магазинов России» были посвящены публикации журнала «Книжная индустрия» [6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14]; «Университетская книга» [9] и др.; сайтов Российского книжного союза, Ассоциации книгоиздателей России, Ассоциации книгораспространителей, Российской библиотечной ассоциации. Проблемам развития современной российской книготорговой инфраструктуры посвящены работы О.Н. Альшевской, С.Ю. Зориной [3, 4], Е.Б. Ногиной, К.В. Антипова [15], Н.П. Дворцовой, О.Б. Волкоморовой, Е.К. Булатовой [5] и др. Исследованию экономических и технологических вызовов, с которыми столкнулись современные книгоиздание и книгораспространение, посвящена работа британского социолога, профессора Кембриджского университета Джона Б. Томпсона «Торговцы культурой» [16].

Методология исследования базировалась на анализе данных мониторинга книготорговых объектов и открытых интернет-источников, а также информации, предоставленной издательскими и книготорговыми компаниями страны. Применение формально-логического и статистического методов способствовало выявлению проблемных зон и перспектив развития книгораспространения. Реализация второго этапа исследования-мониторинга позволила выявить тенденции и тренды развития книготорговой инфраструктуры страны, стала основой подготовки рекомендаций органам власти и управления в области книжного дела.

Количественные характеристики книготорговой инфраструктуры Российской Федерации

В рамках двух этапов работы над «Картой книжных магазинов России» были исследованы города с населением свыше 100 тыс. жителей и 349 городов с населением менее 100 тыс. жителей (в 2023 г. — 324 города) 8 федеральных округов РФ. По данным первого этапа на ноябрь 2023 г. общее количество объектов книжной торговли в стране составило 2533; по данным второго на ноябрь 2024 г. — 2450. За 2024 г. было закрыто 220 и открыто 94 книжных магазина. В целом, книготорговая инфраструктура страны сократилась на 83 книжных магазина.

Анализируя распределение книжных магазинов по федеральным округам, необходимо отметить, что лидерами по количеству книжных магазинов являются Приволж-

[2] Федеральный проект «Культурная карта России. Литература. Чтение» реализуется с 2014 г. журналом «Книжная индустрия» при поддержке Российского книжного союза, Российской библиотечной ассоциации, Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (до 2021 г. — Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям).

ский федеральный округ (551 магазин; 22,5% доля от общего количества магазинов по стране; сокращение 2023–2024 гг. — 5,5%) и Центральный федеральный округ (504 магазина; 20,6% доля от общего количества, сокращение — 3,8%). Далее по количеству книжных магазинов следуют: Северо-Западный федеральный округ — 375 магазинов (доля от общего количества — 15,3%; сокращение — 7,2%); Дальневосточный федеральный округ — 251 магазин (доля от общего количества — 10,2%); Сибирский федеральный округ — 248 магазинов (доля от общего количества — 10,1%; сокращение 5%); Южный федеральный округ — 237 магазинов (доля от общего количества — 9,7%, сокращение 4%); Уральский федеральный округ — 182 магазина (доля от общего количества — 7,4%; сокращение — 6,2%). Наименьшее количество книжных магазинов зафиксировано в Северо-Кавказском федеральном округе — 102 магазина (доля от общего количества 4,2%) (таблица 1).

Таблица 1 — Количество книжных магазинов в федеральных округах РФ, 2023, 2024
Table 1 — Number of Bookstores in the Federal Districts of the Russian Federation, 2023, 2024

Федеральный округ	Количество книжных магазинов, 2023	Количество книжных магазинов, 2024	% от общего количества магазинов РФ 2023/2024
Приволжский	583	551	24,8 /22,5
Центральный	524	504	22,3 / 20,6
Северо-Западный	404	375	17,2 / 15,3
Дальневосточный	231	251	9,8 / 10,2
Сибирский	261	248	11,1 /10,1
Южный	247	237	8,5 / 9,7
Уральский	194	182	8,3 /7,4
Северо-Кавказский	89	102	3,8 / 4,2
Россия	2533	2450	

По итогам второго этапа исследования лидерами по количеству магазинов являются города федерального значения: Москва (236 книжных магазинов) и Санкт-Петербург (187 книжных магазина). При этом за 2023–2024 гг. в Москве (включая Троицк и Зеленоград) были закрыты 13 книжных магазинов; в Санкт-Петербурге — 12. Далее в рейтинге региональных лидеров следуют — Свердловская область (113 книжных магазинов, закрыто — 16); Республика Татарстан (95 магазинов,закрыто — 6); Краснодарский край (94 магазина, закрыто — 6); Приморский край (82 магазина, закрыто — 9), Республика Башкортостан (78 книжных магазинов, закрыто — 3) (таблица 2).

Таблица 2 — ТОП-20 регионов по количеству книжных магазинов, ноябрь 2024
Table 2 — TOP 20 Regions by Number of Bookstores, November 2024

№ п/п	Регион	Количество книжных магазинов, 2024	Количество закрытых книжных магазинов, 2023–2024
1	город федерального значения Москва	236	13
2	город федерального значения Санкт-Петербург	187	12
3	Свердловская область	113	16
4	Республика Татарстан	95	6
5	Краснодарский край	94	6
6	Приморский край	82	9
7	Республика Башкортостан	78	3
8	Московская область	76	16
9	Самарская область	68	9
10	Ростовская область	67	7
11	Саратовская область	63	2
12	Иркутская область	57	5
13	Нижегородская область	55	2
14	Новосибирская область	55	10
15	Ставропольский край	54	6
16	Республика Саха (Якутия)	45	1
17	Пермский край	44	4
18	Калининградская область	37	10
19	Красноярский край	37	2
20	Хабаровский край	36	4

Лидерами по количеству книжных магазинов среди городов с населением от 500 тыс. до 1 млн жителей являются Саратов (40 книжных магазинов), Владиво-

сток (38), Иркутск (31), Хабаровск (26), Барнаул (20). Наибольшее количество книжных магазинов в городах с населением от 250 до 500 тыс. жителей насчитывается в Якутске (33 книжных магазина), в Улан-Удэ (24), в Чебоксарах (20), в Сочи (20), в Пензе (18); в городах с населением от 100 до 250 тыс. жителей — в Петропавловске-Камчатском (16 книжных магазинов), в Нальчике, Пятигорске и Южно-Сахалинске (по 11 магазинов), в Благовещенске и Северодвинске (по 10 книжных магазинов).

В некоторых региональных городах действуют единичные магазины, либо книготорговые предприятия отсутствуют. В Новокузнецке (Сибирский федеральный округ, население — свыше 533 тыс. жителей) — три магазина, в Томске (Сибирский федеральный округ, население свыше 550 тыс. человек) — четыре, в Тамбове (Центральный федеральный округ, население 258 тыс. жителей) — два, в Ханты-Мансийске (Уральский федеральный округ, население более 109 тыс. жителей) — один. Это далеко не все примеры малого количества книготорговых объектов в российских городах.

Однако встречаются и обратные ситуации, когда в городах с небольшим количеством жителей книжных магазинов насчитывается больше, чем в некоторых городах-миллионерах. Якутск с населением 360 тыс. жителей имеет 33 книжных магазина; в Улан-Удэ с населением 436 тыс. человек — 23 магазина, тогда как в городе-миллионере Волгограде — 14 книжных магазинов. Антирейтинг городов с самым низким количеством работающих книжных магазинов приводится в Таблице 3.

Таблица 3 — Антирейтинг городов с низким количеством книжных магазинов, 2023

Table 3 — Anti-rating of Cities with a Low Number of Bookstores, 2023

Город	Федеральный округ	Численность населения	Количество книжных магазинов
Златоуст	Уральский	от 100 до 250 тыс. человек	1
Копейск	Уральский	от 100 до 250 тыс. человек	1
Майма	Сибирский	от 100 до 250 тыс. человек	1
Мурино	Северо-Западный	от 100 до 250 тыс. человек	1
Нефтеюганск	Уральский	от 100 до 250 тыс. человек	1
Новоша́хтинск	Южный	от 100 до 250 тыс. человек	1
Новый Уренгой	Уральский	от 100 до 250 тыс. человек	1
Ноябрьск	Уральский	от 100 до 250 тыс. человек	1
Парголово	Северо-Западный	от 100 до 250 тыс. человек	1
Прокопьевск	Сибирский	от 100 до 250 тыс. человек	1
Ханты-Мансийск	Уральский	от 100 до 250 тыс. человек	1

Батайск	Южный	от 100 до 250 тыс. человек	2
Бердск	Сибирский	от 100 до 250 тыс. человек	2
Волжский	Южный	от 250 до 500 тыс. человек	2
Грозный	Северо-Кавказский	от 250 до 500 тыс. человек	2
Димитровград	Приволжский	от 100 до 250 тыс. человек	2
Евпатория	Южный	от 100 до 250 тыс. человек	2
Кисловодск	Северо-Кавказский	от 100 до 250 тыс. человек	2
Кызыл	Сибирский	от 100 до 250 тыс. человек	2
Миасс	Уральский	от 100 до 250 тыс. человек	2
Назрань	Северо-Кавказский	от 100 до 250 тыс. человек	2
Норильск	Сибирский	от 100 до 250 тыс. человек	2
Пушкин	Северо-Западный	от 100 до 250 тыс. человек	2
Салават	Приволжский	от 100 до 250 тыс. человек	2
Шахты	Южный	от 100 до 250 тыс. человек	2

Обеспеченность книжными магазинами как реальный показатель состояния книгораспространения

Количество книжных магазинов — абсолютный показатель, но реальное состояние книгораспространения отражает показатель обеспеченности книжными магазинами, демонстрирующий количество человек, приходящееся на один магазин. Лидерство по количеству книготорговых объектов и обеспеченности ими территорий не всегда совпадают. По обеспеченности книжными магазинами лидирующие позиции занимают Дальневосточный (2023 — 1:34216, 2024 — 1:31340), Северо-Западный (2023 — 1:34325, 2024 — 1:36908), Приволжский (2023 — 1:49199, 2024 — 1:51798) федеральные округа; менее обеспечены книготорговыми объектами Уральский (2023 — 1:63191, 2024 — 1:67375), Сибирский (2023 — 1:63777, 2024 — 1:66803), Южный (2023 — 1:67377, 2024 — 1:70144), Центральный (2023 — 76794, 2024 — 1:79759), Северо-Кавказский (2023 — 1:114671, 2024 — 1:100501) федеральные округа (таблица 4).

Таблица 4 — Количество книжных магазинов и обеспеченность книготорговыми объектами в федеральных округах РФ, 2023, 2024
Table 4 — Number of Bookstores and Availability of Bookselling Facilities in the Federal Districts of the Russian Federation, 2023, 2024

Федеральный округ	Количество книжных магазинов, 2023	Количество жителей в расчете на один книжный магазин, чел., 2023	Количество книжных магазинов, 2024	Количество жителей в расчете на один книжный магазин, чел., 2024
Приволжский	583	1:49199	551	1:51798
Центральный	524	1:76794	504	1:79759
Северо-Западный	404	1:34325	375	1:36908
Дальневосточный	231	1:34216	251	1:31340
Сибирский	261	1:63777	248	1:66803
Южный	247	1:67377	237	1:70144
Уральский	194	1:63191	182	1:67375
Северо-Кавказский	89	1:114671	102	1:100501
Россия	2533	1:57816	2450	1:59653

Большое количество книжных магазинов в городах-миллионерах не дает основания говорить об их хорошей обеспеченности книготорговыми объектами. При наибольшем количестве книжных магазинов среди всех городов-миллионеров в Москве (236), обеспеченность книжными магазинами жителей столицы — одна из самых низких по сравнению с другими городами-миллионерами — 1:55720. Обеспеченность книжными магазинами в Санкт-Петербурге почти в два раза выше Москвы — 1:29935 (один книжный магазин на 29,9 тыс. жителей), однако за год обеспеченность книжными магазинами в северной столице сократилась (1:28283 —> 1:29935).

Лидерами по обеспеченности книжными магазинами в городах-миллионерах являются Казань (1:24805), Самара (1:28382), Ростов-на-Дону (1:28512), Санкт-Петербург (1:29935) и Уфа (1:31079) (таблица 5). Хорошее развитие книготорговой инфраструктуры в этих городах обеспечивается функционированием в них книжных сетей: города являются форпостами крупнейших сетевых формирований: Казань — «Пегас» («Дом книги», «Книга +») 50 магазинов и «Аист-Пресс» («Любимый книжный») 37 магазинов; Самара — «Чакона» 29 магазинов и «Метида» 22 магазина; Ростов-на-Дону — «Магистр» 25 магазинов; Уфа — «Планета книги» 41 магазин и др.

Таблица 5 — Количество книжных магазинов и обеспеченность книжными магазинами в городах-миллионерах РФ, 2023, 2024
Table 5 — Number of Bookstores and their Availability in the Million-plus Cities of the Russian Federation, 2023, 2024

Город	Количество книжных магазинов, 2023	Количество книжных магазинов, 2024	Количество жителей в расчете на один книжный магазин, чел., 2023	Количество жителей в расчете на один книжный магазин, чел., 2024	Изме-нение
Казань	52	53	1:25282	1:24805	↑
Ростов-на-Дону	44	40	1:25817	1:28512	↓
Самара	44	41	1:26446	1:28382	↓
Санкт-Петербург	198	187	1:28283	1: 29935	↓
Пермь	34	32	1:30210	1:32091	↓
Уфа	38	38	1:30730	1:31079	↓
Екатеринбург	50	48	1:30787	1:32070	↓
Нижний Новгород	38	37	1:31933	1:32567	↓
Новосибирск	50	48	1:32706	1:34039	↓
Омск	33	25	1:33661	1: 44179	↓
Краснодар	32	33	1:34593	1:34504	↑
Красноярск	30	32	1:39897	1:37403	↑
Воронеж	26	21	1:40461	1:49830	↓
Москва (включая ТиНАО и Зеленоград)	235	236	1:55762	1:55720	↑
Челябинск	18	18	1:65695	1:65392	↑
Волгоград	14	14	1:73261	1: 72778	↑

Средняя обеспеченность по городам -миллионерах			1:38675	1:39463	↓

Средняя обеспеченность книжными магазинами в городах-миллионерах в 2024 г. составляла 1 магазин на 39463 жителей, что ниже показателей 2023 г. (1:38675). За прошедший год обеспеченность книжными магазинами упала во многих городах-миллионерах. Самое большое снижение зафиксировано в Омске, где книжная сеть «Центр-книга» за год закрыла 9 книжных магазинов. В целом в 2023–2024 гг. в городах с населением свыше 1 млн жителей перестали функционировать 33 книжных магазина.

Сетевые книготорговые формирования как основа книготорговой инфраструктуры страны

Основу профильной книготорговой инфраструктуры как страны в целом, так и отдельных регионов составляют магазины федеральных, межрегиональных и местных книжных сетей. Исходя из данных мониторинга, в России в большей степени распространены сетевые книжные магазины. Несетевых книжных магазинов насчитывается лишь 19,8% от общего количества всех учтенных магазинов. Федеральные и региональные сети создают логистическую основу инфраструктуры книжного рынка, в особенности в городах-форпостах компаний; местные сети и микроформирования (2–3 магазина) являются наиболее распространенной формой интеграции на региональном книжном рынке [1]. Экстенсивно и интенсивно развиваясь, сети обладают мощным финансовым, административным и организационным ресурсом, реализуют программы продвижения чтения. Крупнейшими книготорговыми формированиями на современном этапе являются объединенная розничная сеть «Читай-город / Буквоед», насчитывающая в 2024 г. 695 книжных магазинов («Читай-город» — 553, «Буквоед» — 142); сети «Книжный Лабиринт» (62 магазина), «Дом книги / Пегас» (50), «ПродаЛитЪ» (43), «Аист-Пресс» («Любимый книжный») (37 магазинов), «Приморский Дом книги» (35 магазинов), «Живое слово» («Люмна») (31 магазин) и др. Характеристики крупнейших книжных сетей РФ представлены в Таблице 6.

Таблица 6 — Крупные книготорговые сети РФ
Table 6 — Large Bookselling Networks of the Russian Federation

Название	Город-форпост сети (количество магазинов)	Год основания	Количество магазинов				
			2020	2021	2022	2023	2024
Читай-город	Москва (81)	2008	499	518	559	571	553

Буквоед	Санкт-Петербург(101)	2000	144	148	173	150	142
Книжный лабиринт	Москва (16)	2005	89	82	91	62	62
Пегас (Дом книги, Книга +)	Казань (19)	1992	53	53	54	53	50
ПродаЛитЪ	Иркутск (19)	1996	60	56	50	49	43
Планета книги	Уфа (24)	1998	н/д	н/д	н/д	43	41
Аист-Пресс (Любимый книжный)	Казань (21)	2001	37	37	36	37	37
Приморский торговый Дом книги	Владивосток (15)	1926	41	39	38	38	35
Живое слово. Люмна	Екатеринбург (15)	1999	31	35	39	37	31
Территория	Москва (9)	2017	50	н/д	н/д	34	31
Книжная лавка	Калининград (11)	1996	39	38	39	31	30
Чакона	Самара (17)	1994	н/д	н/д	н/д	35	29
Мирс	Хабаровск (18)	1992	32	31	18	39	28
Читайна	Нижний Новгород (15)	1992	35	н/д	н/д	29	28
Магистр	Ростов-на-Дону (19)	2000	31	30	30	30	25
Амиталь	Воронеж (9)	1991	31	28	28	27	23
Городская сорока Воокля	Новосибирск (12)	2010	25	25	26	24	23
Метида	Самара (7)	2000	н/д	н/д	н/д	24	22
Гемера (Моя книга)	Саратов (15)	2012	н/д	н/д	н/д	21	19

Характеризуя деятельность книготорговых сетевых формирований, необходимо отметить, что все они за последние годы сократили количество подразделений и горо-

дов дислокации. Сокращения претерпели крупнейшие книготорговые формирования «Читай-город» (18), «Буквоед» (8); региональные и местные сети «Пегас» (3), «ПродаЛитЪ» (6), «Живое слово» (6), «Магистр» (5), «Амиталь» (4) и др. Книжные сети приостанавливают программы развития и в значительной степени склонны к быстрому отказу от неприбыльных предприятий, не дожидаясь их возможного выхода на рентабельность.

Магазины федеральных и региональных сетей активно развивают офлайн-подразделения (собственные интернет-магазины) в качестве show-room (ассортиментных кабинетов) для поддержки онлайн-продаж, но при этом растут требования к LFL-показателям продаж по фокусному ассортименту и к отслеживанию трафика и конверсии в объектах сети. С большими трудностями развития сталкиваются авторские книжные магазины клубно-кулуарного формата, такие как «Догма 80» (Томск, 2020–2022 гг.), «Перемен» (Новосибирск, 2014 г.), «Бакен» (Красноярск, 2013 г.), «Кирпичики Букс» (Владивосток, 2016 г.) и др. Определенную жизнестойкость на современном этапе сохраняют районные торговые центры (ряды), где книготорговая инфраструктура может быть представлена компактным форматом книжно-канцелярского павильона, что, безусловно, только отдаляет книжную розницу от традиционного понятия книжного магазина и в итоге ведет к деградации книготорговой инфраструктуры.

Основные тенденции и проблемы. Мероприятия по поддержке и развитию книготорговой инфраструктуры

В целом книготорговая инфраструктура страны неумолимо сокращается. По итогам исследования, в 2023 г. сокращение составило 86 книжных магазинов, в 2024 г. — 83. Экономическая эффективность работы книжных магазинов повсеместно снижается. По итогам работы книжной розницы за 9 месяцев 2024 г. оборот в денежном выражении остался практически на уровне 2023 г.: рост выручки составил незначительные 0,5% [6]. При сохранении доходов увеличиваются операционные расходы: на аренду, персонал и налоги. Первостепенное значение при выборе покупателем места покупки играет цена. На протяжении последних лет продолжается ценовой демпинг со стороны маркетплейсов — в период акций; в период проведения «Черных пятниц» разница в цене на книгу в офлайн и онлайн торговле может составлять более 50%. Покупатель рассматривает книжные магазины как красивые витрины для знакомства с книжным ассортиментом, а покупки книг совершает на маркетплейсах. Такие ценовые войны разрушают рыночные механизмы развития, делают книжные магазины неконкурентоспособными в глазах покупателя и фактически дискредитирует традиционную книжную торговлю.

Книжным магазинам, всей книжной отрасли требуется системная государственная поддержка. Мерами, направленными на развитие сбалансированной и эффективной инфраструктуры для чтения литературы во всех регионах РФ, должны стать:

— принятие государственной «Программы поддержки детского и юношеского чтения» для всех субъектов книжной отрасли;
— отмена налога на добавочную стоимость на детскую и юношескую книгу;
— контроль государственными органами ценообразования маркетплейсов, соблюдение ими ценовой конкуренции и норм Федерального закона «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ и поправок от 01.09.2023;

— введение целевых грантов на проведение социокультурных мероприятий на территории книжных магазинов;
— сокращение налоговой нагрузки на книжные предприятия;
— реализация возможности приобретения книг по «Пушкинской карте» или ее региональным аналогам для книжных магазинов;
— включение книжных магазинов — субъектов социального предпринимательства — в реестр креативных индустрий;
— увеличение тиражей книг победителей и лауреатов всероссийских литературных премий[3]– «важнейших навигаторов по чтению»; осуществление целевых закупок этих книг для муниципальных и школьных библиотек; реализация программы специальных выкладок-рекомендаций книг победителей и лауреатов в книжных магазинах;
— увеличение количества книжных фестивалей-ярмарок — «праздников книги» по всей России; необходимость целевых грантов на организацию фестивалей;
— развитие и повсеместное внедрение социальной рекламы книг и чтения на телевидении, радио, в наружной городской рекламе, общественном транспорте.

Дальнейшее развитие проекта «Карта книжных магазинов России» в русле подходов к государственной культурной политике РФ позволит расширить представления о роли и месте инфраструктуры для чтения в обеспечении качества жизни российских граждан за счет развития интеллектуального и творческого потенциала; определить проблемные зоны, требующие особого внимания и поиска эффективных организационных и управленческих решений; выявить наиболее успешные региональные практики поддержки и продвижения книги и чтения; стимулировать представителей региональных управлений культуры и предпринимательства к развитию инфраструктуры для чтения в соответствии с требованиями законодательных и программных документов, а также с учетом основных потребностей общества и граждан. Осознание решения проблем в области чтения и грамотности в качестве национальных приоритетов; принятие и реализация программ, ставящих стратегический приоритет культуры одним из основных подходов к государственной культурной политике страны, будут способствовать интеграции результатов, связанных с культурой, во все сферы жизни общества. Привлечение внимания общественности (включая экспертное и профессиональное сообщество) к вопросам развития инфраструктуры для чтения повысит статус книжного магазина как интеллектуального центра; поможет сохранить книжные магазины как основу системы книгораспространения; поднимет статус книги и чтения в российском обществе, и, в целом, отразится на повышении конкурентоспособности РФ в текущих геополитических процессах.

[3] Государственная премия за произведения для детей и юношества (с 1998 г., учредитель — Президент Российской Федерации); негосударственные премии РФ: «Книга года» (с 1999 г., учредитель — Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации), «Большая книга» (с 2005 г., учредитель — некоммерческое партнерство «Центр поддержки отечественной словесности»), «Ясная поляна» (с 2003 г., учредители — музей-усадьба «Ясная поляна», компания Samsung Electronics) и др.

Список литературы

Исследования

1 *Альшевская О.Н.* Книготорговые сети в Сибири и на Дальнем Востоке: история возникновения, современное состояние и тенденции развития. (Часть 2) // Библиосфера. 2018. № 4. С. 19–26. https://doi.org/10.20913/1815-3186-2018-4-19-26

2 *Альшевская О.Н. Подкорытова Н.И., Кожевникова Л.А.* Инфраструктура для чтения: к постановке проблемы // Библиография. 2019. № 2. С. 7–15.

3 *Альшевская О.Н., Зорина С.Ю.* Книготорговая инфраструктура в Сибири и на Дальнем Востоке в 2019–2021 гг. (по материалам проекта «Культурная карта России. Литература. Чтение») // Библиография и книговедение. 2022. № 5/6. С. 108–118.

4 *Альшевская О.Н., Зорина С.Ю., Безуматова А.В.* Сибирь и Дальний Восток в проекте «Карта книжных магазинов России» // Библиосфера. 2024. № 2. С. 76–86. https://doi.org/10.20913/1815-3186-2024-2-76-86

5 *Дворцова Н.П., Волкоморова О.Б., Булатова Е.К.* Книготорговый ландшафт Тюменской области // Библиосфера. 2017. № 2. С. 46–52. https://doi.org/10.20913/1815-3186-2017-2-46-52

6 Карта книжных магазинов России: масштабный проект продолжается // Книжная индустрия. 2025. № 1. С. 54–60.

7 Карта книжных магазинов России: первые результаты масштабного проекта // Книжная индустрия. 2023. № 8. С. 52–60

8 Книга и чтение в культурном пространстве России // Книжная индустрия. 2014. № 3. С. 18–19.

9 Культурная карта России // Университетская книга. 2014. № 6. С. 39.

10 Культурная карта России 2019–2020 // Книжная индустрия. 2020. № 8. С. 52–60.

11 Культурная карта России: влияние пандемии на книжную инфраструктуру регионов // Книжная индустрия. 2022. № 1. С. 48–54.

12 Культурная карта России: инфраструктура чтения в российских регионах // Книжная индустрия. 2017. № 4/5. С. 13–21.

13 Культурная карта России: итоги 2018 года // Книжная индустрия. 2019. № 5. С. 22–31.

14 Культурная карта России: рейтинг российских регионов. 2016–2017 // Книжная индустрия. 2018. № 1. С. 26–31.

15 *Ногина Е.Б., Антипов К.В.* Книга, читатель, книжная торговля // Библиография и книговедение. 2020. № 2. С. 65–75.

16 *Томпсон Д.Б.* Торговцы культурой. Книгоиздательский бизнес в XXI веке / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 480 с.

Источники

17 Об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. URL:

18 http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения 10.02.2025).

19 4 декабря 2024 года состоялся XI Съезд Российского книжного союза // Российский книжный союз. URL: https://bookunion.ru/news/4_dekabrya_2024_goda_sostoyalsya_xi_sezd_rossiyskogo_knizhnogo_soyuza/?ysclid=m83z59rp8b740230263 (дата обращения 10.02.2025).

***

© 2025. Olga N. Alshevskaya
Novosibirsk, Russia

© 2025. Svetlana Yu. Zorina
Moscow, Russia.

THE PROJECT "MAP OF RUSSIAN BOOKSTORES" AS A SIGNIFICANT FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF INFRASTRUCTURE FOR READING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Acknowledgements: The paper was carried out according to the research plan of the State Scientific and Technical University of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, the project "Transformation of book culture in social communications of the 19th – 21th centuries", No. 122041100088-9.

Abstract: The work analyzes the results of the first (2023) and second (2024) stages of monitoring bookselling enterprises in the Russian Federation in terms of the project "Map of Russian Bookstores" (the industry project "Cultural Map of Russia. Literature. Reading"), aimed at researching and evaluating the country's reading infrastructure and promoting the achievements of the regions in the field of book and reading support. The research methodology is based on a combination of comparative and typological analysis of monitoring data and a landscape-reconstructive approach. The study summarizes data on the number of bookselling facilities in the federal districts and cities of Russia and analyzes the availability of bookstores in the country's territories. Network bookselling formations (federal, interregional, local) are represented by the basis of the country's bookselling infrastructure, the main characteristics of the activities of the largest book chains are summarized. The paper reveals all-Russian trends and problems of the book industry development. Basing on the assessment of the state of the bookselling infrastructure, the authors have made recommendations to federal and regional authorities and management. The project, which aims to create an interactive map of the country's bookstores in order to identify the potential for developing the bookselling infrastructure and finding ways to optimize it, is considered an important factor in improving the book industry.

Keywords: "Cultural Map of Russia. Literature. Reading", "Map of Russian Bookstores", Bookselling Infrastructure, Book Trade, Book Chains.

***Information about the authors*:**
Olga N. Alshevskaya — PhD in History, Leading Researcher, Sciences State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Voskhod St., 15, 630102 Novosibirsk, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8024-8967
E-mail: alshevsk@yandex.ru
Svetlana Yu. Zorina — President of the Book Distributors Association, Editor-in-Chief of the Book Industry Magazine, Lukinskaya St., 18, Moscow, 119634, Russia.
E-mail: zorinasv@gmail.com

Received: March 31, 2025
Approved after reviewing: July 28, 2025
Date of publication: September 25, 2025

For citation: Alshevskaya, O.N., Zorina, S.Y. "The 'Map of Russian Bookstores' Project as a Significant Factor in the Development of the Country's Bookselling Infrastructure." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 102–118. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-102-118

References

1 Al'shevskaia, O.N. "Knigotorgovye seti v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: istoriia vozniknoveniia, sovremennoe sostoianie i tendentsii razvitiia. (Chast' 2) [Book-trade Networks in Siberia and the Far East: The History of Origin, Current state and Development Trends. (Part 2)]". *Bibliosfera*, no. 4, 2018, pp. 19–26. (In Russ.) https://doi.org/10.20913/1815-3186-2018-4-19-26

2 Al'shevskaia, O.N. Podkorytova, N.I., Kozhevnikova, L.A. "Infrastruktura dlia chteniia: k postanovke problem" ["Infrastructure for Reading: Towards an Issue Statement"]. *Bibliografiia*, no. 2, 2019, pp. 7–15. (In Russ.)

3 Al'shevskaia, O.N., Zorina, S.Iu. "Knigotorgovaia infrastruktura v Sibiri i na Dal'nem Vostoke v 2019–2021 gg. (po materialam proekta 'Kul'turnaia karta Rossii. Literatura. Chtenie')" ["Bookselling Infrastructure in Siberia and the Far East in 2019–2021 (Based on Materials from the Project 'Cultural Map of Russia. Literature. Reading')"]. *Bibliografiia i knigovedenie*, no. 5/6, 2022, pp. 108–118. (In Russ.)

4 Al'shevskaia, O.N., Zorina, S.Iu., Bezumatova, A.V. "Sibir' i Dal'nii Vostok v proekte 'Karta knizhnykh magazinov Rossii'" ["Siberia and the Far East in the 'Map of Russian Bookstores' Project"]. *Bibliosfera*, no. 2, 2024, pp. 76–86. (In Russ.) https://doi.org/10.20913/1815-3186-2024-2-76-86

5 Dvortsova, N.P., Volkomorova, O.B., Bulatova, E.K. "Knigotorgovyi landshaft Tiumenskoi oblasti" ["The Bookselling Landscape of the Tyumen Region"]. *Bibliosfera*, no. 2, 2017, pp. 46–52. (In Russ.) https://doi.org/10.20913/1815-3186-2017-2-46-52

6 Karta knizhnykh magazinov Rossii: masshtabnyi proekt prodolzhaetsia" ["Map of Russian Bookstores: A Large-scale Project Continues"]. *Knizhnaia industriia*, no. 1, 2025, pp. 54–60. (In Russ.)

7 "Karta knizhnykh magazinov Rossii: pervye rezul'taty masshtabnogo proekta" ["Map of Bookstores in Russia: First Results of a Large-scale Project"]. *Knizhnaia industriia*, no. 8, 2023, pp. 52–60. (In Russ.)

8 "Kniga i chtenie v kul'turnom prostranstve Rossii" ["Book and Reading in the Cultural Space of Russia"]. *Knizhnaia industriia*, no. 3, 2014, pp. 18–19. (In Russ.)

9 "Kul'turnaia karta Rossii" ["Cultural Map of Russia"]. *Universitetskaia kniga*, no. 6, 2014, p. 39. (In Russ.)

10 1"Kul'turnaiakartaRossii 2019–2020" ["Cultural Map of Russia 2019–2020"]. *Knizhnaia industriia*, no. 8, 2020, pp. 52–60. (In Russ.)

11 "Kul'turnaia karta Rossii: vliianie pandemii na knizhnuiu infrastrukturu regionov" ["Cultural Map of Russia: The Impact of the Pandemic on the Book Infrastructure of the Regions"]. *Knizhnaia industriia*, no. 1, 2022, pp. 48–54. (In Russ.)

12 "Kul'turnaia karta Rossii: infrastruktura chteniia v rossiiskikh regionakh" ["Cultural Map of Russia: Reading Infrastructure in Russian Regions"]. *Knizhnaia industriia*, no. 4/5, 2017, pp. 13–21. (In Russ.)

13 "Kul'turnaia karta Rossii: itogi 2018 goda" ["Cultural Map of Russia: Results of 2018"]. *Knizhnaia industriia*, no. 5, 2019, pp. 22–31. (In Russ.)

14 “Kul'turnaia karta Rossii: reiting rossiiskikh regionov 2016–2017” [“Cultural Map of Russia: Rating of Russian Regions. 2016–2017”]. *Knizhnaia industriia*, no. 1, 2018, pp. 26–31. (In Russ.)

15 Nogina, E.B., Antipov, K.V. “Kniga, chitatel', knizhnaia torgovlia” [“Book, Reader, Book Trade”]. *Bibliografiia i knigovedenie*, no. 2, 2020, pp. 65–75. (In Russ.)

16 Tompson, D.B. *Torgovtsy kul'turoi. Knigoizdatel'skii biznes v XXI veke* [*Merchants of Culture: Publishing Business in the 21th Century*], trans. from English. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023. 480 p. (In Russ.)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-119-138
УДК 141.33+133.2
ББК 83.3(2)
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2025 г. И.В. Чиндин
г. Москва, Россия

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ НЕОМИФОЛОГИЗМА В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ 1950–2020 гг. (ДАНИИЛ АНДРЕЕВ И ВИКТОР ПЕЛЕВИН)

Аннотация: В статье представлена попытка осветить разные онтологические подходы к мифу представителями русской художественной культуры XX в.; впервые ставится и решается вопрос о глубине погружения художника в гносеологическую целостность мифа и мифическую ментальность. Цель исследования — указать на изменяющийся характер восприятия мифических содержаний некоторыми представителями русской культуры XX в. и обнаружить специфические черты их неомифологизма. В исследовании применялись методы культурологического сопоставительного анализа, филологической герменевтики и сравнительно-исторического литературоведения. Автору удалось осветить вопрос об интегративном и трансгрессивном воздействии на сознание художника мистического опыта. В исследовании рассматривается неомифологизм как художественный метод и прием в русской культуре второй половины XX в.; дается краткая характеристика постмодернистскому неомифологизму русских художников последней четверти XX в.; основное внимание уделяется изучению особенностей неомифологизма у Даниила Андреева и Виктора Пелевина; ставится акцент на трансгрессивности позднего (тюремного) творчества Даниила Андреева, его выходе за пределы художественной литературы и вхождении в целостное мифическое восприятие мира; в сравнении с мифоцентризмом Андреева анализируется постмодернистский неомифологизм Виктора Пелевина, обнаруживается ряд особенностей данного неомифологизма, делаются наблюдения о преодолении Пелевиным в своем творчестве тотальной постмодернистской релевантности и децентрализации мира. В результате исследования автор приходит к выводу о плодотворном воздействии на творчество Пелевина трансгрессивного неомифологического наследия Андреева. Мифоцентризм Андреева обогащает неомифологизм Пелевина и позволяет обнаружить в нем культурную и эстетическую динамику.

Ключевые слова: неомифологизм, Роза Мира, Даниил Андреев, Виктор Пелевин, трансгрессия, новейший миф, мифологическая фантастика, теофания, мифоцентризм.

Информация об авторе: Игорь Викторович Чиндин — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Российская таможенная академия, Комсомольский просп., д. 4, 140015 г. Люберцы, Московская обл., Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7241-1763
E-mail: chindin@inbox.ru
Дата поступления статьи: 11.01.2025
Дата одобрения рецензентами: 17.04.2025
Дата публикации: 25.09.2025
Для цитирования: *Чиндин И.В.* О некоторых особенностях неомифологизма в русской художественной культуре 1950–2020 гг. (Даниил Андреев и Виктор Пелевин) // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 119–138.
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-119-138

Введение

Работа русских младосимволистов с древним мифом и его природой носила куда более серьезный характер, чем эстетическое «разыгрывание» его поэтики. Мифопоэтические стратегии выводили символистов напрямую к духовной революции, к взрыву культуры и преображению мира. Однако укорененность в бинарных оппозициях культуры (хоть и модернистской) все же не позволила ни одному из них заговорить на языке не мифопоэзии, но настоящего новейшего мифа. Акта трансгрессии от искусства как одного из дифференцированных видов человеческой деятельности в новейшую мифическую целостность бытия (в «цельное знание» (Вл. Соловьев)) никто из них не совершил: символисты стали «литераторами», а не творцами новейшего мифического *архэ*. Это удалось сделать «позднему» Д.Л. Андрееву (1906–1959). Феномен Даниила Андреева — это по большей части феномен новейшего «цельного знания» [5, с. 10].

В своем «триптихе» («Роза Мира», «Железная мистерия», «Русские боги») он возвещает о наступлении в скором времени на всей планете «хилеоса», земного рая, о преодолении границ между миром людей и миром богов, жизни и смерти и т. п. И особенно важно, что пишет свой «триптих» Андреев так, как будто своим духом (не телом, тело — во Владимирской тюрьме) в своем «литургическом времени» он уже пребывает в этом земном раю — во «всечеловеческом братстве» Розы Мира. Будучи до ареста поэтом и писателем романтико-символистского направления и следуя теургическим заветам русских символистов, а также Вл. Соловьева, Андреев доводит эти теургические чаяния до максимальной фазы их развития и реализует их в своей духовной вселенной, а затем и в позднем творчестве. Он творит новейший миф о Розе Мира, новейшее мифическое время и пространство (новейший мифический хронотоп), входит в мир мифической онтологии и гносеологии (мир идеал-материального единства, созерцания нуминозных сущностей и общения с ними) и, в свою очередь, выходит из мира художественной образности, из искусства в целом. Таким образом русский модернистский неомифологизм в середине XX в. переживает фазис наивысшего развития; посредством инструментов искусства художник теургически преображает космос и обретает связь со всеми его мирами и слоями — творит настоящую *религию от искусства* с ее священными субъектами поклонения. Художественная образность «позднего» Андреева растворяется в волнах океана новейшей целостности мифического восприятия мира. В позднем творчестве Андреева конститутивные элементы мифической ментальности, описанные в трудах К. Хюбнера, Э. Кассирера, М. Элиаде, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, представлены так ярко и выпукло, как ни у кого другого из русских писателей XX в. Изображаемые в позднем творчестве феномены суть не художественные образы, а живые нуминозные сущности («существа»). Однако для литературного про-

цесса Советской России данная фаза *акмэ* русского модернистского неомифологизма до 1970 гг. была неведома, как, впрочем, и сам модернистский неомифологизм был «заморожен» и помещен до поры в запасники культуры. Писал Даниил Леонидович свои труды тайком и никому, кроме своей супруги, не показывал.

В 1970 гг. «Роза Мира» появляется в «самиздате», а в Тартуской лингвистической школе появляются первые работы, посвященные неомифологизму русских символистов (см., к примеру, показательную работу З.Г. Минц «О некоторых "неомифологических" текстах русских символистов» [11]).

Коротко говоря о неомифологизме, можно отметить следующее. В современной гуманитаристике в него принято вкладывать смысл ремифологизации литературы XX в. Ремифологизация, в целом, сводится к транспонированию мифических тем и сюжетов в тексты современной литературы. Транспонирование, в свою очередь, может осуществляться двояко: либо действия и поступки героя современного произведения соотносятся с действиями и поступками какого-либо конкретного древнего мифического персонажа по принципу аналогии (структурно это представляется в виде вкрапления в текст романа отрывков какого-нибудь древнего мифа), либо герой литературного произведения, наследуя общие закономерности мифовосприятия, следует сообразно им по этапам своего психодуховного становления (например, проходит обряд инициации). Данное транспонирование сюжетных схем из мифической древности в современность является универсальным приемом неомифологической эстетики, применяемым как в русском, так и в европейском модернизме и постмодернизме.

Соответственно можно говорить и о двух типах порождения неомифологического содержания в литературе XX в. «Первый идентифицируется как аналогизирующий и базируется на принципе мифологических аналогий, устанавливаемых между современными героями и событиями их жизни (собственно сюжетом) и некоторым архаическим мифом или комплексом мифов» [18, с. 44]. Яркий образец этого типа — «Улисс» Дж. Джойса. Второй тип намечает «…путь мифотворения по образцу и подобию основных признаков мифа. <…> Этот неомиф создает новое содержание по общим законам мифологического мышления» [18, с. 44].

Само по себе появление неомифологизма в европейской светской культуре XX в. обусловлено ее практически полной секуляризацией. На фоне последней светская культура начала процесс ремифологизации — произвольный поиск высокого смысла (архэ, правремени), заставляя своих героев отражаться в зеркалах различных священных преданий всего мира. Результат этого поиска не всегда положителен. «В большинстве "мифологизирующих" произведений XX века нарушен основной пафос древнего мира, направленный на устранение Хаоса и создание модели достаточно упорядоченного, целесообразного и "уютного" Космоса» [10, с. 167]. По отношению к модернистскому неомифологизму можно сказать, что в нем еще открыто заявляет о себе желание человека отобразиться в зеркале высшего бытия, соотнести временное с вечным. Мифическое (архетипическое) начало рассматривается в модернистской литературе в качестве «универсальных модусов бытия», засекреченных в знаке культуры. Тексты культуры одновременно и пассивно хранят в себе эти «модусы», и позволяют через себя «модусу» (архетипу) запечатлеться в современности — тогда тексты сами начинают формировать и «разыгрывать» мифическое, тем самым открывая ему путь из темных глубин подсознания к свету сознания. «Принадлежа к высшим проявлениям духа <…> *мифопоэтическое* являет себя как творческое начало эктропической направленности, как противовес угрозе энтропического погружения в бессловесность, немоту, хаос» [23, с. 4–5].

Таким образом, присутствие мифического содержания в структуре неомифологического художественного произведения обнаруживается в разном виде: это могут быть отдельные рецепции какого-либо мифа, параллели фабульных перипетий древнего мифического героя и героя современности, а могут и новые *a la* мифические сюжеты, отсылающие нас при расшифровке художественного образа к закономерностям мифовосприятия.

Одна из главных примет неомифологического языка — это мифологемы — отдельные отрезки мифического сюжета, характеризующиеся своим автономным смыслом. В неомифологическое произведение художник их вводит осознанно и с определенной целью. Мифологема является мощным аккумулятором смыслов; число значений, вмещаемых в нее, очень велико. Мифологемы явно или скрыто присутствуют в модернистских текстах и при их структурном рассмотрении являют исследователю-семиотику так называемый «план содержания» или «шифр-код», который позволяет раскрыть тайный смысл как самого текста, так и стоящего за ним мировоззрения художника.

В России 1970–80 гг. после практически полувекового забвения, связанного с доминированием идеологических тенденций в русской литературе, неомифологизм реабилитируется как художественный прием и метод создания литературных произведений. Но стоит заметить, что его реабилитация происходила в тех же эстетических формах, что существовали в первой половине XX в., как бы без учета фазиса его акмэ. В онтологической прозе 1970–80 гг. (равно как и в экзистенциальной, и в модернистской) у таких писателей, как В. Распутин, В. Астафьев, А. Ким, Ю. Домбровский, В. Максимов, Вен. Ерофеев, Ю. Мамлеев, бр. Стругацкие, неомифологизм становился приемом, благодаря которому оказывалось возможным транспонировать древнейшие темы, сюжеты и их персонажей в современность, либо же конструировать и создавать современные сюжетные коллизии на манер архаических. При пристальном вглядывании в многослойную структуру текста произведений всегда можно было обнаружить архетипический (мифологический) смысл.

Посредством архетипических моделей художники пытались переосмыслить современную действительность, глубже проникнуть в тайны природы человека и архивы его истории. У современной реальности обнаруживались глубинные архаические корни, миф «врастал» в реальность; в сюжетных перипетиях жизни героев произведений 1970–80-х можно было обнаружить аллюзии на древнейшие поведенческие типы.

С конца 1980 гг. ситуация меняется в сторону усиления мифической компоненты поэтики. В художественные пространства произведений их авторами начинают вводиться целые галереи мифологизирующих повествование образов, начинают включаться важнейшие мифологизированные сюжеты истории, бытовой повседневности, известных художественных произведений. В структуре произведений все более отчетливо обнаруживаются важнейшие свойства мифа: цикличность времени, замкнутость пространства, принцип наличия всего во всем, чудесно-фантастический характер каждого мгновения и т. п. К модернистским содержаниям неомифологизма добавляется еще ностальгия по недавнему историческому прошлому, либо напротив — резкая критика его, либо же одновременно и тоска по идеалу, по утраченной гармонии, и пародирование его (Л. Улицкая, Л. Петрушевская, Т. Толстая, В. Аксенов, П. Крусанов, В. Орлов, Д. Липскеров, М. Успенский, А. Кабаков). Собственно, русский постмодернизм и производит свой тотальный демонтаж социально-политических иллюзий советской идеологии, равняясь при этом именно на крушение эсхатологического мифа коммунизма (В. Сорокин, В. Пелевин, А. Слаповский).

В первом десятилетии 2000 гг. в литературной критике появляется термин «постмифологизм»: «Постмифологизм современности вдохновлен скорее историей, нежели философией. Это <…> реакция актуальности на смысловой тоталитаризм недавнего прошлого» [19, с. 86]. Здесь мы сталкиваемся с некоторой семантической деформацией морфемы «миф»: применительно к «постмифологизму» она означает не цельность бытия (как в древнем мифе), а иллюзорность и даже манипулятивную обманчивость, симулятивность бытия (как в социальной мифологии и квазирелигии).

Постмодерн будто бы использует эту семантическую неопределенность мифа в современности и начинает играть на этом. Происходит своеобразная «перекодировка мифов». Со слов одного из современных культурологов [12, с. 40], мифологемы мировой культуры в постмодернистских текстах начинают использоваться как взаимозаменяемые и функционально не обусловленные блоки фиктивной модели, муляжа.

Возникающая в постмодернизме множественность одинаково равноправных точек зрения на какой-либо «сюжет» древнего мифа приводит к деконструкции его устойчивой структуры. Авторы в игровом и зачастую ироническом ключе постоянно разбирают и заново собирают мифологемы мировой культуры, помещая их в чужеродные контексты. Как следствие, возникает ощущение мозаичности, эклектичности и отсутствия цельности мировосприятия. Игра с мифом оборачивается против его древней изначальной природы служить человеку стержнем, осью мировосприятия, но в то же время эта игра хорошо укладывается в современный релятивистский подход к миру. Наряду с этим в эстетике укореняется понятие «авторский миф», поскольку сама «постмодернистская игра с мифологическими и литературными реминисценциями позволяет выстроить новый миф, наполненный новыми смыслами» [8, с. 9]. Однако «авторский миф» в постмодернизме имеет сугубо «игровой» характер, функции и роль в жизни его «носителя» совершенно иные, нежели древнего мифа.

С 1990 гг. происходит изменение функций неомифологизма как метода современного искусства: если в начале и середине XX в. он помогал авторам реализовать философско-этическую линию произведения, служил призмой вечных ценностей и древнейших типов (архетипической призмой) для взгляда на современность, то на излете века произведения, апеллирующие к «сюжетам» религиозных мифов, зачастую демонстрируют состояние абсурдности бытия без каких-либо попыток противостоять ему, состояние смешения и утраты ценностных ориентиров, демонстрируют тщетность усилий сопротивления симулятивной природе современных идеологий и псевдорелигиозности масскультурного сознания.

«"Эстетизация" мифа, свойственная предыдущим периодам ремифологизации, в отечественной прозе 1990-х – 2000 гг. сменяется "деэстетизацией", десакрализацией мифа, игрой с его образами, мотивами, приводящей к его деконструкции, разрушению» [8, с. 19]. Принцип «игры» перекидывается и на «истину мифа», становясь доминирующим и самодовлеющим в современной мифопоэтике. Древняя «истина мифа» дробится, рассыпается на осколки и лишается своего священного смысла. «Постмодернизм видит культуру именно как бесконечное поле игры, в котором нет привилегированных, "неиграющих" элементов, таких как "начало всего", "основополагающий принцип", "исходное понятие", "подлинная реальность"» [24, с. 299–300]. Появляются мотивы «кажущности», «муляжности». Мифологические образы становятся лишь «масками», за которыми обнаруживаются порой совершенно другие «лица». В итоге, «прежние принципы мифологизации оказываются утрачены или искажены, а новые имеют не до конца оформившиеся черты» [20, с. 120].

Основная часть

а) Постмодернистское мировосприятие, как пишет Ф. Джеймисон, основано на «некоем радикальном разрыве» [6, с. 83], случившемся в европейской культуре второй половины XX в. Данный разрыв («coupur») повлек за собой децентрированность субъекта культуры и последующую эстетизацию всеобщей релевантности.

В постмодернистской атмосфере допустимости всего и вся при абсолютной их относительности, «в условиях фрагментированности сознания, блуждающего среди стереотипов замкнутой на себя культуры» [2] становится особенно актуальным вопрос о поиске точки мировоззренческой опоры в ментальности как древних, так и современных людей. Встает вопрос об «островке земной тверди» среди «блуждающих льдин» и возвращении древнему мифу его глубинной правды. Возможно ли найти подобную точку, центрирующую мировоззрение, у русского писателя-постмодерниста? — Если говорить исключительно с позиций постмодернистской релевантности, то лучший центр — это отсутствие центра или «пустота». В поисках ответа на этот вопрос попробуем обратиться к творчеству В.О. Пелевина (1962 – н. в.) 2000 гг.

В. Пелевин — это, пожалуй, самый читаемый сегодня российский автор «большой литературы». На первый взгляд, в его романах и рассказах заметно проявляются принципы эстетики постмодернизма. Его авторское «я» трудно уловимо, оно прячется под многочисленными масками героев-людей, рассказчиков, писателей компьютерных программ, героев-оборотней и даже имперсонаций. И это вполне закономерно: после «смерти автора» (Р. Барт) и крушения литературоцентризма искать автора с его авторской позицией в постмодернистском тексте — дело крайне сложное. Но также стоит заметить, что Пелевин — особый постмодернист. Если же говорить про его собственную оценку своего места в современной литературе, то постмодернистом он вообще себя не считает:

> — Скажите, вы относите себя к постмодернистам?
> — <…> Это не моя клетка, у меня нет ни малейшего намерения в нее забираться.
> — Как в таком случае охарактеризовать тот стиль, в котором вы пишете?
> — Я пишу в стиле Виктора Пелевина [22].

За этим остроумным и в какой-то мере гордо-самодостаточным признанием своего уникального положения в современной культуре стоит, на наш взгляд, не только осознание своего высокого мастерства и всемирного признания. Постмодернизм Пелевина, действительно, местами весьма специфичен. Писатель как использует постмодернистские приемы в своем художественном творчестве, так может этими же приемами одновременно и разоблачать сам постмодернизм. Писателя-постмодерниста, к примеру, он образно может представить вампиром («Empire V», «Бэтмен Аполло»). «Образ вампира является своеобразной метафорой писателя-постмодерниста. Как известно, в постмодернизме утрачено представление о творчестве как об индивидуальном акте, творческий процесс основан на заимствовании, эксплуатации выработанных в культуре прошлого форм, сюжетов, идей и мотивов. Постмодернисты, подобно вампирам, считывают информацию с разных источников и используют “чужую кровь” в своих целях» [1, с. 13]. Но помимо подобных рефлексивных художественных саморазоблачений постмодернизма мы находим и иные причины не считать Пелевина его типичным представителем. За видимой «относительностью всего и вся», а также приверженностью писателя к буддийско-постмодернистскому пониманию истины как «пустоты»

или нирванического «выхода из сансары» («полного угасания») в его произведениях можно найти некоторые ценностные ориентиры, которые, с одной стороны, затягивают его назад к логоцентризму, а с другой — сам логоцентризм по законам диалектики выносят на какой-то другой, находимый сейчас только наощупь, уровень. По мнению А. Гениса, «у Пелевина есть *месседж*, есть символ веры, который он раскрывает в своих текстах и к которому хочет привести читателей. Вопреки тому, что принято говорить о бездуховности новой волны, Пелевин склонен к спиритуализму, прозелитизму, а значит, и к дидактике» [4, с. 269].

Известно, что творчество Пелевина вырастает из неофициального искусства 1970–1980 гг., а, как отмечают современные исследователи русской культуры второй половины XX в., в этом искусстве, с одной стороны, «в грандиозный карнавал были вовлечены осколки соцреализма и советской официальной идеологии. С другой стороны, эта практика *совершенно не обязательно предполагала разочарование в "трансцендентальном означаемом" и отказ от его поисков* <выделено нами. — *И.Ч.*>» [9, с. 287]. И далее: «центральным конфликтом неофициальной российской культуры 1970–1980 гг. представляется конфликт между десакрализирующим дискурсом и дискурсом, обращенным на поиск и обновление трансцендентных ценностей» [9, с. 289].

б) На протяжении уже длительного периода времени Пелевина наравне с темой освобождения человеческого сознания от тоталитарного воздействия и манипуляций интересует тема обретения героем высшего «я» и возникающих в связи с этим его трансперсональных переживаний.

Интерес к данной теме обусловлен как индивидуальными особенностями творчества писателя, так и общекультурным мейнстримом. С эпохи модерна в литературе особо актуализируется проблема границы естественного и сверхъестественного, преодоления порога в мир эйдосов, в «зазеркалье». «Прорыв в неизведанный, невидимый, скрытый мир, хождение по краю возможного и невозможного, "жажда пограничья" ярко выражает себя в современной философии и искусстве. В целом для культуры постмодерна характерно ощущение своего существования в потоке движения, лишенного устойчивости и стабильности, существования "между"» [3].

Культуру постмодерна пронизывает энергия преодоления непроходимой границы, нарушения запрета, трансгрессии. Следовательно, у художников возникает интерес к феноменам превращения, метаморфозы в зоне пограничья, перехода потаенного в явное на грани миров.

Собственно, у Пелевина обретение высшего «я» зачастую связано с сюжетикой инициации и являет собой кульминацию последней, ее апогей. И если в более ранних произведениях (1990 гг.) высшее «я» героев (таких как Омон, мотылек Митя в «Жизни Насекомых», Петр Пустота), парадоксально для логического мышления характеризовалось *отсутствием* «я» (что интерпретировалось как обретение последней свободы, сходной с буддистским освобождением от бремени личности), то после «Generation "П"» стало характеризоваться также и как приобщение героя к нуминозному субъект-объекту (божеству). Приобщение, в свою очередь, оказывалось возможным благодаря *явлению* герою этого нуминозного *субъект-объекта*, то есть посредством теофании.

С середины первого десятилетия 2000 гг. Пелевина все больше и больше начинает интересовать не «пустотный» вариант окончания инициации, а теофанический (нуминозно-содержательный). Аксиологически переход от нирванической «пустоты» к теофании охарактеризовать сложно, ибо в любом случае при переходе земного чело-

веческого «я» через границу миров и стяжании божественного опыта с ним случается метаморфоза и «расширится» ли при этом его разумная часть (метанойя), или «я» обратится в «пустоту», или рассыплется на «30 птиц» («30 Татарских»), или же оно обретет персональное сверх-существование в образе Сверх-Оборотня — теоретически мы можем только предполагать, опираясь на опыт мировой культуры. Но, тем не менее, обретение-пробуждение высшего «я» у героев Пелевина после его романа «Generation “П”» начинает зачастую связываться с нуминозным переживанием, отсылающим к какой-либо божественной силе.

в) Теофания интересует писателя не в этическом (ортодоксия) или прагматическом (У. Джеймс), а скорее экзистенциальном (К. Ясперс) и философско-антропологическом смысле. Теофания понимается здесь как важнейший экзистенциал, то есть как важнейшее проявление целостности и подлинности человеческого бытия; как важнейший конститутивный элемент человеческого бытия, в котором высветляется его подлинность и целостность. Она ведет героя к трансформациям, которые могут быть условно поделены на:

1 начальные, посвятительные (частичные);
2 пробуждающие (вскрытие в герое невиданных доселе потенций);
3 окончательные или завершающие (прекращение жизни героя и переход его в иное, преображенное, состояние; при этом «смерть героя <…> рассматривается автором как способ выхода из мира абсурда» [16, с. 23]).

Посвятительная трансформация может быть проиллюстрирована изменениями в жизни Вавилена Татарского после первого явления ему Сируфа. Или изменением мироотношения Лены из «Зала поющих кариатид» после первого явления ей тотема/эйдоса Богомола. Пробуждающие трансформации можно обнаружить у Татарского после явления ему ока Иштар — в герое вскрылась сущность «мужа богини» («в момент заключения Вавиленом брака с богиней Иштар мы понимаем, что герою удается преодолеть тот самый антропологизм, который считают главной причиной когнитивного диссонанса» [7, с. 15]); либо же у Иакинфа Ивановича (повесть «Иакинф» из сб. «Искусство легких касаний») после первого (непроизвольного) опыта принесения им огненной жертвы Ваалу — в герое пробудилось жреческое начало. Окончательная трансформация, приводящая к полному преображению и смерти героя в образе человека — превращение Лены из «Зала поющих кариатид» в самку Богомола; либо превращение молодых туристов в «детей бога» Ваала после узрения ими лика бога и принесения их богу в жертву. Моменты духовно-психических трансформаций героев, связанных с явлением им божественных сил, можно обнаружить и в романе «Непобедимое солнце» (2020).

Теофания есть также главный и предельно выразительный экзистенциал «позднего» Андреева. Из тюремных дневников поэта видно, что его мистическое чувство в начале 1950 гг. набрало невиданную доселе высоту. В 1953 г. Андреев испытал мощнейшие инсайты: «Октябрь и особенно ноябрь прошлого года был необычайным, беспрецедентным временем в моей жизни. Но что происходило тогда: откровение? Наваждение? Безумие? Грандиозность открывшейся мировой панорамы без сравнения превосходила возможности не только моего сознания, но, думаю, и подсознания. Но панорама эта включала перспективу последних веков и в следующей эпохе отводила мне роль, несообразную абсолютно ни с моими данными, ни даже с моими потенциями» [26, т. 4, с. 13].

В результате предельного увеличения мощности данного чувства вследствие явления «поэту-духовидцу» неких нуминозных сущностей («чудных друзей» [26, т. 2, с. 456]) и их последующему воздействию на его сознание оказались возможным перестройка сознания и слияние идеального с реальным, вследствие чего автор полностью отождествился со своим героем [25, с. 280–309]. «Лирический герой»/Д. Андреев переживает теофанию (и не одну), проходит окончательную трансформацию (преображение), но остается жив. Он превращается в героя-автора («вестника», ведомого представителем крылатого человечества — «даймоном») и входит в мир мифической онтологии и гносеологии. Мировоззрение «позднего» Андреева целостно (идеал-материально), оно центрировано в мифе, «поздний» Андреев *мифоцентричен*.

В случае с Пелевиным мы тоже видим, что моменты теофании, которые переживают его герои, вскрывают в них наидостовернейшее космическое «я», выводят их к подлинности своего существования в противовес существованию в мире социальной «Майи» (иллюзии), сотканной из многочисленных узелков-симулякров. И в этом неомифологизм Пелевина преодолевает всеобщую релевантность и десакрализирующую древний миф стратегию постмодернизма. Но в отличие от Андреева, Пелевин-автор не сливается со своим персонажем (что безусловно, но в данном контексте мы позволили себе это заметить). Следствием этого естественного нежелания для художественной литературы переходить черту между автором и героем (следствием отсутствия трансгрессии автора) является обращение современного художника к опыту мировой культуры для творческого освоения феномена теофании: герои Пелевина используют то буддийский инструментарий (в данном случае — для описания нирванического переживания, поскольку, строго говоря, собственно *тео*-фании в буддизме быть не может), то шумеро-аккадский, то индуистский, то ассиро-вавилонский и т. п.

г) Для сюжетного обыгрывания важнейшего экзистенциала своих героев писатель обращается с одной стороны к современности, с другой стороны — к древности. Как и в модернистском неомифологизме, древнейшие мифические сюжеты и ритуалы вскрывают смысл происходящего в современности, являются ключом к пониманию происходящего в жизни героев. Однако в отличие от модернистского неомифологизма, позволяющего за счет таких параллелей придать десакрализованной и нередко абсурдной современности высший смысл, у современного художника, наделенного богатейшим творческим воображением и поразительной способностью сопереживания, оживает и сам древний сюжет, связанный с каким-либо ритуалом, божественным персонажем, его деянием. За неимением возможностей у современной позитивной исторической науки (делающей ставку на «объективный метод») восстановить психологический аспект древнейших ритуальных актов, узнать о чувствах, которые испытывали участники мистерий или религиозных обрядов, освоение этих смыслов вполне возможно с помощью иных способностей и иных методов.

В частности, в «Непобедимом солнце» (2020) писатель в образе одного из персонажей — Фрэнка — художественными средствами обыгрывает «экзистенциальную филологию» Кароя (Карла) Кереньи [13]. Смысл этого гуманитарного метода сводится к тому, что исследователь должен не просто рационально анализировать объективно представленный исторический материал, а пытаться *вжиться* в эпоху и конкретно — в изучаемый религиозный феномен. «Исследователь религиозной жизни греков хорош только тогда, когда находит в своем собственном бытии те глубинные импульсы, которые формировали греческую религию. Подобный опыт является сразу и архетипиче-

ским, и сугубо личным» [17, с. 101]. Фрэнк у Пелевина как истый последователь Кереньи и Виламовица проживает в своей современности судьбу «объекта» исторического исследования — римского императора Каракаллы. Он ездит по тем же местам, где происходят жизненно важные действия тех или иных драм его «объекта», пользуется сакральными предметами Каракаллы (масками), подключается к его «архетипу», подпадает под его воздействие и, в конце концов, оказываясь целиком и полностью ведомым им, принимает аналогичную «объекту» исследования смерть. Так же, как и Кереньи, герой Пелевина считает, что лишенные экзистенциального аспекта гуманитарные (исторические, филологические) исследования остаются мертвы. «Научная деятельность должна восприниматься как дело экзистенциальной важности <…> Кереньи хочет видеть ученых, которые в своем исследовательском поиске *находят самих себя*» [17, с. 102]. «Филологический экзистенциализм» в данном случае, на наш взгляд, здесь сближается с герменевтикой Ф. Шлейермахера, который настаивал на том, что истинное понимание и истолкование текста культуры возможно лишь посредством того, что исследователь ставит себя на место автора этого текста и начинает смотреть на мир его глазами, тем самым изменяя свою историческую позицию и свой «горизонт понимания» (в XX в. Х.-Г. Гадамер, как известно, уже настаивал не на *изменении*, а на *слиянии* «горизонтов понимания» [27]).

Однако идея исследовательской эмпатии, неизбежно сопровождающей подобного рода экзистенциально-герменевтический поиск истинного понимания, в конце XX в. проблематизируется. Исследователь, становясь на жизненную позицию своего «объекта» и входя всей своей душой в его эпоху, может при этом непроизвольно выпадать из своей. Когда же речь заходит о проникновении исследователя в «святая святых» — в область религиозных чувств, то, погружаясь в их архаическую пучину вслед за объектом, исследователь рискует вывалиться даже из общепринятых в современности моральных норм, оказаться за пределами легитимности и совершить преступление. Подобную семантику «опасной игры» с *проживанием* религиозного опыта древних греков можно обнаружить, к примеру, в романе Д. Тартт «Тайная история» (1992).

У автора «Непобедимого солнца» по отношению к экзистенциально-герменевтическому методу мы можем встретить одновременно и симпатию, и элемент его трагического осмысления, и его тонкую карнавальную иронию. Фрэнк очень симпатичен главной героине, симпатичен до искренней влюбленности, но он оказывается обречен на гибель. Инструмент же проникновения в мир сакральной древности — маски Каракаллы — Фрэнк, согласно сюжету романа, возит вместе с эротической игрушкой — фаллоимитатором[1] (карнавальный момент). Тем самым, образ Фрэнка с его «филологическим экзистенциализмом» для главной героини романа — это лишь триггер, запускающий в личности процесс раскрытия божественных смыслов. Другими словами, несмотря на признание за методом «филологического экзистенциализма» б*о*льшей истинности в постижении сути религиозных феноменов древности, нежели за методами «сухой» позитивной исторической науки, Пелевин как представитель художественного творчества пальму первенства в методах познания оставляет все же за искусством. В частности, речь идет о художественной эмпатии или художественной интуиции. Именно *художественное* вживание в миф, обогащенное данными исторической науки, сведениями из различных областей современного гуманитарного знания,

[1] О значимости символов амбивалентно-телесного низа в традициях европейского карнавала см. работу М.М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса»

а также не без помощи «исторической эмпатии», оказывается способным на то, чтобы и вскрыть его суть, и в то же время не утонуть в его сверхчеловеческой стихии. Образно говоря, искусство — это тот «щит Персея», смотря в который, можно *и* увидеть божество древности, *и* не окаменеть при этом. И если сегодня принято всерьез говорить о жанре научной фантастики как некоей прогностической сфере знания, рождающейся из синтеза научных представлений и художественной интуиции, то вполне вероятно допустить разворот исторической направленности внимания (интенциональности) писателя с области будущего на область прошлого и принять существование так же *научно-мифологической фантастики*. Благодаря художественной эмпатии в такой *фантастике* как раз и возможно подвергнуть осмыслению те аспекты древнейшей истории, перед которыми на сей день бессильна позитивная историческая наука (и потому часто пытающаяся отнести их в разряд так называемой «альтернативной истории», отстаивающей концепцию циклизма и выдвигающей гипотезы существования в прошлом древней высокоразвитой цивилизации).

В творчестве Пелевина мы встречаем опыт подобного интуитивного вживания писателя-исследователя в святая святых древнейших мистерий, религиозных актов, архаических ритуалов с попыткой их художественного описания. И в этом *экзистенциально-художественном* подходе к мифу, его антропологии и психологии, нам видится обогащение современного неомифологизма. Пелевин ярко описывает сцены, которые составляют сердцевину религиозно-мифологического мировосприятия — акты теофании, жертвоприношения и все, что сопутствует им. Его живо интересуют экзистенциальные переживания героев от встречи их с разными нуминозными сущностями и, собственно, эти переживания и являются тем стержнем, вокруг которого закручивается система ценностей его произведений. В описании сцен теофании мы практически не находим свойственной писателю иронии. Устами своих героев Пелевин как бы говорит читателю: все в мире может быть относительно, симулятивно, достойно иронии и даже сарказма, кроме одного — экзистенциального опыта, в котором может быть явлено нуминозное, божественное начало («трансценденция» у К. Ясперса [29, p. 467–512]). Объективирование этого переживания может быть абсолютно любое и в этом процессе может быть задействована и фантазия, и художественное воображение, и сведения из разных областей наук. Но само данное переживание есть та вспышка божественного маяка (платоновского «проектора» из «Непобедимого солнца»), которая озаряет сумеречный мир неведения и высветляет в человеке его истинное «я».

Феномен нуминозного переживания и теофании у Пелевина — это тот «художественный объект», при освещении которого он как виртуозный художник слова, разбивающий своим сарказмом в щепки все манипулятивные нагромождения социально-политических, маркетинговых и прочих симулякров, сбрасывает практически до нуля иронию, становится предельно серьезен и искренен. И здесь, как и в случае с Андреевым, мы так же могли бы предположить, что Пелевин укоренен в мифе, что мифическое переживание целостности бытия, явленного в теофании, для него самое важное и главное. Однако мысль о мифоцентризме Пелевина преждевременна и требует уточнения.

***д*)** Несмотря на предельный интерес современного писателя к феномену богоявления, многочисленные описания его даются Пелевиным эксплицитно — посредством героя своего произведения, который, как известно, никогда не отождествляется с автором в художественной литературе (если мы не берем в расчет жанр автобиографической прозы). Как было сказано выше, Пелевин привлекает с целью описания феномена

теофании логос мировой культуры. Его герои попадают в разные мифо-культурные окружения, встречаются с разными проявлениями божественной сферы. Каждый пример встречи «лирического героя» Пелевина с божественным миром становится в руках художника отдельной психо-духовной фреской, прорисованной им со всей тщательностью и вниманием к нюансам. Позиция автора при этом медиативна. Пелевин стоит посередине — между миром человеческим и божественным, между современностью и древностью, наблюдая за превращениями реальностей одновременно с нескольких ракурсов. Спектры ракурсов накладываются друг на друга и порождают чудесную игру смыслов. «Пелевин — поэт, философ и бытописатель пограничной зоны. Он обживает стыки между реальностями. В месте их встречи возникают яркие художественные эффекты, связанные с интерференцией — одна картина мира, накладываясь на другую, создает третью, отличную от первых двух» [4, с. 268].

Медиативная позиция позволяет Пелевину вести наблюдение над феноменом теофании как бы «со стороны культуры» (что отнюдь не означает отсутствие мистического опыта у самого писателя). В свою очередь, это наблюдение «со стороны» не есть погружение и растворение сознания художника в нуминозной сфере, не есть окончательное превращение его души во вместилище и игралище нуминозных сил и влияний. Когда художник становится инструментом в руках божественных инстанций, тогда он начинает писать (в соответствии с законами мифической ментальности) то, что ему «диктуют» нуминозные сущности, что они «разрешают» ему написать. В этом заключается коренное различие поэтики Пелевина от «мифопоэтики» Андреева. Неомифологизма одного, от новейшего мифотворчества другого.

«Вестник»–Андреев пишет под руководством «невидимых друзей», он вдохновляем «даймоном» — и здесь не метафора и не поэтическое уподобление духовного акта вдохновения некоему крылатому антропоморфному образу, некоей «музе», а самая что ни на есть прямая инвольтация над творческим актом человека некоей мифической сущности. Вот цитата из главы «Розы Мира», посвященной описанию высших «духовных» миров: «Почти все, сообщаемое о них здесь, почерпнуто не из личного непосредственного опыта, нет, это только передача словами нашего языка того, что я воспринял от невидимых друзей. Да простят они мне, если я в чем-нибудь ошибся, если мое сознание внесло нечто низшее, чисто человеческое и замутнило субъективными примесями эту весть» [26, т. 3, с. 204]. Позднее творчество Андреева в высшей степени инспирировано неземными силами.

В случае с «поздним» Андреевым мы наблюдаем уникальный опыт вхождения художника развитой культурной традиции в мифическую парадигму восприятия мира. Акт теофании, в котором идеальное объединяется с реальным, оказывает мощнейшее интегративное влияние на гетерогенные структуры сознания «вестника»; являющаяся нуминозная сила поглощает своей мифической целостностью сознание; последнее «перестраивает свою работу» и «лирический герой» отныне отождествляется с автором, а текст сливается с жизнью. Поэтому, повторимся, Андреев мифоцентричен. Поэтому же Андрееву более не требуется логос мировой культуры для описания своего опыта теофании; ему не нужно больше привлекать образы богов из древних пантеонов для того, чтобы сопрячь их с образами из современности в тексте художественного произведения и породить детище художественной фантазии. Боги «приходят» в *повествование* Андреева не из древности (древних мифов), как это можно наблюдать в неомифологических произведениях XX в., — они важнейшие «элементы» современности. Автор/герой изнутри мифического наблюдает за действиями мифических сил как «сын бога» и его «брат» [26, т. 1, с. 69].

У Пелевина подобного опыта растворения в мифе мы не находим. Он приближается к границе мифа, но остается на стороне логоса культуры. Поэтому, Пелевин не лого-центричен (поскольку в опыте теофании, как опыте явления „das ganz Andere" [15] плавится и становится относительным весь культурный человеческий логос, откуда может отчасти возникать постмодернистская ирония ко «всему и вся», а также «игра» со всей мировой культурой), но он и не мифо-центричен, а он *мифолого-центричен*.

е) Переживание подлинности существования в моменты явления субъекту божественного начала является важнейшим экзистенциалом как для Андреева, так и для Пелевина. Но если Андреева этот экзистенциал захватывает целиком и погружает в то, что находится по ту сторону привычных оппозиций культуры (реальное/идеальное, жизнь/смерть, человеческое/божественное), другими словами, если Андреев совершает трансгрессию и оказывается жителем и творцом не культуры, но новейшего «золотого века» с его мифической онтологией и гносеологией, то Пелевин, несмотря на предельный интерес к экзистенциалу теофании, остается в мире «старой» культуры — не выходит из искусства и мира художественной образности. Неомифологизм как художественный метод не распространим на позднее творчество Андреева, поскольку оно перестает быть в строгом понимании художественным. Миф не есть искусство. «Между мифом и искусством есть существенное различие. Эстетическое содержание безразлично к существованию или несуществованию объекта. Как раз такое безразличие совершенно чуждо мифологическому воображению» [21, с. 62]. На место неомифологизма у «позднего» Андреева приходят мифоцентризм и новейшее мифотворчество.

Понимая, что искусство таит в себе потенциал трансгрессии как слияния искусства с жизнью на основе трансперсональных переживаний художника, Пелевин большое внимание в своем творчестве уделяет вопросу пограничного состояния сознания. Его интересует опыт ближайшего культурного предшественника — Андреева — поэта, писателя, который до определенного момента своей биографии творил в мире художественной образности, имел склонность к романтико-символическому двоемирному отображению реальности в своих произведениях и стяжал в своей жизни тайный (мистический) опыт общения с духовными силами. Андреевский интертекст в творчестве Пелевина достаточно обширен. Однако то, что происходит с мировоззрением Андреева в поздний период его творчества, оценивается Пелевиным, по всей видимости, неоднозначно. С одной стороны, акт трансгрессии как освобождение от плена симулятивной идеологической реальности высоко оценивается постсоветским писателем — деконструктором и деструктором политических симулякров. Духовидчество, мистический опыт и способность общения с духовными (в оригинале у Андреева — «иноматериальными») сферами узника Владимирского централа — поэта и сталинского «диссидента» — вызывает глубокое уважение у Пелевина и заставляет в какой-то мере чувствовать культурную преемственность основного творческого пафоса: истинное бытие не в мире идеологий и власти, не в мире наживы и погони за прибылью и земной славой; истинное бытие в распахнутости высшему божественному началу, поиске связи с ним, в одиноком, экзистенциальном противостоянии, в поиске вечного и надмирного. Но, с другой стороны, «культурная травма» и последующее погружение художника зрелой культурной традиции в мифическую онтологию спровоцировало у «позднего» Андреева жесткую «объективацию» мистического опыта, что привело к созданию в определенной степени *утопического* и *авторитарного дискурса* «метаистории», а также жестко иерархичной системы «трансфизики». Исходя из эстетических воззрений Пелевина (которые рекон-

струируются из многих его произведений, этот факт не в том чтобы вызывает резкое отрицание у писателя постмодернистской направленности, но в то же время и не встречает однозначного приветствия и одобрения. В плане усвоения духовных содержаний Пелевин, в определенной мере, индивидуалист, поскольку считает, что у каждого человека существует свой неповторимый и, по сути, неподверженный окончательной логической и даже языковой проработке мистический опыт.

ж) В начале XX в. С.Л. Франк писал о бессилии отвлеченных понятий (которые по своей природе являются лишь относительными фиксациями отдельных моментов и начал бытия) адекватно уловить и запечатлеть Абсолютное, из чего, по его мнению, следует, что «притязание религиозных догматов в своих неполных и односторонних схемах отобразить в исчерпывающей и неискаженной форме Абсолютное противоречит самой сущности религиозного сознания» [28, с. 567].

Невыразимое невозможно выразить однозначно; раз и навсегда зафиксировать и объективировать его в чеканно выделанном понятии или даже имени божественной сущности человеку не дано. Там же, где появляются попытки как-то поймать неуловимое в сети четких вербальных конструкций и схем, упорядочить и транслировать божественные истины большим массам людей, сразу возникает опасность появления «неверных копий», манипуляции и паразитирования земного на небесном с неизбежным сбором «доната». Поэтому современный художник Виктор Пелевин, перенимая у духовидца сталинской эпохи Даниила Андреева живой интерес к нуминозному переживанию, не стремится взойти к окончательной объективации этого переживания в форме какого-либо однозначного «учения». Его интересуют многочисленные явления мировой культуры, в которых опыт этого переживания отображен. Древние мифы, мистерии, тайные культы — во всех этих феноменах содержатся крупицы опыта переживания человеком своей подлинности в моменты его встречи с божественной сферой, переживания преображающего воздействия на человека духовных сил (экзистенциалы теофании).

Этическая направленность экзистенциалов может быть разной — божественной, демонической, божественно-демонической, пустотно-нирванической (хотя вернее всего — лежащая «по ту сторону» человеческой морали), — но семантика освобождения от плена иллюзий, обретение в экзистенциалах подлинности существования личности появляется у Пелевина практически всегда. Писатель художественно-образно «объективирует» данные экзистенциалы, при этом допуская условность своей «объективации» и даже самоиронию. Тем не менее он делает это на высоком писательском уровне, что позволяет, говорить о художественно-интуитивном вживании в феномены мифологической, мистериальной сакральности. Мифопоэтическая эмпатия приводит к рождению произведений в жанре *мифологической фантастики*.

Относительно андреевской «объективации» нуминозного опыта («метаистории» и «трансфизики» Розы Мира) можно сказать, что, в целом, Пелевин, по всей видимости, признает ее в форме одного из многих «эзотерических учений», существующих в мировой культуре. Однако в то же время в восприятии Пелевиным андреевских сущностей есть карнавальный элемент. Этот элемент обусловлен, прежде всего тем, что современный художник чувствует в какой-то мере культурно-генетическое и экзистенциальное родство с «поздним» Андреевым. Его карнавальная шутка и легкая романтическая ирония не есть средство разоблачения и деструкции андреевского «мифомира», но скорее скрытая полемика с близким по духу человеком: как бы ни пытался человек в своих

словесных описаниях добраться до сущности непостижимого и однозначно описать то, что принципиально неописуемо, все его попытки четко терминологически зафиксировать неземную истину имеют лишь относительный характер.

Признавая предельную важность для раскрытия подлинного «я» личности нуминозного переживания, современный писатель все же не позволяет себе отнестись к его андреевской «объективации» догматически. Освобождение из плена социально-политических иллюзий в результате теофанического экзистирования роднит Пелевина с Андреевым; сотворение же в результате этого экзистирования собственной новейшей мифологии (со своей «метаисторией» и «трансфизикой») выводит современного писателя к культурной полемике с новейшим мифотворцем и позволяет установить карнавальную оптику для просмотра его «метаисторических» и «трансфизических» картин. В своих опытах описания теофании Пелевин трансгрессировать и выходить из мира искусства не желает — его вполне устраивает мир художественной образности и интуиции.

Выводы

Русский неомифологизм первой половины XX в. был не только художественным методом, при помощи которого реализовывались эстетические задачи. Для ряда русских художников модернистской направленности он стал, прежде всего, средством преображения бытия и человеческого познания, то есть имел глобальные онтологическую и гносеологическую цели. Достигнув своего апогея в позднем творчестве Д. Андреева, русский неомифологизм преодолевает свою литературную основу, художественная литература трансгрессирует и представляет мировой культуре феномен цельного знания и новейшего мифического хронотопа (Розы Мира). Последующая динамика неомифологизма в русской художественной культуре второй половины XX в., с одной стороны, ориентирована на воспроизведение модернистских эстетических стратегий, с другой — постмодернистских. Однако у современных писателей, учитывающих опыт трансгрессии, появляются специфические черты их неомифологизма, отличающие его как от модернистского, так и от постмодернистского.

В результате проведенного исследования, было показано, что В. Пелевин плодотворно использует неомифологизм как метод создания литературных произведений, обогащая его сведениями из различных областей современного гуманитарного знания, а также художественной эмпатией (вживанием в «святая святых» мифической ментальности — в моменты встречи человека с духовным и божественным миром). В статье делается предположение о том, что неомифологизм Пелевина обретает черты *научно-мифологической фантастики*. В то же время, в отличие от Андреева, современный писатель не становится «вестником», лично переживающим богоявление и несущим людям «ученые» знания высших сфер — опыт теофании у Пелевина стяжает «лирический герой», с которым автор не отождествляется и не образует мифического идеал-материального единства. Экзистенциальный опыт прорыва за рамки видимого мира, буддийско-медитативные практики служат у современного писателя художественным целям и являются инструментами, при помощи которых он создает свое «непостмодернистское», «в стиле Виктора Пелевина» искусство.

Список литературы

Исследования

1 *Бобылева А.Л.* Антиутопия как метажанр в прозе Виктора Пелевина: автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань, 2018. 22 с.

2 *Вязмитинова Л.* Слово, замолвленное о «бедном срулике» и «похоронах кузнечика» (попытка анализа эстетической ситуации нашего времени) // Топос (литературно-философский журнал). 11.03.2002. URL: https://www.topos.ru/article/195 (дата обращения: 20.02.2024).

3 *Галанина Е.В.* Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры. М.: Академия естествознания, 2013. URL: https://monographies.ru/en/book/section?id=5423 (дата обращения: 21.04.2024).

4 *Генис А.* Пелевин: поле чудес // *Генис А.* Частный случай. М.: АСТ, 2009. С. 267–280.

5 *Гусейнов А.А.* Опыт цельного знания // Феномен Даниила Андреева: мат. рос. научн. конф., [6 марта 2014 г., Москва] / отв. ред. А.В. Черняев. М.: Канон+, 2015. С. 3–10.

6 *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Дм. Крапечкин. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 799 с.

7 *Дмитриев А.В.* Неомифологизм в структуре романов В. Пелевина: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 17 с.

8 *Зайнуллина И.Н.* Миф в русской прозе конца XX – начала XXI веков: автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань, 2004. 21 с.

9 *Липовецкий М.* Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 840 с.

10 *Мелетинский Е.М.* Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов // Бессознательное: сборник. Новочеркасск: Изд-во «Агентство САГУНА», 1994. С. 159–167.

11 *Минц З.Г.* О некоторых «неомифологических» текстах русских символистов // *Минц З.Г.* Блок и русский символизм: Избранные труды: в 3 кн. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. Кн. 3: Поэтика русского символизма. С. 59–97.

12 *Каневская М.* История и миф в постмодернистском русском романе // Известия Российской АН. Серия литературы и языка. 2000. Т. 59, №2. С. 37–47.

13 *Кереньи К.* Мифология / пер. с нем. Ю. Володарский, Ю. Гусева и др. М.: Три квадрата, 2012. 504 с.

14 *Кочеткова Н.* Писатель Виктор Пелевин: «Вампир в России больше чем вампир» // Известия (газета). 03.11.2006. URL: https://iz.ru/news/318686 (дата обращения: 20.02.2024).

15 *Отто Р.* Священное / пер. А.М. Руткевич. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008. 269 с.

16 *Павленко А.П.* Гротеск в художественном мире Виктора Пелевина: автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2017. 27 с.

17 *Петров В.В.* Филологический экзистенциализм Карла Кереньи // Цивилизация и варварство: ловушки, засады и пропасти латентного варварства. 2020. Вып. IX. С. 96–130.

18 *Погребная Я.В.* Актуальные проблемы современной мифопоэтики. Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского федерального ун-та, 2014. 216 с.

19 *Пустовая В.Л.* Свято и тать // Новый мир. 2009. №3. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2009_3/Content/Publication6_1835/Default.aspx (дата обращения: 25.02.2024).
20 *Рытова Т.А., Щипкова Е.А.* Проблема исследования мифологизма и сюжета мифа как элемента сюжетной структуры в русской прозе конца XX – начала XXI веков // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2012. №4 (20). С. 115–128.
21 *Спирова Э.М.* Философско-антропологическое содержание символа. М.: Канон+, 2012. 336 с.
22 *Тойшин Д.* Интервью со звездой // Випперсон. 22.03.2008. URL: http://viperson.ru/articles/danila-toyshin-intervyu-so-zvezdoy (дата обращения: 18.01.2024).
23 *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. М.: Прогресс-Культура, 1995. 624 с.
24 *Эпштейн М.Н.* Постмодерн в русской литературе. М.: Высшая школа, 2005. 494 с.
25 *Чиндин И.В.* Миф и его метаморфозы в русской литературе XX – начала XXI веков. М.: Академический проект, 2024. 319 с.

Источники

26 *Андреев Д.Л.* Собр. соч.: в 4т. / сост., подгот. текста Б.Н. Романова; предисл. А.А. Андреевой. М.: Русский путь, 2006.
27 *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод / пер. с нем. М.А. Журинской, С.Н. Земляного и др. М.: Прогресс, 1988. 699 с.
28 *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. 736 с.
29 *Jaspers K.* Grenzsituationen // *Jaspers K.* Philosophie. Berlin: Springer-Verlag, 1948. P. 467–512.

***

© 2025. Igor V. Chindin
Moscow, Russia

ON FEATURES OF NEOMYTHOLOGISM IN RUSSIAN ART CULTURE OF THE 1950-2020s (DANIIL ANDREEV AND VICTOR PELEVIN)

Abstract: The paper presents an attempt to highlight different ontological approaches to myth by representatives of Russian art culture of the 20th century; for the first time, the issue of the depth of artist's immersion in the epistemological integrity of myth and mythical mentality is raised and solved. The purpose of the study is to point out the changing nature of the perception of mythical content by some representatives of Russian art culture of the 20th century and to reveal specific features of their neomythologism. The study used the methods of comparative historical literary criticism, linguistic and cultural comparative analysis and philological hermeneutics. The author succeeded in elucidating the issue of integrative and transgressive influence of mystical experience on the consciousness of the artist. The paper examines neomythologism

as a literary method and technique in Russian literature of the second half of the 20th century; and provides a brief description of the postmodern neomythologism of Russian writers of the last quarter of the 20th century; the main attention is paid to the study of the features of neomythologism by Daniel Andreev and Viktor Pelevin; the emphasis is placed on the "transgressionness" of Andreev's late (at prison) creativity, his going beyond the limits of imaginative literature and entering into a holistic mythical perception of the world. Pelevin's postmodern neomythologism is analyzed in comparison with Andreev's "myth-centerism", revealing a number of features of this neomythologism and Pelevin's overcoming of total postmodern relevance and decentralization of the world in his work. As a result of the study, the author comes to the conclusion that Andreev's transgressive new-mythological heritage had a fruitful impact on Pelevin's work. Andreev's "myth-centerism" enriches Pelevin's neomythologism and makes it possible to detect cultural and aesthetic dynamics in the latter.

Keywords: Newmythologism, Rose of the World, Daniel Andreev, Viktor Pelevin, Transgression, Newest Myth, Mythological Fantasy, Theophany, Myth-centerism.

Information about the author: Igor V. Chindin — PhD of Philosophy, Associate Professor, Department of Humanities, Russian Customs Academy, Komsomolsky Ave., 4, 140015 Lyubertsy, Moscow Region, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7241-1763
E-mail: chindin@inbox.ru

Received: Januar 11, 2025
Approved after reviewing: April 17, 2025
Date of publication: September 25, 2025
For citation: Chindin, I.V. "On Features of Neomythologism in Russian Art Culture of the 1950–2020s (Daniil Andreev and Victor Pelevin)." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 119–138. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-119-138

References

1 Bobyleva, A.L. *Antiutopiia kak metazhanr v proze Viktora Pelevina* [*Dystopia as a Meta-genre in Victor Pelevin's Prose: PhD Thesis, Summary*]. Kazan, 2018. 22 p. (In Russ.)

2 Vyazmitinova, L. "Slovo, zamolvlennoe o 'bednom srulike' i 'pokhoronakh kuznechika' (popytka analiza esteticheskoi situatsii nashego vremeni)" ["A Word Put in about 'Poor Srulik' and 'Grasshopper's Funeral'"]. *Topos*, 11.03.2002. Available at: https://www.topos.ru/article/195 (Accessed 20 February 2024). (In Russ.)

3 Galanina, E.V. *Mif kak real'nost' i real'nost' kak mif: mifologicheskie osnovaniia sovremennoi kul'tury* [*Myth as Reality and Reality as Myth: Mythological Foundations of Modern Culture*]. Moscow, Akademiia estestvoznaniia Publ., 2013. Available at: https://monographies.ru/en/book/section?id=5423 (Accessed 21 April 2024). (In Russ.)

4 Genis, A. "Pelevin: pole chudes" ["Pelevin: Field of Miracles"]. Genis, A. *Chastnyi sluchai* [*A Special Case*]. Moscow, AST Publ., 2009, pp. 267–280. (In Russ.)

5 Guseynov, A.A. "Opyt tsel'nogo znaniia" ["The Experience of Holistic Knowledge"]. *Fenomen Daniila Andreeva* [*The Phenomenon of Daniil Andreev*], ed. A.V. Chernyaev. Moscow, Kanon+ Publ., 2015, pp. 3–10. (In Russ.)

6 Jameson, Fr. *Postmodernizm, ili Kul'turnaia logika pozdnego kapitalizma* [*Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism*], trans. from English Dm. Krapechkin. Moscow, Institut Gaydar Publ., 2019. 799 p. (In Russ.)

7 Dmitriev, A.V. *Neomifologizm v strukture romanov V. Pelevina* [*Neomythologism in the Structure of V. Pelevin's Novels: PhD Thesis, Summary*]. Volgograd, 2002. 17 p. (In Russ.)

8 Zainullina, I.N. *Mif v russkoi proze kontsa XX – nachala XXI vekov* [*Myth in Russian Prose of the Late 20th – Early 21th Centuries: PhD Thesis, Summary*]. Kazan, 2004. 21 p. (In Russ.)

9 Lipovetskii, M. *Paralogii: Transformatsii (post)modernistskogo diskursa v russkoi kul'ture 1920–2000-kh godov* [*Paralogies: Transformations of (Post)modernist Discourse in Russian Culture of the 1920–2000s*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 840 p. (In Russ.)

10 Meletinskii, E.M. "Analiticheskaia psikhologiia i problema proiskhozhdeniia arkhetipicheskikh siuzhetov" ["Analytical Psychology and the Issue of the Origin of Archetypal Stories"]. *Bessoznatel'noe: sbornik* [*The Unconscious: A Compendium*]. Novocherkassk, Agentstvo SAGUNA Publ., 1994, pp. 159–167. (In Russ.)

11 Minc, Z.G. "O nekotoryh 'neomifologicheskih' tekstah russkih simvolistov" ["On some 'Neo-mythological' Texts of the Russian Symbolists"]. Minc, Z.G. *Blok i russkii simvolizm: Izbrannye trudy:* v 3 kn. [*Blok and Russian Symbolism: Selected Works: in 3 vols.*], vol. 3: Poetika russkogo simvolizma [Poetics of Russian Symbolism]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2004, pp. 59–97. (In Russ.)

12 Konevskaia, M. "Istoriia i mif v postmodernistskom russkom romane" ["History and Myth in the Postmodern Russian Novel"]. *Izvestiia Rossiiskoi AN. Series: Literatury i yazika [Literature and Language Series], vol. 59*, no. 2, 2000, pp. 37–47. (In Russ.)

13 Kerényi, K. *Mifologiia* [*Mythology*], trans. from Germany. Yu. Volodarsky, Yu. Guseva et al. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2012. 504 p. (In Russ.)

14 Kochetkova, N. "Pisatel' Viktor Pelevin: 'Vampir v Rossii bol'she chem vampir'" ["Writer Viktor Pelevin: 'A Vampire in Russia is More Than a Vampire'"]. *Izvestiya (Newspaper).* 03.11.2006. Available at: https://iz.ru/news/318686 (Accessed 20 February 2024). (In Russ.)

15 Otto, R. *Sviashchennoe* [*Das Heilige*], trans. from Germany A.M. Rutkevich. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2008. 269 p. (In Russ.)

16 Pavlenko, A.P. *Grotesk v khudozhestvennom mire Viktora Pelevina* [*Grotesque in the Art World of Victor Pelevin: PhD Thesis, Summary*]. Pyatigorsk, 2017. 27 p. (In Russ.)

17 Petrov, V.V. "Filologicheskii ekzistentsializm Karla Keren'I" ["Philological Existentialism of Karl Kerenyi"]. *Tsivilizatsiia i varvarstvo: lovushki, zasady i propasti latentnogo varvarstva*, vol. IX, 2020, pp. 96–130. (In Russ.)

18 Pogrebnaia, Ia.V. *Aktual'nye problemy sovremennoi mifopoetiki* [*Actual Issues of Modern Mythopoetics*]. Stavropol', North Caucasian Federal University Publ., 2014. 216 p. (In Russ.)

19 Pustovaya, V.L. "Sviato i tat'" ["The Holy and the Enemy"]. *Noviy mir.* 2009. No. 3. Available at: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2009_3/Content/Publication6_1835/Default.aspx (Accessed 25 February 2024). (In Russ.)

20 Ritova, T.A., Schipkova, E.A. "Problema issledovaniia mifologizma i siuzheta mifa kak elementa siuzhetnoi struktury v russkoi proze kontsa XX – nachala XXI vekov"

["The Issue of Studying Mythologism and the Plot of Myth as an Element of the Plot Structure in Russian Prose of the Late 20th – Early 21th Centuries"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series: Filologiia [Philology], no. 4 (20), 2012, pp. 115–128. (In Russ.)

21 Spirova, E.M. *Filosofsko-antropologicheskoe soderzhanie simvola* [*The Philosophical-Anthropological Content of the Symbol*]. Moscow, Kanon+ Publ., 2012. 336 p. (In Russ.)

22 Toishin, D. "Interv'iu so zvezdoi" ["Interview with the Star"]. *Vipperson,* 22.03.2008. Available at: http://viperson.ru/articles/danila-toyshin-intervyu-so-zvezdoy (Accessed 18 January 2024). (In Russ.)

23 Toporov, V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz* [*Myth. Ritual. Symbol. Image*]. Moscow, Progress-Kul'tura Publ., 1995. 624 p. (In Russ.)

24 Epshtein, M.N. *Postmodern v russkoi literature* [*Postmodernity in Russian Literature*]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 2005. 494 p. (In Russ.)

25 Chindin, I.V. *Mif i ego metamorfozy v russkoi literature XX – nachala XXI vekov* [*Myth and Its Metamorphoses in Russian Literature of the 20th – Early 21th Centuries*]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2024. 319 p. (In Russ.) p://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2009_3/Content/Publication6_1835/Default.aspx (Accessed 25 February 2024). (In Russ.)

26 Ritova, T.A., Schipkova, E.A. "Problema issledovaniia mifologizma i siuzheta mifa kak elementa siuzhetnoi struktury v russkoi proze kontsa XX – nachala XXI vekov" ["The Issue of Studying Mythologism and the Plot of Myth as an Element of the Plot Structure in Russian Prose of the Late 20th – Early 21th Centuries"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series: Filologiia [Philology], no. 4 (20), 2012, pp. 115–128. (In Russ.)

27 Spirova, E.M. *Filosofsko-antropologicheskoe soderzhanie simvola* [*The Philosophical-Anthropological Content of the Symbol*]. Moscow, Kanon+ Publ., 2012. 336 p. (In Russ.)

28 Toishin, D. "Interv'iu so zvezdoi" ["Interview with the Star"]. *Vipperson,* 22.03.2008. Available at: http://viperson.ru/articles/danila-toyshin-intervyu-so-zvezdoy (Accessed 18 January 2024). (In Russ.)

29 Toporov, V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz* [*Myth. Ritual. Symbol. Image*]. Moscow, Progress-Kul'tura Publ., 1995. 624 p. (In Russ.)

30 Epshtein, M.N. *Postmodern v russkoi literature* [*Postmodernity in Russian Literature*]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 2005. 494 p. (In Russ.)

31 Chindin, I.V. *Mif i ego metamorfozy v russkoi literature XX – nachala XXI vekov* [*Myth and Its Metamorphoses in Russian Literature of the 20th – Early 21th Centuries*]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2024. 319 p. (In Russ.)

Филологические науки
Philological sciences

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-139-150
УДК 821.163.6.0
ББК 83.3(4Сло)7
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Е.В. Шатько
г. Москва, Россия

© 2025 г. Н.Н. Старикова
г. Москва, Россия

«НАШИ ПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ ВЗЯТЫ ИЗ ЖИЗНИ»: ТРАВМА ВОЕННОГО ПРОШЛОГО В РОМАНЕ Д. ЯНЧАРА «ЭТОЙ НОЧЬЮ Я ЕЕ ВИДЕЛ»

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ по проекту 24-28-00403 «Репрезентация и преодоление травматического опыта национального Прошлого в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы (последняя треть XX — начало XXI вв.)»

Аннотация: В статье представлен роман выдающегося современного писателя Словении Д. Янчара «Этой ночью я ее видел» (2010), где национальная трагедия периода Второй мировой войны (раскол словенского общества на героев сопротивления — антифашистов и пособников оккупантов — домобранцев, воевавших друг против друга) впервые показана не как противостояние победителей и побежденных, «своих» и «чужих», а как диалектика взаимодействия личной судьбы и европейской истории. Целью статьи является рассмотрение стратегии нарративизации знаковой для нации трагической темы. Документальный сюжет о супругах Хрибар, владельцах поместья Стрмол, ликвидированных партизанами в 1944 г., легший в основу произведения, воплощен автором через «оптику Расемон», которую использовал писатель Акутагава Рюноскэ, а затем, при экранизации его рассказа «В чаще», — режиссер Акира Куросава. О полной страстей жизни и ужасной гибели главной героини романа Вероники Зарник рассказывают пять разных персонажей: бывший любовник, мать, немецкий военный врач, экономка поместья и партизан, донесший на семейство Зарник. Такая полифоническая нарративная структура отвечает главной модальности авторской позиции — избежать идеологически окрашенных трактовок и оценочных коннотаций, ведущих к тенденциозному конструированию коллективной исторической памяти. В переносе фокуса с политически ангажированного дискурса на экзистенциальный Янчар видит возможность изменить остро болезненное отношение словенцев к событиям военного прошлого, и тем самым через художественное слово дать толчок к осмыслению неизжитой исторической травмы.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Янчар, трагедия братоубийства, нарративизация травмы, факт и вымысел.
Информация об авторах: Евгения Викторовна Шатько — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский просп., д. 32А, 119334 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/ 0000-0001-9467-898
E-mail: eshatko@gmail.com
Надежда Николаевна Старикова — доктор филологических наук, заведущий отделом, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский просп., д. 32А, 119334 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1230-2244
E-mail: nstarikova@mail.ru
Дата поступления статьи: 13.05.2025
Дата одобрения рецензентами: 12.09.2025
Дата публикации: 25.09.2025
Для цитирования: *Шатько Е.В., Старикова Н.Н.* «Наши придуманные истории взяты из жизни»: травма военного прошлого в романе Д. Янчара «Этой ночью я ее видел» // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 139–150.
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-139-150

Художественное воплощение *военного* прошлого сопряжено с рядом внелитературных факторов, одним из определяющих является сама травматичность пережитого негативного опыта. В литературном тексте историческая травма, как правило, связанная с «противостоянием смыслов», сопрягает вчера и сегодня посредством образов и воображения, вынуждая воображающего «заново интерпретировать прошлое, чтобы примириться с потребностями настоящего и будущего» [1]. Факт формирования в словенской литературе XXI в. терапевтического контекста, направленного на преодоление последствий коллективной травмы, связанной с национальной трагедией, пережитой словенцами в период Второй мировой войны, говорит о сохранении в современном обществе «болевого синдрома» и потребности в этическом (и художественном) переосмыслении оценок важных исторических событий.

Вторая мировая война на территории Югославии началась 6 апреля 1941 г., когда германские войска без предупреждения начали наступление на югославских границах. В течение нескольких дней словенские территории были оккупированы и разделены между Италией, Венгрией и Германией, что во многом обусловило дальнейший ход исторических событий. Учрежденный в июле 1941 г. Освободительный фронт словенского народа (ОФ), объединивший коммунистов, христианских социалистов, демократически настроенную часть общественно-спортивного движения «Сокол»[1] и представителей научно-технической и творческой интеллигенции, выступил за освобождение и будущее политическое переустройство Словении. ОФ активизировал партизанское движение, начался вооруженный отпор оккупантам. Лидеры ряда других политических партий открыто встали на сторону оккупационных властей. Уже с мая 1941 г. по иници-

[1] Сокол (словен. Sokol), первоначальное название Гимнастическое общество Южный сокол (Gimnastično društvo Južni sokol) – общественно-политическое спортивное движение, созданное в 1863 г. по образцу чешского Сокола. Один из его лидеров Й. Рус был одним из основателей ОФ Словении.

ативе руководства Словенской народной партии[2] и при поддержке итальянского верховного комиссара в Люблянской покраине создаются первые военизированные формирования словенских ополченцев, большинство которых с марта 1942 г. координируются «Словенским союзом»[3]. Одновременно в занятых итальянцами областях открываются опорные пункты «добровольной антикоммунистической милиции» ("milizia volontaria antikomunista"[4]), в состав которой, как правило, входили и местные уроженцы, представляющие словенское сельское население. В 1943 г. в захваченных Германией районах для борьбы с партизанами и частями народно-освободительной армии Югославии была организована словенская добровольческая армия (Домобранска лига), вооруженные подразделения которой находились в подчинении Вермахта. Словенское общество оказалось расколото на «своих» и «чужих», борцы партизанского сопротивления и пособники оккупантов — белогардисты и домобранцы — сражались друг против друга, т. е. борьба с фашизмом была отягощена гражданской войной (о гражданской войне в Словении подробно писал Л.Я. Гибианский, см.: [2, 5]). Это трагически отразилось как на личных судьбах участников событий, так и на национальном самосознании в целом. Первые десятилетия после 1945 г. освещение Второй мировой войны в СФРЮ находилось под влиянием так называемой литературы НОБ (народно-освободительной борьбы), целью которой была героизация деятельности ОФ и партизанского движения. До провозглашения суверенитета (1991) в течение более чем сорока лет тема братоубийственного военного противостояния словенцев в период Второй мировой войны была в республике Словении под запретом, т. е. «стратегия прятания и ускользания от травматических конфликтов (в том числе от признания, принятия, осознания реальных напряжений и столкновений внутри и между поколениями)» блокировала возможность «выработать некие средства для цивилизованного освоения подобных болезненных моментов <…> широкими группами населения» [3, с. 54–55]. Художественные произведения показывали героев-партизан только позитивно, едва ли не единственным исключением стали дневниковая проза «Товарищество» (1949) и сборник новелл «Страх и мужество» (1951) одного из основателей ОФ Словении Э. Коцбека (подробнее об этом см.: [4, с. 198–199]). В первом издании, «соединив фактографический материал с личными впечатлениями, философские рассуждения с лирическими отступлениями», автор показал «всю трагическую для словенцев противоречивость военного противостояния, осложненного гражданской войной, поднял вопрос о свободе выбора индивидуума, роли национальной интеллигенции в антифашистском сопротивлении и объединении нации» [6, с. 26]. За второе, где с позиций христианского экзистенциализма были подняты проблемы этической онтологической ответственности человека за свои поступки и нравственного выбора сражавшихся в рядах антифашистского подполья, писатель был подвергнут жесткой партийной травле, обвинен «в принижении роли партии в НОБ, осквернении светлого образа героя-партизана, обесценивании идеалов

[2] Словенская народная партия (словен. Slovenska ljudska stranka) – словенская консервативная христианско-демократическая политическая партия, существовавшая с 1892 г. до конца Второй мировой войны.

[3] Словенский союз (словен. Slovenska zaveza) – альянс коллаборационных сил, противостоявших партизанскому движению, учрежден в мае 1942 г. в занятой итальянскими войсками Любляне, с руководством которых его представители активно сотрудничали.

[4] Milizia Volontaria Anti Comunista (MVAC) – военизированные словенские патрульные отряды, с августа 1942 г. находившиеся в подчинении итальянского военного командования, партизаны презрительно называли их «belogardisti» (белогвардейцы) по аналогии с участниками военно-политического антисоветского движения 1918–1922 гг. в советской России.

освободительной борьбы, религиозном мистицизме» [6, с.29] и отправлен в отставку. В независимой Словении новые политические и социальные обстоятельства оживили энергию памяти и породили новые этико-культурные дискурсы, послужившие пересмотру этиологических мифов государства СФРЮ, связанных с историей Второй мировой войны. Табу с темы национальной трагедии военного времени было снято, и общественность впервые получила возможность познакомиться с документальными свидетельствами, раскрывающими жестокость и насилие обеих противоборствовавших сторон (устранение лидеров коллаборационных политических партий службой разведки ОФ (подробнее об этом см.: [17]); расстрелы представителями домобранских формирований взятых в плен партизан и мирного населения (подробнее об этом см.: [11]). Большинство словенских граждан оказалось к этому не готово — возвеличивание доблестного подвига героев югославского партизанского движения долгие годы было частью государственной идеологии, поэтому первой реакцией на демифологизацию героических военных лет стали шок и отторжение. Это повлияло и на писательскую мотивацию — в 1990 гг. возможность рассказать о замалчиваемых ранее фактах Второй мировой войны привлекла крайне мало словенских авторов. Размышляя об отсутствии интереса среди литераторов к периоду 1941–1945 гг. в начале демократизации, М. Кос видит причину в распаде СФРЮ и сопровождавших этот процесс военных конфликтах: «*истории* и так было *слишком много,* и писать произведения о *старой* войне в то время, когда идут актуальные *новые* войны казалось несколько странным, <…> это было очень далеко от тех драм и трагедий, которые — от осады Сараева до резни в Сребренице, — происходили в этот момент в реальности» [16, s. 154].

В 2010 гг. ситуация довольно существенно меняется — тема Второй мировой войны переживает в словенской литературе своеобразный ренессанс — становится объектом художественной рефлексии целого ряда писателей, главным образом, детей и внуков «героического» поколения. К ней в своих романах обращаются Д. Янчар «Этой ночью я ее видел» (2010) и «И любовь тоже» (2017), З. Кодрич «В полдень запляшут сапоги» (2011), М. Хадерлап «Ангел забвения» (2012), М. Кресе «Страшно ли мне?» (2012), З. Симчич «Последние десятые братья» (2012), М. Эилетц «Крик без ответа» (2015), В. Мёдерндорфер «Другое прошлое» (2017). В основе большинства этих произведений лежат документальные исторические факты и/или эпизоды реальных семейных историй, представляющие собой «опосредованные» воспоминания, возникшие под влиянием общения авторов с участниками и очевидцами трагических событий военного прошлого, а также изучения ими военных и семейных архивов, корреспонденций, периодики (только Эилетц (р. 1926) и Симчич (р. 1921) в своих автобиографических произведениях опирались на личный жизненный опыт участия в домобранском движении). Такое «возвращение травматического знания и олицетворенного опыта — поверх и через поколения» [12] говорит об актуализации в творческом процессе словенских прозаиков механизма функционирования постпамяти.

Роман Янчара «Этой ночью я ее видел» занимает в приведенном ряду едва ли не самое важное место. Не только как произведение, после долгого перерыва вновь выводящее на литературную авансцену историческую травму, пережитую словенцами во время Второй мировой войны, но и как книга, получившая на родине статус «романа десятилетия» [19], номинированная на одни престижные литературные премии (премия «Ясная Поляна», 2017, 2018) и отмеченная другими (премия «Кресник» за лучший словенский роман года, 2011, французская «Премия за лучшую иностранную книгу» / "*Prix du Meilleur Livre étranger Sofitel",* 2014), востребованная иностран-

ными читателями (к настоящему моменту переведена на двадцать языков). Однако главной новацией этого сочинения является абсолютно нетрадиционная для современного словенского общества модальность авторской позиции — осознанное стремление избежать идеологически окрашенных трактовок, рассказать о тех, «кто просто хотел жить в самое неподходящее для этого жестокое военное время, о подлинной, спонтанной, настоящей любви к жизни, прерванной насильственной, неестественной, ничем не оправданной смертью» [20].

Прозаик, драматург и эссеист Драго Янчар (р. 1948) — один из признанных, европейски известных современных авторов Словении, его литературное творчество отмечено многими национальными и международными литературными премиями, в том числе Гердеровской (2003) и премии Жана Амери за эссеистику (2007). Основа творческого мировоззрения писателя — универсализм, через призму которого исследуются национальные и общечеловеческие проблемы. «Сущность литературы, подчеркивает Янчар, — надысторическая <…>, человек формируется не одной лишь историей, он бесконечно больше и одновременно бесконечно меньше нее» [15, s. 15–16]. Человек прошлого «…почти ничем не отличается от человека XX века. Меняются только ценности и взгляд на Бога. Литература же говорит о фундаментальном, неизменном, о том, что лежит в основе человеческого существования, т. е. о любви и смерти» [14, s. 257]. Именно история любви и смерти молодой красавицы Вероники Зарник, охватывающая период с 1937 по 1944 г., является «несущей конструкцией» сюжета романа «Этой ночью я ее видел». Молодая, красивая, неотразимо соблазнительная, экстравагантная женщина (завела в качестве домашнего питомца аллигатора, которого сначала выгуливала на поводке, а потом отдала на растерзание таксидермисту), люблянская femme fatale, живет чувствами: импульсивно бросает мужа-фабриканта, увлекшись простым кавалерийским офицером, но, столкнувшись с армейским бытом, легко возвращается к супругу. При этом она умна, добра, весела, сострадательна, образованна и абсолютно аполитична. Ее прагматичный муж Лео Зарник стремится усидеть на двух стульях: с одной стороны, поддерживает деловые и приятельские отношения с оккупантами, а с другой — помогает антифашистскому подполью. В итоге зимним утром 1944 г. партизаны вламываются к нему в дом, выводят вместе с женой в лес, где ее насилуют, потом жестоко пытают и убивают обоих. Исчезновение господ из поместья вызвало много слухов; соседские крестьяне супругов любили, считали порядочными людьми, поэтому командиром партизанского отряда была задним числом состряпана листовка с формулировкой: «суд народа вынес предателям и пособникам гестаповцев справедливый смертный приговор <…>. Листовку размножили на припрятанной технике — печатном станке, который нам [партизанам. — *Е.Ш., Н.С.*] достал Зарник» [22, с. 183]. Прототипами четы Зарник стала реальная семейная пара Хрибар, владевшая замком Стрмол в Верхней Крайне. В 1936 г. богатый люблянский фабрикант Радо Хрибар купил это поместье с замком, построенным в XV в., для своей молодой жены Ксении. Трагическая судьба супругов (в 1944 г. они были без суда расстреляны партизанами) впервые привлекла внимание общественности благодаря статьям М. Цветек и А. Хрибар, опубликованным в середине 2000 гг. в историческом журнале «Хроника» (см. об этом: [9, 13]). «Самовольное» использование Янчаром частной семейной истории вызвало недовольство у потомков рода Хрибар (дело чуть не дошло до судебного иска); объясняя свой подход к фактической основе сюжета опубликованного произведения писатель высказался так: «Да, эта история взята из жизни <…>, тем не менее в романе она является исключительно каркасом, на который нанизывается большая

часть вымышленных событий, даже большинство героев. <…> Я попытался реконструировать события, оставив главной героине имя Ксения. Однако меня вдруг осенило, что вместе с этим я рискую получить упреки не только в том, что “было не так”, а и в том, что литературной реконструкцией сознательно создаю псевдодокументальную литературную поделку. Так что я вернулся к субъективному началу». В итоге «из жизни родилась вымышленная история, которая не меняет того, что случилось» [22, с. 191].

Роман состоит из пяти глав. О полном страстей коротком жизненном пути и ужасной гибели главной героини ретроспективно рассказывают пять разных персонажей: ее бывший любовник сербский офицер Стеван Радованович; мать Вероники Йосипина; знакомый четы Зарник, военврач Вермахта Хорст Хумбайер; бывшая экономка семьи Йожица Хрибовшек и ставший партизаном батрак поместья Йеранек, оклеветавший своих хозяев. У каждого из нарраторов свой взгляд на события; каждый последующий продолжает, дополняет, а иногда и завершает интерпретацию предыдущего, в конечном итоге из полифонии фрагментов складывается окончательный пазл «личной истории» Вероники Зарник. Свидетельства расположены в хронологическом порядке рассказывания и охватывают около полувека: с момента знакомства героини с поручиком Радовановичем в 1937 г. до середины 1980-х, к которым относятся воспоминания ветерана народно-освободительной борьбы Йеранека. Для всех пятерых, несмотря на прошедшее с момента общения с героиней время, она продолжает оставаться объектом обожания (страстной любви, материнской любви, покровительственной любви, влюбленности, сексуального влечения). Собственно, охватившая простого сельского паренька страсть в конечном итоге и привела Веронику к гибели — из ревности Йеранек донес своему командиру, что муж красавицы сотрудничает с гестапо, что было неправдой. Молодой партизан не знал, что сам в 1943 г. был спасен от рук гестапо благодаря вмешательству супругов Зарник. Рассказ о жизни и исчезновении героини строится по модели сужающихся концентрических кругов: три первых персонажа в своих версиях ее жизнеописания не исключают трагического исхода, но не хотят в него верить; четвертая — Йожица, — на глазах которой партизаны уводили Веронику, в нем почти уверена, и только последний рассказчик точно знает правду, причину, время и место ее гибели. «Принцип показа одной истории с разных точек зрения, — отмечает А.Ф. Строев, — использовался еще в XVIII в. (“Знаменитые француженки” Р. Шаля, многие эпистолярные романы, в том числе “Опасные связи” Ш. де Лакло), но именно в XX в. он стал основой художественной конструкции (от рассказа Акутогавы “В чаще” до “Шума и ярости” Фолкнера). Вместо одной фабулы появилось несколько сюжетов, главный герой исчез, все персонажи стали равноценными. У каждого своя правда, свой внутренний (художественный) мир» [7, с. 521]. Смена рассказчиков, дающая несколько разных ракурсов освещения личной истории — «оптика Расемон», в массовом сознании ассоциирующаяся также с экранизацией вышеупомянутого произведения режиссером Акиро Куросавой, дает возможность взглянуть на изображаемые события «изнутри», не подключая голос автора, «позволяет тексту говорить самому за себя, чтобы читатель мог вынести собственное суждение» [20]. Описывая известные им фрагменты жизни Вероники, герои, в сущности, говорят о себе, о своих испытаниях, и «осколочность [их. — *Е.Ш., Н.С.*] опыта становится предпосылкой к умозрительной реконструкции следов целостности — если не зеркала, то по крайней мере собственного отражения» [8, с. 20]. Все пятеро неосознанно винят себя в ее смерти, переживают травму свидетеля, поэтому трагическая судьба близкого человека становится частью их травматической памяти. Выводя главную героиню за рамки повествования, Янчар следует поэтике

Д. Смоле, «отца» словенской драмы абсурда: Антигона, главное действующее лицо его одноименной пьесы 1960 г., не появляется на сцене, представление о ней складывается у зрителя благодаря монологам и репликам других персонажей. Притягательность образа Вероники обусловлена и тем, что он создается через созвучие разных восприятий, и поскольку каждый из вспоминающих был к ней по-своему неравнодушен, совокупность разных перспектив становится, по мысли М. Долгана, «эффективным способом передать все очарование героини, которое, дай ей автор такую возможность, она вряд ли смогла бы транслировать сама» [10, s. 216]. Возлюбленный помнит ее смех, легкую походку, своенравие, независимость, ловкость (его как опытного кавалериста пригласили обучать богатую даму верховой езде); в памяти матери, которая не может простить себе, что посоветовала дочери вернуться к мужу («…останься она со Стевой, не пропала январской ночью <…>, не сгинула бы потом в неизвестности» [22, с. 68]), Вероника продолжает оставаться любящей и заботливой «златовлаской» [22, с. 73]; для экономки — «моей дорогой госпожой Вероникой» [22, с. 124]. Взаимная симпатия, которая возникла между словенской красавицей и немецким военврачом, по сути, случайным знакомым, стала причиной особой откровенности с ним героини: в рассказе доктора Хорста, представленного в романе не врагом, а заложником исторических обстоятельств, который выжил в военном аду, есть детали, раскрывающие неожиданные грани характера героини: «…уже во время войны она на два месяца вернулась в Берлин <…> и какое-то время работала на скорой помощи. Добровольно. Не хватало людей для перевозки раненых <…>. В этом не было никакого политического умысла. Если его не было у меня, когда я латал раненых на Украине, в Крайне и в Италии, зачем бы ей это делать? из сочувствия к нашей великой безумной войне?» [22, с. 109] В реминисценциях Йеранека женственность и очарование Вероники («от нее исходила доброжелательность», «она улыбалась не как хозяйка <…>, а как женщина, которая улыбается мужчине», «от ее тела веяло духами и теплом» [22, с. 144]) резко контрастируют с натуралистическими подробностями, которые опосредованной россыпью присутствуют в его отрывочной версии ее гибели, — не будучи свидетелем насилия и казни, рассказчик приводит чужие верификации: «И где она теперь? спросил я раздраженным голосом. Спроси Богдана, странным голосом произнес Янко <…>. Он был с ней последний. Как это последний, что значит последний? заорал я. Значит, что ее и другие тоже, сначала Янко, а потом еще и другие…» [22, с. 177]; «В сорок четвертом году будто бы лесничий из Ясного нашел в лесу поблизости от охотничьего домика Зарников разлагающуюся женскую голову со светлыми волосами, которую из неглубоко выкопанной могилы разрыла и таскала за собой лисица» [22, с. 184]; «зимой сорок четвертого он [Богдан. — *Е.Ш.*, *Н.С.*] получил задание ликвидировать одну женщину. В лесу было много снега, и земля промерзла, да и времени не было, чтобы копать <…>. Вот он и сломал женщине ноги, и дело было скоро сделано» [22, с. 185]. Перед тем как малодушно сбежать, чтобы не участвовать в расправе, Йеранек последний раз бросает взгляд на ожидающую своей участи Веронику и навсегда запоминает шапочку, из-под которой выбиваются светлые волосы. Эта шапочка, валяющаяся на снегу рядом с бездыханным телом, будет преследовать его в ночных кошмарах всю дальнейшую жизнь.

Избранная автором нарративная стратегия дает возможность избежать идеологически окрашенных трактовок: Янчара не интересует история победителей и побежденных, в центре его внимания — обыкновенный человек, по сути, обыватель, попавший в водоворот военных потрясений; его не увлекают великие исторические события, иде-

ологии или истина, он просто хочет жить. Не случайно этот главный авторский посыл «озвучен» в романе персонажем, представляющим страну-агрессора — нацистскую Германию. Военврачу Хумбайеру повезло — конец войны он встретил в Мюнхене. Его размышления о пережитом поражают объективностью и какой-то отстраненностью, — это реакция самозащиты, помогающая не сойти с ума от всего увиденного и испытанного, и отчасти оправдаться. «Мы живем во времена, когда в цене жизнь только тех из нас, живых или мертвых, кто пришел в этот мир, чтобы бороться, даже жертвовать собой за общие идеалы. Так рассуждают победители и побежденные. Никто не считается с теми, кто просто хочет жить. Кто любит других людей, природу, братьев наших меньших, белый свет и со всем этим пребывает в гармонии. На сегодняшний день этого недостаточно. И хотя я и себя могу причислить к тем, кто дрался, даже если и потерпел поражение, тем не менее, я всего-то просто хотел жить» [22, с. 108]. Писатель сознательно отказывается занять чью-либо сторону в до сих пор болезненном для словенцев споре «правых» и «неправых» в годы Второй мировой войны, пытается, как подчеркивает А. Зупан-Сосич, «активизировать в повествовании нейтральную установку» [21, s. 37]. На принципиальное нежелание принять точку зрения какой-либо из сторон братоубийства и идеологическую непредвзятость авторской позиции обращают внимание и другие исследователи [16, s. 161; 20]. «Героев я заставил вести рассказ, а читателей — прикоснуться к событиям, их перипетиям, не давая объективных пояснений» [22, с. 189], — так формулирует свой подход Янчар. Изменчивость, дисперсивность повествовательной перспективы раскрывает диалектику взаимоотношений между индивидуальной и исторической судьбой. Столкновение героини, которая «просто хотела жить в гармонии с собой, понять себя и людей вокруг себя» [22, с. 109] и злого рока, принявшего обличье молоха истории, заканчивается победой последнего, Танатос побеждает Эрос. Такое метафизическое видение одного из самых проблемных для словенцев периодов XX в. дает возможность избежать политизации истории, ее оценочных коннотаций, которые оказывают влияние на общественное мнение и перспективу тенденциозного конструирования коллективной исторической памяти. Писатель стремится утвердить в социокультурном сознании онтологическое отношение к пережитому нацией историческому опыту, поскольку «правда о войне, после того как она перестает быть правдой той или иной стороны, складывается из множества одинаково значимых личных переживаний и постигнутых истин» [18, s. 14]. В переносе фокуса с политически ангажированного дискурса на экзистенциальный Янчар видит возможность изменить все еще остро болезненное отношение словенцев к событиям военного прошлого, и тем самым через художественное слово дать толчок к осмыслению и преодолению неизжитой исторической травмы.

Список литературы

Исследования

1 *Айерман Р.* Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 5 (141). URL: http://www.nlobooks.ru/node/7960 (дата обращения: 20.04.2025)

2 *Гибианский Л.Я.* Югославия в период Второй мировой войны // Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М.: Индрик, 2011. С. 305–522.

3 *Дубин Б.В.* Интеллектуальные группы и символические формы. Очерки социологии современной культуры. М.: Новое издательство, 2004. 249 с.

4 Лексикон южнославянских литератур. М.: Индрик, 2012. 592 с.
5 *Пилько Н.С.* Словения в годы оккупации (1941–1945) // История Словении. СПб.: Алетейя, 2011. С. 329–380.
6 *Старикова Н.Н.* «У времени в плену»: политическая и литературная судьба Э. Коцбека // Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. К 90-летию Галины Яковлевны Ильиной (по материалам III Хоревских чтений) / отв. ред. И.Е. Адельгейм. М.: Изд-во Ин-та славяноведения РАН, 2021. С. 17–36. https://doi.org/10.31168/2618-8554.2021.02
7 *Строев А.Ф.* Автор, герой, персонаж // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 523–538.
8 *Ушакин С.А.* «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–42.
9 *Cvetek M.* Spomini na Strmol. Vilma Mlakar, roj. Urh — nekdanja strmolska sobarica // Kronika: časopis za slovensko krajevno zgodovino. 2006. Let. 54. Št. 2. S. 233–252.
10 *Dolgan M.* Roman kot Pandorina skrinjica. Drago Jančar: "To noč sem jo videl" // Primerjalna književnost. 2011. Let. 34. Št. 3. S. 209–221.
11 *Grgič S.* Zločini okupatorjevih sodelavcev: Izven boja pobiti in na druge načine umorjeni, ranjeni in ujeti slovenski partizani. Knj. 1. Novo Mesto: Dolenjska založba, 1995. 559 s.
12 *Hirsch M.* Generation of Postmemory // University of Warwick. URL: https://warwick.ac.uk/fac/cross_fac/ehrc/events/memory/poetics_today-2008-hirsch-103-28.pdf (дата обращения: 20.04.2025)
13 *Hribar A.* Strmolski graščak Rado Hribar in njegova rodbina // Kronika: časopis za slovensko krajevno zgodovino. 2006. Let. 54. Št. 2. S. 213–222.
14 *Jančar D.* Ko se nasanjamo, bomo spali naprej. Pogovori. Celovec; Ljubljana; Dunaj: Mohorjeva založba, 1997. 320 s.
15 *Jančar D.* Razbiti vrč. Lubljana: Založba Mihelač, 1992. 139 s.
16 *Kos M.* Leta nevarnega življenja. Pet fragmentov o slovenski literature in drugi svetovno vojni. Ljubljana: Slovenska matica, 2019. 191 s.
17 *Mrvič I.* Obveščevalno varnostna služba OF // Slovenski upor 1941: Osvobodilna fronta slovenskega naroda pred pol stoletja: zbornik referatov. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1991. S. 265–280.
18 *Novak Popov I.* Izkušnja in pripoved: razprave o slovenski prozi. Ljubljana: LUD Literatura, 2008. 203 s.
19 Slovenski roman desetletja // Založba Modrijan. URL: https://www.modrijan.si/branje/to-noc-sem-jo-videl (дата обращения: 20.04.2025).
20 *Virk T.* O ljudeh »ki so hoteli samo živeti« // Pogledi. 2010. Let. 1. Št. 12. URL: http://www.pogledi.si/knjiga/o-ljudeh-ki-so-hoteli-samo-ziveti (дата обращения: 20.04.2025)
21 *Zupan Sosič A.* Partizanska zgodba v sodobnem slovenskem romanu // Jezik in slovstvo. 2014. Let. 59. Št. 1. S. 22–42.

Источники

22 *Янчар Д.* Этой ночью я ее видел. М.: Центр книги Рудомино, 2013. 192 с.

***

© 2025. Evgenia V. Shatko
Moscow, Russia

© 2025. Nadezhda N. Starikova
Moscow, Russia

"OUR INVENTED STORIES ARE FROM REAL LIFE": THE TRAUMA OF THE WAR PAST IN THE NOVEL "TO NOČ SEM JO VIDEL" BY D. JANČAR

Acknowledgements: The research was supported by Russian Science Foundation, project no. 24-28-00403 "The Representation and Overcoming of the Traumatic Experience of the National Past in the Literatures of Central and Southeastern Europe (The Last Third of the 20th – early 21st Centuries)".

Abstract: The paper addresses the novel by outstanding contemporary Slovenian writer D. Jančar "To noč sem jo videl" (2010), where the national tragedy of the period of World War II (the split of Slovenian society into resistance heroes — anti-fascists and accomplices of the occupiers — Domoborans, who fought against each other) is shown for the first time not as a confrontation between the victors and the vanquished, but as a dialectic of the interaction of personal fate and European history. The aim of the paper is to examine the strategy of narrativization of a tragic theme that is significant for the nation. The documentary story about the Hribar spouses, the owners of the Strmol estate, liquidated by partisans in 1944, which formed the basis of the work, is embodied by the author through the "Rashomon optics", used by the writer Akutagawa Ryūnosuke, and then in the film adaptation of his story "In a Thicket" by director Akira Kurosawa. Five different characters tell about the passionate life and terrible death of the main heroine of the novel, Veronika Zarnik: a former lover, mother, German military doctor, housekeeper of the estate and a partisan who informed against the Zarnik family. Such a polyphonic narrative structure corresponds to the main modality of the author's position —- to avoid ideologically colored interpretations and evaluative connotations, which lead to a tendentious construction of collective historical memory. In shifting the focus from politically engaged discourse to the existential, Jančar sees an opportunity to change the acutely painful attitude of the Slovenes to the events of the war past, and thus, through artistic words, give impetus to understanding the unhealed historical trauma.

Keywords: World War II, Jančar, Tragedy of Fratricide, Narrativization of Trauma, Fact and Fiction.

Information about the authors: Evgeniia V. Shatko — PhD in Philology, Research Fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Ave, 32A, 119334 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9467-898
E-mail: eshatko@gmail.com
Nadezhda N. Starikova — DSc in Philology, Head of the Department, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Ave, 32A, 119334 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1230-2244
E-mail: nstarikova@mail.ru
Received: May 13, 2025
Approved after reviewing: September 12, 2025
Date of publication: September 25, 2025
For citation: Shatko, E.V., Starikova, N.N. "'Our Invented Stories are from Real Life': The Trauma of the War Past in the Novel 'To noč sem jo videl' by D. Jančar." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 139–150. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-139-150

References

1 Aierman, R. "Kul'turnaia travma i kollektivnaia pamiat'" ["Cultural Trauma and Collective Memory"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5 (141), 2016. Available at: http://www.nlobooks.ru/node/7960 (Accessed 20 April 2025). (In Russ.)

2 Gibianskii, L.Ia. "Iugoslaviia v period Vtoroi mirovoi voiny" ["Yugoslavia During the Second World War"]. *Iugoslaviia v XX veke: Ocherki politicheskoi istorii* [*Yugoslavia in the 20th Century: Essays on Political History*]. Moscow, Indrik Publ., 2011, pp. 305–522. (In Russ.)

3 Dubin, B.V. *Intellektual'nye gruppy i simvolicheskie formy. Ocherki sociologii sovremennoj kul'tury* [*Intellectual Groups and Symbolic Forms. Essays on the Sociology of Modern Culture*]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2004. 249 p. (In Russ.)

4 *Leksikon iuzhnoslavianskikh literatur* [*Lexicon of South Slavic Literatures*]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 592 p. (In Russ.)

5 Pil'ko, N.S. "Sloveniia v gody okkupatsii (1941–1945)" [Slovenia During the Years of Occupation (1941–1945)]. *Istoriia Slovenii* [*History of Slovenia*]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2011, pp. 329–380. (In Russ.)

6 Starikova, N.N. "'U vremeni v plenu': politicheskaia i literaturnaia sud'ba E. Kotsbeka" ["'Captive of Time': The Political and Literary Fate of E. Kocbek"]. *Literatura v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennoi Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy: aksiologicheskii diskurs. K 90-letiiu Galiny Iakovlevny Il'inoi (po materialam III Khorevskikh chtenii)* [*Literature in the Socio-Cultural Space of Modern Central and South-Eastern Europe: Axiological Discourse. On the 90th Anniversary of Galina Yakovlevna Ilyina (Proceedings of the III Khorev Readings)*], ed. I.E. Adel'geim. Moscow, Institute of Slavic Studies RAS Publ., 2021, pp. 17–36. https://doi.org/10.31168/2618-8554.2021.02 (In Russ.)

7 Stroev, A.F. "Avtor, geroi, personazh" ["Author, Hero, Character"]. *Khudozhestvennye orientiry zarubezhnoi literatury XX veka* [*Artistic Landmarks of Foreign Literature of the 20th*]. Moscow, Institute of World Literature RAS Publ., 2002, pp. 523–538. (In Russ.)

8 Ushakin, S.A. "Nam etoi bol'iu dyshat'"? ["Should We Breathe this Pain?"]. *Travma: punkty: sbornik statei* [*Trauma: Points: Collection of Papers*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 5–42. (In Russ.)

9 Cvetek, Marija "Spomini na Strmol. Vilma Mlakar, roj. Urh — nekdanja strmolska sobarica." *Kronika: časopis za slovensko krajevno zgodovino*, no. 2 (54), 2006, pp. 233–252. (In Slovenian)

10 Dolgan, Marjan “Roman kot Pandorina skrinjica. Drago Jančar: ‘To noč sem jo videl’.” *Primerjalna književnost*, no. 3 (34), 2011, pp. 209–221. (In Slovenian)
11 Grgič, Silvo *Zločini okupatorjevih sodelavcev*: *Izven boja pobiti in na druge načine umorjeni, ranjeni in ujeti slovenski partizani*, vol. 1. Novo Mesto, Dolenjska založba Publ., 1995, 559 p. (In Slovenian)
12 Hirsch, Marianne “Generation of Postmemory.” *University of Warwick*. Available at: https://warwick.ac.uk/fac/cross_fac/ehrc/events/memory/poetics_today-2008-hirsch-103-28.pdf. (Accessed 20 April 2025). (In English)
13 Hribar, Angelika “Strmolski graščak Rado Hribar in njegova rodbina.” *Kronika: časopis za slovensko krajevno zgodovino*, no. 2 (54), 2006, pp. 213–222. (In Slovenian)
14 Jančar, Drago *Ko se nasanjamo, bomo spali naprej. Pogovori*. Celovec, Ljubljana, Dunaj, Mohorjeva založba Publ., 1997. 320 s. (In Slovenian)
15 Jančar, Drago *Razbiti vrč*. Lubljana, Založba Mihelač Publ., 1992. 139 s. (In Slovenian)
16 Kos, Matevž *Leta nevarnega življenja. Pet fragmentov o slovenski literature in drugi svetovno vojni*. Ljubljana, Slovenska matica Publ., 2019. 191 s. (In Slovenian)
17 Mrvič, Irena “Obveščevalno varnostna služba OF.” *Slovenski upor 1941*: *Osvobodilna fronta slovenskega naroda pred pol stoletja: zbornik referatov*. Ljubljana, Slovenska akademija znanosti in umetnosti Publ., 1991, pp. 265–280. (In Slovenian)
18 Novak Popov, Irena *Izkušnja in pripoved: razprave o slovenski prozi*. Ljubljana, LUD Literatura Publ., 2008. 203 p. (In Slovenian)
19 “Slovenski roman desetletja.” *Založba Modrijan*. Available at: https://www.modrijan.si/branje/to-noc-sem-jo-videl (Accessed 20 April 2025). (In Slovenian)
20 Virk, Tomo “O ljudeh »ki so hoteli samo živeti«.” *Pogledi*, no. 12 (1), 2010. Available at: http://www.pogledi.si/knjiga/o-ljudeh-ki-so-hoteli-samo-ziveti (Accessed 20 April 2025). (In Slovenian)
21 Zupan Sosič, Alojzija “Partizanska zgodba v sodobnem slovenskem romanu.” *Jezik in slovstvo*, no. 1 (59), 2014, pp. 22–42. (In Slovenian)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-151-161
УДК 81′367.622.12
ББК 81.2
Научная статья/Research article

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-No Derivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2025 г. Н.А. Бородина
г. Елец, Россия

ТРАДИЦИИ СЛАВЯНСКОГО ФОЛЬКЛОРА В СТИХОТВОРЕНИИ «АЛИСАФИЯ» И.А. БУНИНА

Аннотация: Фольклоризм является одной из отличительных черт поэтического и прозаического наследия И.А. Бунина. Он не только вкрапливает в создаваемые произведения фольклорные тексты разных жанров, но, заимствуя, интерпретирует и перерабатывает их для максимальной реализации авторского замысла, мастерски осваивает поэтику устного народного творчества. Цель данной работы — выявить, как воплотились славянские фольклорные традиции в бунинском стихотворении «Алисафия». Первоисточником для анализируемого произведения послужил духовный стих о Егории Храбром и царевне, связь с которым подчеркивается ономастическими единицами (*Егорий, Алисафия, Змей*), выступающими «двигателем» сюжетной линии. В ходе исследования установлено, что отход от претекста, проявляющийся в редуцировании и изменении змееборческого сюжета, обусловил появление образов и средств художественной выразительности, свойственных свадебным песням и причитаниям, волшебным сказкам, обрядовой поэзии и славянскому фольклору в целом. К ним можно отнести использование приема психологического параллелизма и инверсии, включение в поэтический текст постоянных эпитетов и повторов разных типов, изображение главного героя храбрым и мужественным, а героини покорной и кроткой, реализацию мотива сватовства представителя иномирия и мотива богатырского сна, завершение стихотворения счастливым финалом, выбор ритмико-звуковой организации и др.

Ключевые слова: И.А. Бунин, стихотворение «Алисафия», фольклоризм, устное народное творчество, свадебные песни, сказки, духовные стихи, обрядовый фольклор.

Информация об авторе: Надежда Анатольевна Бородина — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, ул. Коммунаров, д. 28, 399770 г. Елец, Россия.
ORCID ID: https://doi.org/0000-0002-9198-1080
E-mail: borodinanadezhda@yandex.ru

Дата поступления статьи: 27.01.2025
Дата одобрения рецензентами: 17.07.2025
Дата публикации: 25.09.2025

Для цитирования: *Бородина Н.А.* Славянские фольклорные традиции в стихотворении «Алисафия» И.А. Бунина // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 151–161. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-151-161

Обращение к народному поэтическому творчеству как неиссякаемому источнику тем и мотивов, сюжетов и образов, жанрово-стилевых приемов и изобразительно-выразительных средств характерно в целом для русской литературы и в частности для И.А. Бунина, которого Н.П. Смирнов назвал одним из «самых "фольклорных" писателей классического круга» [15, с. 410]. Поэт внимательно наблюдал за жизнью простого народа, скрупулезно изучал сборники П.Н. Рыбникова [31], Е.В. Барсова [30], В.Б. Антоновича и М.П. Драгоманова [26], А.И. Соболевского [23], П.В. Шейна [24], П.В. Киреевского [31] и др., делая записи услышанного и прочитанного [3; 13]. Он не просто включал разножанровые фольклорные тексты (сказки, былины, легенды, духовные стихи, песни, причитания, частушки, прибаутки, пословицы, поговорки, загадки, заговоры, приметы и т. д.) в художественную ткань произведений, заимствовал и стилизовал, но и, опираясь на богатые фольклорные традиции, интерпретировал и трансформировал их в соответствии с авторским замыслом. Все вышесказанное позволяет исследователям творчества нобелевского лауреата говорить об особом характере бунинского фольклоризма [2, 4, 6, 8, 14].

Ярким примером того, как И.А. Бунин «свободно использует источники, смешивает образы и меняет акценты, создавая не вариации на известные темы, а самостоятельные произведения, только внешне и/или архетипически связанные с культурным прообразом» [7, с. 115], является стихотворение «Алисафия», опубликованное в 1912 году. Написано оно по мотивам духовного стиха о Егории Храбром и царевне, именуемого в научной литературе «малым». С ним поэт, вероятно, познакомился по сборникам «Стихи духовные» Е.А. Ляцкого («О спасении Елисавии Арахлинской царевны» [34, с. 101–107]) и «Памятники народного творчества в Олонецкой губернии» Е.В. Барсова («Красная Алисафия Агапиевна» [30, с. 89–91]), выписки из которого И.А. Бунин сделал для дальнейшего использования [3, с. 416].

Сюжетную линию малого духовного стиха (несмотря на наличие разных версий его бытования, см. подробнее [19, с. 6–16]) составляют следующие события. Молодую девушку-христианку, дочь царя-язычника Агапия, обманом отдают на съедение «змею лютому». Избавляет ее от неминуемой гибели Егорий Храбрый, усмирив чудовище. По приказу святого за шелковый пояс отводит царевна укрощенного змея в город, чтобы, увидев чудесное спасение дочери, царь принял христианство — веру истинную [30, с. 89–91].

Рассказывая о подвиге Егория Храброго, И.А. Бунин отходит от первоисточника, редуцирует и видоизменяет змееборческий сюжет, что влечет появление образов и языковых средств, нехарактерных для русской народной религиозной поэзии.

Связь с претекстом устанавливается, прежде всего, благодаря мифонимам (*Алисафия, Егорий, Змей*), обладающим интертекстуальной природой.

В сильную позицию — заглавие — вынесен мифоантропоним *Алисафия*, который И.А. Бунин выбирает из бытующих в духовных стихах огласовок имени спасенной царевны (*Агапья, Александра, Алисафия, Елисафия, Елисахфия, Олисафия* и др. [25]), восходящего, как утверждает Т.В. Хлыбова, к *Елизавета* (от др.-евр. עבשילא, ʼĒlīšebaʻ букв. «Бог — моя клятва», «Богом я клянусь») [19, с. 13].

В основном тексте ономастическая единица вступает в присловную связь с прилагательным *покорная*, что дает возможность поэту раскрыть основную черту характера девушки — послушность: *Лег и спит, и дрогнет с холоду / **Алисафия покорная*** [22, с. 89]. Эта особенность ее поведения прекрасно согласуется с создаваемым в устном народном творчестве идеалом женщины, кроткий нрав которой высоко ценился. Ср.: *Возьми, возьми, дитятко, / Умную, разумную, / Счастливу, таланную, / **Кроткую, смиренную** / Душу красну дѣвицу!* [23, т. 3, с. 228]; *— «Мамонька родная, / Та будетъ мнѣ женой, / Тебѣ невѣстушкой, / Да **послушницей**, / Въ полѣ работницей, / Въ домѣ замѣнушкой, / А гостямъ привѣтницей!»* [23, т. 3, с. 230]; ***Смиренье дѣвичье** (молодцу) ожерелье* [33, т. 2, с. 286]. В бунинском стихотворении неоднократно указывается на данное качество Алисафии: необходимость безропотно выполнить отцовскую волю — выйти замуж за Змея, выбранного родителем в качестве ее супруга; по просьбе Егория смиренно охранять его сон. Например: — ***Покорись*** (*покориться* — 'поступать согласно воле, желанию кого-либо'), ***сестра**: ты батюшкой / За морского Змея выдана; — Дай уснуть мне, Алисафия, / **Под твоей защитой кроткою*** (*кроткий* — 'покорный, смиренный') [22, с. 89].

В рассматриваемом лирическом произведении с образом Алисафии тесно связан трижды повторяющийся (вспомним о принципе троичности в русских сказках и былинах) образ вербы. В восточнославянском фольклоре это дерево последовательно символизирует женщину или выступает в качестве ее иносказательной замены [1, с. 198]. Например: *Въ чистомъ полѣ вербу вѣтром раздуваетъ, / Вѣтром раздуваетъ, к сырой землѣ приклоняетъ. / Что, наша невѣстка, что, наша голубка, / Не весело ходишь, не смѣло ступаешь?* [23, т. 2, с. 466]; *Что не верба-то клонится, / Не кудрявая-то приклоняется: / Уж наша-то Марьюшка благословляется / У родимого-то своего батюшки!* [12, с. 115].

Прием психологического параллелизма, традиционный для народно-поэтической речи, помогает И.А. Бунину более точно передать эмоциональное состояние Алисафии, знаменательное событие в ее жизни при сближении с миром природы.

Определенный лирический настрой создает уже первая символическая картина склоненной вербы, восходящая, на наш взгляд, к величальной песне жениху и невесте из сборника П.В. Киреевского. Ср.: *На песок у моря синего / Золотая верба клонится* [22, с. 89] — *Что по край моря синяго / Тутъ стояла верба золотая* [31, с. 31].

Нарастание напряжения в развитии сюжета отражается на выборе И.А. Буниным языковых средств при изображении дерева. Глагол несовершенного вида в прошедшем времени *клонилася* «не двигает событий» [5, с. 454], но ярко и выразительно передает действие, предлог *по* с дательным падежом имени *ветру* используется для обозначения внешней силы, имеющей направление, в котором совершается действие, а предложно-падежное сочетание *во все стороны* указывает на разнонаправленность выполняемого действия: *Золотая верба по ветру / Во все стороны клонилася* [22, с. 89]. Итак, образ вербы, гнущейся под порывами ветра, становится символом горькой девичьей участи.

Описание: *Золотая верба, звездами / Отягченная, склоняется* [22, с. 90], — вызывает прямые ассоциации с невестой в богато украшенном головном уборе, что подтверждается заключительными строками. Здесь наблюдается апелляция к волшебным сказкам, для которых счастливая концовка является необходимым компонентом сюжета: герой-змееборец спасает обреченную на съедение царевну и женится на ней [16, с. 103]. Свадебные акценты расставляются И.А. Буниным в результате включения лексем *суженый*, *нареченный*, в семантике которых присутствует сема 'предназна-

ченный судьбой в мужья, жених', а также оборотов, характерных для русской свадебной поэзии (например, *Он с коня слезает весело* [22, с. 89]; *С нареченным Алисафия / В Божью церковь собирается* [22, с. 90]) [7, с. 116].

Для номинации героя-змееборца автор использует однословный мифоантропоним *Егорий*, являющийся народным вариантом имени *Георгий* (от греч. Geōrgoς «земледелец»), и мифоним-билексему *Егорий-батюшка,* препозитивный компонент которого восходит к проприальной единице, а постпозитивный — к апеллятиву. Первый употребляется при описании святого и развертывании сюжетной линии, а второй — в обращении Алисафии, пытающейся разбудить спасителя: *Вот и видит Алисафия: / Белый конь несет* ***Егория****; — Встань, проснись,* ***Егорий-батюшка****!* [22, с. 90].

Не зафиксированный в духовной поэзии вокатив *Егорий-батюшка* обнаруживается в календарном фольклоре. Важным для организации быта русского народа был Вешний Юрьев день (23 апреля), открывавший цикл сельскохозяйственных работ. Праздник, посвященный Георгию Победоносцу — христианскому святому, покровителю воинов, «загонщику скота», «волчьему пастырю», — в разных российских регионах сопровождался рядом обрядовых действий, песнями-заклинаниями, заговорами и приговорами. Например: *Святой* ***Егорий-батюшка****, сдаем на руки тебе свою скотинку и просим тебя — сохрани ее от зверя лютого, от человека лихого!* [29, с. 228–229]; ***Батюшка Егорий****, / Макарий преподобный! / Спаси нашу скотину. / Спаси и сохрани / В поле и за полем, / В лесе и за лесом, / За крутыми берегами, / За быстрыми реками!* [29, с. 224] и др. Почтительное именование Егория *батюшкой* отмечается также в поговорках и приметах русского народа: *Не вѣрила бабка веснѣ, а пришелъ* ***батюшка Егорій****, — и ее, старую, въ потъ бросило!; Алексѣй-человѣкъ Божій — съ горъ воду сгонитъ (17-е марта пройдетъ), Ѳедул (5-е апрѣля) тепла надуетъ, Василій Парейскій (2-е апрѣля) землю запаритъ, святой Пудъ (15-е апрѣля) вынетъ пчелу изъ-подъ спуда, а мужикъ — все веснѣ не вѣритъ, — пускай, говоритъ, земля прѣет, а я погожу полушубокъ снимать: придетъ* ***Егорій*** *— самъ,* ***батюшка****, съ плечъ сыметъ!* [27, с. 250].

Вариативность номинации позволяет поэту в создаваемом образе соединить религиозные и народно-поэтические представления о Егории: во-первых, всадника на белом коне, восходящего к каноническому иконописному изображению святого; во-вторых, спасителя девушки-христианки; в-третьих, покровителя земли Русской, что подчеркивается учтивым обращением к угоднику Божьему.

Народное сознание рисует Егория доблестным воином, мужественным и смелым. Подобно былинному или сказочному богатырю, у И.А. Бунина Егорий погружается перед боем со Змеем морским в крепкий сон [18, с. 17]. По словам Т.В. Краюшкиной, в русских народных волшебных сказках «сон героя — причина активных действий других персонажей, их активность — средство пробуждения героя» [11, с. 22]. Попытка Алисафии разбудить Егория словом не увенчалась успехом. Выходом из состояния схожего со смертью становится живительная сила ее жгучей слезы, для описания которой в стихотворение включаются эпитет *тяжкая*, показывающий испытываемые девушкой душевные страдания, и сравнительная конструкция *упала как олово*, эксплицирующая оказанное воздействие: *И заплакала, закрылася / Алисафия — и* ***тяжкая / По щеке слеза скатилася / И упала на Егория, На лицо его, как олово*** [22, с. 90]. Здесь И.А. Бунин не отступает от существующей фольклорной традиции, поскольку слезы в сказках, причитаниях и песнях «всегда благотворны» [9, с. 65], они способны не только пробудить крепко спящего, но и воскресить умершего.

В состав индивидуально-авторского мифонимикона входит и мифоним *Змей*, образовавшийся в результате онимизации апеллятива: *И вскочил Егорий на ноги, / И срубил он* ***Змею*** *голову* [22, с. 90]. В русском фольклоре это фантастическое существо часто предстает похитителем царских дочерей, разорителем городов, требующим дани в виде девушек и женщин. Однако всегда находится герой, который побеждает его.

Поэт уточняет природу Змея благодаря распространению мифологического имени препозитивным прилагательным *морской*. Водная среда: будь то море, как например, в сказках «Буря-богатырь Иван коровий сын» [21, с. 267–277], «Два Ивана солдатских сына» [21, с. 349–357], озеро, река или глубокий колодец — выступают типичными местами обитания фольклорного Змея.

Морской Змей выбран в женихи Алисафии родителем, на что указывает ответная реплика ее братьев, в которой краткое причастие *выдана* (*за кого*) имеет значение 'устроить брак'. Этот факт позволяет говорить о реализации в анализируемом стихотворении фольклорного мотива сватовства представителя иномирия, который забирает девушку с разрешения ее родных [17, с. 105]. Отголоски свадебных причитаний можно увидеть в укорах Алисафии: — *Что ж вы, братья, меня кинули? / Где же это в свете видано?; — Воротитесь, братья милые! / Хоть еще раз попрощаемся!* [22, с. 89]. Эмоциональная напряженность, глубокая печаль передаются благодаря включению восклицательных и вопросительных конструкций, а также благодаря образу склонившейся вербы, рассмотренному нами выше.

В бунинском стихотворении, как и в сказке, находит отражение изменение погодных условий перед появлением инфернального существа [18, с. 17]: холодает, заходящее солнце становится ярко-красным, море к закату темнеет, шумит, покрывается пеной, и вот грозная волна «*шибко мчит глаза змеиные*» [22, с. 89]. Для фиксации происходящих перемен И.А. Бунин прибегает к цветописи колоративами *рдяный* (*солнце рдяное*), *черный* (*зыбь черная*) и звукописи с помощью однокорневых лексем *зашуметь*, *шум,* в семантической структуре которых наличествует сема 'гул', и аллитерации, основанной на повторении шипящих согласных (*[ж], [ш], [ч']*) и свистящих согласных (*[з], [с], [с']*).

Органично вплетаются в художественную ткань стихотворения традиционные для устного народного творчества изобразительно-выразительные средства.

Важным элементом поэтики фольклорных текстов следует назвать эпитет, как правило, имеющий «малоподвижный, окаменевший характер» [28, с. 254]. И.А. Бунин считается по праву мастером эпитетизации. Это средство художественной выразительности — «самое приметное явление» в его идиостиле, как отмечает В.В. Краснянский [10, с. 3]. В стихотворении «Алисафия» употребляются такие общефольклорные постоянные эпитеты, как *море синее, белый конь*, выделяющие существенные признаки изображаемого; *братья милые, золотая верба,* служащие средствами оценки названного; *Божья церковь,* указывающий на место. Адъективы имеют как препозитивное, так и постпозитивное расположение в атрибутивных конструкциях.

Активно поэт использует характерные для фольклора повторы. Этот стилистический прием в рассматриваемом лирическом произведении реализуется на разных языковых уровнях. Он представлен:

1 аллитерацией (например, ***С****тала* ***з****ыбь к* ***з****акату черная* [22, с. 89], где повторение свистящих согласных *[з], [с]* передает нарастающее напряжение, тревогу);

2 ассонансом (например, *И упала на Его́рия, / На лицо́ его́, как о́лово* [22, с. 90], где ударный *[о́]* создает ощущение движения по вертикали падающей капельки слезы);

3 гомеологией (например, ***За**кипела она пеною, / **За**шумела, **за**курчавилась* [22, с. 89], где повтор префикса *за-* в глагольных словоформах актуализирует значение ‘начало действия’);

4 анафорой (например, ***Вот и** солнце опускается / В огневую зыбь помория. / **Вот и** видит Алисафия: Белый конь несет Егория* [22, с. 89], где частица *вот* в сочетании с *и* живописно и выразительно представляет изображаемые события: заход солнца и появление спасителя девушки);

5 синонимическим повтором (например, *Он не слышит, **спит, покоится*** [22, с. 90], где использование глагольных синонимов, объединенных семантикой ‘находится в состоянии сна, покоя’, придает особую эмоциональность описываемому).

В стихотворении «Алисафия» для выделения значимых фрагментов, создания напевности поэтического текста и его ритмизации И.А. Бунин прибегает к инверсии, распространенной в устном народном творчестве: *И заплакала, закрылася / Алисафия* [22, с. 90], где однородные сказуемые находятся перед подлежащим; *Алисафия за братьями / По песку морскому гонится* [22, с. 89], где дополнение *за братьями* занимает препозицию по отношению к сказуемому *гонится*, а согласованное определение *морскому* стоит после определяемого слова *песку*.

В ряде случаев инверсия сочетается с другими приемами, усиливающими создаваемый эффект. Например, в сочетании *Ни минуты ни единыя* [22, с. 90], имеющем значение ‘тотчас, немедленно’, ассонанс *[и], [ы]* транслирует нарастающую тревогу, испытываемые героиней душевные страдания, повторяющаяся отрицательная частица *ни* передает состояние напряженности, а постпозитивное определение *единыя* подчеркивает важность осуществления действия.

Звуковая организация анализируемого поэтического произведения также соответствует народно-песенной традиции. Неслучаен выбор автором четырехстопного хорея с дактилическими окончаниями, так как, по утверждению К.И. Чуковского, «тригласие» с ударением на третьем слоге от конца — «неотъемлемая принадлежность русского фольклорного стихотворного ритма» [20, с. 522]. Именно оно придавало былинам, причитаниям и песням «особую тягучесть и медлительность» [20, с. 523].

С целью смещения ударения влево и завершения тем самым строки дактилической клаузулой поэт использует следующие приемы:

1 «перетягивание» ударения на первообразные предлоги, вследствие чего они становятся акцентными вершинами предложно-именных сочетаний, а знаменательные слова превращаются в энклитики (например, у И.А. Бунина *на́ берег, на́ ноги, по́ ветру*);

2 несоблюдение морфологических норм при образовании форм прошедшего времени глагола в результате присоединения постфикса *-ся* вместо *-сь* в позиции после конечного гласного в предшествующем морфе (например, у И.А. Бунина *клони́ла**ся**, сади́ла**ся**, закры́ла**ся**, скати́ла**ся*** вместо *клони́ла**сь**, сади́ла**сь**, закры́ла**сь**, скати́ла**сь***);

3 использование книжного, поэтического морфа *-ою* вместо *-ой* в именных формах творительного падежа единственного числа женского рода (например, у И.А. Бунина *плётк**ою**, кро́тк**ою*** вместо *плётк**ой**, кро́тк**ой***);

4 использование словоформы *еди́н**ыя*** с архаической флексией *-ыя*, восходящей к церковнославянскому языку, вместо исконно русской флексии *-ой* (*еди́н**ой***).

Необходимо отметить, что первые два приема являются средствами стилизации народной речи.

Таким образом, стихотворение «Алисафия» — яркий пример реализации бунинского фольклоризма. Славянские фольклорные традиции своеобразно проявляются в нем благодаря заимствованию сюжета о герое-змееборце и царевне из «малого» духовного стиха о Егории с последующей его трансформацией, обращению к свадебным песням и причитаниям, волшебным сказкам, обрядовой поэзии, включению характерных для них образов и приемов, изобразительно-выразительных средств, ритмико-звуковой организации — четырехстопному хорею с дактилическими клаузулами.

Список литературы

Исследования

1 *Агапкина Т.А.* Деревья в славянской народной традиции: очерки. М.: Индрик, 2019. 656 с.

2 *Азадовский М.К.* Фольклоризм И.А. Бунина // Русская литература. 2010. № 4. С. 126–148.

3 *Бабореко А.К.* Фольклорные записи // Литературное наследство. Иван Бунин: в 2 кн. М.: Наука, 1973. Т. 84, кн. 1. С. 399–418.

4 *Боровская А.А.* Песенная традиция в лирике И. Бунина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 4 (45). С. 306–308.

5 *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.

6 *Громова А.В.* Фольклоризм творчества И.А. Бунина и Л.Ф. Зурова: к постановке проблемы // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. 2013. № 2. С 18–22.

7 *Двинятина Т.М.* Поэзия И. А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: дис. …д-ра. филол. наук. СПб., 2015. 437 с.

8 *Джанумов С.А.* Фольклор в творчестве И.А. Бунина // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. М.: Изд-во Моск. гос. пед. ун-та, 2010. С. 243–254.

9 *Еремина В.И.* Ритуал и фольклор. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1991. 207 с.

10 *Краснянский В.В.* Словарь эпитетов Ивана Бунина: Ок. 100000 словоупотреблений. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. 776 с.

11 *Краюшкина Т.В.* Мотивы состояний персонажей в русских народных волшебных сказках: системный анализ: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2010. 46 с.

12 *Круглов Ю.Г.* Русские свадебные песни: учеб. пособие для пед. ин-тов. М.: Высш. школа, 1978. 215 с.

13 *Померанцева Э.В.* Фольклор в прозе Бунина // Литературное наследство. Иван Бунин: в 2 кн. М.: Наука, 1973. Т. 84, кн. 2. С. 139–154.

14 *Смирнов В.А.* Принципы фольклоризма в творчестве И.А. Бунина // Вестник Ивановского государственного университета. 2003. № 1. С. 1–10.

15 *Смирнов Н.П.* Русская древность и фольклор в поэзии Бунина // Литературное наследство. Иван Бунин: в 2 кн. М.: Наука, 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 408–411.
16 Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.
17 *Трофимов Г.А.* Образ женщины в русских народных змееборческих сюжетах // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 11. С. 103–109.
18 *Трофимов Г.А.* Мотив змееборчества в русской сказке и былине: к вопросу о национальной специфике: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2018. 29 с.
19 *Хлыбова Т.В.* Стихи о святом Георгии-Егории (семантика, структура, тематическая детализация) и некоторые вопросы истории «текста»: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1994. 25 с.
20 *Чуковский К.И.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Агентство ФТМ; Лтд, 2012. Т. 10: Мастерство Некрасова. Статьи 1960–1969 / предисл. и коммент. Б. Мельгунова и Е. Чуковской. 2-е изд., электронное. 736 с.

Источники

21 *Афанасьев А.А.* Народные русские сказки: в 3 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 1. 516 с.
22 *Бунин И.А.* Стихотворения: в 2 т. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. Т. 2 / вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Т.М. Двинятиной. 544 с.
23 Великорусскія народныя пѣсни: в 7 т. / изданы проф. А.И. Соболевскимъ. СПб.: Государственная типографія, 1895. Т. 1. 628 с. СПб.: Государственная типографія, 1896. Т. 2. 588 с. СПб.: Государственная типографія, 1897. Т. 3. 512 с. СПб.: Государственная типографія, 1898. Т. 4. 722 с. СПб.: Государственная типографія, 1899. Т. 5. 644 с. СПб.: Государственная типографія, 1897. Т. 6. 544 с. СПб.: Государственная типографія, 1902. Т. 7. 708 с.
24 Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. / матеріалы собранные и приведенные въ порядокъ П.В. Шейномъ. СПб.: Тип. Имп. Акад. наукъ, 1898. Т. 1, вып. 1. 376 с. СПб.: Тип. Имп. Акад. наукъ, 1898. Т. 1, вып. 2. 377 с.
25 Духовные стихи Русского Севера / сост. В.П. Кузнецова, сост. нот. прил. Г.В. Лобкова, М.Н. Шейченко. Петрозаводск: Изд-во Карельского науч. центра РАН, 2015. 800 с.
26 Историческія пѣсни малорусскаго народа / с объясн. Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Кіевъ: Тип. М.П. Фрица, 1874. Т. 1. 336 с. Кіевъ: Тип. М.П. Фрица, 1875. Т. 2. 166 с.
27 *Коринфскій А.А.* Народная Русь. Круглый годъ сказаній, поверій, обычаевъ и пословицъ русскаго народа. М.: Изд. книгопродавца М.В. Клюкина, 1901. 723 с.
28 Лирика русской свадьбы / изд. подг. Н.П. Колпакова. Л.: Наука, 1973. 323 с.
29 Обрядовая поэзия / сост., предисл., примеч., подгот. текстов В.И. Жекулиной, А.Н. Розова. М.: Современник, 1989. 735 с.
30 Памятники народнаго творчества въ Олонецкой губерніи / Е. Барсова. СПб.: Тип. Майкова, 1873. 116 с.
31 Пѣсни собранныя П.В. Кирѣевским. Новая серія. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1911. Вып. 1 (Пѣсни обрядовыя) / подъ ред. академика В.Ѳ. Миллера и проф. М.Н. Сперанскаго. 356 с.

32 Песни, собранныя П.Н. Рыбниковым: в 4 т. Народные былины, старины и побывальщины. М.: Тип. А. Семена, 1861. Т. 1. 524 с. М.: Тип. А. Семена, 1862. Т. 2. 354, CCCLXXIV с. Петрозаводскъ, [б. и.], 1864. Т. 3. 462, LXXI с. СПб.: Тип. Императорской Академіи наукъ, 1867. 300, LXX с.

33 Пословицы русскаго народа: Сборникъ пословицъ, поговорокъ, реченій, присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрій и пр. Владиміра Даля. 2-е изд., безъ перемѣнъ. СПб., М.: Изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1879. Т. II. 638 с.

34 Стихи духовные / вступ. ст. Е.А. Ляцкаго; тексты избралъ Е.А. Ляцкій при участіи Н.С. Платоновой. СПб.: Тв-во «Огни», 1912. 192 с.

***

© 2025. Nadezhda A. Borodina
Yelets, Russia

TRADITIONS OF SLAVIC FOLKLORE IN THE POEM "ALISAFIA" BY I.A. BUNIN

Abstract: Folklore is a distinctive feature of I.A. Bunin's poetic and prose heritage. He not only incorporates folklore elements into his works, but also reinterprets and rewrites them to the best expression of his ideas, masterfully employing the poetics of folklore. The purpose of this paper is to explore how Slavic folk traditions are realized in I.A. Bunin's poem "Alisafia". The source for this analysis is the spiritual verse about St. George the Brave and the Princess, which is connected to the poem through onomastic elements (*Yegory, Alisafia,* and *Dragon*), acting as a "driving force" for the storyline. We found that deviations from the original story, manifested through the reduction and modification of the dragon-fighting plot, led to the appearance of images and artistic expressions characteristic of wedding songs and lamentations, fairy tales, and Slavic folklore in general. These include the use of psychological parallelism and inversion, the incorporation of constant epithets and various types of repetitions in the poetic text, the portrayal of Yegory as brave and courageous and Alisafia as submissive and meek, the realization of the motif of the pairing of a representative from the otherworld and the motif of heroic dream, the conclusion of the poem with a happy ending, the selection of rhythmic and acoustic organization, etc.

Keywords: I.A. Bunin, Poem "Alisafia", Folklore, Wedding Songs, Fairy Tales, Spiritual Verses, Ritual Folklore.

***Information about the author*:** Nadezhda A. Borodina — PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor, the Department of the Russian Philoloand Journalism, Bunin Yelets State University, Kommunarov St., 28, 399770 Yelets, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9198-1080
E-mail: borodinanadezhda@yandex.ru

Received: January 27, 2025
Date of approval by the reviewers: July 17, 2025
Date of publication: September 25, 2025

For citation: Borodina, N.A. “Traditions of Slavic Folklore in the Poem ‘Alisafia’ by I.A. Bunin.” *Vestnik slavianskikh kul’tur*, vol. 77, 2025, pp. 151–161. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-151-161

References

1 Agapkina, T.A. *Derev'ia v slavianskoi narodnoi traditsii: ocherki* [*Trees in the Slavic Folk Tradition: Essays*]. Moscow, Indrik Publ., 2019. 656 p. (In Russ.)

2 Azadovskii, M.K. “Fol'klorizm I.A. Bunina” [“Folklorism of I.A. Bunin”]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2010, pp. 126–148. (In Russ.)

3 Baboreko, A.K. “Fol'klornye zapisi” [“Folklore Records”]. *Literaturnoe nasledstvo. Ivan Bunin: v 2 kn.* [*Literary Heritage. Ivan Bunin: in 2 Books*], vol. 84, book 1. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 399–418. (In Russ.)

4 Borovskaia, A.A. “Pesennaia traditsiia v lirike I. Bunina” [“The Song Tradition in the Lyrics of I. Bunin”]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, no. 4 (45), 2015, pp. 306–308. (In Russ.)

5 Vinogradov, V.V. *Russkii iazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [*Russian Language (Grammatical Doctrine of the Word*)]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 2001. 720 p. (In Russ.)

6 Gromova, A.V. “Fol'klorizm tvorchestva I.A. Bunina i L.F. Zurova: k postanovke problemy” [“Folklorism of the Works by I.A. Bunin and L.F. Zurov: Issue Statement”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo gumanitarnogo instituta*, no. 2, 2013, pp. 18–22. (In Russ.)

7 Dviniatina, T.M. *Poeziia I. A. Bunina: Evoliutsiia. Poetika. Tekstologiia* [*I.A. Bunin’s Poetry: Evolution. Poetics. Textology: DSc Dissertation Thesis*]. St. Petersburg, 2015. 437 p. (In Russ.)

8 Dzhanumov, S.A. “Fol'klor v tvorchestve I.A. Bunina” [“Folklore in I.A. Bunin’s Works”]. *Rusistika i komparativistika: sbornik nauchnykh statei* [*Rusistics and Comparative Studies: Collection of Scientific Papers*]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2010, pp. 243–254. (In Russ.)

9 Eremina, V.I. *Ritual i fol'klor* [*Ritual and Folklore*]. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 207 p. (In Russ.)

10 Krasnianskii, V.V. *Slovar' epitetov Ivana Bunina. Okolo 100 tysiach slovoupotreblenii* [*Dictionary of Epithets by Ivan Bunin. About 100 Thousand Word Usage*]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 776 p. (In Russ.)

11 Kraiushkina, T.V. *Motivy sostoianii personazhei v russkikh narodnykh volshebnykh skazkakh: sistemnyi analiz* [*Motives of the States of Characters in Russian Folk Fairy Tales: System Analysis: DSc Thesis, Summary*]. Ulan-Ude, 2010. 46 p. (In Russ.)

12 Kruglov, Iu.G. *Russkie svadebnye pesni: uchebnoe posobie dlia pedagogicheskikh institutov* [*Russian Wedding Songs: Textbook for Pedagogical Institutes*]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1978. 215 p. (In Russ.)

13 Pomerantseva, E.V. “Fol'klor v proze Bunina” [“Folklore in Bunin’s prose”]. *Literaturnoe nasledstvo. Ivan Bunin: v 2 kn.* [*Literary Heritage. Ivan Bunin: in 2 Books*], vol. 84, book 2. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 139–154. (In Russ.)

14 Smirnov, V.A. “Printsipy fol'klorizma v tvorchestve I.A. Bunina” [“Principles of Folklore in I.A. Bunin’s Works”]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, 2003, pp. 1–10. (In Russ.)

15 Smirnov, N.P. "Russkaia drevnost' i fol'klor v poezii Bunina" ["Russian Antiquity and Folklore in Bunin's Poetry"]. *Literaturnoe nasledstvo. Ivan Bunin: v 2 kn.* [*Literary Heritage. Ivan Bunin: in 2 Books*], vol. 84, book 2. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 408–411. (In Russ.)

16 Barag, L.G., Berezovskii, I.P., Kabashnikov, K.P., Novikov, N.V., compilers *Sravnitel'nyi ukazatel' siuzhetov. Vostochnoslavianskaia skazka* [*Comparative Index of Plots. The East Slavic Fairy Tale*]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 437 p. (In Russ.)

17 Trofimov, G.A. "Obraz zhenshchiny v russkikh narodnykh zmeeborcheskikh siuzhetakh" ["The Image of Women in Russian Folk Dragon-fighting Plots"]. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, no. 11, 2015, pp. 103–109. (In Russ.)

18 Trofimov, G.A. *Motiv zmeeborchestva v russkoi skazke i byline: k voprosu o natsional'noi spetsifike* [*The Motif of Dragon-fighting in a Russian Fairy Tale and Epic: on the Issue of National Specifics*: *PhD Thesis, Summary*]. Moscow, 2018. 29 p. (In Russ.)

19 Khlybova, T.V. *Stikhi o sviatom Georgii-Egorii (semantika, struktura, tematicheskaia detalizatsiia) i nekotorye voprosy istorii "teksta"* [*Poems about St. George-Gregory (Semantics, Structure, Thematic Detail) and Some Issues of the History of the "Text"*: *PhD Thesis, Summary*]. Moscow, 1994. 25 p. (In Russ.)

20 Chukovskii, K.I. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [*Complete Works: in 15 Vols.*], vol. 10. Masterstvo Nekrasova. Stat'i 1960–1969 [Nekrasov's Mastership. Articles 1960–1969], *introd.* and comm. B. Mel'gunov, E. Chukovskaia, 2nd ed. Moscow, Agentstvo FTM, Ltd Publ., 2012. 736 p. (In Russ.)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-162-173
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. М.А. Фролов
г. Москва, Россия

«ЗРИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ КАРТИНЫ»: НИКОЛАЙ ГУДЗИЙ — НАУЧНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ ФИЛЬМА «ВОЙНА И МИР» СЕРГЕЯ БОНДАРЧУКА

Аннотация: В статье рассказывается о сотрудничестве литературоведа Н.К. Гудзия со съемочной группой кино-эпопеи С.Ф. Бондарчука «Война и мир» в качестве научного консультанта в 1961–1965 гг. Документальной основой для статьи послужила личная и деловая переписка ученого, написанные им отзывы о киносценарии первых двух серий фильма, а также корпус документов из архива киноконцерна «Мосфильм», опубликованный в 2020 г. на официальном сайте. Благодаря этим материалам оказалось возможным представить взгляд филолога, крупнейшего специалиста по творчеству Л.Н. Толстого, на основные творческие цели и задачи, которые должны были быть достигнуты съемочной группой для того, чтобы знаменитый роман получил достойное экранное воплощение. Главными и необходимыми для этого условиями Гудзий считал внимательное изучение толстовского романа, максимальное сохранение его текста и сюжета, глубокое «вчувствование» в замысел писателя. Кроме того, удалось вписать эпизод его сотрудничества с кинематографистами в общий контекст истории этого масштабного кинопроекта, проследить, какую реакцию встречали предложения и замечания Гудзия у режиссера картины и других членов съемочной группы.

Ключевые слова: Экранизация, история кинопроизводства, киносценарий, «Мосфильм».

Информация об авторе: Максим Андреевич Фролов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9694-6583
E-mail: maximfam@mail.ru

***Дата поступления статьи*:** 11.11.2024
***Дата одобрения рецензентами*:** 31.03.2025
Дата публикации: 25.09.2025
***Для цитирования*:** *Фролов М.А.* «Зрительный образ картины»: Николай Гудзий — научный консультант фильма «Война и мир» Сергея Бондарчука // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 162–173
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-162-173

Литературоведу, текстологу, педагогу, признанному и уважаемому исследователю биографии и творчества Л.Н. Толстого, Николаю Каллиниковичу Гудзию (1887–1965) несколько раз за его богатую событиями биографию приходилось иметь дело с кинематографом. Впервые это произошло в начале 1950-х гг. В 1953 г. вышел на экраны документальный фильм «Л.Н. Толстой» (режиссер С. Бубрик; авторы сценария Л. Никулин, С. Бубрик), научным консультантом которого был Гудзий. Впоследствии он оказывал помощь (официально его участие было обозначено формулировкой «научный руководитель») литературоведам В.А. Жданову и Э.Е. Зайденшнур в пору подготовки ими сценария короткометражного фильма «Рукописи Льва Толстого» (реж. Н. Руднев), увидевшего свет в 1955 г. Много позже, в 1963 г., режиссер А.Г. Зархи познакомил Гудзия со сценарием, написанным им совместно с историком литературы В.А. Катаняном к художественному фильму «Анна Каренина». В титрах фильма, вышедшего на экраны в ноябре 1967 г., через два года после кончины Гудзия, его участие в работе съемочной группы было обозначено словом «консультант» (ОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 6. Ед. хр. 57–58, 64).

Предметом исследования в настоящей статье стало начавшееся в 1961 г. сотрудничество Гудзия в качестве научного консультанта со съемочной группой киноэпопеи «Война и мир» во главе с режиссером С.Ф. Бондарчуком. Благодаря сохранившимся в личном архиве ученого неопубликованным отзывам, служебной и личной переписке, а также значительному корпусу материалов из собрания киноконцерна «Мосфильм», связанных с подготовкой, производством, завершением и международным признанием фильма [5, 6, 7, 8], теперь мы можем проследить историю этого сотрудничества, завершившегося в 1965 г., незадолго до кончины Гудзия, а фактически прервавшегося еще в 1963 г.

Многолетняя история легендарного фильма началась в феврале 1961 г., когда по решению министра культуры СССР Е.А. Фурцевой режиссером-постановщиком картины был назначен Бондарчук[1] — на это решение повлияло в свою очередь коллективное письмо деятелей культуры, ученых и представителей высшего военного состава (Н.С. Тихонов, С.А. Герасимов, М.Е. Катуков и др.), датированное 15 февраля. 3 апреля генеральный директор Мосфильма В.Н. Сурин обратился к Фурцевой с просьбой о «разрешении проведения предподготовительного периода», включающего в себя «написание сценария, изучение иконографических и архивных материалов, написание эскизов декораций, костюмов, мебели и реквизита» [5]. Просьба была поддержана приказом от 5 мая, и это стало событием исключительным в истории отечественного кинопроизводства, свидетельствующим об особом статусе масштабного проекта[2]. Вскоре были утверждены и научные консультанты постановки — Герой Советского Союза, начальник Военной Академии Генерального штаба ВС СССР генерал В.В. Курасов; военный историк, член-корреспондент АН СССР П.А. Жилин; историк, главный хранитель Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа В.М. Глинка; действительный член АН УССР, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Н.К. Гудзий, а также многие другие. Один из списков, сохранившихся в архиве киноконцерна, включает имена 48 консультантов [5].

Сценаристом фильма стал редактор «Мосфильма», член Художественного совета и руководитель Сценарной мастерской на Высших курсах сценаристов и режиссеров, В.И. Соловьев. 4 мая 1961 г. он заключил договор о написании сценария первой серии

[1] Несколькими годами ранее шли переговоры с кинорежиссером И.А. Пырьевым о его кандидатуре на роль создателя экранной версии «Войны и мира», но этот замысел реализован не был [5].

[2] Об этом можно судить по еще одному факту, а именно: 31 января 1962 г. съемочный коллектив был подчинен непосредственно Генеральной дирекции киностудии [6].

фильма со сроком сдачи 15 июня. Пройдя несколько этапов правки, 19 сентября сценарий был принят в четвертой своей редакции. Согласно стенограмме заседания Президиума художественного совета Первого творческого объединения, состоявшегося в этот день, редактор фильма М.В. Качалова, в частности, отметила: «Консультанты, которые были назначены Е.А. Фурцевой, получили сценарий до художественного совета. Вчера в присутствии В.С. Беляева консультанты высказали свое мнение о сценарии, мнение чрезвычайно благополучное <…> Какие у них были замечания? Замечания штатской стороны в лице Гудзия, и военной стороны, в лице Курасова и Жилина, свелись к тому, чтобы прибавить несколько мирных и несколько военных сцен <…> Мы сказали, что с удовольствием пошли бы на это, если бы было возможно, но на это трудно пойти, потому что сценарий, на наш взгляд, чрезмерно велик, поэтому речь может идти только о сокращении» [5].

В архиве Гудзия сохранился отзыв о литературном сценарии первой серии фильма, датированный 22 сентября 1961 г. и, очевидно, аккумулировавший все высказанные на заседании замечания. Как внимательный читатель, Гудзий отметил у сценаристов некоторые ошибки, которые впоследствии могли бы привести к неправильной трактовке образов актерами. Несколько частных замечаний были сделаны Гудзием как опытным толстоведом и текстологом, этого нельзя не заметить. Ввиду небольшого объема, позволим себе опубликовать этот документ полностью. Обращаем внимание на то, что отзыв, а, следовательно, и выступление на обсуждении не были восприняты, судя по процитированному выше замечанию Качаловой, в полной мере — Гудзий предлагал не расширить сценарий, а заменить и сократить второстепенные или чрезмерно укрупненные, с его точки зрения, сцены:

> Мне представляется, что сценарий в основном сделан удачно, с хорошим пониманием текста романа и с бережным отношением к нему. Авторы сценария много потрудились для того, чтобы достичь высокого уровня, на котором стоит их работа.
>
> Этот уровень достигнут в результате очень внимательного, углубленного изучения толстовского романа и обширной критической и исследовательской литературы о нем. Весьма положительной стороной сценария является стремление придерживаться текста «Войны и мира», следуя ему не буквалистически, а в соответствии с самим внутренним его существом. Трактовка основных образов романа, как мне представляется, сделана правильно, с хорошим вчувствованием в замысел самого Толстого. Из текста сценария встает зрительный образ картины[3].
>
> Все мои последующие замечания носят сугубо частный характер и ни в коей мере не снимают моего очень положительного отношения к сценарию.
>
> В самом начале в сцену, изображающую салон Анны Павловны Шерер, необходимо ввести фигуру Пьера. В сценарии Пьер отсутствует и значительно выдвинут Андрей Болконский. Между тем, у Толстого в салоне Шерер Пьеру уделяется больше внимания, чем Андрею. Пьер уже в этой сцене обнаруживает такие особенности своей натуры, которые и в дальнейшем станут для него характерными[4].

[3] Ср. в воспоминаниях Соловьева, который писал, что в режиссерском сценарии «каждая страница — как бы кадр будущего фильма». Это полностью соответствовало сформулированной сценаристом и режиссером главной задаче — «изложить на бумаге будущий фильм», «не себя при помощи Толстого <…> показать, а <…> выразить при помощи средств кино то неповторимое, что Толстой открыл в литературе», «выбрать из всего романа такие эпизоды, которые и составляют <…> память о романе» [4, с. 124, 127].

[4] В первой серии фильма в первом же эпизоде (салон А.П. Шерер) образ Пьера Безухова занимает заметное место наравне с Андреем Болконским — камера показывает параллельными линиями их присутствие и поведение в салоне (вовлеченного в общение с посетителями Пьера и отчужденного, погруженного в себя князя Андрея). Замечание Гудзия очень наблюдательно и справедливо — вероятно, именно оно и было учтено в окончательной расстановке изобразительных акцентов.

В сцене соборования следует показать борьбу за портфель с завещанием старика Безухова[5].

В сцене у старика Болконского следовало бы упомянуть о занятиях Болконского с дочерью математикой[6] и о разговоре старика Болконского с сыном Андреем о Наполеоне[7].

Стр. 32. Неясна сцена скачки Андрея Болконского, обгоняющего обозы. Следует дать понять, что вследствие занятия французами Таборского моста, Болконский спешно покидает Брюн[8].

Стр. 66. Не следует изображать раненного Андрея Болконского на Аустерлицком поле сжимающим древко знамени. Это совсем не похоже на толстовского Болконского, глядящего на высокое небо над Аустерлицем и отрешившегося от всего того, что связано было с воинским ритуалом[9].

Стр. 68. «Вы плохо видите сквозь свои очки». Эти слова фигурировали в анонимном письме Пьеру. По сценарию выходит, что это письмо хотел читать Долохов. На самом же деле он, по роману, выхватывал у Пьера не письмо, а кантату[10].

Стр. 80–81. Откуда здесь картина крупного сражения, в котором участвует Долохов? Нет нужды здесь прибегать к черновым редакциям[11].

Очень к месту были бы в фильме такие эпизоды, как сцена приезда Николая Ростова с Денисовым в Москву к семейству Ростовых (иначе непонятно их присутствие на обеде в Английском клубе), бала молодежи у Иогеля, в особенности проигрыша Николаем Ростовым Долохову с последующим пением Наташи, но от всего этого, к сожалению, приходится отказаться ввиду того, что первая часть сценария и без того превысила положенные ей размеры, почему и она должна подвергнуться сокращению. Мне представляется, что ввиду необходимости можно было бы пожертвовать следующим. Исключить эпизоды: княжна Марья вручает образок Андрею Болконскому, беседа Долохова с Жерковым, Болконский одергивает Жеркова, второе собрание в салоне Шерер[12], отношения княжны Марьи и Анатоля в Лысых горах, столкновение Николая Ростова с Андреем Болконским, посещение Ростовым госпиталя. Можно значительно сократить сцену Шенграбена, приравняв ее по размеру сцене Аустерлица. Согласен с предложением пожертвовать сценой пирушки у Анатоля Курагина[13].

О французском языке в фильме. Думаю, что он должен быть сведен здесь к минимуму. Если в 1868 г. Толстой, полемизируя со своими оппонентами, защищал присутствие в «Войне и мире» французского языка, хотя и сознавал, что он допускал здесь известное излишество, то в 1873 г. он сам, за исключением лишь одного места, весь французский текст перевел на русский язык. В таком виде роман «Война и мир» вышел не только в 1873, но и в 1880 г., и только в 1886 г., когда Толстой издание своих сочинений целиком передал в руки своей жены, произошел возврат к тексту «Войны и мира» с французским языком, но все же при жизни Толстого роман печатался чаще без французского языка, чем с французским. Несмотря на то, что в дальнейшем, в частности, в юбилейном издании введен французский язык, проблема текста «Войны и мира» остается спорной и окончательно не решенной и по настоящее время. Как бы то ни было, сколько-нибудь значительное количество субтитров с переводом французских фраз на русский язык затруднило бы восприятие фильма зрителем. Замечу, кстати, что Наполеон у Толстого гораздо больше говорит по-русски, чем по-французски. Беседа его с Балашовым почти целиком

[5] Эта сцена также была включена в окончательный сценарий и представлена в первой серии фильма.

[6] Просьба Гудзия была учтена в сценарии и в фильме — в нем появилась совсем краткая, но выразительная сцена.

[7] Это пожелание не было учтено в сценарии и в фильме, хотя сцена разговора Болконского-старшего с сыном перед его отъездом на фронт достаточно продолжительна.

[8] Сцена была исключена из окончательного варианта сценария.

[9] Эта сцена была оставлена без изменений и именно в таком виде была представлена в фильме.

[10] Это замечание Гудзия было учтено в сценарии. В одном из эпизодов сцены обеда в Английском клубе в честь князя Багратиона Безухов выхватывает у Долохова из рук листок с текстом кантаты со словами «Не смейте врать!» в ответ на двусмысленный тост, произнесенный Долоховым, «За красивых женщин и их любовников!», и вызывает его на дуэль. Но прежде внутренний голос Безухова несколько раз произносит задевшие его слова из анонимного письма.

[11] Упомянутый эпизод остался в сценарии — он появляется на экране ближе к концу первой серии.

[12] Четыре упомянутых эпизода остались в сценарии и в фильме.

[13] Сцена осталась в сценарии и в фильме.

ведется на русском языке. И понятно, почему Толстой так поступил (имею в виду первое издание «Войны и мира», а не два последующих, где речь Наполеона, как и прочих персонажей, сплошь по-русски). В первом издании романа Толстой заставил произносить французские фразы светских персонажей «Войны и мира» для того, что передать бытовую речь аристократических слоев русского общества; в отношении же Наполеона это не нужно было делать, так как для всех было ясно, что французский язык — природный язык Наполеона. Отсюда само собой вытекает, что и в фильме Наполеон должен говорить по-русски» (ОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 6. Ед. хр. 61. Л. 1–3).

В отношении не раз обсуждавшегося съемочной группой вопроса об использовании французского языка в фильме Гудзий последовательно придерживался той точки зрения, которая отражена и в его научных работах, посвященных роману Толстого. Впервые в систематизированной форме он изложил свои взгляды на эту проблему в апрельской книжке «Нового мира» за 1963 г. — в статье под названием «Что считать “каноническим” текстом “Войны и мира”?» [2]. В следующем 1964 г. на страницах журнала «Вопросы литературы» произошел обмен открытыми письмами между ученым и его многолетним коллегой по редакции Юбилейного издания Полного собрания сочинений писателя, историком литературы, секретарем и биографом Толстого, Н.Н. Гусевым. В центре обсуждения оказалось обилие французского текста в изданиях «Войны и мира» 1868–1869 гг. [1, 3]. Гудзий в качестве источника основного текста предлагал издание романа, вышедшего в 1873 г., с начала 1960-х гг. он трудился над разработкой и обоснованием своей концепции, что, в свою очередь, нашло отражение и в написанном ученом отзыве о сценарии. По поводу использования в фильме французского языка возобладала точка зрения сценаристов. Аналогичное точке зрения Гудзия мнение Курасова относительно сцены Аустерлицкого сражения также не было поддержано [5][14].

По всей видимости, с работой над этим отзывом в определенной мере соотносятся пометы Гудзия на экземпляре сценария, сохранившемся в его архиве. В большинстве своем они касаются ошибочных случаев приписывания реплик автора (закадровый текст) героям и наоборот, а также некоторых показавшихся ему излишними фраз закадрового текста и введения случайных персонажей, впоследствии ни разу не упомянутых в сценарии или, напротив, вводимых в сценарий как уже знакомых и ранее представленных зрителю[15].

В декабре 1961 г. на «Мосфильме» состоялось обсуждение новой редакции сценария, на этот раз литературно-режиссерского и охватившего первую и вторую серию. За несколько дней до назначенной встречи, 2 декабря Гудзий получил письмо на официальном бланке киностудии за подписью директора Творческого объединения писателей и киноработников П.М. Данильянца:

[14] Ср. в работе Резановой: «Описывая Военный Совет перед Аустерлицким сражением, В.В. Курасов предложил подробное изложение точки зрения Кутузова и речи Вейротера на русском языке. Но режиссер С.Ф. Бондарчук настоял, чтобы в фильме звучала немецкая речь, а Кутузов оставался безучастным к обсуждению предстоящего сражения, так как исход боя был предрешен» [5].

[15] Интересен своеобразный «диалог» консультантов на полях сценария. Возле слов автора «Пьер Безухов с десятилетнего возраста <…> выбирал карьеру и ничего не делал» друг за другом следуют заметка Гудзия «? Не нужно» и заметка Глинки «Думаю, что нужно». Упоминание «знакомого гусара Бандарчука» в описании батареи Тушина сопровождено ироничным вопросом Гудзия «Кому знакомого?». Появление Денисова в сцене в Английском клубе (вторая часть первой серии: «Однако, восторженный голос молодого Ростова слышен из всех трехсот голосов. Он сидит почти в середине стола, рядом с Денисовым и Долоховым») прокомментировано ученым следующим образом: «А кто такой Денисов? Для зрителя?». Рядом со словами автора «По поверью, чем меньше людей знает о страданиях родильницы <…> совершающегося в ту минуту» стоит помета Гудзия «Лишнее» (ОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 6. Ед. хр. 65. Л. 4, 42, 62, 70).

Уважаемый Николай Каллиникович! Творческое Объединение писателей и киноработников киностудии «Мосфильм» просит Вас принять участие в обсуждении киносценариев I и II серии фильма «ВОЙНА И МИР». Обсуждение состоится 6-го декабря с. г. в 16 часов (ОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 48. Ед. хр. 78. Л. 1).

Гудзий в своем выступлении, как и в отзывах, вновь коснулся соотношения военных и мирных сцен в будущем фильме и высказался о желательности изъятия или сокращения одного из эпизодов. Какого именно, остается неизвестным, поскольку полная стенограмма заседания нам недоступна, но мы предполагаем, что речь шла об эпизоде Шенграбенского или Аустерлицкого сражений. Об этом свидетельствует заключительное выступление Бондарчука на декабрьском обсуждении новой редакции сценария: «Я думаю, не будет греха, если действительно прочитать произведение с точки зрения нашего сегодняшнего существования. Я для себя лично рассматриваю эту вещь, как жизнь и смерть. Война — это смерть и не только смерть на войне, но смерть и в жизни. Тот эпизод, который не понравился Н.К. Гудзию, мы обозначили как "мертвая жизнь". Она и сейчас существует, эта мертвая жизнь, когда кажется нам, что мы что-то делаем — художественные советы, вернисажи, очень много такого рода деятельности, которую Толстой для себя обозначил, как "мертвую жизнь"» [5].

Судя по сохранившимся документам, много сил, времени и средств было затрачено съемочной группой на создание сцены охоты. Об этой сцене Гудзий также высказался на обсуждении, многие небольшие по продолжительности ключевые сцены он предлагал восстановить или расширить за счет ее сокращения. Стенограмма сохранила живую ответную реакцию Бондарчука:

Н.К. Гудзий, и не только он, но и другие, говорили о сцене охоты. Я не понимаю, почему все увидели в этой сцене только отображение нравов помещиков. Это совершенно неправильное прочтение этой сцены. Это же страшная сцена, она опять-таки идет в той же рубрике жизни и смерти. Вы помните там фразу Николая, когда он скачет за волком. Вы помните эти звериные волчьи глаза. Николай вспоминает Аустерлиц, и тот же Николай, который бежал в кусты, как заяц, здесь говорит: о, Господи, Господи, пошли мне… Боже мой, за что? [5].

1 марта 1962 г. датирован второй и последний сохранившийся отзыв Гудзия о литературно-режиссерском сценарии, в котором Гудзий значительно развил и дополнил прежде высказанные замечания важными соображениями, касающимися образов Наполеона, Наташи Ростовой, Пьера Безухова и Андрея Болконского:

Сценарий — литературно-режиссерский — фильма «Война и мир» производит весьма выгодное впечатление. Авторы сценария — С.Ф. Бондарчук и В.И. Соловьев проделали очень большую и талантливую работу, свидетельствующую об очень внимательном изучении толстовского романа, прекрасном усвоении его текста, незаурядном художественном чутье и драматургическом даровании сценаристов. Важно отметить при этом, что в сценарии соблюдено максимальное совпадение толстовского текста и сюжета «Войны и мира». На всем протяжении сценария обнаруживается высокий эстетический вкус и взыскательность его авторов.

Само собой разумеется, что богатейшее содержание «Войны и мира» и обилие даже важнейших эпизодов романа трудно охватить и в таком обширном сценарии, какой является предметом данной рецензии. Однако в самом основном авторы удачно справились со своей нелегкой задачей, хотя и в некоторых случаях приходится выразить сожаление об отсутствии некоторых эпизодов романа, в первую очередь очень выигрышного и красочного эпизода святок у Ростовых и поездки молодежи в Милюковку[16], затем эпизода проигрыша Николаем Ростовым Долохову и внутреннего подъема Николая под влиянием пения Наташи, приезда Василия

[16] В окончательный сценарий и в фильм упомянутые краткие эпизоды были включены, равно как и сцена гадания.

Курагина с сыном Анатолием в имение старика Болконского, Богучаровского бунта[17]. Конец романа, в частности женитьба Пьера Безухова на Наташе, в сценарии отражен слишком бегло[18]. Чем можно пожертвовать, для того, чтобы хотя <бы> частично восполнить сценарий указанными эпизодами? Не следует ли сократить сцену Шенграбенского сражения и эпизод охоты?

Решительно возражал бы против следующего пояснения: «Представители русского "высшего света", Наполеон, генералы, офицеры и солдаты наполеоновской армии будут разговаривать в фильме только на французском языке. В субтитрах будет даваться перевод только главнейших реплик, раскрывающих содержание сцен». Думаю, что лишь в самых редких случаях допустимо введение французского языка и то лишь в речах представителей русского «высшего света» для характеристики их языковой культуры, взращенной их французским воспитанием; что же касается французских персонажей романа и самого Наполеона, то они должны говорить только по-русски, т<ак> к<ак> читателю и зрителю ясно, что на самом деле они говорят по-французски. И у Толстого в первом издании «Войны и мира», и в последующих изданиях, в которых сохранен французский язык, Наполеон и другие французские персонажи говорят большей частью на русском языке, а в 1873 и 1880 гг., когда Толстой принимал активное участие в переиздании своего романа, он заменил всюду, за одним маленьким исключением, французский язык русским. Ссылка на то, что в некоторых советских фильмах («Молодая гвардия», «Судьба человека») немцы-фашисты говорят по-немецки, ни в какой мере не оправдывает введение французских разговоров в кинофильм «Война и мир». В указанных двух советских фильмах присутствие немецкой речи уместно потому, что тут изображен трагический вчерашний день, когда советские люди часто вынуждены были слышать эту речь, и еще потому, что фашисты во всем их обличье и в их колорите лучше всего могли быть показаны при условии сохранения их природной речи. Если бы принять оспариваемое мной введение в ряде случаев французского языка, пришлось бы переводить на французский язык те или иные фразы, которые у Толстого звучат по-русски. Не говорю уже о том, что субтитры тормозили бы восприятие картины.

На стр. 17–19 намеренно подчеркнуто выдвигается контраст между умиранием старика Безухова и весельем, пляской в доме Ростовых. У Толстого такого как бы укоряющего контраста нет, и его не должно быть в фильме[19].

Во второй части первой серии на стр. 16 из чернового текста «Войны и мира» введен эпизод примеривания Наташей мужского костюма Соне. В окончательную редакцию романа этот эпизод не вошел, он не имеет художественной ценности и потому его незачем вводить и в фильм[20].

Не могу согласиться с тем, что в интерпретации авторов сценария Наташа воспринимает оперное представление глазами Толстого. Не следует переносить отношение Толстого к оперному театру на Наташу. Не следует также удерживать явно тенденциозное изображение оперного спектакля, как это делает Толстой: «Все вычурно, фальшиво и ненатурально», не нужно вводить в фильм «очень толстую девицу» (стр. 6 первой части второй серии). Решительно возражаю против такой трактовки оперного спектакля. Психологически Наташа, впервые попавшая в оперный театр, не могла воспринимать оперу так, как воспринимал ее Толстой; неестественно противопоставление ею оперного пения народной песне «Как со вечера погода выпадала хороша». Наташа, таким образом, наделяется критицизмом, который не мог быть свойствен ни ее натуре, ни возрасту ее[21].

[17] Ни один из упомянутых эпизодов в окончательную редакцию сценария не вошел. Но в третьей серии фильма есть сцена, где Безухов тайком слушает пение Наташи, пока она не заметит его присутствие в доме.

[18] В фильме упомянутого эпизода не оказалось вовсе.

[19] Контраст между упомянутыми Гудзием сценами был сохранен в сценарии и именно в таком виде был представлен в первой серии.

[20] Эпизод был исключен из сценария и в фильм не попал, но в сцене гадания во второй серии фильма Соня предстает перед нами в мужском костюме и с нарисованными, как и у Наташи, мужскими усами.

[21] В окончательную редакцию сценария и в фильм упомянутые эпизоды вошли, но указанное Гудзием несоответствие было снято благодаря тому, что рассуждения героини остались, так сказать, «за кадром», и в картине отражены не были. Песню «Как со вечера пороша выпадала хороша» (Гудзий допустил ошибку в названии) в фильме исполняет дядя Наташи и Николая Ростовых, Михаил Никанорович (актер А.Ф. Борисов).

Пьер, так же, как и Андрей Болконский, выступает в фильме односторонне: Пьер без увлечения масонством, Болконский без его интереса к вопросам государственного устройства. Видимо, такое сужение этих образов неизбежно, но не следует, как мне кажется, давать сгущенную картину разгула Пьера даже по сравнению с тем, как это показано у Толстого (стр. 16 первой части второй серии).

Скуповато показан Наполеон: образ его по сравнению с тем как он выступает у Толстого, освобожден в значительной мере от тех отрицательных черт, какими наделил его Толстой. Благодаря этому получается едва ли оправданное отступление от трактовки Наполеона Толстым.

Некоторые дополнительные соображения высказаны мной и еще будут высказаны в совместном обсуждении сценария с автором и с режиссером фильма (ОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 6. Ед. хр. 62. Л. 1–3).

7 марта 1962 г. согласно приказу министра культуры был утвержден новый бюджет картины, а количество серий было сокращено до трех. В связи с этим Бондарчук приступил к трансформации сценария в режиссерскую разработку трехсерийного фильма. Резанова справедливо охарактеризовала эту ситуацию в своем исследовании: «Согласно логике романа Л.Н. Толстого и всей проделанной работе по написанию литературно-режиссерского сценария — режиссерский сценарий необходимо было писать тоже в четырех сериях. Если учесть, что прикрепленные к работе военные и литературные консультанты просили расширить сценарий, новое требование сократить фильм звучало почти абсурдно. Трехсерийное деление нарушало целостность картины, фильм рассыпался» [6].

Режиссерский вариант сценария был утвержден 29 марта 1962 г. На следующий день специальным приказом было обозначено начало подготовительного периода (продленного в итоге до 30 ноября). Между этими событиями произошел эпизод, в некоторой степени обнадеживший режиссера и съемочную группу. По личной просьбе Бондарчука Фурцева 10 мая официально разрешила «установить объем всех четырех серий фильма <…> в 8800 метров без изменения сроков производства и сметных ассигнований» [6]. Другими словами, режиссер брал под свою полную ответственность (творческую и материальную) любые движения в сторону первоначального замысла.

9 августа Гудзий принял участие в заседании коллегии, при генеральном директоре «Мосфильма» Сурине, организованном для обсуждения кинопроб претендентов на главные роли. Приведем далее отзывы Гудзия — они представляют огромный интерес, прежде всего потому, что работы актеров были увидены ученым как непредвзятым и искренним зрителем. Кроме того, в суждениях об основных образах романа и его будущего экранного воплощения отсутствует даже малейший намек на какую бы то ни было «идеологизированность», в чем его косвенным образом упрекали члены съемочной группы [5] — мы имеем дело со свободным и ясным взглядом.

«Разумеется, наша русская Наташа не могла избежать некоторого влияния американской Наташи — и во внешности, и по приемам, но тут ничего не поделаешь. Может быть, и не нужно избегать этой преемственности в том великолепном исполнении роли Наташи, которое было у американской актрисы. Так или иначе, наша советская Наташа играет прекрасно» (о кандидатуре Л.М. Савельевой на роль Наташи Ростовой). Под «американской Наташей» Гудзий подразумевал роль, с блеском исполненную Одри Хепберн в фильме К. Видора в 1956 г. [7].

«Я получил большое удовольствие и от роли Пьера — С.Ф. Бондарчука. Это то, что нужно для Андрея» (о кандидатуре режиссера фильма на роль Пьера Безухова).

Гудзий считал, что образ Андрея в романе значительно менее мужественен, чем это было представлено актерами в кинопробах [7].

«Александр I выглядит несколько женоподобно. Я бы придал ему более острые черты во внешности» (о кандидатуре В.А. Мурганова на роль Александра I). Это мнение было почти единодушным, тем не менее, актер был утвержден на роль и исполнил ее в фильме [7].

«Что касается старика Болконского, по внешности, больше понравился Кольцов. Кторов моложаво выглядит. Но я не могу сказать, кто из них предпочтительнее, потому что каждый из них дан в различных положениях и эпизодах. Трудно сказать, как бы Кторов играл то, что играет Кольцов, и как бы Кольцов играл тот фрагмент, который играет Кторов» (дискуссия, касавшаяся двух кандидатур на роль старого князя Болконского — В.Г. Кольцова и А.П. Кторова, — и разрешившаяся в пользу последнего претендента [7]).

«Вот судить о том, как исполняется роль князя Андрея <…> трудно, потому что вы видите этих актеров в коротких и не очень значительных фрагментах. Мне кажется, что актер Вербицкий по внешности не подходит для роли Андрея, он слишком мужествен и мужчина, что надо, а об Андрее этого сказать нельзя. Разницы между первым и вторым актером я не вижу». Выбор стоял между О.А. Стриженовым и А.В. Вербицким, исполнил же эту, этапную для его творчества роль В.В. Тихонов [8].

28 декабря 1962 г. Гудзий получил благодарственное письмо от режиссера, директора, операторов, профорга и парторга, отправленное из Закарпатья, из города Мукачева, где располагалась киноэкспедиция и снимались сцены Аустерлицкого и Шенграбенского сражений:

> Уважаемый Николай Каллиникович! Съемочный коллектив кинокартины «Война и мир» поздравляет Вас с наступающим новым годом. Сердечно благодарим за оказанную нам помощь, желаем Вам счастья, здоровья, долгих лет жизни, дальнейших успехов в Вашем благородном труде (ОР РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 13. Ед. хр. 15. Л. 1).

17 июня 1963 г. Бондарчук обратился к председателю Госкомитета СМ СССР по кинематографии А.В. Романову с просьбой «разрешить увеличить метраж сценария-экранизации “Война и мир” до 10000 метров с делением сценария на четыре серии». В результате длительного ожидания и активных переговоров ему удалось добиться желаемого: 25 августа 1963 г. Романов установил объем фильма «в четырех сериях общим метражом 11046 полезных метров». Сроки окончания производства и сдачи готовой работы были установлены следующим образом: серии первая и вторая — 7 июля 1965 г., серии третья и четвертая — 7 июля 1966 г. [6]

В 1963–1965 гг. Гудзий продолжал получать от съемочной группы и лично от Бондарчука поздравительные письма и телеграммы[22], но никакого активного его участия в съемочном процессе они не подразумевали, что естественным образом не могло не задеть ученого (в сохранившемся корпусе документов из архива Мосфильма, опубликованном в 2020 г., его имя за указанный период ни разу не встречается).

24 августа 1965 г. Гудзий отказался от дальнейшего сотрудничества со съемочной группой, отправив письмо режиссеру:

[22] Так, например, 30 апреля 1964 г. Гудзий получил от Бондарчука поздравительную телеграмму, в связи с приближавшимся днем рождения — 3 мая ученому исполнилось 77 лет (ОР РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 4. Ед. хр. 30. Л. 4).

Уважаемый Сергей Федорович, приблизительно последние полтора года я, не по своей воле, числился консультантом фильма лишь номинально. Предвидя и в дальнейшем столь же номинальное отношение мое к фильму, в частности, судя по характеру Вашего разговора со мной на первом публичном показе двух частей фильма, я настоятельно прошу Вас не числить меня впредь консультантом по фильму «Война и мир». Ник. Гудзий (ОР РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 2. Ед. хр. 23).

Через два месяца Гудзия не стало.

В начальных титрах вышедшей на широкий экран 14 марта 1966 г. первой серии фильма имя Гудзия среди имен других консультантов съемочной группы упомянуто не было.

В период сотрудничества Гудзия со съемочной группой киноэпопеи «Война и мир» он, благодаря своему научному авторитету и исключительным человеческим качествам, имел возможность способствовать тому, чтобы экранная интерпретация великого романа на долгом и трудном пути к зрителю сохранила главное — «максимальное совпадение» толстовского текста и сюжета фильма и «хорошее вчувствование в замысел» писателя.

Список литературы

Исследования

1 *Гудзий Н.К.* Еще раз о каноническом тексте «Войны и мира» // Вопросы литературы. 1964. № 2. С. 190–200.

2 *Гудзий Н.К.* Что считать «каноническим» текстом «Войны и мира»? // Новый мир. 1963. № 4. С. 234–246.

3 *Гусев Н.Н.* О каноническом тексте «Войны и мира» // Вопросы литературы. 1964. № 2. С. 179–190.

4 Сергей Бондарчук в воспоминаниях современников / сост. и лит. запись О. Палатниковой. М.: Эксмо; Яуза, 2003. 559 с.

Источники

5 *Резанова А.* «Война и мир» — история создания фильма [Часть 1]. Дата публикации 4 февраля 2020 // Официальный сайт Киноконцерна «Мосфильм» URL: https://www.mosfilm.ru/news/?ELEMENT_ID=38610&sphrase_id=286529 (дата обращения: 21.01.2024)

6 *Резанова А.* «Война и мир» — история создания фильма [Часть 2]. Дата публикации: 4 марта 2020 // Официальный сайт Киноконцерна «Мосфильм» URL: https://www.mosfilm.ru/news/?ELEMENT_ID=39271 (дата обращения: 21.01.2024)

7 *Резанова А.* Публикации по материалам Архива Киноконцерна «Мосфильм» о создании фильма «Война и мир» (подбор актеров) [Часть 1]. Дата публикации: 6 апреля 2020 // Официальный сайт Киноконцерна «Мосфильм» URL: https://www.mosfilm.ru/news/?ELEMENT_ID=39956 (дата обращения: 26.01.2024)

8 *Резанова А.* Публикации по материалам Архива Киноконцерна «Мосфильм» о создании фильма «Война и мир» (подбор актеров) [Часть 2]. Дата публикации: 7 мая 2020 // Официальный сайт Киноконцерна «Мосфильм» URL: https://www.mosfilm.ru/news/?ELEMENT_ID=40887 (дата обращения: 26.01.2024)

***

© 2025. Maxim A. Frolov
Moscow, Russia

"VISUAL IMAGE OF THE PICTURE": NIKOLAY GUDZIY — SCIENTIFIC CONSULTANT FOR THE FILM "WAR AND PEACE" BY SERGEY BONDARCHUK

Abstract: The paper talks about the collaboration of literary critic N.K. Gudziy with a film crew of the epic film S.F. Bondarchuk "War and Peace" as a scientific consultant in 1961–1965. The documentary basis for the study has been the personal and business correspondence of the scientist, the reviews he wrote about the screenplay of the first two episodes of the film, as well as a corpus of documents from the archives of the "Mosfilm", published in 2020 on the official website of film concern. Thanks to these materials, it became possible to present the view of a philologist, a major specialist in the works of L.N. Tolstoy on the main creative goals and objectives that had to be achieved by the film crew in order for the famous novel to receive a worthy on-screen realization. Gudziy considered the main and necessary conditions for this to be a careful study of Tolstoy's novel, maximal preservation of Tolstoy's text and plot, and deep "insight" into the writer's plan. In addition, it was possible to fit the episode of his collaboration with filmmakers into the general context of the history of this large-scale film project, to trace what reaction Gudziy's suggestions and comments received from the director of the film and other members of the film crew.

Keywords: Film Adaptation, History of Film Production, Movie Script, "Mosfilm".

Information about the author: Maxim A. Frolov — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9694-6583
E-mail: maximfam@mail.ru

Received: November 11, 2024
Approved after reviewing: March 31, 2025
Date of publication: September 25, 2025
For citation: Frolov, M.A. "Visual Image of the Picture": Nikolay Gudziy — Scientific Consultant for the film 'War and Peace' by Sergey Bondarchuk." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 162–173. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-162-173

References

1 Gudzii, N.K. "Eshche raz o kanonicheskom tekste 'Voiny i mira'" ["Once again about the Canonical Text of 'War and Peace'"]. *Voprosy literatury*, no. 2, 1964, pp. 190–200. (In Russ.)
2 Gudzij, N.K. "Chto schitat 'kanonicheskim' tekstom 'Vojny i mira'" ["What is Considered the Canonical Text of War and Peace?"]. *Novyi mir*, no. 4, 1963, pp. 234–246. (In Russ.)
3 Gusev, N.N. "O kanonicheskom tekste 'Voiny i mira'" ["About the Canonical Text of 'War and Peace'"]. *Voprosy literatury*, no. 2, 1964, pp. 179–190. (In Russ.)

4 Palatnikova, O., compiler and lit. record. *Sergei Bondarchuk v vospominaniiakh sovremennikov* [*Sergei Bondarchuk in the Memories of Contemporaries*]. Moscow, Eksmo Publ., Iauza Publ., 2003. 559 p. (In Russ.)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-174-184
УДК 811.161.1
ББК 81.8
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Н.С. Журавлева
г. Москва, Россия

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА БУДУЩЕГО В «КОСМИЧЕСКИХ» РОМАНАХ И.А. ЕФРЕМОВА

Аннотация: Статья посвящена вербализации образа Человека будущего в «космических» романах И.А. Ефремова на материале проекта Идеографического словаря языка И.А. Ефремова. Методом частотного анализа денотативно-идеографических сфер проекта словаря были выбраны лексемы с высоким индексом частотности, характеризующие индивидуально-авторский образ Человека будущего (*рука, мир, глаз, женщина, лицо*). Частотный показатель в словарной статье позволил выделить процессуальные и непроцессуальные характеристики образа Человека будущего. Семантический показатель в словаре позволил построить семантическую модель образа Человека будущего в индивидуально-авторском понимании: Человек как физическое существо (развитие физических и духовных качеств за счет эволюции и деятельности, а не биоинженерии); Человек и его призвание (трудовая деятельность как основа самореализации); Человек и Природа (субъект-субъектный подход Человека к Природе); Человек и Социум (понимать людей и помогать им); Человек и Наука (принятие знаний как культурной ценности). Вербальное воплощение и семантическая модель образа Человека будущего позволяет сформулировать понятие как представителя ноосферной цивилизации, составленный в «космических» романах в рамках научной парадигмы и в традициях философии русского космизма.

Ключевые слова: человек будущего, «космические» романы, образ Человека, модель, И.А. Ефремов.

Информация об авторе: Наталья Сергеевна Журавлева — соискатель кафедры современного русского языка им. П.А. Леканта, Государственный университет просвещения, ул. Радио, д. 10А, 105005 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-5017-5087
E-mail: Natasha.zhuravleva99@mail.ru

Дата поступления статьи: 24.08.2024
Дата одобрения рецензентами: 22.04.2025
Дата публикации: 25.09.2025
Для цитирования: *Журавлева Н.С.* Вербализация образа человека будущего в «космических» романах И.А. Ефремова // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 174–184. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-174-184

Изучение языка писателя, бесспорно, начинается со словаря произведений. В составляемом нами проекте Идеографического словаря языка И.А. Ефремова [5] денотативно-идеографические сферы объединяются в рубрики по наличию в их семантике отношения к человеку как субъекту познания в триаде понятий — Человек, Природа, Наука. Так возникает отчетливая картина мира писателя-ученого, который воплотил в своих «космических» романах («Туманность Андромеды», «Час Быка») и повести «Сердце Змеи» четкое противопоставление образов прошлого и будущего цивилизации. Человек будущего у предшественника И.А. Ефремова, К.Э. Циолковского, представляется «вершиной» развития интеллектуальных, физических способностей и осознанности восприятия действительности (нынешней, для человека будущего, и прошлой). Человек будущего думает: «…какой тяжелый путь прошла органическая жизнь Земли, сколько страданий перетерпели ее существа. Теперь у нас их нет. Кроме разумного, ничто не осеняет нашу планету. Но какой ужас в прошлом?» [20, с. 5]. Способность мыслить в масштабах не только своей личности, но целых вселенных — отличительная черта человека будущего и у К.Э. Циолковского, и у И.А. Ефремова:

> Любой человек Земли так осторожен в своих поступках, что проигрывает в сравнении с властителями нашей древности. У него нет внешних признаков могущества, хотя на самом деле он как осторожно ступающий исполинский слон перед несущимся напролом перепуганным оленем [19, с. 75].

Позволим использовать эту развернутую метафору писателя для характеристики человека будущего, где человек будущего — «исполинский слон», а «перепуганный олень» — человек прошлого.

Цель исследования состоит в вербализации образа Человека будущего по материалам проекта Идеографического словаря И.А. Ефремова. Проанализированные нами денотативно-идеографические сферы рубрики «Человек» и синтагматика лексемы *человек* в рамках семантического моделирования позволяют лингвистическими методами определить образ Человека будущего в естественнонаучной парадигме восприятия XX–XXI вв., где Природа — объект познания, а Наука — средство ее изучения. В указанной триаде каждый концепт уникален: так, Природа слита с наукой и не мыслится без нее, это природа материи земли и космоса; Наука связана с духовным переустройством всего общества: техника стала тончайшей, ювелирной, по сути — высоким искусством («Туманность Андромеды»); когда ученые стали заниматься главным — историей духовных ценностей, процессом перестройки сознания и структурой ноосферы — они поняли, что наибольшая загадка связана с философской сущностью Человека.

Способ семантического моделирования образа человека Н.Ю. Шведовой в «Русском семантическом словаре», исследование с физиологической, социальной, эмоциональной, психологической, деятельностной сторон, был взят как пример вербализации образа Человека в русской языковой картине мира для сопоставления с индивидуально-авторской художественной И.А. Ефремова.

Актуальность исследования заключается в описании образа человека квантитативными методами; в использовании словаря языка писателя при выявлении индивидуально-авторских представлений И.А. Ефремова о Человеке будущего; в способе семантического моделирования образа Человека будущего через денотаты рубрики «Человек» в словаре.

Теоретические положения современной лингвопоэтики и когнитивной лингвистики [1, 3, 7–9, 12, 14] позволяют реконструировать образ человека по данным языка [1], описать языковые модели человека и его поведения [13]. Например, Ю.Д. Апресян в работе «Образ человека по данным языка (попытка системного описания)» характеризует признаки личности, характерные для русской языковой картины мира:

> Человек мыслится в <…> прежде всего как динамичное, деятельное существо. Он выполняет три различных типа действий — физические, интеллектуальные и речевые. С другой стороны, ему свойственны определенные состояния — восприятие, желания, знания, мнения, эмоции и т. п. Наконец, он определенным образом реагирует на внешние или внутренние воздействия [1, с. 39].

Движимой силой для него являются такие важные понятия, как воля и совесть, соотношение которых и является уникальным для русской культуры [7].

Важнейшим термином исследования является понятие «образ Человека», т. е. «концентрированное воплощение сути тех представлений человека о человеке, которые объективированы всей системой семантических единиц, структур и правил» [11, с. 8]. Так, по всем произведениям И.А. Ефремова рассеяны следующие авторские представления о героях будущего: Его жизненная закалка и выдающиеся способности позволили ему выдержать многие годы настойчивого учения и подготовить себя к тяжелой и ответственной деятельности («Туманность Андромеды») [17, с. 10]; Гриф Рифт склонился над пультом, и его руки, освещенные лишь отблеском циферблатов, замелькали на клавишах приборов с быстротой первоклассного музыканта («Час Быка») [19, с. 16].

Абстрактная сфера представлений о человеке будущего сочетается с конкретной образностью идеалистического портрета как класса перцептивной образности художественной прозы. С.В. Чернова дает следующее определение образа человека:

> Образ человека — это совокупность субъективно окрашенных и ассоциативно связанных непроцессуальных и процессуальных характеристик человека, стихийно формирующихся в сознании другого лица (лиц, группы лиц, поколения и т. д.) посредством восприятия, памяти и воображения и получающих отражение в языковых формах [15, с. 13].

Для героев «космических произведений» характерна высокая мгновенная интеллектуальная и психологическая чувствительность, поэтому так велика семантика почти «неуловимого» (одно из частотных слов портретной характеристики!) жеста, мимики в описании, например:

> Из неосознанного желания подражать Фай Родис Чеди Даан прежде всего посмотрела на нее, уловив брошенный Гриф Рифту взгляд веселого облегчения, почти торжества. Фай Родис слегка откинулась назад, чтобы не отворачиваться от экранов, и подала Гриф Рифту руку таким жестом, что Чеди пришла в восторг… («Час Быка») [17, с. 9];

> …неуловимой быстротой движений и мыслей; неуловимо быстрым движением, характерным для землян («Час Быка») [17, с. 130].

Проект «Идеографического словаря языка И.А. Ефремова» содержит 5824 номинативные единицы, 3169 из которых относятся к рубрике «Человек». Денотативное поле образа Человек будущего на основе денотативно-идеографических сфер: «Человек как живое существо» (355 лексем, 8536 словоупотреблений); «Человек и его внутренний мир» (468 лексем, 4063 словоупотреблений); «Социальная сфера жизни

человека» (1534 лексем, 14579 словоупотреблений); «Язык и речь» (131 лексема, 1732 словоупотребления); «Искусство и религия» (237 лексем, 1875 словоупотреблений); «Еда» (32 лексемы, 188 словоупотреблений); «Окружение человека и предметы быта» (379 лексем, 2885 словоупотреблений). Для наглядности представим данные в диаграмме (иллюстрация 1).

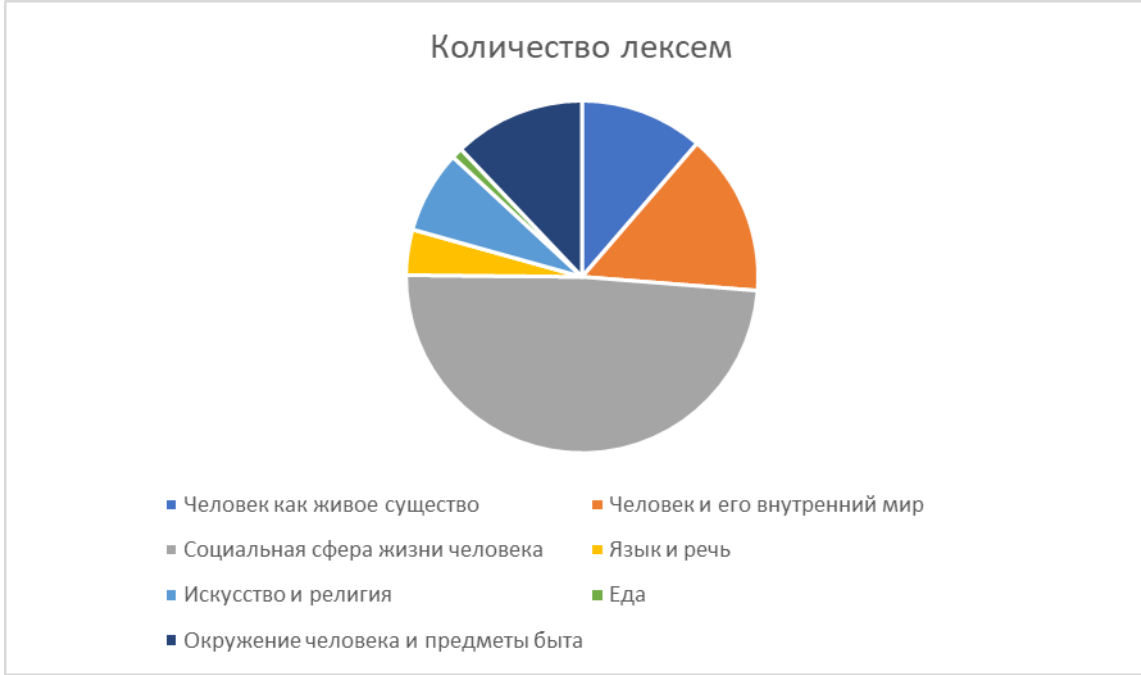

Рисунок 1 — Денотативно-идеографические сферы образа Человек
Figure 1 — Denotative-ideographic Spheres of the Human Image

При анализе количества лексем для описания Человека будущего становится понятным, что И.А. Ефремова больше всего интересует социальная сфера жизни. Для этого писателя-фантаста важно изображение проблемы взаимодействия человека и общества. Социальная сфера состоит из следующих тематических групп: *родство, социальные отношения, характеристика по профессии и деятельности, государство и строй, армия и органы*. В ней к лексемам с высоким индексом частотности (от 100 словоупотреблений) относятся: *дело, друг, история, мир, опыт, работа, совет, труд, человечество, экспедиция, владыка, инженер, командир, начальник, город, закон, народ, общество, борьба*. Частотность лексем *совет, владыка, инженер* обусловлена их функцией в «космических» романах — созданием ирреальности, например, *совет* — это составная часть эргонимов. Денотативно-идеографическая сфера «Человек как живое существо» (*принадлежность, строение тела, органы восприятия, движения и положения, мужчины и женщины, взросление и старение*) имеет следующие частотные лексемы: *землянин, тормансианин, глаз, голова, лицо, нога, рука, взгляд*. Первая пара лексем функционирует в романе «Час Быка», где противостоят две модели цивилизации — идеальная цивилизации «Великого Кольца» и тираническая на планете Торманс. Таким образом, высокий индекс частотности данных лексем обусловлен сюжетом произведения. Сфера «Человек и его внутренний мир» состоит из лексико-семантических групп: *поведение, восприятие и чувства, настроение, воля, мышление и память, каче-*

ства человека. Данная семантическая парадигма состоит из высокочастотных лексем: *чувство, радость, знание, мысль*. Сфера «Язык и речь» содержит лексемы с высоким индексом частотности: *вопрос, голос, слово, тема, язык*. Лексико-семантические группы «Искусство и религия», «Еда», «Окружение человека и предметы быта» в своем наполнении не имеют лексем с высоким индексом частотности, что говорит об отсутствии интереса писателя к созданию денотативного пространства данной сферы.

Выделим непроцессуальные характеристики образа Человека будущего. Для этого отберем самые частотные лексемы (трехзначный числовой индекс словоупотребления) из каждой денотативно-идеографической сферы словаря. К ним относятся*: рука (418), мир (392), глаз (385), женщина (326), лицо (292), землянин (262), путь (253), общество (234), голова (221), девушка (216), совет (205); тема (196), чувство (195), владыка (194), тормансианин (193), вопрос (189), кольцо (189), слово (184), человечество (183), пространство (178), экспедиция (176), дело (174), тело (171), работа (169), взгляд (167), мысль (153), город (153), инженер (147), народ (138), друг (135), вид (127), знание (126), спутник (123), мужчина (121), часть (119), нога (118), смерть (117), история (116), опыт (116), командир (114), начальник (113), голос (112), закон (111), труд (110), радость (106), существо (104), борьба (104), язык (103), форма (102).* Как мы видим, данные лексемы являются ключевыми для общей характеристики личности с осознанным типом восприятия. Человек будущего, в первую очередь — осязающий, видящий, понимающий и говорящий; вступающий в борьбу на пути к познанию мира; совершающий экспедиции по исследованию пространства; определяющий себя частью человечества, которое живет по закону (так как существуют и другие цивилизации в системе Великого кольца); постигающий знания и транслирующий их; трудится; изучает технические и гуманитарные науки (в технократическом обществе И.А. Ефремова важны не только изобретения как технические средства, но и изобретения как философские теории и музыкальные произведения):

> Перед человеком нового общества встала неизбежная необходимость дисциплины желаний, воли и мысли. Этот путь **воспитания** ума и воли теперь так же обязателен для каждого из нас, как и воспитание тела. **Изучение** законов природы и общества, его экономики заменило личное желание на осмысленное знание. Когда мы говорим: «Хочу», — мы подразумеваем: «Знаю, что так можно» [17, с. 203].

Синтагматика лексемы «человек» позволит выделить процессуальные характеристики образа Человека будущего: *почерпнуть, преодолеть, понимать, помогать, чувствовать, совершенствоваться, бороться, беречь, действовать, воспитывать, изучать*. Таким образом, **Человек будущего —** это представитель правового общества, который на пути к познанию мира готов вступить в борьбу; для которого целью существования является труд, основанный на изобретении не только технических средств, но и гуманитарных дисциплин, и использует такие каналы передачи информации, как осязание, зрение, говорение.

Важно отметить, что лексема *человек* является самой частотной в «космических» романах, с индексом частотности *(1558),* что указывает на идейную направленность романов, заключающуюся в изображении именно человека будущего и его цивилизации, а не технического прогресса. Сравним данный вывод с самыми частотными лексемами каталогов, составленных В.С. Баевским по художественным текстам русских писателей: *ум* — А.С. Грибоедов «Горе от ума»; *душа* — все творчество Рылеева, вся лирика

Лермонтова, вся поэзия Баратынского, собрание стихов З. Гиппиус; *день* — вся лирика Пушкина, вся поэзия Фета, «Стихи о Прекрасной Даме» Блока, «Пепел» А. Белого; *рука* — творчество Высоцкого, все творчество Лермонтова и др. [2, с. 200]. Русские писатели в центр своего творчества закладывают представление о человеке, однако для каждого из них становится важным определенный аспект, например, в частотном списке к лексико-тематической группе «Человек» у Лермонтова относится лексема *рука*, а у поэтов сентименталистов – *душа* [2, с. 200]. Для И.А. Ефремова как ученого важно продемонстрировать Человека как объект познания, как органическое целое.

Построим на основе вербализации образа Человека будущего семантическую модель, где выделим главные составляющие: Человек как физическое существо; Человек и его призвание; Человек и Природа; Человек и Социум; Человек и Наука.

Человек как физическое существо: развитие физических и духовных качеств за счет эволюции и деятельности, а не биоинженерии:

> Слияние различных типов психологических структур, которые всегда будут вести себя по-разному в общем потоке культуры, — величайшее чудо и свидетельство прекрасных качеств человека в направляющих рамках общественного сознания [19, с. 256].

Познание природы открыло перед Человеком будущего невероятные возможности использования всего потенциала человеческого тела, в результате чего даже такие сверхъестественные способности, как предвиденье, теперь считаются навыком:

> Большинство людей Земли в Эпоху Встретившихся Рук обладали способностью предвидения событий. Когда-то люди не понимали, что тонкое ощущение взаимосвязи происходящего и возможность заглянуть в будущее не представляет собою ничего сверхъестественного и в общем подобно математическому расчету [19, с. 156].

Фай Родис смогла предвидеть свой конец, но, как «исполинский слон» (см. выше), она не стала делать резких движений, так не свойственных ей, и предпочла пожертвовать собой, предпочла «бездумно несущегося оленя». Трансформировались и внутренние качества человека будущего:

> Мы знаем, что человек Земли в своей психике почерпнул огромную силу, реализовавшуюся в построении коммунистического общества: удивление и преклонение перед красотой, уважение, гордость, творческую веру в нравственность, не говоря уже об основе основ — любви [19, с. 91].

Человек и его призвание: трудовая деятельность как основа самореализации. Труд есть основа жизнедеятельности Человека будущего:

> Скоро люди поняли, что труд — счастье, так же как и непрестанная борьба с природой, преодоление препятствий, решение новых и новых задач развития науки и экономики [17, с. 45].

Исчезла и потребность в приобретении товаров:

> Человек перестал быть рабом вещей, а разработка детальных стандартов позволила создавать любые вещи и машины… [17, с. 46]

Способность к проявлению самой главной черты Человека прошлого, «человечности», и делает Человека будущего в технократическом устройстве идеальным:

> Великие реформаторы общества Земли прежде всего учили беречь психическое богатство человека. Сберечь его можно лишь в действии, в активной борьбе со злом и в помощи собратьям, иными словами — в неустанном труде [19, с. 371].

Человек и Природа: субъект-субъектный подход Человека к Природе. Человек будущего признает, что он часть природы. У нее всегда есть начало и конец, что значит — невозможно победить время и бессмысленно стремиться к бессмертию. Человеку остается только осознать ценность своего времени. Попытка победить природу человека прошлого может закончиться только катастрофой, например, гибелью планеты *Зирда* из-за испытаний ядерного оружия в романе «Туманность Андромеды».

Человек и социум:

> Человек преодолел бесчисленные препятствия. Но самым трудным и главным было преодоление самого себя не для единиц, а для всей массы. А потом все стало просто. Понимать людей и помогать им принесло ощущение собственной значимости, для чего не требуется ни особенного таланта, ни исключительной интеллектуальности, следовательно, это и есть дорога наибольшего числа людей. Они почувствовали, как становятся все более чуткими, искусными и широкими, с громадным преимуществом перед узкими интеллектуалами, хотя бы и самыми умными [19, с. 142].

Человек и Наука: принятие знаний как культурной ценности. Наука становится не самоцелью цивилизации Великого Кольца, а средством к достижению межпланетарного равенства и свободы. Стремления человека будущего связаны с познанием окружающей действительности и космическими путешествиями:

> Теперь человеку уже мало своей вселенной с ее миллиардами галактик, и он подбирается к ужасающему мраку антимира, который, оказывается, совсем близко [19, с. 44].

Образ Человека будущего противопоставляется отрицательному образу Человека прошлого: «Вы говорите как древний человек, живший узко, мало и без радости познания» [19, с. 39]. Персонажи «космических» романов, представители цивилизации «Великого Кольца» описывают людей прошлого как неблагодарных детей, неспособных воспользоваться благами Природы:

> И человек — наследник мучительного миллиардолетнего пути, пройденного планетой, — как неблагодарный и неразумный сын принялся растрачивать, переводить в энтропию основной капитал, ему доставшийся: накопленную в биосфере энергию, которая, как взведенная когда-то пружина, послужила для технического прыжка человечества… [19, с. 315].

Таким образом, в «космических» романах И.А. Ефремова более 50% денотатов направлены на создание образа Человека. Методом частотного анализа денотативно-идеографических сфер проекта «Идеографического словаря языка И.А. Ефремова» были выбраны лексемы с высоким индексом частотности, характеризующие индивидуально-авторский образ Человека будущего (*рука, мир, глаз, женщина, лицо*). Также по материалам словаря были выделены процессуальные и непроцессуальные характеристики образа Человека будущего и построена его семантическая модель: Человек как физическое существо; Человек и его призвание; Человек и Природа; Человек и Социум; Человек и Наука.

Человек будущего у И.А. Ефремова демонстрирует сверхразумное отношение к себе и к миру, что во многом опередило представления о человеке в сфере научного знания. «Космические» романы Ефремова отражают смену научной парадигмы, где Человек, Природа и Наука мыслятся как единой целое.

Список литературы

Исследования

1 *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.

2 *Баевский В.С.* Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М.: Языки славянкой культуры, 2001. 336 с.

3 *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

4 *Веремеенко С.С.* Макроконцепт 'человек' и его лексическая реализация в Романах И.А. Гончарова «Обломов» И «Обрыв»: дис. … канд. филол. наук. М., 2017. 206 с.

5 *Журавлева Н.С.* Методика составления идеографического частотно-грамматического словаря И.А. Ефремова // Лексикология и грамматика русского языка и стилистика художественного текста: мат. Всерос. научн. конф. студентов (17 декабря 2021 года) / отв. ред. Н.В. Халикова. М.: Изд-во Моск. гос. областного пед. ун-та, 2023. С. 19–23.

6 *Калинина Л.В., Наумова Н.Г.* Лингвистическая интерпретация образа человека в свете идей С.В. Черновой: результаты и перспективы // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 2. С. 101–112.

7 *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2004. 477 с.

8 *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.

9 *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издат. центр Академия, 2001. 208 с.

10 *Наумова Н.Г.* Языковые средства создания образа П.И. Чичикова (на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»). Киров: Изд-во Изд-во Вятского гос. гуманит. ун-та, 2010. 124 с.

11 *Одинцова М.П.* К теории образа человека в языковой картине мира // Язык. Человек. Картина мира: лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2000. Ч. 1. С. 8–11.

12 *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

13 *Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.

14 *Чернова С.В. Калинина Л.В.* Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 2-2. С. 8–15.

15 *Чернова С.В.* Образ человека: толкование термина, источники для изучения, множественность интерпретаций, лингвистический анализ // Интерпретация

образа человека как лингвистическая проблема: сб. ст. Киров: Изд-во Вятского гос. гуманит. ун-та, 2011. С. 9–24.

16 *Ivanova V.A*. Noospheric image of man: Reality and perspectives. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta // Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2021. № 11 (6). S. 81–85.

Источники

17 *Ефремов И.* Сочинения: в 3 т. М.: Молодая гвардия, 1976. Т. 3: Роман, рассказ, статьи. 384 с.

18 *Ефремов И.А.* На пути к роману «Туманность Андромеды» // Вопросы литературы. 1961. № 4. С. 142–153.

19 *Ефремов И.А.* Час быка. СПб.: ООО «Издательская группа «Азбука-Аттикус», 2016. 512 с.

20 *Циолковский К.* Воля вселенной: Неизвестные разумные силы. Калуга: Гостипография КГСНХ, 1928. 23 с.

***

© 2025. N.S. Zhuravleva
Moscow, Russia

VERBALIZATION OF THE IMAGE OF THE MAN OF THE FUTURE IN THE "SPACE" NOVELS BY I.A. EFREMOV

Abstract: The paper discusses verbalizing of the image of the Man of the Future in the "space" novels of I.A. Efremov basing on the material of the project of Ideographic Dictionary of the Language of I.A. Efremov. The method of frequency analysis of the denotative-ideographic spheres of the dictionary project allowed choosing lexemes with a high frequency index characterizing the individual-author's image of the Man of the Future (hand, world, eye, woman, face). The frequency indicator in the dictionary entry made it possible to identify the procedural and non-procedural characteristics of the image of the Man of the Future. Semantic indicator in the dictionary enabled building a semantic model of the image of the Man of the Future in the individual-author's understanding: Man as a physical being (development of physical and spiritual qualities through evolution and activity, not bioengineering); Man and his calling (labor activity as the basis for self-realization); Man and Nature (subject-subject approach of Man to Nature); Man and Society (understanding people and helping them); Man and Science (acceptance of knowledge as a cultural value). The verbal embodiment and semantic model of the image of the Man of the Future allows us to formulate the concept as a representative of the noospheric civilization, composed in "space" novels in terms of the scientific paradigm and in keeping with the traditions of the philosophy of Russian cosmism.

Keywords: Man of the Future, "Space" Novels, Image of Man, Model, I.A. Efremov.

***Information about the author*:** Natalya S. Zhuravleva — Postgraduate Student of the Lekant`s Department of Modern Russian Language, State University of Education, Radio St., 10A, 105005 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-5017-5087
E-mail: Natasha.zhuravleva99@mail.ru
Received: August 24, 2024
Approved after reviewing: April 22, 2025
Date of publication: September 25, 2025
For cituation: Zhuravleva, N.S. "Verbalization of the Image of the Man of the Future in the 'Space' Novels by I.A. Efremov." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 174–184. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-174-184

References

1 Apresian, Iu.D. "Obraz cheloveka po dannym iazyka: popytka sistemnogo opisaniia" ["The Image of a Person Based on Language Data: An Attempt at a Systematic Description"]. *Voprosy azykoznaniia,* no. 1, 1995, pp. 37–67. (In Russ.)

2 Baevskii, V.S. *Lingvisticheskie, matematicheskie, semioticheskie i komp'iuternye modeli v istorii i teorii literatury* [*Linguistic, Mathematical, Semiotic and Computer Models in the History and Theory of Literature*]. Moscow, Iazyki slaviankoi kul'tury Publ., 2001. 336 p. (In Russ.)

3 Vezhbitskaia, A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo kliuchevykh* slov [*Understanding Cultures Through Keyword*]. Moscow, Iazyki slaviankoi kul'tury, 2001. 288 p. (In Russ.)

4 Veremeenko, S.S. *Makrokontsept 'chelovek' i ego leksicheskaia realizatsiia v Romanakh I.A. Goncharova "Oblomov" I "Obryv"* [*The Macroconcept 'Man' and its Lexical Implementation in the Novels of I.A. Goncharov "Oblomov" and "The Precipice"*: *DSc Dissertation Thesis*]. Moscow, 2017. 206 p. (In Russ.)

5 Zhuravleva, N.S. "Metodika sostavleniia ideograficheskogo chastotno-grammaticheskogo slovaria I.A. Efremova" ["Methodology of Compiling the Ideographic Frequency-grammatical Dictionary by I.A. Efremov"]. *Leksikologiia i grammatika russkogo iazyka i stilistika khudozhestvennogo teksta: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii studentov (17 dekabria 2021 goda)* [*Lexicology and Grammar of the Russian Language and the Stylistics of the Literary Text: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference of Students (December 17, 2021)*], ex. ed. N.V. Halikova. Moscow, Moscow State Region Pedagogical University Publ., 2023, pp. 19–23. (In Russ.)

6 Kalinina, L.V., Naumova, N.G. "Lingvisticheskaia interpretatsiia obraza cheloveka v svete idei S.V. Chernovoi: rezul'taty i perspektivy" ["Linguistic Interpretation of the Image of a Person in Light of the Ideas of S.V. Chernova: Results and Prospects"]. Vestnik gumanitarnogo obrazovaniia, no. 2, 2018, pp. 101–112. (In Russ.)

7 Karasik, V.I. *Iazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [*Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*]. Volgograd, Peremena Publ., 2004. 477 p. (In Russ.)

8 Karaulov, Iu.N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [*Russian Language and Linguistic Personality*]. Moscow, LKI Publ., 2010. 264 p. (In Russ.)

9 Maslova, V.A. *Lingvokul'turologiia: uchebnoe posobie dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [*Linguoculturology: a Textbook for Students of Higher Educational Institutions*]. Moscow, Izdatel'skii tsentr Akademiia Publ., 2001. 208 p. (In Russ.)

10 Naumova, N.G. *Iazykovye sredstva sozdaniia obraza P.I. Chichikova (na materiale poemy N.V. Gogolia "Mertvye dushi")* [*Linguistic Means of Creating the Image of*

P.I. Chichikov (Based on N.V. Gogol's Poem "Dead Souls")]. Kirov, Vyatka State Humanities University Publ., 2010. 124 p. (In Russ.)

11 Odintsova, M.P. "K teorii obraza cheloveka v iazykovoi kartine mira" ["Towards a Theory of the Image of Man in the Language Picture of the World"]. *Iazyk. Chelovek. Kartina mira: lingvoantropologicheskie i filosofskie ocherki (na materiale russkogo iazyka)* [*Language. Man. Worldview: Linguistic, Anthropological, and Philosophical Essays (Based on the Russian Language)*], part 1. Omsk, Omsk State University Publ., 2000, pp. 8–11. (In Russ.)

12 Stepanov, Iu.S. *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury* [*Constants. Dictionary of Russian Culture*]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2004. 992 p. (In Russ.)

13 Uryson, E.V. *Problemy issledovaniia iazykovoi kartiny mira. Analogiia v semantike* [*Issues of Studying the Linguistic Picture of the World. Analogy in Semantics*]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003. 224 p. (In Russ.)

14 Chernova, S.V. Kalinina, L.V. "Interpretatsiia obraza cheloveka kak lingvisticheskaia problema" ["Interpretation of the Image of a Person as a Linguistic Issue"]. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, no. 2, 2010, pp. 8–15. (In Russ.)

15 Chernova, S.V. "Obraz cheloveka: tolkovanie termina, istochniki dlia izucheniia, mnozhestvennost' interpretatsii, lingvisticheskii analiz" ["Image of a Person: Interpretation of the Term, Sources for Study, Multiple Interpretations, Linguistic Analysis"]. *Interpretatsiia obraza cheloveka kak lingvisticheskaia problema: sbornik statei* [*Interpretation of the Human Image as a Linguistic Issue: Collection of Papers*]. Kirov, Vyatka State Humanities University Publ., 2011, pp. 9–24. (In Russ.)

16 Ivanova, V.A. "Noospheric Image of Man: Reality and Perspectives." *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta*, no. 11 (6), 2021, pp. 81–85. (In English)

«ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ» К.Г. ПАУСТОВСКОГО: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

К.Г. Паустовский был в 1950–1980 гг. одним из наиболее известных советских прозаиков. Его книги выходили в Советском Союзе и за рубежом, появлялись посвященные писателю диссертационные исследования, книги и статьи. Паустовского неоднократно выдвигали на Ленинскую и Нобелевскую премии. Его произведения читали как школьники и студенты, так и взрослые. Затем популярность Паустовского несколько снизилась, но не угасла. Изучение наследия Паустовского продолжается, причем для этого есть серьезные предпосылки. Во-первых, произведения писателя подвергались существенной редакторской и цензурной правке, поэтому далеко не все его тексты известны в авторских вариантах. Во-вторых, в последние годы на государственное хранение, прежде всего в московский Музей К.Г. Паустовского, поступили тысячи новых документов. Это письма писателя и адресованная ему корреспонденция (письма и телеграммы), эго-документы, фрагменты произведений, раскрывающие их творческую историю, сделанные Паустовским фотографии. Значительный объем не введенных в научный оборот материалов хранится в РГАЛИ и ГМИРЛИ им. В.И. Даля (ГЛМ). Комплексное изучение этих материалов, их сопоставительный анализ с целью прояснения творческой биографии Паустовского — актуальная научная задача.

В статьях вводятся в научный оборот новые материалы. В частности, исследуются неопубликованные фрагменты повести Паустовского «Книга скитаний (На медленном огне)» — первая глава «Приближение зари» и завершающая половина последней главы — «Собеседник сердца». Также анализируются материалы, связанные с издательской подготовкой собрания сочинений писателя в 8 тт. (1967–1970) и раскрывающие степень участия в ней Паустовского. Проведенное исследование позволяет выявить тексты, в которых отразилась последняя авторская воля автора. Две статьи посвящены писателям, к которым Паустовский относился с особым почтением, — А.С. Пушкину и М.А. Булгакову. Их образы многопланово раскрываются в «Повести о жизни» — главном произведении Паустовского. В одной из статей исследуются и сопоставляются два прижизненных (1964 г.) перевода «Повести о жизни» на английский язык — английский и американский варианты.

Авторы статей выражают признательность директору Музея К.Г. Паустовского А.И. Дормидонтовой и главному хранителю И.С. Пахомовой за возможность знакомства с коллекциями музея и консультации.

М.В. Скороходов, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник ИМЛИ РАН,
руководитель проекта РНФ № 24-28-01479
«Проблемы текстологии К.Г. Паустовского: "Повесть о жизни"»
(URL: https://rscf.ru/project/24-28-01479/).

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-186-206
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. М.В. Скороходов
г. Москва, Россия

ПОСЛЕДНЯЯ АВТОРСКАЯ ВОЛЯ? (РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ВЕРСТКОЙ «ПОВЕСТИ О ЖИЗНИ» К.Г. ПАУСТОВСКОГО 1968 ГОДА)

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-01479 «Проблемы текстологии К.Г. Паустовского: “Повесть о жизни”» (URL: https://rscf.ru/project/24-28-01479/)

Аннотация: В статье на основе неопубликованных воспоминаний редактора В.А. Борисовой (Музей К.Г. Паустовского), материалов издательства «Художественная литература», связанных с подготовкой собрания сочинений писателя в 8 т. (1967–1970) (РГАЛИ), и других источников проясняются обстоятельства авторской и редакторской работы над этим изданием. На конкретных примерах из т. 5 (рассматривается шестая часть «Повести о жизни» — «Книга скитаний») показано, что основной этап авторской работы над собранием завершился подготовкой К.Г. Паустовским расклейки всех произведений, включенных в тома. В ходе этой работы в опубликованные ранее тексты автором вносились исправления, которые оформлялись в виде вклеек машинописного текста. Именно эту расклейку необходимо рассматривать как последнюю авторскую волю писателя. Состояние здоровья не позволяло ему принимать деятельное участие в обсуждении редакторских исправлений, а последние три тома были сданы в набор уже после кончины писателя. Редакторская правка вносилась как в расклейку, так и в верстку. При этом заменялись или дописывались отдельные слова и словосочетания, проводились вычеркивания, перестановка слов. В ряде случаев редактор предлагала изъять схожие описания или характеристики персонажей, которые присутствуют в произведениях Паустовского, созданных в разные годы. Задача текстологов — максимально учесть авторскую волю писателя.

Ключевые слова: К.Г. Паустовский, «Повесть о жизни», текстология, творческая история, источники текста, издательство «Художественная литература».

Информация об авторе: Максим Владимирович Скороходов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6390-5670
E-mail: msk2002@rambler.ru

Дата поступления статьи: 01.01.2025
Дата одобрения рецензентами: 13.09.2025
Дата публикации: 25.09.2025
Для цитирования: *Скороходов М.В.* Последняя авторская воля? (размышления над версткой «Повести о жизни» К.Г. Паустовского 1968 года) // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 186–206.
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-186-206

Один из основных вопросов, который возникает при подготовке научного собрания сочинений писателя, связан с определением тех источников текстов, которые можно рассматривать как его последнюю авторскую волю. Прояснить ситуацию относительно последней авторской воли К.Г. Паустовского помогают документы, большинство которых до настоящего времени не введено в научный оборот. На их анализе и основана данная статья.

В московском Музее К.Г. Паустовского хранится машинопись воспоминаний В.А. Борисовой (Гриньковой) — редактора Собрания сочинений Паустовского в 8 т. (МЛМЦ КГП КП-3072)[1]. Борисова с 1953 г. работала старшим редактором в Гослитиздате (позже — издательство «Художественная литература»). Ее первое сотрудничество с Паустовским — подготовка однотомника «Избранная проза», выпущенного в 1965 г.; один из экземпляров книги снабжен авторским инскриптом: «Валентине Александровне Борисовой с искренней благодарностью за мороку с моими книгами» (МЛМЦ КГП КП-3072. Л. 2).

Мы можем узнать, в чем заключалась эта самая «морока», поскольку сохранились некоторые документы, связанные с указанным изданием. Работа над ним велась в соответствии с договором от 18 августа 1964 г. между Паустовским и Гослитиздатом, от имени которого документ подписал директор Валерий Алексеевич Косолапов (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 12. Ед. хр. 289. Л. 1–1 об.). Началась работа, и 17 сентября 1964 г. Борисова дала «Редакторское заключение на рукопись К. Паустовского "Избранная проза"»[2]. Борисова кратко охарактеризовала состав книги, которую редактировала: в нее «входят повести "Черное море" и "Золотая роза", а также рассказы разных лет, в том числе и написанные в 60-е гг. — "Итальянские записи", "Наедине с осенью", "Третье свидание", "Ильинский омут"», а затем сообщила о проделанной работе: «Тексты именно этих последних рассказов, а также текст повести "Золотая роза" безусловно нуждались во вмешательстве редактора. Был сделан ряд поправок стилевого характера, сокращены длинноты и повторы. В главах повести "Золотая роза", содержащих литературные портреты отдельных писателей, устранены некоторые слишком субъективные их оценки и фактические неточности. Все сколько-нибудь существенные исправления были приняты автором» (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 12. Ед. хр. 289. Л. 2). Анализ дат, стоящих под документами (договором и издательским заключением), показывает, что редакторская работа продолжалась не более месяца. Летом Паустовский находился в Тарусе (оттуда отправлен ряд его писем, в том числе Т.В. Ивановой 9 августа [4, т. 9, с. 444–445]). Вероятно, на даче и началась работа над книгой. 29 августа Паустовский

[1] Приношу искреннюю благодарность директору Музея К.Г. Паустовского А.И. Дормидонтовой и главному хранителю И.С. Пахомовой за возможность работать с архивными документами и ценные советы.

[2] Первый отпуск машинописи с подписью автора хранится в фонде издательства «Художественная литература» в РГАЛИ.

отправил М.А. Келлерману, помогавшему в то время писателю в его издательских делах, небольшое «Предисловие», а также рассказ «Ильинский омут», который завершит книгу, с просьбой перепечатать его на машинке. Паустовский просит также указать годы создания произведений, а для одного — и место создания: «Песчинка. Апрель 1959 г. Ялта. // Уснувший мальчик, 1957 г.» Тогда же появляется авторское название однотомника — «Избранная проза». Место отправки письма не установлено, однако заданный в нем вопрос: «Что нового в Москве?» — свидетельствует о том, что Паустовский в тот момент, скорее всего, еще находился в Тарусе. В этом же письме писатель сообщает о планируемой поездке в Англию [4, т. 9, с. 445]. Следующее включенное в том эпистолярного наследия письмо, Л.А. Левицкому, отправлено 8 сентября из Лондона, в нем сообщается об уже состоявшихся поездках в Оксфорд и Стратфорд. Из Лондона отправлено 9 октября и письмо С.М. Алянскому. Таким образом, большую часть того времени, которое Борисова затратила на работу с рукописью, Паустовский провел за пределами СССР, а до этого путешествия жил в Тарусе. Возможностей для продолжительной работы с редактором и обсуждения вносимой правки у писателя было немного.

Борисова отметила в воспоминаниях о редакторской работе с томом «Избранной прозы», что в многократно издававшейся повести «Черное море» и в рассказах она делала «отдельные замечания преимущественно стилистического характера», тогда как в созданной позже «Золотой розе» «приходилось обращать внимание на некоторые фактические неточности, спорные суждения по поводу тех или иных реальных личностей, упоминаемых в повести. Так, скажем, о двух полотнах Нестерова, единых по духу, но далеких друг от друга по времени создания, по масштабам замысла и исполнения: “Святая Русь” (1908) и “На Руси. Душа народа” (1914), говорилось как об одной картине; странными (именно для Паустовского) представлялись мне некоторые его мысли об Александре Блоке; какие-то существенные детали необходимо было поправить в главке о Г.Х. Андерсене… Всего мне сейчас, понятно, не припомнить, скажу лишь, что практически все замечания такого рода, как правило, принимались автором» (МЛМЦ КГП КП-3072. Л. 2–3).

Как видим, правка в ряде случаев была весьма и весьма существенной. Как отметил редактор и в официальном заключении, и в воспоминаниях, Паустовский ее в основном принял. Однако детальная характеристика предложенной правки и информация о том, что же не было принято Паустовским, отсутствует. В финальной части своего заключения Борисова констатирует: «В настоящем ее виде рукопись может быть сдана в набор» (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 12. Ед. хр. 289. Л. 2). Дата сдачи в набор, указанная в вышедшей книге, — 16 ноября 1964 г.

Напомним, что «Золотая роза», до того как попала на редактуру к Борисовой, печаталась и ранее — в №9 и 10 журнала «Октябрь» за 1955 г., в следующем году вышла отдельной книгой в издательстве «Советский писатель», а позже была включена в выпущенный в 1957 г. 2 том Собрания сочинений писателя в 6 т. Отдельные главы «Золотой розы» были опубликованы в «Тарусских страницах», «Литературной газете» и журнале «Москва». Таким образом, до Борисовой произведение неоднократно проходило через руки редакторов. Приведенный пример свидетельствует о том, что Борисова вносила в текст Паустовского весьма значительную правку. Такую практику она продолжила и при работе с собранием сочинений писателя в 8 т.

В воспоминаниях Борисова подтверждает, что если подготовка «Избранной прозы» велась в непосредственном общении с Паустовским, то при работе с 8-том-

ником «в пору сильного ухудшения здоровья писателя» сложилась кардинально иная ситуация: работа «велась "по переписке", если дело касалось "кардинальных вопросов" <…>, и с разрешения автора, на мой собственный "страх и риск" в случаях "мелкой правки" (а ее было немало)» (МЛМЦ КГП КП-3072. Л. 3).

Работа над 8-томным собранием активно велась с 1965 г. 29 июня 1965 г. Паустовский отправил из Москвы с письмом директору издательства В.А. Косолапову расклейку первых трех томов этого собрания (на лист бумаги наклеивались страницы из выпущенной ранее книги) и обещал отправить «на днях» расклейку оставшихся пяти томов (МЛМЦ КГП КП-3187-78. Л. 24). Судя по всему, именно эта авторская расклейка сохранилась в фонде издательства «Художественная литература» в РГАЛИ. Спустя почти 9 месяцев, 21 марта 1966 г., Паустовский обратился из Ялты в редакцию русской советской литературы этого издательства с письмом, где указал, что собрание «строится по хронологическому принципу», но не надо педантично проводить этот принцип, и привел в качестве примера «Повесть о жизни», работа над которой велась уже 20 лет. А в заключение просьба: «Мне хотелось бы, чтобы комментарии к восьмитомному собранию сделал Лев Абельевич Левицкий» (МЛМЦ КГП КП-3187-78. Л. 25). Просьба Паустовского не была исполнена — комментарии в этой книге отсутствуют; «…по общему мнению редакции и Главной редакции, — сообщала Борисова Паустовскому в июне 1966 г., — особой необходимости в них нет, тем более, что вступительную статью пишете Вы сами» [5, с. 9][3].

В том же письме Борисова прислала Паустовскому предложения по корректировке состава как отдельных томов, так и собрания в целом — она предлагала включить в издание ряд произведений, которых не было в подготовленном писателем проспекте, а что-то изъять. Отправив с письмом свой вариант проспекта, Борисова торопила Паустовского:

> Если можно, ответьте мне побыстрее. Собственно, просто верните мне проспект с Вашей подписью, если он покажется Вам приемлемым в целом. Понятно, Вы можете внести в него какие-то изменения и поправки. После Вашей подписи проспект будет утвержден на Главной редакции, и я сразу же смогу приняться за работу над первым томом. Думаю сдавать его в набор уже в августе [5, с. 9].

В выходных данных первого тома зафиксирована сдача в набор — 3 ноября 1966 г., подписано в печать 27 февраля 1967 г.

В письме из Ялты от 25 июня 1966 г. Паустовский пишет Борисовой о проспекте собрания: «получил, изучил и принял, о чем я на проспекте сделал соответствующую надпись» [4, т. 9, с. 461]. Однако у писателя были предложения по корректировке как структуры, так и содержания издания. Паустовский просил добавить в раздел очерков «Виллу Боргезе», взяв текст произведения из газеты «Известия»[4]; соглашался снять «Музыку Верди», «Приморские встречи», «Соль земли», а также «Некролог о Горьком, заметку об Алексее Толстом, Киплинге и Ван Гоге» [4, т. 9, с. 461]. И просил: «Что же касается "Лаврового венка" (о Цветаевой) и заметки о Пастернаке, то — я заклинаю

[3] Материал помещен в рубрике «В мастерской редактора», а в не подписанной редакционной врезке отмечено, что публикуемая переписка Паустовского с Борисовой «пусть в очень небольшой степени» дает «представление о творческой лаборатории редактора и характере его работы с автором» [5, с. 8].

[4] Произведение было опубликовано в газете 28 мая 1966 г. (№ 125, с. 6; с пометой: «Ялта, май, 1966 г.».

Вас — боритесь за них до последней возможности. Когда наконец люди поймут, что оба эти поэта — это наша национальная гордость» [4, т. 9, с. 461]. Просьбы его были учтены.

Паустовский 29 июля 1966 г., приехав из Крыма в Москву, отправил Борисовой предисловие к собранию и пообещал до предстоящего скорого отъезда в Тарусу прислать для этого издания фотографии [5, с. 10].

Свои предложения по поводу правки второго тома Борисова прислала писателю 4 ноября 1966 г., и уже через 12 дней Паустовский подписал титульный лист, сделав помету: «Ялта. 16 ноября 66 года» [5, с. 11].

В конце 1966 – начале 1967 г. шла активная работа над третьим томом собрания. Редактор предлагала автору правку, в ряде случаев весьма объемную. Это было связано со стремлением Борисовой избавить издание от тематических и лексических повторов. Вот характерный пример, зафиксированный в ее письме от 28 декабря 1966 г.:

> …в «Повести о лесах» и «Героическом юго-востоке» есть отдельные места, которые надо поправить, на что мне, понятно, требуется Ваше разрешение. Я не говорю, конечно, о каких-то стилистических правках (мне кажется, что тут Вы мне уже вполне доверяете), а о вещах, имеющих для текста произведений принципиальное значение [5, с. 11].

Борисова писала Паустовскому, что в «Повести о лесах» «говорится о пребывании Анфисы (уже артистки) в начале войны в бригаде актеров, работавших на Балтийском флоте, в частности, на острове Даго. Но, Константин Георгиевич, эти страницы почти дословно повторяют описание деятельности героини романа “Дым отечества” в тот же период времени и на том же острове Даго. Поскольку “Дым отечества” уже прошел у нас во втором томе нового Собрания сочинений, то указанные страницы “Повести о лесах” <речь идет о страницах 438–440 “прежнего шеститомника”. — *М.С.*>, естественно, придется снять. Сделать это и перекинуть новый логический “мостик” к последующему повествованию очень просто. Собственно, в карандаше у меня это уже готово, и, если у Вас не будет серьезных возражений, мы и оставим мой вариант» [5, с. 11]. Предлагалось полностью снять большой фрагмент текста на страницах 438–440, «заменив его одной общей фразой примерно такого характера (конечно, Вы можете “отредактировать” ее, как Вам покажется нужным)» [5, с. 11]. И далее предлагается текст на замену.

Также Борисова написала автору о «Героическом юго-востоке» — втором варианте повести «Рождение моря», в котором Паустовский допустил, по ее мнению, «кое-какие логические просчеты» [5, с. 11]. Девушка Леля, увидев у соседей куст цветов ипомеи, вспоминает, что точно такие же цветы были подарены ей ранее:

> Подарил их Леле тот же моряк, что в момент посещения Лели соседей находился у них в гостях. Но и имя этого моряка — штурман Хмара — и сцена с присланным им Леле букетом присутствовали у Вас лишь в первом варианте повести — «Рождение моря» — и сняты во втором — «Героическом юго-востоке». Поэтому слова Лели о букете здесь никак не оправданы и попросту непонятны. Да и сам Хмара, встреть он вторично так пленившую его в поезде девушку, вряд ли повел бы себя столь спокойно и безразлично, как это происходит в «Героическом юго-востоке» [5, с. 11].

Борисова просит внести предлагаемую ею правку и далее пишет: «Кроме этого, в сущности, очень небольшого исправления, я попросила бы Вас вернуть из первого варианта повести тот кусочек текста, где говорится о родных и близких Лели и ее матери» [5, с. 11].

На все эти предложения Паустовский отвечает письмом, адресованным не лично Борисовой, а в Гослитиздат. 13 января 1967 г. он сообщает из Ялты: «Я получил соображения редактора т. Борисовой по третьему тому моего Собрания сочинений и у меня нет никаких возражений против них. Об этом я уже сообщил по телефону в издательство». И ниже приписка: «Тов. Борисова, — я болен и потому так плохо пишу. Простите» [5, с. 12]. Болезненное состояние Паустовского в последние годы его жизни констатировала во врезке и редакция журнала «В мире книг», отметив: «издание восьмитомного собрания сочинений К.Г. Паустовского осуществлялось незадолго до его смерти, в период тяжелой болезни писателя, когда возможность непосредственного общения с ним практически исключалась. Эти обстоятельства обусловили как необходимость больших и подробных писем к нему редактора, так и краткость ответов К.Г. Паустовского» [5, с. 8].

Более поздние свидетельства переписки Паустовского с Борисовой или с издательством не выявлены. Можно было бы предположить, что в период болезни писателя редактор общалась с его родными. Однако это не так — в воспоминаниях Борисова отмечает: «С женой и падчерицей Паустовского знакомство было чисто "шапочное", к тому же впечатление от двух-трех коротких встреч с Татьяной Алексеевной у меня осталось не самое лучшее» (МЛМЦ КГП КП-3072. Л. 6). Сейчас мы не будем останавливаться на вопросе о причинах такого настороженного отношения родных Паустовского к редактору. Вероятно, оно связано, прежде всего, с активным вмешательством Борисовой в авторский текст. Но в данном случае для нас важно другое — согласования редакторской правки через родных писателя не было. Контактов непосредственно с писателем в период его болезни — тоже. Следовательно, правка вносилась редактором без необходимых согласований.

Рубежным на основе упомянутого выше январского (1967 г.) письма Паустовского в Гослитиздат можно было бы считать третий том, однако в выходных данных указано значительно более позднее время его подготовки — том был сдан в набор только 28 апреля 1967 г., а подписан в печать — 29 июня.

О том, насколько сложной для писателя была работа с редакторами, свидетельствуют материалы, связанные с публикацией шестой части «Повести о жизни» в октябрьском и ноябрьском номерах журнала «Новый мир» за 1963 г. Писатель часто пытался «спасти» предлагаемый к сокращению текст. При работе с томами восьмитомника такой возможности в силу объективных причин у него не было.

Отметим, что нельзя полностью доверять воспоминаниям Борисовой. Так, она пишет: «…титульный лист последнего, восьмого тома был подписан в набор неверной рукой тяжело больного человека; том вышел уже после его смерти» (МЛМЦ КГП КП-3072. Л. 4). Однако в выходных данных тома содержится иная информация: он сдан в набор 27 февраля 1970 г., а подписан к печати и вовсе 20 мая того же года. После смерти писателя прошло почти два года. Борисова в своих воспоминаниях, датированных августом 1991 г. и переданных ей в фонды Музея К.Г. Паустовского, стремилась показать, что писатель якобы согласился с предложенной ей правкой и собственноручно подписал в печать даже последний том.

Приведем примеры правки, внесенной в текст шестой части «Повести о жизни» в процессе редакторской работы.

Выше уже цитировалось письмо Паустовского В.А. Косолапову от 29 июня 1965 г., в котором говорилось о расклейке, которой занимался в то время писатель. В фондах издательства «Художественная литература» в РГАЛИ сохранились как эта

расклейка с исправлениями, внесенными представителями издательства (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832), так и подготовленная для контрольной вычитки верстка (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2833).

Анализ прижизненных публикаций «Книги скитаний» показывает, что для расклейки автор использовал отдельное издание этого произведения, выпущенное издательством «Советская Россия» в 1964 г. [2]. В выполненной автором расклейке красным карандашом пронумерованы все листы, нумерация начинается с номера 438 (в т. 5, куда вошли четвертая, пятая и шестая книги «Повести о жизни», применяется сквозная нумерация). Страницы книги наклеены на белую пожелтевшую бумагу. Хорошо различимы разметка и подсчет авторских листов, выполненные техническим редактором Л. Заселяевой. На некоторых листах — не книжные страницы целиком, а их фрагменты, между которыми вклеены полосы бумаги с отдельными строками или абзацами, напечатанные на машинке (первый отпуск), либо белая пожелтевшая бумага с крупным знаком Z (это обозначает изъятие текста, которому нет замены). Правка редактора обозначена выносными знаками и выполнена синей ручкой. В ряде случаев присутствуют пометы и вопросительные знаки на полях, выполненные красной ручкой и синим карандашом. Они связаны с обсуждением ряда моментов, вызвавших вопросы. Например, «— Сиди, никто тебя не тронет. Ни светская власть, ни церковная…» (глава «Полевая тишина» — РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832. Л. 26). Вопрос вызвало употребление слова — светская или советская (в изданном томе сохранен авторский текст — *светская*[5]). Корректор работал зеленой ручкой и вносил корректорскую правку, занимаясь вопросами пунктуации, использования прописных и строчных букв (например, в главе «Последняя встреча» в слове *Библии* первая буква заменена им со строчной на прописную — РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832. Л. 6; в вышедшем томе слово написано с прописной буквы). На листах внизу — подпись корректора зеленой ручкой: *МД* — М. Доценко.

Рассмотрим, какие исправления и в каком объеме были внесены в текст «Книги скитаний».

[5] Здесь и далее выделения курсивом принадлежат автору статьи.

Я считал это ошибкой потому, что нельзя отрывать поэта от его жизненосных корней, от сложного соединения простых и милых для него явлений. Из них неведомыми путями рождалась поэзия. Вернее, рождался подтекст его поэзии — тот вначале неуловимый слухом ультразвук, который рано или поздно пробивал оболочку немоты, и появлялся рядом с нами — печальный, радостный, торжественный.

Я бывал у Багрицкого в Кунцеве и все время чувствовал досаду и стеснение. Как большая нахохленная птица, он сидел все так же на тахте, поджав по-турецки ноги, как сидел в моем сыром подвале в Обыденском переулке.

Сидел и все шутил, все смеялся, хотя в глазах его временами появлялась пристальная тоска по степным шляхам, уходящим в туманные закаты, по веселому бегу наперегонки бесчисленных волн у пляжей, по мельканию солнца в виноградной листве и по обильно политым ранним утром одесским улицам.

И, конечно, по утреннему свисту птиц, гнездившихся в обрывах морского берега под корнями тамариска и акации.

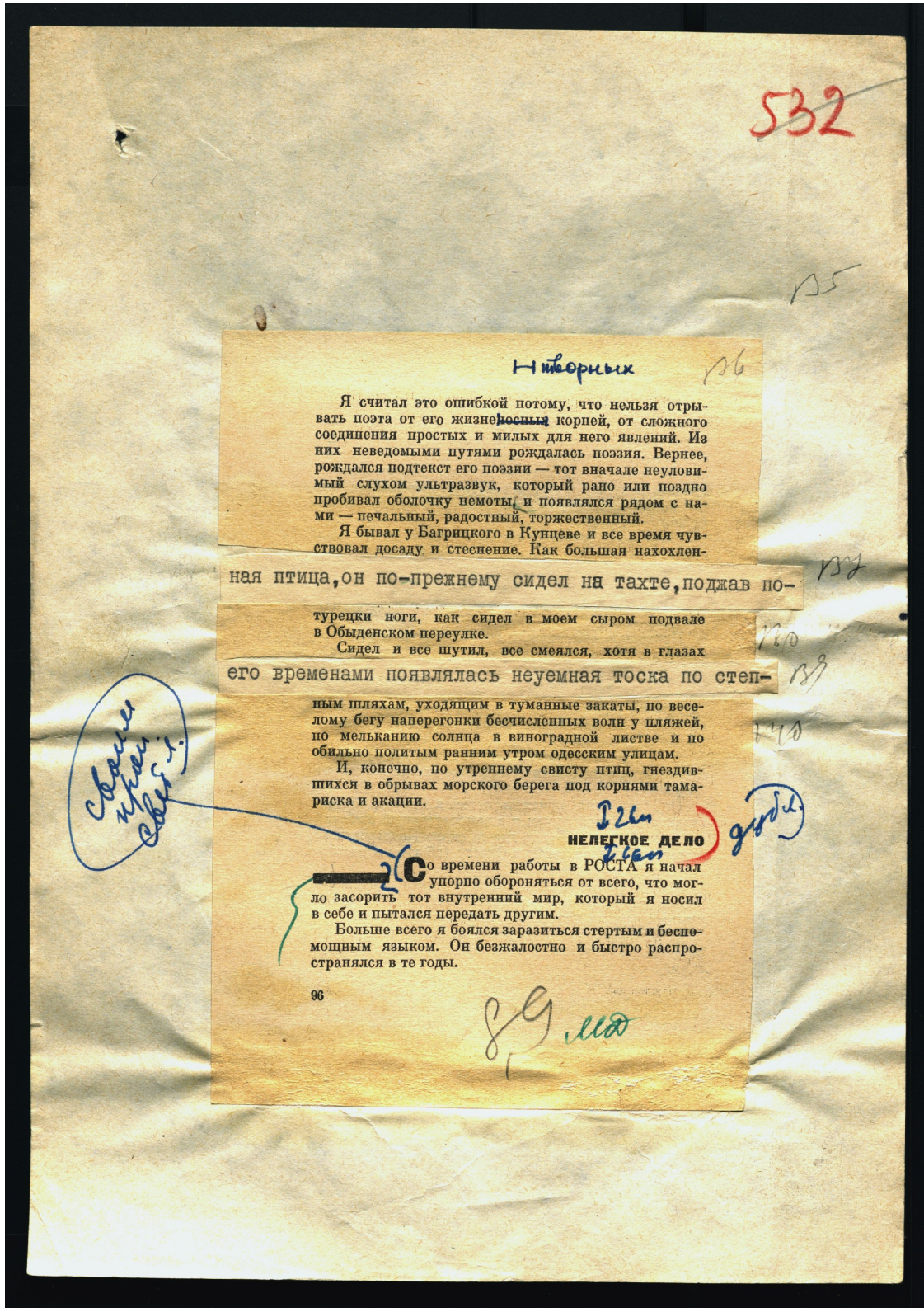
НЕЛЕГКОЕ ДЕЛО

Со времени работы в РОСТА я начал упорно обороняться от всего, что могло засорить тот внутренний мир, который я носил в себе и пытался передать другим.

Больше всего я боялся заразиться стертым и беспомощным языком. Он безжалостно и быстро распространялся в те годы.

96

Рисунок 1 — Страница книги К.Г. Паустовского «Книга скитаний» (М.: Сов. Россия, 1964)
Figure 1 — The Page of K.G. Paustovsky's Book "The Book of Wanderings" (Moscow, Soviet Russia Publ., 1964)

Я считал это ошибкой потому, что нельзя отрывать поэта от его жизненных корней, от сложного соединения простых и милых для него явлений. Из них неведомыми путями рождалась поэзия. Вернее, рождался подтекст его поэзии — тот вначале неуловимый слухом ультразвук, который рано или поздно пробивал оболочку немоты, и появлялся рядом с нами — печальный, радостный, торжественный.

Я бывал у Багрицкого в Кунцеве и все время чувствовал досаду и стеснение. Как большая нахохленная птица, он по-прежнему сидел на тахте, поджав по-турецки ноги, как сидел в моем сыром подвале в Обыденском переулке.

Сидел и все шутил, все смеялся, хотя в глазах его временами появлялась неуемная тоска по степным шляхам, уходящим в туманные закаты, по веселому бегу наперегонки бесчисленных волн у пляжей, по мельканию солнца в виноградной листве и по обильно политым ранним утром одесским улицам.

И, конечно, по утреннему свисту птиц, гнездившихся в обрывах морского берега под корнями тамариска и акации.

НЕЛЕГКОЕ ДЕЛО

Со времени работы в РОСТА я начал упорно обороняться от всего, что могло засорить тот внутренний мир, который я носил в себе и пытался передать другим.

Больше всего я боялся заразиться стертым и беспомощным языком. Он безжалостно и быстро распространялся в те годы.

96

Рисунок 2 — Страница выполненной К.Г. Паустовским расклейки для его 8-томного собрания сочинений
(РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832. Л. 135–140)
Figure 2 — The Page of K.G. Paustovsky's Pasting for his Collected Works in 8 vols.
(RGALI. F. 613. Op. 10. Ed. khr. 2832. L. 135–140)

На приведенных иллюстрациях видно, что Паустовский при работе с главой «Птицелов» внес изменения в портрет Э.Г. Багрицкого. В издании 1964 г.:

> Я бывал у Багрицкого в Кунцеве и все время чувствовал досаду и стеснение. Как большая нахохленная птица, он сидел все так же на тахте, поджав по-турецки ноги, как сидел в моем сыром подвале в Обыденском переулке.
>
> Сидел и все шутил, все смеялся, хотя в глазах его временами появлялась пристальная тоска по степным шляхам, уходящим в закатные туманы <…> [2, с. 96].

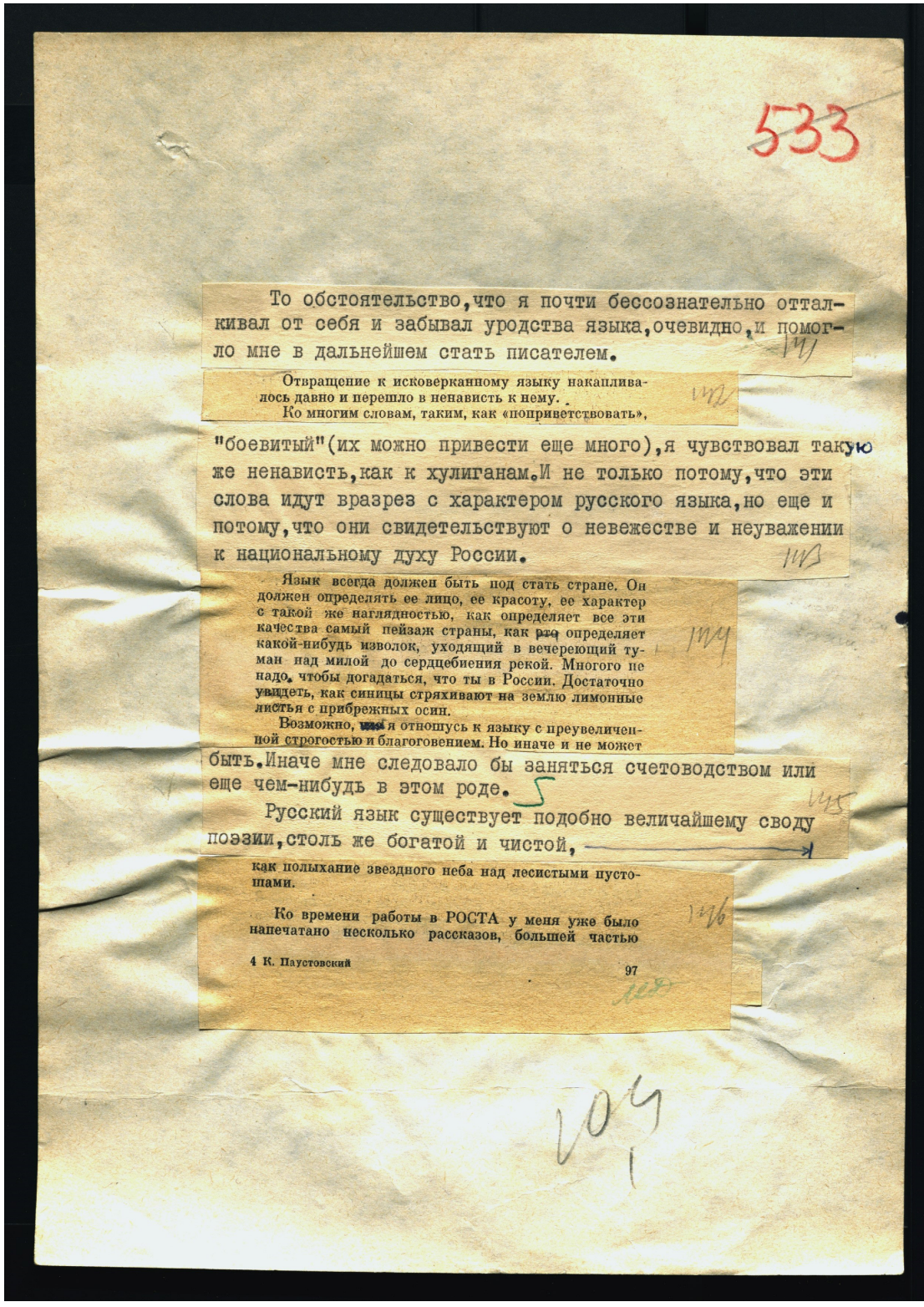
Вариант 1965 г.:

> <…> Как большая нахохленная птица, он *по-прежнему сидел* на тахте, поджав по-турецки ноги <…>
>
> Сидел и все шутил, все смеялся, хотя в глазах его временами появлялась *неуемная* тоска по степным шляхам, уходящим в закатные туманы <…> (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832. Л. 135–140).

Оба этих авторских исправления вошли в текст 5 т. 8-томника [3, с. 469], а в 5 т. 9-томника — издания, которое принято цитировать в научных публикациях как наиболее полное, — только вторая правка (*неуемная* тоска) [4, т. 5, с. 462].

Более объемная правка была внесена автором при расклейке в главу «Нелегкое дело» и касалась краткой, но при этой емкой и яркой характеристики русского языка. Вариант 1964 г.:

> То обстоятельство, что я почти бессознательно забывал уродства языка, очевидно, и дало мне в дальнейшем возможность стать в какой-то мере писателем.
>
> Отвращение к исковерканному языку накапливалось давно и перешло в ненависть к нему.
>
> Ко многим словам, таким, как «поприветствовать», «боевитый» (их можно привести много), я чувствовал такую же ненависть, как к хулиганам. И не только потому, что они идут вразрез с характером русского языка, но еще и потому, что в них выражалось невежество и отсутствие национальных качеств.
>
> Язык всегда должен быть под стать стране. Он должен определять ее лицо, ее красоту, ее характер с такой же наглядностью, как определяет все эти качества самый пейзаж страны, как это определяет какой-нибудь изволок, уходящий в вечереющий туман над милой до сердцебиения рекой. Многого не надо, чтобы догадаться, что ты в России. Достаточно увидеть, как синицы стряхивают на землю лимонные листья с прибрежных осин.
>
> Возможно, что я отношусь к языку с преувеличенной строгостью и благоговением. Но иначе и не может быть. Иначе следовало бы заняться счетоводством или еще чем-нибудь в этом роде.
>
> Русский язык существует подобно своду величайшей поэзии, столь же неожиданно богатой и чистой, как полыхание звездного неба над лесистыми пустошами [2, с. 97].

533

То обстоятельство,что я почти бессознательно отталкивал от себя и забывал уродства языка,очевидно,и помогло мне в дальнейшем стать писателем.

Отвращение к исковерканному языку накапливалось давно и перешло в ненависть к нему.
Ко многим словам, таким, как «поприветствовать», "боевитый"(их можно привести еще много),я чувствовал такую же ненависть,как к хулиганам.И не только потому,что эти слова идут вразрез с характером русского языка,но еще и потому,что они свидетельствуют о невежестве и неуважении к национальному духу России.

Язык всегда должен быть под стать стране. Он должен определять ее лицо, ее красоту, ее характер с такой же наглядностью, как определяет все эти качества самый пейзаж страны, как ~~это~~ определяет какой-нибудь изволок, уходящий в вечереющий туман над милой до сердцебиения рекой. Многого не надо, чтобы догадаться, что ты в России. Достаточно увидеть, как синицы стряхивают на землю лимонные листья с прибрежных осин.
Возможно, ~~что~~ я отношусь к языку с преувеличенной строгостью и благоговением. Но иначе и не может быть.Иначе мне следовало бы заняться счетоводством или еще чем-нибудь в этом роде.

Русский язык существует подобно величайшему своду поэзии,столь же богатой и чистой,

как полыхание звездного неба над лесистыми пустошами.

Ко времени работы в РОСТА у меня уже было напечатано несколько рассказов, большей частью

4 К. Паустовский 97

104

Рисунок 3 — Страница выполненной К.Г. Паустовским расклейки для его восьмитомного собрания сочинений
(РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832. Л. 141–146)
Figure 3 — The Page of the Pasting by K.G. Paustovsky for his Collected Works in 8 vols.
(RGALI. F. 613. Op. 10. Ed. khr. 2832. L. 141–146)

Вариант 1965 г.:

То обстоятельство, что я почти бессознательно *отталкивал от себя и* забывал уродства языка, очевидно, *и помогло мне в дальнейшем стать писателем*. <…> Ко многим словам, таким, как «поприветствовать», «боевитый» (их можно привести *еще* много), я чувствовал такую же ненависть, как к хулиганам. И не только потому, что *эти слова* идут вразрез с характером русского языка, но еще и потому, что они *свидетельствуют о невежестве и неуважении к национальному духу России*. <…> Возможно, я отношусь к языку с преувеличенной строгостью и благоговением. Но иначе и не может быть. Иначе *мне* следовало бы заняться счетоводством или еще чем-нибудь в этом роде.

Русский язык существует подобно *величайшему своду* поэзии, столь *же богатой* и чистой, как полыхание звездного неба над лесистыми пустошами[6]. (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832. Л. 141–146).

В 9-томнике большая часть этой правки не учтена.

Значительной правке подверглась глава «Девонский известняк». Исправления вносились автором в эпизоды, касающиеся вдовы земского врача Шацкого и ее детей — дочери и сына-геолога. Также здесь снят большой фрагмент текста: «На второй день моего приезда в доме выставили рамы. Сырой разогретый сад дохнул в комнаты слабым запахом ванили, напоминая, что приближается пасха.

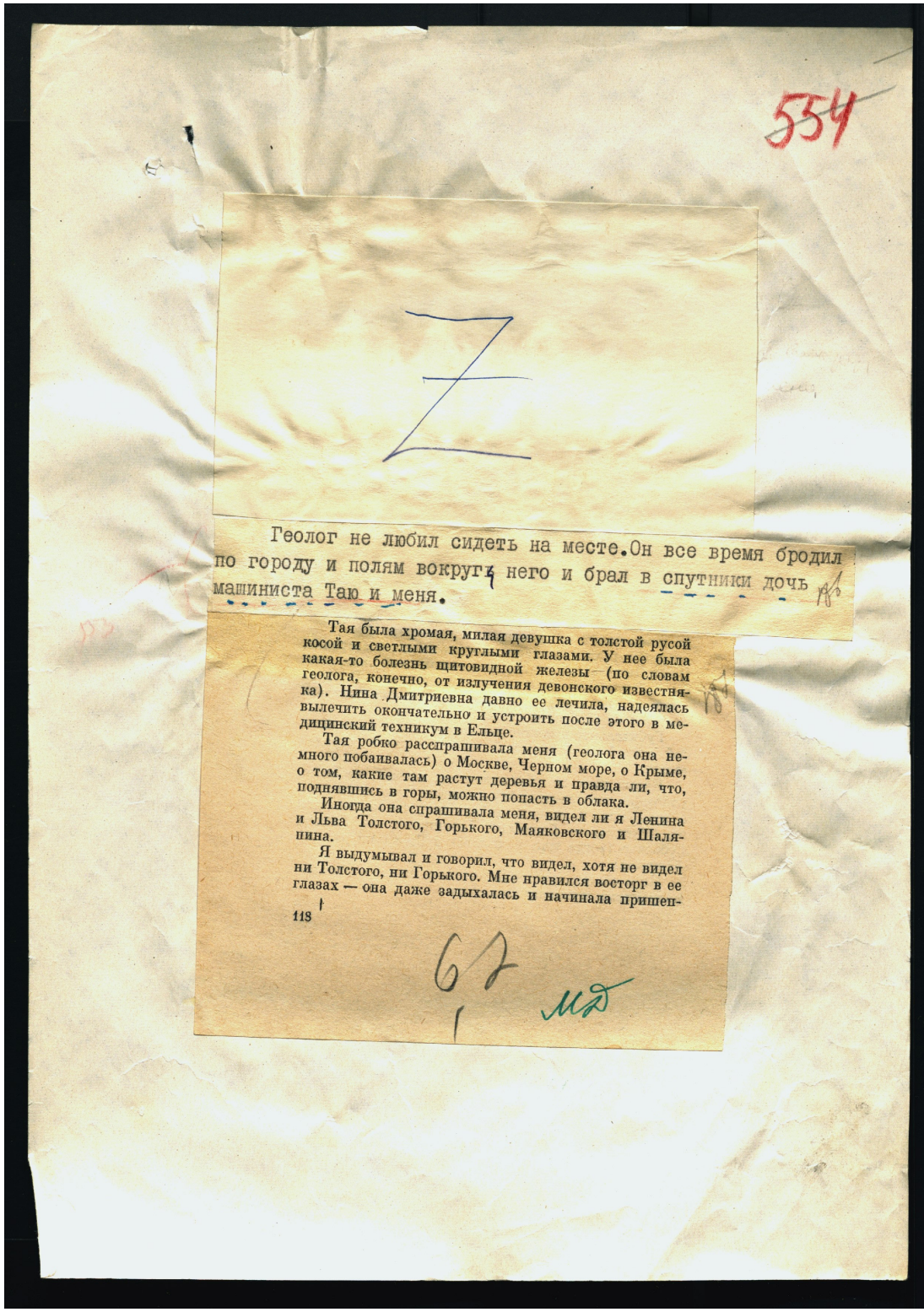
На подоконниках обывательских домишек зеленой сочной щеткой прорастал в плошках овес.

Старухи плелись на кладбище с поминальными веночками из крашеных стружек — цветов еще не было, они не распустились.

Цветы и венки из стружек делали очень искусно (особенно большие лоснящиеся розы) ливонские мастерицы. Они даже славились этим на всю округу. Красили стружки анилином, — ярко и неприятно.

Каждый день геолог гулял за городом с Таей и со мной» [2, с. 118].

[6] Также в четвертом абзаце вычеркнуто слово *это*: «как определяет какой-нибудь изволок».

554

Геолог не любил сидеть на месте. Он все время бродил по городу и полям вокруг него и брал в спутники дочь машиниста Таю и меня.

Тая была хромая, милая девушка с толстой русой косой и светлыми круглыми глазами. У нее была какая-то болезнь щитовидной железы (по словам геолога, конечно, от излучения девонского известняка). Нина Дмитриевна давно ее лечила, надеялась вылечить окончательно и устроить после этого в медицинский техникум в Ельце.

Тая робко расспрашивала меня (геолога она немного побаивалась) о Москве, Черном море, о Крыме, о том, какие там растут деревья и правда ли, что, поднявшись в горы, можно попасть в облака.

Иногда она спрашивала меня, видел ли я Ленина и Льва Толстого, Горького, Маяковского и Шаляпина.

Я выдумывал и говорил, что видел, хотя не видел ни Толстого, ни Горького. Мне нравился восторг в ее глазах — она даже задыхалась и начинала припеп-

118

Рисунок 4 — Страница выполненной К.Г. Паустовским расклейки для его 8-томного собрания сочинений
(РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832. Л. 186–187)
Figure 4 — The Page of the Pasting by K.G. Paustovsky for his Collected Works in 8 vols.
(RGALI. F. 613. Op. 10. Ed. khr. 2832. L. 186–187)

Вместо этого фрагмента вставлен абзац: «Геолог не любил сидеть на месте. Он все время бродил по городу и полям вокруг него и брал в спутники дочь машиниста Таю и меня». Затем в расклейке идет текст из издания 1964 г., в котором дается характеристика Таи как вновь вводимого персонажа: «Тая была хромая, милая девушка с толстой русой косой и светлыми круглыми глазами. <…>» (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832. Л. 186–187).

На предыдущей полосе синей ручкой редактора вычеркнут абзац: «Тая только вскрикивала и с испугом взглядывала на меня, боясь, что я могу этому поверить» (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832. Л. 185). Данное изъятие согласуется с правкой, внесенной Паустовским, — снимается имя девушки до ее упоминания как дочери машиниста. В 9-томнике эта правка не учтена.

В главе «Старинная карта (Некоторое отступление от темы)» Паустовский вырезал небольшой по объему абзац, в котором говорится о городе Арль на юге Франции: «Потом был Арль. В жизни есть явления, которые больше подходят для сновидений, чем для реальности» [2, с. 155]. Во вклеенной распечатке: «Потом был Арль. В жизни есть явления, которые больше *походят на сновидения, чем на реальность*» (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832. Л. 245–248). Далее в главе заходит речь об арльской гостинице, где повествователю отвели комнату, в которой останавливался когда-то французский поэт Фредерик Мистраль, о чем информировала медная табличка на двери. Паустовский корректирует описание той неловкости, которую испытывает повествователь, оказавшись в помещении, где проводил время известный француз: «…Мистраль не может понять, что мне от него нужно, почему я попал в эту комнату, кто я такой и о чем, собственно, ему следует со мной разговаривать» [2, с. 156]. Вариант 1964 г.:

> Это состояние мучило меня всю ночь сквозь непрочный сон, должно быть, потому, что за стенами задувал с недалеких Альп тезка поэта — *настоящий* бешеный и невежливый ветер мистраль. А он, как известно, путает человеческие мысли, раздражает людей и заставляет их делать несообразности [2, с. 156].

Вариант 1965 г.:

> …тезка поэта — бешеный и невежливый ветер мистраль. А он, как известно, путает человеческие мысли, раздражает людей и заставляет их делать *всякие* несообразности (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832. Л. 249–251).

Авторская правка была внесена также в главу «История с географией» — при характеристике событий, происходивших в Ливнах: «Сначала я поселился на окраине городка, снял комнату в большом деревянном доме. Весь дом от ходьбы шатался и скрипел и с минуты на минуту *грозил* обвалиться. Кроме того, в нем происходили разные печальные события (о них я писал в "Золотой розе"). Поэтому Нина Дмитриевна *опять* перетащила меня к себе», — вставлено слово *опять*, а *мог обвалиться* изменено на: *грозил обвалиться* (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832. Л. 306).

В главе «Пушечный завод» снято сравнение оленей с кроликами:

> Я видел огромный рыболовный флот и северные горы около озера Имандра, видел оленей, у которых было нечто общее с кроликами, так как и тех и других трудно считать настоящими, полноценными животными, настолько они казались мне слабосильными.
>
> Я видел кромку серого океана, остров Кильдин и свинцовое небо, разглаженное непрерывными ветрами [2, с. 199].

В расклейке часть приведенных типографских строк заменена машинописной вставкой; итоговый вариант:

> Я видел огромный рыболовный флот и северные горы около озера Имандра, видел оленей, видел кромку серого океана, остров Кильдин и свинцовое небо, разглаженное непрерывными ветрами (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832. Л. 312–314а).

В 9-томном издании дан вариант 1964 г. [4, т. 5, с. 532].

Как видим, Паустовский, занимаясь расклейкой, продолжал работать над текстом «Книги скитаний», как внося правку, касающуюся развития сюжетных линий, так и стремясь к более ярким и точным описаниям и характеристикам. В ряде случаев (как в примере с Таей) редакторскую правку можно считать увязанной с правкой, вносимой автором, но не завершенной им.

Однако была и не согласованная редакторская правка. Так, в главе «“Не выйдет”» присутствуют подчеркивания красным карандашом (необходимость обсуждения обозначена галочкой того же цвета на полях) — в тексте «…я вынужден был сидеть в Москве и ежедневно вариться в вязкой скуке телеграфного агентства РОСТА» (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832. Л. 230). Затем слова «телеграфного агентства» и галочка вычеркнуты синей ручкой. Данная правка связана с тем, что аббревиатура РОСТА уже использовалась выше, причем было указано, что это название телеграфного агентства [2, с. 74]. Таким образом, снят повтор информации.

В главе «Старинная карта (Некоторое отступление от темы)» синей ручкой вставлено слово:

> Я выбирал эти места около высохших колодцев или старых могильников, потерявших сейчас всякое подобие надгробных памятников и ставших *просто* грудой камней (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832. Л. 230).

В этой же главе исправлены последние слова в одном из предложений: «О крупных купюрах — нарядных трескучих ассигнациях из тонкой бумаги с романтическим портретом молодого Бонапарта на Аркольском мосту — осталась только приятная память» [2, с. 151]; заменено на: *осталось только приятное воспоминание* (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832. Л. 238–239). В 9-томнике — вариант с опиской: «…осталось только приятная память» [4, т. 5, с. 500]. Правка в этой же главе той же синей ручкой: «Быстрая Рона струилась за окнами кафе с милым названием “Все идет прекрасно”» [2, с. 154], — *милым* исправлено на *чудесным* (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832. Л. 243–244). В 9-томнике — вариант Паустовского. И еще пример из той же главы. Здесь редактором вставлены два слова:

> И вот в Арле, на бульваре Де-Лисс, в вечернем пустом кафе нас *лишний раз* убедил в красоте нашего языка кельнер — «гарсон» средних лет — типичный арлезианец с насмешливыми глазами (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832. Л. 255–256).

В 9-томнике — вариант Паустовского. Слова вставлены редактором и в текст главы «Обертка от голландского сыра»: «Бесконечные леса, озера, извилистые реки, едва намеченные пунктиром заросшие дороги, пустоши, деревушки, лесные кордоны и даже постоялые дворы — все, о чем я *так часто* мечтал в своей жизни, было собрано здесь» (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832. Л. 268–269).

В главе «Пламенная Колхида» синей редакторской ручкой вычеркнут целый абзац, отсылающий читателей к другому, более раннему произведению Паустовского:

> Тех читателей, которые хотят составить себе более ясное представление о Поти, я мог бы отослать к своей книге «Колхида», если бы сам не понимал, что в книге этой Поти изображен несколько приукрашенным. Таким я увидел этот город, и тут уж я ничего не могу поделать. Я не могу изменить свою способность видеть» (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832. Л. 344).

В 9-томнике этот текст имеется.

Приведенные примеры показывают, что в основном правка, вносимая в расклейку, была *мелкой*, что, по мнению редактора, не требовало согласования с автором. В ряде случаев прослеживается стремление редактора «улучшить» текст, сделать его более правильным. При подготовке научного издания «Повести о жизни» Паустовского вся неавторизованная редакторская правка должна быть внимательно проанализирована и снята, т. е. заменена вариантом самого писателя. Сохраняться может только правка, связанная с унификацией или уточнением написания фамилий (например, замена фамилии *Шкварин* на Шкваркин[7] — РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2832. Л. 368) и географических названий, а также продолжающая начатую, но не завершенную автором работу над отдельными сюжетными линиями.

Еще один заслуживающий внимания документ — правленая верстка с четвертой по шестую частей «Повести о жизни» (РГАЛИ. Ф. 613. Государственное издательство «Художественная литература» (ГИХЛ). Оп. 10. Ед. хр. 2833). В архиве хранятся сброшюрованные в тетради необрезанные листы, по 16 полос в каждой из тетрадей. В начале каждого печатного листа сверху по центру штамп: «Первая образцовая типография. ВЕРСТКА. Подпись наборщика» (Кротов). Внизу штамп «На сверку» с датой и подписью. Даты с 22.IV.1968 по 15.V.1968. Во всей верстке исправлена нумерация страниц — их стало на четыре меньше: 409 исправлено на 405, 410 — на 406 и т. д.

В верстке преобладают пометы технического редактора, связанные с его сферой ответственности. Встречаются и пометы, авторизованные Борисовой. Например, на л. 219 (начало очередной тетради) ею сделана запись в правом нижнем углу справа от текста: «8/V-68 // Листы 27–36¼ исправить и дать на сверку // В. Борисова» (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2833. Л. 219).

[7] Речь идет о драматурге В.В. Шкваркине. См. о нем: [1].

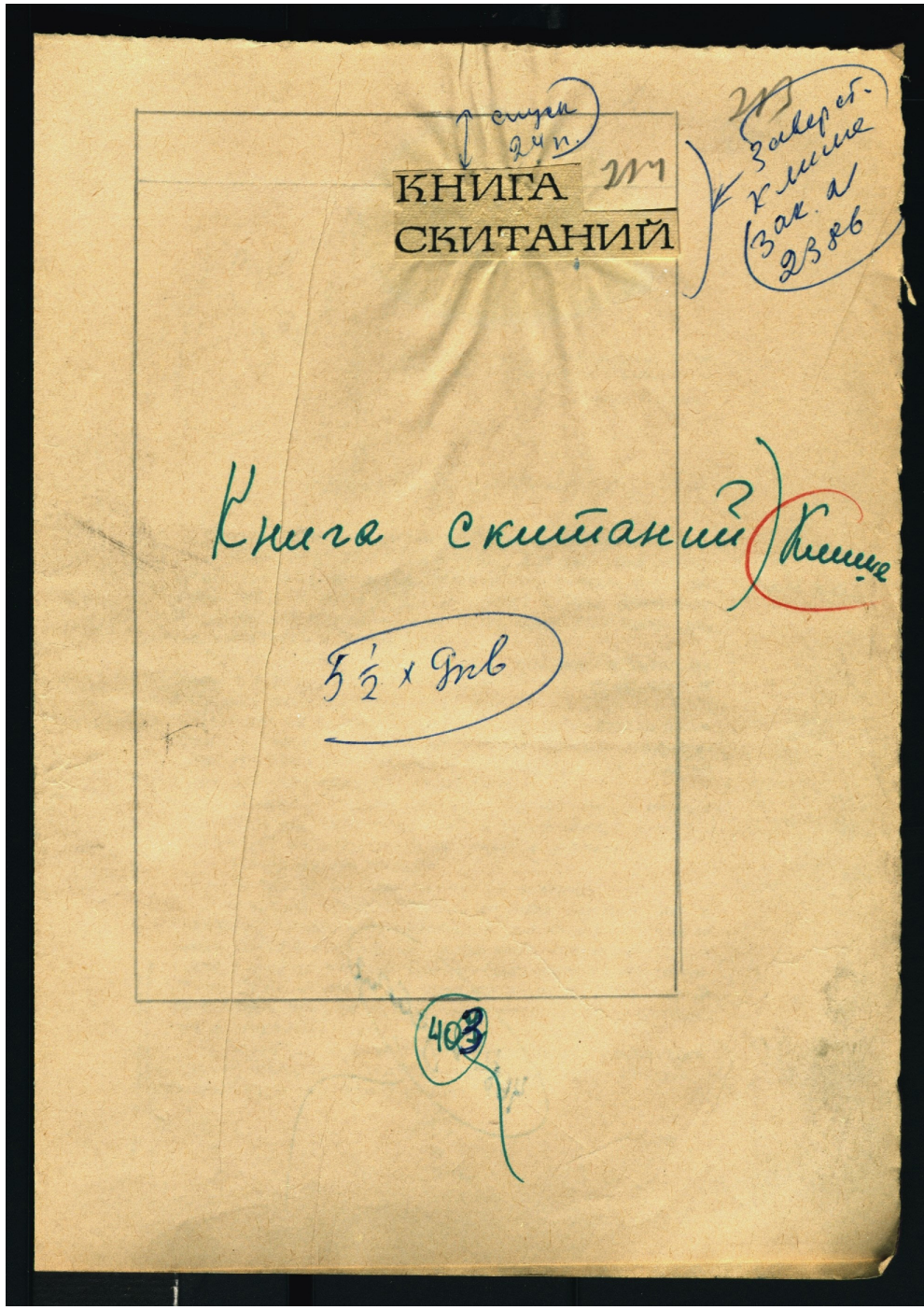
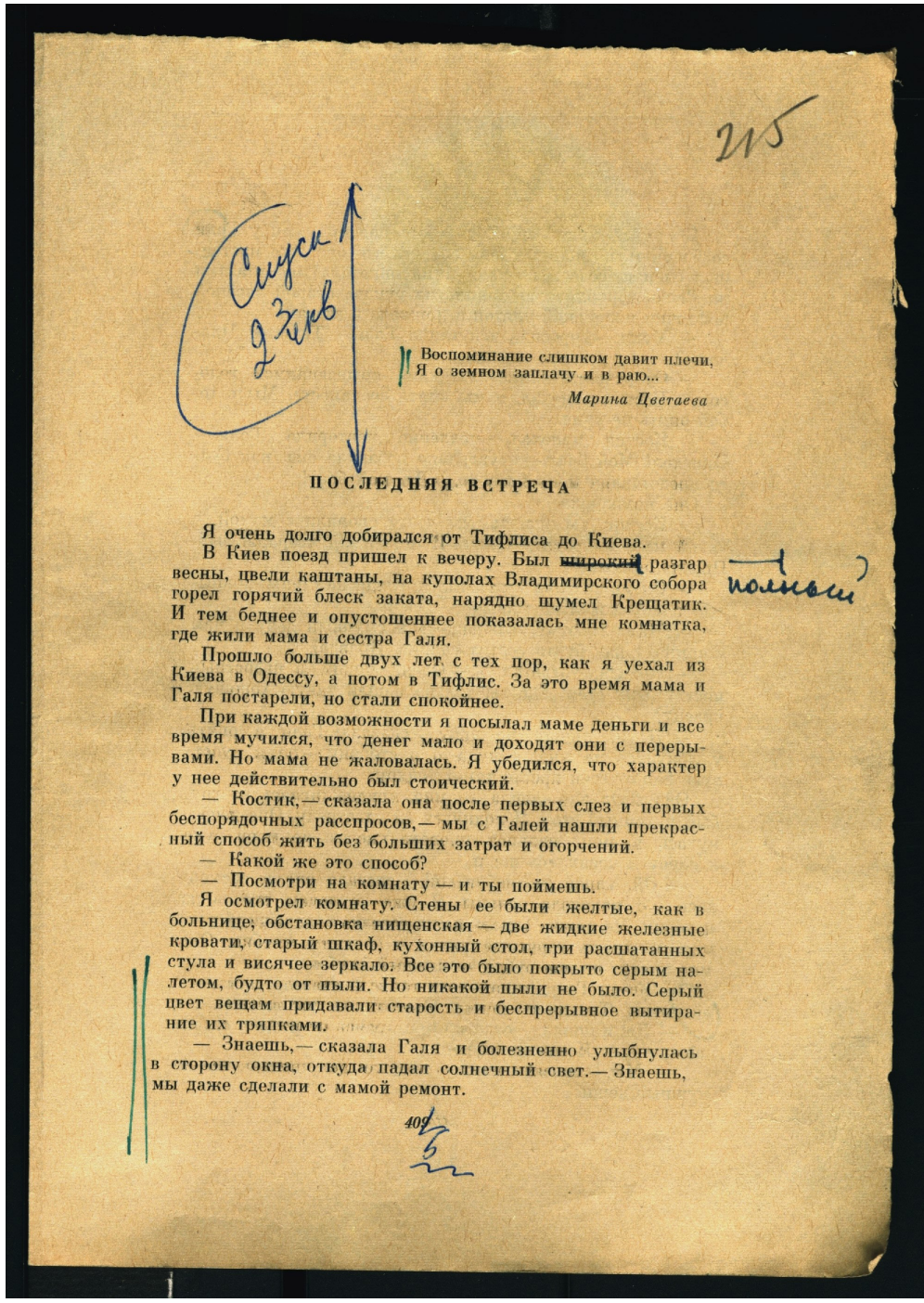

Рисунок 5 — Страница верстки книги: Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 8 т. Т. V. Повесть о жизни (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2833. Л. 213–214)
Figure 5 — The Page of the Book`s Layout: Paustovsky K.G. Collected Works: in 8 vols. Vol. V. The Story of a Life (RGALI. F. 613. Op. 10. Ed. khr. 2833. L. 213–214)

Однако встречается и редакторская правка. Например, в предложении «Был широкий разгар весны, цвели каштаны, на куполах Владимирского собора горел горячий блеск заката, нарядно шумел Крещатик» слово *широкий* исправлено на *полный* (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2833. Л. 215).

215

Слуск
2 Зкз

Воспоминание слишком давит плечи,
Я о земном заплачу и в раю...
Марина Цветаева

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Я очень долго добирался от Тифлиса до Киева.

В Киев поезд пришел к вечеру. Был ~~широкий~~ разгар весны, цвели каштаны, на куполах Владимирского собора горел горячий блеск заката, нарядно шумел Крещатик. И тем беднее и опустошеннее показалась мне комнатка, где жили мама и сестра Галя.

полный

Прошло больше двух лет с тех пор, как я уехал из Киева в Одессу, а потом в Тифлис. За это время мама и Галя постарели, но стали спокойнее.

При каждой возможности я посылал маме деньги и все время мучился, что денег мало и доходят они с перерывами. Но мама не жаловалась. Я убедился, что характер у нее действительно был стоический.

— Костик,— сказала она после первых слез и первых беспорядочных расспросов,— мы с Галей нашли прекрасный способ жить без больших затрат и огорчений.

— Какой же это способ?

— Посмотри на комнату — и ты поймешь.

Я осмотрел комнату. Стены ее были желтые, как в больнице; обстановка нищенская — две жидкие железные кровати, старый шкаф, кухонный стол, три расшатанных стула и висячее зеркало. Все это было покрыто серым налетом, будто от пыли. Но никакой пыли не было. Серый цвет вещам придавали старость и беспрерывное вытирание их тряпками.

— Знаешь,— сказала Галя и болезненно улыбнулась в сторону окна, откуда падал солнечный свет.— Знаешь, мы даже сделали с мамой ремонт.

409

Рисунок 6 — Страница верстки книги: Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 8 т. Т. V: Повесть о жизни (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2833. Л. 215)
Figure 6 — The Page of the Book`s Layout: *Paustovsky K.G.* Collected Works: in 8 vols., vol. V: The Story of a Life (RGALI. F. 613. Op. 10. Ed. khr. 2833. L. 215)

Приведем еще несколько примеров правки, внесенной синей ручкой (редакторские вставки выделены для наглядности курсивом):

«Обыкновенно писатели успевают написать *лишь* небольшую часть того, что могли бы» (глава «Четвертая полоса» — РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 2833. Л. 223);

«Ильф был застенчив, прям, меток и порой насмешлив. Он ненавидел *заносчивых и* пренебрежительных людей и защищал от них людей робких и уступчивых, — тех, кого легко обидеть» (там же, л. 225);

«У него был *поистине* микроскопический глаз на пошлость» (там же);

перестановка слов: вместо «Глаза при этом у Бодянского смеялись» — «Глаза у Бодянского при этом смеялись» (глава «Снежные шапки» — там же, л. 235);

замена слова: «Такие семьи с большими культурными и трудовыми традициями были украшением провинциальной жизни, своего рода очагами передовой мысли», — *большими* заменено на *многолетними* (глава «Снежные шапки» — там же, л. 235 об.);

замена слова: «Поколения писателей, поэтов, художников, ученых, полководцев, моряков и революционеров, прекрасных девушек и блестящих женщин сообщали полуночной столице облик героический и почти нереальный», — *героический* исправлено на *романтический* (глава «Проводы учебного корабля» — там же);

замена слова: «Однажды мне повезло. Я достал мороженого судака. Багрицкий решил зажарить его по “черноморско-греческому способу”. Для этого понадобилось кило масла, кило чернослива и лимон. Такая трата была в то время неимоверной, но я не жалел об этом», — *жалел* исправлено на *пожалел* (глава «Птицелов» — там же, л. 242);

уточнение процитированного Паустовским по памяти фрагмента стихотворения Н.Н. Асеева «Жемчужина мира» (1920) (там же, л. 251 об.);

замена слова в главе «Малый Конотоп»: «В те годы у нас очень увлекались интересными, но несколько броскими очерками Поля де Крюи об ученых-новаторах», — *очерками* исправлено на *работами* (там же, л. 258 об.);

замена слова в той же главе: «— Редкий случай супружеского счастья! — восклицал Роскин», — *счастья* заменено на *внимания* (там же, л. 259 об.);

перестановка слов в главе «История с географией», где идет речь о Ф.М. Достоевском: вместо *Природы почти совсем нет в его романах. — Природы в его романах почти совсем нет* (там же, л. 278).

Приведенные примеры показывают, что Борисова в верстке, с которой автор не был ознакомлен, продолжает «улучшать» текст писателя. Предлагается не учитывать эту правку при подготовке научных собраний сочинений Паустовского, поскольку она не была авторизована. Для отдельных случаев, таких как цитирование стихотворения Асеева, в публикуемом тексте должен даваться текст, приведенный Паустовским, а сверенный с источником — в текстологических комментариях.

Главная задача текстологов — научная публикация текстов Паустовского в соответствии с его последней авторской волей, в сопровождении комментариев, где будет отражена творческая история каждого произведения и охарактеризованы этапы авторской работы над текстом (в том числе во взаимодействии или противостоянии с редактором).

Список литературы

Исследования

1 *Новиков А.Д.* Творчество Василия Шкваркина: дис. … канд. филол. наук. М., 2019. 303 с.

Источники

2 *Паустовский К.Г.* Книга скитаний [ред. Н.С. Хехловская]. М.: Сов. Россия, 1964. 256 с.

3 *Паустовский К.Г.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1968. Т. 5. Повесть о жизни: Время больших ожиданий; Бросок на юг; Книга скитаний. 576 с.

4 *Паустовский К.Г.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986. М.: Худож. лит., 1982. Т. 5. 591 с. М.: Худож. лит., 1986. Т. 9. 542 с.

5 «У меня нет никаких возражений…» // В мире книг. 1973. №6, июнь. С. 8–12. [Рубрика «В мастерской редактора»]

***

© 2025. Maxim V. Skorokhodov
Moscow, Russia

THE AUTHOR'S LAST WILL? (REFLECTIONS ON THE LAYOUT OF K.G. PAUSTOVSKY'S "THE STORY OF A LIFE" OF 1968)

Acknowledgements: The work is carried out at M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01479 "Issues of textology by Konstantin G. Paustovsky: «The Story of a Life" (Available at: https://rscf.ru/project/24-28-01479/).

Abstract: The study explores unpublished memoirs of the editor V.A. Borisova (K.G. Paustovsky Museum), materials of the publishing house "Khudozhestvennaya Literatura" related to the preparation of the eight-volume collection of the writer's works (1967–1970) (RGALI), and other sources to clarify the circumstances of the author's and editorial work on this edition. Using specific examples from volume 5 (the sixth part of the "The story of a Life" — "The Book of Wanderings" is under study) the paper shows that the main stage of the author's work on the collection was completed by K.G. Paustovsky's preparation of the pasting up of all the works included in the volumes. In the course of this work, the author made corrections to the previously published texts, which were formalized in the form of typewritten text inserts. It is this pasting that should be regarded as the last author's will of the writer. His state of health did not allow him to take an active part in the discussion of editorial corrections, and the last three volumes were typeset already upon the writer's death. Editorial corrections were made both in the layout and in the typesetting. Individual words and phrases were replaced or added, words crossed out and were rearranged. In a number of cases, the editor suggested removing similar descriptions of characters that are present in Paustovsky's works created in different years. The task of textologists is to take into account the author's will of the writer as much as possible.

Keywords: K.G. Paustovsky, "The Story of a Life", Textology, Creative History, Sources of the Text, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura".

Information about the author: Maxim V. Skorokhodov — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bldg. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6390-5670
E-mail: msk2002@rambler.ru
Received: January 01, 2024
Approved after reviewing: September 13, 2025
Date of publication: September 25, 2025
For citation: Skorokhodov, M.V. “The Last Author's Will? (Reflections on the layout of K.G. Paustovsky's ‘The Story of a Life’ of 1968).” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 186–206. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-186-206

References

1 Novikov, A.D. *Tvorchestvo Vasiliia Shkvarkina* [*The Works of Vasily Shkvarkin*: *PhD Dissertation Thesis*]. Moscow, 2019. 303 p. (In Russ.)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-207-216
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Ю.А. Матвеева
г. Москва, Россия

ОБРАЗ А.С. ПУШКИНА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ «ПОВЕСТИ О ЖИЗНИ» К.Г. ПАУСТОВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ ПЕРВОЙ «ДАЛЕКИЕ ГОДЫ»)

Аннотация: К.Г. Паустовский не раз обращался к творчеству Пушкина. На страницах первой книги «Повести о жизни» — «Далекие годы» — Пушкин становится частью времени и пространства, частью семьи главного героя, постоянно присутствует в самых разных ипостасях. Образ Пушкина появляется в виде изображения (портрет поэта в комнате бабушки), возникает в рассказе о местных достопримечательностях (в диалоге тети Паустовского и ее подруги). Самое сильное эмоциональное впечатление на будущего писателя производят поэтические строки Пушкина, которые были ему еще не совсем понятны, но глубоко взволновали чувствительного юношу.

Образ поэта сопровождает повествователя и дома, и в путешествии, и в учебе: среди знакомых предметов на столе у отца — «статуэтка Пушкина с курчавыми баками»; с мамой они добираются до Ялты на пароходе «Пушкин»; на уроке латыни Пушкин — в одном ряду с Данте, Гете и Шекспиром. Жизнь Пушкина (как и Лермонтова, Толстого, Герцена, Рылеева, Чехова) — предмет изучения и путь к постижению своей страны, мира и «чувства прекрасного». Герой повести в детстве и юности словно окружен Пушкиным, который становится для него путеводной звездой в мир литературы, ведь именно в юности Паустовский принимает решение стать писателем.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, К.Г. Паустовский, автобиография, «Повесть о жизни», пушкинистика, Пушкин в XX в.

Информация об авторе: Юлия Аркадьевна Матвеева — кандидат филологических наук, ученый секретарь, Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля, Зубовский б-р, д. 15, стр. 1, 119021 г. Москва, Россия.
E-mail: matjulia@yandex.ru

Дата поступления статьи: 01.01.2025
Дата одобрения рецензентами: 13.09.2025
Дата публикации: 25.09.2025
Для цитирования: *Матвеева Ю.А.* Образ А.С. Пушкина в автобиографической «Повести о жизни» К.Г. Паустовского (на материале книги первой «Далекие годы») // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 207–216.
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-207-216

Тема «К.Г. Паустовский и А.С. Пушкин» представляется совершенно очевидной даже на первый взгляд: Паустовский на протяжении жизни не раз обращался к творчеству Пушкина. Поэт словно сопровождал Паустовского на всем его творческом пути — имя Пушкина встречается на страницах художественных произведений писателя, в его публицистике, письмах; среди произведений Паустовского непосредственно Пушкину посвящены рассказ 1938 г. «Михайловские рощи» и пьеса 1949 года «Наш современник. (Пушкин)».

Разумеется, тема не раз привлекала внимание исследователей (Пушкинским торжествам 1949 г. и пьесе Паустовского посвящена обширная статья Н.В. Семеновой [6]; статья Д.М. Борисовой — образу Пушкинского заповедника в прозе Паустовского [2] и др.). Но пушкинская тема в автобиографической «Повести о жизни» ранее почти не рассматривалась, на сегодняшний можно упомянуть лишь статью Д.М. Борисовой, в которой внимание сосредоточено на шестой части «Повести о жизни» — «Книге скитаний» [3].

«Повесть о жизни» несомненно является одним из важнейших источников ранней биографии Паустовского[1]. В данной статье представлены наблюдения о воплощении пушкинской темы на страницах первой книги «Повести о жизни» — «Далекие годы», что, с одной стороны, может дополнить наши представления о роли пушкинского творчества и самого Пушкина в произведениях одного из крупнейших писателей XX в., с другой, может быть рассмотрено как один из важных аспектов внутренней биографии самого Паустовского, его творческой эволюции и истории становления его как художника слова. В первой книге, охватывающей, как известно, детство писателя, его гимназические годы, Пушкин становится частью времени и пространства, частью семьи главного героя, постоянно присутствуя в самых разных ипостасях. Следуя за текстом Паустовского, впервые на страницах «Повести о жизни» мы встретимся с Пушкиным, вернее, с его изображением, в виде портрета на стене в комнате бабушки-полячки: изображение поэта — неизменный предмет интерьера:

> Бабушка была очень начитанная женщина. Она без конца мне все объясняла. Религиозность удивительно уживалась в ней с передовыми идеями. Она увлекалась Герценом и одновременно Генрихом Сенкевичем. Портреты Пушкина и Мицкевича всегда висели в ее комнате рядом с иконой Ченстоховской божьей матери [8, с. 29].

[1] Данной теме посвящена статья М.В. Скороходова, в которой не только обозначена общеизвестная сложность фактографического материала для биографии детских лет писателей и поэтов, но и убедительно показано, что автобиографическое повествование о ранних годах Паустовского может быть во многом принято за фактическую основу его реальной биографии [7].

Иллюстрация 1 — Образ Ченстоховской Божией Матери. Польша, XV в.
Figure 1 — The Image of the Mother of God of Czestochowa. Poland, XV Century

Какой именно портрет Пушкина мог висеть в комнате бабушки — неизвестно, скорее всего, это было гравированное изображение или портрет, вырезанный из журнала. Небольшая интерьерная зарисовка не акцентирует внимание читателя на Пушкине, но в этом можно увидеть особый смысл. Портрет висит на стене в жилой комнате, он всегда перед глазами и запечатлевается в памяти Паустовского-ребенка как неотъемлемая и необходимая составляющая каждодневного бытия. Портрет Пушкина не выделен автором в ряду других изображений (это можно рассматривать как художественный прием, поскольку и далее в первой книге «Повести о жизни» Пушкин упоминается в ряду соответствующих моменту повествования портретов, авторов, предметов и т. д.). Рядом с Пушкиным — портрет блестящего польского поэта-импровизатора Адама Мицкевича, современника Пушкина (с которым они не только были лично знакомы, но и многократно встречались, обменивались литературными мнениями и вели поэтический диалог — см. [4, 1]). Пушкин и Мицкевич — два главных национальных поэта, таким образом подчеркивается тесное переплетение в семье и, соответственно, в жизни Паустовского пластов разных национальных культур. При этом портреты практически приравниваются к иконе, рядом с которой они расположены на стене, образуя своеобразный «иконостас» бабушки Паустовского. Икона Ченстоховской Божьей Матери, так называемой «Черной Мадонны», издавна считалась одной из главных католических святынь Польши; Образ на стене создавал впечатление «святости» и двух портретов рядом с ней. Таким образом, небольшой фрагмент повести через описание интерьера очерчивает несколько значимых для главного героя жизненных пластов и ненавязчиво вводит в круг его жизни образ Пушкина.

Иллюстрация 2 — Уткин Н.И. Портрет А.С. Пушкина. Гравюра по оригиналу О.А. Кипренского. 1827[2]
Figure 1 — Utkin N.I. Portrait of A.S. Pushkin. An Engraving after the Original Painting by O.A. Kiprensky. 1827

Иллюстрация 3 — Кипренский О.А. Портрет Адама Мицкевича. Графика. 1824 (Государственная Третьяковская галерея)
Figure 3 — Kiprensky O.A. Portrait of Adam Mickiewicz. Graphics. 1824 (The Tretyakov Gallery)

Следующее упоминание имени Пушкина связано с обозначением географического пространства, как примета местности и, в то же время, передано восприятие Пушкина героем-повествователем как легенды, как неземного существа, столь возвышенного, что его невозможно представить рядом:

2 Гравированное изображение Н.И. Уткина по оригиналу О.А. Кипренского было сделано по заказу лицейского друга Пушкина — А.А. Дельвига для альманаха “Северные цветы”. Этот портрет был самым растиражированным как среди современников, так и в начале XX в.

Как известно, Паустовского глубоко интересовала судьба художника Ореста Кипренского, ставшего героем его биографической повести. Можно предположить, что писатель мог впервые познакомиться с творчеством прославленного портретиста именно благодаря изображениям Пушкина и Мицкевича в комнате бабушки.

Когда мы въехали в пустынный парк за городом, Лиза Яворская сказала, что здесь любил гулять Пушкин. Я не мог поверить, что Пушкин бывал в этих местах и что я нахожусь там, где бывал он. В то время Пушкин казался мне существом легендарным. Его блестящая жизнь должна была, конечно, проходить в стороне от этих украинских захолустий [7, с. 39].

Имя Пушкина в приведенной цитате повторяется трижды — в первых трех предложениях, передавая и удивление, и восхищение повествователя, который словно произносит заклинание и пытается убедить себя в том, что там, где он находится сейчас, бывал и Пушкин. «Существо легендарное» — вот каким предстает поэт в сознании будущего писателя, который вдруг оказался в тех же местах, где бывал и Пушкин, и это — новая точка их соприкосновения, сближение в пространстве, преодолевающее время. В тексте повести — небольшой эпизод из биографии Пушкина, связанный с местом, куда приехал Паустовский со своей тетей. О Пушкине рассказывает подруга тети, и этот рассказ становится для ребенка самым сильным впечатлением:

— Рядом Каменка, бывшее имение Раевских, — сказала Лиза Яворская. — Он подолгу гостил у них и написал здесь чудные стихи.

— Какие? — спросила тетя Надя. —

Играй, Адель,
Не знай печали;
Хариты, Лель
Тебя венчали
И колыбель
Твою качали…

Я не знал, что значит «хариты» и «Лель», но певучая сила этих стихов, высокий парк, столетние липы и небо, где плыли облака, — все это настроило меня на сказочный лад. Весь этот день остался у меня в памяти как праздник тихой и пустынной весны [8, с. 39].

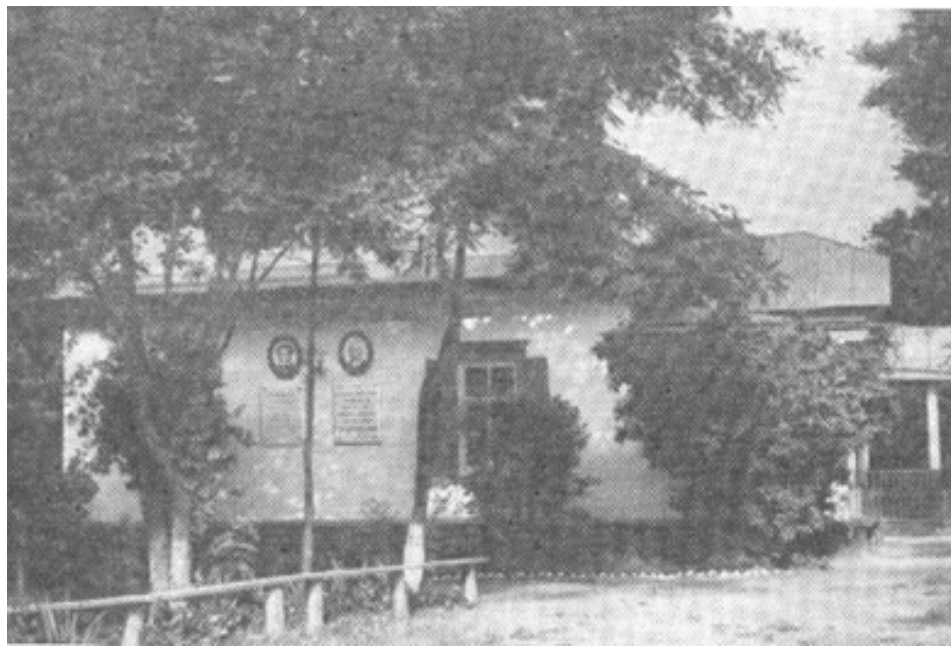

Иллюстрация 4 — Государственный литературно-мемориальный музей А.С. Пушкина и П.И. Чайковского в Каменке. Фотография. 1954
Figure 4 — The State Literary and Memorial Museum of A.S. Pushkin and P.I. Tchaikovsky in Kamenka. Photo. 1954

Повествователь не участвует в диалоге, он — благодарный и восторженный слушатель. Образ Пушкина здесь, оставаясь легендарным, словно покоряет пространство. Простота и безыскусность реплик создают эффект обыденности, и теперь Пушкин в сознании будущего писателя уже неразрывно связан с пространством бытия. Впервые на страницах автобиографии появляются стихотворные строки Пушкина, герой теперь соприкасается не только с именем и образом поэта, но и с его творчеством, которое ему пока совершенно непонятно, но которое оставляет неизгладимый след в его впечатлительной душе. Очевидно, что написанная намного позже самих событий «Повесть о жизни» — произведение писателя, которому лирика Пушкина уже хорошо известна, и автор, можно сказать, вступает в диалог с поэтом, «вспоминая» «праздник тихой и пустынной весны», что перекликается со строками того же стихотворения, не упомянутыми в тексте «Повести»:

Твоя весна
Тиха, ясна;
Для наслажденья
Ты рождена. [9, с. 20]

Что касается биографических подробностей, то здесь Паустовский абсолютно точен и относительно места, и относительно стихотворения, связанного именно с Каменкой (см.: [9, с. 553–555]).

«Встречи» с Пушкиным происходят сами собой, поэт появляется в поле зрения героя как неизменная составляющая картины мира. При этом сам образ Пушкина всегда представлен по-разному. В бытовой сцене в кабинете отца — уже не портрет, а скульптурное изображение:

> На следующий день я отпечатал все снимки и отнес отцу. Уже смеркалось. В кабинете горела лампа. Она освещала на письменном столе знакомые вещи: стальную модель паровоза, статуэтку Пушкина с курчавыми баками и груды сатирических революционных журналов — их много выходило в то время. На самом видном месте стояла открытка с портретом лейтенанта Шмидта в черном плаще с застежками в виде львиных голов [8, с. 127].

Можно предположить, что в интерьере находилась скульптура работы А.И. Теребенева, созданная мастером почти сразу после трагической гибели Пушкина в 1837 г. и растиражированная в различных материалах: гипсе, дереве, бронзе, чугуне, бисквите. Пушкин изображен в рост, со скрещенными на груди руками, погруженный в глубокое раздумье. Герой упоминает статуэтку, освещенную светом лампы, среди привычных, «знакомых вещей» на письменном столе отца. Все другие предметы связаны со временем описываемых событий (современные журналы; модель паровоза, напоминающая о службе отца; открытка с портретом русского морского офицера, революционного деятеля, одного из руководителей Севастопольского восстания 1905 г., известного как лейтенант Шмидт). Статуэтка Пушкина — единственный предмет из прошлого, пусть и уступает «самое видное место» весьма неоднозначной фигуре лейтенанта Шмидта, но создает своеобразный баланс, не давая забыть об истинных ценностях, становится символом, ориентиром в стремительно меняющемся мире. Можно предположить, что взгляд повествователя привычно проскальзывает по всем предметам, отмечая на известном лейтенанте Шмидте лишь застежки плаща, и приостанавливается только на Пушкине с узнаваемыми «курчавыми баками».

Иллюстрация 5 — *Теребенев А.И.* Скульптура А.С. Пушкина. 1837. Чугун. 46,0 х 13,0 х 8,5 (Государственный музей А.С. Пушкина)
Figure 5 — *Terebenev A.I.* Sculptural Image of A.S. Pushkin. 1837. Cast Iron. 46.0 x 13.0 x 8.5 (A.S.Pushkin State Museum)

Автобиографически точной подробностью повествования в «Повести о жизни» является морское путешествие с семьей из Одессы в Ялту в 1906 г. на пароходе «Пушкин»:

> Старый пароход «Пушкин» шел в Ялту. Над морем стоял штиль. Дубовые плашниры нагревались так сильно, что на них нельзя было положить руку. В салоне все подрагивало и звенело от вращения пароходного винта. Солнце проникало через световой люк, иллюминаторы и открытые двери. Меня поражало обилие южного света. От него сверкало все, что только могло сверкать. Даже грубые парусиновые занавески на иллюминаторах вспыхивали ярким огнем. <…>
>
> Белый Севастополь медленно плыл нам навстречу. Он встретил наш старый пароход полуденным пушечным выстрелом п голубыми крестами андреевских флагов. «Пушкин» долго бурлил, разворачиваясь в бухте. Со дна взлетали фонтаны пузырей. Вода шипела. Мы носились с борта на борт, чтобы ничего не пропустить. <…>
>
> До Ялты «Пушкин» добрался вечером. Он медленно вплывал в ялтинскую гавань, как в садовую беседку, убранную огнями [8, с. 128–129].

Пароход принадлежал Российскому обществу пароходства и торговли, которое по сложившейся традиции приобретало суда в Англии. Как правило, пароходы именовали в честь титулованных членов царской фамилии, однако в 1881 г. традиция была нарушена — в Черном море стал курсировать пароход «Пушкин», как и другие суда построенный в Англии и приписанный к Одесскому порту. По габаритам пароход был 88,8 м в длину, 10,2 м в ширину и мог принимать на борт 257 пассажиров. На новом пароходе из Одессы в Ялту плыл Александр III с семьей и приближенными; на этом же пароходе в 1889 г. по Черному морю плыл И.А. Бунин [5, с. 288]; из Ялты в Одессу на пароходе «Пушкин» перевозили гроб с телом поэта С.Я. Надсона. «Пушкин» прослужил Черноморскому флоту более 30 лет и был списан в 1913 г.

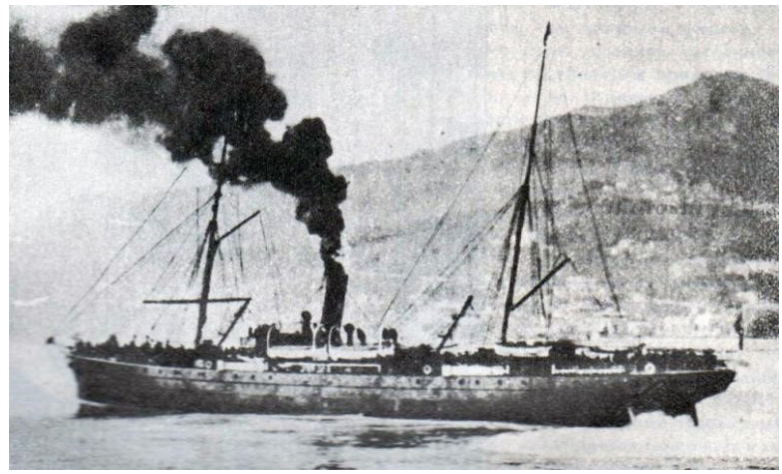

Иллюстрация 6 — Пароход «Пушкин». Фотография. Начало XX в.[3]
Figure 6 — The Steamship "Pushkin". Photo. The Beginning of the XX Century

Образ Пушкина в первой книге «Повести о жизни» сопровождает повествователя и дома, и в путешествии, и в учебе: на уроке латыни Пушкин упоминается в одном ряду с Данте, Гете и Шекспиром. Жизнь Пушкина (как и Лермонтова, Толстого, Герцена, Рылеева, Чехова) — предмет изучения и путь к постижению своей страны, мира и чувства прекрасного. Герой-повествователь словно окружен Пушкиным, еще не зная и не понимая его. В гимназии сочинения Пушкина уже становятся по-настоящему близки Паустовскому, постепенно постигающему мир пушкинской лирики, драматургии и прозы; они входят в обязательную программу и их легко можно найти в гимназической библиотеке (см.: [7]).

Неизменно присутствуя на страницах первой книги, и сам Пушкин, и его творчество уже знакомы главному герою, но находятся далеко не в центре его внимания. Он как бы постепенно приближается к Пушкину с разных сторон: через быт, окружающий мир, творчество других писателей и поэтов.

Во второй книге Пушкин становится неопровержимым аргументом (например, в споре с бабушкой), той силой, которая помогает молодому писателю и поддерживает его. Данная тема предполагает дальнейшее изучение на материале последующих книг «Повести о жизни», что позволит представить пушкинскую тему в автобиографическом произведении Паустовского с точки зрения его становления как писателя.

Список литературы:
Исследования

1 *Благой Д.Д.* Пушкин и Мицкевич // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1956. Т. XV, вып. 4 (июль-август). С. 297–314.

2 *Борисова Д.М.* Образ пушкинского заповедника в прозе К.Г. Паустовского // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, №3. С. 91–100.

[3] Фотография парохода «Пушкин» опубликована в журнале «Одесское пароходство» (№6 за 1971 год).

3 *Борисова Д.М.* Пушкинская тема в авторском варианте шестой части «Повести о жизни» К.Г. Паустовского — «На медленном огне (Книга скитаний)» // Новый филологический вестник. 2024. №4 (71). С. 161–168. https://doi.org/10.54770/20729316-2024-4-161

4 *Ивинский Д.П.* Пушкин и Мицкевич: История литературных отношений. М.: Языки славянской культуры, 2003. 431 с.

5 Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1 (1870–1909). 944 с.

6 *Семенова Н.В.* Пушкинские торжества 1949 года и пьеса К.Г. Паустовского «Наш современник» // Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: сб. научн. ст. М.: МАКС-пресс, 2023. Вып. 1 / отв. ред. М.В. Скороходов. С. 163–184. https://doi.org/10.29003/m3491.paustovsky_v1/163-184

7 *Скороходов М.В.* «Повесть о жизни» К.Г. Паустовского как источник ранней биографии писателя // Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: сб. научн. ст. М.: МАКС-пресс, 2023. Вып. 1 / отв. ред. М.В. Скороходов. С. 47–61. https://doi.org/10.29003/m3483.paustovsky_v1/47-61

Источники

8 *Паустовский К.Г.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 4. 734 с.

9 *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб.: Наука, 2016. Т. 2, кн. 2. 1018 с.

***

© 2025. Yulia A. Matveeva
Moscow, Russia

THE IMAGE OF A.S. PUSHKIN IN AUTOBIOGRAPHICAL "THE STORY OF A LIFE" BY K.G. PAUSTOVSKY (BASING ON THE FIRST BOOK "THE FARAWAY YEARS")

Abstract: Paustovsky turned to Pushkin's work more than once throughout his life. On the pages of the first part of "The Story of a Life" — "The faraway years", Pushkin becomes a part of time and space, part of the family. Pushkin is both a portrait in his grandmother's room, and a conversation between his aunt and her friend, who casually quotes poems that are still unfamiliar to the main character, who thinks about Pushkin as a "legend".

The poet's image accompanies the narrator both at home, on his travels, and in his studies: among the familiar objects on his father's desk is a "Pushkin statuette with curly sideburns"; with his mother they travel to Yalta on the ship named "Pushkin"; in Latin class Pushkin is on a par with Dante, Goethe, and Shakespeare. The life of Pushkin (as well as Lermontov, Tolstoy, Herzen, Ryleev, Chekhov) is a subject of study and a way to comprehend his country, the world and the sense of beauty. The hero of the story seems to be surrounded by Pushkin, not yet knowing or understanding him.

Keywords: A.S. Pushkin, K.G. Paustovsky, Autobiography, "The Story of a Life", Pushkin Studies, Pushkin in the 20th Century.

Information about the author: Yulia A. Matveeva — PhD in Philology, Academic Secretary, Vladimir Dahl Russian State Literary Museum, Zubovsky Blvd., 15, bld. 1, 119021, Moscow, Russia.
E-mail: matjulia@yandex.ru
Received: January 01, 2025
Approved after reviewing: September 13, 2025
Date of publication: September 25, 2025
For citation: Matveeva, Yu.A. "The Image of A.S. Pushkin in Autobiographical 'The Story of a Life' by K.G. Paustovsky (basing on the First Book 'The Faraway years')." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 207–216. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-207-216

References

10 Blagoi, D.D. "Pushkin i Mitskevich" ["Pushkin and Mitskevich"]. *Izvestiia Akademii nauk SSSR*. Otdelenie literatury i iazyka [Department of Literature and Language], vol. XV, issue 4 (July – August), 1956, pp. 297–314. (In Russ.)

11 Borisova, D.M. "Obraz pushkinskogo zapovednika proze K.G. Paustovskogo" ["The Image of the Pushkin Reserve in the Prose of K.G. Paustovsky"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 29, no. 3, 2023, pp. 91–100. (In Russ.)

12 Borisova, D.M. "Pushkinskaia tema v avtorskom variante shestoi chasti 'Povesti o zhizni' K.G. Paustovskogo — 'Na medlennom ogne (Kniga skitanii)'" ["Pushkin's Theme in the Author's Version of the Sixth Part of K.G. Paustovsky's 'The Story of a Life' — 'On a Slow Fire (The Book of Wanderings)'"]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 4 (71), 2024, pp. 161–168. (In Russ.) https://doi.org/10.54770/20729316-2024-4-161

13 Ivinskii, D.P. *Pushkin i Mitskevich: Istoriia literaturnykh otnoshenii* [*Pushkin and Mickiewicz: A History of Literary Relations*]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003. 431 p. (In Russ.)

14 Morozov, S.N., compiller *Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [*The Chronicle of Ivan Bunin's Life and Works*], vol. 1 (1870–1909). Moscow, IWL RAS Publ., 2011. 944 p. (In Russ.)

15 Semenova, N.V. "Pushkinskie torzhestva 1949 goda i p'esa K.G. Paustovskogo 'Nash sovremennik'" [Pushkin's Celebrations in 1949 and Play by K.G. Paustovsky 'Our Contemporary'"]. *Tvorcheskoe nasledie Konstantina Paustovskogo v XXI veke: sbornik nauchnykh statei* [*Konstantin Paustovsky's Creative Heritage in the 21th Century. Collection of Scientific Papers*], issue 1, ex. ed. M.V. Skorokhodov. Moscow, MAX Press LLC Publ., 2023, pp. 163–184. (In Russ.) https://doi.org/10.29003/m3491.paustovsky_v1/163-184

16 Skorokhodov, M.V. "'Povest' o zhizni' K.G. Paustovskogo kak istochnik rannei biografii pisatelia" ["'The Story of a Life' by K.G. Paustovsky as a Source of the Writer's Early Biography"]. *Tvorcheskoe nasledie Konstantina Paustovskogo v XXI veke: sbornik nauchnykh statei* [*Konstantin Paustovsky's Creative Heritage in the 21th Century: Collection of Scientific Papers*], issue 1, ex. ed. M.V. Skorokhodov. Moscow, MAX Press LLC Publ., 2023, pp. 47–61. (In Russ.) https://doi.org/10.29003/m3483.paustovsky_v1/47-61

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-217-229
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. И.Н. Коржова
г. Москва, Россия

МЕТАРЕФЛЕКСИЯ В НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ГЛАВАХ ПОВЕСТИ К.Г. ПАУСТОВСКОГО «КНИГА СКИТАНИЙ. (НА МЕДЛЕННОМ ОГНЕ)»

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-01479 «Проблемы текстологии К.Г. Паустовского: "Повесть о жизни"» (URL: https://rscf.ru/project/24-28-01479/)

Аннотация: В работе исследуются неопубликованные фрагменты повести К.Г. Паустовского «Книга скитаний. (На медленном огне)». Это первая глава «Приближение зари» и завершающая половина последней «Собеседник сердца». Материалом исследования стала авторизованная машинопись повести, хранящаяся в РГАЛИ, и документы Музея К.Г. Паустовского в г. Москве. Автор статьи опирается на свидетельства, что изъятие глав было связано с цензурой и не соответствовало первоначальным намерениям писателя. В статье дано описание источников текста, отражающих разные этапы работы над повестью, приведена текстологическая характеристика анализируемых фрагментов. Выбранные для анализа главы относятся к обрамляющим частям произведения и отличаются высокой метарефлексивностью. Главы посвящены общей оценке изображенного времени и творческим задачам писателя. 1923–1936 гг., в которые развивается действие повести, оцениваются как время, тяготившее души людей. Творческое общение с предшественниками и современниками становится способом преодолеть тяжесть времени. Это прагматическое объяснение причин создания книги соседствует с размышлениями о литературе как о высшей форме красоты мира. Таким образом, время, тяжесть, слово становятся ключевыми понятиями обрамляющих глав. В приложении к статье приведен фрагмент главы «Приближение зари».

Ключевые слова: Паустовский, текстология, творческая история, рамка произведения, метарефлексия, художественная автобиография, романтизм, модернизм.

Информация об авторе: Инесса Николаевна Коржова — доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6368-6888
E-mail: clean24@yandex.ru
Дата поступления статьи: 01.01.2025
Дата одобрения рецензентами: 13.09.2025
Дата публикации: 25.09.2025

Для цитирования: *Коржова И.Н.* Метарефлексия в неопубликованных главах повести К.Г. Паустовского «Книга скитаний. (На медленном огне)» // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 217–229.
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-217-229

Последняя часть «Повести о жизни» К.Г. Паустовского справедливо воспринимается как книга, в наибольшей степени искаженная цензурными запретами и ограничениями. Во многом такая оценка сформировалась благодаря работам В.К. Паустовского, сына писателя [10]. Вопрос об изменении авторской воли в процессе работы над произведением возникает уже применительно к выбору заглавия. В переписке и при публикации отдельных глав К.Г. Паустовский именовал книгу «На медленном огне»; в машинописях из фонда Паустовского в РГАЛИ название фигурирует с подзаголовком — «На медленном огне. (Книга скитаний)»[1]. Наконец, в недавно полученной Музеем К.Г. Паустовского машинописи первой главы последней, шестой повести[2] фиксируется еще одно название — «Жизнь вполголоса» (МЛМЦ КГП КП-3295-107_1. Л. 1)[3].

Воспоминания и выписки В. Молчанова, хранящиеся в музее писателя (МЛМЦ КГП. КП-1924-2; МЛМЦ КГП. КУ-487) и частично напечатанные в журнале «Мир Паустовского» [15], приоткрывают историю несостоявшейся публикации расширенного варианта «Книги скитаний» в издательстве «Советская Россия» в 1964 г. На данный момент это единственное свидетельство того, что К.Г. Паустовский хотел видеть напечатанным иной, более пространный вариант последней части автобиографического цикла. Сличение выписок Молчанова с находящимися в архиве Паустовского в РГАЛИ машинописями позволяет определить вариант, близкий или тождественный тому, который читал В. Молчанов. Это документ: Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 131. Однако его изучение затрудняют многочисленные изъятия листов именно с теми главами, которые отсутствуют в опубликованном тексте повести и, вероятно, были сочтены самыми острыми, не «проходными» для печати. Об изъятиях свидетельствует несоответствие авторской и архивной пагинации.

В РГАЛИ хранится и предшествующая названной черновая машинопись (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132), составленная из отдельно напечатанных блоков по несколько глав. Именно она содержит обрамляющие части, не вошедшие в опубликованный текст. На этом материале выполнено настоящее исследование, в приложении приведен фрагмент первой главы "Приближение зари". Целью статьи является осмысление творческой программы писателя, заявленной в обрамляющих главах, соотнесение поставленных им перед собой задач с содержанием произведения и с эстетической концепцией, сформированной в позднем творчестве в целом.

Очевидно, что глава «Приближение зари» выросла из другой — «Связь времен» (МЛМЦ КГП КП-3295-107_1). Последовательность восстанавливается, поскольку рукописная правка в «Связи времен» учтена в машинописи «Приближения зари», однако характер переработки и объем нового текста позволяют предполагать существование какого-то промежуточного звена между этими машинописями.

[1] Подробнее об этом И.Н. Коржова [7], М.В. Скороходов [11].

[2] Здесь и далее повестью без кавычек и со строчной буквы называется каждая их шести частей «Повести о жизни», в частности ее последняя часть — «Книга скитаний».

[3] За возможность работы с фондами автор благодарит директора Музея К.Г. Паустовского в г. Москве А.И. Дормидонтову и главного хранителя музея И.С. Пахомову.

В главе «Связь времен» Паустовский вспоминает слова Гамлета: «Распалась связь времен» (МЛМЦ КГП КП-3295-107_1)[4]. Эта фраза вообще была своеобразным лейтмотивом размышлений писателя «о времени и о себе» в ходе работы над автобиографическим циклом. Фраза фиксируется в машинописях третьей части цикла «Начало неведомого века» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. I, 1; РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 2; РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 1); варьируется в первоначальных вариантах заглавия этой части — «Обвалы времени», «Распалась связь времен», «Срыв времен», «Слом времен» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 5). Сложно экстраполировать более позднее авторское объяснение на замысел третьей книги, но в машинописи шестой части у Паустовского фраза отражала не оценку исторического времени, а субъективное авторское восприятие хронологии, попытку отойти от унылого хроникерства: «Сейчас у меня не то чтобы ослабела связь времен, но мне просто не хочется перебирать в памяти жизнь со всеми ее большей частью неважными случайностями» (МЛМЦ КГП КП-3295-107_1. Л. 1). В дальнейшем название главы изменилось, но идея свободной композиции сохранила актуальность, и связанные с этой мыслью фрагменты «Связи времен» перешли в «Приближение зари».

Следует оговорить еще один аспект. В Музее К.Г. Паустовского хранится машинописное содержание повести, его пагинация (с листа 269) продолжает нумерацию последних листов машинописи 132, хранящейся в РГАЛИ, но первая глава названа в содержании иначе — «Пробуждение зари» (МЛМЦ КГП КП-3295-108. Л. 1). Мы будем использовать то название, которое значится непосредственно в исследуемом тексте.

Машинопись 132 заканчивается двумя вариантами заключительной главы, которая в машинописи носила название «Собеседник сердца». При публикации усеченная версия этой главы (без нескольких последних листов машинописи) получила название «Живите так, как начали». Исключенный при публикации фрагмент, дошедший до нас благодаря названному архивному документу, посвящен Б.Л. Пастернаку, жизнь и поэзия которого стали для Паустовского поводом развернуть рассуждение о задачах художника и его судьбе в России.

Как было отмечено, машинопись 132 содержит два варианта финала: по три листа с тождественной машинописной основой (очевидно, листы напечатаны под копирку) и последующей несовпадающей рукописной правкой. Последние три листа (второй вариант) перечеркнуты. Хотя причины этого зачеркивания неизвестны, мы будем опираться на первый вариант завершения главы.

Первая и часть последней главы повести относятся к «раме произведения» [8, с. 848] и по функциям соотносимы с предисловием и послесловием. «Приближение зари» не погружало сразу в мир произведения, как это происходит в главе «Последняя встреча», открывающей опубликованный текст, а служило своего рода метаповествованием[5], в котором Паустовский давал оценку изображенной эпохе в целом, размышлял над композицией и смысловыми доминантами текста, формулировал аксиологические приоритеты, равно касающиеся изображенного мира и принципов его изображения.

[4] Перевод А. Кронеберга, 1844 г.

[5] Согласно изданию «Поэтика. Словарь актуальных терминов», «метаповествование — 1) в широком смысле — синоним понятия "метапроза"; обобщенное название эпических *произведений,* принадлежащих к разным ж*анрам* и включающих метарефлексию; 2) в узком и более точном значении — изложение повествователем (рассказчиком) некоторого события или ряда событий, подвергающее рефлексии самое себя и подразумевающее нарушение границы между "внутренним миром произведения" (действительностью *героев)* и миром литературного творчества» [4, с. 119].

Наличие таких глав можно объяснить нараставшим у позднего Паустовского движением к метапрозе, которое убедительно показано в работе Н.П. Хрящевой и Ю.А. Сухоруковой [13].

Обрамляющие главы имеют тесную семантическую связь с эпиграфом (сохранен при публикации). «Книге скитаний» предпосланы строки стихотворения М.И. Цветаевой «В раю»: «Воспоминанье[6] слишком давит плечи, / Я о земном заплачу и в раю…» [16, с. 398]. Паустовский несколько меняет смысл этих строк: воспоминания у Цветаевой не столько горькие, сколько плотские, не дающие прорваться духу. У Паустовского на первый план выходит признание тяжести прошлого.

Эпиграф корреспондирует также и с заглавием. «Раю» противопоставлены «скитания», а еще более — муки; мотив мук ассоциативно присутствует в полном названии повести — «На медленном огне. (Книга скитаний)».

Образ тяжести, введенный в эпиграфе глаголом «давит», становится лейтмотивом первой главы: «Иной раз целые годы ложатся на сердце темной и медленной тяжестью»[7] (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2); «Чем снять эту тяжесть?» (там же, л. 2); «Мы испытали за последние полвека не только воодушевление <…>, но и ту темную тяжесть, о которой я говорил выше» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 3). К нему автор возвращается и в финале произведения: «В начале этой книги я говорил о тяжелых временах» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 208). Если в обрамляющих главах слово настойчиво повторяется, то в основном тексте повести оно в переносном употреблении отсутствует, что не отменяет впечатления тяжести описанных фактов. Вступительная глава вербализовала состояние, не раз испытанное героем повести.

Название первой главы «Приближение зари» — оценка времени создания шестой повести. В этом своеобразном предисловии Паустовский размышляет о тех ценностях, которые противостояли тяжести времени, если и не прямо боролись с нею, то не давали отчаянию проникнуть в сердце человека.

Сталинская эпоха характеризуется как пора страха. В метафорическом изображении этих времен важны мотивы темноты и безмолвия: «глухая пора ночей», «мрак ночи», «темные лестницы», «окаянная ночь».

Метафора победы светлого начала в человеке, заявленная в заголовке как обещание, в самом тексте преобразуется в уверенность: «Но человек всегда верит, что где-то за горизонтом занимается заря и звучит в ночном безмолвии голос лесных родников» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2). Думается, упомянутые родники здесь следует читать не как метафору, а как метонимию. Они — часть нетронутой и прекрасной природы, которая в мире писателя составляет одну из ценностей, являясь воплощением того этико-эстетического начала, которым должна быть проникнута жизнь вообще. Это то «правильное» сущее, которое не расходится с должным. Но нравственная опора на природу в обрамляющих главах почти не проговаривается, хотя важна для повести и раскрыта в главах «Приближение зари», «Лесовик», «Девонский известняк», «Обертка от голландского сыра».

Отметим в процитированном фрагменте слово «верить» («Но человек всегда верит, что…»). Хотя ничто не указывает на религиозное наполнение понятия «вера», оно обязательно фигурирует во всех утверждающих авторские ценности фразах. «Большинство людей не позволило себе терять веру в прекрасную и спасительную сущ-

[6] В машинописи ошибочно «воспоминание» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2).

[7] Примечательно, что здесь выбран именно эпитет «медленный», частично повторяющий заглавие и снова подчеркивающий длительность испытаний.

ность жизни, в разум, в то, что он победит. Так оно и случилось» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 4). Разум и вера, как видим, у Паустовского не противопоставлены друг другу.

В следующем предложении слово «вера» уже поднимается до христианского по происхождению концепта, поскольку называется рядом с категориями «надежда» и «любовь», которые вместе являются тремя добродетелями[8]: «Все же ради чего люди в те годы держались за жизнь? Очевидно, ради бессмертной и благородной надежды, ради веры в будущее, ради поруганной, но разрывающей сердце любви друг к другу» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 4). И далее Паустовский снова говорит о природе, о ее красоте: «И ради того, чтобы в редчайшие мгновения покоя увидеть, как солнечный луч упадет из облаков на тихий плес реки и вода в ней засеребрится до самого дна» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 4).

О спасительной силе веры Паустовский будет говорить еще раз в главе «Стужа». «"Век шествует путем своим железным". Но его путь, конечно, ведет к золотому веку, к миру, к разуму. К золотому веку! Надо верить в это. Иначе нельзя жить!» [16, с. 433] Вспомним высказывание К. Ковальджи о Паустовском: «Этим он помог многим — помог не считать веру в добро слабостью. Или анахронизмом…» [5, с. 67]

В первой главе раскрываются творческие установки писателя. Слово, бытовое и художественное, объявляется средством исцеления от горестных воспоминаний. Именно этой психологической потребностью объясняет автор само создание повести, но, вероятно, мысль о целительности слова распространялась на всех приобщенных к диалогу:

> Чем снять эту тяжесть? <…> Должно быть тем, что рассказать о ней людям. <…> Общность человеческих свойств помогает людям понять друг друга, хотя бы их разделяли неизмеримые протяжения пространства и времени (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2).

Мысль о ценности общения, о способности через вдохновенное слово преодолевать время является одной из установок писателя и определяет как композицию, так и стиль его книги.

Композиционное отличие «Книги скитаний» от предыдущих частей «Повести о жизни» было отмечены критикой. А.М. Борщаговский писал:

> Отброшена временная последовательность, биографический календарь, повествование как целое лишается плавности, мысль, спеша, но зорко и памятливо, обращается к разновременным событиям, к людям, о которых надо непременно успеть рассказать, к тем мыслям о творчестве, о литературе, которые представляются ему главными и поэтому требуют многократного повторения и развития. И «Книга скитаний» ощутимо сближается с «Золотой розой» [2, с. 6].

Происходит это не только из-за усиливающейся пестроты авторских впечатлений (о чем говорит каноническое название — «Книга скитаний»), но и из-за новых задач — дать портрет времени, а не только своей судьбы. Повесть о жизни превращается в повесть о времени.

О «Повести о жизни» в целом говорят как о «множестве обособленных друг от друга новелл, связанных между собой не столько сюжетно, сколько ассоциативно» [6, с. 284], но сам Паустовский декларировал освобождение от хронологии именно в шестой части. Часть вступительной главы посвящена рефлексии над новыми композиционными принципами повести:

[8] О христианских истоках формулы «вера, надежда, любовь» см. [1, 12].

Эту пеструю автобиографическую книгу «На медленном огне» я хочу написать свободно, не очень считаясь с равномерным течением времени, с его неразборчивостью и не пытаясь соблюдать строгую хронологию» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2).

Знаменательна мысль о свободе человека от времени и о «неразборчивости» последнего. Эта фраза обращает нас к ключевым идеям модернизма о необходимости преобразования, высветления образа действительности художником-творцом. В этом смысле наша позиция близка выводам Е.В. Летохо, сделанным на основе наблюдений над зрелыми рассказами писателя. Исследователь пишет о «создании особого типа героя — ученика природы, призванного творчески осмыслить и преобразовать действительность (“продолжать творение мира”)» [9, с. 5].

Первые примеры, которые приводит Паустовский для обоснования отказа от хронологии, говорят о нерадикальности сдвигов, о простом избегании унылого буквализма и скрупулезности архивариуса (речь идет о необязательности знания точной даты открытия Колумба или рождения Наполеона[9]). Но последний пример касается как раз художника-творца, полностью освободившегося от своего времени: «мы не знаем точного года рождения Гомера, но от этого ничто не изменилось в его великой поэзии» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2). Конечной целью свободной композиции Паустовский объявляет более точное изображение правды. В любом случае следует констатировать, что самая острая по политическому материалу книга оказывается и самой свободной в отношении художественного времени.

Примечательно, что во вступлении автор как будто говорит о времени в разном значении: времени историческом и времени календарном. Но, думается, оба понятия смыкаются в понятии «время бытийное». Паустовский выдвигает ценность освобождения не от хронологии, но от хроноса. Так соединяются темы творческой свободы и изживания тяжести времени. Освобождением от времени становится общение в сфере искусства, идея которого не просто высказывается, но и демонстрируется всем строем повести.

Повесть пронизывают цитаты из творчества современников Паустовского и авторов XIX в., эти цитаты позволяют увидеть красоту природы, помогают вести спор о судьбе поэтов в России и о концепции времени. Пласт скрытых цитат в повести остается практически неисследованным. Их выявление может показать, как в создании образа мира, в том числе его пластического облика, участвуют голоса писателей.

Эксплицируется опора на литературные образы в главе «Проводы учебного корабля»:

В глубине души я верил, что Евгений Онегин, Настасья Филипповна, Незнакомка и Анна Каренина жили здесь на самом деле и этим обогатили мое познание Петербурга. Нельзя себе представить Петербург без этого сонма сложных и привлекательных лиц.

Я был уверен, что в Петербурге жизнь реальная и жизнь, рожденная воображением, сливаются неразрывно [16, с. 444].

Включенные в авторский текст цитаты из Есенина подчеркивают эту идею:

Он научил меня видеть небогатую и просторную рязанскую землю — ее синеющие речные дали, обнаженные ракиты, в которых посвистывал октябрьский ветерок, пожухлую крапиву, перепадающие дожди, молочный дым над селами, мокрых телят с удивленными глазами, пустынные, неведомо куда ведущие дороги [16, с. 472].

[9] В главе «Связь времен» вместо Наполеона был упомянут Дарвин (МЛМЦ КГП КП-3295-107_1. Л. 1–2).

«Молочный дым» — образ из стихотворения «Голубень». В главе «Снежные шапки» рассказывается, как Булгаков берет из жизни реальные наблюдения, чтобы перенести их в свой роман «Белая гвардия». Но получается, что он не только воспроизводит фактические подробности, но и дает точное наименование детали пейзажа, поскольку заголовок «Снежные шапки» представляет собой перефразированное словосочетание «шапки снега» из романа «Белая гвардия»: «Полная тьма. Деревья во тьме, странные, как люстры в кисее, стоят в шапках снега, и сугробы кругом по самое горло. Жуть» [14, с. 96].

Другое, помимо времени, важное и тоже как бы двоящееся понятие во вступительной главе — это «слово». Двойственная сущность слова болезненно волнует автора:

> Те же самые стальные буквы, «литеры», которые мы привыкли уважать за то, что они приобщили нас к знаниям, к великой и потому навсегда бессмертной поэзии — те же самые буквы служили неправде и смерти. В этом было что-то безжалостное и отталкивающее (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 3).

Такое отношение не просто к искусству, но и к слову близко акмеистической эстетике. Вообще, показательно, что в описании сталинской эпохи повторяется не столько мотив страха, сколько мотив онемения, утраты слова («жили вполголоса» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 3)), важный для акмеиста О.Э. Мандельштама в его стихотворении «Мы живем, под собою не чуя страны…». О концептуальной важности идеи говорения / безмолвия свидетельствует неизвестный ранее вариант заглавия шестой книги — «Жизнь вполголоса» (МЛМЦ КГП КП-3295-107_1).

Творческое слово как ценность и как средство надвременного общения утверждается в финале повести Паустовского. Опубликованный вариант главы «Живите так, как начали» передает беседу героя с М. Горьким и повествует о своеобразном благословении, которое последний вложил в вынесенную в заголовок фразу. С точки зрения композиции всего цикла, такое завершение оказалось логичным, поскольку венчало повествование о долгом творческом становлении.

Причина изъятия части заключительной главы понятна более, чем исчезновение вступления: ведь она посвящена недавно умершему Б.Л. Пастернаку, подвергшемуся острой травле в конце жизни и в 1963 г. еще остававшемуся человеком, которого не следовало упоминать в восторженном ключе.

Пастернак показан не просто одним из многих неоцененных современниками художников, не просто еще одним именем в скорбном мартирологе (хотя такой смысл тоже присутствует). Пастернак служит ориентиром для героя, только обретающего уверенность на пути писателя («В ту осень я много читал Пастернака» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 206)), и воплощением правильного понимания творчества для уже зрелого автора. Финальный фрагмент о Пастернаке остро современен, говорит о впечатлениях 1963 г. и в то же время разъясняет эстетический идеал автора, выделяет именно поэзию как квинтэссенцию искусства.

Творчество Пастернака не рвет с действительностью, не противостоит ей. Поэзия оказывается реальной составляющей бытия, поэтому Паустовский и ценит Пастернака за родственную себе способность «видеть поэзию всюду» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 207).

Говоря о Пастернаке, Паустовский цитирует фрагмент стихотворения Заболоцкого: «Юноша с седою головой» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 206). Образ

Пастернака у Паустовского также связан с темой полета. Поэт наделен эпитетом «крылатый» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 207) и назван падучей звездой, движущейся вверх, что актуализирует мотив чуда, невозможного, но посильного для искусства. Так образ Пастернака оказывается подспудно связан с мотивом преодоления тяжести и времени.

Название «Собеседник сердца» должно было подчеркнуть сложное построение последней главы. Думается, эта фраза относится не только к Пастернаку, но и к самой поэзии. Мотив объединяющей роли слова реализуется через интертекстуальный полилог, в котором участвуют Н.А. Заболоцкий, М. Горький, А.С. Пушкин, П.Н. Васильев. Потом к «беседе» присоединяется неназванный А.А. Григорьев, его фраза о «закатившемся солнце нашей поэзии», сказанная о Пушкине, распространяется на многих русских поэтов.

В финале снова возникает образ времени как силы, враждебной поэзии. Паустовский помещает в заключение своеобразный мартиролог: «мы не сберегли в свое время Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Чехова[10], не сберегли Блока, Маяковского, Есенина, Мандельштама, Цветаеву, Заболоцкого. Не стоит длить этот тяжкий список…» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 207) Показателен здесь эпитет «тяжкий», он подхватывает мотив, заданный в начале повести. О нем Паустовский вспоминает в финале, закольцовывая композицию: «В начале этой книги я говорил о тяжелых временах» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 208).

Но последняя фраза — своеобразный символ веры автора, перечисление наиболее значимых для него ценностей: «Самым прекрасным было то, что люди сберегли и сохранили чистоту ума и сердца, веру в добро и ту великую поэзию, без которой не мог жить, не может жить и никогда не будет жить наш великий народ» (там же, л. 208).

Так, выстраивающаяся система образов говорит о внимании к земной реальности, любви к ней, о том, что человек черпает вдохновение у природы и без этой эстетической почвы творчество абсолютно немыслимо. Но делом человека становится поэтическое освобождение этих эстетических зерен. Кроме того, важна пока не исследованная литературоведами мысль Паустовского о преодолении времени и союзе людей, сплоченных общим мировоззрением.

Думается, что исключенные главы не только проливают свет на задачи книги, но и позволяет уточнить эстетику Паустовского. Здесь видится прямое освоение некоторых модернистских идей. В.Ю. Даренский, говоря о романтизме как основе метода Паустовского, делает примечательное дополнение: «Это своего рода акмеизм в прозе, поскольку здесь человек берется в высшей точке развития — в его “акме” как главном предмете художественного изображения» [3, с. 24]. А Н.П. Хрящева и Ю.А. Сухорукова, исследуя один из поздних рассказов, отмечают, что писатель «приближается к модернистской парадигме художественности» [13, с. 83]. Вероятно, идея модернистского понимания творчества может существенно дополнить суждение об эстетике Паустовского, привычно определяемой как романтическая.

[10] Фамилия вычеркнута во втором, параллельном, варианте машинописи (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 211). Хотя включение Чехова в ряд поэтов интересно как знак своеобразной рецепции Чехова Паустовским.

Приложение

Приближение зари (фрагмент)[11]

Иной раз целые годы ложатся на сердце темной и медленной тяжестью. Но человек всегда верит, что где-то за горизонтом занимается заря и звучит в ночном безмолвии голос лесных родников.

Чем снять эту тяжесть? Как избавиться от нее, чтобы жить дальше со спокойной душой?

Должно быть тем, что рассказать о ней людям. Близким или далеким — это, в конце концов, все равно. За долгую жизнь убеждаешься, что для неприкрашенного рассказа о жизни, для искренних слов почти нет равнодушных людей. В этом случае многие тебя поймут.

Общность человеческих свойств помогает людям понять друг друга, хотя бы их разделяли неизмеримые протяжения пространства и времени.

Поэтому я спокойно перехожу к описанию трудных времен, пережитых нами.

Эту шестую автобиографическую книгу «На медленном огне» я хочу написать свободно, не очень считаясь с равномерным течением времени и с его неразборчивостью и не пытаясь соблюдать строгую хронологию.

Еще в гимназии я не любил хронологию и нахватал из-за нее порядочно двоек. Я считал тогда, что гораздо лучше разбить историю человечества на короткие отрезки времени, на своего рода отдельные главы по 30 или 50 лет каждая. Вызубривать же годы и даже дни всяких событий мне казалось просто нелепостью.

Что из того, что Колумб открыл Америку в 1492 году, а не в 1491-ом? Гораздо проще было бы сказать, что он открыл ее в самом конце пятнадцатого века.

Что из того, что Наполеон Бонапарт родился в 1769 году, а не в 1770-ом? Мы не знаем точного года рождения Гомера, но от этого ничто не изменилось в его величавой поэзии.

Со временем моя наивная неприязнь к хронологии прошла. Но не совсем. Меня, например, всегда тяготит необходимость хронологического порядка в автобиографических вещах.

Правда, события в подлинной жизни происходят последовательно. Но у искусства и воспоминания есть собственное течение времени, своя разумная и свободная хронология.

Теперь, когда я как бы снял с себя возможные обвинения в непоследовательности, я могу писать и последовательно и непоследовательно. Но все же нужно писать так, как это будет лучше для правды.

Список литературы:

Исследования

1 *Балашова Е.Ю.* Лингвокультурная доминанта вера, надежда, любовь в религиозном дискурсе (на текстовом и системно-языковом материале) // Язык и мир изучаемого языка. 2011. № 2. С. 12–19.

2 *Борщаговский А.* Мужество и щедрость таланта // *Паустовский К.Г.* Книга скитаний. Повести. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1978. С. 3–18.

[11] *Паустовский К.Г.* [«Повесть о жизни]. Книга шестая [«Книга скитаний»] = «На медленном огне». (Книга скитаний)». Вариант. РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2–4.

3 *Даренский В.Ю.* Художественная философия К.Г. Паустовского // Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: сб. научн. ст. М.: МАКС пресс, 2023. Вып. 2 / отв. ред. М.В. Скороходов. С. 15–34. https://www.doi.org/10.29003/m3507.paustovsky_v2/15-34

4 *Зусева В.Б.* Метаповествование // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 119–120.

5 *Ковальджи К.* Очарование нормального волшебника: К. Паустовский // Октябрь. 2008. № 2. С. 66–71.

6 *Кондаков И.В.* Неоромантизм Константина Паустовского // Русская литература XX века: 1930-е – середина 1950 годов в 2 т. М.: Академия, 2014. Т. 1. / под ред. Н.Л. Лейдермана, М.Н. Липовецкого и М.А. Литовской. С. 276–291.

7 *Коржова И.Н.* Заглавия принятые и отвергнутые в «Повести о жизни» К.Г. Паустовского (к реконструкции творческой истории) // Литературный факт. 2024. № 3 (33). С. 243–260. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-243–260

8 *Ламзина А.В.* Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. Стб. 848–853.

9 *Летохо Е.В.* Художественный мир малой прозы К.Г. Паустовского 1940–1960 годов: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2010. 19 с.

10 *Паустовский В.* На медленном огне // *Паустовский К.Г.* Время больших ожиданий: повести. Дневники, письма. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2002. С. 7–19.

11 *Скороходов М.В.* К вопросу о печатных источниках 6-й части «Повести о жизни» К.Г. Паустовского «На медленном огне. (Книга скитаний)» // Литературный факт. 2024. № 3 (33). С. 261–289. https://doi. org/10.22455/2541-8297-2024-33-243-260/

12 *Харламова Л.А.* Семиотика формулы вера, надежда, любовь (на материале индоевропейских языков) // Язык и культура (Новосибирск). 2012. № 1–2. С. 62–71.

13 *Хрящева Н.П., Сухорукова Ю.А.* Позднее творчество К.Г. Паустовского: движение к поэтике метапрозы // Уральский филологический вестник. 2012. № 1. С. 71–83.

Источники

14 *Булгаков М.А.* Белая гвардия / подгот. Е.А. Яблоков. М.: Ладомир; Наука, 2015. 822 с.

15 *Паустовский К.Г.* На медленном огне: (отрывок из книги) // Мир Паустовского. 2005. № 23. С. 12.

16 *Паустовский К.Г.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 5: Повесть о жизни. Кн. 4–6. 546 с.

***

© 2025. Inessa N. Korzhova
Moscow, Russia

METAREFLECTION IN UNPUBLISHED CHAPTERS OF K.G. PAUSTOVSKY'S NOVEL "THE BOOK OF WANDERINGS (ON A SLOW FIRE)"

Acknowledgements: The work was carried out at IWL RAS with the financial support from the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01479 "Textological Problems of Konstantin Paustovsky's Work: The Story of a Life" (Available at: https://rscf.ru/project/24-28-01479/).

Abstract: The paper examines unpublished fragments of K.G. Paustovsky's novella "The Book of Wanderings. (On a Slow fire)", which are the first chapter, "The Approach of Dawn," and the final half of the last, "The interlocutor of the heart". The research material was the typescript of the story, stored in the Russian State Library and the documents of the K.G. Paustovsky Museum in Moscow. The author of the paper relies on evidence that the removal of chapters was related to censorship and did not reflect the original intentions of the writer. The study describes the sources of the text, reflecting the different stages of work on the novel, and provides a textual description of the analyzed fragments. The chapters selected for analysis relate to the framing parts of the work and are characterized by high meta-reflexivity. The chapters provide general assessment of the depicted time and the creative tasks of the writer. The years 1923–1936, in which the action of the story develops, are estimated as a time that weighed on the soul, the period of "living with a subdued voice". Creative communication with predecessors and contemporaries becomes a way of relieving stress. This pragmatic explanation of the reasons for the creation of the book is juxtaposed with reflections on literature as the highest form of beauty in the world. Thus, time, heaviness, and the word become the key concepts of the framing chapters. The appendix to the paper contains a fragment of the chapter "The Approach of Dawn".

Keywords: Paustovsky, Textual Criticism, Creative History, the Frame of the Work, Meta-reflection, Artistic Autobiography, Romanticism, Modernism.

Information about the author: Inessa N. Korzhova — DSc in Philology, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6368-6888
E-mail: clean24@yandex.ru

Received: January 01, 2025
Approved after reviewing: September 13, 2025
Date of publication: заполняется гл. ред. на финальном этапе
For citation: Korzhova, I.N. "Meta-reflection in Unpublished Chapters of K.G. Paustovsky's Novel 'The Book of Wanderings. (On a Slow Fire)'." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 217–229. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-217-229

References

1 Balashova, E.Iu. “Lingvokul'turnaia dominanta vera, nadezhda, liubov' v religioznom diskurse (na tekstovom i sistemno-iazykovom materiale)” [“Linguacultural Dominant Faith, Hope, Love in Religious Discourse (Based on Textual and System-linguistic Material)”]. *Iazyk i mir izuchaemogo iazyka*, no. 2, 2011, pp. 12–19. (In Russ.)

2 Borshchagovskii, A. “Muzhestvo i shchedrost' talanta” [“The Courage and Generosity of Talent”]. Paustovskii, K.G. *Kniga skitanii. Povesti* [*The Book of Wanderings. Stories*]. Kishinev, Kartia moldoveniaske Publ., 1978, pp. 3–18. (In Russ.)

3 Darenskii, V.Iu. “Khudozhestvennaia filosofiia K.G. Paustovskogo” [“The Artistic Philosophy of K.G. Paustovsky”]. *Tvorcheskoe nasledie Konstantina Paustovskogo v XXI veke: sbornik nauchnykh statei* [*Creative Heritage of Konstantin Paustovsky in the 21th Century:* Collection of Scientific Papers], vol. 2, ex. ed. M.V. Skorokhodov. Moscow, MAX Press LLC Publ., 2023, pp. 15–34. (In Russ.) https://www.doi.org/10.29003/m3507.paustovsky_v2/15-34

4 Zuseva, V.B. “Metapovestvovanie” [“Meta-narrative”]. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i poniatii* [*Poetics: Dictionary of Actual Terms and Concepts*], acad. ed. N.D. Tamarchenko. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi Publ., Intrada Publ., 2008, pp. 119–120. (In Russ.)

5 Koval'dzhi, K. “Ocharovanie normal'nogo volshebnika: K. Paustovskii” [“The Charm of a Normal Wizard: K. Paustovsky”]. *Oktiabr'*, no. 2, 2008, pp. 66–71. (In Russ.)

6 Kondakov, I.V. “Neoromantizm Konstantina Paustovskogo” [“The Neo-Romanticism of Konstantin Paustovsky”]. *Russkaia literatura XX veka: 1930-e – seredina 1950-kh godov: v 2 t.* [*Russian Literature of the Twentieth Century: 1930s – mid-1950s: in 2 vols.*], vol. 1, ed. N.L. Leiderman, M.N. Lipovetskogo i M.A. Litovskoi. Moscow, Akademiia Publ., 2014. pp. 276–291. (In Russ.)

7 Korzhova, I.N. “Zaglaviia priniatye i otvergnutye v “Povesti o zhizni” K.G. Paustovskogo (k rekonstruktsii tvorcheskoi istorii”) [“Accepted and Rejected Titles in “The Story of a Life by K.G. Paustovsky” (To the Reconstruction of Creative History)”]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (33), 2024, pp. 243–260. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-243-260

8 Lamzina, A.V. “Rama proizvedeniia” [“Frame of the Work”]. *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii* [*Literary Encyclopedia of Terms and Concepts*], *ed. and comp.* A.N. Nikoliukin. Moscow, Intelvak Publ., 2001, col. 848–853. (In Russ.)

9 Letokho, E.V. *Khudozhestvennyi mir maloi prozy K.G. Paustovskogo 1940–1960-kh godov* [*The Artistic World of K. G. Paustovsky's Small Prose of the 1940s and 1960s: PhD Thesis, Summary*]. Moscow, 2010. 19 p. (In Russ.)

10 Paustovskii, V. “Na medlennom ogne” [“On a Slow Fire”]. Paustovskii, K.G. *Vremia bol'shikh ozhidanii: povesti. Dnevniki, pis'ma* [*The Time of Great Expectations: Stories. Diaries, Letters*]. Nizhnii Novgorod, DEKOM Publ., 2002, pp. 7–19. (In Russ.)

11 Skorokhodov, M.V. “K voprosu o pechatnykh istochnikakh 6-i chasti “Povesti o zhizni” K.G. Paustovskogo “Na medlennom ogne. (Kniga skitanii)” [“On the Issue of Printed Sources of the 6th Part of K.G. Paustovsky’s “The Story of a Life” “On a Slow Fire. (Book of Wanderings)”]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (33), 2024, pp. 261–289. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-243-26011

12 Kharlamova, L.A. “Semiotika formuly vera, nadezhda, liubov' (na materiale indoevropeiskikh iazykov)” [“Semiotics of the Formula Faith, Hope, Love (Based on the Material of Indo-European Languages)”]. *Iazyk i kul'tura* (Novosibirsk), no. 1–2, 2012, pp. 62–71. (In Russ.)

13 Khriashcheva, N.P., Sukhorukova, Iu.A. “Pozdnee tvorchestvo K.G. Paustovskogo: dvizhenie k poetike metaprozy” [“The Later Works of K.G. Paustovsky: a Movement Towards the Poetics of Metaprose”]. *Ural'skii filologicheskii vestnik*, no. 1, 2012, pp. 71–83. (In Russ.)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-230-240
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. А.С. Шолохова
г. Москва, Россия

«ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ»: ДВА ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК 1964 Г.

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу двух переводов автобиографической «Повести о жизни» Константина Паустовского на английский язык, вышедших практически одновременно в 1964 г. в США (перевод Джозефа Барнса) и Великобритании (перевод Мани Харари и Майкла Дункана). Появление двух версий объясняется растущей международной известностью Паустовского, в том числе его номинацией на Нобелевскую премию, и конкуренцией между издательствами. В статье подробно рассматриваются историко-культурный контекст, включая роль переводов в культурном обмене периода «холодной войны», а также издательские стратегии, обусловившие одновременный выход двух версий. Американский перевод, выполненный журналистом и дипломатом Барнсом, ориентирован на точную передачу исторического контекста для своей аудитории. Британский вариант, созданный носителем русской культуры Харари в тандеме с литератором Дунканом, отличается большим вниманием к поэтичности и стилистической отделке. Существенная часть работы содержит детальный лингвистический анализ фрагментов текста, демонстрирующий ключевые различия на лексическом, орфографическом и стилистическом уровнях, обусловленные региональными нормами английского языка и стратегиями адаптаций культурных реалий. Отмечается, что обе работы получили высокую оценку критиков, но также вызвали дискуссии о балансе между буквальностью и художественной выразительностью.

Ключевые слова: русская литература, Паустовский К.Г., «Повесть о жизни», перевод, интерпретация текста, “Pantheon”, “Harvill Press”, Д. Барнс, Маня Харари, М. Дункан.

Информация об авторе: Анна Сергеевна Шолохова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2325-9619
E-mail: anna_sholokhova@mail.ru

Дата поступления статьи: 01.01.2025
Дата одобрения рецензентами: 13.09.2025
Дата публикации: 25.09.2025

Для цитирования: *Шолохова А.С.* «Повесть о жизни»: два перевода на английский язык 1964 г. // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 230–240. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-230-240

Переводы произведений К.Г. Паустовского стали появляться вскоре после публикаций оригинала. Так, в 1934 г. выходит перевод повестей «Кара Бугаз» и «Судьба Шарля Лонсевиля» на немецком языке; в 1936 г. появляется первый перевод «Колхилы». С середины 1950 -х гг. Паустовский становится писателем с мировым именем, его произведения переводятся на разные языки и активно издаются за рубежом: в 1950 г. выходят первые два перевода повести «Кара-Бугаз» в Китае; в Италии в 60-е гг. публикуются «Кара Бугаз», «Повесть о жизни» (1 и 2 книги), роман «Блистающие облака»; в Испании печатаются рассказы «Старый челн», «Телеграмма», «Северная повесть». Безусловно, огромную популярность Паустовский имеет в славянских странах — Польше (где переведено около 150 его произведений), Сербии, Венгрии, Чехии. Переводят Паустовского и на японский язык (первый перевод выполнен в 1960 г. в Токио — это рассказ «Стальное колечко»), и на персидский (в 1970 г. выходит перевод повести «Золотая роза»).

Первый перевод на английский язык появляется в 1945 г. Это была повесть «Кара Бугаз» ("The Black Gulf"), выпущенная издательством Hutchinson&Co в Лондоне в переводе Евгении Шиманской [16].

В 1950–1970-х гг. советские издательства, такие как «Радуга», «Советский писатель», «Издательство литературы на иностранных языках», «Прогресс» начали активно публиковать переводы рассказов Константина Паустовского на английский язык, что было частью дипломатической стратегии государства — в период «холодной войны», несмотря на политическую напряженность, существовал интерес к культурному обмену между СССР и Западом. Такие книги часто использовались в учебных целях, например, для изучения русского языка через литературу, и были предназначены для широкой аудитории, включая студентов и исследователей русской культуры. Некоторые издания предназначались также для советских читателей, изучающих английский язык. Кроме того, особую роль играла коммерческая составляющая — продажа книг за рубежом приносила доход в иностранной валюте, что было важно для советской экономики в условиях ограниченных валютных ресурсов.

В 1954 г. «Издательством литературы на иностранных языках» был выпущен сборник рассказов «Бег времени» ("The Flight of time") в переводе знаменитого Льва Наврозова [17]. В сборник вошли: лирическая новелла «Корзина с еловыми шишками» ("A Basket of Fir-Cones") и другие рассказы 1940–1950-х гг. («Ночь в октябре» ("A Night in October"), «Клад» ("The Treasure"), «Случай с Диккенсом» ("Dickens")). Английский перевод был выпущен сразу после публикации сборника на русском языке, в том же 1954 г. в издательстве «Советский писатель».

В 1957 г. то же «Издательство литературы на иностранных языках» опубликовало сборник рассказов Паустовского «Золотая роза» ("The Golden rose") в переводе Сусанны Розенберг [18].

В 1965 г. Паустовский был номинирован на Нобелевскую премию по литературе, что повысило интерес к его творчеству, и советские издательства стремились поддержать этот интерес, публикуя зарубежные версии его рассказов. Издательства не только обменивались правами на публикации с зарубежными редакциями, что позволяло сокращать затраты на переводы и издание книги, но и достаточно часто привлекали к работе

западных специалистов, чьи переводы часто считались более точными и литературно выразительными [13, 14]. В 1970 г. издательство «Прогресс» публикует «Избранные повести и рассказы» (“Selected Stories”) К. Паустовского [14]. В сборник вошли рассказы, специально отобранные самим автором для публикации на английском языке. Открывается книга авторским предисловием, которое было написано для восьмитомного собрания сочинений 1967–1976 гг. — «Несколько отрывочных мыслей (Вместо предисловия)» (“Some Random Reflections”). Большинство рассказов в сборнике было переведено английской переводчицей Кэйтлин Кук: («Исаак Левитан» (“Isaak Levitan”), «Ленька с Малого озера» (“Lyonka from Little Lake”), «Во глубине России» (“In the Heart of Russia”) и др.). В 1974 г. книга была переиздана с добавлением иллюстраций.

В 1960-е гг. произведения Паустовского активно переводят и издают за рубежом. В 1964 г. два различных издательства (английское и американское) выпускают свои переводы «Повести о жизни». Появление двух переводов произведения на английский язык — это интересный феномен, который можно объяснить сочетанием культурных, исторических и издательских факторов. Конкуренция между издательствами привела к тому, что оба перевода вышли практически одновременно, что было редким, но не уникальным случаем в издательской практике. Паустовский к тому времени уже получил известность в литературных кругах благодаря переводам своих рассказов, но «Повесть о жизни» стала его главным произведением, которое могло привлечь широкую аудиторию. Как автобиография, охватывающая ключевые события русской истории XX в., оно представляло особый интерес. Издательства, понимая потенциал книги, решили выпустить ее одновременно, чтобы закрепиться на рынке.

Оба перевода отличаются по стилю и подходу переводчиков к тексту.

Первый выходит в Америке, издательство “Pantheon” публикует три книги «Повести о жизни» (“The faraway years 1947”, “Restless youth 1955”, “The start of an extraordinary era 1956”) в переводе Джозефа Барнса [19].

Джозеф Фелз Барнс (1907–1970) — известный американский журналист, редактор и переводчик, чья биография тесно связана с историей XX в. и заслуживает отдельного упоминания. Барнс родился в США, получил образование в Гарвардском университете, где изучал историю и литературу. Его интерес к международным отношениям и языкам проявился уже в студенческие годы. В 1930-х гг. Барнс начинает работать журналистом, он сотрудничает с таким изданием, как “New York Herald Tribune” и пишет статьи на темы международной политики. С 1937 г. Барнс работает корреспондентом в Москве, где лично встречается с советскими лидерами, включая Сталина, и пишет репортажи, освещающие события в СССР. Во время Второй мировой войны Барнс служит в Управлении стратегических служб (Office of Strategic Services, OSS), предшественнике ЦРУ, и занимается анализом информации и подготовкой стратегических материалов. После войны он продолжил работать в сфере международных отношений, участвуя в создании Организации Объединенных Наций (ООН).

Помимо своей политической и журналистской карьеры, Джозеф Барнс известен переводами русской литературы на английский язык. Он переводил произведения таких классиков, как А.П. Чехов, И.С. Тургенев, М. Горький. В 1965 г. за свой перевод «Повести о жизни» Константина Паустовского Барнс получает премию — “The PEN Translation Prize” — ежегодную награду, присуждаемую за выдающиеся переводы на английский язык.

Перевод, выполненный Джозефом Барнсом, стал важным событием в культурном обмене между Россией и США, он прежде всего был ориентирован на американскую аудиторию и демонстрировал стремление к точности и сохранению исторического контекста.

Рецепция перевода «Повести о жизни» в США отражает как интерес к русской литературе, так и сложности, связанные с передачей ее уникальных особенностей на другом языке. Американские читатели, знакомые с русской литературой в основном через произведения Толстого, Достоевского и Чехова, открыли для себя нового автора, чье творчество отличалось особым лиризмом и тонким описанием природы. Многие критики хвалили Барнса именно за то, что ему удалось передать эмоциональную глубину произведения Паустовского.

Почти сразу после выхода перевода 3 мая 1964 г. в газете "The New York Times" (раздел "Book review") появляется большая рецензия на книгу под названием «Сквозь смуту и оттепель. "Повесть о жизни" Константина Паустовского в переводе Джозефа Барнса» ("Through the Tumult and the Thaw; The Story of a life. By Konstantin Paustovsky. Translated from the Russian by Joseph Barnes") [10, p. 1]. Автор рецензии, чье имя, к сожалению, не указано, охарактеризовал произведение Паустовского как «калейдоскопическую историю», сравнив ее с толстовской панорамой эпохи [10, p. 1]. По его словам, Паустовский сумел объединить личный опыт с масштабными историческими событиями, создав не просто автобиографию, а эпическое полотно, отражающее судьбу целого поколения. Журналист отметил, что писатель, несмотря на трагедии сталинских репрессий, распад семьи и «бесконечную агонию страны», оставался верен своим принципам: «Паустовский предстает перед нами гибкой, строгой фигурой талантливого художника, обладающего доброй волей и бурным воображением. Он — писатель, который никогда не менял своих взглядов и никогда не терял веры в то, что в конце концов добро восторжествует над злом и что человечность людей окажется сильнее их бесчеловечности» [10, p. 1]. В заключении рецензент отмечает, что «Повесть о жизни» — «это история человека, который пережил почти все несчастья, трудности и трагедии, какие только могла придумать судьба, и который никогда не терял оптимизма и надежды на лучшее будущее». А о самом переводе журналист говорит как о «ценном вкладе в англоязычную литературу, в котором сохранена поэтичность и философская насыщенность оригинала» [10, p. 1].

1 июля 1964 г. [2, p. 33] в "The New York Times" появляется еще она заметка (в разделе "Books of The Times") под названием «Невероятный сюрприз из России» ("A Magnificent Surprise from Russia"). Автор рецензии, чье имя также остается неизвестным, назвал книгу «лучшей из прочитанных в этом году» и даже подчеркнул, что, по его мнению, «Повесть о жизни» превосходит по силе впечатления и художественной ценности знаменитого «Доктора Живаго» Бориса Пастернака [2, p. 33]. Однако, как ни парадоксально, книга Паустовского осталась незамеченной для многих американских читателей, что автор назвал «космической литературной несправедливостью» [2, p. 33]. Проза Паустовского по словам критика «обманчиво проста», но при этом наполнена эмоциональной глубиной, яркими деталями и драматическими историями. Каждая глава представляет собой «мастерски сконструированную» миниатюру, создающую «блестящую панораму русской жизни и русской истории, увиденную глазами одного человека» [2, p. 33]. Особую похвалу получил перевод Джозефа Барнса, который, по мнению рецензента, передал стиль Паустовского так «что кажется, будто читаешь русский оригинал». Журналист при этом отметил, «что стиль г-на Паустовского, несомненно, стоит в одном

ряду с тургеневским» [2, p. 33]. (см. выше) Несмотря на описание трагедий и личных потерь, Паустовский, по словам критика, избегает цинизма и отчаяния, характерных для западных автобиографий, а его книга пронизана «страстной любовью к родной земле и людям» [2, p. 33].

Несмотря на широкое признание перевода Барнса за точность и литературную выразительность, некоторые критики обратили внимание на ряд недостатков, которые повлияли на восприятие текста англоязычной аудиторией. Как отмечал журнал "The New Yorker" (2 января 1965 г., Наоми Бливен) [1, p. 57], стиль Паустовского, насыщенный метафорами, лирическими отступлениями и подробными описаниями, в переводе Барнса «местами кажется слишком буквальным, что лишает текст части его поэтического очарования» [1, p. 57]. Кроме того, «Повесть о жизни» — это произведение, тесно связанное с реалиями дореволюционной России и советской эпохи, что требует дополнительных пояснений, которые отсутствуют в переводе, для читателей, не знакомых с русской историей.

Английский перевод «Повести о жизни» Константина Паустовского 1964 г. был выпущен издательством "Harvill Press" в переводе Мани Харари и Майкла Дункана [15].

Маня Харари (1905–1969) — известная британская переводчица, издатель и общественный деятель. Она родилась в России, но после революции 1917 г. ее семья эмигрировала в Великобританию. Харари свободно владела русским языком и глубоко понимала русскую культуру, что сделало ее одной из ключевых фигур в продвижении русской литературы на Западе. Именно она основала издательство "Harvill Press", которое специализировалось на публикации переводов мировой литературы, включая произведения русских авторов. Как отмечала лондонская газета "The Times", Харари была «гораздо больше, чем просто переводчицей; она была посредником между двумя литературными культурами, в каждой из которых она чувствовала себя как дома» [7, p. 16].

Вместе с Маней Харари над переводом «Повести о жизни» работал Майкл Дункан (1913–1994), который не был носителем русского языка, но обладал глубоким интересом к русской культуре и литературе. Сотрудничество с Харари было основано на ее знании языка и его литературном мастерстве. Такая совместная работа была взаимодополняющей: Харари, как носитель русского языка и знаток русской культуры, обеспечивала точность и глубину понимания текста; Дункан, в свою очередь, отвечал за литературную обработку перевода, чтобы он звучал естественно и элегантно на английском языке. Их сотрудничество стало примером лингвистической точности и литературного мастерства.

Критики высоко оценили точность перевода и его способность передать лиризм Паустовского. Рецензент "The Times Literary Supplement" отметил, что «Харари и Дункан смогли сохранить поэтичность и эмоциональную глубину оригинала, что делает их перевод выдающимся достижением» [5, p. 4]. Переводчикам удалось передать уникальный стиль Паустовского, который сочетает в себе простоту и изысканность. Критик подчеркнул, что «перевод звучит так, как будто сам Паустовский писал по-английски» [5, p. 4]. Кроме того, переводчики успешно справились с задачей передачи культурного и исторического контекста произведения, сделав его доступным для читателей, не знакомых с русской историей. В конце книги размещено небольшое приложение, в котором объяснены основные реалии. Единственным недостатком критик считает то, что перевод местами кажется слишком «британским» по стилю, и это может отдалять читателя от русской атмосферы произведения [5, p. 4].

Для сравнения двух переводов и небольшого лингвистического анализа мы выбрали первую главу книги «Смерть отца».

Прежде всего обращают на себя внимание лексические и орфографические различия между американским и британским переводами.

Например:

«Повесть о жизни»	**Американский перевод (Джозеф Барнс)**	**Английский перевод (Маня Харари / Майкл Дункан)**
Лексика:		
последнего класса гимназии	in my last year *of* school	in my last year *at* school
близорукий	nearsighted	shortsighted
кабинет	office	study
платок	handkerchief	shawl
священник	priest	clergy
Орфография:		
играла на рояле	practi*c*ing the piano	practi*s*ing the piano
карбованцы	silver rubles	silver roubles
плотный	thickset	thick-set
театральные кулисы	theater	theatre

Такие нюансы являются результатом исторического, культурного и социального различия двух вариантов языка и отражают адаптацию текстов под региональные нормы и ожидания аудитории — переводчики выбирают лексику, знакомую их читателям. В британских текстах чаще сохраняются традиционные формы написания.

Стилистические различия, связанные с построением фраз, выбором лексики, использованием эпитетов и метафор, употреблением реалий, в каждом конкретном случае лучше рассматривать отдельно.

«Повесть о жизни»	**Американский перевод (Джозеф Барнс)**	**Английский перевод (Маня Харари / Майкл Дункан)**
самый отпетый старик	the most downright old rascal	the most desperate character

Фразеологизм «самый отпетый старик» обладает экспрессией и двойственностью, а также имеет определенную негативную коннотацию («отпетый») с возможной

долей иронии. Оба варианта перевода предлагают различные интерпретации. В данном примере американский вариант, на наш взгляд, является более ярким. Барнс употребляет просторечное, броское слово “rascal” — «мошенник», «плут», которое имеет разговорный оттенок и часто используется в американском английском для описания персонажей с хулиганскими чертами. Прилагательное “downright” — «явный» усиливает экспрессию, подчеркивая отчаянный характер старика. В британском переводе эпитет имеет определенное драматическое или даже трагическое значение: “desperate” — «отчаянный», а слово “character” («тип», «личность») звучит более нейтрально и формально.

Приведем еще примеры:

«Повесть о жизни»	**Американский перевод (Джозеф Барнс)**	**Английский перевод (Маня Харари / Майкл Дункан)**
Феоктистов рассказал мне, что ночью *прошел лед* на бурной *реке Рось*.	Feoktistov told me the ice had *broken up* the night before on *the fast-flowing Ros River* [19, p. 3].	Feoktistov told me that the night before the broken ice had *swept down the fast-flowing Ros* [15, p. 7].

В британском переводе употреблен глагол “swept down”, который передает движение льда вниз по течению, добавляя визуальную динамику и создавая эффект стремительного потока. Такой вариант ближе к оригинальному выражению «прошел лед», где важен не только факт разрушения, но и сам процесс. Опущение слова «river» в британском примере — “the fast-flowing Ros”, делает фразу лаконичнее, а упор именно на название “Ros” придает ей определенную поэтичность и звучит естественнее в художественном тексте.

«Повесть о жизни»	**Американский перевод (Джозеф Барнс)**	**Английский перевод (Маня Харари / Майкл Дункан)**
Это был длиннобородый близорукий старик в толстых очках, в потертой тужурке почтового ведомства со скрещенными медными рожками и молниями на петлицах.	He was a *nearsighted* old man with thick glasses and a long beard. He wore a postal official’s jacket with the brass insignia of his job sewed on its worn cloth [19, p. 3].	He was a *short-sighted* old man with thick glasses and a long beard who wore an old jacket and the brass insignia of the postal service — *cross horns and lightings* — sewn to its lapels [15, p. 7].

Американский перевод Джозефа Барнса более лаконичен и формален. Переводчик опускает детали, такие как описание «потертой тужурки», заменяя его более общим выражением «worn cloth», а также не передает визуальные элементы вроде «скрещенных рожков и молний» на петлицах. Этот подход упрощает текст, делая его

более понятным и легким для восприятия, но лишает его части оригинальной образности. В отличии от него, британский перевод Мани Харари и Майкла Дункана сохраняет высокую степень детализации, воспроизводя специфические символы — "cross horns and lightnings", что позволяет создать более точный и живой визуальный образ, близкий к авторскому замыслу.

В заключении рассмотрим еще один важный аспект, который необходимо учитывать при переводе — передача реалий и особой лексики.

«Повесть о жизни»	**Американский перевод (Джозеф Барнс)**	**Английский перевод (Маня Харари / Майкл Дункан)**
заваленный томами «Нивы»	filled with volumes Niva (*в тексте есть сноска с объяснением*)	cluttered up with volumes of Niva (*объяснение в примечаниях*)
извозчик	driver	driver
файтон	carriage	carriage
балагула	old driver	old driver
три карбованца	three silver rubles	three silver rubles
никто не напечатает про эту смерть в «Киевской мысли»	nobody will even write about it in the paper	_____
Тарас Шевченко	Taras G. Shevchenko (*в тексте есть сноска с объяснением*)	Taras G. Shevchenko (*объяснение в примечаниях*)
кантонисты	soldier's sons	kantonisti (*объяснение в примечаниях*)
махорка	makhorka (*без пояснений*)	makhorka (*объяснение в примечаниях*)
«Русский инвалид»	Russian Invalid	Russian Pensioner

Перевод культурно-специфических реалий — одна из самых сложных задач. В примерах из «Повести о жизни» переводчики часто заменяют оригинальные термины нейтральными эквивалентами. Специфические реалии украинского быта, такие как «балагула», «файтон», «карбованцы», требуют пояснений даже для русского читателя и, чтобы не прерывать ритм повествования, они были заменены универсальными, унифицированными аналогами. Некоторые реалии, например название журнала «Нива» или антропонимы (Шевченко), не имеют эквивалента в иностранном языке и переданы

с помощью транслитерации с пояснениями в сносках или примечаниях. Иногда реалия может совсем исчезнуть из текста, как это произошло в британском переводе с названием газеты «Киевская мысль», а иногда может быть передана ошибочно. Нейтральные эквиваленты в переводе — это компромисс между точностью и адаптацией. Английские переводчики, как это видно из примеров, стремились сохранить баланс, используя местами общепринятую лексику, но добавляя пояснения там, где это необходимо.

Благодаря усилиям переводчиков произведения Паустовского стали доступны широкой англоязычной аудитории. В работах Барнса и Харари / Дункана не только передано содержание оригинального текста, но и сохранены поэтичность и лиризм, которые делают творчество Паустовского уникальным.

Список литературы

Исследования

1 *Bliven N*. The Story of a life, Konstantin Paustovsky // The New Yorker. 1965. Vol. 40, № 46. January 2. P. 57.

2 Books of The Times. A Magnificent Surprise from Russia // The New York Times. 1964. July 1. P. 33.

3 *Glenny M*. Frail Patron of Russian Literature // The Times. 1972. November 23. P. 16.

4 *Harari M*. Memoirs 1906–1969. London: Harvill Press, 1972. 578 p.

5 *Jones P*. A new translation of the great Soviet writer Konstantin Paustovsky // The Times Literary Supplement. 1965. February 18. P. 4.

6 Joseph Barnes, a Senior editor of Simon // The New York Times. 1970. March 2. P. 37.

7 *Levin B*. Beyond Books Stands Life // The Times. 1944. June 21. P. 16.

8 *Oxbury H.* Great Britons: Twentieth-Century Lives. Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 123–125.

9 *Rolo P.J.V*. Harari Manya // The Dictionary of National Biography: 1961–1970. Oxford: Oxford University Press, 1981. P. 487–488.

10 Through the tumult and the thaw. The Story of a life by K. Paustovsky. Translated from the Russian by Joseph Barnes // The New York Times. 1964. May 3. Selection BR. P. 1.

11 *William L. Shirer*. 20th Century Journey: A Native's Return. Boston: Little Brown, 1960. P. 213–214.

Источники

12 *Паустовский К.Г.* Повесть о жизни: в 2 т. М.: Сов. Россия, 1966. Т. 1. 887 с.

13 *Paustovsky K.G.* In the heart of Russia and other stories. M.: Raduga, 1986. 372 p.

14 *Paustovsky K.G.* Selected stories. M.: Progress, 1970. 444 p.

15 *Paustovsky K.G.* Story of a life. London: Harvill press, 1964. 283 p.

16 *Paustovsky K.G.* The black gulf. London: Hutchinson, 194-. 124 p.

17 *Paustovsky K.G.* The flight of time. M.: Foreign languages publishing house, 1954. 98 p.

18 *Paustovsky K.G.* The golden rose. M.: Foreign languages publishing house, 1957. 236 p.

19 *Paustovsky K.G.* The story of a life. N.Y.: Pantheon, 1964. 661 p.

***

© 2025. Anna S. Sholokhova
Moscow, Russia

"STORY OF A LIFE": TWO DIFFERENT TRANSLATIONS INTO ENGLISH (1964)

Abstract: This paper presents a comparative analysis of the two 1964 English-language translations of Konstantin Paustovsky's autobiographical work, "The Story of a Life". The simultaneous publication of these versions is contextualized within the author's growing international prominence, including his nomination for the Nobel Prize, and heightened competition between publishing houses. The study examines the historical and cultural backdrop of the translations production, including the role in cultural exchange during the Cold War, as well as professional backgrounds of the translators and their publishing strategies that led to the simultaneous release of interpretations. The American version, produced by journalist and diplomat Barnes, prioritizes historical accuracy and contextual clarity for its target readership. In contrast, the British translation, rendered by native Russian speaker Harari in collaboration with stylist Duncan, emphasizes poetic fidelity and literary refinement. Through a detailed linguistic analysis of selected excerpts, the study highlights key divergences at the lexical, orthographic, and stylistic levels, attributing them to regional linguistic norms and different strategies for adapting culture-specific elements. The author points out that both translations were highly praised by critics, but also gave rise to discussions about the balance between literalness and artistic expressiveness.

Keywords: Russian literature, Paustovsky, "Story of a Life", Transfer, Translation, Interpretation of the Text, Pantheon, Harvill Press, Joseph Barnes, Manya Harary, Michael Duncan.

Information about the author: Anna S. Sholokhova — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2325-9619
E-mail: anna_sholokhova@mail.ru

Received: January 01, 2025
Approved after reviewing: September 13, 2025
Date of publication: September 25, 2025
For citation: Sholokhova, Anna S. "'Story of a Life'": Two Different Translations into English (1964)." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 230–240. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-230-240

References

1 Bliven Naomi "The Story of a life, Konstantin Paustovsky." *The New Yorker*, January 2, 1965, P. 57. (In English)
2 "Books of The Times. A Magnificent Surprise from Russia." *The New York Times*, July 1, 1964. P. 33. (In English)

3 Glenny Michael “Frail Patron of Russian Literature.” *The Times*, November 23, 1972, p. 16. (In English)
4 Harari Manya *Memoirs 1906–1969.* London, Harvill Press, 1972. 578 p. (In English)
5 Jones Paul “A New Translation of the Great Soviet Writer Konstantin Paustovsky.” *The Times Literary Supplement*, February 18, 1965, p. 4. (In English)
6 “Joseph Barnes, a Senior editor of Simon.” *The New York Times*, March 2, 1970, p. 37. (In English)
7 Levin Beth “Beyond Books Stands Life.” *The Times*, June 21, 1944, p. 16. (In English)
8 Oxbury Harold *Great Britons: Twentieth-Century Lives*. Oxford, Oxford University Press, 1985, pp. 123–125. (In English)
9 *Rolo, P.J.V*. “Harari Manya.” *The Dictionary of National Biography: 1961–1970*. Oxford, Oxford University Press, 1981, pp. 487–488. (In English)
10 “Through the tumult and the thaw. The Story of a life by K. Paustovsky. Translated from the Russian by Joseph Barnes.” *The New York Times*, May 3, 1964, Selection BR, p. 1. (In English)
11 William Lawrence Shirer *20th Century Journey: A Native's Return*. Boston, Little Brown Publ., 1960, pp. 213–14. (In English)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-241-254
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Д.М. Борисова
г. Москва, Россия

ОБРАЗ М.А. БУЛГАКОВА В «ПОВЕСТИ О ЖИЗНИ» К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-01479 «Проблемы текстологии К.Г. Паустовского: "Повесть о жизни"» (URL: https://rscf.ru/project/24-28-01479/)

Автор выражает благодарность коллективу Музея К.Г. Паустовского (г. Москва) за помощь в работе

Аннотация: К.Г. Паустовский был знаком с М.А. Булгаковым со времени обучения в Киевской Первой гимназии (1904–1912). На основе анализа эго-документов мы восстановили обстоятельства общения писателей и дальнейшие отношения Паустовского с Е.С. Булгаковой. Паустовский всегда оставался почитателем таланта Булгакова, содействовал возвращению его творческого наследия читателям, неоднократно упоминал его в художественной прозе и в публицистике, неизменно вписывая в ряд признанных классиков.

Особый интерес для исследователя представляет автобиографический цикл «Повесть о жизни». В частях «Далекие годы» (1946) и «Книга скитаний (На медленном огне)» (1963) представлена художественная биография Булгакова, создан образ непонятого и непризнанного своей эпохой гения. Посвященная творческому пути писателя глава «Снежные шапки» («Книга скитаний») подверглась значительным цензурным сокращениям и впоследствии не публиковалась в авторском варианте. В настоящем исследовании приводится текст, восстановленный по машинописям фонда журнала «Новый мир» (РГАЛИ); делается вывод о характере правок и процессе взаимодействия автора и редактора.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, К.Г. Паустовский, «Книга скитаний», «Повесть о жизни», текстология.

Информация об авторе: Дарья Максимовна Борисова — магистр, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 117485 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-0454-5924
E-mail: borisovadarya2015@yandex.ru

Дата поступления статьи: 01.01.2025
Дата одобрения рецензентами: 13.09.2025
Дата публикации: 25.09.2025

Для цитирования: *Борисова Д.М.* Образ М.А. Булгакова в творчестве К.Г. Паустовского // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 241–254. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-241-254

В автобиографическом цикле «Повесть о жизни» (1946–1963) К.Г. Паустовский создал литературный портрет М.А. Булгакова. Отразив важные вехи биографии писателя-современника, Паустовский дал глубокий анализ его творчества. Особое внимание было уделено еще не опубликованному роману «Мастер и Маргарита». В основе образа Булгакова лежали впечатления Паустовского от многих лет общения с ним самим и с его семьей. Взаимоотношения писателей прослеживаются по ряду источников: дневниковым заметкам, переписке, дарственным надписям на книгах, публицистическим и художественным текстам.

Паустовский познакомился с Булгаковым во время учебы в киевской Первой классической гимназии (1904–1912)[1]. Гимназисты не стали близкими друзьями, возможно, из-за того, что Паустовский был младше на три класса[2]. При этом их объединяли общие интересы: оба много читали, увлекались театром, участвовали в лодочных прогулках по Днепру. «Первое место на этих “вечерах на воде” принадлежало Булгакову. Он рассказывал нам необыкновенные истории. В них действительность так тесно переплеталась с выдумкой, что граница между ними начисто исчезала» [14, т. 7, с. 521], — вспоминал Паустовский в статье «Булгаков и театр» (1962).

После гимназии пути писателей разошлись. В 1923 году Паустовский и Булгаков встретились в Москве. Чаще всего писатели виделись в Доме труда (Воспитательный дом на Москворецкой набережной), где находились редакции газет и журналов. Булгаков был штатным сотрудником газеты «Гудок» (1922-1926). Паустовский, ранее сотрудничавший с «Гудком Закавказья», проработает в московской редакции всего два месяца и на всю жизнь сохранит воспоминания о «Четвертой полосе». Помимо этого, Булгаков и Паустовский часто встречались в соседней редакции газеты «На вахте». Писатели навещали друг друга. В декабре 1923 г. Паустовский посетил Булгакова в коммуналке на Большой Садовой (д. 10) (МЛМЦ КГП КП-2838/342). В начале следующего года Булгаков навестил Паустовского в подмосковном Пушкино, где тот снимал дачу (МЛМЦ КГП КП-2838/342)[3].

Известно, что Паустовский высоко ценил не только талант Булгакова прозаика, но и драматургическое, и актерское его мастерство. В 1927 г. Паустовский был на спектакле «Дни Турбиных» (МЛМЦ КГП КП-2838/342), в 1934–1935 гг. — на постановке «Пиквикского клуба», в которой Булгаков был помощником режиссера, соавтором сценария и исполнителем роли председателя суда. Спектакли оставили у Паустовского незабываемые впечатления.

В 1943 г. — спустя три года после смерти Булгакова — Паустовский начинает тесно общаться с его вдовой, «очень культурной и славной “европейской женщиной”» [14, т. 9. с. 224]. Елена Сергеевна Булгакова вспоминала, что «много рассказывала» [7, с. 8] о супруге Паустовскому, который вошел в тесный круг людей, прочитавших неопубликованные произведения Булгакова. Паустовский же презентовал Е.С. Булга-

1 В 1909–1910 гг. Паустовский по семейным обстоятельствам жил у дяди в Брянске и учился в местной гимназии.

2 Паустовский (1892–1968) был всего на год младше Булгакова (1891–1940), однако поступил в гимназию со второго раза.

3 Точная дата встречи в дневниках Паустовского не указана, но известно, что запись сделана не ранее 27 января 1924 г., поскольку ей предшествует упоминание о похоронах Ленина.

ковой свои книги («Михайловские рощи», «Далекие годы», «Избранное») с дарственными надписями (Фонд М.А. Булгакова РГБ (Ф. 562-45-8, Ф. 562-45-9, Ф. 562-45-10)). Находясь в гостях у общего знакомого, К.А. Федина, писатель посвятил жене Булгакова мадригал «Хоть Вы не киевлянка, но выпьем все ж за Киев…» (Государственный музей К.А. Федина, ГМФ 31464).

Нам удалось выяснить, что Паустовский был союзником Е.С. Булгаковой в борьбе за литературное наследие ее супруга. Попытки издания прозы Булгакова и выход произведений Паустовского с упоминаниями о нем (приходятся на одно время. 22 марта 1946 г. писатель, выступая с беседой на тему «Рассказ как жанр художественной литературы», упомянул Булгакова среди выпускников своей гимназии, «причастных к искусству и литературе» [13, с. 365]. В книге «Далекие годы», вышедшей в этом же году, автор дает художественный портрет Булгакова-гимназиста. Летом Булгакова подготовила «Мастера и Маргариту» к печати и «через знакомую портниху» [2, с. 419] передала письмо для И.В. Сталина А.Н. Поскребышеву. Личный помощник вождя обнадежил Е.С. Булгакову, однако после выхода «Постановления о журналах "Звезда" и "Ленинград"» (14 августа 1946 г.) публикация романа стала невозможной.

Борьба возобновилась в «оттепельные» 1960 гг. В 1962 г. вышла статья Паустовского «Булгаков и театр» с цитатами из «Театрального романа» и упоминанием «Мастера и Маргариты» — «самой значительной» «прозаической вещи» [14, т. 7, с. 529] писателя[4] [12, с. 28–31]. В очерке «Ярослав Ивашкевич» (1963) имя Булгакова вновь появляется в ряду «прославившихся <…> в области искусства» [14, т. 7, С. 533] выпускников киевских гимназий. В том же году в «Новом мире» (№ 10-11) вышел роман «Книга скитаний» («На медленном огне»), где описана жизнь Булгакова с юности и до кончины. Таким образом, Паустовский стремился возвратить читателям хотя бы имя писателя, как ранее помогал вернуть из безвестности наследие Александра Грина[5].

В благодарность за труды в 1963 г. Паустовский получил «Записки юного врача» с дарственной надписью: «Дорогому Константину Георгиевичу от Елены Булгаковой» (МЛМЦ КГ КП — 3192-44_1). Позже Булгакова прислала ему вторую часть журнального варианта «Мастера и Маргариты» с «пожеланием <…> здоровья» и «сердечным приветом» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 680). Публикация 1966–1967 гг. вызвала настоящий «булгаковский бум», открыв путь другим изданиям и сделав писателя известным во всем мире. Многолетняя борьба за возвращение прозы Булгакова читателю закончилась победой — и свою роль в этом сыграл художественный образ писателя, созданный Паустовским.

В книге «Далекие годы» (1946), посвященной детству и юности автобиографического героя, Булгаков впервые появляется в главе «Осенние бои». Рассказчик наблюдает традиционные драки между «аристократическим» первым и «демократическим» вторым отделениями гимназии.

Портрет юного Булгакова — одного из участников этих «сражений» — нарисован несколькими выразительными штрихами: «задорно вздернутый нос», «золотой венок <…> растрепанных волос» [14, т. 4, с. 167]. В бытовой, окрашенной мягким юмо-

[4] Из письма Булгаковой Паустовскому мы узнаем, что в редакции журнала статью «покорежили» (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 680). Вероятно, полный текст был более «крамольным», чем появившийся в печати.

[5] Паустовский был близко знаком со вдовой писателя Н.Н. Грин, вместе с ней подготовил к изданию «Рассказы» (1940) Грина. Писатель посвятил Грину главу «Сказочник» в книге «Черное море» (1935), очерк «Жизнь Александра Грина» (1939), статью-предисловие к «Алым парусам» («Волшебник», 1959), главу «Александр Грин» в «Золотой розе» (1955).

ром сценке проявляется решительный характер будущего писателя: «Он врезался в бой в самые опасные места. Победа носилась следом за ним…» [14, т. 4, с. 167] Булгаков вызывал восхищение у мечтательного и застенчивого рассказчика, не принимающего участия в драках. «Оболтусы из первого отделения» [14, т. 4, с. 167] распускали слухи, будто он пользуется пряжкой от ремня — однако этому не верили ни остальные гимназисты, ни начальство. Впоследствии соученик будущего писателя Е.Б. Букреев подтвердит, что Булгаков действительно «был непременным участником драк» [7, с. 21]. При этом он не отличался большой физической силой. Изображая Булгакова «в первых рядах победителей», Паустовский прибегает к художественному преувеличению. Автору важно показать юного писателя прирожденным бойцом, человеком рыцарски храбрым и благородным. Изображение «осенних боев» становится как бы прелюдией к предстоящей борьбе Булгакова с недоброжелателями и клеветниками.

В главе «Господа гимназисты» автобиографический герой смотрит на писателя глазами умудренного опытом человека, исследует характер Булгакова и среду, в которой сформировалась его личность.

Рассказчик отмечает, что Булгакову-гимназисту не прочили литературную славу — впрочем, «кто мог знать, что получится из <…> юношей в выгоревших фуражках, всегда готовых ко всяческим выходкам, насмешкам и спорам»? [14, т. 4, с. 176] Вспоминая юные годы, Паустовский отмечает в будущем писателе задатки фантаста и сатирика: остроумие, чувство юмора, склонность к розыгрышам и мистификациям, умение подмечать мельчайшие детали внешности и характера, создавать гротескные, фантастические образы. Подчеркивается продолжение Булгаковым гоголевских традиций: «Какой-нибудь выцветший надзиратель “Шпонька”, попадая в круг булгаковских выдумок <…>, вырастал до размеров Собакевича» [14, т. 4, с. 176]. На формирование литературного таланта Булгакова, как отмечает автобиографический герой, оказали влияние высокий уровень образования в гимназии, культурные традиции Киева, наконец, сама эпоха. Рассказчик вспоминает о концертах и «великолепных <…> театрах», «повальном <…> увлечении философией и поэзией» и «знаменитой библиотеке Идзиковского на Крещатике» [14, т. 4, с. 177] с книгами на разных языках. Рассказчик отмечает совпадение своих и булгаковских воспоминаний о Киеве, точность передачи атмосферы. В «Белой гвардии» писатель с радостью «узнал вестибюль нашей гимназии и сторожа Максима <…>. За кулисами театра зашелестели наши осенние киевские каштаны» [14, т. 4, с. 176].

В «Книге скитаний» автобиографический герой, вернувшийся в Москву из долгих странствий, проходит путь от газетчика до профессионального писателя. Особый интерес для исследователей представляют изображение литературного процесса 1920–1930 гг. и портреты современников, среди которых Булгаков занимает особое место.

В главе «Четвертая полоса» рассказчик работает в московском «Гудке». Литературный отдел газеты запомнился Паустовскому неповторимой творческой атмосферой:

> В комнате <…> сидели за длинными редакционными столами самые веселые и едкие люди в тогдашней Москве — сотрудники «Гудка» Илья Ильф, Олеша, Булгаков и Гехт. <…> Только очень находчивый человек мог безнаказанно появляться в этом гнезде иронии и выдерживать перекрестный огонь из-за столов. <…> В комнату иногда заходил «на огонек» Бабель. Очень учтиво входил Василий Регинин. <…> Часто шквалом врывался Шкловский…» [14, т. 5, с. 412]

Булгаков не выделен из компании остроумных и талантливых журналистов — напротив, его сатирический дар, мастерство рассказчика и богатство фантазии раскрываются через принадлежность к «могучей когорте» «гудковцев». Несомненно, такая оценка «гудковского» периода жизни писателя субъективна, обусловлена личным восприятием Паустовского. Для Булгакова сочинение фельетонов было не творчеством, а «литературной поденщиной». «Гудок» приносил небольшой заработок, но отнимал у писателя время, необходимое для создания серьезных произведений — повестей 20 гг. и романа «Белая гвардия». Кроме того, писатель не мог стать «своим» в компании молодых одесситов: он вырос в совершенно иной культуре и иначе смотрел на перемены в стране. Для Булгакова, замкнутого и скрытного, внешняя веселость была маской, самозащитой, помогающей противостоять жизненным трудностям.

Глава «Ночные поезда» начинается с рассказа о быте молодых журналистов и писателей начала 1920 гг. Сотрудники газет «Гудок» и «На вахте» жили «как попало и потому неважно»: в «узкой, как пенал, комнате при типографии» (Олеша и Ильф); «среди холодных сапожников» (Гехт); на «пустой, как сарай, и ледяной даче» [14, т. 5, с. 421] (автобиографический герой). Булгаков вынужден был поселиться «в темной и огромной, как скетинг-ринг, коммунальной квартире» [14, т. 5, с. 421] (Большая Садовая, 10). Условия, с которыми ему приходилось мириться в 1921–1924 гг., воссозданы с помощью одной детали: ночного пения соседского петуха, «смущавшего» [14, т. 5, с. 421] писателя. Паустовский делает отсылку к фельетону «Самогонное озеро» (1923), достоверно описывающему будни коммунальной квартиры № 50. Булгаков постоянно сталкивался со скандалами, пьянством и драками соседей, к тому же принесших с собой неуместные в городе привычки.

Глава «Снежные шапки» начинается с описания встречи писателей на даче в Пушкино. Паустовский рисует портрет Булгакова, резко контрастирующий с образом веселого и общительного фельетониста: «худой, печальный, с серыми внимательными глазами» [14, т. 5, с. 437], он сосредоточен, задумчив и даже в гостях ищет одиночества и тишины. «Старая, облезлая доха» [14, т. 5, с. 437] писателя, не раз упомянутая в воспоминаниях современников, свидетельствует о нищете и неустроенности его жизни. Печаль Булгакова, несомненно, связана и с горькими воспоминаниями, ставшими основой для создания «Белой гвардии».

Булгакову, как вспоминает рассказчик, было необходимо «посмотреть "снежные шапки"» «для одной из глав <…> романа» [14, т. 5, с. 437]. Судя по всему, писатель работал над описанием «белого, мохнатого декабря» и дома Турбиных, покрытого «шапкой белого генерала» [11, т. 1. с. 182–183]. Ради прорисовки пейзажа, передачи атмосферы тихого зимнего вечера и хрупкого покоя семьи Турбиных писатель целый день проходил по окрестностям. Все свидетельствует о скрупулезном выписывании художественного мира, внимании к мельчайшим подробностям и умении использовать их для создания литературных образов. Этот дар восхищает даже моряка-революционера Зузенко, работающего вместе с рассказчиком в газете «На вахте». Считая Булгакова «декадентом», журналист при этом называет его «чертовски талантливым типом»: «Добросовестно себя тренирует <…>. Натаскивает себя на впечатления. Мастак!» [14, т. 5, с. 437] Приводя высокую оценку человека, совершенно не близкого Булгакову, Паустовский подчеркивает всепобеждающую силу художественного дарования.

Размышляя о природе булгаковского таланта, автобиографический герой возвращается к гимназическим воспоминаниям. Вновь отмечается рано проявившийся дар Булгакова-сатирика, не боявшегося прогневить начальство. Сочиненные им прозвища

были такими точными и «припечатывающими» [14, т. 5, с. 438], что даже инспектор Бодянский, упрекая гимназиста в неуважении к директору гимназии, не мог не оценить остроумие будущего писателя. В прозе 20 гг. присущие Булгакову «непримиримая насмешка и гротеск достигали разящей силы» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 59). Упомянув «Белую гвардию», Паустовский пишет и о семье Булгаковых — «огромной, разветвленной, насквозь интеллигентной», с «большими культурными и трудовыми традициями» [14, т. 5, с. 438]. Рассказчик отмечает, что в «Доме Турбиных» часто звучали музыка и пение, а в семейном укладе было «что-то театральное» [14, т. 5, с. 438]. Обращаясь к читателям, Паустовский предлагает изучать историю страны через историю таких семейств, становившихся практически «культурными центрами».

От воспоминаний писатель переходит к обзору творчества Булгакова. Вкратце рассказывая об «ошеломлении» [14, т. 5, с 438], вызванном булгаковской прозой 1920 гг., Паустовский заостряет внимание на «странной и тяжелой судьбе» [14, т. 5, с. 439] писателя. Булгаков показан непризнанным и гонимым гением. Паустовский обращает внимание на то, что «Дни Турбиных» «пережили много перипетий, запретов, преследований» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 59); пьеса «Мольер» («Кабала святош») была снята с репертуара; прозу перестали печатать «по указанию свыше» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 60) — здесь явный намек на вмешательство «вождя народов». В письме к правительству Булгаков «настаивал на единственном и священном праве писателя — праве печататься и тем самым общаться со своим народом и служить ему всеми силами своего существа. Но ему было в этом праве отказано. Навсегда» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 60). Отметим, что здесь дана художественная версия взаимоотношений Булгакова с властями: в 1930 г. телефонный разговор со Сталиным все-таки состоялся. Писатель получил работу в театре, хотя прозу по-прежнему не печатали. «С этой минуты жизнь Булгакова была обречена, — все последующие годы он не жил, а медленно угасал. Подлинного писателя можно убить только тем, что заткнуть ему кляпом рот и этим изолировать от народа» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 60)[6].

Рассказчик считает Сталина одним из главных виновников трагедии. При этом отношение самих Булгаковых к вождю было сложным. В.Я. Лакшин вспоминал, что Елена Сергеевна отнюдь не считала генсека врагом своего мужа: «Он был могучей силой, злой силой, но относился к Булгакову <…> если не с сочувствием, то с уважением и тайным любопытством. Похоже, что так же временами думал и сам Михаил Афанасьевич» [1, с. 419]. Именно поэтому вдова писателя связывала надежды на публикацию булгаковской прозы с обращением к Сталину.

Паустовский привлекает внимание читателя к неизданным произведениям — «Запискам покойника» и «Мастеру и Маргарите». Роман назван «самым значительным произведением Булгакова», произведением о схожей с авторской «судьбе писателя, которому не дано было в силу обстоятельств» творить «свободно и крылато, во весь размах своего таланта» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 59). Булгаков вновь сопоставляется с Гоголем: «Горечь слез и смех сквозь слезы, <нрзб.> гоголевский смех звучит в этом романе» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 59–60).

Говоря о поэтике комического у Булгакова, Паустовский отмечает парадокс: у писателя-сатирика — как и у любимого им Гоголя — был добрый талант. Симпатию рассказчика вызывает умение Булгакова, переживающего тяжелые времена, беззлобно

[6] Булгаков умер от наследственного заболевания (гипертонический нефросклероз), однако переживания о судьбе литературного наследия, несомненно, сказывались на здоровье писателя.

посмеяться над собой и обстоятельствами. В фантастическом «анекдоте» о разговоре со Сталиным в Кремле Булгаков «лепит» фигуру вождя так, что «образ этот человечен, даже в какой-то мере симпатичен» [14, т. 5, с. 440].

Создавая образ Булгакова, Паустовский подчеркивал его внутреннюю свободу и достойное «писательское поведение»[7] в эпоху жесткого контроля государства над литературой. Смелое письмо Булгакова правительству продиктовано сознанием «высокого достоинства русского писателя» [14, т. 5, с. 438]. В авторском тексте глава завершалась следующими словами: «Слушая этот рассказ Булгакова, невольно вспоминаешь рассказ Пушкина: "Ежели бы я был императором Николаем I-ым, то я бы вызвал к себе стихотворца Пушкина и сказал бы ему…"» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 63) В оригинале поэт называл своим собеседником Александра Первого, однако в своей вольной передаче воображаемого разговора Паустовский указывает следующего по очереди правителя. Случайно ли это? Вероятнее всего, нет. И для интеллигенции рубежа веков, и для советских писателей Николай Первый олицетворял государство, стремящееся подчинить себе поэта. Автор сопоставляет «вождя народов» с самодержавным властителем, прибавив, что Булгаков «своим рассказом <…> завязал тугой узелок между собой и Пушкиным и поддержал традицию вольного обращения русских писателей к сильным мира сего» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 63). Сопоставление двух писателей, живших в разные эпохи, показывало, что при любом правительстве и строе талантливый человек должен не терять чувство собственного достоинства.

Созданный Паустовским образ Булгакова существенно отличался от официальных представлений о нем. Лакшин вспоминал, что в первой половине 50 гг. даже в среде филологов «за Булгаковым была стойкая репутация "забытого писателя"» [3, с. 7]; из произведений автора собеседники вспоминали только «Дни Турбиных». В статье «Краткой литературной энциклопедии» (Ю.А. Оснос) содержались достаточно полные на тот момент сведения о драматургии и прозе Булгакова. При этом острота сатиры 20 гг. объяснялась неспособностью писателя «разглядеть истинное лицо времени» «за "гримасами нэпа"» [4, с. 769]; «Белая гвардия», «Дни Турбиных» и «Бег» трактовались как изображение «обреченности» [4, с. 769] и «внутреннего кризиса» [4, с. 770] белого движения.

В «Повести о жизни» Булгаков — непонятый и гонимый современниками гений, достойный продолжатель традиций русской классики, наследник Пушкина и Гоголя. Рисуя характер современника, автор раскрывает перед читателем лучшие качества Булгакова: мужество, свободу мысли, чувство собственного достоинства и верность себе в любых обстоятельствах. Некоторая романтизация и идеализация образа, несомненно, связаны и с личными отношениями писателей, и со свойственными Паустовскому художественными принципами изображения мира и человека.

Решение Паустовского послать машинопись «Книги скитаний» в «Новый мир» было, вероятно, продиктовано репутацией журнала. В 1960 гг. «Новый мир» под руководством А.Т. Твардовского стал — как считается — самым свободным литературным журналом «оттепели». При этом с момента публикации «Одного дня Ивана Денисовича» (1962) «Новый мир» находился под пристальным вниманием Главлита. Редакции журнала приходилось постоянно бороться за материал. За весь 1963 г. только первый номер вышел в положенный срок. Остальные задерживались из-за цензурных запретов, а все материалы четвертого номера были и вовсе заменены [6, с. 173]. Твардовскому

[7] Выражение М. Пришвина

и его команде приходилось балансировать между стремлением опубликовать произведение и опасением погубить журнал.

В «Новом мире» из «Книги скитаний» постарались исключить самые «опасные» фрагменты. Наиболее серьезные изменения постигли главу «Снежные шапки». Редактор отчеркивал простым карандашом абзацы, посвященные неизданным произведениям, драматичным историям постановок булгаковских пьес, несостоявшемуся диалогу со Сталиным, размышлениям о сложности взаимоотношений власти и писателя.

С частью замечаний Паустовский соглашался сразу, вычеркивая слово или целый кусок текста. Например, размышления о пушкинской традиции «вольного обращения русских писателей к сильным мира сего» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 63) были слишком злободневными. Однако наиболее значимые фрагменты он старался сохранить, сокращая текст и смягчая формулировки. Паустовский долго боролся за фрагмент о романе «Мастер и Маргарита». Автор вычеркнул слова о том, что произведение остается неопубликованным, а самореализации главного героя мешали «обстоятельства» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 59) той эпохи. Но редактор из осторожности настоял на исключении всякого упоминания о романе — и писателю пришлось идти на уступки, чтобы сохранить главу. Вместе с тем «анекдот» о разговоре в Кремле практически не пострадал (исключено и заменено всего несколько слов). Рассказ о письме Булгакова Сталину удалось отстоять, пожертвовав значительной частью текста, — были сняты обвинения властей в смерти писателя и критика цензуры («Подлинного писателя можно убить только тем, что заткнуть ему кляпом рот и этим изолировать от народа») (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Л. 60).

Вынужденное изъятие ряда фрагментов обеднило текст, в ряде случаев — нарушило авторскую логику, сделало повествование «рваным». «Книга скитаний» до сих пор не выходила в полном объеме, хотя во многих произведениях советской эпохи купюры были впоследствии восстановлены. Будем надеяться, что пришло время публикации полного, авторского варианта произведения.

Приложение

Паустовский К.Г. Книга скитаний (На медленном огне»)
Снежные шапки

Восстановленный авторский текст (РГАЛИ. Ф. 1702. «Новый мир». Оп. 10. Ед. хр. 860)

Как-то ближе к весне, тихим и снежным днем ко мне в Пушкино приехал Булгаков. Он писал в то время роман «Белая гвардия», и ему для одной из глав этого романа нужно было обязательно посмотреть «снежные шапки» — те маленькие сугробы снега, что за долгую зиму накапливаются на крышах, заборах и толстых ветвях деревьев.

Весь день Булгаков бродил по пустынному в тот год Пушкину, долго стоял, смотрел, запахивая старую, облезлую доху, — высокий, худой, печальный, с внимательными серыми глазами.

— Хорошо! — говорил он. — Вот это мне и нужно. В этих шапках как будто собрана вся зимняя тишина.

— Декадент! — сказал о Булгакове Зузенко. — Но, видно, чертовски талантливый тип. Добросовестно себя тренирует.

Что он этим хотел сказать? Я не понял. Тогда Зузенко столь же неясно и неохотно объяснил:

— Натаскивает себя на впечатления. Мастак!

Пожалуй, в этом он был прав. Булгаков был жаден до всего, если можно так выразиться, выпуклого в окружающей жизни.

Все, что выдавалось над ее плоскостью, будь то человек или одно какое-нибудь его свойство, удивительный поступок, непривычная мысль, внезапно замеченная мелочь (вроде согнутых от сквозняка под прямым углом язычков свечей на театральной рампе), — все это он схватывал без всякого усилия и применял и в прозе, и в пьесах, и в обыкновенном разговоре. Может быть, поэтому никто не давал таких едких и «припечатывающих» прозвищ, как Булгаков. Особенно отличался он этим в Первой киевской гимназии, где мы вместе учились.

— Ядовитый имеете глаз и вредный язык, — с сокрушением говорил Булгакову инспектор Бодянский. — Прямо рветесь на скандал, хотя и выросли в почтенном профессорском семействе. Это ж надо придумать! Ученик вверенной нашему директору гимназии обозвал этого самого директора «Маслобоем»! Неприличие какое! И срам!

Глаза при этом у Бодянского смеялись.

Семья Булгаковых была хорошо известна в Киеве — огромная, разветвленная, насквозь интеллигентная семья.

Было в этой семье что-то чеховское от «Трех сестер» и что-то театральное.

Булгаковы жили на спуске к Подолу против Андреевской церкви — в очень живописном киевском закоулке.

За окнами их квартиры постоянно слышались звуки рояля и даже пронзительной валторны, голоса молодежи, беготня и смех, споры и пение.

Такие семьи с большими культурными и трудовыми традициями были украшением провинциальной жизни, своего рода очагами передовой мысли.

Не знаю, почему до сих пор не нашлось исследователя (может быть, потому, что это слишком трудно), который проследил бы жизнь таких семей и раскрыл бы их значение хотя бы для одного какого-нибудь города — Саратова, Киева или Вологды. То была бы не только ценная, но и увлекательная книга по истории русской культуры.

После гимназии я потерял Булгакова из виду, и мы снова встретились только теперь в редакции «Гудка».

В ту зиму Булгаков писал свои острые рассказы, где [непримиримая] насмешка и гротеск достигали разящей силы.

Я помню то ошеломление, какое вызвали такие статьи и рассказы Булгакова, как «Записки на манжетах», «Роковые яйца», «Дьяволиада» и «Похождения Чичикова. (Поэма в двух пунктах с прологом и эпилогом)».

Художественный театр предложил Булгакову на основе его романа «Белая гвардия» написать пьесу. Булгаков согласился. Так появились «Дни Турбиных», [составившие эпоху в истории нашего театра].

Многострадальная и блестящая пьеса пережила много перипетий, запретов, [преследований], но победила всех талантливостью и драматургической силой. [Мучительная для автора история постановки этой пьесы в МХАТе была описана Булгаковым в посмертной, оставшейся в рукописи повести «Записки покойника»].

В ходе этой постановки возникло много гротескных, почти невероятных подробностей. Гофманиада сопутствовала Булгакову всю его жизнь.

[Но, конечно, самым значительным произведением Булгакова (помимо прекрасных его пьес) был неопубликованный роман «Мастер и Маргарита».

Роман причудливый, полный блеска и напряженных человеческих чувств, трагических случаев, убийственной иронии и нескрываемой нежности. Роман о появлении Фауста в Советской Москве и о любви. Роман о судьбе писателя, которому не дано было в силу обстоятельств свободно и крылато, во весь размах своего таланта, высказать себя в самых сильных своих качествах.

Горечь слез и смех сквозь слезы, <нрзб.> гоголевский смех звучит в этом романе]. Недаром любимым писателем Булгакова был Гоголь. Не тот истолкованный по-казенному Гоголь, которого мы принесли в жизнь [со школьной][8] скамьи, а неистовый фантаст, безмерно пугающий людей то своим восторгом, то сардоническим хохотом, то фантастическим воображением, от которого стынет кровь.

Гоголь всегда как бы стоит позади читателей и своих героев и пристально смотрит им в спину. И все оглядываются, боясь его всепроницающего взгляда, а оглянувшись, вдруг с облегчением замечают на глазах Гоголя слезы восхищения чем-то столь прекрасным, как сверкающее италийское небо над Римом или бешеный раскат русской тройки по ковыльным степям.

У Булгакова была странная и тяжелая судьба. [Он был писателем, которому позволялось дышать не до конца, а наполовину. Но вскоре его дыхание было совсем остановлено].

МХАТ играл только его старые пьесы. После семи представлений новая пьеса «Мольер» была запрещена. Прозу его [по указанию свыше] перестали печатать.

Он очень страдал от этого, мучился и, наконец, не выдержал и написал письмо Сталину, полное высокого достоинства русского писателя. В этом письме он настаивал на единственном и священном праве писателя — праве печататься и тем самым общаться со своим народом и служить ему всеми силами своего существа.

[Но ему было в этом праве отказано. Навсегда.

С этой минуты жизнь Булгакова была обречена, — все последующие годы он не жил, а медленно угасал.

Подлинного писателя можно убить только тем, что заткнуть ему кляпом рот и этим изолировать от народа][9].

Булгаков тосковал. Он не мог остановить своих писательских мыслей. Не мог выбросить на свалку свое воображение. Худшей казни нет и не может быть для пишущего человека.

Лишенный возможности печататься, он выдумывал для своих близких людей удивительные рассказы — и грустные, и шутливые. Он рассказывал их дома, за чайным столом.

К сожалению, только небольшая часть этих рассказов сохранилась в памяти. Большинство их забылось, или, выражаясь старомодно, «кануло в Лету».

В детстве я очень ясно представлял себе эту Лету — медленную подземную реку с черной водой, в которой очень долго, но безвозвратно тонули, как будто угасали, любые предметы, люди и даже человеческие голоса.

Я помню один такой рассказ.

Булгаков якобы пишет каждый день Сталину длинные и загадочные письма и подписывается: «Тарзан».

Сталин каждый раз удивляется и даже несколько пугается. Он любопытен, как и все люди, и требует, чтобы Берия немедленно нашел и доставил к нему автора

[8] В опубликованном варианте — «гимназической».

9 В опубликованном варианте: «Ответа он не получил».

этих писем. Сталин сердится: «Развели в органах тунеядцев, а одного человека словить не можете!»

Наконец Булгаков пойман и доставлен в Кремль. Сталин пристально, даже с некоторым доброжелательством его рассматривает, раскуривает трубку и спрашивает не торопясь:

— Это вы мне эти письма пишете?

— Да, я, Иосиф Виссарионович.

Молчание.

— А что такое, Иосиф Виссарионович? — спрашивает обеспокоенный Булгаков.

— Да ничего. Интересно пишете.

Молчание.

— Так, значит, это вы — Булгаков?

— Да, это я, Иосиф Виссарионович.

— Почему брюки заштопанные, туфли рваные? Ай, нехорошо! Совсем нехорошо!

— Да так… Заработки вроде скудные, Иосиф Виссарионович.

Сталин поворачивается к наркому снабжения:

— Чего ты сидишь, смотришь? Не можешь одеть человека? Воровать у тебя [все] могут, а одеть одного писателя не могут! Ты чего побледнел? Испугался? Немедленно одеть. В габардин! А ты, [маршал], чего сидишь? Усы себе крутишь? Ишь, какие надел сапоги! Снимай сейчас же сапоги, отдай человеку. Все тебе сказать надо, сам ничего не соображаешь!

И вот Булгаков одет, обут, сыт, начинает ходить в Кремль, и у него завязывается со Сталиным неожиданная дружба. Сталин иногда грустит и в такие минуты жалуется Булгакову:

— Понимаешь, Миша, все кричат: гениальный, гениальный! А не с кем даже коньяку выпить!

Так постепенно, черта за чертой, крупица за крупицей идет у Булгакова [удивительная] лепка образа Сталина. И такова добрая сила булгаковского таланта, что образ этот человечен, даже в какой-то мере симпатичен. Невольно забываешь, что Булгаков рассказывает о том, кто [нанес ему удар в сердце][10].

Однажды Булгаков приходит к Сталину, усталый, унылый.

— Садись, Миша. Чего ты грустный? В чем дело?

— Да вот пьесу написал.

— Так радоваться надо, когда целую пьесу написал. Зачем грустный?

— Театры не ставят, Иосиф Виссарионович.

— А где бы ты хотел поставить?

— Да конечно, в МХАТе, Иосиф Виссарионович.

— Театры допускают безобразие! Не волнуйся, Миша. Садись. — Сталин берет телефонную трубку:

— Барышня! А барышня! Дайте мне МХАТ! МХАТ мне дайте! Это кто? Директор? Слушайте, это Сталин говорит. Алло! Слушайте!

Сталин начинает сердиться и сильно дуть в трубку.

— [Сволочи][11] там сидят в Наркомате связи. Всегда у них телефон барахлит. Барышня, дайте мне еще раз МХАТ. Еще раз, русским языком вам говорю! Это кто!

[10] В опубликованном варианте — «принес ему столько горя».

[11] В опубликованном варианте — «дураки».

МХАТ? Слушайте, только не бросайте трубку! Это Сталин говорит. Не бросайте. Где директор? Как? Умер? Только что? Скажи, пожалуйста, какой нервный народ пошел! Пошутить нельзя!

[Слушая этот рассказ Булгакова, невольно вспоминаешь рассказ Пушкина: «Ежели бы я был императором Николаем I-ым, то я бы вызвал к себе стихотворца Пушкина и сказал бы ему…». Этим своим рассказом Булгаков завязал тугой узелок между собой и Пушкиным и поддержал традицию вольного обращения русских писателей к сильным мира сего].

Список литературы:

Исследования

1 *Лакшин В.Я.* Булгакиада // *Лакшин В.Я.* Открытая дверь: Воспоминания и портреты. М.: Московский рабочий, 1989. С. 409–446.

2 *Лакшин В.Я.* Елена Сергеевна рассказывает… // Воспоминания о М. Булгакове: сб. М.: Сов. писатель, 1988. С. 412–420.

3 *Лакшин В.Я.* Судьба Булгакова: легенда и быль // Воспоминания о М. Булгакове: сб. М.: Сов. писатель, 1988. С. 7–37.

4 *Оснос Ю.А.* Булгаков М. // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энциклопедия, 1962. Т. 1: Аарне — Гаврилов. Стб. 769–770.

5 *Скороходов М.В.* К вопросу о печатных источниках 6-й части «Повести о жизни» К.Г. Паустовского «На медленном огне. (Книга скитаний)» // Литературный факт. 2024. № 3 (33). С. 261–289. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-261-289

6 *Тазеева-Гриценко Т.Н.* Журнал «Новый мир» сквозь призму его тиража (1960 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2008. № 11. С. 171–182.

7 *Чудакова М.О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988. 671 с.

8 *Яновская Л.М.* Елена Булгакова, ее дневники, ее воспоминания // Дневник Елены Булгаковой / сост., текстол. подгот. и коммент. В. Лосева, Л. Яновской; вступ. ст. Л. Яновской. М.: Книжная палата, 1990. С. 5–31. (Серия «Из рукописного наследия»)

9 *Яновская Л.М.* Записки о Михаиле Булгакове. М.: Текст, 2007. 413 с.

10 *Яновская Л.М.* Творческий путь Михаила Булгакова. М.: Сов. писатель, 1983. 320 с.

Источники

11 *Булгаков М.А.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1: Записки юного врача; Белая гвардия; Рассказы; Записки на манжетах / редколлегия: Г. Гоц, А. Караганов, В. Лакшин и др.; вступ. ст. В. Лакшина; подгот. текста М. Чудаковой; коммент. Я. Лурье, А. Рогинского («Белая гвардия»), М. Чудаковой. 623 с.

12 *Паустовский К.Г.* Булгаков и театр // Театральная жизнь. 1962. № 14. С. 28–31.

13 *Паустовский К.Г.* Наедине с осенью: Портреты, воспоминания, очерки. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1972. 448 с.

14 *Паустовский К.Г.* Собр. соч.: в 9 т. / [вступ. ст. Г. Трефиловой; примеч. Л. Левицкого; худож. Е. Гольдин]. М.: Худож. лит., 1982. Т. 4. 738 с. М.: Худож. лит., 1982. Т. 5. 594 с. М.: Худож. лит., 1983. Т. 7. 578 с. М.: Худож. лит., 1986. Т. 9. 546 с.

***

© 2025. Darya M. Borisova
Moscow, Russia

THE IMAGE OF M.A. BULGAKOV IN K.G. PAUSTOVSKY'S "THE STORY OF A LIFE"

Acknowledgements: The Work was carried out at IWL RAS with financial support from the Russian Science Foundation, Project no. 24-28-01479 "Textological Issues of Konstantin Paustovsky's Work: The Story of a Life" (Available at: https://rscf.ru/project/24-28-01479/).
The author expresses her thanks to the staff of the K.G. Paustovsky Museum (Moscow) for their help in the work.
Abstract: K.G. Paustovsky knew M.A. Bulgakov from the time of his studies at the Kiev First Gymnasium (1904–1912). We have restored the circumstances of communication between the writers and further relations between Paustovsky and Elena Bulgakova on the basis of the analysis of ego-documents. Paustovsky always remained an admirer of this writer`s talent, promoted the return of Bulgakov's creative heritage to readers, and repeatedly mentioned him in his prose fiction and journalism, invariably inscribing him among the recognized classics.
K.G. Paustovsky's main creation "The Story of a Life" is of particular interest to researchers. The author presented an artistic biography of Bulgakov in the volumes "The Faraway Years (Childhood and Schooldays)" (1946) and "The Restless Years" (1963). Paustovsky gave an overview of the writer's career and created the image of a genius, misunderstood and unrecognised by his era. The chapter "Snow Caps" ("The Restless Years") devoted to the writer's creative path was subjected to significant censorship cuts and subsequently was not published in the author's version. The study presents the text restored from the typescripts of the "Novy Mir" journal (RGALI); it concludes on the nature of the edits and the process of interaction between the author and the editor.
Keywords: M.A. Bulgakov, K.G. Paustovsky, "The Faraway Years", "Story of a Life — Childhood and Schooldays", "The Restless Years", Textual Criticism.
Information about the author: Darya M. Borisova — Master's Degree, Junior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 117485 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-0454-5924
E-mail: borisovadarya2015@yandex.ru
Received: January 01, 2025
Approved after reviewing: September 13, 2025
Date of publication: September 25, 2025
For citation: Borisova, D.M. "Image of M.A. Bulgakov in the Work of K.G. Paustovsky." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 241–254. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-241-254

References

1 Lakshin, V.Ia. “Bulgakiada” [“Bulgakiada”]. Lakshin, V.Ia. *Otkrytaia dver': Vospominaniia i portrety* [*Open Door: Memories and Portraits*]. Moscow, M.: Moskovskii rabochii Publ., 1989, pp. 409–446. (In Russ.)

2 Lakshin, V.Ia. “Elena Sergeevna rasskazyvaet…” [“Elena Sergeevna Tells”]. *Vospominaniia o M. Bulgakove* [*Memories of M. Bulgakov*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1988, pp. 412–420. (In Russ.)

3 Lakshin, V.Ia. “Sud'ba Bulgakova: legenda i byl'” [“Bulgakov's Fate: Legend and True Story”]. *Vospominaniia o M. Bulgakove* [*Memories of M. Bulgakov*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1988, pp. 7–37. (In Russ.)

4 Osnos, Iu.A. “Bulgakov M.” Kratkaia literaturnaia entsiklopediia [*Short Literary Encyclopedia*], ed. A.A. Surkov, vol. 1: Aarne — Gavrilov. Moscow, Sov. entsiklopediia Publ., 1962, col. 769–770. (In Russ.)

5 Skorokhodov, M.V. “K voprosu o pechatnykh istochnikakh 6-i chasti ‘Povesti o zhizni’ K.G. Paustovskogo ‘Na medlennom ogne. (Kniga skitanii)’” [“On the Issue of Printed Sources of the 6th Part of the ‘The Story of a Life’ by K.G. Paustovsky ‘On a Slow Fire. (The Book of Wanderings)’”]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (33), 2024, pp. 261–289. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-261-289

6 Tazeeva-Gritsenko, T.N. “Zhurnal ‘Novyi mir’ skvoz' prizmu ego tirazha (1960-e gg.)” [“Novy Mir’ through the Prism of its Circulation (1960s)”] *Vestnik RGGU.* Series: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia [Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies], no. 11, 2008, pp. 171–182. (In Russ.)

7 Chudakova, M.O. “Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova” [*The Biography of Mikhail Bulgakov*], 2nd ed. Moscow, Kniga Publ., 1988. 671 p. (In Russ.)

8 Ianovskaia, L.M. “Elena Bulgakova, ee dnevniki, ee vospominaniia” [“Elena Bulgakova, Her Diaries, Her Memoirs”]. *Dnevnik Eleny Bulgakovoi* [*The Diary of Elena Bulgakova*], comp., text prep., comm. by V. Losev, L. Ianovskaia. Moscow, Knizhnaia palata, 1990, pp. 5–31. (Seriia “Iz rukopisnogo naslediia” [The series “From the Manuscript Heritage”]) (In Russ.)

9 Ianovskaia, L.M. “*Zapiski o Mikhaile Bulgakove*” [*Notes on Mikhail Bulgakov*]. Moscow, Tekst Publ., 2007. 413 p. (In Russ.)

10 Ianovskaia, L.M. “*Tvorcheskii put' Mikhaila Bulgakova”* [*Mikhail Bulgakov's Creative Path*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1983. 320 p. (In Russ.)

Искусствоведение
History of Arts

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-255-274
УДК 726.6.5.03
ББК Щ.85.113(2)
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2025 г. А.М. Салимов
г. Тверь, Россия

ОБ АРХИТЕКТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОБОРА ВО РЖЕВЕ

Работа выполнена в рамках научной деятельности Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ) и при реализации Программы фундаментальных научных исследований Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ — филиал Центрального научно-исследовательского и проектного института Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации)

Аннотация: Находящийся на территории Тверской области Ржев — один из тех городов, которые наиболее сильно пострадали во время Великой Отечественной войны. В результате во Ржеве оказались разрушены не только многие жилые здания, но и подавляющее большинство храмов. Один из них — Спасо-Преображенский собор — в 1943 г. был уничтожен полностью, а эта постройка на протяжении столетий являлась главным культовым сооружением Князь-Дмитровской стороны Ржева. Серьезность этой утраты заключается в том, что ржевский Спас был выстроен не позже XVI в., следовательно, относился к числу немногочисленных построек Тверской, в то время Калининской, области, уцелевших к началу войны. Сохранившиеся достаточно подробные описания и относящиеся к XIX в. чертежи этого храма свидетельствую о том, что Спасо-Преображенский собор мог аккумулировать в своем облике черты, свойственные, как минимум, двум архитектурным школам: новгородской и той, что была присуща средневековым культовым сооружениям — характерной для Северо-Восточной Руси. Учитывая ряд документальных свидетельств, описывающих технико-технологические особенности Спаса во Ржеве, можно допустить его строительство даже ранее XVI в. Однако отсутствие возможности провести на его месте архитектурно-археологические исследования (остатки памятника находятся под асфальтовым покрытием улицы Ленина — основной транспортной магистрали города), пока не позволяет внести определенность в датировку и архитектурный облик погибшего во время войны храма.

Ключевые слова: Ржев, Спасо-Преображенский собор, архитектура Новгорода XVI в., зодчество Северо-Восточной Руси.
Информация об авторах: Алексей Маратович Салимов — доктор искусствоведения, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор, Национальный исследовательский Московский государственный строительный, Ярославское ш., д. 26, 129337 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8807-4554
E-mail: sampochta@mail.ru
Дата поступления статьи: 6.03.2025
Дата одобрения рецензентами: 10.09.2025
Дата публикации: 25.09.2025
Для цитирования: *Салимов А.М.* Об архитектурных особенностях Спасо-Преображенского собора во Ржеве // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 255–274. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-255-274

Ржевская битва, Ржевский мемориал — эти словосочетания по-особому звучат в год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне и напоминают нам о той роли, которую в этой битве сыграл тверской Ржев**.** Война стала катастрофой для этого волжского города, до неузнаваемости разорив его. Разыгравшаяся здесь трагедия привела к уничтожению не только многих жилых зданий, но и подавляющего большинства ржевских храмов. Во многом поэтому находящийся в 50-ти км от Старицы Ржев не может сегодня похвастаться тем обилием древних сооружений, что сохранила старицкая земля. Хотя справедливости ради следует отметить, что отсутствие какой-либо информации о каменном строительстве в XIII–XVI вв. во Ржеве обусловлено, вероятно, его пограничным положением в средневековье.

В XIII–XV вв. история Ржева наполнена постоянным военным противостоянием, что приводило к неоднократной смене владельцев. Если в XIII – начале XIV столетия — это удельный центр Смоленского княжества, то с XIV в. Ржев становится предметом дележа между рядом крупных государственных образований: Литвой, Москвой и Тверью [2, с. 30–32; 9, с. 100–110]. Все это не могло не сказаться на желании очередного «хозяина» Ржева заниматься каменным строительством в городе.

Несколько иной стала жизнь Ржева в XVI в., когда граница с Великим княжеством Литовским значительно отодвинулась к западу, хотя каких-либо сведений о храмоздательстве в это время мы также не встретим в сохранившихся источниках. В какой-то мере о возможном наличии в городе потенциальных ктиторов свидетельствует послание Иосифа Волоцкого боярину Борису Васильевичу Кутузову, написанное в 1511 г. В нем он упоминает богатого ржевитянина Бориса Горохова, который, «могл не за одну тысячу рублев <…> ано вся Ржева о нем жила <…> Ано было у Бориса добре много денег в людях и в Ржеве и в иных городех» [13, с. 214]. Конечно, этот факт сложно рассматривать даже как косвенное указание на вероятность строительства во Ржеве каменных храмов, но еще в 1920 гг. А.И. Некрасов высказал предположение, что одна из основных построек правобережной (Князь-Дмитровской) части Ржева — Спасо-Преображенская церковь (иллюстрации 1–6) — может быть отнесена к первой половине XVI в. [3, с. 4–5].

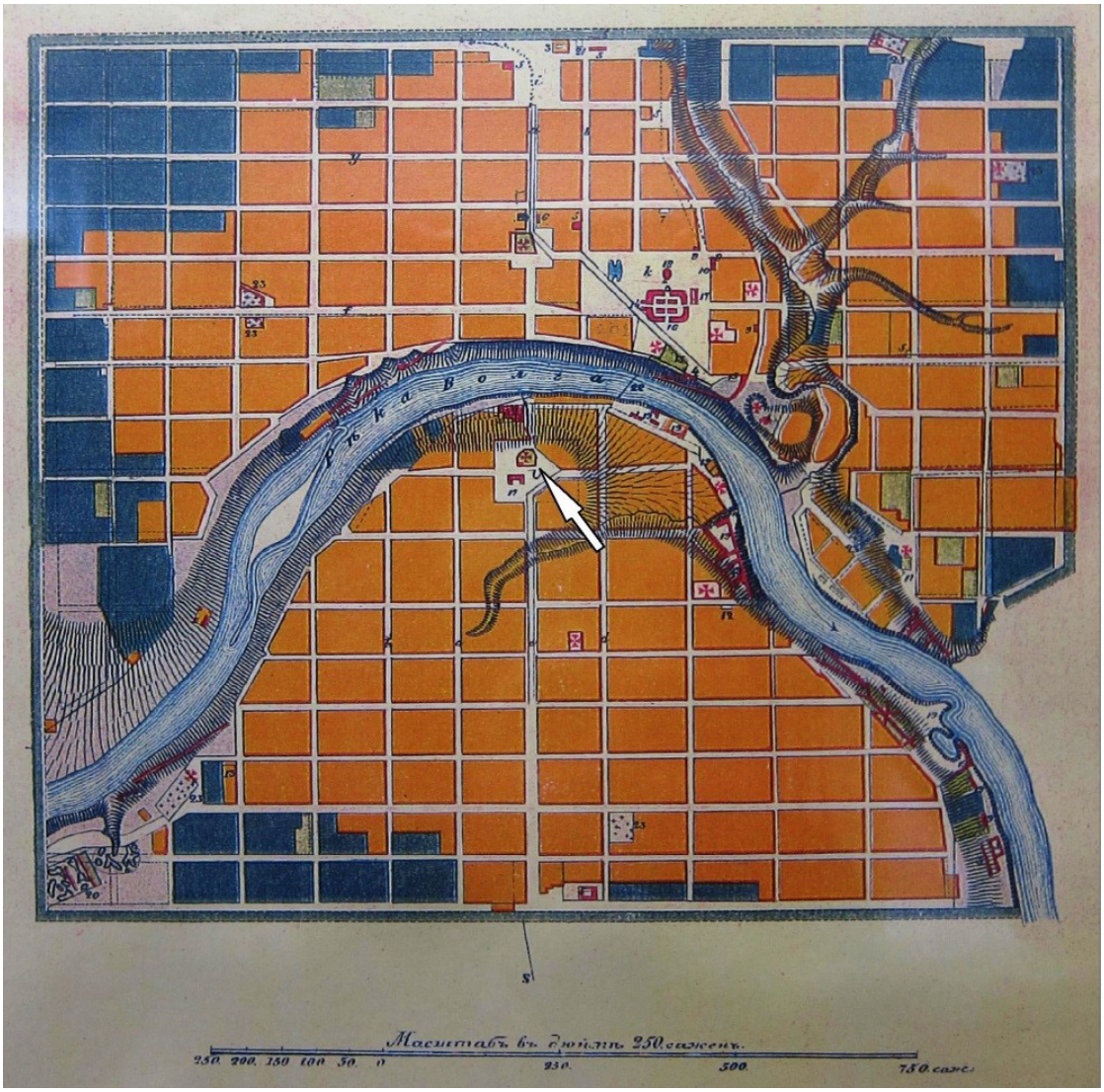

Иллюстрация 1 — Спасо-Преображенская церковь на плане г. Ржева. Середина XIX в. Ржевский краеведческий музей
Figure 1 — The Transfiguration Church on the Plan of the City of Rzhev. The Middle of the 19th Century. The Rzhev Museum of Local History

Этот храм был разрушен в 1943 г., и сегодня его остатки находятся, по всей видимости, под асфальтовым покрытием улицы Ленина — основной транспортной магистрали города, что, естественно, делает практически невозможным археологическое изучение памятника. Суждения Некрасова в этой ситуации представляются чрезвычайно интересными для оценки архитектуры утраченной церкви. Правда, справедливости ради следует сказать, что о древности этого храма, о его постройке «до литовскаго разорения» свидетельствует уже клировая ведомость 1785 г., уточняя, что в 1753 г. Преображенская церковь была лишь перестроена (ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 20650. 1785 г. Л. 234 об.).

Иллюстрация 2 — Ржев. Князь-Дмитровская сторона. Спасо-Преображенский храм. Фото конца XIX – начала XX в. из коллекции А.Н. Семенова.
Figure 2 — The Prince Dmitry Side. The Transfiguration Church. Photo from the Late 19th – Early 20th Century from the Collection of A.N. Semenov

Надо отдать должное составителю приведенного документа, поскольку в других хронологически близких и более поздних клировых ведомостях мы уже не встретим указания на появление этого храма до начала XVII в., поскольку их авторы даже не пытаются говорить об обновлении древнего здания в середине XVIII в., неверно относя его создание к 1753 г. (ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16179. 1788 г. Л. 222 об.; Д. 15778. 1793 г. Л. 35 об.; Д. 16314. 1802 г. Л. 202; Д. 15779. 1809 г. Л. 211; Д. 15781. 1817 г. Л. 5; Д. 15786. 1820 г. Л. 5). Тем не менее, в корпусе источников, связанных с этой церковью, встречаются и такие, которые свидетельствуют о более глубоком (чем у священнослужителей) знакомстве прихожан с историей своего храма. Так, например, в 1820 г. они замечают, что их церковь «столь древна, что начала ея не токмо из нас никто не знает, но и в записях церковных памяти о сем никакой не имеется, хотя же в ежегодных ведомостях и пишется об оной, что она в 1755 г. построена, но в сем году она только поновлена, да и самое поновление в чем состояло, показать не можем». Кстати, в этом же документе говориться о том, что Преображенская церковь «и ныне стоит в крепости» (ГАТО. Ф 160, Оп. 13. Д. 173. 1820 г. Л. 2), и это позволяет с известной долей уверенности отмечать существование не только в древности, но и в Новое время остатков оборонительных сооружений на правобережной Князь-Дмитровской стороне Ржева. Получается, что, как и Успенский храм в левобережной, возможно, более древней части города, Спасо-Преображенский собор был, скорее всего, основным культовым сооружением той крепости, что стояла напротив на правой стороне Волги. О том, что ржевский Спас мог достаточно рано стать соборным храмом Князь-Дмитровской стороны, свидетельствует дозорная книга 1620 г., называющая эту часть города «патриаршей Спасской слободой» (РГАДА. Ф. 235. Патриарший казенный приказ. № 169. Л. 1) [11, с. 141].

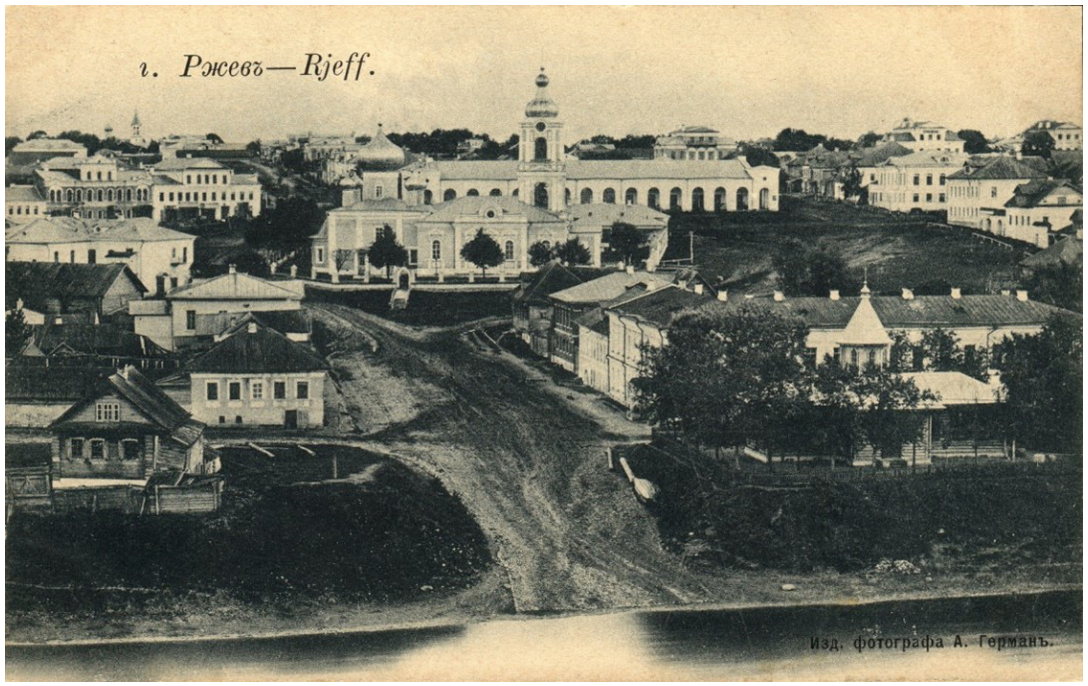

Иллюстрация 3 — Спасо-Преображенская церковь во Ржеве.
Фото конца XIX – начала XX в. из коллекции А.Н. Семенова.
Figure 3 — The Transfiguration Church.
Photo from the late 19th – Early 20th Century from the Collection of A.N. Semenov

Иллюстрация 4 — Спасо-Преображенская церковь во Ржеве. Вид с юга.
Фото конца XIX – начала XX в. из коллекции А.Н. Семенова.
Figure 4 — The Transfiguration Church. View from the South.
Photo from the Late 19th – Early 20th Century from the Collection of A.N. Semenov

О характере перестроек Спасо-Преображенского храма в 1755 г. довольно обстоятельно сообщает составленная в 1887 г. метрика. Выясняется, что в середине XVIII в. с запада к церкви была пристроена двухпрестольная трапезная и возведена колокольня (РО НА ИИМК РАН. Ф. Р-III. Д. 6655. Л. 18). По-видимому, именно в появлении дополнительных объемов выразилось основное обновление Преображенского храма в середине XVIII в. Однако устройство приделов в трапезной следует, вероятно, отнести к более позднему времени, поскольку источники последней четверти XVIII столетия отмечают появление в этом храмовом комплексе придельных церквей (Введенской и Николая Чудотворца) между 1785 и 1788 г. (ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 20650. 1785 г. Л. 234 об.; Д. 16179. 1788 г. Л. 222 об.)

И, тем не менее, несмотря на некоторые неточности и отчасти терминологическую невыверенность, которыми отмечена метрика 1887 г., ее составителя — священника Илью Капитоновича Розова — следует отнести к числу весьма осведомленных и, главное, заинтересованных в познании истории храма и его архитектурных особенностей людей. Подготовленный им документ свидетельствует о желании И.К. Розова в деталях ознакомить нас не только с теми перестройками, что довелось пережить Спасской церкви в процессе своего существования, но и указать на технико-технологические особенности, присущие средневековой постройке.

Иллюстрация 5 — Спасо-Преображенская церковь во Ржеве. Вид с юга.
Фото С.М. Прокудина-Горского. Начало XX в.
Figure 5 — The Transfiguration Church. View from the South.
Photo by S.M. Prokudin-Gorsky. The Beginning of the 20th Century

Пожалуй, самым интересным в этом документе является тот факт, что ржевский Спас был белокаменным. Описывая кладку здания, Розов не просто свидетельствует о том, что она состоит из сложенных на растворе квадров известняка, но и приводит размеры белокаменных блоков: «в 1 ½, и в 1, и в ½ аршина (105, 70, 35 см) и меньше величиной». И автор не ограничивается только этими данными. Здесь же он сообщает, что «кладка в стены, арки и своды камня велась уж очень, очень упрощенно и патриар-

хально», есть блоки, которые «обсечены в виде квадратов, а иные лежат конусообразно, в виде треугольников» (РО НА ИИМК РАН. Ф. Р-III. Д. 6655. Л. 16 об. –17). Разбирая особенности кладки, автор подчеркивает, что блоки «из белаго известковаго местной породы камня уложены на растворе извести без надлежащей облицовки горбов, провисей (вероятно, швов. — *А.С.*) и с употреблением в сводах больших деревянных клинов, без которых между камнями сгиба арки виднелись бы пазушки в виде несквозных дыр» (РО НА ИИМК РАН. Ф. Р-III. Д. 6655. Л. 16). Эти данные свидетельствуют, на наш взгляд, о недостаточно хорошей обработке значительной (?) части блоков, плохой подрезке швов и о том, что вместо замковых клинообразных камней в подпружных арках (и, возможно, сводах) были, по всей видимости, использованы деревянные клинчатые вставки. Все эти факты в некоторой мере подчеркивают ремесленный, недостаточно профессиональный уровень каменщиков, выстроивших ржевский храм, или же особенности строительного «почерка» той артели, что возводила это здание.

Иллюстрация 6 — Спасо-Преображенская церковь во Ржеве. Вид с юга.
Фото 1920 гг. Ржевский краеведческий музей. НВФ. № 356
Figure 6 — The Transfiguration Church. View from the South.
Photo of the 1920s. Rzhev Museum of Local History. NVF, no. 356

Указав на то, что в «белокаменной церкви Спаса значительно расширены и повышены все» первоначальные «входныя двери и окна», а также отметив закладку ряда первоначальных оконных проемов и устройство новых, И.К. Розов засвидетельствовал, что в местах поздних «просечек», обнаживших структуру стеновой кладки, удалось получить дополнительную информацию о ее характере. Делясь своими наблюдениями, он отметил, что блоки здесь лежат «вперемежку»: «малые и большие, тесаные и нетесаные» и помимо известняка присутствуют «то кремницы, а то и старые дикари» (РО НА ИИМК РАН. Ф. Р-III. Д. 6655. Л. 17 об.). Вероятно, последние два вида камней использовали в качестве забутовочного материала.

При растеске первоначальных проемов были обнаружены внутристенные деревянные («дубовые или сосновые») связи сечением 6–8 вершков (26–35 см). При растеске дверей и окон эти связи оказались перерезаны и отчасти вынуты строителями, что привело к появлению в четверике храма трещин. Стремясь предотвратить разрушение здания в середине XVIII в., его основной объем «поверх окон и пониже карнизов» охватили как «обручем» металлическими связями, которые закрепили на стенах «посредством громадных болтов». Аналогичные «толстые железные полосы» (т. е. связи) ввели в интерьер сооружения, устроив их «крестообразно внутри церкви от одних до других противоположно стоящих стен» (РО НА ИИМК РАН. Ф. Р-III. Д. 6655. Л. 16 об. –17).

Проведенные в этот период работы по реконструкции древнего храма включали также надкладку белокаменного четверика кирпичными стенками высотой в 1 ½ аршина (более 1 метра) и, по всей видимости, возведение четырех малых глав. Следует также отметить, что Розов не выявил в сводах и стенах здания голосников (РО НА ИИМК РАН. Ф. Р-III. Д. 6655. Л. 20).

В середине XVIII в. в Преображенской церкви не был разобран пол из белокаменных плит, который мог относиться к начальному этапу существования памятника. Новый деревянный пол сделали в 1840 гг., перекрыв этим настилом плитяное мощение (РО НА ИИМК РАН. Ф. Р-III. Д. 6655. Л. 17 об.).

В составленную в 1887 г. метрику И.К. Розов поместил наиболее ранний из известных нам чертежей Спасо-Преображенского храма, выполненный в 1870 г. (иллюстрация 7).

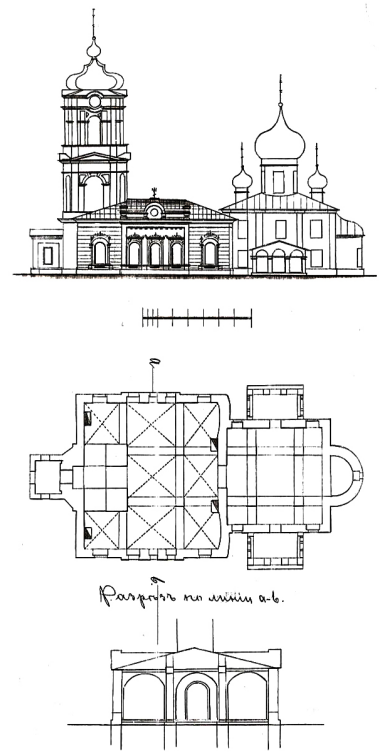

Иллюстрация 7 — Спасо-Преображенская церковь во Ржеве. Чертеж 1870 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. Р-III. Д. 6655. Л. 14–15)
Figure 7 — The Transfiguration Church in Rzhev. Drawing of 1870. (RO NA IIMK RAN. F. R-III. D. 6655. L. 14–15)

Этот документ, вкупе с содержащимися в метрике текстовыми данными (РО НА ИИМК РАН. Ф. Р-III. Д. 6655. Л. 2 об.), позволил определиться с основными габаритами средневековой постройки и ее главными структурными элементами. Это было четырехстолпное, одноапсидное, изначально, по всей вероятности, одноглавое сооружение. Четверик церкви был практически квадратным в плане, где сторона основного объема равнялась 15,3-15,5 м. Вынос апсиды, согласно чертежу 1870 г., составлял порядка 4,5 м, а ее высота — около 5,7 м. В свою очередь высота четверика, лишившегося в середине XVIII в. закомар (?) и получившего тогда же кирпичные надкладки, достигала почти 9-ти метров.

Чертеж 1870 г. подтвердил информацию И.К. Розова о растеске всех первоначальных оконных проемов храма, однако его указание на закладку центрального окна в апсиде вступило в противоречие с графическим материалом 1870 г., поскольку на чертеже алтарное полукружие имеет как раз только центральное окно.

Вероятно, между 1870 и 1887 гг. в характере устройства оконных проемов апсиды произошли изменения, что подтвердил другой чертеж храма, составленный в 1911 г. (иллюстрация 8). Согласно этому документу, между 1870 и 1887 гг. срединный оконный проем был заложен, но, вероятно, тогда же освободили от закладки (и, по всей видимости, растесали) боковые окна полуциркульного алтаря.

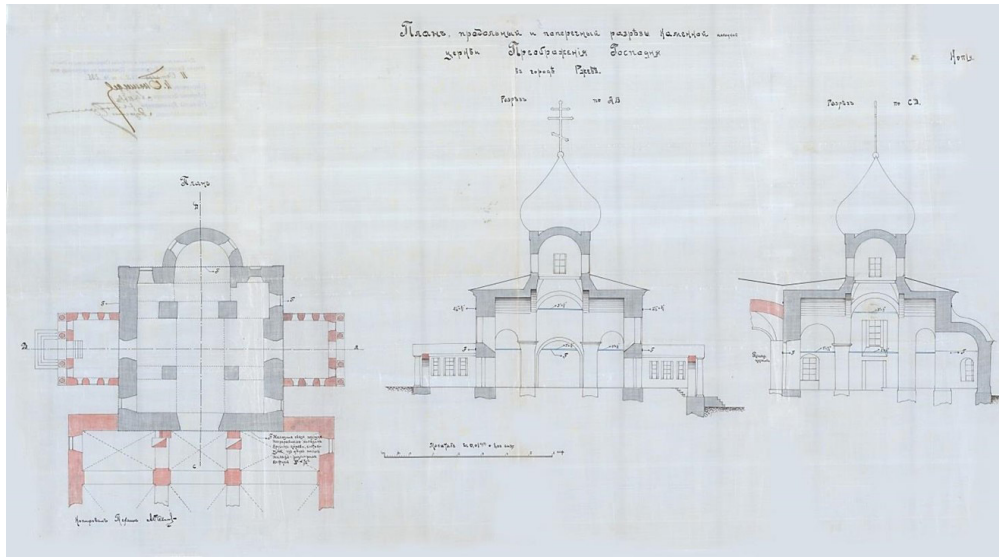

Иллюстрация 8 — Спасо-Преображенская церковь во Ржеве. Чертеж 1911 г.
(ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 86543)
Figure 8 — The Transfiguration Church in Rzhev. Drawing of 1911.
(GATO. F. 466. Op. 1. D. 86543)

В отличие от чертежа 1870 г., графический материал 1911 г. впервые достаточно зримо обозначил не только отсутствие у Спасо-Преображенской церкви во Ржеве хор, но и особенности ее сводчатой конструкции, где коробовые своды перекрывали и рукава креста, и угловые компартименты. В восточных углах они располагались по оси восток-запад, в западных — шелыги коробовых сводов были ориентированы по оси север-юг. При этом повышенные подпружные арки, переброшенные между четырьмя массивными квадратными столбами, значительно уступали по ширине самим этим столбам (иллюстрация 8).

В 1920 гг. на эту особенность подпружных арок ржевского Спаса обратил внимание А.И. Некрасов, который отнес данные конструкции к числу тех элементов, которые «указывают на долю московских влияний», проникших в новгородское зодчество в XVI столетии (иллюстрация 9) [3, с. 4–5].

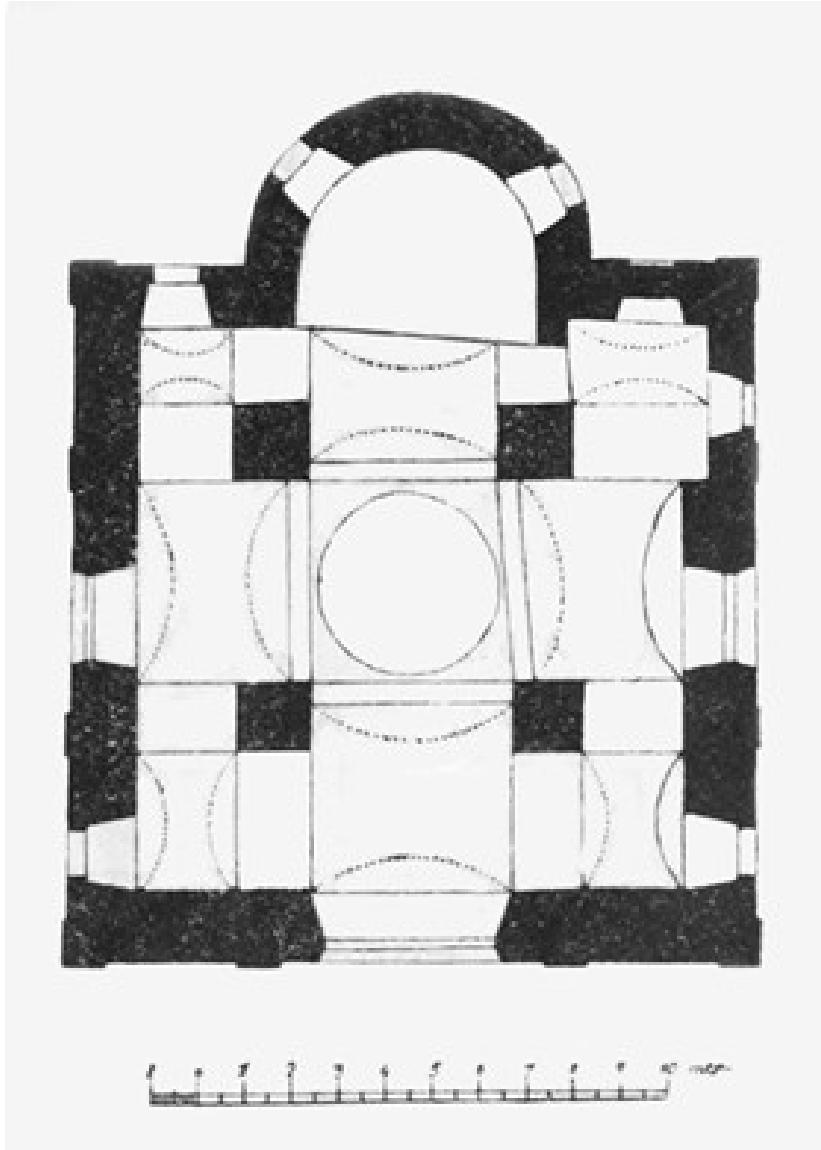

Иллюстрация 9 — Спасо-Преображенская церковь во Ржеве. План [3, с. 4]
Figure 9 — The Transfiguration Church in Rzhev. Plan [3, p. 4]

Исследователь не сомневался, что ржевский Спас представлял собой типичный образец «классического новгородского стиля», берущего начало в XIV в., о чем, на его взгляд, свидетельствовал «одноапсидный куб, расчлененный плоскими вертикальными лопатками». Некрасов был уверен, что когда-то одноглавый храм имел четырехфронтонное покрытие, на что указывали «различия высот центральных и угловых сводов» [3, с. 4–5].

Также он полагал, что строительство церкви не следует выводить за пределы первой половины XVI в., и считал, что этот памятник «является по своему географи-

ческому положению одним из наиболее южных представителей новгородской архитектуры» и «в историческом отношении имеет значение для суждения об эволюции московской архитектуры от XV в. к XVI» [3, с. 5]. Правда, для исследователя Спас во Ржеве являлся примером того, как на периферии храмы подобного типа «впадают не только в примитивизм, но даже в вульгаризацию» [4, с. 156].

В последней четверти – конце XX в., когда интерес к уже утраченному ржевскому памятнику обозначился вновь, В.В. Седов отказался от столь категоричного резюме в отношении Спаса, которое было озвучено Некрасовым. Он предложил оценивать эту постройку не как примитивное сооружение, а как здание, которое на фоне новгородского зодчества первой половины XVI в. было отмечено явно провинциальными чертами [7, с. 31–33].

В.В. Седов развил и дополнил те выводы, что были тезисно намечены А.И. Некрасовым. Отметив недостатки в разбивке здания, что «привело к неправильному сочленению сводов и разнице пролетов», Седов особое внимание уделил повышенным подпружным аркам, сочтя их вслед за Некрасовым теми элементами, что позволяют датировать постройку первой половиной XVI в. Желая аргументировать свой вывод о времени создания храма опорой на источник, он привел свидетельство описи начала XVII в. и отметил, что Спасо-Преображенский собор зафиксирован в ней уже как каменное сооружение [7, с. 31–32]. Однако в вышеупомянутой дозорной книге 1620 г., составленной Федором Петровичем Дурным, не говорится о материале, из которого выстроен Спас во Ржеве. В источнике сообщается лишь, что находившийся в тот период в «патриаршей Спасской слободе» Преображенский храм «стоит пуст» (РГАДА. Ф. 235. Патриарший казенный приказ. № 169. Л. 1) [11, с. 141]. К числу ошибок В.В. Седова можно также отнести его указание на то, что церковь во Ржеве была полностью выстроена из кирпича [7, с. 31]. Напомним, что в метрике, составленной в 1887 г., эта постройка названа исключительно белокаменным сооружением, у которого в середине XVIII в. первоначальный четверик был надложен невысокой кирпичной стенкой.

Несомненной заслугой Седова является «размещение» ржевского Спаса в контексте типологически и стилистически близких новгородских памятников 20-х – 30 гг. XVI в. с узкими повышенными подпружными арками. Круг сооружений с подобными конструкциями еще в 1920 гг. был намечен К.К. Романовым [5, с. 29–58], однако выстраивание эволюционного ряда с указанием в этом ряду места ржевского храма было сделано В.В. Седовым.

Романов не ставил перед собой задачи указать конкретные истоки узких подпружных арок в новгородском зодчестве XVI в., хотя эта тема занимала исследователя и неоднократно в рамках одной статьи он возвращает наше внимание к церкви Прокопия на Ярославовом дворище 1529 г. [5, с. 41, 50, 52–53, 58)], которая, как известно, является наиболее ранней постройкой, наделенной подобной формы сводчатой конструкцией (иллюстрация 10).

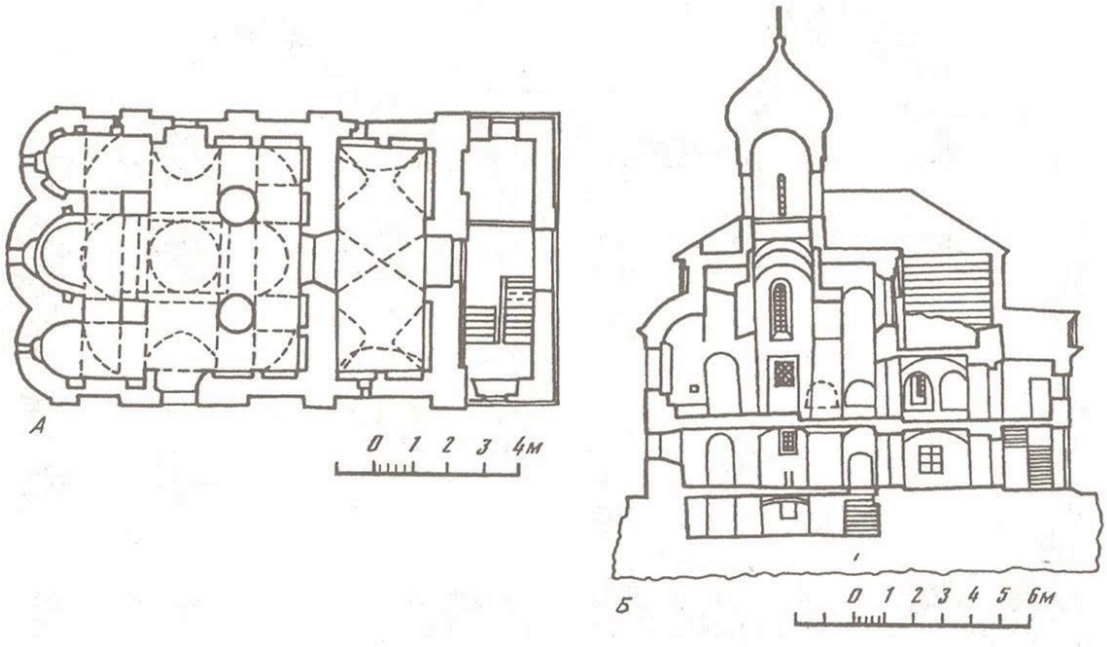

Иллюстрация 10 — Новгород. Церковь Прокопия на Ярославовом дворище. 1529 г. А — план; Б — продольный разрез [6, с. 86]
Figure 10 — Novgorod. Prokopius Church on Yaroslav's Courtyard. 1529. A — Plan; B — Longitudinal Section [8, p. 86]

На этот факт указывает Седов, предлагая, тем не менее, считать начальной точкой отсчета в деле внедрения повышенных подпружных арок в новгородском зодчестве XVI в. собор Хутынского монастыря (1515 г.) [6, с. 87, 83–84]. Через ступенчатые своды церкви Филиппа Апостола на Нутной улице 1527 г., подпружные арки которой уже уступают по толщине подкупольным столбам (иллюстрация 11), он выводит нас на церковь Прокопия, констатируя, что именно в этом памятнике узкие повышенные арки под барабаном «впервые были найдены как художественная форма» в новгородской архитектуре XVI в., получив затем дальнейшее развитие в таких постройках, как Борисоглебский храм в Плотниках (1536 г. — иллюстрация 12), церковь Успения на Торгу в Новгороде (1540 гг.), Никольский храм в псковском Любятове (1540-е – 1550 гг.), церковь Успения в Белоозере (1552–1574 гг.), собор Клопского монастыря под Новгородом (ок. 1562 г.), а также соборный храм Антониева-Сийского монастыря [6, с. 83–87]. Спасо-Преображенскую церковь во Ржеве В.В. Седов помещает между Прокопиевским храмом и церковью Бориса и Глеба, полагая, что ржевский собор был построен, скорее всего, «не позднее 1530 гг., поскольку этот одноапсидный четырехстолпный одноглавый храм с квадратными столбами, без хор и с новгородскими арками под барабаном, вряд ли мог быть сооружен в 1540 гг., когда новгородская архитектура начинает отдаляться от традиционных планов и композиций» [6, с. 83–87].

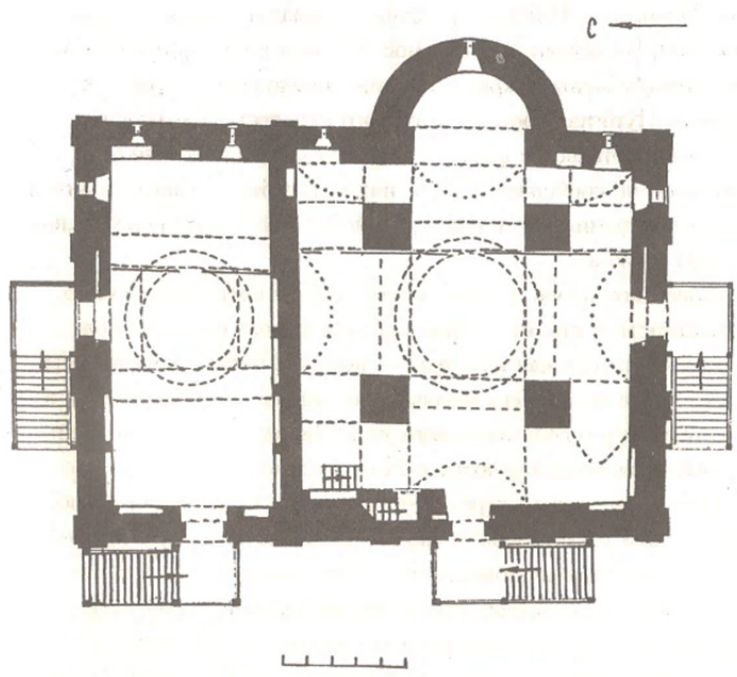

Иллюстрация 11 — Новгород. Церковь Филиппа Апостола с приделом Николая Чудотворца. 1527 г. по Н.Н. Кузьминой
Figure 11 — Novgorod. The Church of Philip the Apostle with the Chapel of St. Nicholas the Wonderworker. 1527. According to N.N. Kuzmina

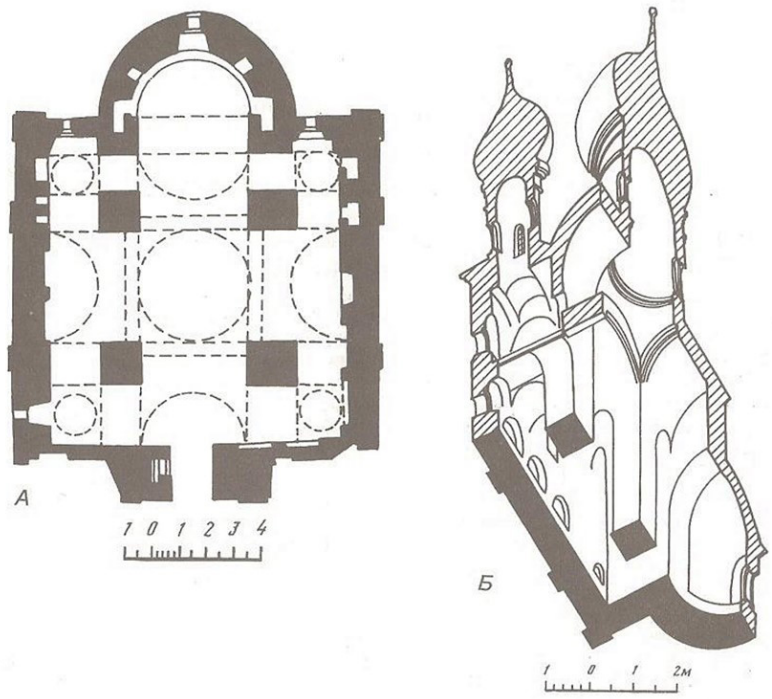

Иллюстрация 12 — Новгород. Церковь Бориса и Глеба в Плотниках. 1536 г. [6, с. 86]
Figure 12 — Novgorod. Boris and Gleb Church in Plotniki. 1536 [6, p. 86]

И К.К. Романов, и Вл.В. Седов в более ранней статье, посвященной ржевскому Спасу, в целом едины во мнении, что узкие повышенные подпружные арки появляются в новгородском зодчестве XVI в. не без влияния Пскова, правда, не напрямую, а после трансформации, которую псковские формы пережили в последней четверти XV в. в московских работах псковичей [5, с. 50, 53, 55–56; 7, с. 32]. Однако, в том исследовании, где Седов сосредоточился на рассмотрении исключительно узких подпружных арок, он скорректировал представление об истоках такой конструкции в Новгороде. На его взгляд, изобретенные в церкви Прокопия (1529 г.) подпружные арки «должны были, без сомнения, создавать образ именно московских повышенных арок» [6, с. 87].

Действительно, если принять во внимание наличие повышенных подпружных арок в раннемосковских памятниках, то такая точка зрения на процесс формирования вышеуказанных сводчатых конструкций в новгородском зодчестве первой половины XVI в. представляется наиболее оправданной. В итоге сложившийся конструктивный прием, по меткому замечанию Седова, «как бы маркировал в “новгородском” пространстве новгородских храмов этого периода участие в построении храмов “гостей московских и новгородских”, он свидетельствовал в то же время о смешении форм разного происхождения, складывавшихся в новую архитектуру. Перед нами значимая деталь в интерьере, которая по прошествии какого-то времени теряет свое значение и включается в набор форм местной традиции как мотив декоративный» [6, с. 93].

Весьма интересно и предположение Седова о том, что промежуточным звеном в деле создания узких подпружных арок могли стать своды с невыделенными или слитыми со сводами подпружными арками, поскольку «в конструктивном и художественном смысле» они вполне могли способствовать появлению таких арок. Их «просто вырезали в сводах рукавов креста со стороны подкупольного квадрата» [6, с. 84–86]. Вероятность этой версии подтверждаются приведенными В.В. Седовым примерами — новгородскими храмами, сооруженными в первой половине – середине XVI в.: Успенской церковью в Колмове 1527 г., Федоровским храмом на Щирковой улице (в реконструкции середины 1540 гг.) и Владимирским собором Сыркова монастыря (1548–1554 гг.) [6, с. 85–86].

Не ставя под сомнение основу концепции Седова, хотелось бы отметить, что, подводя итог своим исследованиям, автор, на наш взгляд, предлагает несколько категоричный вывод, полагая, что узкие повышенные арки в новгородском зодчестве XVI в. — это «оригинальный прием, призванный продемонстрировать в интерьере включение **м о с к о в с к и х** (выделено мною. — *А.С.*) форм в современную новгородскую традицию» [6, с. 93]. Столь конкретное указание на источник новаций еще К.К. Романову казалась излишне категоричным, и в 1927 г. он призывал не всех «пришельцев из Средней России огульно» называть москвичами. Рассуждая о привнесенных в новгородскую архитектуру первой половины XVI в. новых формах, он предпочитал говорить о влиянии «средне-русского» зодчества [5, с. 44–45, 50, 52–53, 56–58].

Такая позиция Романова оправдана, по той простой причине, что источники не фиксируют участие московских мастеров в создании новгородских храмов, в то время как тверские зодчие, согласно летописным данным, возводили одно из самых интересных сооружений Новгорода XVI в. — Хутынский столп [12, с. 296]. И это не единичное свидетельство участие тверских мастеров в строительных работах за пределами Тверского княжества. К сказанному добавим, что и повышенные подпружные арки не были прерогативой только раннемосковского зодчества.

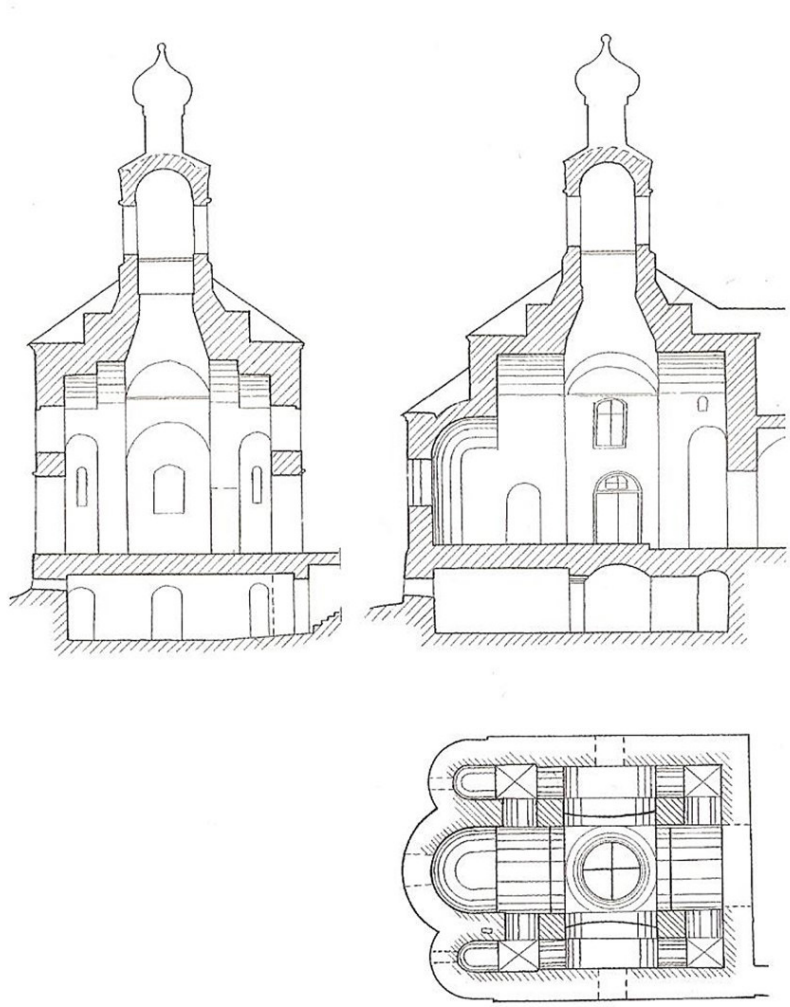

**Иллюстрация 13 — Церковь Рождества Богородицы в Городне.
Поперечный и продольный разрезы, план.
Обмер Б.Л. Альтшуллера
[1, с. 53, ил. 35]**
**Figure 13 — The Church of the Nativity of the Virgin in Gorodnya.
Transverse and Longitudinal Sections, plan.
Measurement by B.L. Al'tshuller [1, p. 53, fig. 35]**

В единственном сохранившемся тверском памятнике удельного периода — церкви Рождества Богородицы в Городне 1440 гг. — наличествуют повышенные подпружные арки. Более того, если верить обмеру Б.Л. Альшуллера, опубликованному А.А. Галашевичем и Г.С. Колпаковой, то в «слитых» сегодня восточном и западном рукавах креста изначально были узкие повышенные подпружные арки (иллюстрация 13) [1, с. 53, ил. 35].[1] Типологически близкие конструкции присутствуют в настоящее время и в Успенском соборе старицкого монастыря, выстроенном в первой трети XVI в. Здесь они также у́же подкупольных столбов (иллюстрация 14).

[1] Ссылаясь на Б.Л. Альтшуллера, В.В. Седов, указал на то, что «“слитость” сводов западного и восточного рукавов есть результат позднейшей докладки. Первоначально все подпружные арки храма в Городне были повышенными» [8, с. 66].

Иллюстрация 14 — Сводчатая система Успенского собора старицкого монастыря. Первая треть XVI в.
Фото В.Б. Христенко. 2003 г. [10, с. 56]
Figure 14 — The Vaulted System of the Assumption Cathedral of the Staritsky Monastery. The First Third of the 16th Century.
Photo by V.B. Khristenko.
2003 [1, p. 56]

Все эти факты позволяют допускать возможное (но не обязательное) участие тверских зодчих в формировании той сводчатой системы, что органично вошла в новгородскую архитектуру, став к середине XVI в. неотъемлемой частью регионального зодчества. Поэтому у нас есть все основания полагать, что архитектурные формы ряда новгородских памятников соответствующего периода сложились под влиянием среднерусского, а не только московского зодчества. В числе таковых оказался, вероятно, и Спасо-Преображенский собор во Ржеве, который, согласно предположению В.В. Седова, строили новгородские мастера [7, с. 32; 6, с. 87].

Не отрицая такой возможности, тем не менее, хотелось бы еще раз подчеркнуть некоторую взаимосвязь ржевского памятника с собором Старицкого монастыря. Она выражается не только в наличии характерных подпружных арок, но и в том, что оба здания возведены исключительно из белого камня. К сказанному добавим, что и в том, и в другом случае подпружные арки несут квадратные в плане подкупольные столбы. Конечно, во внешнем облике этих сооружений есть существенные композиционные отличия. Если старицкая постройка наделена динамичным ступенчатым завершением, то четверик ржевского храма имел, вероятно, расположенные на одном уровне закомары. Но их «белокаменное состояние», а также отчасти конструктивная соотнесенность не исключают версии о создании ржевского храма местной строительной орга-

низацией, которая в упрощенном виде повторила отдельные параметры, присущие Успенскому собору Старицкого монастыря. Будучи, по всей видимости, в тот период одной из самых репрезентативных построек в этой части Тверско-Волоколамского «дворца», Успенский храм опосредованно мог стать образцом еще для ряда возведенных в первой половине XVI в. культовых сооружений. Ведь в это же время упрощенная реплика старицкого собора появилась в Клину.

Обозначенная взаимосвязь ржевской и старицкой церквей, учитывая время строительства Успенского собора в Старице, не противоречит предложенной В.В. Седовым датировке Преображенского храма во Ржеве, однако наличие типологически близких подпружных арок в тверской постройке середины XV в. (храм в Городне), а также плановая форма ржевской церкви, напоминающая новгородские постройки эпохи независимости, не исключают и более широких хронологических рамок для Спаса во Ржеве. Не добавляет определенности в вопросе датировки и не особо тщательный характер тески белокаменных блоков ржевского храма, а также такое свидетельство некоторого непрофессионализма, как деревянные клинья в замковой части подпружных арок. Все эти особенности можно отнести на счет невысокого профессионального уровня каменщиков. К примеру, новгородцев, которые у себя имели дело, как правило, с другим строительным материалом. Если же предположить, что ржевский собор принадлежит той эпохе, когда кирпич еще не использовался на Северо-Востоке Руси, то тогда интересующий нас памятник оказывается постройкой как минимум XV столетия. Таким образом, рассматривая Спасо-Преображенский собор во Ржеве в первую очередь как сооружение первой половины XVI в., мы не должны исключать и более широкой датировки для утраченного в 1943 г. храма. Вероятно, более точный ответ удалось бы получить в результате архитектурно-археологического исследования памятника, но на сегодняшний день эта задача представляется практически невыполнимой.

Список литературы

Исследования

1 *Галашевич А.А., Колпакова Г.С.* Храм Рождества Богородицы в Городне на Волге. М.: Северный паломник, 2004. 302 с.

2 *Малыгин П.Д., Салимов А.М.* Ржевка, Ржева, Ржева-Володимирова // Ржев: страницы минувшего. Ржев: Ржевская правда, 1992. С. 30–39.

3 *Некрасов А.И.* Отчет о комплексной Тверской экспедиции // Труды этнографо-археологического музея. М.: Изд-во 1-го Московского гос. ун-та, 1928. Вып. IV. С. 4–18.

4 *Некрасов А.И.* Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII вв. М.: Изд-во Всес. акад. архитектуры, 1936. 400 с.

5 *Романов К.К.* К вопросу о влиянии взаимоотношений между строителями и заказчиками на формы зодчества в Новгороде в XV–XVI вв. // Изобразительное искусство. Л.: ACADEMIA, 1927. Вып. 1. С. 29–58.

6 *Седов В.В.* Повышенные подпружные арки в новгородской архитектуре XVI в. // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. XIII–XIX вв. М.: Наука, 2000. С. 81–95.

7 *Седов В.В.* Спасо-Преображенский собор в Ржеве — памятник новгородской архитектуры XVI в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков: Изд-во Псковского музея-заповедника, 1987. С. 31–33.

8 *Седов В.В.* Черты архитектуры Северо-Западной Руси в церкви Рождества Богородицы в Городне // Новгородские древности. М.: Изд-во Общества историков архитектуры, 1993. Вып. IV. С. 62–69.
9 *Темушев В.Н.* Первая московско-литовская война 1486–1494. М.: Квадрига, 2013. 240 с.
10 *Христенко В*. От покаяния к возрождению. М.: КГ «Шмидт и Партнеры», 2007. 144 с.

Источники

11 Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1872. Кн. 2. 516 с.
12 Полное собрание русских летописей изданное по Высочайшему повелению Археографической Комиссией. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1853. Т. 6: VI. Софийская летопись. 358 с.
13 Послания Иосифа Волоцкого / сост. А.А. Зимин, Я.С. Лурье. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 390 с.
14
15 Список сокращений
16 ГАТО — Государственный архив Тверской области.
17 РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Москва.
18 РО НА ИММК РАН — Рукописный отдел научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.

***

© 2025. Alexey M. Salimov
Tver, Russia

ON ARCHITECTURAL FEATURES OF THE TRANSFIGURATION CATHEDRAL IN RZHEV

Acknowledgements: The work was carried out in terms of scientific activities of the National Research Moscow State University of Civil Engineering and during the implementation of the Program of Fundamental Scientific Research of the Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (filial of the Central Research and Design Institute of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation).

Abstract: Located on the territory of the Tver region, Rzhev is one of those cities that suffered the most during the Great Patriotic War. As a result, not only many residential buildings were destroyed in Rzhev, but also the vast majority of churches. One of them, the Transfiguration Cathedral, was completely destroyed in 1943, and for centuries this building was the main religious building on the Knyaz-Dmitrov side of Rzhev. The seriousness of this loss lies in the fact that the Rzhevsky Savior was built no later than the 16th century, therefore, it was one of the few buildings in the Tver region that survived by the beginning of the war. The preserved quite detailed writings and drawings of this temple dating back to the 19th century indicate that the Transfiguration Cathedral could

accumulate in its appearance features characteristic of at least two architectural schools: the Novgorod and the one that was characteristic of medieval religious buildings in Northeastern Russia. Taking into account a number of documentary evidence describing the technical and technological features of the Savior (Spas) in Rzhev, it is possible to assume its construction even earlier than the 16th century. However, the lack of an opportunity to conduct architectural and archaeological studies in its place (the remains of the monument are located under the asphalt pavement of Lenin Street, the main transport thoroughfare of the city) does not yet allow for certainty in the dating and architectural appearance of the temple that perished during the war.

Keywords: Rzhev, Transfiguration Cathedral, Architecture of Novgorod of the 16th Century, Architecture of Northeastern Russia.

Information about the authors: Aleksey M. Salimov — DSc in Art, Corresponding Member of RAACS, Professor, National Research Moscow State University of Civil Engineering, Yaroslavskoye High., 26, 129337 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000000188074554
E-mail: sampochta@mail.ru

Received: March 6, 2025
Approved after reviewing: September 10, 2025
Date of publication: September 25, 2025
For citation: Salimov, A.M. "On Architectural Features of the Transfiguration Cathedral in Rzhev." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 255–274. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-255-274

References

1 Galashevich, A.A., *Kolpakova, G.S. Khram Rozhdestva Bogoroditsy v Gorodne na Volge* [*The Church of the Nativity of the Virgin in Gorodnya on the Volga*]. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2004. 302 p. (In Russ.)

2 Malygin, P.D., Salimov, A.M. "Rzhevka, Rzheva, Rzheva-Volodimirova" ["Rzhevka, Rzheva, Rzheva-Volodimirova"]. *Rzhev: stranitsy istorii* [*Rzhev: Pages of History Rzhev*]. Rzhev, Rzhevskaia pravda Publ., 1992, pp. 30–39. (In Russ.)

3 Nekrasov, A.I. "Otchet o kompleksnoi Tverskoi ekspeditsii" ["Report on the Comprehensive Tver` Expedition"]. *Trudy etnografo-arkheologicheskogo muzeia* [*Proceedings of the Ethnographicand Archaeological Museum*], vol. IV. Moscow, 1-i Moskovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1928, pp. 4–18. (In Russ.)

4 Nekrasov, A.I. *Ocherki po istorii drevnerusskogo zodchestva XI–XVII vv.* [*Essays on the History of Ancient Russian Architecture of the 11–17th Centuries*]. Moscow, Vserossiiskaia akademiia arkhitektury Publ., 1936. 400 p. (In Russ.)

5 Romanov, K.K. "K voprosu o vliianii vzaimootnoshenii mezhdu stroiteliami i zakazchikami na formy zodchestva v Novgorode v XV–XVI vv." ["On the Issue of the Influence of the Relationship between Builders and Customers on the Forms of Architecture in Novgorod in the 15–16th Centuries"]. *Izobrazitel'noe iskusstvo* [*Fine Art*], vol. 1. Leningrad, ACADEMIA Publ., 1927, pp. 29–58. (In Russ.)

6 Sedov, V.V. "Povyshennye podpruzhnye arki v novgorodskoi arkhitekture XVI v." ["Elevated Arches in Novgorod Architecture of the 16th Century"]. *Pamiatniki russkoi arkhitektury i monumental'nogo iskusstva. XIII–XIX vv.* [*Monuments of Russian Architecture and Monumental Art. 13–19th Centuries*]. Moscow, Nauka Publ., 2000, pp. 81–95. (In Russ.)

7 Sedov, V.V. “Spaso-Preobrazhenskii sobor v Rzheve — pamiatnik novgorodskoi arkhitektury XVI v.” [“The Transfiguration Cathedral in Rzhev — a Monument of Novgorod Architecture of the 16th Century”]. *Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli* [*Archaeology and History of Pskov and Pskov Land*]. Pskov, Pskov State United Historical, Architectural and Art Museum Reserve Publ., 1987, pp. 31–33. (In Russ.)

8 Sedov, V.V. “Cherty arkhitektury Severo-Zapadnoi Rusi v tserkvi Rozhdestva Bogoroditsy v Gorodne” [“Architectural features of Northwestern Russia in the Church of the Nativity of the Virgin in Gorodnya”]. *Novgorodskie drevnosti* [*Novgorod Antiquities*], vol. IV. Moscow, The Society of Architectural Historians Publ., 1993, pp. 62–69. (In Russ.)

9 Temushev, V.N. *Pervaia moskovsko-litovskaia voina 1486–1494* [*The First Muscovite-Lithuanian War of 1486–1494*]. Moscow, Kvadriga Publ., 2013. 240 p. (In Russ.)

10 Khristenko, V. *Ot pokaianiia k vozrozhdeniiu* [*From Repentance to Rebirth*]. Moscow, KG “Shmidt i Partnery” Publ., 2007. 144 p. (In Russ.)

Abbreviations

STAR — The State Archive of the Tver region.

RSAAA — The Russian State Archive of Ancient Acts. Moscow.

MD SA IHMC RAS — Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences.почему

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-275-290
УДК 908; 726.03
ББК 63.521(= 411.2)
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. А.Б. Бодэ
г. Москва, Россия

© 2025 г. Т.В. Жигальцова
г. Архангельск, Россия

АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ КОЖЕОЗЕРСКОГО БОГОЯВЛЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01625 Деревянные храмы нижней Онеги XVII–XIX веков. Архитектура, типология, традиции, URL: https://rscf.ru/project/24-28-01625

Аннотация: Исследование нацелено на раскрытие строительной истории и изучение архитектуры комплекса Кожеозерского монастыря — одного из самых удаленных на Русском Севере. Вновь выявленные исторические источники из фондов Государственного архива Архангельской области и Российского государственного исторического архива дают представление о строительной деятельности в монастыре после его закрытия в 1764 г. Поздний период в строительной истории монастыря реконструируется достоверно, поскольку он представлен историческими источниками достаточно полно из-за развернутого масштабного строительства во второй половине XIX — начала XX в. Сопоставление исторических данных и региональных традиций позволили графически реконструировать ансамбль монастыря на данном строительном этапе. Кроме этого, частично сохранились постройки конца XIX — начала XX в. Проведенные натурные обследования дали новый материал по устройству и архитектуре хозяйственных строений. Совокупный анализ позволил приоткрыть страницы архитектурно-строительной истории Кожеозерской обители и пустыннической жизни Русского Севера. Полученная в результате комплексного всестороннего исследования картина строительной истории монастыря соответствует его местоположению и характеру жизни — монастырь был изолирован от внешнего мира, и в хозяйственном отношении был самодостаточен. В заключении авторы предлагают варианты восстановления ряда монастырских построек из-за очевидной невозможности сохранения всего монастыря. Наиболее актуальным видится воссоздание надвратного храма и верха церкви во имя Иоанна Богослова. Кроме этого, монастырский комплекс сохранил уникальный деревянный амбар, не имеющий аналогов. Авторы выражают надежду на появление финансовых и иных ресурсов для возрождения обители в будущем.

Ключевые слова: Русский Север, Поморье, Кожеозерский монастырь, пустынничество, деревянное зодчество, объекты наследия, строительная история, комплексное исследование.

Информация об авторах:
Андрей Борисович Бодэ — кандидат архитектуры, директор АНО Исследование и реставрация памятников деревянного зодчества «Традиция», Коптевский б-р, д. 6, кв. 34, 125008 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, ул. Душинская, д. 9, 111024 г. Москва, Россия; доцент, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, Ярославское ш., д. 26, 129337 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9866-845X
E-mail: bode-niitag@yandex.ru
Татьяна Валентиновна Жигальцова —кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, наб. Северной Двины, д. 17, 163002 г. Архангельск, Россия; научный сотрудник, АНО Исследование и реставрация памятников деревянного зодчества «Традиция», Коптевский б-р, д. 6, кв. 34, 125008 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5471-1540
E-mail: t.zhigaltsova@narfu.ru

Дата поступления статьи: 21.11.2024
Дата одобрения рецензентами: 23.06.2025
Дата публикации: 25.09.2025
Для цитирования: *Бодэ А.Б., Жигальцова Т.В.* Архитектурный ансамбль Кожеозерского Богоявленского монастыря в XIX – начале XXI веков // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 275–290.
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-275-290

История православия на севере России тесно переплетена с традицией отшельнической жизни, строительством скитов и монастырей в таких удаленных, труднодоступных местах, как, например, Антониево-Сийский, Александро-Ошевенский, Артемиев-Веркольский монастыри. Ряд удаленных обителей, таких как Кожеозерский Богоявленский монастырь, когда-то были местными центрами, организовывали вокруг себя духовную жизнь и хозяйственную деятельность, но в настоящий момент находятся в замершем состоянии.

В архитектурном отношении монастырские храмы становились образцами для церковного приходского строительства в селах и деревнях. Так архитектурно-строительные традиции распространялись из центров в регионы страны. При изучении архитектуры монастырей выявляются исторические и культурные связи, раскрывается многообразие местных традиций, в своей совокупности составляющее культурную сокровищницу России. Например, выявляется связь Кожеозерского Богоявленского монастыря и Александро-Ошевенского монастыря, помещающих своих святых — преподобных Александра Ошевенского и Никодима Кожеозерского на одной иконе [2, с. 247].

Кожеозерский Богоявленский монастырь основан в середине XVI в. на берегу озера Кожа пустынником Нифонтом, к которому в 1557 г. присоединился Сергий

(Серапион) [14, с. 5]. До прихода первых поселенцев эту территорию населяли саамы, впоследствии вытесненные финноязычными племенами таежных охотников и рыболовов [2, с. 246]. Самые первые известные упоминания об этом месте датируются 1563 (7071) г., когда местный крестьянин Максим Павлов подписал купчую на часть своей земли: «…отдал я Максим все те три полянки священнику Нифонту да строителю старцу Серапиону Богоявленского монастыря» [4, с. 37]. Официально монастырь был образован 30 сентября 1584 г. на основании царской грамоты Федора Иоанновича и благословением митрополита Дионисия [2, с. 249].

Большинство публикаций, посвященных этому монастырю, датируются концом XIX в. [10, 12, 13, 15]. Особо стоит отметить рукопись преподавателя Архангельской духовной семинарии Феофилакта Гавриловича Громова (Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). Ф. 441. Оп. 2. Д. 16. Громов Ф.Г. Исторические сведения о монастыре, без даты), составленной по утраченным монастырским документам. Вероятно, рукопись следует датировать 1855 г., когда она рассматривалась к публикации в Святейшем Синоде (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 4. Д. 190. Дело о предоставлении сведений в Синод о Никодиме Кожеозерском, 1856. Л. 1). Однако опубликована была только через 40 лет, уже после смерти автора [8]. Вероятно, по причине хорошей изученности истории монастыря в XIX в., в XX в. вплоть до настоящего времени строительной истории монастыря не уделено достаточного исследовательского внимания. Научные работы в своем большинстве посвящены святым подвижникам — преподобным Нифонту, Серапиону, Никодиму, а также будущему патриарху Никону [3, 4]. Исключением является сборник «Природа и историко-культурное наследие Кожозерья» [2], в котором предпринята попытка комплексного всестороннего анализа исследуемой территории.

Монастырь располагался в 30 верстах от с. Кривой Пояс Пудожского уезда, в 50 верстах от Прилуцкого прихода Онежского уезда и в 120 верстах от г. Онеги Онежского уезда Архангельской губернии [11, с. 466]. Первоначально монастырь был прикреплен к Турчасовскому стану Каргопольского уезда Олонецкой губернии (ГААО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 16. Громов Ф.Г. Исторические сведения о монастыре, без даты. Л. 1). В XVII в., после разграничения губерний и уездов, монастырь вошел в состав Архангельской епархии Онежского уезда (ГААО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 16. Громов Ф.Г. Исторические сведения о монастыре, без даты. Л. 1). К монастырю было причислено 11 деревень (ГААО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 16. Громов Ф.Г. Исторические сведения о монастыре, без даты. Л. 7).

Данная статья посвящена периоду возрождения монастыря после его закрытия в 1764 г. по указу императрицы Екатерины II [14, с. 16–17]. Вместо монастыря был открыт самоклирный Кожеозерский приход, который в 1845 г. также был закрыт [11, с. 504], а Кожеозерская пустынь была приписана к Прилуцкому приходу [14, с. 17]. Землями завладели поселившиеся вблизи крестьяне, образовавшие целую деревню[1]. Ценное церковное имущество было отправлено в Спасо-Каргопольский и Троицкий Александро-Свирский монастыри [11, с. 498].

Период запустения монастыря с 1764 до 1853 гг. не получил должного освещения в научной литературе. О ремонтных или строительных работах до настоящего времени было практически ничего не известно. В 1808 г. Кожеозерский приход произвел ремонт нижних венцов и трапезы двухэтажной церкви во имя Благовещения Пресвятой Богородицы (1732) с приделом во имя Николая Чудотворца на первом этаже,

[1] Вероятно, речь идет о деревне Кривой Пояс.

за счет келарской, расположенной рядом с церковью, крыша которой пришла в ветхость (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 1. Д. 434. Дело по прошению Онежской округи Кожеозерскаго прихода священника Иосифа Зарынскаго, о выдаче ему Книги для збора подаяний на поправление церковных ветхостей, 1809. Л. 1–2.). В 1819 г. была отремонтирована крыша на колокольне (ГААО. Ф. 29. Оп. 35. Д. 11. Клировая ведомость, 1819. Л. 156). По состоянию на 1840 г. церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы была стенами «тверда», крыши на трапезе и крыльце требовали ремонта (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 1477. Дело по указу Синода о доставлении сведений об упраздненном Кожеозерском монастыре, 1836–1856. Л. 3). На собранные подаянием деньги в 1840 г. были поставлены новые столбы и перекрыта крыша у крыльца церкви, поправлены крыши у колокольни и амбарах (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 1477. Дело по указу Синода о доставлении сведений об упраздненном Кожеозерском монастыре, 1836–1856. Л. 13). Несмотря на крайнюю бедность, церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы ремонтировалась даже в период запустения.

Возрождение монастыря связано с деятельностью бывшего управляющего Соловецким подворьем в г. Архангельске иеромонахом Митрофаном [11, с. 505]. 1 апреля 1850 г. Митрофан просит разрешение произвести на ветхой церкви во имя Благовещения Пресвятой Богородицы (1732 г.) ремонт крыши, в приделе во имя святителя Николая Чудотворца переменить пол, сделать новую печь, расширить узкие окна и в отдаленном будущем всю церковь обшить тесом и выкрасить (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 323. Дело о дозволении Иеромонаху Митрофану поправить церковь и устроить две келии при Кожеозерской пустыни Онежского уезда, 1850–1856. Л. 2–2об.). Уже 12 апреля иеромонах Митрофан получает разрешение на ремонт церкви (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 323. Дело о дозволении Иеромонаху Митрофану поправить церковь и устроить две келии при Кожеозерской пустыни Онежского уезда, 1850–1856. Л. 3). Из «Описания Кожеозерской пустыни» Митрофана узнаем некоторые подробности облика церкви: «немного спустя покрыли от течи и купол и поставили новый крест» [13]. Описание верха церкви как купола говорит о кубоватом завершении храма.

29 января 1851 г. церковь сгорела из-за ветхой печи в трапезе (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 323. Дело о дозволении Иеромонаху Митрофану поправить церковь и устроить две келии при Кожеозерской пустыни Онежского уезда, 1850–1856. Л. 10–11). Из церковного имущества удалось спасти только иконы и святой антиминс из предела во имя Николая Чудотворца (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 323. Дело о дозволении Иеромонаху Митрофану поправить церковь и устроить две келии при Кожеозерской пустыни Онежского уезда, 1850–1856. Л. 38). Интересно, что антиминс датирован 1670 г. и священнодействован Корнилием, митрополитом Новгородским и Великолуцким (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 323. Дело о дозволении Иеромонаху Митрофану поправить церковь и устроить две келии при Кожеозерской пустыни Онежского уезда, 1850–1856. Л. 52), однако нигде более эта дата не встречается.

Церковные строения монастыря после 1853 г. 30 мая 1853 г. император Николай I высочайшим повелением наделил Кожеозерскую пустынь самостоятельным статусом без пособия от казны с целью «служить благонадежным оплотом от распространения раскола по соседству ея» [15, с. 68]. Необходимо заметить, что именно при Николае I были созданы условия регламентации в храмовом зодчестве [5, с. 317–326]. 22 июня 1853 г. Святейший Синод повелел установить в монастыре порядок, отличающийся строгостью правил монашеской жизни и общим составом братии в 15 человек. Богослужение должно было совершаться по уставу Соловецкого монастыря [15, с. 69].

Еще в июне 1851 г. было начато строительство новой теплой церкви во имя Богоявления Господня с приделами Благовещения Пресвятой Богородицы и Чудотворца Николая, однако в ноябре, из-за недостатка денежных средств, приостановлено (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 323. Дело о дозволении Иеромонаху Митрофану поправить церковь и устроить две келии при Кожеозерской пустыни Онежского уезда, 1850–1856. Л. 21, 41). Новый храм был освящен в 1855 г. (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 323. Дело о дозволении Иеромонаху Митрофану поправить церковь и устроить две келии при Кожеозерской пустыни Онежского уезда, 1850–1856. Л. 199). Описание данной церкви 1875 г. указывает на наличие слитной с церковью колокольни и «пещеры» с мощами преподобного Никодима (ГААО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 8. Сведения о состоянии Кожеозерскаго монастыря Архангельской епархии Онежскаго уезда, 1875. Л. 1–1об.).

В фондах Российского государственного исторического архива хранится чертеж безымянной церкви Кожеозерского монастыря без указания даты (иллюстрация 1)[2]. План «деревянной Церкви, в Новь Предполагаемой устроиться в Коже-озерской Пустыни Онежскаго уезда» включал рисунок холодной церкви с «пролетным кумполом» (№ 1), алтарь (№ 2), теплую церковь с двумя пределами (№ 3), паперть с чуланом и «ходом на колокольню» (№ 4) (Российский государственный исторический архив. Чертеж церкви Кожеозерского монастыря. Ф. 83. Оп. 1. Д. 10. Л. 1).

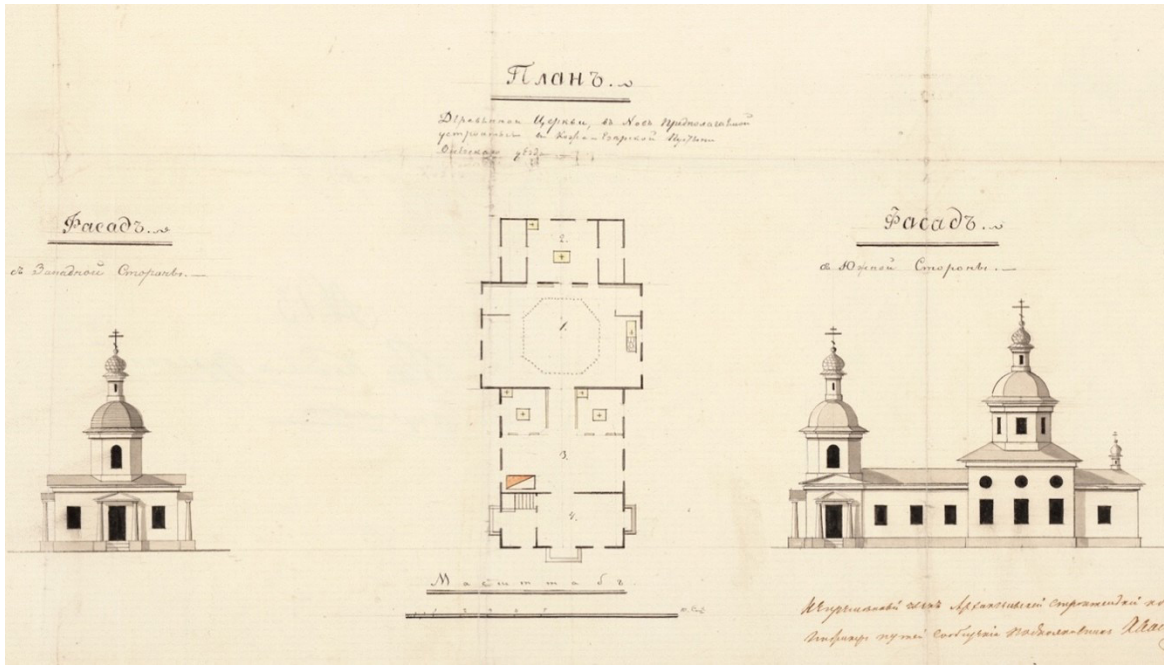

Иллюстрация 1 — Чертеж церкви Кожеозерского монастыря, без даты (РГИА. Ф. 83. Оп. 1. Д. 10. Л. 1)
Figure 1 — Drawing of the Church of the Kozheozersky Monastery, Undated (RGIA. F. 83. Op. 1. D. 10. L. 1)

Сравнение с архивными описаниями не вызывает сомнений, что на рисунке изображена церковь во имя Богоявления Господня, а указание на то, что она вновь устраиваемая, использование термина «пустынь», а не «монастырь» говорит о том, что вероятнее всего это чертеж 1851 г.

[2] Авторы выражают признательность за предоставление информации Т.В. Богдановой и Е.В. Ходаковскому.

Облик монастыря после 1850 гг. представлен на металлической гравюре «Никодим Кожеозерский» 1854 г. [1, с. 90]. Богоявленская церковь по архитектуре отчетливо соответствует своему времени. Очень близкий ее аналог — Георгиевская церковь в селе Замошье 1830 гг. под Каргополем [6]. Общая планировка монастыря и расположение основных зданий, несомненно, наследуют пространственную организацию более раннего времени.

Внутри монастыря по данным 1875 г. имелась деревянная часовня во имя святого Иоанна Предтечи и крестителя Господня с двумя братскими кельями (ГААО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 8. Сведения о состоянии Кожеозерского монастыря Архангельской епархии, 1875. Л. 1–1об.). По всей видимости, часовня была построена иеромонахом Митрофаном в 1851 г. после того, как сгорела церковь во имя Богоявления Господня [13]. Кроме этой часовни, в 15 верстах от монастыря находилась часовня Преподобного Никодима с кельей, «где проживает ныне из онаго Монастыря Монах Варлаам» (ГААО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 8. Сведения о состоянии Кожеозерского монастыря Архангельской епархии, 1875. Л. 2).

Церковь во имя Богоявления Господня простояла только до 1884 г. 26 сентября 1884 г. каргопольский мещанин Григорий Рядцын и священнический сын Николай Щипунов совершили ее поджог, за что Григорий Рядцын был сослан на каторжные работы (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1125. Дело о взыскании из имущества г. Рядцына убытков, причиненных Кожеозерскому монастырю от поджога Богоявленской церкви того монастыря, 1890–1894. Л. 1–1об., 5). В результате пожара были утрачены святые иконы, дорогие чеканной работы серебряные ризы, животворящий крест, евангелия и прочее на сумму 7500 руб. (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1125. Дело о взыскании из имущества г. Рядцына убытков, причиненных Кожеозерскому монастырю от поджога Богоявленской церкви того монастыря, 1890–1894. Л. 28–28об.). В этом же году собранные после пожара серебряные слитки были поменяны у Товарищества торгового дома Немирова-Колодкина на насущные вещи (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1184. О разрешении Кожеозерскому монастырю употребить имеющееся у него в слитках серебро на устройство напрестольного креста, потира и дискоса с принадлежностями и других церковных ценностей, 1891. Л. 7–7об.).

После пожара временно управляющий иеромонах Яков написал рапорт Серапиону, епископу Архангельскому и Холмогорскому, с просьбой обратить теплую часовню во имя святого Иоанна Предтечи и крестителя Господня в церковь (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 804. Дело о дозволении Кожеозерскому монастырю отправлять Богослужения, кроме литургий, в монастырской часовне, 1884. Л. 2–2об.). По всей видимости, в 1885 г. это было сделано, поскольку по данным на 1886 г. она числится как теплая церковь, невдалеке от которой под деревянным навесом висит семь колоколов (ГААО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 10. Отчет о состоянии Кожеозерскаго монастыря Архангельской епархии, 1886. Л. 9). После окончания ремонта и установки иконостаса, церковь была освящена 28 марта 1899 г. (ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 887. Отчет о состоянии Кожеозерского общежительного монастыря Архангельской губернии, 1900. Л. 2об.). Церковь была длиной 5 сажень и 2 с четвертью аршина, в ширину — 3 сажени, имела 6 окон; кровля церкви была покрыта тесом; глава окрашена зеленой, а «шарик» и крест желтой красками (ГААО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 17. Описание Успенской, Предтеченской и Богоявленской монастырских церквей, 1902. Л. 1–1об.). В документах 1911 г. описание цветового облика иное: кровля окрашена медянкой, шейка главки белилами с «четырьмя фальшивыми окнами»; глава — медянкой; крест — желтой краской (ГААО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 53.

Главная опись недвижимого и движимого экономического имущества Богоявленского Кожеозерского монастыря Онежского уезда Архангельской губернии, 1911. Л. 14), что говорит о вероятном проведении покрасочных работ в период с 1902 по 1911 гг.

Вместо сгоревшей церкви во имя Богоявления Господня в период с 1887 по август 1888 г. построили новую Богоявленскую церковь «слитно с колокольнею» в 6 саженях от церкви во имя святого Иоанна Предтечи и крестителя Господня (ГААО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 53. Главная опись недвижимого и движимого экономического имущества Богоявленского Кожеозерского монастыря Онежского уезда Архангельской губернии, 1911. Л. 14). Церковь была освящена 15 января 1889 г. (ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 887. Отчет о состоянии Кожеозерскаго общежительнаго монастыря Архангельской губернии, 1900. Л. 2об. – 3). Размеры церкви: высота 9 сажень и 1 аршин, длина 10 сажень и 2 аршина, ширина 6 сажень (ГААО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 17. Описание Успенской, Предтеченской и Богоявленской монастырских церквей, 1902. Л. 1–1об.). Описание внешнего вида:

> …над храмом глава покрыта железом, окрашена синей краской; шарик и крест на главе деревянные обиты белым железом. Вся церковь окрашена белилами, а снаружи низ на 1 ½ арш. окрашены коричневою краскою; кровля колокольни конусообразной формы покрыта железом, окрашенным медянкой, шейка главки окрашена светло-голубой краской, крест обит белым железом (ГААО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 17. Описание Успенской, Предтеченской и Богоявленской монастырских церквей, 1902. 1–1об., 3–3об.).

Под церковью с южной стороны находилась «пещерка над могилою преподобного Никодима» с двумя небольшими окнами на юге и востоке (ГААО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 53. Главная опись недвижимаго и движимаго экономическаго имущества Богоявленскаго Кожеозерскаго монастыря Онежскаго уезда Архангельской губернии, 1911. Л. 59).

Из вышеуказанных описаний важно, что Богоявленская церковь после всех пожаров возобновлялась на прежнем месте.

Каменная соборная Успенская церковь. Помимо указанных деревянных церковных построек, в монастыре в 1864 г. при игумене Митрофане было начато строительство каменной соборной Успенской церкви, которое завершилось лишь при настоятеле иеромонахе Сергие: Успенский престол освящен им 22 октября 1882 г., придельные престолы Зосимы и Савватия Соловецких — 7 января 1883 г., преподобного Никодима — 4 июля 1883 г. (ГААО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 53. Главная опись недвижимаго и движимаго экономическаго имущества Богоявленскаго Кожеозерскаго монастыря Онежскаго уезда Архангельской губернии, 1911. Л. 7–8). Первоначальный проект строительства каменного пятиглавого соборного храма был утвержден еще в 1861 г. (ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 619. Дело о постройке нового каменного храма на острове Кожеозера, 1861–1883. Л. 1об.). Но из-за обнаружения трещин в стенах под четырьмя боковыми каменными «фонарями» (куполами) и под окнами, строительство приостановилось (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 5. Д. 4661. Дело о причинах отступления от проекта при постройке Кожеозерского монастыря, 1883–1891. Л. 17). Целостность и безопасность конструкции были нарушены. Только в 1882 г. были построены новые деревянные купола, и церковь сразу же освятили без согласования со Строительной комиссией (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 5. Д. 4661. Дело о причинах отступления от проекта при постройке Кожеозерского монастыря, 1883–1891. Л. 20). В 1886 г. Строительное отделение признало существование на храме «деревянных боковых куполов, вместо назначенных по проекту камен-

ных», а в 1890 г. архитектор Г. Краусп выполнил новый чертеж церкви (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 5. Д. 4661. Дело о причинах отступления от проекта при постройке Кожеозерского монастыря, 1883–1891. Л. 49).

Каменная Успенская церковь была теплой, в форме продолговатого квадрата, длиной 11 сажень и 10 аршин, шириной 9 сажень, алтарь «полукружием» (ГААО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 53. Главная опись недвижимаго и движимаго экономическаго имущества Богоявленскаго Кожеозерскаго монастыря Онежскаго уезда Архангельской губернии, 1911. Л. 7–8). В 1903 г. Успенская церковь была расписана «в итальянском стиле» мастером Иваном Григорьевичем Пшенчуком из Новгорода (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1657. Дело о росписи живописью приделов Успенского собора в Кожеозерском монастыре, 1901–1904. Л. 1–4, 22). В период с 1903 по 1911 гг. к южной стороне Успенской церкви была пристроена трапезная церковь во имя святителя Алексия в форме квадрата с четырехскатной крышей и квадратным алтарем; на юго-западной стороне в 1911 г. была открыта, но не достроена каменная трехэтажная колокольня (ГААО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 53. Главная опись недвижимаго и движимаго экономическаго имущества Богоявленскаго Кожеозерскаго монастыря Онежскаго уезда Архангельской губернии, 1911. Л. 10–10об, 73). Помимо трапезы, в церкви во имя святителя Алексия были устроены ризница и библиотека (иллюстрация 2).

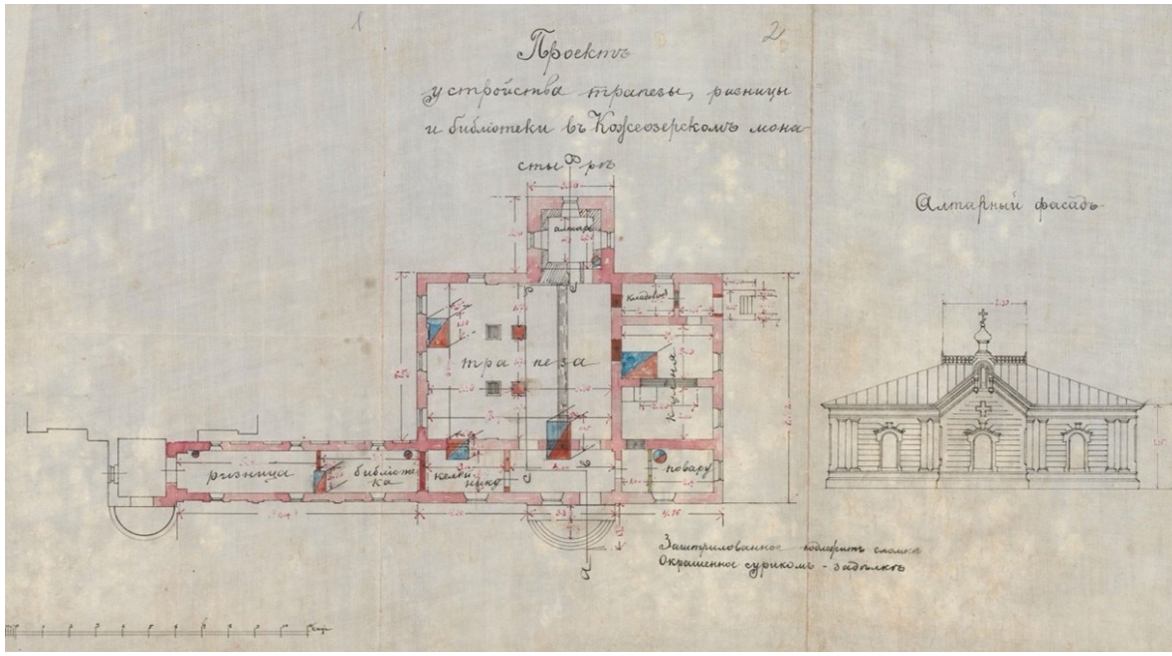

Иллюстрация 2 — Проект устройства трапезы, ризницы и библиотеки в Кожеозерском монастыре, без указания автора и года
(ГААО. Ф. 29. Оп. 38. Д. 288. Л. 1–3)
Figure 2 — Project for Setting up a Refectory, a Sacristy and a Library in the Kozheozersky Monastery, Author and Date not Specified
(GAAO. F. 29. Op. 38. D. 288. L. 1–3)

Архитектурный ансамбль монастыря после 1853 г. После прихода в заброшенную пустынь иеромонаха Митрофана началось строительство и обустройство братских келий, амбара, скотного двора, овина с ригою (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 323.

Дело о дозволении Иеромонаху Митрофану поправить церковь и устроить две келии при Кожеозерской Пустыни Онежскаго Уезда, 1850–1856. Л. 45). В 1871 г. в обители проживало в три раза больше человек, чем предписывал Указ Святейшего Синода 1853 г., что привело к необходимости «вывести» из обители ряд лиц и «разместить их по другим обителям, более богатым по средствам» (ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 4. Д. 657. Дело относительно уменьшения числа братии Кожеозерского монастыря, 1871. Л. 1, 7об.). Но и в дальнейшем, несмотря на запрет, количество братии превышало 15 человек, что требовало строительства новых жилых корпусов. Настоятельский одноэтажный корпус был построен в 1857 г.; двухэтажный братский корпус на 32 комнаты — в 1871 г. (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1743. Дело о переносе братского трапезного корпуса в Кожеозерском монастыре, 1903. Л. 19–19об.); двухэтажный корпус с печью для помещения рабочих и богомольцев — в 1889 г. (иллюстрация 3).

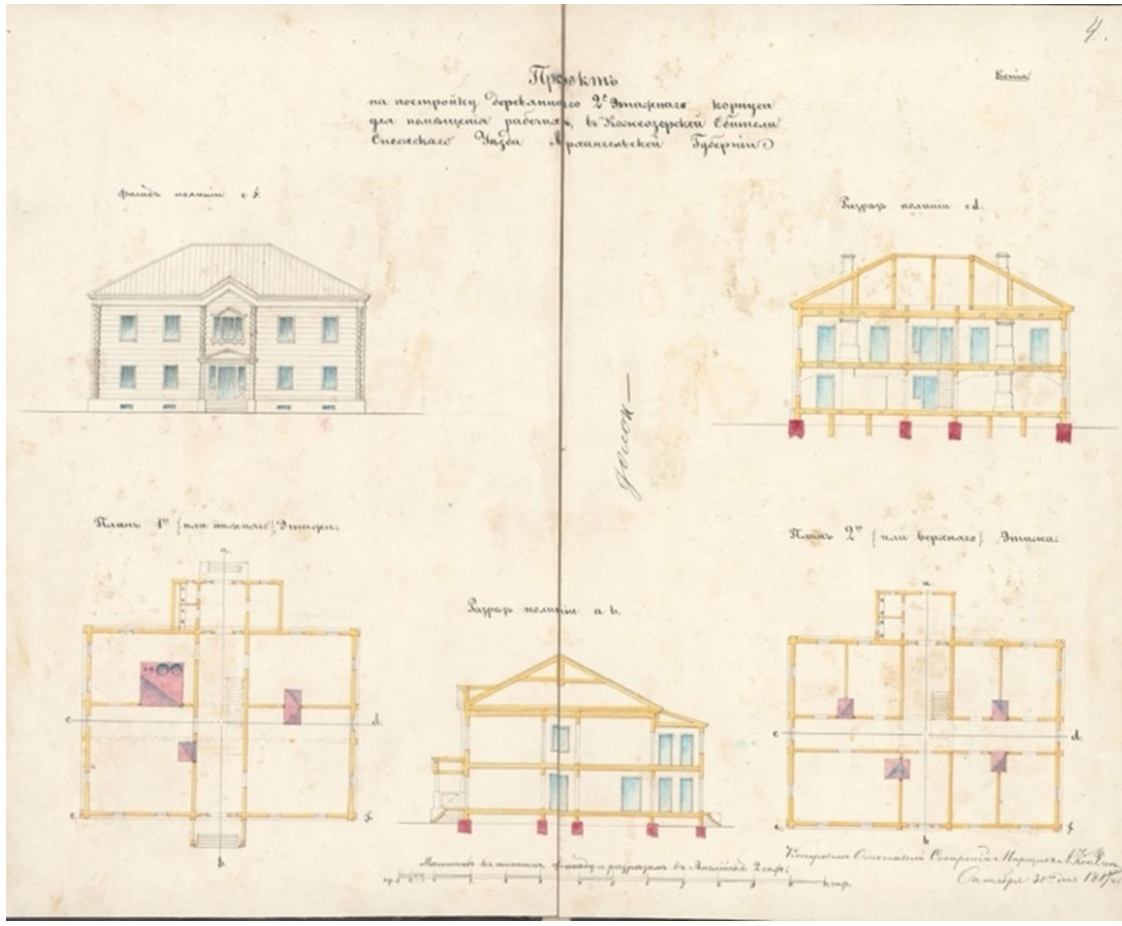

Иллюстрация 3 — Проект на постройку двухэтажного корпуса, автор отставной старший мерщик А. Копеин, 30 октября 1887 г.
(ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 927. Л. 4)
Figure 3 — A project for Constructing a Two-storey Block, by Retired Senior Chainman A. Kopein, October 30, 1887
(GAAO. F. 29. Op. 4. T. 3. D. 927. L. 4)

В ночь на 17 сентября 1862 г. сгорел трапезный корпус (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1743. Дело о переносе братского трапезного корпуса в Кожеозерском монастыре, 1903. Л. 5). Здание новой трапезы было построено в 1863 г., пристройка к нему —

в 1894 г. (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1743. Дело о переносе братского трапезного корпуса в Кожеозерском монастыре, 1903. Л. 6об.). В 1903 г. трапезный корпус, состоящий из братской трапезы, двух столовых для посетителей и рабочих, кухни, трех келий и четырех кладовых, перенесли «раскаткою» от Богоявленской церкви «на гору» ближе к Успенской соборной церкви (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1743. Дело о переносе братского трапезного корпуса в Кожеозерском монастыре, 1903. Л. 1–6об.). К 1898 г. были подготовлены проект на постройку каменного братско-настоятелького корпуса, исчисления материалов (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1385. Дело о постройке настоятельского каменного корпуса в Кожеозерском монастыре и о возведении в монастырской даче правильного лесного хозяйства, 1895–1903. Л. 35) и чертеж местности (иллюстрация 4). В 1903 г. корпус был построен (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1385. Дело о постройке настоятельского каменного корпуса в Кожеозерском монастыре и о возведении в монастырской даче правильного лесного хозяйства, 1895–1903. Л. 89, 102).

Иллюстрация 4 — Фрагмент плана лесной дачи монастыря, 1898 г.
(ГААО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 14. Л. 2)
Figure 4 — A Fragment of the Plan of the Monastery Forest Summerhouse, 1989.
(GAAO. F. 441. Op. 2. D. 14. L. 2)

Помимо корпусов, велось строительство хозяйственных построек: ветряной шатровой мельницы «на двух поставах с толчеей», которая сейчас находится в экспозиции Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (иллюстрация 5), с южной стороны от монастыря у прежней ветхой мельницы в период с 1901 по 1902 гг. (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1752. Дело о постройке водяной мельницы в Кожеозерском монастыре, 1903. Л. 14) и водяной мельницы на реке Коже в пяти верстах от обители в 1903 г. (ГААО. Ф. 29. Оп. 4.

Т. 3. Д. 1752. Дело о постройке водяной мельницы в Кожеозерском монастыре, 1903. Л. 1, 4). Корпус мельницы был длиной 16 аршин, шириной — 9 аршин, высотой — до 12 аршин, имел 2 вала (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1752. Дело о постройке водяной мельницы в Кожеозерском монастыре, 1903. Л. 14–14об.).

Иллюстрация 5 — Ветряная мельница из Кожеозерского монастыря в экспозиции Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» в момент реставрации.
Фото Т. Жигальцовой
Figure 5 — A Windmill from the Kozheozersky Monastery on Display in the Arkhangelsk State Museum of Wooden Architecture and Folk Art, During Restoration.
Photo by T. Zhigaltsova

На заключительном этапе монастырское строительство велось с чрезмерным размахом. Святые ворота предполагали существование ограды, но она так и не была сделана. Складывался облик монастырского комплекса с претензией на городской манер, что не соответствовало окружающей северной природе.

В 1918–1919 гг. монастырь несколько раз подвергся разорению крестьянами из села Кривой Пояс [7, с. 1]. Последний игумен Арсений был убит 9 октября 1918 г. [2, с. 283].

Анализ исторических источников позволяет выполнить графическую реконструкцию строений Кожеозерского монастыря на конец XIX – начало XX в. (иллюстрация 6).

Иллюстрация 6 — Графическая реконструкция строений Кожеозерского монастыря на конец XIX – начало XX века. Автор А.Б. Бодэ
Figure 6 — Graphic Reconstruction of the Buildings of the Kozheozersky Monastery at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century. Author A.B. Bode

В настоящее время большинство монастырских зданий находится в полуразрушенном состоянии. Эксплуатируются только каменный двухэтажный дом, ранее бывший гостиницей; каменная одноэтажная баня, где сейчас находится мастерская, и надвратная церковь во имя Иоанна Богослова, не сохранившая свое подлинное завершение (иллюстрация 7).

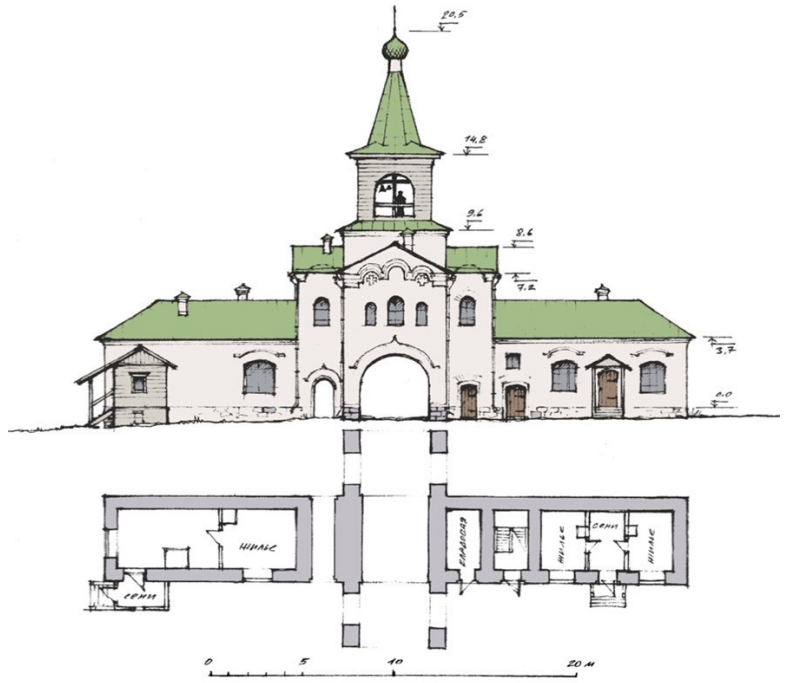

Рисунок 7 — Графическая реконструкция надвратной церкви во имя Иоанна Богослова. Автор А.Б. Бодэ
Figure 7 — Graphic Reconstruction of the Gate Church in the Name of John the Theologian. Author A.B. Bode

Успенский собор, трапезная, наместнический корпус и ряд каменных хозяйственных строений сохраняются в виде периметра стен с обрушившимися кровлями и перекрытиями. При очевидной невозможности сохранить все монастырские здания, можно задуматься о восстановлении надвратного храма. Стены здания прочны, своды и перемычки проемов не имеют трещин, что говорит о надежности фундамента. Сейчас церковь укрыта консервационной крышей простой формы. На верху стены видны сломанные закомары, расположенные с разных сторон. Пока непонятно, каким было завершение, и было ли оно в свое время построено или так и осталось нереализованным замыслом. Возможно этот вопрос прояснит обследование верха стен внутри чердака. Упоминание четырех арок наводит на предположение о достаточно простом квадратном в плане решении яруса звона. Не исключено, что верх мог быть шатровым, как над предшествующими Святыми воротами XVIII в. Возможно в будущем найдутся документальные данные о том, каким было завершение, и мы получим более достоверную картину.

Церковь во имя Иоанна Богослова сейчас является самым важным зданием монастыря, поэтому воссоздание верха очень актуально. Если подойти к этому с позиции научной реставрации, то необходимо четко разделить подлинник и относительно достоверную надстройку. Можно даже сделать ее деревянной, что не лишено целесообразности, учитывая удаленность и труднодоступность монастыря. В комплексе с надвратной церковью есть смысл использовать и боковые помещения.

Интересен большой деревянный амбар, стоящий в стороне от основных монастырских зданий. Он срублен из хорошего тщательно обработанного леса, но местами стал разрушаться от протечек. Подобных амбаров уже почти не встречается.

Сейчас монастырь находится в замершем состоянии. Здесь живет один человек, своим присутствием и молитвой поддерживающий жизнь на месте. Хочется надеяться, что появятся силы и ресурсы для возрождения обители. Строительных инициатив ждет в первую очередь церковь во имя Иоанна Богослова. Но едва ли не самое важное сейчас — это точное выявление и архитектурное оформление места захоронения преп. Никодима под бывшей Благовещенской церковью и места захоронения преп. Серапиона и Авраамия.

Список литературы

Исследования

1 *Кольцова Т.М.* Иконы Северного Поонежья. М.: Северный паломник, 2005. 352 с.

2 Природа и историко-культурное наследие Кожозерья / под ред. В.А. Ефимова, А.Н. Давыдова. Архангельск: Изд-во Уральского отделения РАН, 2006. 310 с.

3 *Рыжова Е.А.* Жития Серапиона и Никодима Кожеозерских // Святые и святыни северорусских земель / под ред. Н.И. Решетниковой. Каргополь: Изд-во Каргопольского гос. историко-архитектурного и художественного музея, 2002. 316 с.

4 *Рягузова М.Л.* Подвижники Кожеозерского монастыря // Святые и святыни северорусских земель / под ред. Н.И. Решетниковой. Каргополь: Изд-во Каргопольского гос. историко-архитектурного и художественного музея, 2002. 316 с.

5 *Ходаковский Е.В.* Деревянное храмостроительство Русского Севера петровской эпохи // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2023. Т. 13. С. 317–326. https://doi.org/18688/aa2313-3-25

6 *Ходаковский Е.В., Зинина О.А., Носкова А.Г.* Деревянное храмовое зодчество Каргополья второй трети XIX века: Одигитриевская церковь в Малой Шалге и Георгиевская церковь в Замошье // Архитектурное наследство. 2019. Вып. 70. С. 116–133.

Источники

7 Архангельские епархиальные ведомости. 1919. №3. С. 1.

8 *Громов Ф.Г.* К историческим сведениям о Кожеозерском монастыре. Архангельск: Тип.-лит. насл. Д. Горяйнова, 1895. 12 с.

9 *Забелло С., Иванов В., Максимов П.* Русское деревянное зодчество. М.: Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1942. 214 с.

10 *Ивановский А.* Кожеозерский монастырь. М.: В тип. Т. Волкова и К°, 1856.

11 Краткое историческое описание монастырей Архангельской Епархии. Архангельск: Типо-литогр. наследников Д. Горяйнова, 1902. 592 с.

12 *Никанор (Каменский),* еп. Архангельский и Холмогорский О синодиках Кожеозерского монастыря. Архангельск: Тип.-лит. наследников Д. Горяйнова, 1895. 8 с.

13 *Митрофан (Правоторов),* иеромонах. Описание Кожеозерской пустыни (в Архангельской губернии). От ее основания до настоящего времени. Архангельск: Губернская типография, 1881. http://kozhozero.ru/library/?ELEMENT_ID=63 (дата обращения: 14.03.2024).

14 Судьбы Кожеозерской Богоявленской пустыни Архангельской епархии. С описанием жизни и чудес преподобного Никодима Кожеозерского чудотворца. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1894. 36 с.

15 *Таушев Н.* История Коже-Озерского мужского монастыря, с описанием жизни и чудес святого преподобного отца нашего Никодима, хозьюгского пустынника, кожеозерского чудотворца. Архангельск: Тип.-лит. В. Черепанова, 1884. 69 с.

***

© 2025. Andrey B. Bode
Moscow, Russia

© 2025. Tatiana V. Zhigaltsova
Arkhangelsk, Russia

ARCHITECTURAL ENSEMBLE OF THE KOZHEOZERSKY EPIPHANY MONASTERY IN THE 19th – EARLY 20th CENTURIES

Acknowledgements: The Study was Supported by the Russian Science Foundation Grant No. 24-28-01625, Available at: https://rscf.ru/project/24-28-01625.

Abstract: The study aims at revealing the construction history and studying the architecture of the Kozheozersky Monastery, one of the most remote in the Russian North. The newly identified historical sources from the funds of the State Archive of the Arkhangelsk Region and the Russian State Historical Archive provide an insight into

construction activity in the monastery in the late stages of development. The late period in the construction history of the monastery is reconstructed authentically, since due to ongoing large-scale construction of the late 19th – early 20th centuries it is represented most fully by historical sources.
Comparison of historical data and regional traditions allowed for a graphical reconstruction of the monastery ensemble in the given construction period. Additionally, the buildings of the late 19th – early 20th centuries were partially preserved. The conducted field surveys provided new data on the design and architecture of household buildings. A cumulative analysis made it possible to reveal new pages of the architectural and construction history of the Kozheozersky Monastery and the hermitage life in the Russian North. The picture of the construction history of the monastery obtained through a comprehensive study corresponds to its location and pattern of life — the monastery was isolated from the outside world and economically self-sufficient. In conclusion, the authors offer strategies for restoring some of the monastery buildings due to the obvious impossibility of preserving the entire ensemble. The most urgent seems to be the reconstruction of the gate temple and the top of the church in the name of St. John the Evangelist. In addition, a unique wooden barn, which has no analogues, has been preserved as part of the monastery complex. The authors express hope that financial and other resources will be allocated for the revival of the monastery in the future.
***Keywords*:** Russian North, Pomorie, Kozheozersky Monastery, Hermitage, Wooden Architecture, Heritage Sites, Building History, Comprehensive Research.
Information about the authors:
Andrey B. Bode — PhD in Architecture, Head, The ANO Research and Restoration of Wooden Architecture Monuments "Tradition", Koptevsky Blvd., 6, Apart. 34, 125008 Moscow, Russia; Leading Researcher, Research Institute for the Theory and History of Architecture and Urban Planning, Dushinskaya St., 9, 111024 Moscow, Russia; Associate Professor, National Research University Moscow State University of Civil Engineering, Yaroslavskoe High., 26, 129337 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9866-845X
E-mail: bode-niitag@yandex.ru
Tatiana V. Zhigaltsova — PhD in Philosophy, Associate Professor, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Department of Cultural and Religious Studies, Severnaya Dvina Emb., 17, 163002 Arkhangelsk, Russia; Researcher, The ANO Research and Restoration of Wooden Architecture Monuments "Tradition", Koptevsky Blvd., 6, Apart. 34, 125008 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5471-1540
E-mail: zhitava@gmail.com
Received: November 21, 2024
Approved after reviewing: June 23, 2025
Date of publication: September 25, 2025
For citation: Bode, A.B., Zhigaltsova, T.V. "Architectural Ensemble of the Kozheozersky Epiphany Monastery in the 19th – Early 20th Centuries." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 275–290. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-275-290

References

1 Koltsova, T.M. *Ikony Severnogo Poonezhia* [*Icons of Northern Poonezhye*]. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2005. 352 p. (In Russ.)

2 Efimov, V.A., Davydov, A.N., editors *Priroda i istoriko-kulturnoe nasledie Kozhozeria* [*The Nature and Historical Cultural Heritage of Kozhozero Lend*]. Arkhangelsk, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2006. 310 p. (In Russ.)

3 Ryzhova, E.A. "Zhitiia Serapiona i Nikodima Kozheozerskikh" ["Lives of Serapion and Nicodemus of Kozheozersky"]. *Sviatye i sviatyni severorusskikh zemel* [*Saints and Shrines of the Northern Russian Lands*], ed. by N.I. Reshetnikova. Kargopol, Kargopol Historical-architectural and Art Museum Publ., 2002. 316 p. (In Russ.)

4 Riaguzova, M.L. "Podvizhniki Kozheozerskogo monastyria" ["Ascetics of the Kozheozersky Monastery"]. *Sviatye i sviatyni severorusskikh zemel* [*Saints and Shrines of the Northern Russian Lands*], ed. by N.I. Reshetnikova. Kargopol, Kargopol Historical-architectural and Art Museum Publ., 2002. 316 p. (In Russ.)

5 Khodakovskii, E.V. "Derevyannoe hramostroitel'stvo Russkogo Severa petrovskoj epohi" ["Wooden Church Architecture of the Russian North in the Petrine Epoch"]. *Aktualnye problemy teorii i istorii iskusstva*, vol. 13, 2023, pp. 317–326. (In Russ.) https://doi.org/18688/aa2313-3-25

6 Khodakovskii, E.V., Zinina, O.A., Noskova, A.G. "Dereviannoe khramovoe zodchestvo Kargopolia vtoroi treti XIX veka. Odigitrievskaia tserkov v Maloi Shalge i Georgievskaia tserkov v Zamoshe" ["Kargopol Wooden Church Architecture in the Second Third of the 19th Century: Church of St. George in Zamoshye and Church of Hodegetria in Malaya Shalga"]. *Arkhitekturnoe nasledstvo*, vol, 70, 2019, pp. 116–133. (In Russ.)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-291-309
УДК 72.035
ББК 85.113(2)
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Д.В. Прислонова
г. Томск, Россия

© 2025 г. Е.В. Ситникова
г. Томск, Россия

РОЛЬ КУПЕЧЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ ГОРОДОВ КРАСНОЯРСКА И АЧИНСКА

Аннотация: Статья посвящена выявлению и анализу объектов культовой архитектуры, построенных на средства купечества в городах Красноярске и Ачинске. Строительство культовых сооружений неразрывно связано с этапами архитектурно-градостроительного развития населенных пунктов, так как храмовые сооружения зачастую представляют собой наиболее яркое воплощение данных процессов. Целью исследования является установление степени влияния определенной социальной группы населения на формирование архитектурного облика городов бывшей Енисейской губернии — Красноярска и Ачинска и изучение наиболее выразительных объектов архитектуры исследуемых городов — храмов. Данное исследование важно для выявления ключевых движущих факторов и воссоздания целостной картины этапов историко-градостроительного развития. Сравнение двух городов, различных по своему статусу (губернский и уездный) и масштабу (крупнейший и средний), но связанных едиными историческими процессами, позволяет раскрыть вопросы о формировании городов в различных условиях. Культовые сооружения в данной работе анализируются в трех основных аспектах: историческом (предпосылки и организация строительства), градостроительном (типы интеграции зданий в структуру и ландшафт городов, их роль в объемной композиции городского пространства) и архитектурно-художественном (архитектурная и стилистическая композиция зданий, уникальность проектного решения). Результатами исследования подтверждается факт ключевого участия представителей купеческого сословия в формировании культовой архитектуры Красноярска и Ачинска. Во многом благодаря купечеству в исследуемых городах были выстроены здания, по праву являющиеся их архитектурными символами.

Ключевые слова: архитектурное наследие, культовая архитектура, купечество, историко-градостроительная среда, Красноярск, Ачинск.

Информация об авторах:
Дарья Валерьевна Прислонова — аспирант, Томский государственный архитектурно-строительный университет, пл. Соляная, д. 2, 634003 г. Томск, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9201-516X
E-mail: dasha.prislonova@yandex.ru
Елена Владимировна Ситникова — кандидат архитектуры, доцент, Томский государственный архитектурно-строительный университет, пл. Соляная, д. 2, 634003 г. Томск, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0004-8175-4097
E-mail: elensivtomske@yandex.ru
Дата поступления статьи: 19.06.2024
Дата одобрения рецензентами: 02.09.2025
Дата публикации: 25.09.2025
Для цитирования: *Прислонова Д.В., Ситникова Е.В.* Роль купечества в формировании культовой архитектуры городов Красноярска и Ачинска // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 291–309.
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-291-309

Важным направлением в исследовании индивидуальности архитектурной среды города и формировании целостной картины о процессах ее формирования служит исследование в области определения взаимосвязи между социальной структурой города как модели общества и его предметно-пространственной организацией [4]. Актуальность исследования данных вопросов значительно возрастает на фоне характерных общемировых урбанизационных процессов — росте крупных городов-миллионников и регрессе малых и средних городов. При этом утрачивается значимая часть материальной составляющей региональной культуры и колорита — это объекты и целые массивы исторической застройки.

Характерным примером данных процессов являются исторические города Красноярского края (бывшей Енисейской губернии), такие как Красноярск и Ачинск. В настоящее время Красноярская агломерация является одной из наиболее быстрорастущих в России. В то же время Ачинск, относящийся к средним городам, идет по пути сокращения численности населения и постепенного упадка. Города связаны исторически, территориально и экономически, однако качество процессов развития и современное состояние историко-культурного наследия кардинально отличается. Следует отметить, что общемировой тенденцией последних лет является возрастание в обществе потребности в культурном самоопределении, что является ответной реакцией на растущие процессы глобализации. В связи с этим, рассматривая современное развитие исторических городов, мы наблюдаем постепенную смену приоритетов — растет привлекательность и осознание ценности архитектурного наследия прошлых эпох.

В данных условиях для таких городов, как Красноярск и Ачинск, исследование историко-архитектурной среды приобретает особую актуальность в перспективе дальнейшего практического применения полученных результатов для разработки программ и мер по сохранению дошедшего до наших дней исторического наследия и выявления новых стимулов для устойчивого развития поселений.

В застройке дореволюционных городов Сибири объекты культовой архитектуры занимали исключительное место, представляя наиболее величественные и выразительные по архитектурно-художественным решениям здания. Храмы являлись композиционными акцентами в объемно-пространственной среде и во многом формировали неповторимую ритмику силуэтов городов.

В строительстве культовых сооружений активное участие принимало местное купечество. Данный вид благотворительности получил широкое распространение, в том числе среди купцов Енисейской губернии. Прежде всего, это объяснялось доминированием «в обществе христианского мировоззрения, согласно которому участие в благоустройстве храмов, милостыня, милосердие расценивались как положительные качества личности» [4, с. 410]. В связи с этим видные представители красноярского и ачинского купечества жертвовали значительные финансовые средства, земли и материалы на строительство храмов и часовен, зачастую выступали в роли управляющих строительством. Храмы, возведенные за счет купеческих средств, во многом определили архитектурный облик и объемно-пространственное развитие исследуемых городов.

В результате общегосударственных исторических, социально-политических и градостроительных процессов, происходивших в XX – начале XXI вв., сложилась весьма негативная ситуация как по отношению к сохранению исторической культовой архитектуры, так и в целом в сохранении историко-культурного наследия. Период массового сноса храмов сменился продолжительным периодом обесценивания градостроительной роли культовых объектов. Следствием этих процессов стала утрата значительной части старинных храмов и нивелирование сохранившихся объектов в процессе агрессивной реконструкции исторической среды с внедрением современных высотных объектов и увеличением плотности окружающей застройки. В результате исследуемые города столкнулись с проблемой постепенной утраты своего исторического своеобразия и индивидуального архитектурного облика.

Целью исследования является выявление и анализ объектов культовой архитектуры, возведенных при участии купечества в Красноярске и Ачинске, для определения роли данного сословия в формировании архитектурного облика исследуемых городов. Раскрытие данной темы поможет дополнить представление о факторах формирования городской среды и характерных черт архитектурного облика указанных городов, а также выявить ценные элементы их объемно-планировочной структуры.

Исследование благотворительности среди сибирского купечества представлено в следующих историографических монографиях: Г.А. Бочанова, Л.М. Грюшкин, Г.А. Ноздрин «Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в.», 2000 г. [3]; П.Н. Мешалкин «Меценатство и благотворительность сибирских купцов — предпринимателей», 1995 г. [8]. В данных работах освещаются пожертвования сибирских купцов, в том числе на строительство православных храмов. В рамках анализа вклада, внесенного представителями купеческого сословия в формирование архитектурной среды сибирских городов, рассмотрены культовые сооружения, построенные представителями купеческого сословия Западной Сибири. Данные исследования содержатся в монографиях томских исследователей — В.П. Бойко, Е.В. Ситниковой, В.П. Шагова: «Сибирское купечество и формирование архитектурного облика г. Томска в XIX – начале XX в.» (2008) [2]; «Архитектура городов Томской губернии и сибирское купечество (XVII – начало XX века). Томск, Бийск, Барнаул, Кузнецк, Колывань, Камень-на-Оби, Нарым, Мариинск, Новониколаевск» (2011) [1]; «Формирование архитектурного облика городов Западной Сибири в XVII – начале XX в. и местное купечество (Тобольск, Тюмень, Томск, Тара, Омск, Каинск)» (2017) [12]. Краткое историко-архитектурное описание культовых сооружений, предлагаемых к рассмотрению

в данной статье, представлено в научных трудах «Градостроительство Сибири» (2011) [5] и *«Ачинск: градостроительная история» (1992)* [13]. Данные работы совместно с архивными материалами составили научную базу исследования.

Статья подготовлена в рамках комплексного диссертационного исследования о влиянии купеческого сословия на формирование архитектурного облика городов Красноярского края.

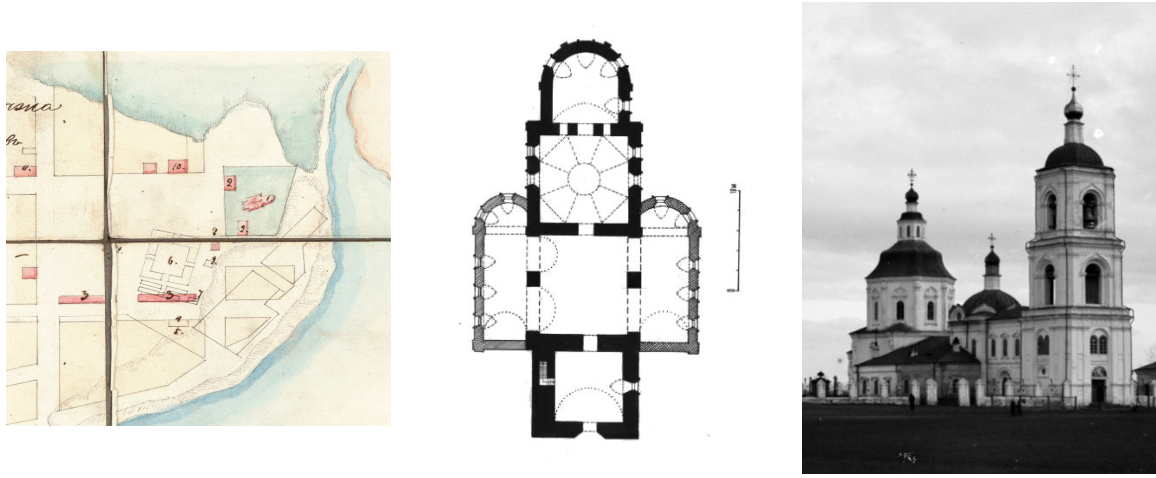
В результате проведенных архивных и библиографических исследований было выявлено, что за счет благотворительных средств купеческого общества в Красноярске до 1917 г. было возведено шесть православных храмов и две часовни, также значительную материальную поддержку купцы оказали в создании Мужского Успенского монастыря. Из выявленных объектов до настоящего времени сохранилось три церкви, две часовни и частично —постройки Успенского монастыря.

Среди утраченных объектов особенно стоит выделить культовые сооружения, оказавшие влияние на пространственно-планировочное развитие города — это Воскресенский собор и Богородице-Рождественский собор.

Так в период с 1759 (1761) — по 1773 гг. в Красноярске на месте деревянной острожной Преображенской церкви на средства проживающих в тот период купцов возводится первое каменное здание — Воскресенский собор. Руководителем строительства горожане избрали купца Л.С. Пороховщикова, вложившего основную часть средств на возведение храма. Воскресенский храм имел достаточно традиционную для культовой архитектуры Сибири трехчастную объемно-пространственную композицию «кораблем». Здание собора возвышалось на крутом берегу мыса — месте впадения р. Кача в Енисей. Ранее здесь находилась территория Красноярского острога, откуда пошло развитие города.

Вокруг Воскресенского собора сформировалась Базарная (Старобазарная) площадь — первый городской центр торговли. Границы площади постепенно стали застраиваться первыми каменными домами богатых купцов, стремившихся поселиться вблизи главного места торговли и общественной жизни.

В конце XVIII в. купец П. Попов пожертвовал средства на строительство каменной ограды. Позднее, уже в середине XIX в., купец В.Н. Власьевский выразил желание провести реконструкцию храма — взамен старой колокольни возвести новую и соединить ее с основным объемом церкви. Среди горожан данное решение вызвало поддержку и отклик, так на средства купца П.И. Кузнецова были отлиты колокола для колокольни, а купчиха А.В. Мясникова пожертвовала 5000 рублей на строительство придела во имя святого Великомученика Никиты [5, с. 510]. Проект реконструкции здания собора был разработан архитектором А.Ф. Хейном. По завершении работ храм обрел облик, в котором сохранялся до сноса в 1964 г. (иллюстрация 1).

А Б В

Иллюстрация 1 — Воскресенский собор. А — План части г. Красноярска — площади Базарной (Старобазарной). Автор чертежа: архитектор Борис Набалов, 1850 гг. (РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 714 «Дело о постройке 2-х каменных корпусов для торговых лавок в городе Красноярске Енисейской губернии. Проект постройки корпусов»); Б — План собора (графическая реконструкция), авторы чертежа Ширнина О.П. и Шумов К.Ю., 2014 г. В — Общий вид собора, фото начала XX в. (ККМ, ОФ);

Illustration 1 — Resurrection Cathedral. A — Plan of a Part of Krasnoyarsk — Bazarnaya (Starobazarnaya) Square. Author of the Drawing: Architect Boris Nabalov, 1850s.; Б — Plan of the Cathedral (Graphic Reconstruction), Authors of the Drawing Shirnina O.P. and Shumov K.Y., 2014; B — General View of the Cathedral, Photo of the Early 20th Century.

Воскресенский собор отличался эклектичностью архитектурного облика. Старинная часть храма сочетала в себе черты барокко и традиционного древнерусского зодчества, колокольня была построена в формах «русско-византийского» направления позднего классицизма.

Важным градоформирующим объектом для Красноярска стало здание Богородице-Рождественского собора (1845–1861 гг.), построенное на Новобазарной площади (ныне пл. Революции). Строительство храма инициировали купцы-золотопромышленники Енисейской губернии. В 1843 г. прошение о разрешении строительства было направлено Томскому и Енисейскому епископу Афанасию от доверенного — купца и золотопромышленника С.Г. Щеголева. Прошение вскоре было одобрено. Проект для строительства собора был отобран из числа образцовых, разработанных архитектором К.А. Тоном (РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 64 «Дело о постройке соборной церкви в городе Красноярске Енисейской губернии». Л. 1).

Строительство Богородице-Рождественского храма растянулось на долгие годы из-за его частичного обрушения, произошедшего в октябре 1849 г., когда здание собора уже практически было закончено (РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 315 «Дело об обвале нового соборного храма в городе Красноярске Енисейской губернии». Л. 1). Из рапорта производителя работ Строительного отряда Путей сообщения Штабс-Капитана Ле-Дантю известны сведения по данному происшествию:

> Обрушились следующие части храма: а) Основание главного купола / барабана / возведенное с окнами оного до линии пять оконных арок; б) Три малые башни проекта совершенно оконченные; в) Все своды с основными четырьмя арками, и пять сводов подвала, у которых четыре основания арки выдержали удар падения (РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 315 «Дело об обвале нового соборного храма в городе Красноярске Енисейской губернии». Л. 5–6).

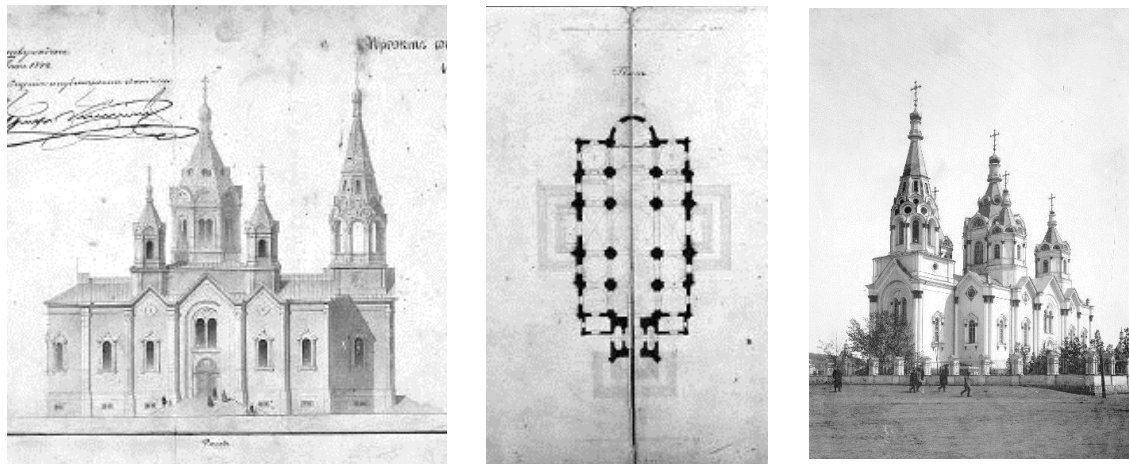
На остальных частях были выявлены существенные повреждения. Более года велось расследование, по его результатам официальной причиной обрушения было признано использование некачественных материалов, не выдержавших нагрузок от произошедшего в тот день землетрясения.

В начале 1851 г. купец С.Г. Щеголев запросил разрешение о продолжении строительства, но уже на собственные средства. Департаментом проектов и смет был составлен новый проект, согласно которому основные изменения коснулись конструктивных характеристик здания, объемно-планировочные характеристики и архитектурный облик сохранились [5, с. 513]. По сути, здание собора был отстроено заново, так как для завершения потребовался разбор большей части стен сооружения. Храм был освящен только в 1861 г. На строительство собора купец С.Г. Щеголев пожертвовал в общей сложности 560 тыс. руб. серебром [15, с. 331].

В последующие годы купеческой семьей Щеголевых на собственные средства была выстроена каменная ограда с воротами по периметру территории собора (1863) и каменная часовня (1867). Автором проектов данных сооружений был архитектор А.Ф. Хейн [7, с. 93].

Архитектурно-стилистический образ всего соборного комплекса был решен в свойственном для культовых сооружений, возводимых в период 1830 гг. и до конца XIX в., русско-византийском стиле. Объемно-пространственная композиция Богородице-Рождественского собора представляла собой пятиглавый крестово-купольный объем с отдельно примыкающей к нему колокольней, возвышавшейся над трапезной, с шатровыми завершениями (иллюстрация 2).

Со строительством Богородице-Рождественского собора закрепилось новое градостроительное ядро города — площадь Новобазарная (сов. пл. Революции); композиционное завершение получила главная пространственно-планировочная ось — ул. Воскресенская (ныне проспект Мира). Храм стал главной градостроительной доминантой и ориентиром в пространстве города. В 1930 гг. собор был взорван, на его месте в середине XX в. было выстроено здание краевой администрации.

А Б В

Иллюстрация 2 — Богородице-Рождественский собор. А, Б — Проект соборной церкви в г. Красноярске, архитектор К. Тон (КККМ, ОФ); В — Общий вид собора, фото начала XX в. (КККМ, ОФ)

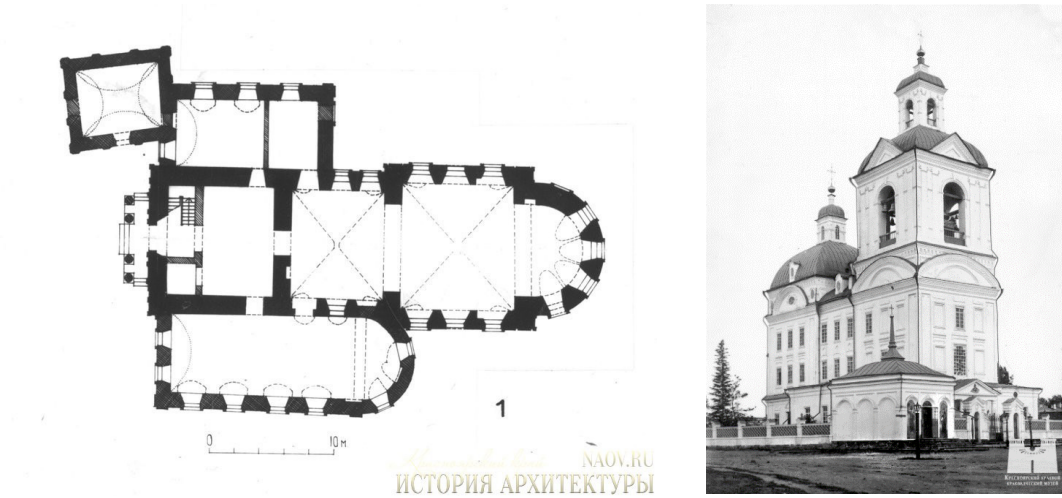
Illustration 2 — Cathedral of the Nativity of the Virgin. A, B — Project of the Cathedral Church in Krasnoyarsk, Architect K. Ton (KKKM, OF); C — General View of the Cathedral, Photo of the Early 20th Century (KKKM, OF)

Среди сохранившихся культовых объектов, построенных в дореволюционный период на средства местного купеческого общества, важную роль в создании архитектурного облика исторического центра Красноярска играют собор Благовещения Пресвятой Богородицы, Свято-Троицкий собор и башня-часовня Параскевы Пятницы. Данные объекты представляют собой основную часть сохранившихся до настоящего времени исторических культовых построек города.

В период 1804–1822 гг. при участии местного купечества возводится здание собора Благовещения Пресвятой Богородицы. Благовещенская церковь строилась по проекту, согласно «церковным ведомостям оплачено 30 руб. неким Бусыгину и Поспелову "за сделание планов"» [10, с. 157]. Строительство и расчеты вели в период с 1804 — по 1808 гг. иркутский мастер И. Прохоров и купец Е. Пороховщиков, а с 1811 г. — енисейский мастер И.И. Огрызков и купец П.Ф. Ларионов.

Нижний теплый Благовещенский храм был завершен в 1808 г., холодные храм Иоана Богослова на втором этаже и храм Александра Невского на третьем были достроены и освящены в начале 1820 гг. В 1850 гг. были еще достроены приделы Зосимы и Савватия, ризница и часовня Иверской Богоматери.

Здание собора было выстроено на перекрестке бывшей ул. Благовещенской (ныне ул. Ленина) и переулка Поперечного (затем пер. Благовещенского, ныне ул. 9 Января). До его строительства в данном месте уже располагалась деревянная Покровская церковь. Новый возведенный каменный храм закреплял опорные узловые зоны недавно разработанной и принятой регулярной планировочной структуры Красноярска, согласно генеральному плану 1773–1775 гг. Здание собора стало третьим каменным православным храмом города, оно занимало центральное место между уже существовавшими вертикальными осями Воскресенского собора и Покровской церкви. Храм сыграл важную роль в формировании объемно-пространственной композиции города — являлся крупной градостроительной доминантой и ориентиром. В настоящее время архитектурно-градостроительное значение собора нивелировано поздними дисгармоничными высотными внедрениями.

А Б

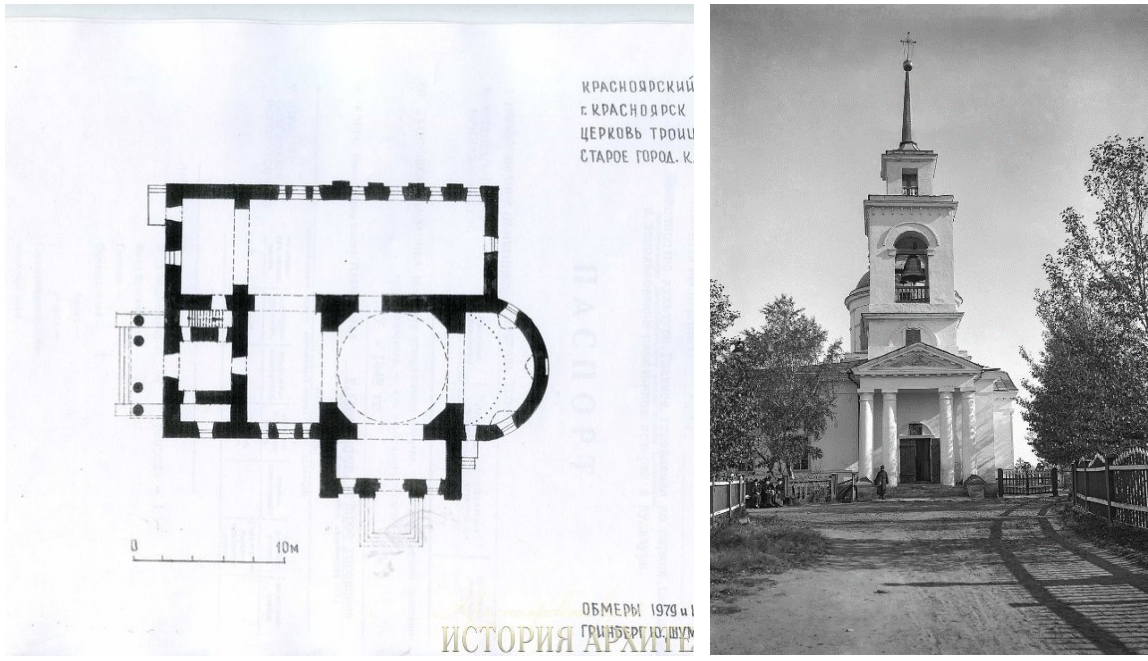
Иллюстрация 3 — Собор Благовещения Пресвятой Богородицы. А — План первого этажа, 1976 г. Авторы чертежа: Пирогов, Истомин; Б — Общий вид собора, фото конца XIX в. (КККМ, ОФ)
Illustration 3 — Cathedral of the Annunciation of the Blessed Virgin Mary. A — Plan of the Ground Floor, 1976. Authors of the Drawing: Pirogov, Istomin; B — General View of the Cathedral, Photo of the late 19th Century (KKKM, OF)

Здание Благовещенского собора представляет собой компактный трехэтажный объем с традиционной конфигурацией плана «кораблем». Особенностью объемно-пространственной композиции здания является выраженное вертикальное развитие, достигнутое за счет увеличения высоты объема колокольни, состоящей из трех основных ярусов и завершения в виде сомкнутого свода с квадратным в плане световым барабаном. В композиционно-декоративном решении храма сочетаются черты барокко и классицизма, что связано с возведением его в несколько этапов (иллюстрация 3).

В первой половине XIX в., при участии красноярского купечества, было выстроено здание Свято-Троицкого собора (1836–1842 гг.). Предыстория его строительства началась еще в 1828 г. с утверждения нового генерального плана Красноярска, где закреплялось масштабное развитие территории в западном направлении[1]. Согласно плану, старое кладбище при Всехсвятской церкви закрывалось, а новое предполагалось открыть на Афонтовой горе, что значительно отдаляло его от сложившейся к тому времени границы жилой части города. Жители города были недовольны таким решением, и на общественном собрании купеческого и мещанского общества, состоявшегося в августе 1931 г., было составлено прошение об устройстве кладбища и строительстве нового храма при нем за рекой Качей (ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 169 «Дело о постройке кладбищенской церкви». Л. 1). Однако разрешение на строительство было получено только в марте 1836 г. (ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 690 «Дело о постройке в городе Красноярске Кладбищенской церкви». Л. 11). В том же году был составлен и утвержден проект храма, автором которого стал архитектор П.А. Шаров. Строителями и основными попечителями были купцы А.А. Ильин, Г. Воротников и Л.И. Коростелев (ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 169 «Дело о постройке кладбищенской церкви». Л. 48). Крупные пожертвования на строительство храма также внесли: купеческая жена А.И. Терскова (пожертвовала 1500 руб.), купец В. Васильевский (500 руб.), купец Степан Кузнецов (16 тыс. кирпича), купец Иван Ларионов (15 тыс. кирпича) (ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 169 «Дело о постройке кладбищенской церкви». Л. 53).

Здание Свято-Троицкого собора представляет собой яркий образец культовой архитектуры, построенной в традиционных формах позднего классицизма. Основой объемно-пространственного решения здания является конфигурация креста, однако вытянутый вдоль всего здания северный придел вносит асимметрию в общую композицию. Квадратный в плане объем храма завершается световым барабаном, перекрытым куполом. Над объемом придела возвышается четырехъярусная квадратная в плане колокольня, увенчанная невысоким шатром со шпилем с маленькой главкой (иллюстрация 4).

[1] В 1822 г. была образована Енисейская губерния, и Красноярск получил статус губернского города.

А Б

Иллюстрация 4 — Свято-Троицкий собор. А — План первого этажа, 1985 г. Авторы чертежа: Гринберг Ю.И., Шумов К.Ю.; Б — Общий вид собора, фото 1909 г. (ККМ, ОФ)
Illustration 4 — Holy Trinity Cathedral. A — Plan of the Ground Floor, 1985. Authors of the Drawing: Y.I. Greenberg, K.Y. Shumov; B — General View of the Cathedral, Photo 1909 (KKM, OF)

В 1850 годах на средства красноярского купца Н. Иноземцева была возведена каменная ограда с воротами на западной стороне кладбища, а позднее — и с южной стороны. В 1860 гг. около Троицкой кладбищенской церкви купец М. Сажин построил каменную часовню во имя святых апостолов Петра и Павла [5, с. 519].

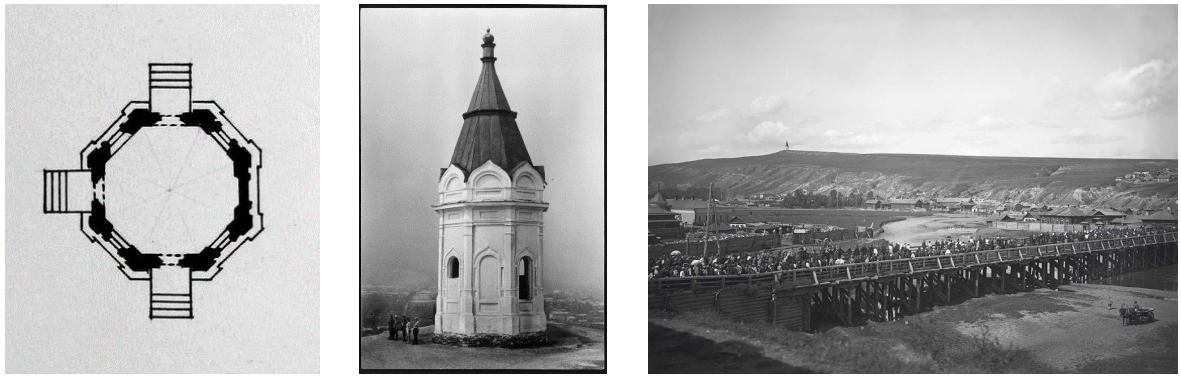
Троицкое кладбище представляет собой старейший сохранившийся некрополь города Красноярска (открыт в 1842 г.), здесь похоронены многие известные личности города.

На период строительства храма, в первой половине XIX в., застройка города имела однополярное развитие в восточном направлении. Однако возведение Свято-Троицкого собора, ставшего первой капитальной постройкой за р. Качей, во многом опередило создание дополнительного вектора развития города. Храм расположен в нагорной части Красноярска и возвышается над его историческим центром, по настоящее время являясь ориентиром и архитектурно-градостроительной доминантой.

В середине XIX в. был построен яркий и наиболее известный архитектурный символ Красноярска — башня-часовня Параскевы Пятницы на Караульной горе. Место, где расположена часовня, исторически также было сакральным: «на ней располагалось языческое капище, посредством которого древние татары-качинцы общались с духами природы» [11]. До основания Красноярского острога в 1628 г. гора именовалась Кум-Тигей. Затем здесь была воздвигнута караульная башня, и за вершиной закрепилось новое название — Караульная гора. В 1703 г., когда оборонительная функция острога постепенно уходила в прошлое, и на территории начало формироваться мирное поселение, в память о погибших во время множественных набегов кочевых племен красно-

ярцах на месте дозорного пункта был установлен памятный крест [9, с. 119]. В начале XIX в. на средства купца И.Л. Новикова была выстроена деревянная часовня, однако в конце 1840 гг. она сгорела. Здание новой каменной часовни было возведено на средства купца I-й гильдии П.И. Кузнецова в 1855 г. Проект был составлен архитекторами Я. Алфеевым и Я. Набаловым.

Здание башни-часовни Параскевы Пятницы представляет собой восьмигранный объем, увенчанный высоким шатром с главкой. Ребра восьмерика акцентированы пилястрами. На гранях расположены дверные и оконные арочные проемы, обрамленные килевидными наличниками. Основной объем часовни заканчивается высоким поясом с кокошниками (иллюстрация 5).

А Б В

Иллюстрация 5 — Часовня Параскевы Пятницы. А — План первого этажа, 1970 г. Авторы чертежа: Гринберг Ю.И., Шумов К.Ю.; Б — Общий вид часовни, фото середины XX в. г. (КККМ, ОФ); В — Панорамный вид Караульной горы и часовни, фото нач. XX в. (КККМ, ОФ)
Illustration 5 — Chapel of Paraskeva Pyatnitsa. A — Plan of the Ground Floor, 1970s. Authors of the Drawing: Y.I. Greenberg, K.Y. Shumov (KKKM, OF); B — General View of the Chapel, Photo Mid-20th Century.; C — Panoramic View of Karaulnaya Gora and the Chapel, Photo Early 20th Century (KKKM, OF)

Несмотря на свою компактность, часовня Параскевы Пятницы по праву считается главной градостроительной доминантой и пространственным ориентиром Красноярска. Альянс часовни и Караульной горы представляет собой яркий пример гармоничного включения архитектурного сооружения в природный ландшафт. Здание обогащает силуэт вершины и объединяет гору и пространство города в единую живописную композицию. На протяжении всего существования место Караульной горы и часовни является точкой притяжения, откуда открывается наилучший панорамный вид на город и его природное окружение — Енисей и вершины Саянских гор.

Обращаясь к исследованию другого известного города Енисейской губернии — Ачинска, мы видим, что объектов культового зодчества, возведенных на купеческие средства, здесь выявлено значительно меньше. Однако, следует отметить, что в городе к началу XX в. существовало всего три каменных православных церкви, одна каменная православная часовня и одна каменная синагога. Из данных зданий за счет купеческих пожертвований были возведены две церкви и часовня, а именно: собор Казанской иконы Божией Матери (Казанский собор, 1826–1832 гг.) с часовней Пантелеимона Целителя при нем (1891), Крестовоздвиженская кладбищенская церковь (1902–1906 гг.), а также синагога (1907). К настоящему времени из выявленных культовых сооружений утрачена Крестовоздвиженская кладбищенская церковь.

В начале XIX в. в Ачинске возводится здание Казанского собора (1826–1832 гг.). История строительства храма берет начало в 1822 г. с общего собрания жителей заречной части города и соседней деревни Мазульки, во время которого было принято решение о сооружении каменой церкви «за речкой Тебдяткой» (ГАКК. Ф. 812. Оп. 1. Д. 728 «Дело о разрешении постройки в городе Ачинске каменной церкви». Л. 3). Необходимость возведения нового храма объяснялась, прежде всего, тем, что дома жителей данной части города находились в отдалении от уже существовавшей каменной Троицкой церкви. Этим же месяцем было составлено прошение в Красноярское духовное правление о разрешении осуществить строительство. В требовании было указано об уже собранных пожертвованиях среди горожан в размере 3000 рублей (ГАКК. Ф. 812. Оп. 1. Д. 728 «Дело о разрешении постройки в городе Ачинске каменной церкви». Л. 3). Решением городского собрания строителями церкви были избраны мещанин Алексей Хворостов (в дальнейшем купец третьей гильдии) и, помощником к нему, Семен Потюков. Однако согласно ответному указу Тобольской Духовной консистории в строительстве церкви было отказано.

В 1823 г. А. Хворостов вновь составляет прошение о разрешении на строительство и направляет его непосредственно в Тобольскую Духовную консисторию. Благодаря своей настойчивости ачинцы добились значительных успехов в продвижении дела, и уже ответным письмом получили распоряжение:

> 1. Сделать именные реестры жителей желающих поступить в приход к просимой церкви. 2. Сколько останется к церкви приписанных церквей дворов и душ обоего пола. 3. Желающие построить церковь обязуются выстроить для будущих священно и церковнослужителей домы и какое именно назначают содержание» (ГАКК. Ф. 813. Оп. 1. Д. 11 «Дело об удовлетворении прошения мещанина Алексея Хворостова о постройке каменной церкви в г. Ачинске». Л. 3).

Священником Фортунатом Петуховом были составлены запрашиваемые списки. По итогам отчета в 1825 г. выходит царский указ о дозволении строительства нового каменного храма в Ачинске [13, с. 16].

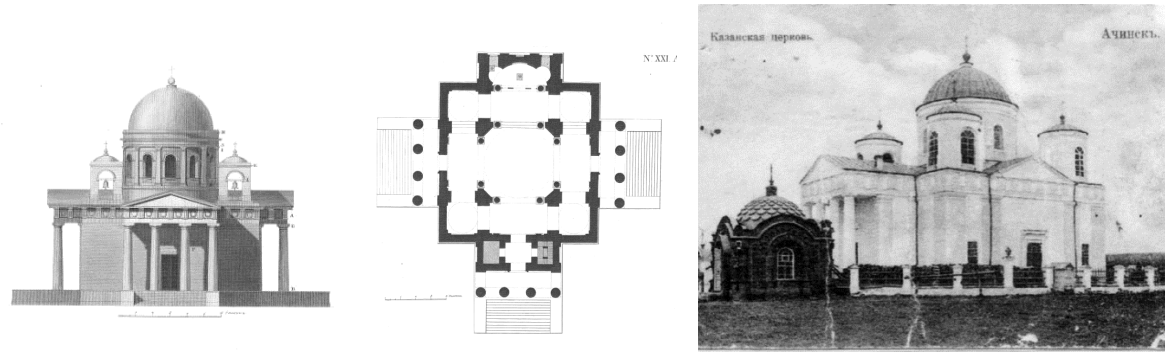
В феврале 1826 г. от ставшего к тому моменту купцом третьей гильдии А. Хворостова подается прошение о благословении начала строительства церкви (ГАКК. Ф. 813. Оп. 1. Д. 11 «Дело об удовлетворении прошения мещанина Алексея Хворостова о постройке каменной церкви в г. Ачинске». Л. 40), и уже в августе того же года производится торжественная закладка будущего храма (ГАКК. Ф. 813. Оп. 1. Д. 11 «Дело об удовлетворении прошения мещанина Алексея Хворостова о постройке каменной церкви в г. Ачинске». Л. 61). В архивных материалах сохранился контракт, заключенный в сентябре 1826 г. между купцом и «мастером каменных зданий Енисейским мещанином Иваном Иванов Сын Ишимцовым» (ГАКК. Ф. 813. Оп. 1. Д. 11 «Дело об удовлетворении прошения мещанина Алексея Хворостова о постройке каменной церкви в г. Ачинске». Л. 59). Согласно договору И.И. Ишимцов должен был «сохранять совершенную точность по всем направлениям линий, показанных в планах, фасадах и разрезе сего храма» (ГАКК. Ф. 813. Оп. 1. Д. 11 «Дело об удовлетворении прошения мещанина Алексея Хворостова о постройке каменной церкви в г. Ачинске». Л. 61), однако автор проекта не упоминается в документе. По мнению исследователей архитектуры Красноярского края К.Ю. Шумова и В.И. Царева, проект церкви составлялся по образцовым чертежам 1820 гг. и олицетворял собой яркий пример храма эпохи классицизма [13, с. 17] (иллюстрация 6).

В 1830 г. был освящен придел храма во имя Вознесения Господня, к тому времени здание еще не было до конца готово. В июле 1831 г. было завершено строительство и освящен центральный придел храма во имя Казанской иконы Божией Матери. Из доклада от 1831 г. известно: «здание той церкви приведено к совершенному окончанию, оная подобающим благолепием украшена и снабжена приличной утварью» (ГАКК. Ф. 813. Оп. 1. Д. 11 «Дело об удовлетворении прошения мещанина Алексея Хворостова о постройке каменной церкви в г. Ачинске». Л. 72 об).

В 1832 г. поле смерти А. Хворостова новым строителем храма назначается его брат купец Стефан Хворостов. При нем достраивается колокольня, освящается последний из трех приделов храма — придел святого Георгия, и возводится ограда территории собора.

В материалах архивного дела по строительству Казанского собора указана потраченная на строительство храма общая сумма, равная 11904 руб. 19 коп. (ГАКК. Ф. 813. Оп. 1. Д. 11 «Дело об удовлетворении прошения мещанина Алексея Хворостова о постройке каменной церкви в г. Ачинске». Л. 69 об). Строительство храма во многом стало возможным благодаря пожертвованиям и стараниям ачинского купца третей гильдии А. Хворостова, а также купца А.И. Чеглова и С. Копьева. В честь последних двух впоследствии были названы две улицы Ачинска.

Казанский собор был выстроен по улице Казанской (ныне ул. Карла Маркса). Вокруг собора сформировалась городская площадь — новое планировочное ядро юго-западной части города. Храм стал ключевым градоформирующим объектом «симметрично уравновесив доминанту Троицкого собора в панорамной композиции Ачинска со стороны Чулыма» [5, с. 330].

А Б В

Иллюстрация 6 — Казанский собор. А, Б — Образцовый проект — прообраз Казанского собора в г. Ачинске [16]; В — Общий вид собора и часовни в память Великомученика Пантелеймона, фото нач. XX в. (АКМ им. Д.С. Каргополова, ОФ)
Illustration 6 — Kazan Cathedral. A, B — Exemplary Project — Prototype of the Kazan Cathedral in Achinsk [16]; C — General View of the Cathedral and the Chapel in Memory of the Great Martyr Panteleimon, Photo of the 20th

Формирование ансамбля Казанского собора завершается к концу XIX в., когда ачинский и томский купец второй гильдии Алексей Алексеевич Хворостов — сын главного строителя собора — решает на собственные средства выстроить часовню в память Великомученика Пантелеймона и каменную ограду на территории храма. Прошение о строительстве было направлено епископу Красноярскому и Енисейскому Исаакию

в марте 1886 г. (ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 7832 «Дело разрешении построения каменной часовни при церкви Казанской Божией Матери в г. Ачинске на средства Ачинского купца Хворостова». Л. 1). Проект часовни был разработан томским городским архитектором В.В. Хабаровым. Согласно рапорту благочинного, протоиерея Павла Смирнова, от июня 1891 г., «каменная часовня при градо Ачинской Богородице-Казанской церкви отстроена только в черне» (ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 7832 «Дело разрешении построения каменной часовни при церкви Казанской Божией Матери в г. Ачинске на средства Ачинского купца Хворостова». Л. 7), и это дает основания предполагать, что строительство часовни было завершено в начале 1890 гг. Здание является ярким образцом «кирпичного стиля» и одним из первых строений, возведенных в Ачинске в данном стилевом направлении (иллюстрация 6В).

Другой крупной и примечательной культовой постройкой Ачинска, сохранившейся до настоящего времени, является здание синагоги. Ачинская еврейская община была одной из самых крупных в Енисейской губернии. Численность еврейского населения в городе к 1917 г. составляла около 1 100, или 7,5% населения [14]. Среди ачинского купечества достаточно большое количество составляли купцы еврейского происхождения. К наиболее известным и крупным семьям принадлежали: Розенштейны, Патушинские, Сейгель, Бронштейны, Бородавкин и др.

На период возведения каменного еврейского молитвенного дома в Ачинске уже существовала деревянная синагога, построенная в 1859 г. Однако с ростом общины появилась потребность в строительстве нового сооружения. В 1905 г. ачинское еврейское общество выступает перед Городской Думой с ходатайством об отводе участка земли под строительство каменного здания синагоги. Председателем комитета по строительству был избран купец второй гильдии А.З. Сейгиль. Из архивных материалов известно, что в 1907 г. архитектор В.А. Соколовский осмотрел отведенное место строительства и дал положительное заключение: «упомянутое место расположено по р. Тептятке и простирается от моста до усадьбы старой Синагоги на притяжении 47 сажень, имеет ширину по задней черте 40 сажень и по улице 12 сажень. <…> На основании выше сказанного упомянутое место соответствует для постройки Синагоги» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 59. д. 485 «Дело об утверждении проекта на строительство Еврейского молитвенного дома в г. Ачинске». Л. 2). Место по Тептятскому переулку (ныне ул. Суркова) для постройки было определено не случайно. Недалеко от синагоги располагалась еврейская школа, а на смежных кварталах в своих усадьбах проживали многие ачинские евреи.

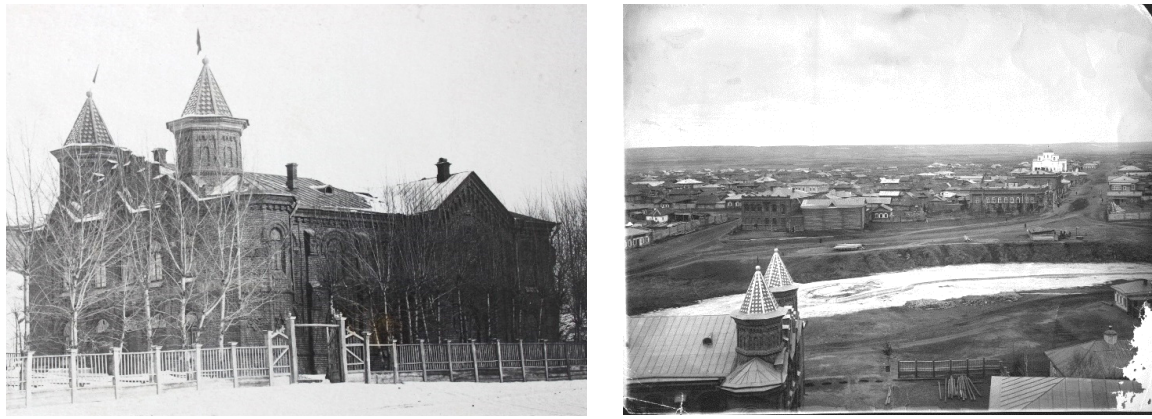
Проект синагоги был составлен архитектором В.А. Соколовским и утвержден в начале 1907 г., а к концу того же года закончено и строительство самого здания. Архитектор точно передал в образе здания его сущность. Композиционное решение в псевдороманском стиле с традиционной базиликой придает синагоге монументальный облик средневекового сооружения, а выложенные из кирпича звезды Давида указывают на принадлежность к одной из самых древних религий мира. Общий силуэт синагоги лаконичен, прост и выразителен. Романский стиль придает зданию общую массивность; важными композиционными элементами являются две башни, которые имитируют романские донжоны. Общий объем состоит из простых геометрических форм: призм, параллелепипедов (иллюстрации 7–8).

В 1922 г. синагога была закрыта, культовые ценности изъяты. В 30 гг. в здании синагоги разместили клуб артели «Восход», затем Дом учителя и Дом пионеров. В настоящее время здесь расположена станция скорой помощи.

Иллюстрация 7 — Проект здания синагоги в г. Ачинске, архитектор В.А. Соколовский, 1907 г. (ГККК. Ф. 595. Оп. 59. Д. 485 «Дело об утверждении проекта на строительство Еврейского молитвенного дома в г. Ачинске». Л. 3)
Illustration 7 — Project of the Synagogue Building in Achinsk, Architect V.A. Sokolovsky, 1907 (GKKK. F. 595. Op. 59. D. 485 "The Case of Approval of the Project for the Construction of a Jewish Prayer House in Achinsk". L. 3)

Здание синагоги является важным элементом городского ландшафта — рядом с ним проходит бровка второй террасы реки Тептятки, откуда открывается вид на юго-западную часть исторического города. С данной точки видны Казанской собор и бывший Еврейский молитвенный дом, которые являются архитектурными доминантами и участвуют в формировании городской панорамы. Однако, после утраты на здании синагоги шатров, венчающих башни, и строительству новых объектов в окружении, исторический облик панорамы был утрачен, а визуальная связь двух доминант нарушена.

А Б

Иллюстрация 8 — Здание синагоги. А — Общий вид, фото нач. XX в. (АКМ им. Д.С. Каргополова, ОФ); Б — Панорамный вид гор. Ачинска с бровки террасы р. Тептятка. На переднем плане крыша синагоги, на дальнем плане Казанский собор, фото нач. XX в. (АКМ им. Д.С. Каргополова, ОФ)
Illustration 8 — Synagogue building. A — General View, photo of the early 20th Century (AKM im. D.S. Kargopolova, OF); B — Panoramic View of the City of Achinsk from the Edge of the Terrace of the Teptyatka River. Achinsk from the Edge of the Terrace of the Teptyatka River. In the Foreground is the Roof of the Synagogue, in the Background is the Kazan Cathedral, Photo of the early 20th Century (AKM im. D.S. Kargopolova, OF)

На основании проведенного исследования истории строительства и архитектурно-градостроительного анализа зданий культовых сооружений, выстроенных на средства купеческого общества в Красноярске и Ачинске, возможно сформировать следующие выводы:

Основными строителями культовых сооружений в Красноярске и Ачинске были представители местного купечества — они выступали в роли ключевого источника финансирования, заказчиков и организаторов строительства, а также избранных народных парламентариев, выражавших общегородское мнение по устройству и развитию городского пространства.

Основная часть культовых сооружений XIX – начала XX в, сохранившихся в настоящее время и определяющих объемно-пространственное своеобразие исторических центров исследуемых городов, относятся к объектам, возведенным при содействии купеческого сословия. Данные здания продолжают играть роль градостроительных доминант и ориентиров в пространстве, являются узнаваемыми символами и во многом определяют уникальность архитектурного облика исследуемых городов.

Исследованные храмовые сооружения сыграли существенную роль в процессе формирования объемно-планировочной структуры на протяжении основных этапов развития исследуемых городов. Они формировали и закрепляли места площадей — узловых центров планировки, определяли векторы будущего развития застройки, создавали многоплановость пространства улиц. При этом места для строительства новых сооружений не всегда определялись согласно утвержденным генеральным планам или зависели от исторических предпосылок, но и, как показывает история их строительства, были продиктованы общественными интересами и волей заказчиков, прежде всего купечества.

Список литературы

Исследования

1 Архитектура городов Томской губернии и сибирское купечество (XVII – начало XX века). Томск, Бийск, Барнаул, Кузнецк, Колывань, Камень-на-Оби, Нарым, Мариинск, Новониколаевск: монография / под ред. проф. В.П. Бойко. Томск: Изд-во Томского гос. архитектурно-строительного ун-та, 2011. 480 с.

2 *Бойко В.П.* Сибирское купечество и формирование архитектурного облика г. Томска в XIX – начале XX в. Изд-во Томского гос. архитектурно-строительного ун-та, 2008. 180 с.

3 *Бочанова Г.А.* Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН: Филиал «ГЕО», 2000. 210 с.

4 *Глазычев В.Л.* Социально-экологическая интерпретация городской среды. М Наука, 1984. 180 с.

5 Градостроительство Сибири / авт.: В.Т. Горбачев, Н.Н. Крадин, Н.П. Крадин, В.И. Крушлинский, Т.М. Степанская, В.И. Царёв; под общ. ред. В.И. Царева. СПб.: Коло, 2011. 784 с.

6 *Комлева Е.В.* Сибирское купечество: социокультурные практики в контексте освоения северной Азии (конец XVIII–XIX век): дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 2020. 647 с.

7 Л.Ю. Вонаго — фотограф на выезд (Красноярск и его окрестности в фотографиях Людвига Вонаго) / под ред. В.М. Ярошевской; авт.-сост. И.В. Куклин-

ский; вступ. ст. Т.А. Сабуровой; науч. ред. А.Б. Ипполитова. Красноярск: ООО «Издательство Поликор», 2020. 240 с.

8 *Мешалкин П.Н.* Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей: Вторая половина XIX – начало XX в. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1995. 155 с.

9 Памятники истории и культуры Красноярского края. Красноярск: Кн. изд-во, 1997. Вып. 4: [сб.] / [сост. Быконя Г.Ф.]. 247 с.

10 *Попадюк С.С.* Неизвестная провинция. Историко-архитектурные исследования. М.: Едиториал УРСС, 2004. 648 с.

11 *Сертакова Е.А.* Визуализация образа города и облика горожан в часовне Параскевы Пятницы в Красноярске // Урбанистика. 2014. № 2. С. 50–64. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13271 (дата обращения: 26.09.2025) https://doi.org/10.7256/2310-8673.2014.2.13271

12 Формирование архитектурного облика городов Западной Сибири в XVII – начале XX в. и местное купечество (Тобольск, Тюмень, Томск, Тара, Омск, Каинск): монография / авт.: В.П. Бойко, Е.В. Ситникова, О.В. Богданова, Н.В. Шагов. Томск: Изд-во Томского гос. архитектурно-строительного ун-та, 2017. 324 с.

13 *Царев В.И., Гринберг Ю.И. Ачинск: градостроительная история. Красноярск: Стройиздат, 1992. 120 с.*

Источники

14 Бывшее здание синагоги: от «дома собрания» до станции скорой помощи // Исторический багаж: официальный сайт. URL: https://историческийбагаж.рф/post/byvshee-zdanie-sinagogi%3A-ot-doma-sobraniya-do-stancii-skoroy-pomoshchi-2364 (дата обращения: 12.06.2024)

15 Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год. СПб.: Тип. Иосафата Огризко, 1863. 350 с.

16 Собрание планов, фасадов и профилей для строения каменных церквей; с кратким наставлением, как о самом производстве строения, так и о вычислении потребных к тому материалов при чем приложены и объяснительные чертежи важнейших частей зданий, с означением размера оных для практического употребления. СПб.: Тип. Мед. деп. М-ва внутр. дел, 1824. 260 с.

***

© 2025. Daria V. Prislonova
Tomsk, Russia

© 2025. Elena V. Sitnikova
Tomsk, Russia

THE ROLE OF MERCHANTS IN THE FORMATION OF CULT ARCHITECTURE IN THE CITIES OF KRASNOYARSK AND ACHINSK

Abstract: The paper discusses identification and analysis of objects of religious architecture built at the expense of merchants in the cities of Krasnoyarsk and Achinsk. The construction of religious buildings is inextricably linked with the stages of architectural and urban development of settlements, as temple buildings are often the most vivid embodiment of these processes. The aim of the study is to establish the degree of influence of a certain social group of the population on the formation of the architectural appearance of the cities of the former Yenisei province of Krasnoyarsk and Achinsk and to study the most expressive architectural objects of the studied cities — temples. This research is important for identifying key driving factors and recreating a holistic picture of the stages of historical and urban development. A comparison of two cities that differ in status (provincial and county) and scale (largest and medium), but are connected by common historical processes, allows us to cover the issues of the formation of cities in different conditions. Religious buildings in this work are analyzed in three main aspects: historical (prerequisites and organization of construction), urban planning (types of integration of buildings into the structure and landscape of cities, their role in the volumetric composition of urban space) and architectural and artistic (architectural and stylistic composition of buildings, uniqueness of design solutions). The results obtained confirm the fact of the key participation of representatives of a merchant class in the formation of the cult architecture of the cities of Krasnoyarsk and Achinsk. In many ways, thanks to the merchants, buildings were constructed in the studied cities, which are rightfully their architectural symbols to this day.

Keywords: Architectural Heritage, Cult Architecture, Merchants, Historical and Urban Environment, Krasnoyarsk, Achinsk.

Information about the authors:
Daria V. Prislonova — Postgraduate Student, Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering, Solianaia Sq., 2, 634003 Tomsk, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9201-516X
E-mail: dasha.prislonova@yandex.ru
Elena V. Sitnikova — PhD in Architecture, Associate Professor, Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering, Solianaia Sq., 2, 634003 Tomsk, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0004-8175-4097
E-mail: elensivtomske@yandex.ru

Received: June 19, 2024
Approved after reviewing: September 2, 2025
Date of publication: September 25, 2025

For Citation: Prislonova, D.V., Sitnikova, E.V. "Role of Merchants in the Formation of Cult Architecture of the Cities of Krasnoyarsk and Achinsk." *Vestnik slavianskikh kul't ur*, vol. 77, 2025, pp. 291–309. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-291-309

References

17 *Arkhitektura gorodov Tomskoi gubernii i sibirskoe kupechestvo (XVII – nachalo XX veka). Tomsk, Biisk, Barnaul, Kuznetsk, Kolyvan', Kamen'-na-Obi, Narym, Mariinsk, Novonikolaevsk: monografiia* [*Architecture of the Cities of Tomsk Province and Siberian Merchants (17th – Early 20th Century). Tomsk, Biysk, Barnaul, Kuznetsk, Kolyvan, Kamen-na-Obi, Narym, Mariinsk, Novonikolaevsk: monography*], ed. Prof. V.P. Boiko. Tomsk, Tomsk State University of Architecture and Building Publ., 2011. 480 p. (In Russ.)

18 Boiko, V.P. *Sibirskoe kupechestvo i formirovanie arkhitekturnogo oblika g. Tomska v XIX – nachale XX v.* [*Siberian Merchants and the Formation of the Architectural Appearance of Tomsk in the 19th – Early 20th Century*]. Tomsk, Tomsk State University of Architecture and Building Publ., 2008. 180 p. (In Russ.)

19 Bochanova, G.A. *Ocherki istorii blagotvoritel'nosti v Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [*Sketches of the History of Charity in Siberia in the Second Half of 19th – Beginning of 20th Century*]. Novosibirsk, Siberian Branch of the RAS, Filial "GEO", 2000. 210 p. (In Russ.)

20 Glazychev, V.L. *Sotsial'no-ekologicheskaia interpretatsiia gorodskoi sredy* [*Socio-ecological Interpretation of the Urban Environment*]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 180 p. (In Russ.)

21 *Gradostroitel'stvo Sibiri* [*Urban Planning of Siberia*], authors: V.T. Gorbachev, H.H. Kradin, N.P. Kradin, V.I. Krushlinskii, T.M. Stepanskaia, V.I. Tsarev; ed. V.I. Tsareva. St. Petersburg, Kolo Publ., 2011. 784 p. (In Russ.)

22 Komleva, E.V. *Sibirskoe kupechestvo, sotsiokul'turnye praktiki v kontekste osvoeniia severnoi Azii (konets XVIII–XIX vek)* [*Siberian Merchant, Socio-cultural Practices in the Context of the Development of Northern Asia (Late 18th – 19th Century): DSc Dissertation Thesis*]. Novosibirsk, 2020. 647 p. (In Russ.)

23 *L.Iu. Vonago — fotograf na vyezd (Krasnoiarsk i ego okrestnosti v fotografiiakh Liudviga Vonago)* [*L.Y. Vonago — Photographer on the Road (Krasnoyarsk and its Surroundings in Photographs by Ludwig Vonago)*], ed. V.M. Iaroshevskoi; author-comp. I.V. Kuklinskii; *introd. by* T.A. Saburovoi; acad. ed. A.B. Ippolitova. Krasnoiarsk, OOO "Izdatel'stvo Polikor", 2020. 240 p. (In Russ.)

24 Meshalkin, P.N. *Metsenatstvo i blagotvoritel'nost' sibirskikh kuptsov-predprinimatelei, Vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.* [*Patronage of Arts and Charity of Siberian Merchants-Entrepreneurs, The Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Century*]. Krasnoiarsk, Krasnoiarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. 155 p. (In Russ.)

25 *Pamiatniki istorii i kul'tury Krasnoiarskogo kraia* [*Monuments of History and Culture of the Krasnoyarsk Region*], vol. 4: [sbornik [Collection of Papers]], [comp. G.F. Bykonia]. Krasnoiarsk, Knizhnoe izdatel'stvo, 1997. 247 p. (In Russ.)

26 Popadiuk, S.S. *Neizvestnaia provintsiia. Istoriko-arkhitekturnye issledovaniia* [*Unknown Province. Historical and Architectural Studies*]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 648 p. (In Russ.)

27 Sertakova, E.A. "Vizualizatsiia obraza goroda i oblika gorozhan v chasovne Paraskevy Piatnitsy v Krasnoiarske" ["Visualization of the City Image and the Image of Citizens in the Chapel of Paraskeva Pyatnitsa in Krasnoyarsk"]. *Urbanistika*, no. 2, 2014, pp. 50–64. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13271 https://doi.org/10.7256/2310-8673.2014.2.13271 (In Russ.)

28 *Formirovanie arkhitekturnogo oblika gorodov Zapadnoi Sibiri v XVII – nachale XX v. i mestnoe kupechestvo (Tobol'sk, Tiumen', Tomsk, Tara, Omsk, Kainsk): monografiia* [*Formation of Architectural Appearance of Western Siberian Cities in the 17th – Early 20th Centuries and Local Merchants (Tobolsk, Tyumen, Tomsk, Tara, Omsk, Kainsk): monography*], authors: V.P. Boiko, E.V. Sitnikova, O.V. Bogdanova, N.V. Shagov. Tomsk, Tomsk State University of Architecture and Building Publ., 2017. 324 p. (In Russ.)

29 Tsarev, V.I., Grinberg, Iu.I. *Achinsk: gradostroitel'naia istoriia* [*Achinsk: Town-planning History*]. Krasnoiarsk, Stroiizdat Publ., 1992. 120 p. (In Russ.)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-310-322
УДК 908
ББК 26.89
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. В.В. Кузнецов
г. Торжок, Россия

ИКОНОПИСЦЫ СТАРОГО ТОРЖКА

Аннотация: Одной из главных проблем изучения русской иконописи является ее «безымянность». Абсолютное большинство икон, которые можно связать с тем или иным автором, относятся ко второй половине XVII–XVIII вв. Почти все они происходят из центров земель или княжеств (Москва, Новгород, Переславль Залесский, Ярославль и др.), или из городов Русского Севера (Тихвин, Вятка, Холмогоры, Устюг Великий). Вместе с тем некоторые города Центральной России, которые в настоящее время относятся к малым и провинциальным, в прошлом были значительными экономическими, политическими и культурными центрами. К таковым относится Торжок в Тверской области. Изучению его иконописного наследия и посвящена эта статья. На основании сохранившихся письменных источников выявлен ряд доселе неизвестных имен иконописцев Торжка XVI–XVIII вв., а также немногие из их сохранившихся работ. Скудность источников не позволяет в настоящее время воссоздать картину жизненного уклада новоторжских «изографов», проследить динамику развития или упадка иконописного искусства в Торжке. Тем не менее, в статье отражены некоторые шаги, сделанные в этом направлении. Также в статье предпринята попытка реконструкции, на основании подробного описания иконы «Воскресение Христово» («Сошествие во ад») XVIII в., круга идей и образов, формировавших духовный мир новоторжских иконописцев, который нашел отражение в их творениях.

Ключевые слова: Торжок, иконописец, изограф, икона, «Сошествие во ад», апокриф, «Страсти Христовы».

Информация об авторе: Виктор Владимирович Кузнецов — кандидат филологических наук, главный научный сотрудник, Всероссийский историко-этнографический музей, ул. Бакунина, д. 6, 172069 г. Торжок, Тверская обл., Россия.
ORCID ID: 0009-0001-9393-9062
E-mail: tiveriada@yandex.ru

Дата поступления статьи: 7.05.2025
Дата одобрения рецензентами: 29.05.2025
Дата публикации: 25.09.2025
Для цитирования: *Кузнецов В.В.* Иконописцы старого Торжка // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 00–00.
DOI

Торжок (до начала XIII в. — Новый Торг, отсюда современное название жителей — новоторы или новоторжцы) — один из древнейших городов России. Впервые в летописях он упоминается под 1139 г., однако по данным археологических исследований город возник в конце X – начале XI в. Нет никаких сомнений в том, что иконы писали в Торжке уже в самом начале его существования, хотя первые свидетельства об этом относятся к XIV в. В летописных сообщениях о разорении Торжка тверским князем Михаилом Александровичем в 1372 г. в числе трофеев, вывезенных из города, упоминается «иконная крута» — металлические оклады икон [18, с. 299].

Из новоторжского монастыря Рождества Христова, существовавшего уже в XII в., происходят деисусные иконы Божией Матери и Иоанна Предтечи первой половины XV в. Они были найдены в Троицкой церкви села Ободово Спировского района, принадлежавшего этому монастырю [7, с. 188–198] (иллюстрация 1 а, б).

а)

б)

Иллюстрация 1 — Иконы из деисуса Троицкой церкви села Ободово. Первая половина XV в. Торжок (?) (ЦМиАР) [11, с. 72–77, № 7]. (а) — Богоматерь. 80 × 57.5; (б) — Иоанн Предтеча. 80.5 × 57.5
Figure 1 — Icons from the deesis of the Trinity Church of the village of Obodovo. The First Half of the 15th Century. Torzhok (?) (ARMRCA). (a) — The Mother of God. 80 × 57.5; (b) — John the Baptist. 80.5 × 57.5

Русские иконописцы крайне редко подписывали свои работы, поэтому авторство и место создания абсолютного большинства икон установить невозможно. Тем ценнее становятся свидетельства письменных источников, сохранивших имена некоторых мастеров.

Первое упоминание новоторжского иконописца обнаруживается в Житии св. Ефрема Новоторжского, написанном архимандритом Борисоглебского монастыря Мисаилом в 1587 г. Он сообщает, что в поисках сведений о святом обратился к старцу

Парфению, который «иконному писму искусен бысть и Божественнаго писания научен» (БАН. П. I. А. № 29. Л. 368 об.).

В редакциях этого Жития XVII в. упоминается иеромонах Борисоглебского монастыря иконописец **Герасим** (РГБ. Ф. 37. № 419. Л. 50). Он поведал автору Жития о чуде явления св. Ефрема Новоторжского во сне «царю» Симеону Бекбулатовичу, который владел Торжком в составе «Великого княжества Тверского», созданного для него Иваном Грозным, с 1577 по 1586 г. [5, с. 100]. Таким образом, Герасим подвизался и писал иконы в Борисоглебском монастыре в это же время.

Интересная информация о новоторжских иконописцах содержится в Писцовой книге Торжка 1686 г.: в ней не только упоминаются их имена и фамилии, но и указывается, в приходе какой церкви они проживали: «**Ивашка Борисов сын Быков** з братом своим с **Ывашком**» — в Успенском приходе, **Ивашка Гузнищев** — в Кузмодемьяновском приходе, **Алешка Григорьев сын Гребенщиков** — в Климентовском приходе, **Бориско Иванов сын Трубицын** — в слободке Борисоглебского монастыря. Данные Писцовой книги в будущем позволят достаточно точно локализовать расположение их домовладений на территории современного города. [16, с. 187, 333, 357–358].

Также среди новоторжских иконописцев в конце XVII в. известен иерей **Георгий**, написавший в 1689 г. Иверскую икону Божьей Матери для иконостаса придела св. равноап. Андрея Первозванного Троицкой церкви Торжка [2, с. 90].

Сведения Писцовой книги позволяют прояснить некоторые детали жизненного уклада упомянутых иконописцев. На доход исключительно от написания икон жили только братья Быковы: они платили со своего промысла оброк «по рублю по три алтына по две денги на год» [16, с. 334]. Ивашка Гузнищев жил в доме своего отца Петра Ивановича, имевшего сапожный промысел, с которого платил оброк «по дватцати по шти алтын по четыре денги на год» [16, с. 357]. (Для сравнения: за 1 руб. во второй половине XVII в. можно было купить четырехлетнего быка). Судя по размерам налогов, иконопись приносила больший доход, чем сапожный промысел. Это можно проследить по изменениям в судьбе Алешки Григорьева сын Гребенщикова. В 1686 г. он не имел собственного двора и жил у своего тестя — священника Спасо-Преображенского собора Петра Михайлова сына Дедова. Доходы от написания икон позволили ему к началу XVIII столетия разбогатеть и, вероятнее всего, отделиться от родителей своей жены. Свидетельством изменения его социального статуса и возросшего мастерства, нашедшего признание, может служить большая икона (207 × 165) св. Ефрема Новоторжского в житии с изображением Борисоглебского монастыря, которая находилась в обители еще в конце 1920 гг. На ней имелась надпись: «Писал Александр Григорьевич Гребенщиков с сыном Бонифатием изограф города Торжка в 1712 г.» (ГАТО. Ф. Р-56. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 8).

Все вышеназванные иконописцы проживали на правом берегу Тверцы — в Градской стороне, которая была населена преимущественно коренными жителями (купцами и мещанами) и считалась более значимой и богатой по сравнению с левобережной, Затверецкой стороной [6, с. 73]. Там же жил и «свидетельствованный изограф», пономарь церкви апостола Филиппа **Ефим (Ефимий) Федорович Недоносков** — пожалуй, самый известный иконописец Торжка XVIII в. Мы можем установить год его рождения: в исповедных росписях Тверской Духовной консистории на 1758 г. он показан 69 лет от роду, следовательно, будущий мастер родился в 1689 г. [13, с. 497]. В 1720 г. Недоносков создал икону свв. Ефрема и Аркадия Новоторжских, изображенных на фоне Борисоглебского монастыря (иллюстрация 2).

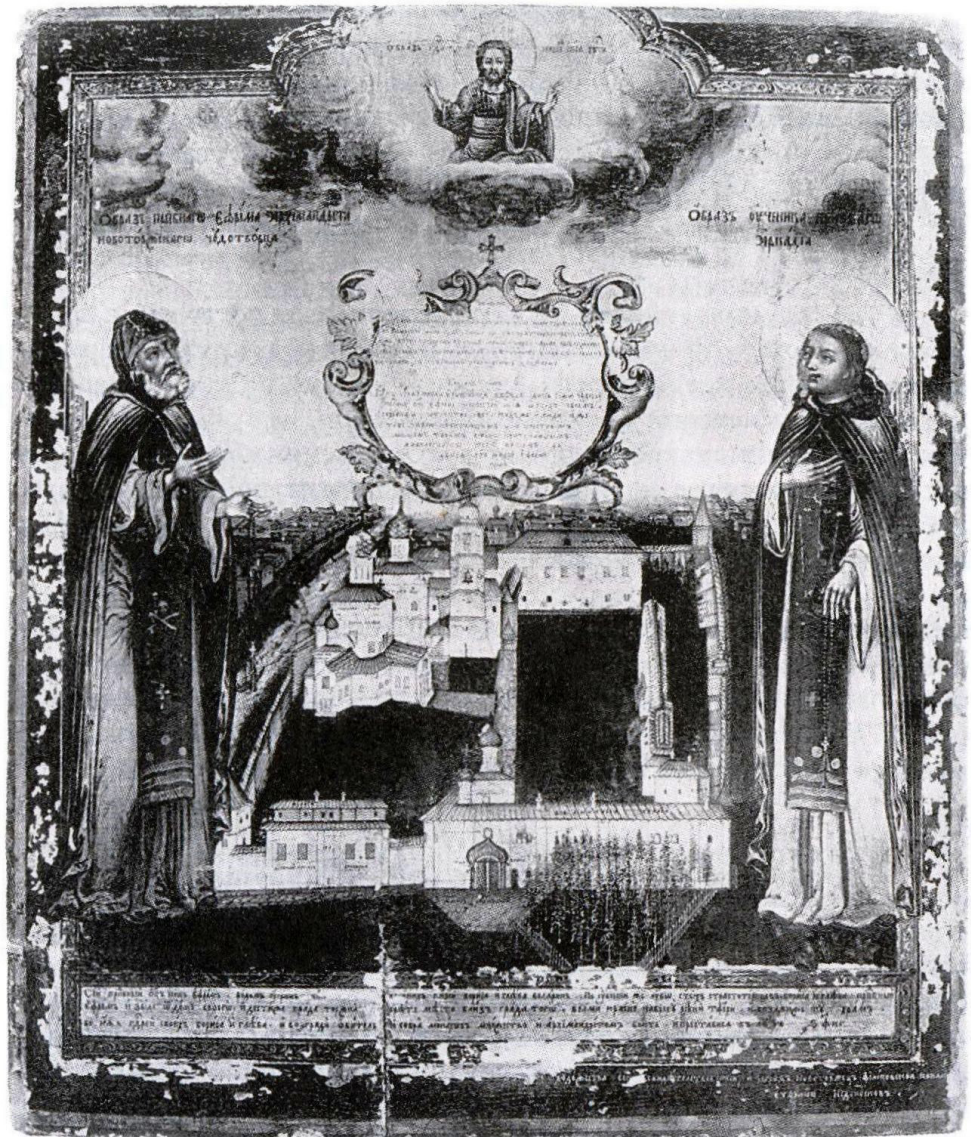

Иллюстрация 2 — Свв. Ефим Недоносков. Свв. Ефрем и Аркадий Новоторжские. 1720 г. Торжок. 44.25 × 26.67 [8, с. 152–153, табл. LXXXVI]
Figure 2 — Efim Nedonoskov. Sts. Ephraim and Arkady Novotorzhsky. 1720. Torzhok. 44.25 × 26.67 [8, pp. 152–153, tab. LXXXVI]

«Письмо тонкое, мастерское, начала XVIII века, с очевидным влиянием Ушаковской школы и живописного элемента» [3, с. 45–47, № 59]. Эта икона является ценным источником по истории Борисоглебского монастыря, поскольку фиксирует состояние обители до фундаментальных перестроек, начавшихся в 1785 г. с возведения нового Борисоглебского собора. На каждом здании сделана надпись, указывающая его назначение: духовный приказ, келии келарские, братские, казенка, житница, архимандричьи кельи, сени, трапеза и поварня.

По всей видимости, это была одна из первых (если не первая) работа Недоноскова. В настоящее время известно еще три его иконы.

1) Св. Максим Исповедник с житием в 12 клеймах. На нижнем поле надпись: «1727 г. марта 30 писал Ефим Недоносков» (иллюстрация 3).

Иллюстрация 3 — Ефим Недоносков. Св. Максим Исповедник в житии. 1727 г. Торжок [14, табл. CCCXX, № 614]
Figure 3 — Efim Nedonoskov. St. Maxim the Confessor in his life. 1727. Torzhok [14, tab. CCCXX, № 614]

2) Введение во храм Пресвятой Богородицы. Подпись: «1731 года месяца ноемврия художества сего Новоторжец Филиппа апостола пономарь Евфимий Федоров» [2, с. 34].

3) Свв. Никандр, Прохор, Александр Невский, Алексей Божий человек и св. мц. Васса, в предстоянии перед иконой Богоматери. В барочном картуше под изображением Вассы текст ее жития. Внизу надпись черной краской по-церковнославянски: «76 года иулиа месяца художества сего Новоторъския Филиппа апостола церькъве Евфими». Если интерпретировать 76 как 1776 год, то следует заключить, что икону Недоносков написал в 87 лет [15, с. 7–8, № 28].

В XVIII в. в Торжке творили еще два иконописца, имена и работы которых нам известны.

В Воскресенской церкви еще в начале XX в. находилась икона св. Ефрема Новоторжского в житии (108 × 87) с 28 клеймами, в которых были представлены эпизоды из жизни преподобного и его посмертные чудеса. Эта икона была пожертвована в храм посадским человеком Андреем Ивановичем Гребенкиным, а написана «служителем новоторжского Борисоглебского монастыря **Иваном Михайловым** в 1752 г.» [2, с. 90].

В одном частном собрании хранится Тихвинская икона Божьей Матери, прекрасного письма, происходящая из церкви Введения Богородицы во храм села Кабанова Тверской области. На нижнем поле сделана надпись по-церковнославянски: «[Из]

ображение с чудотворнаго образа Пр(е)*с*(вя)тыя Б(огоро)*д*(и)цы Тихвенски. Отданъ въ ц(е)рк(о)въ Введение Пр(е)*с*(вя)тыя Б(огоро)*д*(и)цы в село в Кабанова зданиемъ деревнеи с Тараскова [кресть]яни[ом] Михаиломъ Антиповымъ сыномъ Березен[…]ъ […] 1780 году януария въ 21 дня. Художникъ города Торжку новоторскаи мещанинъ **Яковъ Прокофьевъ сынъ Бетелевъ**» [12, с. 200, 202, 330–331] (иллюстрация 4).

Иллюстрация 4 — Яков Бетелев. Тихвинская икона Божьей Матери. 1780 г. Торжок. 89 × 71 (Частное собрание) [12, с. 200]
Figure 4 — Yakov Betelev. The Tikhvin Icon of the Mother of God. 1780. Torzhok. 89 × 71 (Private Collection) [12, p. 200]

Бетелевы (Бителевы) — старинный купеческий род, его представители упоминаются в Писцовых книгах Торжка 1678 и 1686 гг. и в Переписной книге 1710 г., их потомки живут в городе и в наши дни (правда, иконы они не пишут).

Реформы Петра I принесли существенные изменения в социальном статусе иконописцев. В 1721 г. при разделении всего податного населения (посадских людей) на 2 гильдии, «иконники» вместе с «живописцами» и золотых дел мастерами («золоторями») были отнесены к первой гильдии. В нее вошли представители профессий, которые государство считало особо значимыми: банкиры, знатные купцы, городские доктора, аптекари, лекари, шкиперы купеческих кораблей [17, с. 295, № 3708].

В конце XVIII в. в Торжке среди представителей «цеховых разных художеств» насчитывалось 22 «иконника и золоторя», это больше, чем столяров, горшечников, гончаров, шапочников и овчинников вместе взятых [10, с. 154]. В 1863 г. в городе жили и творили семь иконописцев, столько же в нем было извозчиков; это больше, чем кондитеров (2), калачников (5) и модисток (4) [6, с. 101–102]. Имена и работы этих мастеров нам неизвестны, так же как имена и судьбы новоторжских иконописцев, встретивших эпоху великих перемен, когда многие произведения новоторжской иконописи были безвозвратно утрачены. В 1929 г. в результате обследования новоторжских храмов сотрудниками Центральных государственных реставрационных мастерских было зафиксировано 310 икон XV – первой половины XIX вв., среди которых — одна из святынь Торжка Выдропужская (Муромская) икона Божией Матери, находившаяся в Спасо-Преображенском соборе.

К числу безвозвратных потерь эпохи богоборчества относится икона Воскресения Христова из Ильинской церкви, подробно описанная архиепископом Тверским и Кашинским Димитрием (Самбикиным), посещавшим Торжок [2, с. 31–32]. Она дает некоторое представление о тех идеях и образах, в которых формировался духовный мир новоторжских иконописцев.

Размер иконы — 106.3 × 75.6 см, в середине вставлена другая — «Сошествие Иисуса Христа во ад» — размером 30.8 × 26.4 см. Внизу иконы надпись: «Написася сей святый образ страсти Господне в лето от Сотворения мира 7300, от Рождества же Христова 1630 г. месяца октября в 9 день тщанием и трудами тоя церкви священником **Иоанном Силиным»**.

Самбикин приводит надписи на двадцати четырех клеймах иконы, расположенных в шесть рядов вокруг центрального изображения «Сошествие Иисуса Христа во ад»: «*1-й ряд:* а) Воскрешение Лазаря; б) Вход в Иерусалим; в) Изгнание из церкви иудеев из Святое Святых храма Соломона; г) О совете архиереев жидовских о Господе нашем; д) Сошествие во ад Крестителя Господня Иоанна. *2-й ряд*: а) О предании Господа нашего Иисуса Христа Иудою беззаконным жидам; б) О пришествии Иуды из Иерусалима в Вифанию поклониться Христу; в) О шествии Господа из Вифании во град Иерусалим; г) О напоении апостолов от Господа; умовение ног ученикам; д) О пришествии Иуды к жидам и о взятии 30 сребреников. *3-й ряд:* а) Моление Господа нашего, взяша воины Господа нашего Ииуса Христа на страсть; б) О приведении господа ко двору Анне и отвержение Петра. *4-й ряд:* а) Приведоша Господа к Пилату и вопрошение Его и биение тростью по главе Его; б) О возложении креста на Господа нашего к горе Голгофе; распятие Господне. *5-й ряд:* а) Просиша Иосиф тело Христово сняти с креста; б) Снятие со креста Господа нашего Иисуса Христа; в) Положение во гроб Господа нашего Иисуса Христа; г) О собрании архиереев к Пилату и о поставлении стражей у гроба Господня; д) О возвращении стражей ко архиереом жидовским и о Воскресении Христовом. *6-й ряд*: а) О послании ко Иосифу эпистолии о приведении во Иерусалим; б) Пришедши в Рим к кесарю Марфа и Мария, сестры Лазаревы, со многими дарами; в) Послание от кесаря из Риму во Иерусалим к понтийстему Пилату; г) И рече кесарь: О злочестиве Пилате, како смел еси тако сотвори Праведна и Неповинна на смерть крестную предати; д) Кайафа сие виде тече скоро и скрыся в некой пещере» [2, с. 32].

Зная размеры иконы, мы можем реконструировать расположение клейм относительно центрального изображения (иллюстрация 5).

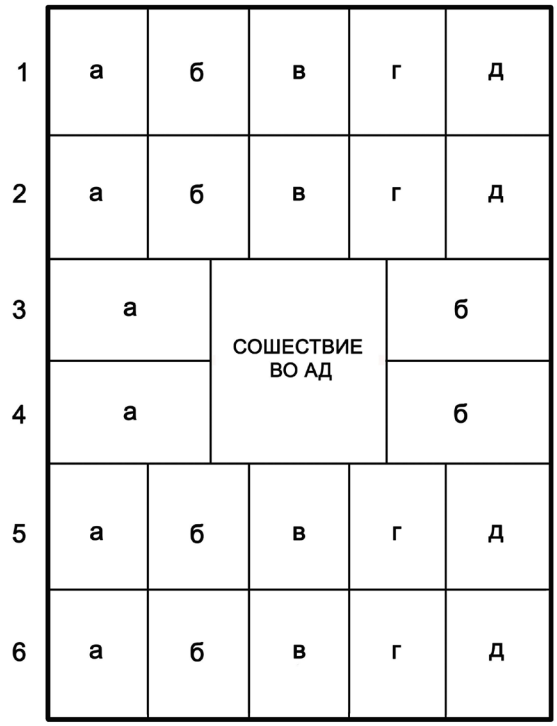

Иллюстрация 5 — Реконструкция расположения основного изображения и клейм на иконе «Воскресение Христово» из Ильинской церкви Торжка
Figure 5 — Reconstruction of the Location of the Main Image and the Stamps on the Icon "Resurrection of Christ" from the Ilyinsky Church of Torzhok

Надписи на большинстве клейм почти дословно повторяют названия глав в апокрифическом сборнике «Страсти Христовы», в котором рассказывается о последних днях земной жизни Христа, Его распятии, Воскресении и схождении во ад. В основе Сборника лежит апокрифическое Евангелие от Никодима, созданное предположительно в IV–V вв. На Руси оно стало известно в XV в. благодаря переводу с латинского, который был сделан в Моравии и Сербии в X – начале XI в. Составление Сборника относится к XVII в., особенное распространение он получил с конца XVIII в., а его первыми изданиями являются две редакции: Супрасльская 1789 г. и Клинцовская (издана в Клинцах с выходными данными «Львов, 1793»), последняя была наиболее распространена. На основе печатного текста создавались многочисленные списки, в том числе лицевые, при этом в текст вносились определенные коррективы. Следствием этого стали некоторые расхождения в содержании, частичное несовпадение названий глав, и их разное количество — 31 или 32 [1, с. 125–131; 9, с. 155–160].

Примечательно, что из 24-х надписей на клеймах 11 не находят даже близкого соответствия в канонических Евангелиях: 1 д; 2 б, д; 4 а; 5 а, д; 6 а–д. По-видимому, именно они привлекли внимание архиепископа Димитрия.

Совершенно необычно изображение схождения во ад Иоанна Предтечи (1д). Оно ориентировано на пятую главу печатных изданий Сборника «О мерзцей вечери Ирода царя и о усекновении главы Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, о сошествии его во ад» [19, л. 16 об. – 21 об.]. В рукописных сборниках этого памятника этот текст отсутствует, или имеет не такой пространный вид, как в печатных изданиях [9, с. 156].

В этой главе после повторяющего евангельский текст рассказа о казни Иоанна Предтечи, говорится о его схождении во ад. Здесь его встречают ветхозаветные про-

роки, которые сначала сообщают ему о своих пророчествах, о рождении Спасителя от Девы Марии, а затем предсказывают грядущие события Его земной жизни вплоть до казни на кресте. Услышав эти пророчества, ад сказал дьяволу (sic!), что он вселился в свою «советницу и сонаследницу» Иродиаду «и тою прогневах Ирода царя на обеде, и той повеле в темнице Иоанну Крестителю и пророку мирови, главу усекнути…». На это ад ответил, что в результате пришествия Спасителя «не токмо будет ми лишение, но и смеху и поруганию достойни будем». После этого дьявол пошел к иудеям, «нучая их на распятие Господне», а сатана пошел к апостолам и начал искать среди них «котораго обрести молитвою не ограждена и постом, и обрете Июду, не храняща заповеди Христовы». Он напустил на него «несытьство богатьству, и сотвори его любителя сребру», и начал готовить его на предание Христа.

Не меньший интерес представляют клейма, изображающие события, произошедшие после казни Христа (6 а–д), среди которых стоит обратить внимание на переписку Пилата с Тиверием. Надпись на клейме 6 в отсылает к главе сборника «О послании Понитийскаго Пилата к Тиверию кесарю из Иерусалима епистолии в Рим о распятии Господни» [19, л. 166 об. – 169 об.]. В ней приводится письмо Пилата, в котором, он сообщает, что не нашел никакой вины Иисуса и безуспешно пытался избавить Его от казни. Всю вину за смерть Иисуса Пилат возлагает на иудеев, настойчиво требовавших распять Его. «Они же вземше вязаша Его, и биша немилостивно, и возведше Его на Лобное место и тамо распяша». Далее он сообщает о чудесных явлениях, произошедших в день казни: земля разверзлась, и восстали из мертвых многие ветхозаветные праведники, среди которых были Авраам, Исаак и Иаков. На следующий день в полночь в раскатах грома явились «мужи зело велицы одеяни пресветлыми одеждами», которые возвестили о восшествии распятого Христа на небо вместе с праведниками, заключенными в аду. И в то же время иудеи, осудившие Иисуса, провалились под землю и погибли.

Ответ императора приведен в надписи на клейме 6 г — это цитата из главы «Послание Тиверия кесаря из Рима во Иерусалим к Пилату» [19, л. 170–178 об.]: «О злочестиве Пилате, како смел еси тако стоворити, праведна и неповинна мужа на смерть крестную предал, видев знамения и чюдеса велия о муже оном». Тиверий вызвал Пилата в Рим и подверг допросу. Тот повторил свое обвинение в адрес иудеев, и кесарь приказал арестовать всех иудейских старейшин и привести их в Рим. Однако они отвергли обвинения Пилата, указав, что Иисус разрушал иудейский закон и называл себя царем, поэтому они привели Его к Пилату, и он «испытав Его, обрете повинна, и предаде на распятие». После этого Тиверий, обвинив Пилата в неправедном суде и пролитии крови невиновного, приговорил его к смерти. Тот попросил во искупление своих грехов подвергнуть его различным истязаниям, во время которых он обратился к Христу с мольбой о прощении за Его казнь. В ответ с неба раздался голос: «Радуйся Пилате, яко Мене ради страсть сию приемлеши, вниде убо во обитель Отца Моего, се бо отверзошася тебе врата райская, и ангелское воинство сретает тя держаще венец». После истязаний Пилату отсекли голову, которую забрал сошедший с небес ангел Господень, «и паки взыде с нею на небо». Это сильно удивило кесаря, и он с великой честью похоронил тело Пилата.

Далее в этой же главе рассказывается о судьбе арестованных иудейских старейшин [19, л. 175–176]. Анну, тестя Каиафы, Тиверий приказал обшить воловьей кожей и выставить на солнце, в результате чего «вся внутренняя его изыде из него и тако умре». Каиафа же с книжниками скрылся «в расселинах земных», однако их во время охоты обнаружили римские воины и избили. О том, что происходило после этого говорится в надписи на клейме 6 д: «Каиафа сие виде тече скоро и скрыся в некой пещере».

Следующий далее текст сборника раскрывает его судьбу. «По смотрению же Божию» Тиверий отправился на охоту, и увидев оленя, выстрелил в него из лука, и «стрела вниде в пещру ону, и устрели Каифа в сердце, и тако скончася». Узнав об этом, Тиверий «вельми удивися и прослави Бога, творящаго предивная чюдеса».

Сборник «Срасти Христовы» пользовался большой популярностью у старообрядцев, которые читали его дома во время Великого поста и особенно в Страстную седмицу. В этом контексте следует обратить внимание на дату написания иконы, указанную в надписи на ней: 7300 г. от Сотворения мира соответствует 1792 г. от Рождества Христова, а не 1630 г. По всей видимости, в дате от Сотворения мира указан год издания сборника, которым руководствовался священник Иоанн Силин, возможно, иллюстрации в нем послужили образцами для изображений в клеймах. Дату же от Рождества Христова (1630 г.) следует объяснять, как попытку автора архаизировать свое творение, отнеся создание иконы к дониконианскому времени, придав тем самым всем представленным на ней сюжетам (resp. сведениям из сборника) авторитет «священной старины» — древлеправославной веры. Для нашей темы важно отметить, что икона, основанная на апокрифическом сочинении, бытовавшем в старообрядческой среде, находилась в храме имперской Церкви, и была написана его священником. Это наглядное свидетельство того, что духовный мир новоторжских иконописцев определялся «народным православием», в котором обряды государственной Церкви, возглавляемой Святейшим правительствующим синодом, вполне гармонично сосуществовали со старой верой их предков. Эта внутренняя гармония отчетливо проступает в образа́х, создававшихся для домашнего обихода безвестными мастерами Торжка еще в начале XX в. Они достаточно легко узнаваемы благодаря задушевной наивности изображения и специфическому архаизирующему стилю, ориентированному на работы иконописцев XVII в. (иллюстрация 6).

а б в г

Иллюстрация 6 — Работы неизвестных иконописцев Торжка из собрания ВИЭМ:
(а) — Христос Вседержитель. Первая половина – середина XIX в.
(б) — Иоанн Предтеча. Конец XIX – начало XX в.
(в) — Св. Николай Чудотворец. Конец XIX – начало XX в.
(г) — Казанская икона Божией матери. Начало XX в.
Figure 6 — Works of Unknown Torzhok Icon-painters from the ARHEM-collection:
(a) — Christ the Almighty. The First Half – the Middle of the 19th Century
(b) — John the Baptist. The End of the 19th – Beginning of the 20th Century
(c) — St. Nicholas the Wonderworker. The End of the 19th – Beginning of the 20th Century.
(d) — The Kazan Icon of the Mother of God. The Beginning of the 20th Century

Список литературы

Исследования

1 *Вознесенский А.В.* Старообрядческие издания XVIII – начала XIX века. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. 158 с.
2 *Димитрий (Самбикин),* архиеп. Монастыри и приходские церкви Торжка и их достопримечательности. Тверь: Тип. Губернского правления, 1901. 100 с.
3 *Жизневский А.К.* Описание Тверского музея. М.: Синодальная типография, 1888. 242 с.
4 *Илиодор,* иеромон. Историческо-статистическое описание Торжка. Тверь: Тип. Губернского Правления, 1860. 79 с.
5 *Лилеев Н.В.* Симеон Бекбулатович, хан Касимовский, Великий князь Всея Руси, впоследствии Великий князь Тверской. Тверь: Тип. Губернского правления, 1891. 124 с.
6 *Рубцов Н.* Очерк Торжка // Памятная книжка Тверской губернии на 1865 год. Тверь: Тип. Губернского правления. 1885. С. 66–136.
7 *Салтыков А.А.* Деисусные иконы из села Ободово // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М.: Наука, 1977. С. 188–198.
8 *Уваров А.С.* Сборник мелких трудов. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1910. Т. 1. 408 с.
9 *Шкапа А.С.* Апокрифический сюжет «Сошествие во ад» в древних литературных текстах и иконографии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. Вып. 6 (159). С. 155–160.

Источники

10 Генеральное соображение по Тверской губернии 1783–1784 г. Тверь: Изд-во Тверской губернской земской управы, 1873. 163 с.
11 Иконы XIII–XVI веков в собрании Музея имени Андрея Рублева. М.: Северный Паломник, 2007. 620 с.
12 *Комашко Н.* Русская икона XVIII века. М.: Agey Tomesh, 2006. 337 с.
13 *Кочетков И.А.* Словарь русских иконописцев XI–XVII веков. 2-е изд. испр. и доп. М.: Индрик, 2009. 1102 с.
14 *Лихачев Н.П.* Материалы для истории русского иконописания. СПб.: Изд-во Экспедиции заготовлении гос. бумаг, 1906. Ч. 2: 1 пол. 445 с.
15 Ломоносов и Елисаветинское время: Каталог выставки. Отдел XVI (Церковный). 2-е изд. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1912. 54 с.
16 Писцовые и переписные книги Торжка XVII – начала XVIII в. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. Ч. 1 / сост. И.Ю. Анкудинов, П.Д. Малыгин. 648 с.
17 Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб.: Тип. II Отд. собственной Е.И.В. канцелярии 1830. Т. 6. 817 с.
18 Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2000. Т. 4, ч. 1. (Новгородская четвертая летопись). 728 с.
19 Страсти Христовы. [Клинцы]: [Тип. Карташевых], [1805]. 188 л.

Список сокращений

БАН — Библиотека Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ВИЭМ — Всероссийский историко-этнографический музей. Торжок.
ГАТО — Государственный архив Тверской области.

РГБ — Российская государственная библиотека. Москва.
ЦМиАР — Центральный музей древнерусского культуры и искусства имени Андрея Рублева. Москва.

***

© Victor V. Kuznetsov
Torzhok, Russia

ICON-PAINTERS OF OLD TORZHOK

Abstract: One of the main problems of studying Russian icon painting is its "namelessness". The absolute majority of icons that can be associated with one or another author belong to the second half of the 17th–18th centuries. Almost all of them originate from the centers of lands or principalities (Moscow, Novgorod, Pereslavl Zalessky, Yaroslavl, etc.), or from the cities of the Russian North (Tikhvin, Vyatka, Kholmogory, Ustyug the Great). At the same time, some cities in Central Russia, which now rank among small and provincial ones, used to be significant economic, political and cultural centers in the past. These include Torzhok in the Tver region. This paper focuses on the study of its iconographic heritage. On the basis of preserved written sources, a number of hitherto unknown names of Torzhok icon painters of the 16th–18th centuries, as well as a few of their preserved works, have been discovered. The scarcity of sources does not currently allow us to recreate a picture of the way of life of the "isographers", or to trace the dynamics of the development or decline of icon painting in Torzhok. Nevertheless, the work reflects some of the steps taken in this direction. The author also attempts to reconstruct on the basis of a detailed description of the icon "Resurrection of Christ" ("Descent into Hell") of the 18th century, the range of ideas and images that formed the spiritual world of the new Torzhok icon painters, which was reflected in their creations.
Keywords: Torzhok, Icon-painter, Isographer, Icon, "Descent into Hell", Apocrypha, "The Passion of Christ".
Information about the author: Victor V. Kuznetsov — PhD in Philology, Director of Research, the All-Russian Historical and Ethnographical Museum, Bakunin St., 6, 172069 Torzhok, Tver Region, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-9393-9062
E-mail: tiveriada@yandex.ru
Received: May 7, 2025
Approved after reviewing: May 29, 2025
Date of publication: September 25, 2025
For citation: Kuznetsov, V.V. "Icon-painters of Old Torzhok." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 310–322. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-310-322:

References

1 Voznesenskii, A.V. *Staroobriadcheskie izdaniia XVIII – nachala XIX veka* [*Old Believers Publications of the 18th – Early 19th Century*]. St. Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 1996. 158 p. (In Russ.)

2 Dimitrii (Sambikin), archbishop *Monastyri i prikhodskie tserkvi Torzhka i ikh dostoprimechatel'nosti* [*Monasteries and Parish Churches of Torzhok and their Relics*]. Tver', Tipografija Gubernskogo pravleniia Publ., 1901. 100 p. (In Russ.)

3 Zhiznevskii, A.K. *Opisanie Tverskogo muzeia* [*Description of the Tver Museum*]. Moscow, Sinodal'naia tipografiia Publ., 1888. 242 p. (In Russ.)

4 Iliodor, hieromonk *Istorichesko-statisticheskoe opisanie Torzhka* [*Historical and Statistical Description of Torzhok*]. Tver', Tipografiia Gubernskogo Pravleniia Publ., 1860. 79 p. (In Russ.)

5 Leleev, N.V. *Simeon Bekbulatovich, khan Kasimovskii, Velikii kniaz' Vseia Rusi, vposledstvii Velikii kniaz' Tverskoi* [*Simeon Bekbulatovich, Khan Kasimovsky, Grand Duke of All Russia, later Grand Duke of Tver*]. Tver', Tipografiia Gubernskogo pravleniia Publ., 1891. 124 p. (In Russ.)

6 Rubtsov, N. "Ocherk Torzhka" ["Torzhok's Essay"]. *Pamiatnaia knizhka Tverskoi gubernii na 1865 god* [*Commemorative Book of the Tver Province for 1865*]. Tver', Tipografiia Gubernskogo pravleniia. 1885, pp. 66–136. (In Russ.)

7 Saltykov, A.A. "Deisusnye ikony iz sela Obodovo" ["Deesis Icons from the Village of Obodovo"]. *Drevnerusskoe iskusstvo. Problemy i atributsii* [*Ancient Russian Art. Issues and Attribution*]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 188–198. (In Russ.)

8 Uvarov, A.S. *Sbornik melkih trudov* [*Collection of Small Works*], vol. 1. Moscow, Tipografiia G. Lissnera i D. Sobko Publ., 1910. 408 p. (In Russ.)

9 Shkapa, A.S. "Apokrificheskii siuzhet 'Soshestvie vo ad' v drevnikh literaturnykh tekstakh i ikonografii" ["The Apocryphal Story 'Descent into Hell' in Ancient Literary Texts and Iconography"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 6 (159), 2015, pp. 155–160. (In Russ.)

Abbreviations

ARHEM — All-Russian Historical and Ethnographic Museum. Torzhok.
ARMRCA — Andrey Rublev Museum of Ancient Russian Culture and Art. Moscow.
LRAS —Library of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg.
RSL — The Russian State Library. Moscow.
STAR — The State Archive of the Tver Region.

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-323-337
УДК 75.041.5
ББК 85.147.5
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. С.И. Михайлова
г. Москва, Россия

ОБРАЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТРИЦЫ В ПОРТРЕТАХ ХУДОЖНИКА НИКОЛАЯ АНДРЕЕВИЧА КОШЕЛЕВА

Аннотация:Широко известна галерея «портретов лиц, дорогих нации», в собрании Третьяковской галереи. Эта галерея была задумана Павлом Михайловичем Третьяковым, который с конца 1860 гг. начал целенаправленно заказывать художникам портреты известных деятелей отечественной культуры и науки. Одним из требований было — никакой официальности, никаких орденов и медалей, все должно быть предельно просто и лаконично, чтобы ничто не отвлекало зрителя от прямого диалога с изображенным. При этом Третьяков отказался включать в эту галерею представителей императорской семьи и вообще официальных лиц. Императорская семья, как правило, изображалась на заказанных по особым случаям парадных портретах. Так, известен целый ряд официальных торжественных портретов императрицы Марии Федоровны, супруги императора Александра III. Она предстает на них в дорогих нарядах и роскошных ювелирных украшениях. Известны такие портреты кисти Ивана Николаевича Крамского, Константина Егоровича и Владимира Егоровича Маковских, Василия Павловича Худоярова. Однако совершенно иначе Мария Федоровна представлена на портрете кисти Николая Андреевича Кошелева из собрания Мордовского республиканского музея изобразительных искусств им. С.Д. Эрьзи. Образ предельно строг и лаконичен, все внимание зрителя сосредотачивается на внутреннем мире героини. Художник выразил свое отношение к императрице как к благотворительнице и попечительнице женского образования, различных благотворительных обществ, отдававшей много сил работе в Российском обществе Красного Креста; ее заботами собирались и отправлялись на фронт посылки для солдат со всем необходимым; она возглавляла Ведомство учреждений императрицы Марии. В этом она была достойной продолжательницей деятельности своей свекрови, супруги императора Александра II, Марии Александровны, которая, не считаясь с ударами судьбы, с тяжелой смертельной болезнью, отдавала всю себя делу служения на благо России. Портрет Марии Александровны, также написанный Кошелевым, украшает собрание Курской государственной картинной галереи имени А.А. Дейнеки. В статье проводится анализ этих портретов и высказывается предположение о возможном времени создания портрета Марии Александровны. Оба портрета, по существу, можно так же отнести к «портретам лиц, дорогих нации», как и портреты из галереи П.М. Третьякова.

Ключевые слова:Императрица Мария Федоровна, портрет, Николай Андреевич Кошелев, галерея П.М. Третьякова, императрица Мария Александровна, благотворительность.
Информация об авторе:Светлана Игоревна Михайлова — старший преподаватель, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Хибинский пр., д. 6, 129227 г. Москва, Россия.
ORCIDID:https://orcid.org/0000-0002-2499-3743
E-mail: na.svet@mail.ru
Дата поступления статьи: 21.03.2025
Дата одобрения рецензентами: 15.09.2025
Дата публикации:25.09.2025
Для цитирования: *Михайлова С.И.* Образ российской императрицы в портретах художника Николая Андреевича Кошелева // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 323–337. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-323-337

Жанр портрета всегда привлекал русских художников, которые, создавая череду образов своих современников, стремились передавать все нюансы внутреннего мира человека, его духовную наполненность. Развитие живописных жанров, а затем и появление в XIX в. фотографии отодвинуло портрет на задний план, сделав его даже, по мнению многих, искусством «второсортным» [7, с. 111]. Очередной взлет интереса к портрету произошел во второй половине XIX в., которая буквально изобилует портретами писателей, художников, мыслителей, повлиявших на развитие художественных и философских воззрений своего времени, развитие общественной мысли. Эта галерея портретов была задумана Павлом Михайловичем Третьяковым, и выбранные для нее персонажи, по выражению И.Е. Репина, «за немногими исключениями представляют лиц, дорогих нации, ее лучших сынов, принесших положительную пользу своей бескорыстной деятельностью, на пользу и процветание родной земли, веривших в ее лучшее будущее и боровшихся за эту идею» [9, с. 48]. Можно упомянуть знаменитый портрет Ф.М. Достоевского работы В.Г. Перова; портреты Г.И. Успенского, И.А. Гончарова, актрисы П.А. Стрепетовой работы Н.А. Ярошенко; портрет хирурга Н.И. Пирогова, написанный И.Е. Репиным; целую серию портретов кисти И.Н. Крамского: Л.Н. Толстой, А.С. Суворин, П.М. Третьяков, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин. Тип, размер, нейтральность фона заранее оговаривались, и «постепенно сложились формальные требования, ставшие своего рода негласным руководством для художников» [7, с. 122]. Эти портреты, в большинстве своем написанные на нейтральном фоне, предельно строги и лаконичны, цветовая гамма сводится к нескольким темным тонам. Одежда лишена орденов, медалей, вообще всякой официальности. Ничто не должно было отвлекать зрителя от лица изображенного, его прямого диалога со зрителем, его богатого внутреннего мира, устремленного ко «всеобщему благу» (см. об этом: [8]).

Иллюстрация 1 — И.Н. Крамской. Портрет Марии Федоровны, 1881.
Х., м. 109 х 74. Государственный Эрмитаж[1]
Figure 1 — I.N. Kramskoy.Portrait of Maria Feodorovna, 1881.
Oil on Canvas, 109 x 74.State Hermitage

Одновременно создавались многочисленные заказные парадные портреты членов императорской семьи. Преимущественно такие портреты были приурочены к событиям венчания или коронации, т. е. к моменту смены социального статуса портретируемого. Так, известно множество парадных изображений императрицы Марии Федоровны, супруги императора Александра III, написанных русскими художниками конца XIX — начала XX вв.: Василием Павловичем Худояровым, братьями Маковскими, Владимиром и Константином, Иваном Николаевичем Крамским (иллюстрация 1). Это официальные, торжественные портреты, где императрица предстает в парадных нарядах, богатых украшениях, орденских лентах и знаках отличия. По традиции, при вступлении на престол новая императрица получала замечательной красоты набор ювелирных украшений, так называемую парюру, в состав которой обязательно входила диадема.

[1] (Далее ГЭ. — *С.И.*)

Иллюстрация 2 — К.Е. Маковский. Портрет Марии Федоровны,XIX в. Х., м. 88,8 х 72,5. Иркутский художественный музей им. В.П. Сукачева
Figure 2 —K.E. Makovsky. Portrait of Maria Feodorovna, 19th Century. Oil on Canvas, 88,8 x 72,5. Irkutsk Art Museum named after V.P. Sukachev

Известна, например, сапфировая парюра, украшающая императрицу на портрете кисти Константина Егоровича Маковского (иллюстрация 2). Но самой известной была жемчужно-бриллиантовая парюра — изготовленная для Марии Федоровны в 1880 г., в преддверии ее коронации. Во многих из упомянутых портретов она неизменно присутствует, покрывая плечи, шею и голову высочайшей особы. Именно так она изображена и на знаменитом фотопортрете Шарля Жакотена 1881 г. (иллюстрация 3), черты которого просматриваются в целом ряде живописных изображений императрицы, в том числе и в работах Ивана Николаевича Крамского, считавшихся лучшими ее изображениями.

Иллюстрация 3 —Шарль Жакотен. Фотография Марии Федоровны. 1881
Figure 3 —Charles Jacotin.Photo by Empress Maria Feodorovna. 1881

Однако совсем по-иному изображает ее Николай Андреевич Кошелев. Вместо отвлеченного образа царственной небожительницы, блистающей жемчугами и бриллиантами, он создает образ простой женщины, своей современницы (иллюстрация 4). Портрет этот сейчас находится в Саранске, в Мордовском республиканском музее изобразительных искусств им. С.Д. Эрьзи, куда поступил в 1960 г. из Дирекции художественного фонда и проектирования памятников [10, с. 39].

Иллюстрация 4 — Н.А. Кошелев. Портрет императрицы Марии Федоровны, нач. 1880-х.
Х., м. 85,5 х 68. Мордовский республиканский музей изобразительных искусств им. С.Д. Эрьзи
Figure 4 —N.A. Koshelev. Portrait of Empress Maria Feodorovna,Early 1880s.
Oil on Canvas, 85,5 x 68.Erzya Mordovian Republican Museum Fine Art

До этого портрет находился в собрании известного коллекционера Юлия Владимировича Невзорова (1913–2010), подарившего многим музеям картины из своей коллекции. По свидетельству зав. сектором учета Мордовского республиканского музея Екатерины Сергеевны Игошиной, личность изображенной изначально была неизвестна — по всем документам поступления произведение зафиксировано просто как «Женский портрет»[2]. Также по данным сотрудников музея, в 1986 г. было обраще-

[2] Из письма зав. сектором учета Мордовского республиканского музея изобразительных искусств им. С.Д. Эрьзи Екатерины Сергеевны Игошиной от 25.03.2025 (личный архив автора)

ние в Государственный Русский музей с просьбой об атрибуции портрета. Личность изображенной определил сотрудник ГРМ, заведующий сектором исторических и биографических исследований, Борис Анатольевич Косолапов, как это указано в музейном каталоге [10, с. 39].

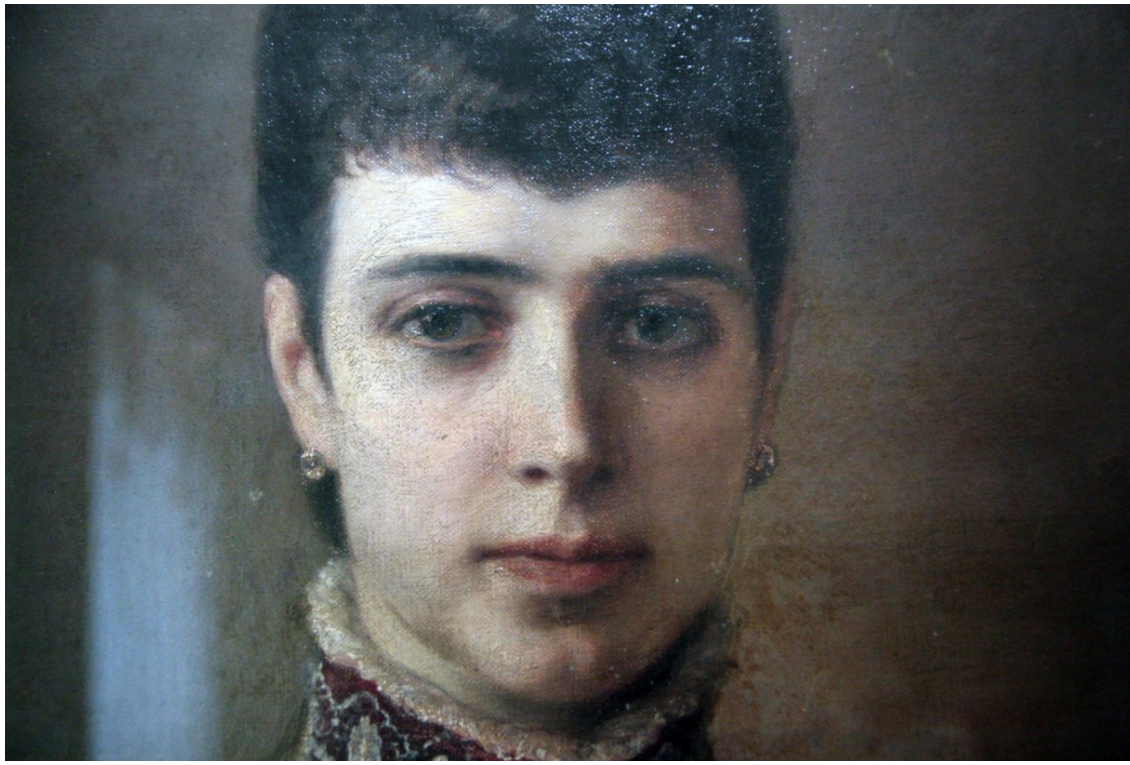

Иллюстрация 5 — Н.А. Кошелев. Портрет императрицы Марии Федоровны, нач. 1880-х.
Фрагмент. Фото Михайловой С.И., 2015
Figure 5 — N.A. Koshelev. Portrait of Empress Maria Feodorovna,Early 1880s. Fragment.
PhotoS.I. Mikhaylova, 2015

Картина решена в теплых мягких тонах. Образ предельно лаконичен — строгое, темно-красного бархата платье, высокий глухой ворот, убранные волосы, никаких украшений, кроме небольшой жемчужной броши, утонувшей в нежных кружевах (иллюстрация 5). Но строгость эта смягчается фактурой материала бархатного платья и «рыхлостью» фона. Написанный небрежными серо-коричневыми мазками, фон постепенно высветляется вокруг фигуры Марии Федоровны, как бы освещающей мягким, теплым светом всю эту клубящуюся массу. Свет, падающий слева, освещая половину лица Марии Федоровны и светлые кружева на платье, позволяет выразительно моделировать черты лица — линию носа, темных бровей. Образ получился нежный, хрупкий, юный, но, в то же время, не лишенный строгости, твердости, значительности. Интересный эффект касается взгляда: глаза на портрете смотрят вперед, однако взгляд изображенной не устремлен на зрителя, он неуловимо ускользает, не давая возможности заглянуть ей в глаза. Модель как бы смотрит на нас, но не видит, она погружена в свои думы, заботы. Зрителю остается только тихо стоять перед портретом, постепенно постигая глубины ее внутреннего мира.

Иллюстрация 6 — Н.А. Кошелев. Портрет императрицы Марии Александровны. Х., м. 87 х 70. Курская государственная картинная галерея им. А.А. Дейнеки
Figure 6 — N.A. Koshelev. Portrait of Empress MariaAlexandrovna. Oil on Canvas, 87 x 70. Deineka Kursk State Art Gallery

Здесь будет уместно упомянуть еще один портрет кисти Н.А. Кошелева, который в настоящее время находится в собрании Курской государственной картинной галереи имени А.А. Дейнеки. Это портрет императрицы Марии Александровны, жены Александра II и, соответственно, свекрови Марии Федоровны (иллюстрация 6). Эти два портрета очень схожи по стилистике и формальным признакам: оба имеют форму овала, и даже их размеры практически совпадают. И, конечно, взгляд — Мария Александровна даже немного разворачивается в сторону, не глядя на зрителя, а полностью погружаясь в свои мысли. Вполне логично высказать предположение, что эти портреты написаны приблизительно в одно и то же время. Относительно датировки портрета Марии Александровны музей не располагает какими-либо данными. Однако уже упоминался факт, что при написании портретов высокопоставленных особ художники пользовались услугами фотографии, чтобы не занимать много времени для утомительного позирования.

Иллюстрация 7 — С.Л. Левицкий. Фото Марии Александровны, конец 1870-х
Figure 7 —S.L. Levitsky. Photo by Maria Alexandrovna, Late 1870s

Известен очень неплохой фотопортрет Марии Александровны, выполненный фотографом Их Императорских Величеств Сергеем Львовичем Левицким в конце 1870 гг. (иллюстрация 7), который, возможно, и был взят за основу при написании живописного портрета (известны, например, также портреты художников И.П. Келера и В.Ф. Тимма, выполненные по этому же фото. Правда, Келер польстил императрице, сделав ее более моложавой).

Иллюстрация 8 — И.А. Тюрин. Портрет императрицы Марии Александровны, 1880. Х., м. 132 х 102. ГЭ
Figure 8 —I.A. Tyurin. Portrait of Empress Maria Alexandrovna, 1880. OilonCanvas, 132 x 102. StateHermitage

Таким образом, датировка портрета Кошелева может относиться к этому же времени. А реальность и естественность при передаче черт лица Марии Александровны могут говорить о том, что были и непосредственные сеансы позирования художнику — в портрете нет ни следа неестественной застылости, как это бывает при работе исключительно по фото. Художник не скрывает возраста модели, ее скорбно поджатых губ, выдающих и горечь семейных неурядиц, и тяжесть смертельного заболевания. Столь же правдивый портрет императрицы возникает на картине художника Ивана Алексеевича Тюрина, где она изображена в интерьере, как бы еще более отстраненной от зрителя (иллюстрация 8). Кошелев же убирает все лишнее, намеренно приближая лицо Марии Александровны и вглядываясь в черты пожилой, тяжело больной, но духовно не сломленной женщины. Таким образом, подобные сеансы позирования могли происходить в самом конце ее жизни, вплоть до начала 1880 г. Возможно, к этому же году можно отнести и портрет Марии Федоровны, который по музейным документам датируется более широко — началом 1880-х гг.

В это время у 33-летней цесаревны было уже четверо детей (пятый, Александр, скончался в 1870 г., не дожив до года). Это было время тяжелых испытаний для нее. В мае 1880 г. скончалась ее нежно обожаемая свекровь, императрица Мария Александровна, и уже через несколько недель после ее кончины Александр II женился на княжне Долгорукой, имевшей от него к тому времени троих детей. Это было тяжелым моральным

ударом для семьи императора, его сына Александра Александровича и Марии Федоровны. Спустя несколько лет Александр Александрович писал об этом времени жене: «Ангел-хранитель улетел, и все пошло кругом…» [2, с. 42]. Кроме того, государь настаивал на дружбе и тесном общении незаконнорожденных детей своей новой супруги и детей Марии Федоровны. Мария Федоровна очень страдала — для нее такая дружба была совершенно невозможна! И она находила в себе решимость противостоять в этом императору: «…я поднялась, как настоящая львица, защищающая своих детенышей», — делилась она в письме с матерью (цит. по: [1, с. 73]).

Но, несмотря на свои личные переживания, цесаревна находила силы и время заниматься благотворительностью. С первых лет жизни в России она посещала учебные заведения, воспитательные дома, приюты. Мария Федоровна попечительствовала женскому Патриотическому обществу, Обществу спасения на водах, Обществу покровительства животным и др. Под ее руководством направлялись посылки, содержащие необходимые вещи, медикаменты и продукты питания для солдат, находящихся на фронте. Много сил отдала она работе в Российском обществе Красного Креста [2, с. 6], одной из основательниц и первой покровительницей которого была императрица Мария Александровна, вслед за которой она также возглавила Ведомство учреждений императрицы Марии, основанное еще супругой Павла I. И в этом смысле свекровь являла для Марии Федоровны высокий пример общественного служения, широкой благотворительной деятельности и при этом необыкновенной скромности и простоты в общении. Но не только в этом — в первые же годы пребывания в России юная гессенская принцесса решила принять Православие: «Священное миропомазание Принцессы с наречением ее титулом и именем Великая Княжна Мария Александровна совершит Митрополит Филарет (Дроздов) 17 декабря 1840 г.»[3]. А вот как отзывалась о Марии Александровне великая княгиня Ольга Николаевна: «Мари оправдала все надежды, которые возлагал на нее папа [Николай I], главным образом потому, что никогда не уклонялась ни от каких трудностей и свои личные интересы ставила после интересов страны»[4].

После ее смерти Александр Александрович писал Марии Федоровне: «Если бы зашла речь о канонизации моей матери, я был бы счастлив, потому что знаю, что она была святая» [1, с. 70–71]. Как бы то ни было, но на Святой Земле, в Гефсимании, в память любимой матери и щедрой благотворительницы была возведена одна из самых красивых церквей в Палестине — церковь св. Марии Магдалины. Известно, что идею строительства этой церкви подал великим князьям Сергию Александровичу и Павлу Александровичу тогдашний начальник Русской Духовной миссии в Иерусалиме, архимандрит Антонин (Капустин). Вот что писал по этому поводу доктор исторических наук Николай Николаевич Лисовой:

> К покойной императрице о. Антонин питал чувства глубочайшего уважения и преданности, восхищаясь ее характером и христианским достоинством… Ее пожертвования были существенной подмогой в деятельности о. Антонина в Святой Земле. До последних дней своей жизни она заботилась о нуждах Духовной Миссии. <…> К ней возвращались его мысли при встрече с великими князьями. Нет сомнения, что, подсказав им идею строительства церкви в память об усопшей императрице, о. Антонин исполнил свой нравственный и религиозный долг пред нею [6, с. 12].

[3] Материалы выставки «Императрица Мария Александровна. Империя. Династия. Семья. К 200-летию со дня рождения». 3 ноября 2024 — 10 марта 2025. Михайловский замок (ГРМ, Санкт-Петербург) (личный архив автора)

[4] Там же

Таким образом, у цесаревны всегда перед глазами был пример общественного служения ее дорогой свекрови. Как писала в своей книге о Марии Федоровне Ю.В. Кудрина, ее общественная работа была отмечена императором: 24 апреля 1878 г. указом Александра II Мария Федоровна была награждена знаком отличия Красного Креста I степени за попечительство о раненых и больных воинах [2, с. 23]. Также на протяжении многих лет Мария Федоровна являлась шефом ряда армейских полков, в том числе Кавалергардского и Кирасирского [2, с. 7].

По ее инициативе возникали женские училища, открывались инфекционные больницы, в монастыри и приюты ею жертвовались значительные суммы денег. Она попечительствовала, в частности, женскому Иоанно-Предтеческому монастырю в Томске. В нем работала общеобразовательная школа, золотошвейная и золототкацкая мастерские, а также приют трудолюбия, в котором 55 безродных девочек бесплатно проживали и получали трудовую профессию. Томский женский монастырь стараниями Марии Федоровны стал самым богатым женским монастырем Сибири [2, с. 29]. Датская принцесса, приехав в Россию, приняв Православие, став супругой наследника царского престола, видела свое предназначение в служении своей новой родине.

Здесь уместно привести следующую цитату:

> Отвечая на вопросы анкеты во время первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 году, в графе «занятие, ремесло, промысел, должность или служба» императрица Мария Федоровна дала ответ: «Управление Ведомством Императрицы Марии». Этим ответом вдовствующая царица обозначила свою роль — общественное служение в сфере помощи бедным и страдающим [4].

Также Юлия Кудрина в своей книге приводит ряд документов, в том числе выдержки из ученических тетрадей Марии Федоровны 1864–66 гг., когда она изучала русский язык. Вот какие фразы были ею выбраны и записаны при освоении русского языка: «самый великий герой должен быть и самый благородный человек», «долг каждого человека любить других людей», «не всегда думайте о себе, думайте чаще и о других» [2, с. 15].

Именно такая Мария Федоровна предстает на портрете кисти Николая Андреевича Кошелева — страдающая, но и сострадательная, милая, нежная, хрупкая, но и твердая, решительная, умеющая настоять на своем. Как было отмечено в каталоге Мордовского музея: «Задушевностью и простотой веет от портрета “Императрица Мария Федоровна” <…>. Перед нами не холодная надменная красавица, а интеллигентная просвещенная женщина» [3, с. 37–38].

Третьяков никогда не заказывал Кошелеву портретов людей, дорогих нации, и тем более в этом списке не подразумевались императорские особы. Татьяна Львовна Карпова отмечала, говоря об отношении Третьякова к своей галерее: «Он старался не включать в нее императоров, военачальников, других официальных лиц» [5, с. 22]. Но портреты Марии Федоровны и Марии Александровны кисти Николая Андреевича Кошелева достойно продолжают ряд изображений знаменитых современников, выдающихся личностей, запечатленных русскими художниками конца XIX в. для нашей истории.

Список литературы

Исследования

1 *Кудрина Ю.В.* Александр III и Мария Федоровна. Император и императрица на службе России. М.: Русское слово, 2022. 493, [2] с.: ил.

2 *Кудрина Ю.В.* Императрица Мария Федоровна (1847–1928 гг.). Дневники. Письма. Воспоминания. М.: Олма-Пресс. 2000. 317, [1] с., ил.

3 Мордовский республиканский музей изобразительных искусств им. С.Д. Эрьзи: Путеводитель / сост. М.И. Сурина, худож. А. Пепелов. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2001. 120 с.

4 *Плаксина М.Г.* Милосердное служение дома Романовых // Официальный сайт «Общество Православных Врачей Республики Карелия». URL: http://opvrk.ru/?page_id=3240 (дата обращения: 23.03.2025)

5 Портретная галерея «лиц, дорогих нации» П.М. Третьякова / авт.-сост. и авт. вступ. ст. Т.Л. Карпова. 2-е изд., с изм. М.: Изд-во Гос. Третьяковской галереи, 2024. 326 с.: ил., портр.

6 Строительство Церкви Святой Марии Магдалины на Елеонской горе в Иерусалиме в фотографиях из альбома Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. 1885–1888 / [сост. К.А. Вах, Г.И. Вздорнов, Н.Н. Лисовой]. М.: Индрик, 2006. 126, [1] с.: ил., портр.

7 *Юденкова Т.В.* Братья Павел Михайлович и Сергей Михайлович Третьяковы: мировоззренческие аспекты коллекционирования во второй половине XIX века. М.: БуксМАрт, 2015. 528 с.

8 *Юденкова Т.В.* П.М. Третьяков и его портретная галерея // Журнал Третьяковская галерея. 2012. № 3. URL: https://www.tg-m.ru/articles/3-2012-36/tretyakov-ego-portretnaya-galereya (дата обращения: 01.03.2025)

Источники

9 Письма И.Е. Репина [Текст]; Переписка с П.М. Третьяковым. 1873–1898 / письма подгот. к печати и прим. к ним составлены сотрудниками Гос. Третьяковск. галереи М.Н. Григорьевой и А.Н. Щекотовой; [предисл. А. Замошкина]. М.; Л.: Искусство, 1946 (М.: Тип. «Красный Печатник»). 226 с., 6 л. портр.

10 Русское искусство XVIII — начала XX века: живопись, икона, культовая деревянная скульптура, графика, скульптура: каталог. Саранск: [б. и.], 2009. Т. 1 / [редколлегия: Л.Н. Нарбекова и др.; авт.-сост.: Т.В. Елисеева, Е.А. Вишнякова]. 224 с.

***

© 2025. Svetlana I. Mikhaylova
Moscow, Russia

IMAGE OF THE RUSSIAN EMPRESS IN PORTRAITS BY THE ARTIST NIKOLAI A. KOSHELEV

Abstract: The gallery of "portraits of persons dear to the nation" in the collection of the Tretyakov Gallery is widely known. This gallery was conceived by Pavel M. Tretyakov, who since the late 1860s began to purposefully order portraits of famous figures of Russian culture and science to artists. One of the requirements was — no officialdom, no orders and medals, everything should be extremely simple and concise so that nothing distracts the viewer from direct dialogue with the depicted. At the same time, Tretyakov refused to include in this gallery representatives of the imperial family and officials in general. The imperial family, as a rule, was depicted in ceremonial portraits commissioned on special occasions. So, a number of official solemn portraits of Empress Maria Fedorovna, wife of Emperor Alexander III, are known. She appears on them in expensive outfits and luxurious jewelry. Portraits of that kind by Ivan N. Kramskoy, Konstantin E. and Vladimir E. Makovsky, Vasily P. Khudoyarov are available. However, Maria Fedorovna is presented in a completely different way in a portrait by Nikolai A. Koshelev from the collection of the S.D. Erzya Mordovian Republican Museum of Fine art. The image is extremely strict and laconic, while all the attention of the viewer focuses on the inner world of the heroine. The artist expressed his attitude to the empress as a philanthropist and trustee of women's education and various charitable societies, who devoted a lot of energy to work in the Russian Red Cross Society; thanks to her concern parcels for soldiers with everything they needed were collected and sent to the front. She also headed the Department of Institutions of Empress Maria — by doing this, she was a worthy continuer of the activities of her mother-in-law, the wife of Emperor Alexander II, Maria Alexandrovna, who, regardless of the blows of fate, with a serious fatal illness, devoted herself entirely to serving the good of Russia. The portrait of Maria Alexandrovna, also painted by Koshelev, adorns the collection of the A.A. Deineka Kursk State Art Gallery. The present paper analyzes these portraits and suggests a possible time for creating a portrait of Maria Alexandrovna. Both portraits, in essence, can also be attributed to "portraits of persons dear to the nation," as well as portraits from the gallery of P.M. Tretyakov.

Keywords: Empress Maria Feodorovna, Portrait, Nikolai A. Koshelev, Gallery P.M. Tretyakov, Empress Maria Alexandrovna, Charity.

Information about the author: Svetlana I. Mikhaylova — Senior Lecturer, Institute of Slavic Culture, A.N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Khibinsky Pass., 6, 129337 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2499-3743
E-mail: na.svet@mail.ru

Received: March 21, 2025
Approved after reviewing: September 15, 2025
Dateofpublication: September 25, 2025

For citation: Mikhaylova, S.I. "Image of the Russian Empress in Portraits by the artist Nikolai A. Koshelev." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 323–337. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-323-337

References

1 Kudrina, Iu.V. *Aleksandr III i Mariia Fedorovna. Imperator iimperatritsanasluzhbeRossii* [*Alexander III and Maria Fedorovna. Emperor and Empress in the Service of Russia*]. Moscow, RusskoeslovoPubl., 2022. 493, [2] p., il.(In Russ.)

2 Kudrina, Iu.V. *Imperatritsa Mariia Fedorovna (1847–1928 gg.). Dnevniki. Pis'ma. Vospominaniia* [*Empress Maria Feodorovna (1847–1928). Diaries. Letters. Memories*]. Moscow, Olma-Press Publ., 2000. 317, [1] p., il.(In Russ.)

3 Surina, M.I., compiler*Mordovskiirespublikanskiimuzeiizobrazitel'nykhiskusstvim. S.D. Er'zi: Putevoditel'* [*S.D. ErzyaMordovian Republican Museum of Fine Arts: Guide*], artist A. Pepelov. Saransk, Printing House "KrasnyiOktiabr'" Publ., 2001. 120 p. (In Russ.)

4 Plaksina, M.G. "MiloserdnoesluzheniedomaRomanovykh" ["Merciful service of the Romanov dynasty"]. *ObshchestvoPravoslavnykhVracheiRespublikiKareliia. Ofitsial`nyisait*[*Society of Orthodox Doctors of the Republic of Karelia. Official Website*]. Available at: http://opvrk.ru/?page_id=3240 (Accessed 23 March 2025). (In Russ.)

5 Karpova, T.L., author-compiler*Portretnaiagalereia "lits, dorogikhnatsii" P.M. Tret'iakova* [*Portrait Gallery of "Persons dear to the Nation" by P.M. Tretyakov*], author of the introd. by T.L. Karpova, 2nd ed., *rev. and edd*. Moscow, The State Tretyakov Gallery Publ., 2024. 326 p.: il., portr. (In Russ.)

6 Vakh, K.A., Vzdornov, G.I., Lisovoi, N.N., compilers*Stroitel'stvoTserkviSviatoi Marii MagdalinynaEleonskoi gore v Ierusalime v fotografiiakhizal'bomaRusskoiDukhovnoiMissii v Ierusalime. 1885–1888* [*Construction of the Church of St. Mary Magdalene on the Mount of Olives in Jerusalem in Photos from the Album of the Russian Spiritual Mission in Jerusalem. 1885–1888*]. Moscow, Indrik Publ., 2006. 126, [1] p., il., portr. (In Russ.)

7 Iudenkova, T.V. *Brat'ia Pavel Mikhailovich i Sergei Mikhailovich Tret'iakovy: mirovozzrencheskieaspektykollektsionirovaniiavovtoroipolovine XIX veka* [*Brothers Pavel Mikhailovich and Sergey Mikhailovich Tretyakov: Worldview Aspects of Collecting in the Second Half of the 19th Century*]. Moscow, BuksMArt Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)

8 Iudenkova, T.V. "P.M. Tret'iakov i ego portretnaiagalereia" ["P.M. Tretyakov and his Portrait Gallery"]. *Tret'iakovskaiagalereia*. No. 3, 2012. Available at: https://www.tg-m.ru/articles/3-2012-36/tretyakov-ego-portretnaya-galereya (Accessed 01 March 2025). (In Russ.)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-338-350
УДК 31/7.049.1
ББК 6/8
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Э.Г. Швец
г. Москва, Россия

© 2025 г. М.Г. Котовская
г. Москва, Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕМЫ РЕВОЛЮЦИИ 1905 Г. В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ (ПОСВЯЩАЕТСЯ 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ НАЧАЛА ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)

Аннотация: Отечественное изобразительное искусство в свое время активно и политически определенно проиллюстрировало работами художников события революции 1905 г. Художники не просто стремились визуально зафиксировать революционные события средствами изобразительного искусства, но и передать свое отношение к ним, осмыслить их значение для будущего страны. Революция 1905 г. стала одним из важных событий начала XX в. в истории Российской империи. Она оказала огромное влияние на политическую, социальную и культурную жизнь страны. Представители искусства не могли остаться в стороне от этих событий и активно создавали произведения искусства, посвященные революционным настроениям народных масс. В статье рассмотрено, как тема революции 1905 г. прозвучала и отобразилась в произведениях отечественного изобразительного искусства. В очерковой статье названы и проанализированы работы известных художников, таких как В.А. Серов, Б.М. Кустодиев, К.А. Сомов, И. Бродский, **Н. Касаткин** и другие. Предпринята попытка разобраться, какие идеи, эмоции и настроения художники стремились передать зрителям с помощью своих картин. В истории художественной жизни России 1905–1907 гг. — совершенно особая, хоть и небольшая глава. С самого начала 1905 г., точнее говоря сразу же после событий «Кровавого воскресения» художественная жизнь в Петербурге и в Москве показывает множество примеров действий и поступков, которые определялись стремлением деятелей культуры открыто заявить о своей позиции в разгоревшейся революционной борьбе.

Ключевые слова: Изобразительное искусство, революция, плакат, картина, скульптура, художник, социальные идеи, политические требования, историческая роль.

Информация об авторах:
Элина Григорьевна Швец — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории искусства Российского государственного гуманитарного университета, Миусская пл., д. 6., стр. 6, 125047 г. Москва, Россия.

ORCID ID: http://orcid.org/0000-0003-1821-0586
E-mail: elina_shvets@mail.ru
Мария Григорьевна Котовская — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и этнографии Российской академии наук, профессор, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), ул. Садовническая, д. 52/45, 115035 г. Москва, Россия.
ORCID ID: http://orcid.org/0000-0003-1056-3432
E-mail: kotovskaya53@gmail.com
Дата поступления статьи: 26.03.2025
Дата одобрения рецензентами: 29.07.2025
Дата публикации: 25.09.2025
Для цитирования: *Швец Э.Г., Котовская М.Г.* Репрезентация темы Революции 1905 г. в отечественном изобразительном искусстве (посвящается 120-летию со дня начала Первой русской революции) // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 338–350. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-338-350

Революция 1905 г. стала значимым событием начала XX в. в России. События 1905–1907 гг., известные как Первая русская революция, были периодом массовых протестов и вооруженных столкновений в Российской империи нового XX в. Страна переживала глубокие социальные потрясения, которые впервые широко освещались в СМИ.

В истории художественной жизни России 1905–1907 гг. — совершенно особая, хоть и небольшая глава, проиллюстрированная произведениями изобразительного искусства. Тема революции 1905 г. в отечественном изобразительном искусстве занимает достаточно скромное место, история следующего десятилетия своим масштабом и сломом всей системы жизнеустройства в стране превзошла события 1905–1907 гг. Тем не менее, события 1905–1907 гг. и отклик на них в обществе оказали огромное влияние на политическую, социальную и культурную жизнь страны. Многие демократически настроенные художники, стремились не только запечатлеть современные им события, но и выразить в творческих работах свое отношение к происходящему, а также осмыслить значение этих событий для будущего России, поэтому стали создавать произведения, посвященные революционной активности народных масс.

В представленной очерковой статье рассмотрено, как тема революции 1905 г. была отображена в произведениях отечественного изобразительного искусства. Привлечены актуальные исследования и публикации последних лет. Проанализированы в формально-стилистическом ключе работы известных художников: В. Серова, Б. Кустодиева, К. Сомова, И. Бродского, **Н. Касаткина** и др. Предпринята попытка понять, какие идеи и чувства художники транслировали своим зрителям-современникам и как сегодня переосмысляются актуальные мотивы изобразительного искусства того времени. Представлены выводы о том, как революционные события повлияли на выбор тематики произведений отечественного изобразительного искусства и какие новые тенденции коммуникации художников со зрителями появились.

В специальной литературе трудов, освещающих и критически анализирующих работы художников, о революционных событиях 1905–1907 гг. совсем немного. В общем издании 1980 гг. о русском искусстве XX в. часть второго тома посвящена перечню имен художников, аннотациям наиболее известных произведений изобразительного искусства о событиях Первой русской революции [3]. В альбоме «Русская

жанровая живопись XIX–начала XX века» часть иллюстративного ряда посвящена событиям революции 1905–1907 гг. [6]. В исследовании Шлеева В.В. «Революция и изобразительное искусство» представлен обзорный материал о художественной жизни времени первой русской революции [8]. Последний автор пишет об отклике художественной интеллигенции на современные ей события на материале нескольких произведений изобразительного искусства. В исследовании Смирнова С.В. «Легальная печать в годы первой русской революции» [7] рассмотрена графика, посвященная революционным событиям.

Если говорить о художниках, чьи имена связаны с определенной позицией, яркими выступлениями и знаковыми произведениями, закономерно обращение к монографиям. В.А. Серову посвящено несколько монографических изданий. Одно из них — исследование Александра Ивановича Кудри «Валентин Серов» [4]. Электронный источник, задействованный в нашей очерковой статье, представляет художников, откликнувшихся на революционные события в русской провинции [9]. Безусловно, заслуживает внимания статья *Л.Г. Березовой* 2016 г. «Живописное искусство и революция 1905–1907 гг.» [*1*]. Автор в XXI в. анализирует события более чем столетней давности и объективно представляет живописное наследие художников, рассказывающее о событиях революции 1905–1907 гг. О частичном совпадении политических взглядов либеральной интеллигенции и некоторых художников пишет в своей статье **«Художественная интеллигенция и партия конституционалистов-демократов в 1905–1907 годах» А. Зябликов [**2**].**

С самого начала 1905 г., точнее говоря, сразу же после событий «Кровавого воскресенья», художественная жизнь в Петербурге и в Москве показывает множество примеров действий и поступков, которые определялись стремлением деятелей культуры открыто заявить о своем месте в разгоревшейся революционной борьбе [5]. Среди очевидцев трагических событий, произошедших 9 января 1905 г. в Петербурге, был Валентин Серов (он увидел из окон Академии художеств расстрел мирной демонстрации) [4, с. 306]. Василий Поленов и Валентин Серов направили в Академию художеств письмо-протест за своими двумя подписями. Документу этому не было дано никакого хода. В марте В. Серов вышел из состава Академии.

Протестующий голос Серова не был одиноким. Из Петербурга пришло известие, что студенты Академии художеств после событий 9 января отказались посещать классы и постановили не возобновлять занятий до сентября [4, с. 308].

Беспокойно было и студенчество Петербургской консерватории и других учебных заведений. «Напряжение в обществе нарастало. В том же 1905 г. появляется «Заявление от Русских художников», оно было опубликовано в газете «Право». Его подписали В. Серов, И. Грабарь, К. Юон и еще более 30 художников [4, с. 308].

Подобные выступления творческой интеллигенции происходили на фоне растущего студенческого движения, в котором заметное место заняла молодежь, обучающаяся в Академии художеств и в Московском Училище живописи, ваяния и зодчества. Хроника общественной жизни этих лет знает еще немало случаев прямого участия деятелей искусства в революционных событиях. Например, мы читаем у В. Шлеева о том, что

> В 1905–1907 гг. отношение художественной интеллигенции к партии народной свободы и оставалось двойственным. Европеизм кадетов настораживал, но и притягивал, так как выглядел достаточно экзотично в стране с недавним самодержавно-крепостническим прошлым. Свой голос за конституционных демократов во время первой избирательной кампании отдал И.Е. Репин [8, с. 39].

Здесь нужно вспомнить пример мужественного и радикального поведения скульптора А. Голубкиной. Анна Семеновна занималась распространением подпольных большевистских прокламаций. За это она была приговорена судом к заточению в тюремную крепость. Естественным для нее выражением революционных убеждений стало творчество той поры, в частности выполненный ею в 1905 г. по заказу МК РСДРП первый в России бюст Карла Маркса [3, с. 136].

Русский скульптор С. Коненков возглавил одну из боевых дружин, сражавшихся в дни Декабрьского восстания в Москве с карательными отрядами. Так же как и А. Голубкина, Сергей Тимофеевич выразил свое отношение к событиям в ряде произведений тех лет [3, с. 136].

Среди многих творческих исканий означенного периода громче всего в искусстве прозвучала тема, имевшая определенную, осознанную социально-политическую окраску освободительного движения.

> Проблема общественно-политического выбора художественной интеллигенции в 1905–1907 гг. могла быть решена и решалась двумя путями: «просеиванием» сквозь еще более мелкое партийное сито и резкой партийной дифференциацией литературно-художественных периодических изданий с последующим «бессмысленным самопоеданием» или — преодолением направленства на путях утверждения общенациональных, нравственных идеалов [2, с. 12].

Один за другим возникают сатирические журналы, многие из которых дали настоящие образцы боевой изобразительной «публицистики». Это журналы «Жупел», «Адская Почта», «Жало», «Пулемет» и некоторые другие издания [3, с. 100]. В журналах появляются в виде графических листов, обвинения существующей власти и лично царя в тирании и всех бедах России. Одним из интересных примеров такой зашифрованной и остроумной по смыслу карикатуры на Николая II в журнале «Жупел» стала гравюра художника И. Билибина «Осел В $^{1/}_{20}$ натуральной величины», где в середине пышной рамы, украшенной грифонами герба дома Романовых, вместо подразумевающегося портрета императора, помещено изображение осла [3, с. 105]. Намек на императора был настолько прозрачен, что без труда однозначно и прямолинейно понимался современниками.

У художников, занимающихся графикой, самым тиражным и демократическим видом изобразительного искусства, в то время было желание непосредственно запечатлеть революционную действительность. Число графических произведений, основанных на конкретном изображении событий и часто тяготеющих к документализму, социально острому репортажу, возрастает к октябрю-декабрю 1905 г., т. е. к периоду наивысшего подъема революции.

В пропагандистских целях была использована пастель В. Серова «Солдатушки, бравы ребятушки! Где ж ваша слава?» Журнал «Жупел» № 1, 1905 г. [3, с. 100]. На листе, выполненном в технике пастели, изображен разгон демонстрантов отрядами казаков. Композиция рассчитана так, что взгляд зрителя упирается в грязно-желтую стену дома и в стоящую сплошной темной массой взволнованную толпу. Внизу, срезанные краем рисунка, видны фигуры скачущих казаков, словно врывающихся в это тесное пространство. Красные пятна околышей и погон своим тревожным мельканием усиливают остроту зрительного восприятия (иллюстрация 1).

**Иллюстрация 1 — В.А. Серов. «Солдатушки, бравы ребятушки…».
Санкт-Петербург. 1905. Бумага, офсетная печать цветная. 10,5 х 15,0 см.
Государственный Русский музей, Россия. Санкт-Петербург
Figure 1 — Valentin Serov. “Soldiers, Brave Lads…”.
St. Petersburg. 1905. Paper, Color Offset Printing. 10,5 x 15,0 cm.
State Russian Museum, Russia. Saint-Petersburg**

Конкретная сцена представлена и как жизненная реальность, и как поэтическая метафора в рисунке «Октябрьская идиллия» М. Добужинского — автора многих значительных произведений сатирической графики тех лет [3, с. 101]. На графическом листе изображен характерный для творчества этого художника мотив пустынного города. Художник вводит лишь несколько важных смысловых акцентов: огромное пятно крови на стене дома и тротуаре, потерянные на мостовой очки, галоша и кукла. На стене — плакат с текстом манифеста 17 октября, поверх которого наклеен Треповский приказ — «патронов не жалеть!» Этого вполне достаточно, чтобы смысл рисунка стал совершенно ясен — здесь только что произошло преднамеренное и жестокое кровопролитие. Художник заставляет детали картины комментировать события. Своими работами он выразил не столько активный протест, сколько скорбь и горькую иронию человека, переживающего действительность, продолжил М. Добужинский в своей работе «Человек в очках» 1905–1906 гг. [3, с. 101]. Это образ интеллигента, живущего в большом городе. За блестящими стеклами очков не видно глаз; такой изобретательный прием использован художником, чтобы показать, что нет у человека возможности осознать всю глубину событий и разглядеть в них каждого, отдельного человека.

В газетах и журналах тех лет работали: Е. Лансере, Д. Кардовский, М. Чемоданов, И. Грабовский и многие другие [3, с. 98–111].

Живописные произведения, посвященные революции 1905–1907 гг., были исполнены в традиции предыдущего периода, они повторяли искренний гражданский пафос реалистических работ В. Маковского, И. Репина, И. Крамского, Н. Касаткина, В.Г. Перова. И. Репин воздержался и непосредственно не изображал события революции 1905 г., но его творческое осмысление темы народной освободительной идеи оказало большое влияние на формирование общественного сознания и подготовку почвы для восприятия революционных идей художниками. Цикл произведений И. Репина предыдущих десятилетий о народовольцах вдохновлял многих современников и способствовал развитию критического мышления и социальной активности творческих деятелей России. И. Репин не создал протестных картин, непосредственно посвященных революции 1905 г., но часть его творчества была тематически тесно связана с духом времени и социальными проблемами, которые привели к революционным событиям первого десятилетия XX в. В творческом наследии И. Репина есть картина, посвященная известию об издании Манифеста 17 октября 1905 г. Сценография картины отражает атмосферу того времени и реакцию общества на издание Манифеста 17 октября. Манифест 17 октября 1905 г. был издан в период подъема Первой русской революции и содержал обещания политических реформ, включая свободу совести, слова, собраний и союзов.

В границах реалистического направления живописи создавались работы, обладавшие большой ценностью художественного документа — чаще всего резким осуждением позиции власти и кровавых репрессий. Эти работы отличались друг от друга степенью типизации и стилистикой, но были едины тематически. Самые известные из них — картина С. Иванова «Расстрел» и полотно (тогда еще студента Академии художеств) И. Бродского «Красные похороны». Картина С.В. Иванова «Расстрел» является одним из скупо эмоциональных произведений, посвященных событиям первой русской революции 1905–1907 гг. Картина отражает трагизм и жестокость событий того времени, а также силу духа и мужество революционеров. На картине изображен момент расстрела группы рабочих солдатами. Рабочие стоят у кирпичной стены, так что создается впечатление, что они полны решимости и бесстрашия. Позы, в которых рабочие изображены, позволяют предположить, что изображенные на картине не боятся смерти и готовы до конца отстаивать свои требования и романтические мечты о равенстве, справедливости и братстве. Солдаты, напротив, на картине отсутствуют; они — не персонажи, а функция: подневольны и выполняют приказ. Картина выполнена в мрачных тонах, которые создают атмосферу тревоги и напряжения, вызывает у зрителя чувство сострадания к рабочим и заставляет задуматься о цене человеческой жизни в кризисную эпоху революций. «Расстрел» — это не просто картина, это исторический документ, который позволяет нам лучше понять события первой русской революции. Произведение С. Иванова оказало большое влияние на развитие демократической традиции в русской живописи начала XX в. [6, с. 337]. Оно стало одним из первых произведений, посвященных теме революции, и задало тон для последующих работ других художников [3, с. 11] (иллюстрация 2).

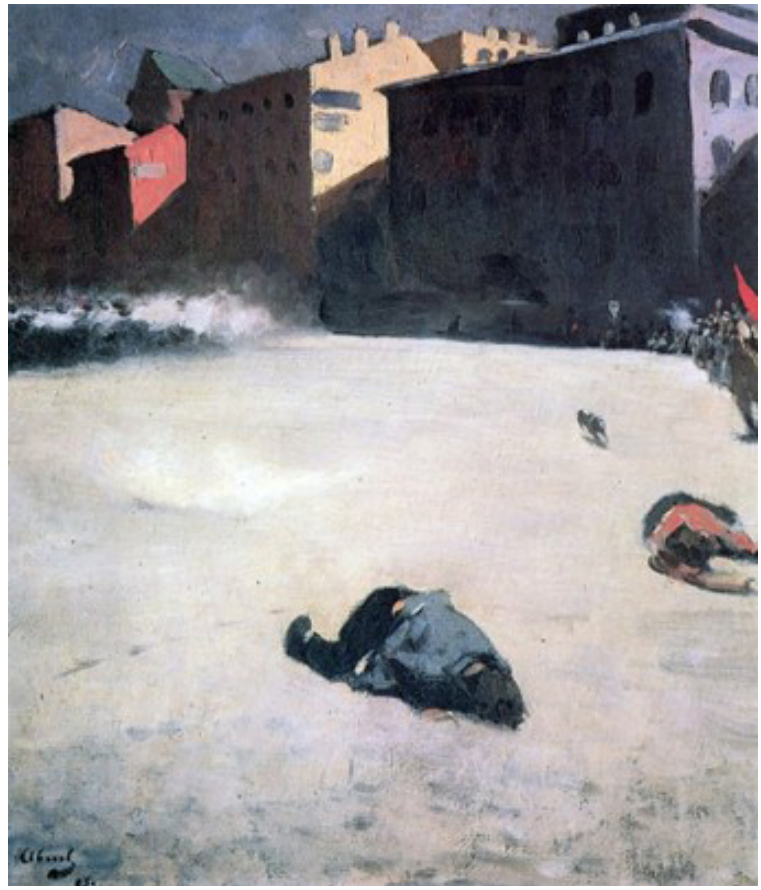

Рисунок 2 — С.И. Иванов «Расстрел».
Москва. 1905. Холст, масло. 14,9 х 10,7 см.
Музей Революции, Россия. Москва.
Figure 2 — Sergey Ivanov. “After a Firing Squad”.
Moscow. 1905. Oil on Canvas. 14,9 x 10,7 cm.
Revolution Museum, Russia. Moscow

Картина И. Бродского «Красные похороны» изображает момент похорон жертв революции. Люди собрались вместе, чтобы проводить в последний путь своих товарищей, павших в борьбе за свободу и справедливость. Лица людей выражают скорбь и решимость одновременно. Они понимают, что жертвы были не напрасны, и готовы продолжать борьбу. Композиция картины выстроена таким образом, что зритель чувствует себя частью происходящего. Он становится свидетелем исторического момента, который навсегда останется в памяти народа. Цветовая гамма произведения сдержанная, но выразительная. Преобладают красные и черные цвета, которые символизируют кровь и траур, но также и силу духа, решимость продолжать борьбу за свои идеалы. Картина «Красные похороны» является не только художественным произведением, но и историческим документом.

Рассмотрим и картины Б. Кустодиева. Полотно «Манифестация» — довольно мрачное, нехарактерное для творчества Б. Кустодиева произведение. На заднем фоне возвышаются фабрики и трубы, сливающиеся в одну махину. На переднем фоне рабочие в похожих простых нарядах проводят шествие. Они выглядят устало, в них не царит энтузиазм по поводу манифестации, люди как будто заняты повседневным

делом. Еще одна работа Б. Кустодиева «Вступление. Москва» отражает атмосферу тех лет. На ней изображен огромный окровавленный скелет, шагающий по проспекту и растаптывающий прохожих. Этот образ символизирует смерть и разрушение, которые сопровождали революционные события. Автор использовал яркий насыщенный колорит и огненные оттенки красного цвета, чтобы передать свое отношение к хаосу и насилию времени революционных событий. В толпе виден красный флаг, который символизирует как протест против существующего порядка, так и подстрекательство к еще большему насилию.

Напряженность ситуации подчеркивают вооруженные люди, стоящие на пути скелета. Их штыки, похожие на иглы, угрожают то ли прохожим, то ли самому воплощению страха и образа смерти.

Картина создает гнетущую атмосферу, которая отражает трагизм и жестокость революционных событий того времени.

Революция 1905 г. в творчестве Н. Касаткина прозвучала ярко и последовательно. Н. Касаткин активнее других художников разрабатывал тематику, которую условно можно определить как пролетарский характер революционной борьбы. Он создал несколько произведений, которые отражали революционные настроения того времени. Среди них — картины «Тревожное» и «9 января». В своих работах художник изображал борцов революции: рабочего-боевика, студента, лихую ткачиху. Эти образы стали символом мужества и решимости людей, готовых сражаться за свои идеалы.

Картина «Атака завода работницами» показывает революционное возмущение масс. Она отражает силу и сплоченность рабочих, которые готовы бороться за свои права.

Кроме того, Касаткин создал и другие произведения, посвященные революции 1905–1906 гг. Среди них: «Последний путь шпиона», «Пролетарии», «Возмущенный кузнец», «После обыска», «Жертва революции». Эти работы также отражают дух времени и социальные проблемы, волновавшие общество.

Картина Н. Касаткина «Боевик» напоминает о чуткости передового искусства к новым явлениям жизни. Картина «Боевик» является ярким примером того, как художник почувствовал и отразил дух времени и передал атмосферу революционной борьбы. В этом произведении Н. Касаткин сумел создать образ человека, который готов отдать свою жизнь за идеалы свободы и справедливости, это был символ эпохи, когда рабочие и крестьяне поднимались на борьбу, выдвинув социально-экономические требования. Картина не лишена эмоциональной глубины. Она вызывает у зрителя чувство сопереживания и уважения к герою, который стал олицетворением лучших качеств борца за свободу, как писали советские искусствоведы [5, с. 13]. Таким образом, «Боевик» Н. Касаткина является важным вкладом в историю русского искусства.

События революции 1905–1907 гг. прямо и опосредованно отображены во многих живописных полотнах, мало известных широкому кругу зрителей. Как пример можно назвать еще две, совершенно разные по стилистическому исполнению, но объединенные одной темой и настроением, одной эпохой работы Л. Попова «К закату (Агитатор в деревне)» 1906 г. и «Вставай, подымайся!», Пермская художественная галерея. Эти картины посвящены революционному движению 1905–1907 гг. в деревне [9]. Картина «Агитатор в деревне» («К закату», «Оратора слушают») была представлена на XXXIV Передвижной выставке. На ней изображены крестьяне, слушающие агитатора-революционера. (иллюстрация 3.).

**Рисунок 3 — Л.В. Попов. «Агитатор в деревне».
Пермь. 1906. Холст, масло. 135,5 х 204,5 см.
Пермская художественная галерея, Россия. Пермь.
Figure 3 — Lukian Popov. "An Agitator in the Village".
Perm. 1906. Oil on Canvas. 135,5 x 204,5 cm.
Perm Art Gallery, Russia. Perm**

Еще одно произведение Л. Попова на политическую тему было представлено на XXXV выставке Товарищества в Петербурге под названием «В деревне» (1907). Эксперты утверждают, что такое название было выбрано из-за цензуры. Однако позже картина была выпущена в виде открытки под своим истинным названием — «Вставай, подымайся!» [9].

Художник М. Демидов создал несколько картин на тему событий первой русской революции в 1920 гг. Это живописные работы: «1905 год в Вятке», «В подпольной типографии Вятского комитета РСДРП 1904–1906», «Столкновение вооруженных дружин с полицией у здания водокачки. Декабрь 1905 г.», «В подпольной типографии Вятского комитета РСДРП 1904–1906» — картина о работе СМИ в Вятке во время революционных событий 1905–1907 гг. Эти печатные издания были мощным инструментом пропаганды и мобилизации масс, способствуя усилению революционного движения в регионе. События октября 1905 г. в Вятке, включая погром, были результатом сложной политической обстановки в стране. Они показали, насколько напряженной была ситуация в обществе, и как легко могли вспыхнуть массовые беспорядки.

Вспоминая судьбу этих полотен, нужно сказать о том, что художники, создавая эти произведения, конечно, подразумевали совершенно определенную аудиторию и, хотя живописные произведения не обладали агитационной энергией политической графики, но содержали в себе достаточную силу внушения, посредством эстетики языка изобразительного искусства.

Мотив событий 1905 г. прозвучал еще раз в скульптуре М. Шадра «Булыжник — оружие пролетариата», созданной два десятилетия спустя, в 1927 г. Этот романтическо-экспрессивный образ рабочего, выхваченный художником из сцены уличного боя, кото-

рый явился едва ли не самым точным и ярким воплощением темы революции 1905 г. Скульптура, созданная более чем через 20 лет, после революционных событий, стилистически и эмоционально показывает отношение к прочтению событий Первой русской революции в системе ценностей нового пролетарского государства (иллюстрация 4).

Рисунок 4 — И.Д. Шадр «Булыжник — орудие пролетариата».
Москва. 1927, гипс; 1947, бронза. 125 х 122 х 150 см.
Третьяковская галерея, Россия. Москва
Figure 4 — Ivan Shadr. "The Cobblestone is the Weapon of the Proletariat".
Moscow. 1927, Gypsum; 1947, Bronze. 125 x 122 x 150 cm.
Tretiakov Gallery, Russia. Moscow

Произведения изобразительного искусства, посвященные революции 1905 г., отличаются разнообразием видов искусства, жанров и стилей. Все эти произведения объединяет одно — они являются ярким свидетельством эпохи, отражением духа времени и настроений общества начала XX в. Художники стремились не просто запечатлеть события революции, но и выразить свое отношение к ним, передать свои эмоции и переживания. В их работах нашли отражение как героика и романтика революционной борьбы, так и ее трагические стороны — насилие, страдания и гибель людей.

Революция привела к появлению новых тенденций в коммуникации художников со зрителями. Если раньше искусство часто было ориентировано на узкий круг ценителей, то на момент начала XX в. оно стало более массовым и доступным для зрителя — простого горожанина. Художники начали использовать свои произведения как средство пропаганды и агитации, стремясь повлиять на общественное мнение и мобилизовать людей на борьбу за свои права.

Кроме того, революция способствовала развитию новых художественных направлений и стилей. Искусство начинает искать новые формы и средства вырази-

тельности, чтобы более точно и ярко передать атмосферу революционных событий и свои чувства. Лаконизм и альтернативный изобразительный язык изобразительного искусства, в свою очередь, оказали значительное влияние на развитие мирового искусства и отечественного искусства.

Динамика и ход событий революции 1917 г. вытеснили первые революционные выступления 1905–1907 гг. из тематических предложений художников следующего десятилетия XX в. Тема революции 1917 г. нашла более яркое и убедительное отражение в творчестве живописцев, графиков, скульпторов последующего периода. Это связано с рядом причин и объяснений. Во-первых, революция 1905–1907 гг. была подавлена, а ее задачи не были реализованы. В результате она могла казаться художникам-современникам менее актуальной и значимой, чем события 1917 г. Во-вторых, после Октябрьской революции началась новая эпоха в истории России, которая требовала новых тем, образов и сюжетов. Художники стремились отразить новые реалии и создать новое искусство новой страны. Кроме того, события 1917 г. были более масштабными и радикальными, они привели к созданию нового государства и общественного устройства. Они также сопровождались большим количеством художественных экспериментов и новаторских решений в области изобразительного искусства.

Говоря об эпохе первой русской революции, можно выстроить некий изобразительный ряд: от картины «Расстрел» С. Иванова через графический лист «Октябрьская идиллия» М. Добужинского, к скульптуре М. Шадра «Булыжник — оружие пролетариата» Эти произведения (наряду со многими другими, но ярче многих других) вполне представляют тему революции 1905 г. в отечественном изобразительном искусстве.

Подводя итоги небольшого исследования на тему произведений искусства, прямо или косвенно представляющих события первой русской революции 1905–1907 гг., можно утверждать, что русские художники создали произведения, которые относятся к числу ярких достижений русского демократического искусства XX в. В данной статье представлены далеко не все произведения изобразительного искусства, созданные в период Первой русской революции 1905 г. или после произошедших событий. Однако даже на основе рассмотренных примеров можно сделать вывод о том, насколько важным и значимым было это событие для истории России. Революционные события 1905–1907 гг. стали одним из самых ярких и трагических эпизодов в истории нашей страны.

Однако, несмотря на то что тема революции 1905 г. редко встречается в изобразительном искусстве XX в., она остается важной частью истории русского искусства.

Список литературы

Исследования

1 *Березовая Л.Г.* Живописное искусство и революция 1905–1907 гг //. Российская история. 2016. №4. С.123–131.

2 *Зябликов А.В.* Художественная интеллигенция и партия конституционалистов-демократов в 1905–1907 годах // Интеллигенция и мир. 2011. №2. С. 9–26.

3 История русского искусства: в 2 т. Т. 2 / под ред. М.М. Рыкова. М.: Изобразительное искусство, 1981. 176 с.

4 *Кудря А.И.* Валентин Серов. М.: Молодая гвардия, 2008. 400 с.

5 *Минченков Я.Д.* Воспоминания о передвижниках. Л.: Художник РСФСР, 1963. 479 с.

6 Русская жанровая живопись XIX – начала XX века. Очерки / под ред. Т.Н. Гориной. М.: Изд-во НИИ теории и истории изобразительных искусств; Изд-во Акад. художеств СССР, 1964. 384 с.

7 *Смирнов С.В.* Легальная печать в годы первой русской революции. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1981. 192 с.

8 *Шлеев В.В.* Революция и изобразительное искусство. М.: Изобразительное искусство, 1987. 120 с.

Источники

9 ЖЗЛ. (Лукиан Попов. Гордость Оренбургского края) // Livejournal.com. URL: https://kolybanov.livejournal.com/7651734.html (дата обращения 25.03.2025)

***

© 2025. Elina G. Shvets
Moscow, Russia

© 2025. Maria G. Kotovskaya
Moscow, Russia

REPRESENTATION OF THE THEME OF THE REVOLUTION OF 1905 IN RUSSIAN FINE ARTS (DEDICATED TO THE 120TH ANNIVERSARY OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION)

Abstract: Russian visual art actively and politically reflected the events of the 1905 Revolution through the works of its artists. Artists not only sought to visually document the revolutionary events using artistic means but also to express their attitude towards them and to reflect on their significance for the country's future. The 1905 Revolution became one of the key events of the early 20th century in the history of the Russian Empire, exerting a tremendous influence on the country's political, social, and cultural life. Representatives of the art world could not remain indifferent to these events and actively created works of art illustrating or dedicated to the revolutionary sentiments of the masses. This paper examines how the theme of the 1905 Revolution emerged and was reflected in Russian visual art. It discusses and analyzes the works of well-known artists such as V.A. Serov, B.M. Kustodiev, K.A. Somov, I. Brodsky, N. Kasatkin, and others. The paper attempts to explore the ideas, emotions, and moods that artists aimed to convey to viewers through their paintings. The period of 1905–1907 represents a unique, albeit brief, chapter in the history of Russian artistic life. From the very beginning of 1905, or more precisely, immediately after the events of the "Bloody Sunday", the artistic life of St. Petersburg and Moscow displayed numerous examples of actions and statements by cultural figures who openly declared their stance in the unfolding revolutionary struggle.

Keywords: Visual Art, Revolution, Poster, Painting, Sculpture, Artist, Social Ideas, Political Demands, Historical Role.

Information about the authors: Shvets G. Elina — PhD in Pedagogy, Assistant Professor, Department of Art Theory and History, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6., bld. 6, 125047 Moscow, Russia.
ORCID ID: http://orcid.org/0000-0003-1821-0586
E-mail: elina_shvets@mail.ru
Kotovskaya G. Maria — PhD in History, Professor, Leading Researcher, Institute of Ethnology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, Professor, Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Sadovnicheskaya St., 52/45, 115035 Moscow, Russia.
ORCID ID: http://orcid.org/0000-0003-1056-3432
E-mail: kotovskaya53@gmail.com
Received: March 26, 2025
Approved after reviewing: July 29, 2025
Date of publication: September 25, 2025
For citation: Shvets, E.G., Kotovskaya, M.G., "Representation of the Theme of the Revolution of 1905 in Russian Fine Arts (Dedicated to the 120th Anniversary of the First Russian Revolution)." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 338–350. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-338-350

References

1 Berezovaia, L.G. "Zhivopisnoe iskusstvo i revoliutsiia 1905–1907 gg." ["Painting Art and the Revolution of 1905–1907"]. *Rossiiskaia istoriia*, no. 4, 2016, pp. 123–131. (In Russ.)
2 Ziablikov, A.V. "Khudozhestvennaia intelligentsiia i partiia konstitutsionalistov-demokratov v 1905–1907 godakh" ["The Artistic Intelligentsia and the Constitutional Democratic Party in 1905–1907"]. *Intelligentsiia i mir*, 2011, no. 2, pp. 9–26. (In Russ.)
3 Rykov, M.M., editor *Istoriia russkogo iskusstva: v 2 t.* [*The History of Russian Art: in 2 vols.*], vol. 2. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1981. 176 p. (In Russ.)
4 Kudria, A.I. *Valentin Serov*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2008. 400 p. (In Russ.)
5 Minchenkov, Ya.D. *Vospominaniia o peredvizhnikakh* [*Memoirs about the Itinerants*]. Leningrad, Khudozhnik RSFSR Publ., 1963. 479 p. (In Russ.)
6 Gorina T.N., editor *Russkaia zhanrovaia zhivopis' XIX – nachala XX veka. Ocherki* [*Russian Genre Painting of the 19th – Early 20th Century. Essays*]. Moscow, Institute of Theory and History of Fine Arts Publ.; Academy of Arts of the USSR Publ., 1964. 384 p. (In Russ.)
7 Smirnov, S.V. *Legal'naia pechat' v gody pervoi russkoi revolyutsii* [*The Legal Press During the First Russian Revolution*]. Leningrad, Leningradskii universitet Publ., 1981. 192 p. (In Russ.)
8 Shleev, V.V. *Revoliutsiia i izobrazitel'noe iskusstvo* [The Revolution and Visual Arts]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1987. 120 p. (In Russ.)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-351-372
УДК 745 + 793.3
ББК 85.32
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Т.В. Портнова
г. Москва, Россия

СТИЛИСТИКА И ОБРАЗЫ НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ В КОСТЮМАХ И ХОРЕОГРАФИИ ТАНЦЕВАЛЬНЫХ АНСАМБЛЕЙ РОССИИ

Аннотация: Статья посвящена воплощению стиля и образов народных ремесел в хореографии и декоративном оформлении отечественных танцевальных ансамблей. На отдельных примерах рассмотрены адаптации символики народных художественных промыслов к современному сценическому костюму. Цель данной статьи состоит в исследовании особенностей стилистики и образов народных художественных промыслов, отраженных в костюмах и хореографии танцевальных ансамблей России.

Задачи исследования связаны с изучением некоторых танцевальных ансамблей России и особенностями дизайнерского оформления костюмов для исполнителей, а также создания хореографических сюжетов, композиционного построения танцевального рисунка в контексте народной культуры и художественных ремесел разных регионов страны. Фундаментальные труды по истории региональной народной хореографии и поэтики русского танца В.М. Захарова стали основной теоретико-методологической базой исследования.

Использование культурно-исторического, структурно-функционального, сравнительного метода и комплексного подхода позволило провести анализ использования стилистики и образов народных художественных промыслов в сценических костюмах и хореографии отечественных танцевальных ансамблей, осуществленный во взаимосвязи с конкретным промыслом, его характерными особенностями и художественным оформлением народного танца в разных коллективах.

Рассматривается система художественной стилистики и декоративной стилизации в границах определенной допустимости искажения традиционной формы заимствованных элементов из народных промыслов. Автор приходит к заключению о глубокой связи оформления танцевального костюма с вековыми традициями декоративно-прикладного искусства, который собрал в себе наиболее характерные черты национальной эстетики и художественной стилистики, а также примерами творческой переработки в современный дизайн.

Ключевые слова: народные художественные промыслы, декоративно-прикладное искусство, стилистика, стилизация, народный танец, ансамбль, хореографическая композиция.

Информация об авторе: Татьяна Васильевна Портнова — доктор искусствоведения, профессор кафедры «Искусствоведения», Институт искусств, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Садовническая, д. 33, стр. 1, 115035 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4221
E-mail: infotatiana-p@mail.ru
Дата поступления статьи: 29.08.2024
Дата одобрения рецензентами: 17.07.2025
Дата публикации: 25.09.2025
Для цитирования: Портнова Т.В. Стилистика и образы народных художественных промыслов в костюмах и хореографии танцевальных ансамблей России // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 351–372.
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-351-372

Введение. Народный танец в России — это самобытное коллективное творение наших предков, в котором как в зеркале отражаются народный быт, его культура, характер и психология. Танец всегда отражает определенную идею и тему, т. е. он всегда содержателен. Народный танец, переходя от предков к потомкам, из одной местности в другую, накапливал региональные особенности пластики и костюма, нес в себе элементы народного промысла, старинного самобытного творчества.

Народный танец смыкается с народными художественными промыслами, так как он возник на основе трудовой деятельности человека в потоке исторического развития этноса. Поэтому танец содержит в себе огромное многовековое народное культурное наследие, и художественные промыслы служат неиссякаемым источником вдохновения. В настоящее время отмечается рост интереса к национальной культуре, где танец в его стилистике и декоративном оформлении содержит созидательную память народа, воплощенную в различных ремеслах.

В этой связи актуальность обращения к теме танца в заданном аспекте обусловлена насущными проблемами сохранения национальной культуры и истории развития народа во всем многообразии региональных особенностей на фоне активного насаждения со стороны СМИ, включая социальные сети, посредственного художественного качества примеров культуры и искусства и чуждых нашей культуре ценностей. Сегодня уже несколько поколений воспитаны космополитически и, не зная своих корней, духовной красоты и богатства своих истоков, строят свою жизнь на западный манер, вычеркивая традиционные обычаи и взгляды.

Данное положение актуализирует изучение имеющегося опыта накопления культурно-материального наследия, в основном задействованного по настоящее время в сценической практике (танцевальные костюмы) и не входящие пока в музейные коллекции, поскольку они являются действующим фактографическим материалом. История развития самой народной хореографии непосредственно связана с визуальным восприятием сценического костюма, художественный образ которого имеет свои источники и существует в пространстве современной эпохи.

Цель данной статьи состоит в проведении исследования особенностей использования стилистики и образов народных художественных промыслов в хореографии и костюмах танцевальных ансамблей России.

Задачи связаны с изучением нескольких российских танцевальных ансамблей и особенностями оформления их костюмов и хореографии как отражения народной культуры и художественных ремесел разных регионов страны.

Материалы и методы. Теоретико-методологической основой исследования послужили фундаментальные труды по истории региональной народной хореографии и поэтики русского танца В.М. Захарова.

В данной статье использовались методы:

— культурно-исторический — при изучении вопросов зарождения и развития сценических интерпретаций элементов народных художественных промыслов в развитии танца, а также истории самих ремесел;

— структурно-функциональный метод — при рассмотрении способов преобразования элементов народных художественных промыслов в танцевальной хореографии;

— метод сравнительного анализа — при сопоставлении оформления танцевальных ансамблей разных регионов страны.

В целом, для исследования темы применен комплексный подход, при котором анализ использования стилистики и образов народных художественных промыслов в хореографии и костюмах отечественных танцевальных ансамблей осуществляется на материале конкретного промысла, его характерных особенностей и в контексте художественного оформления народного танца в разных коллективах. Сама постановка проблемы, направленная на анализ различных аспектов использования художественных промыслов в системе хореографической режиссуры, представляет собой междисциплинарное исследование, как новое научное явление, имеющее большую практическую значимость и перспективу не только в плане осмысления феномена театрально-художественного творчества, но и в активном его включении в ткань историко-культурного наследия.

Литературный обзор. В статье использованы научно-исследовательские работы по истории народного танца: Н.И. Бочкарева [2], В.М. Захарова [12]; национального костюма: В.Н. Белицера [1], С.Н. Виноградова, Е.О. Плеханова [4], Т.П. Прокина [22]; адаптации народной декоративной символики к оформлению сценического национального костюма: В.С. Радаева [24], И.А. Сазыкиной [25], С.И. Зыкова [13], Е.И. Ковачева [17]; трансформации символики народной культуры в поэтики народного сценического танца: В.М. Захарова [13], Н.П. Сингача [27], В.И. Слыхановой [29], Л.А. Шамина [30], истории народных промыслов, таких как «Гжель» и «Хохлома»: В.М. Вишневской [6, 7, 9]; развитию авторских танцевальных коллективов и оформлению авторских методик хореографии Н.П. Сингача [28], В.И. Слыхановой [29].

Особое внимание в работе уделено анализу источников личного происхождения, к которым относятся воспоминания, письма, интервью хореографов, в которых содержится информация, помогающая понять ход мысли, замысел, концептуальное мнение о костюме в танце и специфике его образа, включенного в пространство сценической среды (всего 30 единиц литературы). При том, что имеется обширная литература как по народному танцу, так и по декоративно-прикладному искусству, в частности по народным художественным промыслам, они представляют собой самостоятельные источники, не связанные друг с другом.

Результаты и обсуждения. Творчество каждого коллектива на своей малой Родине включает в себя определенный багаж интересных и своеобразных сюжетов, своим возникновением обязанных местным обычаями, праздникам или обрядам. В каждой местности зародились и укоренились свои особенности исполнительской манеры танцев и народных песен [1].

В этой связи для любого руководителя, хореографа, художника по костюмам главным является умение работать совместно, вдумчиво и бережно соединить в одно целое национальную традицию исполнения с реалиями современного мировоззрения, художественного восприятия со своими взглядами и собственным представлением конечного результата, основанным на конкретных профессиональных знаниях в области культуры и искусства [2]. Для этого, ведя постоянный поиск новых сюжетов, хореографических приемов и художественного оформления, постановщик всегда стремиться не уходить от традиционной манеры, не вносить чужеродных для национального исполнения приемов и элементов. Тогда манера исполнения и созданный образ будут являться зрителю правдивым и достоверным.

В.М. Захаров с его многолетним опытом руководства танцевальными коллективами, утверждал: «Большое значение в успешном результате создания интересных композиций и миниатюр на тему народных промыслов, конечно, имеет духовная связь и творческое единомыслие хореографа с художником, который изготавливает эскизы костюмов. Из своего 35-летнего опыта работы с художниками могу заметить, что это очень важная и сложная работа. Здесь действительно необходимо, чтобы художник чувствовал и понимал замысел хореографа, как и хореограф, изучил досконально историю и характер самого народного промысла, чувствовал каждое движение ноги и руки танцовщиков, создающих определенный образ. <…> И здесь хореограф должен быть особенно внимателен и заинтересован в успешном пошиве костюмов, всегда быть рядом с художником-автором и мастерами-исполнителями в театральных мастерских. Из своего же опыта могу сказать, что где бы я ни работал, везде постоянно следил за пошивом костюмов в театральных мастерских. Особенно надо быть внимательным при изготовлении первого образца. Часто бывает так, что на эскизе все выглядит красиво, впечатляюще, богато, а знакомство с готовым образцом крайне огорчает, так как все выглядит иначе: фактура ткани и краски смотрятся безлико, орнамент и рисунок вышивки потеряли колорит, подбор украшений, лент, тесьмы, камней раздражают пестротой или становятся совершенно чужеродными» [12].

Сложно не согласиться с выводами этого профессионала в области отечественного народного искусства. Содержание вышеизложенного в данной статье фрагмента диссертации В.М. Захарова свидетельствует о значительной по объему работе, проделанной им для систематизации подходов к решению проблемы синтеза элементов народного художественного промысла и современного танцевального искусства, для сохранения и передачи потомкам накопленных традиций национальной культуры.

Схожими принципами руководствуются и другие создатели танцевальных коллективов, понимая необходимость гармоничного синтеза народной культуры и современных сценических постановок. Среди них стоит также отметить прославленного у нас в стране и за рубежом балетмейстера и хореографа И.А. Моисеева, который благодаря опыту в профессиональном балете и пользуясь основами сценического искусства и драматургии [14], создал новый вид театра — Театр народного танца [29, 30].

Деятельность Н.П. Сингача как художественного руководителя способствует пропаганде национальной культуры через выступления ансамбля «Юность» [3, 20], а как педагога — закреплению на образовательном уровне техники народно-сценического танца [27, 28].

Еще в 1988 г. в Москве В.М. Захаров создал театр танца, которому было присвоено одноименное название со знаменитым художественным керамическим промыслом «Гжель». Оно полностью отражало демонстрируемый зрителям репертуар, который

впервые представил широким слоям общественности сюжеты русских народных промыслов нашей страны: ««Палеха», «Павлово-Посада», «Хохломы», «Жостово», «Федоскино», «Финифти», «Богородской игрушки», «Дымковской игрушки». Затем в репертуаре появились «Жостовские узоры», «Костромская скань», «Городецкие воротца», «Торжокские золотошвеи» [12]. Впоследствии интерес к истокам национальной идентичности только возрастал, по стране стало расти число народных коллективов, которые несли зрителю информацию о накопленных веками традициях народной культуры и искусства.

Отметим, что восьмидесятые годы XX в. стали временем расцвета сценического искусства танца, в том числе и русского хореографического искусства. В.М. Захаров приводит следующие цифры о количестве танцевальных коллективов в стране народной направленности:

> В республиках, краях, областях, автономных округах страны существовало — 14 танцевальных групп при русских народных хорах, 34 ансамбля песни и пляски, 23 ансамбля танца. Это только профессиональные коллективы. Их концертные программы представляли собой самобытные сценические произведения, где основным выразительным средством выступал народный танец [2].

Первый танцевальный коллектив появился в 1925 г. при ансамбле Советской Армии, а в 1937 г. — первый в мире ансамбль народного танца, руководителем которого стал на многие годы И. Моисеев [30].

Чтобы ансамбль отвечал заявленному направлению деятельности — в области народного танца, — хореографу-постановщику необходимо, по мнению все того же В.М. Захарова, иметь четкое видение «конструктивно-декоративных особенностей народного костюма, уметь соотнести их с условиями сценической формы существования, достичь оптимальной степени художественного воздействия на зрителей, учитывая, что для существенной части зрителей, которым предназначается огромная часть сценических танцевальных композиций коллективов народного танца (и особенно самодеятельных, любительских коллективов), близка и понятна эстетическая природа родного фольклора, его живописные традиции и художественные приемы, проявляющиеся в декорировании произведений разных видов народного прикладного искусства» [13].

Народные художественные промыслы позиционируются как искусство, которое своей целью ставит обслуживание нужд человека в быту и вместе с тем — удовлетворение его эстетических потребностей, украшение жизни [10]. Мастера создавали, накапливали и передавали последующим поколениям знания об окружающем мире, сформированную систему духовного мира и уклада жизни, как через языковое общение, так и через использования набора знаков-символов: орнаментальной графической информации в виде образов птиц, растений, животных, цветовых символьных сочетаний.

Особенно информативны в этом плане были национальные костюмы: русские [11, 12], удмуртские [4, 5, 16], марийские [19], мордовские [22] и т. д. Все виды народного декоративно-прикладного творчества явственно отражают областную специфику существования искусства в жизни народа, содержат этнический смысл, соединяющий бытовое, эстетическое и магическое начала, содержание которых обусловлено спецификой народного сознания. Народные промыслы находятся на границах жизни и искусства и оформляют представления человека об этих областях особым игровым образом [8].

Изобразительность предметов народных художественных промыслов отмечена следующими характерными чертами (иллюстрация 1).

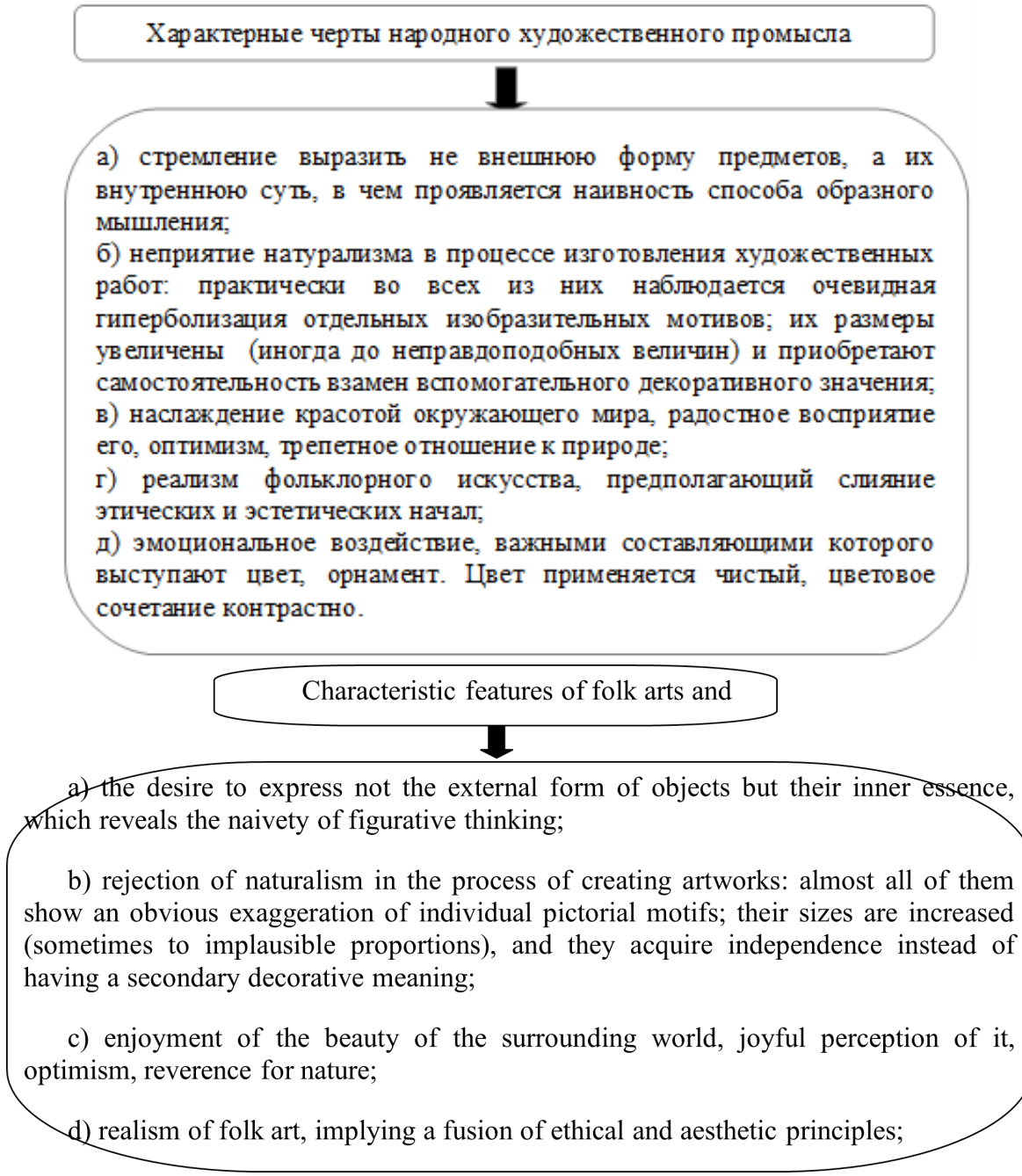

Иллюстрация 1 — Характерные черты народного художественного промысла
Figure 1 — Characteristic Features of Folk Arts and Crafts

Таким образом, предметы, являющиеся результатом народного творчества, отмечены печатью накопленного многими поколениями духовного опыта, который аккумулировал в себе их идеальные представления о красоте окружающей природы и сферы человеческих чувств, о нормах морали и поведения — этих важнейших компонентах культуры народа, без которых невозможна дальнейшая эволюция этноса.

Основным составным элементом присутствия народного художественного промысла в постановках танцевальных ансамблей России является народный крестьянский костюм. Его виды сложились к XIX в.

Если говорить о женской национальной одежде, то обобщенными стилевыми признаками всего многообразия такого народного костюма в России выступают прямой крой, значительная длина и размер одежды, наличие нескольких слоев, разные способы художественной отделки, наличие цветовых предпочтений в зависимости от местных особенностей культуры, наличие магически-религиозной символики.

Цвет и орнамент являются ключевыми декоративными элементами в народной одежде. В них зашифрованы особенности мировосприятия народа, которое тесно взаимосвязано с религиозным чувством и осознанным чувством единения с природой, а также образность сознания. Народный костюм как элемент выразительного искусства передает образное восприятие жизни людьми конкретного этноса. Орнамент на одежде выступал, особенно изначально, не столько в качестве украшения, а более всего в качестве информационного поля, выражающего определенные важные жизненные явления и установки.

Исходя из вышесказанного, создание танцевального сценического костюма выступает одним из важнейших этапов постановочной работы в хореографии в контексте целей достоверного отражения колорита национальной культуры. Именно с помощью сценического народного костюма артист создает выразительный образ определенного персонажа, который несет основную нагрузку художественного воздействия на зрителя.

Декорирование народно-сценической одежды должно гармонично сочетаться с национальными традициями декоративного оформления произведений народного промысла. Выбор элементов декоративного оформления тесно связан с содержанием и целями сценической композиции. Костюмы, в которых присутствуют элементы росписи традиционных деревянных и глиняных игрушек больше всего уместны в сюжетных танцах. Мотивы «Гжельской» [9] росписи и ее цветовая палитра более всего типичны в танцевальных композициях, содержащих возвышенные поэтические образы. Растительные золотые узоры «Хохломы» [23] несут тему воспевания природы родного края и его жителей. Хохломские мотивы чаще используются в костюмах для танцев без особо выраженного сюжета.

Исследуя выбранную тему, представляется необходимым остановиться на конкретных примерах использования элементов народных художественных промыслов танцевальными коллективами разных регионов России. В частности, заслуживает отдельного внимания история использования богатого наследия народного промысла «Хохлома» при подготовке многочисленных хореографических композиций в созданном и руководимом В.М. Захаровым Московском государственном академическом театре танца «Гжель».

Истоки оформления «Хохломской» росписи, отличающейся своеобразным сочетанием красок: «ярко-алой киновари, черного цвета и золота, вьющимися ветками с гроздьями ягод в окружении «трав» прослеживаются начиная с древнерусской декоративной культуре XV–XVI вв. Именно тогда встречаются схожие с указанными цветовые сочетания в иконографии и написании фресок, а также в оформлении книг, на обложки которых мастера наносили узоры, аналогичные хохломским.

В процессе исторического развития народной художественной мысли, современный хохломской узор пополнился новым элементами: «это и традиционные типы — "травка", "древко", "под листок", и новые узоры с ягодами смородины, малины

или земляники, гроздьями рябины, порхающими птицами; это и “кудрина” — орнамент из золотых завитков, образующих сказочные причудливые цветы и кудрявые листочки» [6]. Примечательно, что мастера придерживаются принципов уникальности в создании орнамента: узоры никогда не повторяются, являясь результатом реализации уникальной техники мастера и его фантазии.

В хороводе «Хохломская карусель» В.М. Захаров при создании постановок стремился передать все богатое наследие и отличительные черты народного промысла. Оформление сценических костюмов исполнителей отражает символику мотивов и колорит традиционной хохломской росписи (иллюстрация 2). На иллюстрации 2 можно видеть, что костюмы созданы в присущей Хохломе цветовой гамме, которая отличается контрастностью и выразительностью колористического (золото-красного с черным) оформления. В орнаменте сохранена изобразительная стилистика, благодаря которой зритель с легкостью узнает вид народного промысла.

Кроме декоративной аутентичности костюма по цвету с Хохломой, постановка танца согласуется с плавностью и округлостью линий декоративного узора, заимствованных народными мастерами у природы.

Иллюстрация 2 — Московский академический театр танца «Хохломская карусель»
Figure 2 — Moscow Academic Dance Theatre “Khokhlomskaya Karussel”

Как отмечает В.С. Радаева:

> Вся хореография основана на движении по кругу, что символизирует хоровод, карусель — движение времени. С самого начала мы видим, как артисты образуют своего рода хоровод в хороводе и начинают двигаться по кругу; они сплетаются, меняются, раскручиваются и образуют карусель вновь. В движении девушек преобладают динамичные вращения и дроби. Дроби напоминают нам звон знаменитых хохломских расписных ложек.
>
> В костюмах также отражена символика традиционных цветов хохломской росписи: золотой и алый цвета — это символ солнца, цветения земли; черный лак — как бездонное ночное небо, как гладь озер при свете луны, как бархат чернозема. Можно заметить в костюме зеленый цвет — этот цвет символизирует саму жизнь, саму природу [24].

Основу самой хореографии коллектива составляет народно-плясовая культура Курской области с ее «карагодами» и «танками», ставшими еще с XVII в. излюбленным видом народных увлечений.

Использование в сценическом костюме традиционной росписи русских деревянных и глиняных игрушек (Дымковская, Филимоновская, Каргопольская) наиболее характерны для действенных танцев, в которых отчетливо прослеживается разыгрывание театрально-игрового сюжета, дополненного мягким юмором, иногда гротескным звучанием образа. Фольклорный сценический костюм танцевальных коллективов Удмуртии также содержит в себе зашифрованную память народа и выступает вместилищем «формировавшихся тысячелетиями традиционных сакральных образов, способных донести вековые традиции удмуртского народа до большого количества людей» [15].

Информативным источником синтеза народного декоративно-прикладного искусства и деятельности танцевальных коллективов является опыт работы И.А. Сазыкиной [18, 26] в качестве художника по костюму с целым рядом эстрадных фольклорных финно-угорских коллективов России, в числе которых — Государственный ансамбль песни и танца УР «Италмас» (под руководством Народного артиста России А.В. Мамонтова) (иллюстрация 3), с ансамблем «Шулдыр жыт» и др. [16]. Разнообразие орнаментики народной одежды в ее эскизах и завершенных костюмах достигалось применением разномасштабности в декоре мотивов, их простым и сложным ритмическим рисунком, особой техникой швов, варьированием цветовой гаммы.

Иллюстрация 3 — Сценический костюм Татьяны Шкляевой из коллектива УР «Италмас»
Figure 3 — Stage Costume by Tatiana Shklyaeva from Udmurt Republic Song and Dance Ensemble "Italmas"

При формировании же яркого сценического образа художнику по костюму необходимо найти композиционно-смысловое решение, которое гармонизирует традиции национальной культуры и современности, что в комплексе с личностью артиста и исполняемым произведением создает цельный сценический образ (иллюстрация 4).

Рисунок 4 — Ведущие артисты ансамбля песни и танца УР «Италмас»
Figure 4 — Leading Artists of Udmurt Republic Song and Dance Ensemble “Italmas”

Несмотря на то что финно-угорский орнамент с течением времени сформировался в полную смыслов достаточно совершенную знаковую символику удмуртских нарядов, для демонстрации на сцене она очень часто не подходит: понять композиционную сложность и смысловую наполненность узоров зрителю на удаленном расстоянии от сцены не представляется возможным.

Рисунок 5 — Разностилье костюмов одного народного удмуртского коллектива
Figure 5 — Variety of Costume Styles of Udmurt Folk Ensemble

Поэтому традиции национального оформления костюма для использования на сцене упрощаются и адаптируются к реалиям использования. Это создает художникам сложную проблему, которую озвучивала в своих работах Е.И. Ковычева — «… сегодня костюмы, позиционирующие себя как фольклорные, значительно отличаются даже в выступлениях участников одного коллектива. Многие костюмы этнографически недостоверны и несовершенны эстетически» [17]. Поэтому создание сценических костюмов сопряжено с необходимостью соблюдения как можно большего показателя приверженности традициям народных художественных промыслов, а также знания истории костюма. На иллюстрации 5 приведен пример подобной разнородности национальных костюмов в среде одного ансамбля.

Еще одним показательным образцом синтеза народного творчества и сценического костюма выступает костюм народной артистки Удмуртской Республики, заслуженной артистки РФ, Г. Платоновой из ансамбля «Шулдыр жыт» (иллюстрация 6). Композиционно он достаточно прост и лаконичен. В.С. Радаева описывает его так:

> На абсолютно белой ткани костюма мы видим нагрудную подвеску с главным сакральным женским удмуртским образом Великой Матери. Этот композиционно цельный образ обозначает особый статус женщины-удмуртки в семье и общине и, по верованиям, олицетворяет также ее прямую магическую связь с небесами: подобно белой птице женщина способна взлетать к богам за их благословением и защитой для семьи и рода [26].

Иллюстрация 6 — Концертный костюм Галины Платоновой (ансамбль «Шулдыржыт»)
Figure 6 — Stage Costume by Galina Platonova (ensemble "Shuldyrgyt")

Также важно сказать о коллекции Сергея Анатольевича Глебушкина, в которой есть экспонаты, связанные с костюмами государственных народных хоров и хореографических коллективов России. Некоторые коллективы, чьи костюмы представлены в коллекции: Северный, Воронежский, Кубанский, Оренбургский, Уральский, Сибирский, Волжский, Рязанский, хор Гостелерадио, «Березка», Госансамбль песни и танца Республики Татарстан, североосетинский «Алания», чеченский «Вайнах».

По словам С. Глебушкина, сценический костюм сложнее и разнообразнее этнографического. У сценических коллективов часто для каждого отдельного номера шьется свой оригинальный наряд, и он не всегда согласуется с народными традициями.

Сценический костюм создают по канонам народного костюма определенного региона. Как отмечает коллекционер, в костюме через плавные текущие линии, а также в образе белых рукавов-крыльев выражается образ прекрасной мечты — птицы счастья, как она представлена в городецкой росписи [34].

Костюм женщины по своему силуэту похож на птицу. С незапамятных времен люди видели в птицах не только прекрасные поэтические образы, но и священные символы. В одежде нашли выражение душа народа и его представления о прекрасном. В названиях головных уборов отражено родство с птицей: кокошник, кичка, сорока… В образе женщины, в ее костюме — и в яркости наряда, и в его плавных текущих линиях, а больше всего в образе белых рукавов-крыльев выражался образ прекрасной мечты — птицы счастья. Поэтому я и назвал свою выставку «Лети, песня-птица!» [33].

Иллюстрация 7 — Городецкая роспись, Образ птицы
Figure 7 — Gorodets Painting, Image of a Bird

В 2019 г. в Желанновском краеведческом музее Шацкого района проходила выставка сценических костюмов «Лети, песня-птица!» из коллекции костюмов С.А. Глебушкина. В нее входили наряды государственных народных хоров и хореографических коллективов России: Северного, Воронежского, Кубанского, Оренбургского, Уральского, Сибирского, Волжского, Рязанского, хора Гостелерадио, «Березка», Госансамбля песни и танца Республики Татарстан, североосетинского «Алания», чеченского «Вайнах». Так, для исполнительниц из «Березки» отшивались широкие красные сарафаны из достаточно тяжелой ткани, поскольку особый «плывущий» шаг должен скрываться под специальной юбкой и складками сарафана. Иначе танцовщицы не смогли бы исполнять этот шаг, красиво перестраиваться, сменять танцевальные фигуры и создавать эффект движущегося хоровода. Под платья обычно надевалась белая блузка, украшенная кружевами и элегантным неброским орнаментом на рукавах. Для полного раскрытия образа нежности и чистоты использовалась преимущественно бело-красный цветовой колорит, что традиционно на Руси являлось символом радости, светлого озарения [25], а на сценической площадке становится воплощением славянской старины (иллюстрация 8).

Иллюстрация 8 — Государственный академический хореографический ансамбль «Березка»
Figure 8 — State Academic Choreographic Ensemble "Beriozka"

Для хореографии образная система народных промыслов служит источником вдохновения при создании новых сценических форм. Фольклорно-этнографический материал позволяет воссоздать и передать атмосферу исторической и национальной среды, добиться многоплановости и выразительности художественного образа. Для хореографического костюма образная система народных промыслов влияет на декорирование, так как выбор стилистических заимствований тесно связан с характером, образным строем и типом сценической композиции. Например, в сюжетных танцах часто используют костюмы с традициями росписи традиционных русских деревянных и глиняных игрушек (иллюстрация 9).

Иллюстрация 9 — Театр танца «Возрождение». Дымковская игрушка
Figure 9 — Dance Theatre "Vozrozhdenie". Dymkovo Toys

Особое значение в хореографических и песенно-танцевальных коллективах приобретает линейное и контурно-силуэтное очертание рисунка танца, а также цветовое пятно, стилизованные под конкретный народный промысел в образно-стилистическом звучании постановочных номеров (иллюстрация 10).

Рисунок 10 — Ансамбль песни и танца «Хохлома» Санкт-Петербург
Figure 10 — Song and Dance Ensemble “Khokhloma”, St. Petersburg

Мотивы гжельской росписи уместны в танцевальных композициях, образно-эмоциональная линия которых выражает идеальные народные представления об умиротворенной природной красоте (иллюстрация 11). Кроме того, орнамент, который содержит в себе обилие рисунков, геометрических и орнаментальных построений, может рассматриваться как основной источник в формировании художественного замысла. На его основе можно сочинять пластический танцевальный мотив, переводя плоскостные изображения в пространственно-объемные и временные.

Иллюстрация 11 — Московский государственный академический театр танца «Гжель»
Figure 11 — Moscow State Academic Dance Theatre “Gzhel”

Современные представления о народном костюме включают интерес к его традициям в мире театральной моды. Национальные мотивы стали одним из актуальных трендов, а изделия, созданные по мотивам народного костюма, имеют продолжительное существование на сцене.

Назовем некоторые характерные черты народного русского костюма, которые до сих пор используются дизайнерами и театральными художниками:

— силуэт прямого типа, который расширяется к нижней части, и в котором активно подчеркивается большой низ при помощи обуви в сборку, что способствует сложению обобщенного стилизованного узнаваемого образа в народной хореографии;
— прямой тип покроя изделия, свободно ниспадающие линии создают плавную статность и исконно русскую горделивость, присущую манере исполнения народного хороводного танца;
— симметрия структуры костюма с закругленными линиями в элементах, а также в украшениях придает визуальную стройность и ритмический строй характеру танцевального исполнительства;
— геометричность костюма, которая представляет собой простые формы вроде квадрата, трапеции, треугольника, прямоугольника, отсылает к солярным знакам и символам Древней Руси;
— украшение изделия при помощи кружевных элементов, меха, вышивки, узоров, шитья, разных типов ткани декорирует и дополняет хореографические номера, придавая им яркую фольклорную образность;
— добавление акцентного головного убора важно для создания полноценного законченного сценического образа.

Осмысление народного костюма современной массовой культурой может проявляться, например, в использовании его образов в графическом дизайне (создание корпоративных персонажей, использование человеческих сценических образов в логотипах), проектировании костюмов для театральных действий, подиума, рекламы и промышленности.

Е.Е. Левкиевская в работе «Народная одежда. Семантика и прагматика» отмечает, что термин «русская одежда» или «народная одежда» часто обозначает не этнографически аутентичную одежду, не реальный народный костюм, а некий обобщенный и часто очень условный «культурный стандарт» одежды (особенности кроя, вышивки, набор элементов одежды). Этот стандарт в глазах самого этноса или его соседей воспринимается как эталон «русскости», «народности» и в условиях массовой культуры легко выхолащивается, теряет свою первоначальную семантику и функции, переходя в китч [20].

В.Е. Добровольская отмечает, что в современных этнокультурных процессах проявляются этническая, престижная и эстетическая функции костюма, а на региональном уровне также в определенной мере осуществляется рыночная конкуренция между производителями. При этом наблюдается тенденция к реконструированию традиционного народного костюма, но адаптированного к современному стилю одежды [11].

Как видим, условия сценического существования требуют разного рода преобразований бытовой одежды в оптимальную униформу для художественно-танцевального исполнительства. Главным творческим приемом здесь является стилизация, которая в практике художественного проектирования танцевального костюма употре-

бляется в двух значениях. В первом случае под стилизацией понимается имитация того или иного исторического или этнического стиля. Во втором она предполагает использование комплекса художественных приемов, с помощью которых на основе первоисточника создаются новые переосмысленные сценические варианты костюма. При этом мера приближенности к прообразам народных художественных промыслов может быть различной — от заимствования декора, силуэтного рисунка, цвета до обобщенной сценической версии регионального народного танца, отражающего особую атмосферу, культурный код того или иного промысла. Точно так же, как художник-прикладник стилизует жизнеподобные формы в декоративные, добиваясь лаконичной выразительности изображения, художник сценического костюма передает образное восприятие жизни в контексте гармонично уравновешенной формы.

Заключение. В конце исследования темы можно отметить, что анализ представленных образцов сценических костюмов позволяет убедиться в наличии глубокой связи с вековыми традициями народного художественного творчества оформления костюма, который собрал в себе наиболее характерные черты национальной эстетики и художественной стилистики.

В связи с этим характерными чертами сценического танцевального народного костюма в многонациональной России, возникшими из-за специфики сценической демонстрации и современных эстетических ориентиров общества, можно назвать следующие:

— существование в системе художественной стилистики с элементами игры, при которой в костюмах применяется в границах определенной допустимости искажение традиционной формы;
— исключение натуралистичности, в иных случаях и преувеличение изображения отдельных декоративных мотивов;
— проявление декоративности в ярком цветовом контрасте отдельных цветовых пятен, множественное присутствие в костюме орнаментальности.

Итак, теоретические положения проведенного исследования расширяют область историко-культурологического знания о сценическом костюме и проблемное поле народной хореографии в рамках проблемы сохранения и трансляции духовной составляющей театрально -художественного наследия.

Список литературы

Исследования

1 *Белицер В.Н.* Народная одежда удмуртов. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 149 с.

2 *Бочкарева Н.И.* Традиционная танцевальная культура и сценические формы русской народной хореографии в современных условиях // Ежегодник финно-угорских исследований. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnaya-tantsevalnaya-kultura-i-stsenicheskie-formy-russkoy-narodnoy-horeografii-v-sovremennyh-usloviyah (дата обращения: 06.08.2024).

3 *Бурцева Г.В., Молявко Г.П.* Русский народный танец в творчестве педагога-балетмейстера Н.П. Сингача // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-narodnyy-tanets-v-tvorchestve-pedagoga-baletmeystera-n-p-singacha (дата обращения: 7.08.2024).

4 *Виноградов С.Н.* Терминология удмуртских народных узоров // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск: Изд-во Удмуртского гос. ун-та; ERGO, 2008. С. 178–188.
5 *Виноградов С.Н.* Удмуртская одежда. Коллекции ЭК РГБ. Каталог документов с 1831 по настоящее время. Ижевск: Удмуртия, 1974. 68 с.
6 *Вишневская В.М.* Хохлома. Л.: Искусство, 1969. 71 с.
7 *Вишневская В.М.* Хохломская роспись по дереву. М.: КОИЗ, 1951. 32 с.
8 *Гусев В.Е.* Истоки русского народного театра. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ин-т театра, музыки и кинематографии, 1977. 87 с.
9 Гжель: история возникновения, роспись Гжели, клейма, изделия из гжельского фарфора // Нумизматический портал RARITETUS.ru. URL: https://www.raritetus.ru/texts/gzhelskij-farfor/ (дата обращения: 7.08.2024).
10 *Давлетов К.С.* Фольклор как вид искусства. М.: Искусство, 1966. С. 330.
11 *Добровольская В.Е*. Народный костюм и современная одежда: знаковые функции в прошлом и настоящем // Функционально-структурный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора. М.: Изд-во Гос. ин-та искусствознания, 2015. С. 284–292.
12 *Захаров В.М.* Вечно живой родник: Региональная культура: обычаи, обряды, песня, танец: дис. … канд. культурологии. М., 2003. 456 с.
13 *Захаров В.М.* Поэтика русского танца: Народная художественная культура регионов России: обряды; песня; танец; костюм; промыслы: дис. … д-ра культурологии. М., 2004. 440 с.
14 *Зингерман Б.* Классика п советская режиссура 20 годов // Театр. 1980. № 8. С. 83.
15 *Зыков С.Н.* Ирина Анатольевна Сазыкина — художник по костюму: опыт творческой работы с финно-угорскими фольклорными коллективами // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. № 2. С. 171–177.
16 *Зыков С.И., Сазыкина И.А.* Фольклорный художественный образ в дизайне костюма // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. Вып. 4. С. 195–201.
17 *Климов К.М.* Удмуртское народное искусство. Ижевск: Удмуртия, 1988. 138 с.
18 *Ковычева Е.И.* Проблемы костюма современного фольклорного коллектива // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kostyuma-sovremennogo-folklornogo-kollektiva (дата обращения: 03.08.2024).
19 *Краснова В.В.,* Гартиг В.О. Семен Виноградов. Ижевск: Удмуртия, 2014. 96 с.
20 *Левкиевская Е.Е.* Народная одежда. Семантика и прагматика // Вестник культурологии. 2012. № 3. С. 204–208.
21 *Молотова Т.Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1992. 107 с.
22 *Николаева, Е.* Навсегда его «Юность» // Аргументы и факты. Сибирь. 2016. № 46. [б. с.].
23 *Плеханова Е.О.* История костюма, текстильного и ювелирного искусства. Ижевск: Изд-во Удмуртского гос. ун-та, 2009. 200 с.
24 *Прокина Т.П.* Мордовский народный костюм. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2007. 201 с.
25 Промыслы // Промыслы — Ассоциация Народные художественные промыслы России, НХП. URL: https://nkhp.ru/promyislyi/ (дата обращения: 07.08.2024).

26 *Радаева В.С.* Русский народный танец: этнокультурные и исторические традиции на примере «Хохломской карусели» московского театра танца «Гжель» // Культурологический журнал. 2024. № 1 (55). С. 46–51.

27 *Сазыкина И.А.* Влияние орнаментальных мотивов вышивки финно-угров на современный сценический костюм // Ежегодник финно-угорских исследований. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kostyuma-sovremennogo-folklornogo-kollektiva (дата обращения: 06.08.2024).

28 *Сазыкина И.А.* Творческий опыт работы художника по сценическим костюмам с Семеном Виноградовым // Ежегодник финно-угорских исследований. URL: https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/2481?ysclid=mg0mgqvt9s565611834 (дата обращения: 06.08.2024).

29 *Сингач Н.П.* Веночный хоровод в русской танцевальной культуре: происхождение, становление, манера исполнения // Теория и практика исследования хореографического образования в Алтайском крае: сб. науч.-методич. ст. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ин-та культуры, 2016. С. 77–103.

30 *Сингач Н.П.* Народно-сценический танец: становление, техника, стиль и манера исполнения: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по спец-ти 071301 «НХТ». Барнаул: Изд-во Алтайской гос. акад. культуры и искусств, 2011. 217 с.

31 *Слыханова В.И.* Русский народно-сценический танец в контексте региональной культуры России: традиции и новаторство: автореф. дис. … канд. наук. М., 2012. 32 с.

32 *Шамина Л.А.* Особенности интерпретации традиций народного творчества в произведениях И.А. Моисеева (на материале программ ГААНТ СССР): автореф. дис. … канд. искусствоведения. М., 1990. 17 с.

33 Открытие выставки «Лети. Песня птица» // Интернет-портал «Музеи Рязанской области». URL: https://musrzn.ru/news/detal/5654 (дата обращения: 5.09.2025).

34 Бушев А. Сергей Глебущкин собрал самую обширную коллекцию народного костюма. URL: https://rg.ru/2013/09/26/kostumy.html?ysclid=mgds00a4e1571228874(дата обращения: 6.09.2025).

***

© 2025. Tatiana V. Portnova
Moscow, Russia

STYLISTICS AND IMAGES OF FOLK ARTS AND CRAFTS IN COSTUMES AND CHOREOGRAPHY OF RUSSIAN DANCE ENSEMBLES

Abstract: The study discusses the embodiment of the style and images of folk crafts in the choreography and decorative design of Russian dance ensembles. The paper provides examples of the adaptation of the symbolism of folk arts and crafts to the modern stage costume and aims to explore the peculiarities of using the stylistics and images of folk arts and crafts as reflected in the costumes and choreography of Russian dance ensembles. The research objectives involve the study of several dance ensembles of

Russia and the features of the performers' costume design as well as the creation of choreographic plots and the dance pattern compositional design in the context of folk culture and Russian arts and crafts in different regions. V.M. Zakharov's fundamental works on the history of regional folk choreography and Russian dance poetics became the theoretical and methodological basis of the research. The cultural-historical, structural-functional and comparative methods along with the complex approach made it possible to analyse the use of stylistics and images specific to folk arts and crafts in stage costumes and choreography of national dance ensembles. The analysis was carried out relative to particular crafts and their characteristic features, with consideration of the artistic design of folk dances performed by different groups. The paper considers artistic stylistics and decorative stylisation with a stipulation of admissible distortion of the traditional form of folk crafts' borrowed elements. The author comes to the conclusion on the close connection of the dance costume design with the age-old traditions in arts and crafts since the former has absorbed the most characteristic features of the national aesthetics and art stylistics, demonstrating examples of creative processing of the traditions into modern design.

Keywords: Folk Arts and Crafts, Decorative and Applied Arts, Stylistics, Stylisation, Folk Dance, Ensemble, Choreographic Composition.

Information about the authors: Tatiana V. Portnova — DSc in Arts, Professor of Art History Department, Institute of Arts, Kosygin State University of Russia, Sadovnicheskaia St., 33, bldg. 1, 115035_Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4221
E-mail: infotatiana-p@mail.ru

Received: August 29, 2024
Approved after reviewing: July 17, 2025
Date of publication: September 25, 2025
For citation: Portnova, T.V. "Stylistics and Images of Folk Arts and Crafts in Costumes and Choreography of Russian Dance Ensembles." Vestnik slavianskikh kul'tur, vol. 77, 2025, pp. 351–372. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-351-372

References

1 Belitser, V.N. *Narodnaia odezhda udmurtov* [*Folk Clothing of the Udmurts*]. Moscow, Academy of the Sciences of the USSR Publ., 1951. 149 p. (In Russ.)

2 Bochkareva, N.I. "Traditsionnaia tantseval'naia kul'tura i stsenicheskie formy russkoi narodnoi khoreografii v sovremennykh usloviiakh" ["Traditional Dance Culture and Stage Forms of Russian Folk Choreography in Modern Conditions"]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [*Yearbook of Finno-Ugric Studies*]. [*Просим дать перевод на англ. яз.*]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnaya-tantsevalnaya-kultura-i-stsenicheskie-formy-russkoy-narodnoy-horeografii-v-sovremennyh-usloviyah (Accessed 6 August 2024). (In Russ.)

3 Burtseva, G.V., Moliavko, G.P. "Russkii narodnyi tanets v tvorchestve pedagoga-baletmeistera N.P. Singacha" ["Traditional Dance Culture and Stage Forms of Russian Folk Choreography in Modern Conditions"]. *KiberLeninka* [*CyberLeninka*]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-narodnyy-tanets-v-tvorchestve-pedagoga-baletmeystera-n-p-singacha (Accessed 7 August 2024). (In Russ.)

4 Vinogradov, S.N. “Terminologiia udmurtskikh narodnykh uzorov” [“Terminology of Udmurt Folk Patterns”]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [*Yearbook of Finno-Ugric Studies*]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., ERGO Publ., 2008, pp. 178–188. (In Russ.)

5 Vinogradov, S.N. “Udmurtskaia odezhda. Kollektsii EK RGB” [“Udmurt Clothing. Collections of EC RSL”]. *Katalog dokumentov s 1831 po nastoiashchee vremia* [*Catalog of Documents from 1831 to the Present*]. Izhevsk, Udmurtiia Publ., 1974. 68 p. (In Russ.)

6 Vishnevskaia, V.M. *Khokhloma* [*Khokhloma*]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1969. 71 p. (In Russ.)

7 Vishnevskaia, V.M. *Khokhlomskaia rospis' po derevu* [*Khokhloma Painting on Wood*]. Moscow, KOIZ Publ., 1951. 32 p. (In Russ.)

8 Gusev, V.E. *Istoki russkogo narodnogo teatra* [*The Origins of the Russian Folk Theater*]. Leningrad, The Leningrad State Institute of Theatre, Music and Cinematography Publ., 1977. 87 p. (In Russ.)

9 “Gzhel': istoriia vozniknoveniia, rospis' Gzheli, kleima, izdeliia iz gzhel'skogo farfora” [“Gzhel: History of Origin, Gzhel Painting, Brands, Products Made of Gzhel Porcelain”]. *Numizmaticheskii portal RARITETUS.ru* [*Numismatic Portal RARITETUS.ru*]. Available at: https://www.raritetus.ru/texts/gzhelskij-farfor/ (Accessed 7 August 2024). (In Russ.)

10 Davletov, K.S. *Fol'klor kak vid iskusstva* [*Folklore as an Art Form*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1966. 330 p. (In Russ.)

11 Dobrovol'skaia, V.E. *Narodnyi kostium i sovremennaia odezhda: znakovye funktsii v proshlom i nastoiashchem. Funktsional'no-strukturnyi metod P.G. Bogatyreva v sovremennykh issledovaniiakh fol'klora* [*Folk Costume and Modern Clothing: Symbolic Functions in the Past and Present. Functional and Structural Method of P.G. Bogatyrev in Modern Studies of Folklore*]. Moscow, The State Institute of Arts Publ., 2015, pp. 284–292. (In Russ.)

12 Zakharov, V.M. *Vechno zhivoi rodnik: Regional'naia kul'tura: obychai, obriady, pesnia, tanets* [*Eternally Living Spring: Regional Culture: Customs, Rituals, Song, Dance: PhD Dissertation Thesis*]. Moscow, 2003. 456 p. (In Russ.)

13 Zakharov, V.M. *Poetika russkogo tantsa: Narodnaia khudozhestvennaia kul'tura regionov Rossii: obriady; pesnia; tanets; kostium; promysly* [*Poetics of Russian Dance: Folk Art Culture of the Regions of Russia: Rituals; Song; Dance; Costume; Crafts: DSc Dissertation Thesis*]. Moscow, 2004. 440 p. (In Russ.)

14 Zingerman, B. “Klassika p sovetskaia rezhissura 20-kh godov” [“Classics and Soviet Directing of the 1920s”]. *Teatr*, no. 8, 1980, p. 83. (In Russ.)

15 Zykov, S.N. “Irina Anatol'evna Sazykina — khudozhnik po kostiumu: opyt tvorcheskoi raboty s finno-ugorskimi fol'klornymi kollektivami” [“Irina Anatolyevna Sazykina — Costume Designer: Experience of Creative Work with Finno-Ugric Folklore Groups”]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii,* no. 2, 2016, pp. 71–177. (In Russ.)

16 Zykov, S.I., Sazykina, I.A. “Fol'klornyi khudozhestvennyi obraz v dizaine kostiuma” [“Folklore Artistic Image in Costume Design”]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii*, no. 4, 2015, pp. 195–201. (In Russ.)

17 Klimov, K.M. *Udmurtskoe narodnoe iskusstvo* [*Udmurt Folk Art*]. Izhevsk, Udmurtiia Publ., 1988. 138 p. (In Russ.)

18 Kovycheva, E.I. "Problemy kostiuma sovremennogo fol'klornogo kollektiva" ["Issues of the Costume of a Modern Folklore Group"]. *KiberLeninka* [*CyberLeninka*]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kostyuma-sovremennogo-folklornogo-kollektiva (Accessed 3 August 2024). (In Russ.)

19 Krasnova, V.V., Gartig, V.O. *Semen Vinogradov* [*Semyon Vinogradov*]. Izhevsk, Udmurtiia Publ., 2014. 96 p. (In Russ.)

20 Levkievskaia, E.E. "Narodnaia odezhda. Semantika i pragmatika" ["Folk Clothing. Semantics and Pragmatics"]. *Vestnik kul'turologii*, no. 3, 2012, pp. 204–208. (In Russ.)

21 Molotova, T.L. *Mariiskii narodnyi kostium* [*Mari Folk Costume*]. Ioshkar-Ola, Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1992. 107 p. (In Russ.)

22 Nikolaeva, E. "Navsegda ego 'Iunost'" ["Forever His 'Youth'"]. *Argumenty i fakty. Sibir',* no. 46, 2016, [s. p.]. (In Russ.)

23 Plekhanova, E.O. *Istoriia kostiuma, tekstil'nogo i iuvelirnogo iskusstva* [*History of Costume, Textile and Jewelry Art*]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 2009. 200 p. (In Russ.)

24 Prokina, T.P. *Mordovskii narodnyi kostium* [*Mordovian Folk Costume*]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2007. 201 p. (In Russ.)

25 "Promysly" ["Crafts"]. *Promysly — Assotsiatsiia Narodnye khudozhestvennye promysly Rossii, NKhP* [*Crafts — Association of Folk Artistic Crafts of Russia, FAC*]. Available at: https://nkhp.ru/promyislyi/ (Accessed 7 August 2024). (In Russ.)

26 Radaeva, V.S. "Russkii narodnyi tanets: etnokul'turnye i istoricheskie traditsii na primere 'Khokhlomskoi karuseli' moskovskogo teatra tantsa 'Gzhel'" ["Russian Folk Dance: Ethnocultural and Historical Traditions on the Example of the 'Khokhloma Carousel' of the Moscow Dance Theater 'Gzhel'"]. *Kul'turologicheskii zhurnal*, no. 1 (55), 2024, pp. 46–51. (In Russ.)

27 Sazykina, I.A. "Vliianie ornamental'nykh motivov vyshivki finno-ugrov na sovremennyi stsenicheskii kostium" ["The Influence of Ornamental Motifs of Finno-Ugric Embroidery on Modern Stage Costume"]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [*Yearbook of Finno-Ugric Studies*]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kostyuma-sovremennogo-folklornogo-kollektiva (Accessed 6 August 2024). (In Russ.)

28 Sazykina, I.A. "Tvorcheskii opyt raboty khudozhnika po stsenicheskim kostiumam s Semenom Vinogradovym" ["Creative Experience of a Stage Costume Designer with Semyon Vinogradov"]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [*Yearbook of Finno-Ugric Studies*]. Available at: https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/2481?ysclid=mg0mgqvt9s565611834 (Accessed 6 August 2024). (In Russ.)

29 Singach, N.P. "Venochnyi khorovod v russkoi tantseval'noi kul'ture: proiskhozhdenie, stanovlenie, manera ispolneniia" ["Wreath Round Dance in Russian Dance Culture: Origin, Formation, Manner of Performance"]. *Teoriia i praktika issledovaniia khoreograficheskogo obrazovaniia v Altaiskom krae: sbornik nauchno-metodicheskikh statei* [*Theory and Practice of Research of Choreographic Education in the Altai Territory: Collection of Scientific and Methodological Papers*]. Barnaul, Altai State Institute of Culture Publ., 2016, pp. 77–103. (In Russ.)

30 Singach, N.P. *Narodno-stsenicheskii tanets: stanovlenie, tekhnika, stil' i manera ispolneniia: uchebnoe posobie dlia studentov vuzov, obuchaiushchikhsia po spetsti 071301 "NKhT"* [*Folk-stage Dance: Formation, Technique, Style and Manner*

of Performance: Textbook for Students of Higher Educational Institutions Studying in the Specialty 071301 "NHT"]. Barnaul, Altai State Academy of Culture and Arts Publ., 2011. 217 p. (In Russ.)

31 Slykhanova, V.I. *Russkii narodno-stsenicheskii tanets v kontekste regional'noi kul'tury Rossii: traditsii i novatorstvo* [*Russian Folk Stage Dance in the Context of Regional Culture of Russia: Traditions and Innovation: PhD Thesis, Summary*]. Moscow, 2012. 32 p. (In Russ.)

32 Shamina, L.A. *Osobennosti interpretatsii traditsii narodnogo tvorchestva v proizvedeniiakh I.A. Moiseeva (na materiale programm GAANT SSSR)* [*Features of Interpretation of Traditions of folk Art in the Works of I.A. Moiseyev (Based on the Programs of the GAANT USSR): PhD Thesis, Summary*]. Moscow, 1990. 17 p. (In Russ.)

33 "Otkrytie vystavki 'Leti. Pesnia ptitsa'" ["Opening of the Exhibition 'Fly. The Bird's Song'"]. *Internet-portal "Muzei Riazanskoi oblasti"* [*Internet Portal "Museums of the Ryazan Region"*]. Available at: https://musrzn.ru/news/detal/5654 (Accessed 5 September 2025). (In Russ.)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-373-382
УДК 811.161.1
ББК 81.411.2-02
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2025 г. О.В. Никитин
г. Петрозаводск, Россия

«НАДО ПО-РУССКИ ГОВОРИТЬ» РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: РОВНОВА О.Г. СТАРООБРЯДЦЫ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ: ОЧЕРКИ ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ, ЯЗЫКА. М.: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК, 2022. 608 С.

Информация об авторе: Олег Викторович Никитин — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Петрозаводский государственный университет, просп. Ленина, д. 33, 185910 г. Петрозаводск, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2815-6691
E-mail: olnikitin@yandex.ru
Дата поступления: 13.01.2024
Дата одобрения рецензентами: 27.05.2025
Дата публикации: 25.09.2025
Для цитирования: *Никитин О.В.* «Надо по-русски говорить». Рецензия на книгу: Ровнова О.Г. Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2022. 608 с. // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 373–382. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-373-382

Необычная, живая, с любовью и филологическим темпераментом написанная книга о русских старообрядцах Южной Америки стала последним трудом Ольги Геннадьевны Ровновой (1960–2022) — талантливого ученого, кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника Центра по изучению старообрядчества Отдела диалектологии и лингвистической географии Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН. Более двадцати лет она отдала исследованиям этого культурного феномена, вначале совершая экспедиции в отдаленные уголки России и в ближние страны под руководством своего учителя Л.Л. Касаткина, определившего ее научную судьбу [6], а позже самостоятельно — как продолжатель и вдохновитель целого направления этно- и социолингвистических исследований конфессиональной культуры русских старообрядцев [2]. Весьма плодотворным было ее сотрудничество с эстонскими коллегами и кафедрой русского языка Тартуского университета, которые занимались полевыми экспедициями в Западное Причудье и впоследствии подготовили издание «Словарь говора староверов Эстонии: книга для учащихся» [10] и цикл статей об этом заповедном с точки зрения историко-культурных и языковых традиций регионе. Постепенно данная проблематика захватила О.Г. Ровнову, вывела ее за пределы собственно лингвистических исследований и заставила «обратиться не только к многостороннему изучению русских переселенческих (старообрядческих) говоров, но и языковой картины мира староверов в целом» [4, с. 154].

Начались новые междисциплинарные исследования языка, бытовой и конфессиональной культуры старообрядцев Южной Америки. Первые экспедиции 2006–2008 гг. в Аргентину, Боливию, Бразилию и Уругвай дали очень ценные аудио- и видеоматериалы, позволили установить первоначальные контакты с часовенным согласием, соприкоснуться с их каждодневными проблемами, зафиксировать рассказы о непростых судьбах переселенцев, очертить ареалы их расселения, услышать и идентифицировать говор и др. В 2015 г. выходит подготовленная О.Г. Ровновой книга старовера-«синьцзянца» Д.Т. Зайцева «Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева» [9], рассказывающая о скитаниях русского человека и его особом мировидении. Коллега ученого Н. Морозова отметила, что «эта документальная повесть интересна не только как памятник диалектного языка, но и как литературный факт, вызвавший бурное обсуждение и полемику в старообрядческих общинах Южной и Северной Америки» [4, с. 155].

Одновременно с непосредственной службой в Институте русского языка имени В.В. Виноградова РАН О.Г. Ровнова руководила Комиссией по исследованию старообрядчества при Международном комитете славистов, выступала с просветительскими лекциями и докладами, опубликовала десятки статей по проблемам староверческой культуры [7, с. 599–601; 8, с. 447–452] и успела подготовить свой главный обобщающий труд [7], который посвятила памяти Л.Л. Касаткина. О.Г. Ровнова работала с огромным увлечением и погруженностью в стихию другого мира, собирая по крупицам разбросанные россыпи диалектов, редких фактов, литературных традиций и просто живых впечатлений русских скитальцев. А те, может быть, вопреки своей вере, неожиданно открывали душу «иностранцу» и общались с чужим человеком почти как с близким. Эта интимная духовная интонация присутствует во многих сюжетах рецензируемой книги и придает ей неповторимый колорит филологической повести о жизни русского народа вдали от Матери-Родины. В то же время монография О.Г. Ровновой вписывается в академическую традицию исследования русского языка и конфессиональных ценностей старообрядцев зарубежья — от пионерских работ Л.Л. Касаткина (см. о нем: [7, с. 16]) до трудов ученых Института славяноведения РАН [1; 5, с. 132] и представителей разных научных школ России [3] и сопредельных стран (см. новейшую библиографию: [5, с. 132]).

Книга О.Г. Ровновой не только рассказывает о языке, а осмысляет историю, географию, жизненных уклад, проблемы национально-культурной идентификации старообрядцев. К началу XXI в., по мнению автора, можно говорить о том, что сложились определенные направления в изучении языка и традиций русского рассеяния. Это прежде всего исследование отдельных диалектных черт; установление языковой прародины старообрядцев; лексикографическое описание — создание диалектных словарей говоров староверов, социо- и этнолингвистические исследования, направленные на изучение языковых контактов в связи с изменением геополитической, экономической ситуации в мире и условиями обитания конфессиональных общностей в иноязычном пространстве [7, с. 17–20]. Особенно показательны этнолингвистические наблюдения, связанные с выявлением фактов влияния материальной и духовной культуры других народов на обряды и язык русских старообрядцев. Эти черты больше проявляются в среде европейских мигрантов — в Болгарии и Румынии. Тогда как бразильские староверы выделяются из других общностей и тем интересны как *явление культуры*, сохранившее дореформенный язык и быт:

> Говоры старообрядцев Южной Америки – синьцзянцев и харбинцев — занимают особое место среди русских говоров за пределами России. В отличие от говоров старообрядцев многих других стран, их диалектный язык не испытывал воздействия нормированного литературного русского языка, которое приводит к исчезновению или трансформации диалектных особенностей, а значит, говоры развивались по внутренним законам, свойственным диалектным идиомам [7, с. 20].

О.Г. Ровнова говорит об истории изучения языка и культуры старообрядцев Южной Америки. Ее очерк интересен тем, как начиналась эта традиция в России: с первых поездок в 1990-е гг. четы Касаткиных в Северную Америку, куда в 1970-е гг. переселились староверы из Бразилии и Аргентины, до последующих экспедиций О.Г. Ровновой и ее коллег в Аргентину, Уругвай, Чили, Боливию и Бразилию в 2000-х гг. [7, с. 20–21]. Примечателен такой факт:

> Во время первых экспедиций старообрядцы дали нам понять, что не заинтересованы в том, чтобы о них и их жизни в Южной Америки узнали в России. Наиболее закрытыми оказались общины Уругвая и Боливии. Там далеко не во всех семьях нам разрешали включать диктофон для записи беседы или соглашались фотографироваться — при всей доброжелательности к нежданным гостям-«российцам» [7, с. 22].

В 2010-х гг. поездки продолжились — были привлечены историки, музыковеды, экономисты, лингвисты, журналисты, и в итоге исследователи сумели «вызвать к себе доверие и доброжелательное отношение». Они зафиксировали, что, находясь в иноязычном окружении, зная испанский и португальский языки, «старообрядцы сохраняют свою конфессиональную и национальную идентичность: древлеправославную веру, русский диалектный язык, традиционные обряды, обычаи и семейный уклад, образование новых поселений по родовому принципу, занятие сельскохозяйственным трудом» [7, с. 23].

Запоминаются и факты из истории переселений и уклада быта «вечных странников» в Южную Америку, приведенные в книге. Это целая эпопея…

> В южноамериканских странах их привлекают глухие, удаленные от городов места, в которых они могли бы жить своей деревней, как можно меньше соприкасаясь с «миром» [7, с. 28].

В Аргентине староверы живут в «чакрах» (исп. *chacra* — ‘ферма, небольшое имение’), расположенных на расстоянии от 2 до 5 километрах друг от друга. А в Уругвае они селятся деревнями. Большинство из них земледельцы. Используют новейшую сельскохозяйственную технику. *Тятя* — глава семьи, женщины занимаются хозяйством и ухаживают за детьми. Соблюдают правило «восьми степеней родства». Носят традиционную одежду [7, с. 29–33]. О.Г. Ровнова приводит такие детали:

> Замужние женщины обязательно убирают разделенные на прямой пробор волосы под *сашму́ру* — головной убор в виде шапочки из тонкой ткани, который не снимают и ночью; девушки заплетают волосы в косу с яркими лентами <…>. Обязательным элементом женского, мужского и детского костюма является пояс — знак того, что «мы к закону привязаны» [7, с. 33].

С точки зрения коммуникации отношение староверов к пришлым людям настороженное, но доброжелательное (*«человека нельзя обесчестить»*), ученые зафиксировали обращение на *ты*, использование особого речевого оборота, символизирующего

этикет приветствия: «*Здоро́во живёшь*!» и «*Здоро́во живёте*!»; употребление формулы *Спаси Христос* для выражения благодарности и др. [7, с. 33–34].

В книге четыре раздела. Самые объемные первый — «Язык старообрядцев Южной Америки»; второй — «Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева»; и последний — материалы к «Словарю говора старообрядцев Южной Америки». Третий раздел посвящен истории новейшего переселения старообрядцев Южной Америки в Россию в XXI в.

При ознакомлении с монографией нам показалось, что автор настолько проникновенно, почти кинематографично и притом научно рассказывает о своих любимых странниках, что перипетии их частных судеб превращаются в исторический роман-эпопею, где драмы и трагедии переплетаются с возрождением и духовными битвами за старую веру, а жизнь на другом конце света становится подобна чуду, которое создавали своими руками подвижники дониконовского православия. И все же в силу профессиональных интересов основное место в работе отведено самому стойкому идентификатору личности старообрядца — языку. Если он жив, хранится и вера, поддерживаются устои, берегутся предания и заветы. А значит, существуют и святая Русь, и надежда на спасение. Тема старообрядчества необъятная, даже если мы касаемся только одной книги. Приведем еще несколько запомнившихся нам фактов.

По мнению автора книги, важным для старообрядцев является сохранение всей триады: *вера – национальность – язык*. Последний находится под мощным воздействием другой культуры. Сочувственно звучат такие слова:

> …молодое поколение теряет русский язык и переходит на английский, да и в общинах Бразилии молодежь отдает предпочтение португальскому, или «бразильскому», языку [7, с. 46].

Показательны образцы расшифровки устных текстов, приводимые в монографии. Они свидетельствуют о том, насколько обеспокоены староверы этой проблемой: «Но как-то больше мы в посёлке… запрешшам, чтоб они по-испански разговаривали — чтоб свой язык не теряли» [7, с. 47]. Интересно и то, что учат детей в своих школах не «гражданскому» русскому, а «только по-славянски» [7, с. 47]. О.Г. Ровнова приводит такое наблюдение своей собеседницы о ее родственниках из «Норт Америки»:

> Подойдёшь к ём, станешь разговаривать, а он стоит, на тебя смотрит, как осёл, ничего тебе не ответит. «Я не знаю по-русски!» Русскай, а не знает по-русски [7, с. 48].

Один из интервьюеров, синьцзянец из Бразилии 1970 г., прямо говорил, что дома, в избе запрещено использовать другой язык — «надо по-русски говорить» [7, с. 49]. По диалектным чертам исследователи определили, что язык харбинцев и синьцзянцев восходит к говору нижегородских кержаков [7, с. 58].

Интересные дополнения о системе образования старообрядцев в наши дни содержатся и в книге Д.Н. Лунина «Русские староверы в Бразилии. Записки о старообрядческой деревне на краю света», где он пишет, что и мужчины, и женщины были грамотными, обучались по азбукам и церковным книгам, отлично читали и понимали религиозные тексты [3, с. 39].

Оригинально публикуемое далее исследование о «Повести и житии Данилы Терентьевича Зайцева», родившегося в 1959 г. в Китае и переехавшего в 1961 г. в Южную Америку:

> Его родной язык — русский диалектный, образование — четыре года аргентинской школы. Данила свободно говорит по-испански и по-португальски, от крестной матери научился читать и писать по-русски, под руководством стариков и тестя освоил церковнославянскую грамоту [7, с. 193].

Позже, в 2008 г., он с семьей переселился в Россию, но затем в 2010 г. вернулся обратно в Южную Америку. Эти его скитания и нашли отражение в повести. Причем слово *житие* здесь употребляется в литературно-художественном смысле как «долгое повествование о жизни», «написанное человеком с религиозным сознанием» [7, с. 195]. Можно согласиться, что это своеобразная «нон-фикшн» — «невымышленная проза», исповедь, аллюзия «с эпическим охватом событий» [7, с. 196]. Авторский текст написан от руки, печатными буквами с элементами скорописи и по-современному, он не был литературно отредактирован, но переведен в почти нормативную орфографию с сохранением фонетических черт, а также снабжен «лингвистическими и фактологическими комментариями» [7, с. 198]. Книга заканчивается «Словарем диалектных, устаревших и малоупотребительных слов и выражений». Она была опубликована в 2015 г. [9].

Чем интересно это произведение? Почему к нему было приковано такое внимание литераторов, языковедов, даже кинодокументалистов? Пересказывая их отклики, О.Г. Ровнова приводит такие характеристики: «Повесть и житие» Д.Т. Зайцева можно сравнить с «Житием протопопа Аввакума» (М. Кучерская), это «готовый памятник литературы» («Азбука чтения»), «явление уникальное» (М. Визель) [7, с. 204]. Было и такое мнение: книгу яркого представителя говора кержаков можно сопоставить с новгородскими берестяными грамотами [7, с. 205]. Далее О.Г. Ровнова подробно рассказывает о принципах публикации и специфических особенностях колоритного языка, в котором все интересно: от фонетики до синтаксиса. И, разумеется, словарь, насчитывающий около 900 единиц. Вот лишь некоторые слова: *доба́в* ‘преувеличение, вымысел’; *крутóй* ‘быстрый’; *мане́жить* ‘намеренно заставлять ждать’; *не́га* ‘избалованный, изнеженный ребенок’; *пташа́та* ‘птенцы’ и т. д. [7, с. 235–236]. В то же время автор показывает, что лексическая система говора включает и заимствования: *ба́ррьо* ‘район, квартал’; *карисма́тик* ‘человек с харизмой’; *трансборда́дер* ‘паром’; *фе́рия* ‘ярмарка’ и др. [7, с. 236].

Отдельно стоит отметить интервью Т.Д. Зайцева, взятые у автора книги в 2015 г. после ее издания. Приводятся полные тексты записей [7, с. 263–302], главная тема которых — верность христианскому закону [7, с. 263]. Но не стоит воспринимать коммуникативную культуру старообрядцев как нечто совсем архаическое — они вынуждены жить в мире с его страстями. Поэтому и в «Повести и житии», и в расшифровках интервью то и дело проскальзывают упоминания политических проблем и другие современные нотки, например, как относятся старообрядцы к мобильному телефону, Интернету, обучению в вузах и т. д. И в этом духостоянии проявляется сила их веры и незыблемость нравственных ценностей. Так, говоря о России, Т.Д. Зайцев переживает, что «не видим мы патриотизма» [7, с. 266]. А что же значит для него патриотизм? Данила Терентьевич отвечает так:

> Патриотизм с моёй, именно с моёй точки зрения, а она очень обширная, — не толькя, скажем, защищать Россию от войны, от каких-то внешних врагов… Но патриотизьм — она должна быть очень обширная, котору ты должен свою любить: свою природу, свою землю, свою культуру, обряд, дух, художество, чистоту, благородие — да тут столькя вещей, это всё! И который заботитца об етим деле — возрождать свою родину, — это и есь патриотизм [7, с. 267].

По поводу мобильных телефонов: «запрещено, нас отлучают» [7, с. 277]; «там напичкена всяка γадость. Молодёжь чё смотрит перво — перво смотрит разврат» [7, с. 278].

В диалогах Д.Т. Зайцева читается неравнодушное сердце православного человека, взращенного на чужой земле, но душой русского, болеющего за наши беды, медицину, чиновничий беспредел. С большей радостью и тревогой он говорит о своем «житии» на чужбине — о землепашестве, семье, быте. Его биография, то, как он рассуждает и о себе, и об окружаем мире, — свидетельство живой истории, заповедные островки которой еще продолжают существовать по христианским заповедям предков.

В третьем разделе книги приведены фотографии встреч и бесед ученых со старообрядцами в Польше, Болгарии, Уругвае в разные годы. Мы можем увидеть, как выглядят их усадьбы и избы; в каких условиях они живут, например, русскую печку в Бразилии, «моленну» в Аргентине и Бразилии, индийскую хижину, приспособленную под моленную в Боливии, красный угол в доме, иконы, как занимаются в школе ученики и еще много интересного из другого мира. Но прежде всего колоритны их портреты, как будто сошедшие с картин великих русских художников XIX столетия, и большие семьи — настоящие «отцы и дети». Весь этот мир с любовью и трепетом, огромным уважением к культуре старообрядцев показан в книге О.Г. Ровновой. С особой надеждой она пишет о возвращении своих героев на историческую родину и рассказывает их непростые истории. Одиссея старообрядцев по программе переселения продолжается…

Книга завершается «Материалами к словарю говора старообрядцев Южной Америки» [7, с. 343–589]. Его источниками, по данным О.Г. Ровновой, являются не только аудиозаписи, расшифровки разговоров по телефону, редкие документальные материалы, но и книга Д.Т. Зайцева. Всего в словаре представлено 716 статей. Имеются грамматические, стилистические и географические пометы, даются сведения об информантах, указываются источники иллюстраций. Старинные слова (*ажно, азбучка* и многие другие) здесь соседствуют с «новоязом» типа *агрикультура*, *гейм, дискриминация* и т. д. Есть высокие и низкие слова, окказионализмы, отдельные фразеологизмы — в целом дается очень богатый в семантическом и стилистическом отношении материал, который можно назвать научным открытием XXI в. Включенные в словарь лексемы имеют не только лингвистическую ценность (заимствования, коммуникативная роль, историко-языковедческие связи, этнолингвистическое содержание и т. д.), но и общественную — это действительно своего рода феномен берестяных грамот XX–XXI вв.

Очень грустно, что словарная работа, крайне необходимая для «инвентаризации» любого говора, а старообрядческого варианта особенно, прервалась так рано в связи с уходом Ольги Геннадьевны. Но основы лексикографирования данного культурно-языкового феномена заложены, и ее эксперимент удался — зафиксировано и проанализировано большое количество языковых данных, которые теперь систематизированы в особый словарный фонд. И он будет пополняться стараниями других подвижников. Самое главное в таком деле — сохранение любых очагов *живого* слова. Его история в старообрядческом мире — это и летопись нашей страны, как бы далеко от нее не находились приверженцы старой веры. Со временем, как мы полагаем, именно лексикографирование как способ фиксации таких явлений станет основным источником достоверной информации о «житиях» и скитаниях подвижников православия, чей духовный, а значит, и словесный облик неповторим.

Книга О.Г. Ровновой дает уникальную информацию для энциклопедии русского старообрядчества за рубежом, собираемой в нечастых поездках и экспедициях, осмысления его бытовых привычек и культурных особенностей, понимания того, как вживлялась «старая вера» в сознание современного человека. Труды О.Г. Ровновой и, прежде всего, обсуждаемая книга ценны и для нового поколения исследователей — культурологов, историков, религиоведов, этнографов, экономистов, психологов, начинающих только сейчас открывать для себя потаенное пространство далекого русского мира. Научная деятельность О.Г. Ровновой — во многом образец и того, как следует относиться к призванию филолога-просветителя. И в этом смысле благородство и мудрость О.Г. Ровновой и ее коллег нетипичны для обычного ученого:

> Понимая, что нужно не только брать, но и отдавать, мы каждый раз везли с собой в Южную Америку книги на русском языке. Русские народные сказки, буквари, детскую художественную литературу, книги по русской истории, произведения классической русской литературы старообрядцы принимали в подарок радостно и благодарно [7, с. 23–24].

Хочется верить, что отзвуки доброй памяти и сердечных молитв будут услышаны на небесах, ведь все благое от Господа… Последняя книга О.Г. Ровновой как будто напутствует тех, кто станет продолжать нужное дело — искать и обследовать те немногие островки древнерусской культуры, которые пропитаны ее подлинным духом, освещены старинными преданиями и живым языком, связывающим далекую историю с возрождением старообрядчества в XXI в. Многие из представителей тех славных согласий уже давно смотрят в нашу сторону и надеются вернуться на родную землю. Эта книга — еще один шаг к сближению славянских культур, у которых нет границ.

Список литературы

Исследования

1 *Ганенкова Т.С., Макарцев М.М., Пилипенко Г.П., Плотникова А.А.* и др. Русский язык и народная традиция старообрядцев зарубежья / отв. ред. А.А. Плотникова. М.: Изд-во Ин-та славяноведения РАН, 2019. 344 с.

2 *Казак Е.А.* Ровнова О.Г. Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2022. 608 с. (Studia philologica) (Реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. 2023. №1. С. 108–112. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rovnova-o-g-staroobryadtsy-yuzhnoy-ameriki-ocherki-istorii-kultury-yazyka-referat/viewer (дата обращения: 26.09.2025)

3 *Лунин Д.Н.* Русские староверы в Бразилии. Записки о старообрядческой деревне на краю света. М.: Издат. проект «7 апреля», 2022. 44 с.

4 *Морозова Н.* Ольга Геннадьевна Ровнова (23 ноября 1960 – 06 марта 2022) // Slavistica Vilnensis. 2022. Vol. 67. №1. С. 152–158. https://doi.org/10.15388/SlavViln.2022.67(1).90

5 *Пилипенко Г.П.* О.Г. Ровнова. Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. 608 с., илл. // Славяноведение. 2022. №6. С. 129–133. https://doi.org/10.31857/S0869544X0023265-4

6 *Ровнова О.Г.* Диалектология как любовь и судьба // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Нестор-История, 2017. Вып. 12: Диалектология. С. 394–396.

7 *Ровнова О.Г.* Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка. М.: Издат. дом ЯСК, 2022. 608 с.

8 *Савинов Д.М.* Ровнова Ольга Геннадиевна // Старообрядоведение: Энциклопедический и биобиблиографический словарь. Исследователи истории и культуры старообрядчества второй половины XX – начала XXI вв.: к XVI Междунар. съезду славистов в г. Белграде: в 3 т. / науч. ред. и сост. С.В. Таранец. Киев: Ліра-К, 2018. Т. 1. С. 447–452.

Источники

9 *Зайцев Д.* Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева / подгот. к изд. О. Ровнова. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 708 с.

10 *Паликова О.Н., Ровнова О.Г.* Словарь говора староверов Эстонии: книга для учащихся. Тарту: Изд-во О-ва культуры и развития староверов Эстонии, 2008. 160 с.

***

© 2025. Oleg V. Nikitin
Petrozavodsk, Russia

"WE MUST SPEAK RUSSIAN" BOOK REVIEW: ROVNOVA O.G. OLD BELIEVERS OF SOUTH AMERICA: ESSAYS ON HISTORY, CULTURE, LANGUAGE. MOSCOW, PUBLISHING HOUSE YASK., 2022. 608 P.

Abstract: In the 2000s, there was an increased interest in studying confessional communities, cultures and sociolects of native Russian speakers outside the historical territory. This phenomenon is analyzed in O.G. Rovnova's monograph "Old Believers of South America: Essays on History, Culture, Language" (2022). The paper argues that the book`s author discovered for professional readers unknown pages of the life of Old Believers in South America for the first time and displays the history of the study of this phenomenon. The author draws attention to the uniqueness of the expedition records in order to recreate an objective picture of the resettlement of the consent of the chapels in this region. The work highlights thoroughness of the study of dialect features of modern speech and socio-cultural traditions of Old Believers and their struggle for the preservation of the Russian language. The analysis of "The Story and Life of Daniil Terentyevich Zaitsev" as a phenomenon of literature and an original linguistic source is of great interest to philologists. Based on the collected material, the author reflects on the difficulties of the resettlement of Old Believers to Russia in the 21th century. The materials published in "The Dictionary of the dialect of the Old Believers of South America" are of particular importance. The reviewed monograph contains many new facts that reveal the picture of the world of Russian wanderers on a wide historical, ethnographic and philological material, and will serve as a valuable source for studying the dialect language and culture of the Old Believers.

Keywords: Old Believers, South America, Field Research, History, Philological Culture, Linguistic Self-identification, Sociolect, Literary Creativity, Dictionary.

Information about the author: Oleg V. Nikitin — PhD in Philology, Professor, Department of Russian, Petrozavodsk State University, Leninskii Ave., 33, 185910 Petrozavodsk, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2815-6691
E-mail: olnikitin@yandex.ru
Received: January 13, 2025
Approved after reviewing: May 27, 2025
Date of publication: September 25, 2025
For citation: Nikitin, O.V. "We must Speak Russian". Book Review: Rovnova O.G. Old Believers of South America: Essays on History, Culture, Language. Moscow, Publishing house YASK., 2022. 608 p." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 373–382. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-373-382

References

1 Ganenkova, T.S., Makartsev, M.M., Pilipenko, G.P., Plotnikova, A.A., Uzeneva, E.S. *Russkii iazyk i narodnaia traditsiia staroobriadtsev zarubezh'ia* [*The Russian Language and Folk Tradition of the Old Believers Abroad*], ed. A.A. Plotnikova. Moscow, Institute of Slavic Studies of the RAS Publ., 2019. 344 p. (In Russ.)

2 Kazak, E.A. "Rovnova O.G. Staroobriadtsy Iuzhnoi Ameriki: ocherki istorii, kul'tury, iazyka. Moskva: Izdatel'skii Dom IaSK, 2022. 608 s. (Studia philologica) (Referat)" ["Old Believers of South America: Essays of History, Culture and Language. Moscow: YASK Publishing House, 2022. 608 p. (Studia philologica) (Abstract)"]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura.* Series 6: Iazykoznanie [Linguistics], no. 1, 2023, pp. 108–112. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/rovnova-o-g-staroobryadtsy-yuzhnoy-ameriki-ocherki-istorii-kultury-yazyka-referat/viewer (Accessed 26 September 2025) (In Russ.).

3 Lunin, D.N. *Russkie starovery v Brazilii. Zapiski o staroobriadcheskoi derevne na kraiu sveta* [*Russian Old Believers in Brazil. Outlines about an Old Believer village on the Edge of the World*]. Moscow, Izdatel'skii proekt "7 aprelia" Publ., 2022. 44 p. (In Russ.)

4 Morozova, N. "Olga Gennad'evna Rovnova (23 noiabria 1960 – 06 marta 2022)" ["Olga Gennad'evna Rovnova (November 23, 1960 – March 06, 2022)"]. *Slavistica Vilnensis*, vol. 67 (1), 2022, pp. 152–158. (In Russ.) https://doi.org/10.15388/SlavViln.2022.67(1).90

5 Pilipenko, G.P. "Rovnova O.G. Staroobriadtsy Iuzhnoi Ameriki: ocherki istorii, kul'tury, iazyka. M.: Izdatel'skii Dom IaSK, 2022. 608 s., ill." ["Old Believers of South America: Essays of History, Culture and Language. Moscow: YASK Publishing House, 2022. 608 p., fig."]. *Slavyanovedenie*, no. 6, 2022, pp. 129–133. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S0869544X0023265-4

6 Rovnova, O.G. "Dialektologiia kak liubov' i sud'ba" ["Dialectology as Love and Destiny"]. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova* [*Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*], issue 12: Dialektologiia [Dialectology]. Moscow, Nestor-Istoriia Publ., 2017, pp. 394–396. (In Russ.)

7 Rovnova, O.G. *Staroobriadtsy Iuzhnoi Ameriki: ocherki istorii, kul'tury, iazyka* [*Old Believers of South America: Essays of History, Culture and Language*]. Moscow, Izdatel'skii Dom YASK Publ., 2022. 608 p. (In Russ.)

8 Savinov, D.M. “Rovnova Olga Gennad’evna.” *Staroobriadovedenie: Entsiklopedicheskii i biobibliograficheskii slovar’. Issledovateli istorii i kul’tury staroobryidchestva vtoroi poloviny XX – nachala XXI vv.: k XVI Mezhdunarodnomu s’ezdu slavistov v g. Belgrade: v 3 t.* [*Old Believers: An Encyclopedic and Bio-Bibliographic Dictionary. Researchers of the History and Culture of the Old Believers of the Second Half of the 20th – Beginning of the 21th Centuries: to the 16th International Congress of Slavists in Belgrade: in 3 vols.*], vol. 1, acad. ed. and comp. S.V. Taranets. Kiev, Lira-K Publ., 2018, pp. 447–452. (In Russ.)

ОТ РЕДАКЦИИ

Правила оформления статей

1 Статья, оформленная в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Объем статьи вместе с примечаниями не более 1 п. л. — 40000 знаков вместе с пробелами (для аспирантов — не более 0,5 п. л. — 20000 знаков вместе с пробелами), включая таблицы и примечания. Дополнительные шрифты, если таковые использовались в статье.

2 Автор представляет рукопись по электронной почте: vsk_gask@mail.ru.

3 Текст должен быть напечатан в текстовом редакторе *Microsoft Word*, формат А4, поля — 2 см со всех сторон, шрифт — *Times New Roman*, кегль — 14, межстрочный интервал — 1,5, абзацный отступ (красная строка) — 1,25, ориентация — книжная, без переносов.

4 Первая страница должна содержать следующую информацию:

- название рубрики, кегль — 14;
- УДК (см., например, teacode.com/online/udc), кегль — 14;
- ББК (см., например, http://roslavl.library67.ru/files/382/bbk. pdf), кегль — 14;
- Фамилия и инициалы автора (ов) печатаются по центру, жирным шрифтом,
- строчными буквами, перед ФИО ставится знак авторского права и год (например:
- **© 2022 г. И.И. Иванов**), кегль — 14. Ниже указываются город, страна, кегль — 12.
- Название статьи — по центру, без отступа, жирным шрифтом, прописными буквами, кегль — 14.
- Затем размещаются информация о финансовой поддержке работы (грант и др.),
- аннотация и ключевые слова на русском языке, дата отправки (поступления) статьи, выравнивание по ширине, без переносов, кегль — 12.
- Далее — информация об авторе — имя, отчество, фамилия, ученая степень, звание (если есть), должность (при отсутствии ученой степени и звания), полное название организации, адрес организации вместе с индексом, E-mail, кегль — 12.
- Далее — текст статьи — выравнивание по ширине, без переносов.

5 В конце статьи приводится СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТом 7.0.5. — 2008 в виде нумерованного списка. Ф.И. О. печатается курсивом. Фамилия и инициала авторов пишутся раздельно.

6 Ссылки в тексте оформляются по следующему образцу: [1], [2, с. 567], [3, с. 45; 4, с. 89], [10, л. 8].

7 Ссылки на архивные материалы даются в виде постраничных автоматических сносок.

8 Примечания оформляются в виде постраничных автоматических сносок. Цифра сноски в конце предложения ставится перед точкой. Шрифт сносок: *Times New Roman*, кегль 12.

9 После СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ на русском языке размещается информация на английском (отделяется знаком ***):

- фамилия, имя (полностью), отчество (первая буква) автора (ов) печатаются по центру, жирным шрифтом, строчными буквами, перед ФИО ставится знак авторского права и год (например: **© 2022. Ivan I. Ivanov**), кегль — 14. Ниже указываются город, страна, кегль — 12.

- Название статьи — по центру, без отступа, жирным шрифтом, прописными буквами, кегль — 14.
- Затем размещаются информация о финансовой поддержке работы (грант и др.) (*Acknowledgements*), аннотация и ключевые слова на английском языке (*Abstract, Keywords*), выравнивание по ширине, без переносов, кегль — 14.
- Далее — информация об авторе (*Information about the author*) — имя, отчество (первая буква), фамилия, ученая степень, звание (если есть), должность (при отсутствии ученой степени и звания), полное название организации, адрес организации вместе с индексом, E-mail, кегль — 12.
- Далее указывается дата отправки (поступления) статьи (Received: January 26, 2018)
- Затем приводится REFERENCES (см. *рекомендации по подготовке References*).

10 Сокращения. При первом упоминании лица обязательно указываются И.О., И.О. отделяются пробелом от фамилии. Годы при указании определенного пери- ода указываются только в цифрах: 30-е гг., а не тридцатые годы. Конкретная дата дается с сокращением г. или гг.: 1920 г., 1920–1922 гг. Не век или века, а в. или вв. (римскими цифрами): IX в. Писать только полностью: так как, так называемые. Из сокращений допускаются: т. д., т. п., др., т. е., см.

11 Кавычки — только «», если закавыченное слово начинает цитату или примыкает к концу цитаты, употребляются кавычки в кавычках: ««раз», два, три, «четыре»».

12 Иллюстрации представляются отдельно от статьи. Подписи к рисункам и таблицам приводятся на русском и английском языках.

ARTICLE REQUIREMENTS

1 An article, executed in accordance with the Bulletin requirements. The size of the article, including the tables, footnotes, endnotes, annotations etc., must be no larger than 40 000 characters together with space characters – not more than 1 p.s. (for postgraduate students — 20 000 characters together with space characters – not more than 0,5 p.s.). Custom fonts if any have been used.

2 The manuscript should be submitted via following e-mail: vsk_gask@mail.ru.

3 Text is written in *Microsoft Word*, Page size is A4, Margins are 20mm on all sides, Default font is *Times New Roman.* Font size is – 14, Line Spacing is – 1,5, Indentation is first line — 1,25, Portrait orientation, No word breaking.

4 The first page of the article must be written as follows:

- the name of the column, font size — 14;
- UDC (see e.g., teacode.com/online/udc), font size — 14;
- BBC (see e.g., http://roslavl.library67.ru/files/382/bbk.pdf), font size — 14;
- At the center: Surname, first name, and middle name of the author(s) — bold, italics, lowercase, right align. The copyright and the year is placed before the Surname, first name, and middle name of the author (e.g.: **© 2022 г. И.И. Иванов**), font size — 14. Below: the city, country, font size – 12.
- The title of the article center-aligned. Bold, italics, justified, unintended, font size – 14.
- Next goes information about the financial support of the paper (grant and other), abstract and Russian keywords, date of sending(receipt) of the article, justified, no word breaking, font size is 12.

- Then goes the information about the author — first name, middle name, surname, scientific degree, academic rank (if any) or other status or position of the author(s) (in the absence of scientific degree and academic rank), full name of the institution, address of the institution with a postal code, E-mail, font size — 12.
- These are followed by the text of the article, justified, no word breaking.

5 REFERENCES are listed in the end of the article in the alphabet order in accordance with GOST 7.0.5.–2008. as a numbered list. The font used for the names of the author(s) is italic. The surname and the initials are written separately.

6 References in the text should look as follows: [1], [2, p. 567], [3, p. 45; 4, p. 89], [10, l. 8].

7 References on archive materials come in the form of automatic page footnotes.

8 Commentaries come in the form of automatic page footnotes. The number of the footnote is placed in the end of the sentence followed by full spot. The font is *Times New Roman*, the font size is 12.

9 After the LIST OF REFERENCES in Russian comes the following information in English (separated with ***):

- Surname, full first name and middle name of the author(s) are aligned on the right side, the font is italics, bold and lowercase (ex.: © **2022. Ivan I. Ivanov**), font size — 14. Further goes city or town, country, font size is 12.
- The title of the article — center align. Bold, italics, justified, unintended, the font size is 14.
- Then goes the information about financial support of the paper (grant etc.) (*Acknowledgements*), abstract and English keywords (*Abstract, Keywords*), justified, no word break, font size — 14.
- The next is the information about the author (*Information about the author*) — first name, middle name, surname, academic degree, academic rank (if any), work position (in the absence of scientific degree and academic rank), full name of the institution, E-mail, font size — 12.
- Then goes the date of sending(receipt) of the article (*Received*: January 26, 2017)
- These are followed by REFERENCES (see Guidelines for preparation of References).

10 Abbreviations. At the first mention of a person the name and patronymic name should be specified with the first capital letters with full stop (e.g.: N.P.). Separate N.P. (initials) and surname with a space. The period of time comes in numbers (e.g.: 1930s, but not "the thirties"). The Russian dates should be abbreviated as follows (г. or гг.: 1920 г., 1920–1922 гг.). Not "century" or "centuries" but c. and cc. correspondingly. (in Roman numerals): IX c. Abbreviations include: etc., i.e., et al.

11 Only inverted commas of this form (e.g.:« ») are required to use. If the quotation begins or ends with the quoted word, the use of both types of commas is required (e.g.: «"one", two, three, "four"»).

12 The illustrations should be submitted separately. Figures and tables captions are listed in English and Russian.

ВЕСТНИК СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Научный журнал

Том 77
Сентябрь 2025

Выходит 4 раза в год

Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 00,00. Тираж 500 экз.

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство),
Институт славянской культуры
129337, Москва, Хибинский проезд, д. 6

Изготовлено РИО РГУ им. А.Н. Косыгина